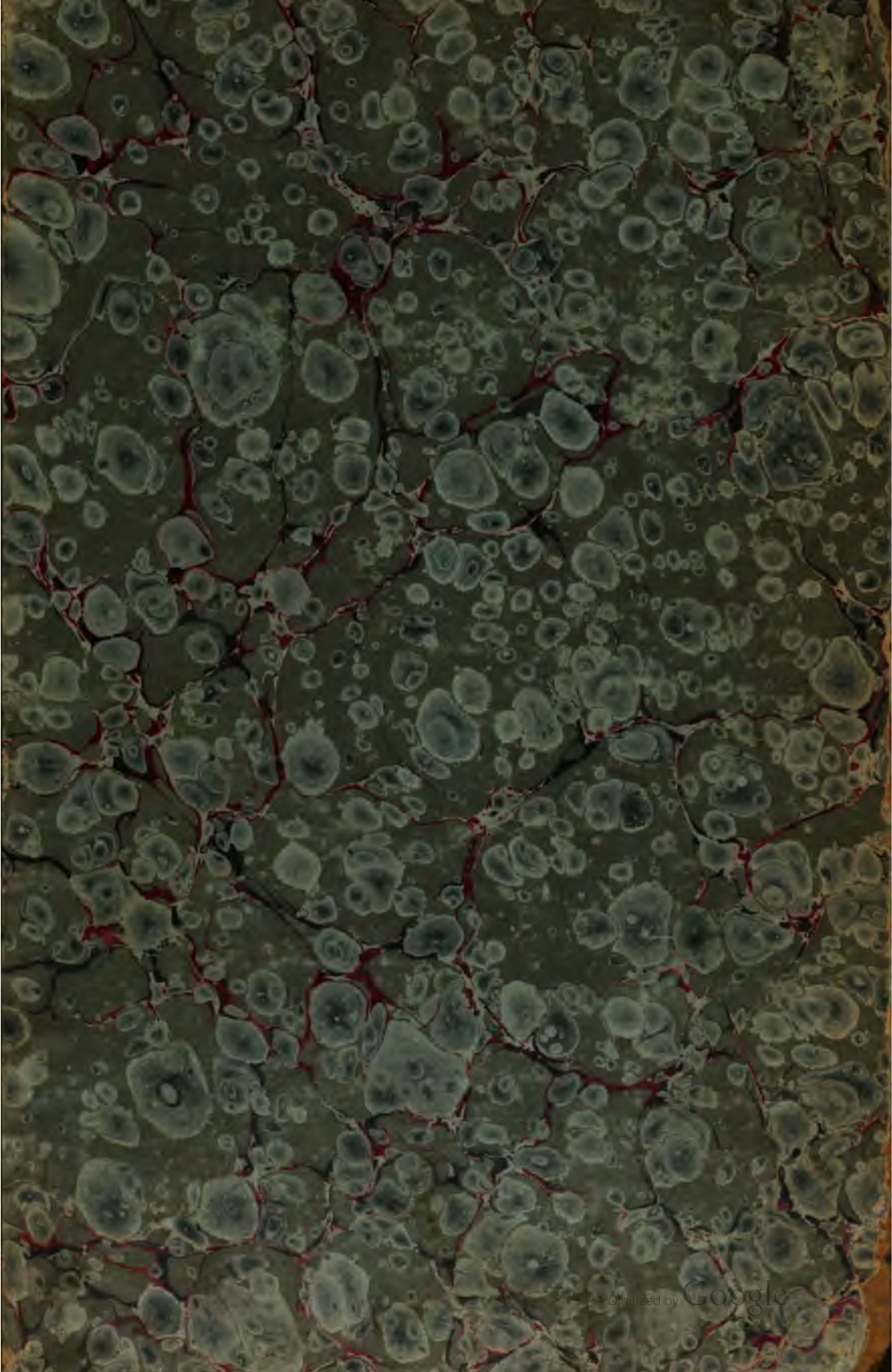
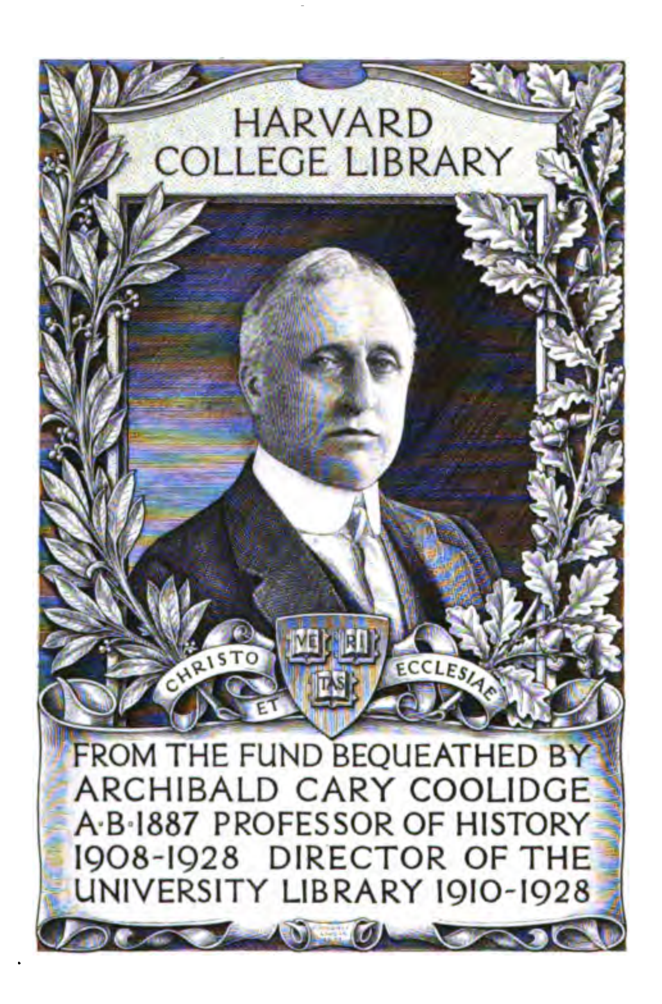

HARVARD
COLLEGE LIBRARY
VE RI TAS
CHRISTO
ET
ECCLESIAE
FROM THE FUND BEQUEATHED BY
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
A·B·1887 PROFESSOR OF HISTORY
1908-1928 DIRECTOR OF THE
UNIVERSITY LIBRARY 1910-1928

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

въ 1904 году.

Издаваемый В. В. Комаровымъ.

(Сорокъ девятый годъ изданія).

Въ 1904 году „Русскій Вѣстникъ“ вступаетъ въ сорокъ девятый годъ своего изданія. Преемственно изъ года въ годъ въ этомъ журналѣ переходятъ завѣты его мощнаго основателя. „Русскій Вѣстникъ“ стремится объединить духовные и матеріальные интересы всѣхъ слоевъ русскаго народа, выяснить начала мирнаго, плодотворнаго взаимодѣйствія сильной и закономѣрной, общественной самодѣятельности съ предначертаніями власти, чуткой къ нуждамъ и духовнымъ запросамъ народа, возможно жизненнѣе опредѣлить русскую національную задачу во всей ея полнотѣ и въ естественной связи съ жизнью славянскихъ народовъ, освободить, насколько возможно, русскую созидательную мысль отъ ига искусственно привитыхъ ей предразсудковъ, какъ отвергаемыхъ уже строгою наукою, такъ и непріемлемыхъ русскою дѣйствительностью.

Постепенное выясненіе этихъ идеальныхъ задачъ будетъ имѣть слѣдствіемъ объединеніе все болѣе разростающейся семьи русскихъ образованныхъ людей, стремящихся чувствовать, думать и жить по-русски.

Въ „Русскомъ Вѣстникѣ" помѣщали свои произведенія въ 1902 и 1903 г. или обѣщали принимать участіе въ 1904 году слѣдующія лица:

Гр. П. Н. Апраксинъ, А. Д. Апраксинъ, проф. О. Ѳ. Базинеръ, С. П. Бартеневъ, А. П. и Н. П. Барсуковы, В. Бородаевскій, П. Г. Бывалькевичъ, М. М. Бородкинъ, П. Н. Брокъ, В. П. Буренинъ, С. В. Бурнашевъ, Бѣломоръ, А. В. Васильевъ, Е. А. Варженевская, Варягъ, проф. Алексѣй Ив. Введенскій, В. Л. Величко, А. А. фонъ-Вендрихъ, Н. Х. Вессель, Н. Н. Вильде, П. Вожинъ, кн. В. А. Волконскій, кн. М. Н. Волконскій, А. С. Ганнибалъ, гр, А. А. Голенищевъ-Кутузовъ, д-ръ Іосифъ Голечекъ, К. Ф. Головинъ, кн. Д. П. Голицынъ (Муравлинъ), Ѳ. А. Духовецкій, Дѣдловъ (В. Л. Кигнъ), Н. А. Епанчинъ, проф. А. М. Золотаревъ, М. М. Ивановъ, Вл. Конст. Истоминъ, В. Истоминъ, Н. Н. Каразинъ, Б. Каховскій, Л. Кологривова, В. В. Комаровъ, Г. В. Комаровъ, академикъ Н. П. Кондаковъ, П. П. Конради, А. Коринфскій, С. А. Короленко, М. Корневъ, проф. М. Е. Красноженъ, А. В. Кругловъ, В. И. Крыжановская (Рочестеръ), В. П. Лебедевъ, Е. Н. Лебедева, Н. Н. Лендеръ, (Путникъ), А. П. Липранди, свящ. М. И. Лисицынъ, В. Н. Лясковскій, М. М—въ, Н. И. Мердеръ (Северинъ), А. И. Миловидовъ, гр. А. А. Мусинъ-Пушкинъ, А. А. Навроцкій, А. А. Папковъ, А. К. Петровъ, проф. А. Л. Погодинъ, Н. И. Покровскій, Н. И. Приваловъ, З. А. Рагозина, А. А. Риттихъ, П. А. Риттихъ, А. Е. Россикова, И. Саловъ, Н. М. Соколовъ, Ѳ. Сологубъ, К. К. Случевскій, Н. Я. Стечькинъ, А. А. Стернъ (Венкстернъ), проф. Н. И. Субботинъ, С. Н. Сыромятниковъ (Сигма), Г. Т. Сѣверцевъ (Полиловъ), бар. М. Ф. Таубе, В. А. Тепловъ, баронъ Н. А. Тизенгаузенъ, Г. Н. Тимофѣевъ, К. П. Толстой, Ѳ. Ѳ. Тютчевъ, К. М. Фофановъ, А. Н. Харузинъ, Н. Б. Хвостовъ, И. П. Хрущовъ, проф. Д. П. Цвѣтаевъ, Ѳ. В. Черниговецъ, гр. С. Д. Шереметевъ, Б. И. Шелковниковъ, В. И. и С. В. Штейнъ, В. А. Шуфъ, Н. А. Энгельгардтъ, Б. М. Юзефовичъ, Н. А. Янкевичъ, проф. К. Н. Ярошъ и мн. др.

Кромѣ нѣсколькихъ большихъ произведеній князя Д. П. Голицына (Муравлина), І. І. Ясинскаго, князя М. Н. Волконскаго, князя В. А. Волконскаго, Ѳ. Ѳ. Тютчева, В. И. Крыжановской, Н. И. Мердеръ (Северина) и др., въ 1904 году въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ будетъ печататься романъ-хроника Вл. Л. Маркова **„Наши предки въ эпоху преобразованій“**, первая часть котораго, подъ заглавіемъ **„Разсвѣтъ“** была дана въ 1903 году. Романъ этотъ обнимаетъ бытовую сторону русской жизни отъ дней малолѣтства Петра до Полтавскаго боя. Это капитальное произведеніе, каждая глава котораго представляетъ какъ бы отдѣльный эпизодъ жизни той эпохи, есть плодъ пятнадцатилѣтняго изученія предмета талантливымъ авторомъ, и, конечно, останется навсегда въ числѣ видныхъ произведеній русской беллетристики.

Въ 1904 году „Русскій Вѣстникъ“ сохранитъ попрежнему постоянные отдѣлы „Журнальное обозрѣніе“, „Изъ иностранной печати“, „Критическіе очерки“, „Библіографія“, „Внутренее обозрѣніе“ и „Внѣшнее обозрѣніе“.

Подписная цѣна на годовое изданіе „Русскаго Вѣстника“, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книгъ съ доставкою въ **Москвѣ** и **С.-Петербургѣ** съ пересылкою и доставкою во всѣ мѣста Россіи **16** р., **за границу 20**.

Принимается также подписка на сроки: на 6 мѣсяцевъ (съ 1 января и съ 1 іюля) **8** руб., на 3 мѣсяца **4** руб. и на 1 мѣсяцъ **1** р. **50** к. съ пересылкою и доставкою.

Книжные магазины пользуются уступкою по **50** коп. съ годового экземпляра. Подписка на сроки менѣе года, а также въ разсрочку, принимается исключительно въ конторѣ журнала.

Адресъ конторы и редакціи: С.-Петербургъ, Невскій, 136—138.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

288

ТОМЪ ДВѢСТИ ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ВОСЬМОЙ

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ СОРОКЪ ВОСЬМОЙ).

ДЕКАБРЬ.

1903.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. В. Комарова, Невскій 136.
1903.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ.

СОДЕРЖАНІЕ

ТОМА ДВѢСТИ ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ВОСЬМОГО.

Книга XI. Ноябрь.

стр.

Книга XII. Декабрь.

Святитель Митрофанъ.

(по поводу двухсотлѣтія блаженной кончины).

Любовью къ живымъ и усопшимъ горя,
Христа неустанный просситель,
Идетъ на призывъ молодого царя
Воронежа-града святитель.

На островъ мостомъ перешелъ Митрофанъ
И сталъ у дворца, пораженный:
Во образѣ женскомъ предъ нимъ истуканъ,
При входѣ во дворъ обнаженный.

Клобукъ свой надвинувъ, что бранный шеломъ,
Боецъ въ православіи вѣрный,
Потекъ онъ обратно съ поникшимъ челомъ
Въ обитель святую отъ скверны.

Напрасно на верфи епископа ждетъ
Россійскаго флота строитель,
И снова посолъ государевъ идетъ
За старцемъ въ святую обитель.

Владыко не внемлетъ указу Петра
И молвитъ: „Не свергнетъ доколѣ
Языческихъ идоловъ царь со двора,—
Ослушникъ Петровой я волѣ".

— Опомнися, отче, ты кличешь бѣду!
Царь взыщетъ во гнѣвѣ сурово!—
Но старецъ послу говоритъ: „Не пойду!
Гнѣвъ Божій страшнѣе царева!"

Епископу третій монарха указъ—
Прибыть подъ угрозою казни!
Отвѣтствуетъ онъ: „Коли пробилъ мой часъ,
Я выйду на смерть безъ боязни!

Я—временный міра земного жилецъ
И жизнь моя—въ руцѣ Господней.
Измѣной Христу отдаливъ свой конецъ,
Я душу отдамъ преисподней!“

Гудитъ надъ Воронежемъ, стонетъ набатъ,
Къ собору народъ призываетъ,
Запросъ въ монастырь изъ царевыхъ палатъ:
Что колоколъ граду вѣщаетъ?

Предъ смертью сзываетъ святитель овецъ
Врученнаго пастырю стада,
Встрѣчаетъ онъ радостно смерти вѣнецъ,
Не ждетъ за упорство пощады;

Царя надъ царями молить до утра
Онъ будетъ, готовяся къ казни,—
Не дать погубить подъ десницей Петра
Народъ православный въ соблазнѣ.

И дрогнуло сердце отчизны отца
Подъ мощью любви Митрофана,—
Нѣтъ идоловъ голыхъ подъ сѣнью дворца,
Во прахѣ лежатъ истуканы!

Н. Б. Хвостовъ.

ГАМЛЕТЪ XVIII ВѢКА.

Романъ изъ времени Павла I.

(Окончаніе).

XIII.

Денисъ Ивановичъ съ утра сидѣлъ у себя наверху и не поѣхалъ въ сенатъ, а послалъ туда сказать, что ему нездоровится...

Вчера онъ еще могъ взять на себя и отправиться на службу, но сегодня слишкомъ много новыхъ мыслей нахлынуло на него и слишкомъ сложный вопросъ приходилось рѣшать ему, чтобы показываться въ такомъ состояніи на людяхъ.

Ему нужно было уединеніе, ему хотѣлось остаться одному, самому съ собою, пока не придетъ онъ къ какому-нибудь выводу.

Но чѣмъ больше думалъ онъ, тѣмъ больше усложнялось все, какъ заколдованный клубокъ, который путается сильнѣе по мѣрѣ того, какъ пытаешься размотать его...

Будь тутъ дѣло въ одномъ только управляющемъ Зиновіи Яковлевичѣ,—Денисъ не сомнѣвался бы ни въ чемъ.

Но тутъ была замѣшана мать.

Прежде всего онъ считалъ нужнымъ относиться къ ней такъ, какъ относился до сихъ поръ, изъ уваженія къ самому себѣ, къ своему роду, къ своему имени...

Онъ не считалъ себя вправѣ разбирать, какова она. Для него она была матерью, и этого казалось достаточно, чтобъ никто не смѣлъ подумать о ней дурно, а тѣмъ болѣе самъ онъ.

Онъ не позволилъ бы никому судить ее и не судилъ самъ.

Вопросъ этотъ былъ для него вопросомъ чести и колебаній онъ не допускалъ...

Все это было однако хорошо и во всякомъ случаѣ цѣльно

и онъ жилъ, руководствуясь этимъ, до тридцати четырехъ лѣтъ, пока дѣло касалось его самого.

Но теперь онъ увидѣлъ, что не одинъ онъ являлся страдающимъ лицомъ.

Онъ жилъ и терпѣлъ. Вмѣстѣ съ нимъ терпѣли и другіе... И былъ еще одинъ пострадавшій, который былъ близокъ ему, такъ же какъ и мать!..

XIV.

Государь съ утра уѣзжалъ на маневры и возвращался во дворецъ къ вечеру.

Къ этому времени собирались сюда всѣ имѣвшіе доступъ къ пріему и для представленія.

Большая зала была полна народомъ.

Блѣдный, затерянный среди блестящей толпы сановниковъ, боясь, какъ бы не сдѣлать какой-нибудь промахъ, Денисъ Ивановичъ жался къ стѣнѣ, чтобы дать другимъ дорогу...

Стоялъ сдержанный, дѣловитый и почтительный гулъ.

Ждали уже долго, но, видимо, никто не сѣтовалъ на это, не выражалъ нетерпѣнія и всякій былъ согласенъ ждать, сколько нужно, вполнѣ довольный этимъ...

Нѣсколько разъ поднималась тревога, вся зала вдругъ, какъ муравейникъ, приходила въ движеніе, но тревога оказывалась ложной, и всѣ снова принимались терпѣливо ждать...

Наконецъ, въ дверяхъ показался кто-то, сдѣлалъ знакъ. Церемоніймейстеръ, до сихъ поръ сливавшійся съ толпою, вдругъ выдѣлился и сталъ распоряжаться, выравнивая всѣхъ въ рядъ. потянувшійся вереницей вокругъ всей залы...

— Какъ фамилія?—на ходу спросилъ онъ Дениса и строго оглядѣлъ его.

— Коллежскій секретарь Радовичъ,—отвѣтилъ тотъ, какъ ученикъ на перекличкѣ.

— Вы по личному приказанію?

— Не знаю, вотъ бумага...

Онъ вынулъ и показалъ бумагу, полученную имъ сегодня утромъ черезъ курьера....

Церемоніймейстеръ взглянулъ и вдругъ сталъ любезнѣе и вѣжливо заговорилъ:

— Пройдите сюда, вотъ тутъ...

И онъ почему-то перевелъ на нѣсколько шаговъ Дениса Ивановича...

Глаза всѣхъ были уставлены на дверь. Всѣ подтянулись, откашлялись, оправились и замерли.

Казалось, сію минуту отворится дверь и весь этотъ съѣздъ, всѣ эти волненія, приготовленія и ожиданіе получатъ смыслъ и станетъ явнымъ, зачѣмъ все это нужно...

Но минута прошла, дверь не отворилась и еще долго стояли въ ряду и ждали, напрягая свое вниманіе и силясь сосредоточиться.

Чуть кто осмѣливался заговаривать, сейчасъ же раздавалось внушительное „ш-ш-ш"... и снова воцарялась почтительная, напряженная тишина.

Радовичу казалось, что онъ, не спуская глазъ, смотритъ на дверь, чтобъ не пропустить появленія государя, но какъ это случилось, онъ не зналъ, а все-таки пропустилъ...

Государь былъ уже въ залѣ, когда увидѣлъ его Денисъ Ивановичъ.

Онъ, держась необыкновенно прямо, медленно подвигался, переходя отъ одного къ другому изъ представлявшихся...

Передъ иными онъ останавливался нѣсколько дольше, дѣлалъ вопросы и часто, выслушавъ только первыя слова отвѣта, шелъ впередъ...

Мало-по-малу все ближе и ближе онъ становился къ Радовичу, и тотъ чувствовалъ, словно отъ сосѣда къ сосѣду передавался электрическій токъ по мѣрѣ приближенія государя..

Вотъ между ними всего трое, два, еще—и Денисъ Ивановичъ какъ бы оказался одинъ на одинъ съ императоромъ. Во всей залѣ онъ уже никого и ничего не видѣлъ, кромѣ Павла, бывшаго передъ нимъ и глянувшаго необыкновенно добрыми глазами прямо въ глаза ему...

— Фамилія?—услыхалъ онъ...

— Коллежскій секретарь Радовичъ, — произнесъ Денисъ Ивановичъ, не узнавъ своего голоса, точно не онъ, а кто-то другой назвалъ его...

Государь прошелъ мимо...

Радовичъ увидѣлъ его спину съ отдѣлившейся косичкой парика и затѣмъ море головъ, лицъ и плечъ...

Все спуталось и смѣшалось.

„И только-то, зачѣмъ же меня звали?"—разочарованно и какъ-то тоскливо отозвалось въ душѣ Дениса Ивановича...

Онъ рѣшительно не зналъ, что же ему дѣлать теперь, очутившись въ слѣдовавшей за государемъ толпѣ, увеличивавшейся по мѣрѣ того, какъ шелъ онъ.

Кто-то толкнулъ его, другой задѣлъ шпагой; онъ хотѣлъ

посторониться и самъ толкнулъ, но на это не обращали вниманія...

Денисъ Ивановичъ по своему небольшому чину стоялъ изъ послѣднихъ.

Онъ силился подняться на цыпочки, чтобы поверхъ толпы взглянуть еще разъ на государя, и поворачивалъ голову въ ту сторону, куда ворочались остальные, но увидѣлъ только верхъ двери, какъ растворилась она и опять затворилась...

По залѣ сейчасъ же пошелъ раскатъ говора.

— Что онъ сказалъ? А, что? Кого... Радовичъ, кто Радовичъ, Радовичъ, Радовичъ, Радовичъ...

И сотни голосовъ и устъ повторили имя Дениса Ивановича...

Онъ больше по чутью, инстинктивно потянулся къ двери и какъ-то общими усиліями непроизвольно очутился возлѣ нея...

— Вы Радовичъ?—близко у его лица спросилъ церемоніймейстеръ.

Въ это время изъ двери высунулась курчавая, пудреная голова и тоже произнесла:

— Радовичъ!

Дениса Ивановича какъ будто воздухомъ втянуло въ дверь. Въ гостиной, куда попалъ онъ, было прохладнѣе и темнѣе, чѣмъ въ залѣ, и хоть она была гораздо меньше залы, но казалась просторнѣе, потому что была пуста...

Курчавый, пудреный Кутайсовъ, котораго видѣлъ Радовичъ на балу и узналъ теперь, показалъ ему рукою, чтобъ онъ слѣдовалъ за нимъ, и повелъ.

Они миновали еще комнату и вошли въ кабинетъ.

Кутайсовъ остался за дверью.

Государь ходилъ по комнатѣ и, повернувшись, подошелъ къ Денису Ивановичу...

Глаза его теперь были строги, но лицо улыбалось.

— Вы, сударь, я слышалъ, якобинецъ?—проговорилъ онъ, отчетливо отдѣляя каждый слогъ каждаго слова...

Денисъ Ивановичъ почувствовалъ, какъ словно что вспыхнуло у него въ груди и затрепетало.

— Ваше величество,—вырвалось у него,—я вѣрноподданный моего государя и песчинка того народа, который любитъ и чтитъ его...

— Вы дворянинъ?

Передъ русскимъ царемъ нѣтъ дворянъ, ни крестьянъ, никого,—всѣ одинъ народъ, русскій!..

Глаза Павла вдругъ прояснились. Онъ близко подошелъ и взялъ за отворотъ мундира Радовича.

— Ты понимаешь это?—какъ бы съ удивленіемъ, пораженный, спросилъ Павелъ...

— Я это чувствую вмѣстѣ съ милліонами русскихъ людей, ваше величество...

— А тамъ, они не чувствуютъ и не понимаютъ этого, — кивнулъ головой Павелъ въ сторону залы.

Онъ опустилъ руки и снова сталъ ходить по комнатѣ...

— Не понимаютъ,—повторилъ онъ, какъ бы разсуждая самъ съ собою,—они кичатся своимъ дворянствомъ и просятъ подачекъ, не понимаютъ, что санкюлоты не противъ короля пошли, а противъ нихъ и вмѣстѣ съ ними, изъ-за нихъ погубили короля... А вотъ имъ примѣръ—Кутайсовъ. Кто онъ былъ а я захотѣлъ и далъ ему и дворянство, и титулъ, а они не понимаютъ, что это примѣръ имъ... Я свелъ уже барщину для крестьянъ на три дня и далъ имъ праздничный отдыхъ...

Павелъ остановился и опять подошелъ къ Радовичу.

— Я слышалъ, сударь,—сказалъ онъ, круто обрывая свою рѣчь,—о васъ хорошіе отзывы, а между тѣмъ ваша матушка иного мнѣнія. Она жалуется на васъ... Я ее видѣлъ вчера. Она говоритъ, что вы даже слугъ возмутили противъ нея Чѣмъ объяснить это?

Радовичъ хотѣлъ говорить, но запнулся и задохнулся отъ нахлынувшихъ словъ, которыя просились наружу.

Онъ слишкомъ многое хотѣлъ сказать сразу, чтобъ имѣть возможность сказать что-нибудь...

И, не зная, съ чего начать, и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуя, что многословіе ничему не поможетъ и ничего не объяснитъ, онъ желалъ однимъ бы словомъ передать все, что происходило въ немъ вчера и сегодня.

Но это было, разумѣется, невозможно и пришлось говорить.

И вотъ, словно имъ руководила внѣшняя, посторонняя сила, хотя эта внѣшняя, посторонняя сила была въ немъ самомъ, онъ заговорилъ то, что какъ бы само собою вышло у него:

— Ваше величество, сегодня, тринадцатаго мая, тридцать четвертая годовщина смерти моего отца. Тридцать четыре года тому назадъ,—я тогда только что родился,—онъ пріѣхалъ по дѣламъ изъ деревни сюда, въ Москву, съ управляющимъ и лакеемъ. Они остановились въ нашемъ домѣ. Отецъ не захотѣлъ отворять большихъ комнатъ и помѣстился въ мезонинѣ, наверху. Здѣсь его нашли мертвымъ и было рѣшено, что онъ

умеръ скоропостижно, ночью. Такое свидѣтельство было выдано врачемъ...

Павелъ Петровичъ повернулъ у стола кресло съ высокою спинкой, такъ что яркая карсельская лампа, горѣвшая на столѣ, осталась сзади, опустился на кресло и, облокотившись на руку, наклонилъ голову, скрывъ лицо...

— Продолжай,—сказалъ онъ.

— Что произошло въ эту ночь въ комнатѣ,—продолжалъ Радовичъ,—видѣли, конечно, однѣ только стѣны...

Онѣ лишь остались свидѣтелями, но онѣ остались. Комната была заперта и въ нее никто не входилъ впродолженіе многихъ лѣтъ. Весь мезонинъ у насъ былъ необитаемъ. Впослѣдствіи, когда я вышелъ изъ опеки, я переселился въ этотъ мезонинъ и занялъ двѣ смежныя комнаты съ запертою. Никто не зналъ, что я сдѣлалъ ключъ и отперъ эту комнату...

Я прибралъ ее, очистилъ пыль, привелъ ее въ порядокъ, но тщательно сохранилъ въ ней все, какъ было. Я сталъ изучать ее. Осторожно, изъ разспросовъ старыхъ слугъ, узналъ я, какое было одѣяло у отца, какая постель и какія вещи, и все потихоньку возобновилъ, даже дорожную шкатулку отца поставилъ на мѣсто, какъ могла она стоять при немъ... Вмѣстѣ съ тѣмъ я внимательно оглядѣлъ все. Надъ постелью на стѣнѣ, на бумажкахъ, которыми она была обита, я замѣтилъ царапины и изъяны, какъ бы слѣды борьбы. Это было первымъ указаніемъ, подтверждавшимъ то, что смутно чувствовалось мною. Но указаніе это долгіе годы оставалось единственнымъ. Я искалъ доктора, выдавшаго свидѣтельство, и не могъ найти его. Я наблюдалъ за управляющимъ и лакеемъ, который былъ сдѣланъ дворецкимъ, и не могъ замѣтить въ нихъ ничего подозрительнаго. Они держали себя съ замѣчательной выдержкой и самообладаніемъ. Странно было только, что комната была заперта наверху и ея боялись и что лакей, бывшій съ управляющимъ при отцѣ въ Москвѣ, попалъ въ дворецкіе... Управляющій завладѣлъ всѣмъ домомъ и сталъ полнымъ хозяиномъ. Ребенкомъ меня заставляли цѣловать его руку...

— Довольно, дальше,—перебилъ Павелъ.

— Дальше,—потерявъ всякую надежду найти какіе-нибудь новые факты, я рѣшилъ какъ-нибудь случайно, ночью, при свѣтѣ лампадки ввести въ возобновленную мною комнату управляющаго вмѣстѣ съ лакеемъ и посмотрѣть, какое на нихъ произведетъ это впечатлѣніе...

Нужно это было сдѣлать неожиданно, а для этого необходимъ былъ случай... Я сталъ ждать.

И вотъ, третьяго дня случилось все какъ бы само собою... Видитъ Богъ, государь, я былъ почтительнымъ и покорнымъ сыномъ. Она управляла домомъ, ей угодно было, чтобъ распоряжался всѣмъ управляющій,—я не препятствовалъ. Я жилъ въ своемъ мезонинѣ и цѣлые дни проводилъ либо въ сенатѣ, на службѣ, либо за книгами, дома... Третьяго дня произошло у меня первое и единственное столкновеніе съ управляющимъ изъ-за того, что я узналъ, что онъ хотѣлъ наказать безъ вины человѣка. Столкновеніе было при матери. Онъ былъ пораженъ удивленъ и сильно обезпокоенъ происшедшей во мнѣ перемѣной, т. е. тѣмъ, что я, тихій, робкій и глупый, какимъ я казался имъ, заговорилъ... Когда я поднялся къ себѣ наверхъ, какой-то голосъ сталъ шептать мнѣ, что они придутъ, придутъ ночью за мною...

Было ли это предчувствіе, откровеніе,—не знаю, но только я почему-то не сомнѣвался въ этомъ. Я отворилъ отцовскую комнату, затеплилъ въ ней лампадку и легъ въ постель.

Мнѣ казалось, что именно такъ надо было поступить... И они пришли... Впечатлѣніе, произведенное на нихъ обстановкой, сейчасъ же выдало ихъ.

Управляющій уронилъ свѣчу и бросился прочь, а лакей остался въ перепугѣ и сознался во всемъ...

Весь ужасъ теперь для меня въ томъ, что я не знаю, что извѣстно моей матери о смерти отца и каково ея участіе въ этомъ дѣлѣ....

Павелъ Петровичъ въ продолженіе разсказа нѣсколько разъ утиралъ лобъ платкомъ.

— И не смѣй узнавать, не смѣй разбирать,—проговорилъ онъ вдругъ, когда Радовичъ сказалъ о матери,—не тебѣ судить ее. Не твое дѣло. Это дѣло Божье. Ты тутъ не слѣдователь и не судья. Если тебѣ откроется—хорошо, а нѣтъ,—самъ не старайся... Терпѣть надо, терпѣть... Ты сынъ и терпи... Знаю, въ одномъ домѣ — тяжело. Все оставь ей, все, оставь домъ,—тебѣ будетъ, чѣмъ прожить. Я возьму тебя къ себѣ въ Гатчину...

Онъ замолчалъ и задумался...

— Не въ Гатчину ужъ, а въ Петербургъ,—поправилъ онъ медленно послѣ нѣкотораго молчанія и вздохнулъ. Завтра же сдѣлаю о тебѣ распоряженіе,—поѣзжай... Въ Петербургѣ увидимся... А теперь ступай, ступай,—показалъ Павелъ Петровичъ на дверь...

Словно въ чаду, вышелъ Радовичъ изъ кабинета государя и вернулся въ залу.

Толпа тамъ сильно порѣдѣла, но все-таки еще оставалось много народу, такъ будто занятаго разговоромъ, а на самомъ дѣлѣ каждый тутъ въ тайникѣ души надѣялся, а не позовутъ ли его вдругъ въ кабинетъ на отдѣльную аудіенцію. Все, дескать, можетъ случиться...

Одинъ отставной генералъ-поручикъ Вавиловъ, также представлявшійся сегодня въ числѣ прочихъ въ своемъ екатерининскомъ мундирѣ, съ которымъ былъ отставленъ и при видѣ котораго поморщился государь и прошелъ мимо Вавилова, не остановившись,—не ждалъ, что его позовутъ, но оставался, чтобы увидѣть Дениса Ивановича, когда тотъ выйдетъ изъ кабинета.

Онъ счелъ своею обязанностью сдѣлать это, т. е. опекнуть молодого человѣка, въ домѣ матери котораго онъ бывалъ запросто.

— Прекрасно, прекрасно!—пробасилъ онъ, встрѣтивъ Радовича.—Ну, что... прекрасно?..

— Назначенъ въ Петербургъ, перевожусь, — выговорилъ Денисъ Ивановичъ, захваченный врасплохъ, самъ не зная, какъ вырвались у него эти слова...

— Прекрасно!—одобрилъ Вавиловъ и хотѣлъ было послушать дальше разсказъ Дениса Ивановича, но тому пришло сейчасъ же въ голову, что какое дѣло до него генералъ-поручику и остальнымъ и что не надо нарушать какими бы то ни было разсказами того благостнаго, возвышеннаго впечатлѣнія, которое произвелъ на него разговоръ съ государемъ...

Онъ откланялся Вавилову и пошелъ къ выходу, но не скоро еще добрался до него. Его останавливали на каждомъ шагу, пожимали руку, напоминали о своемъ знакомствѣ съ нимъ, и даже старики забѣгали впередъ его, дружелюбно кивали ему и заговаривали съ нимъ...

Вавиловъ прямо съ представленія, какъ былъ въ парадномъ мундирѣ, отправился къ Марьѣ Львовнѣ Курослѣповой, которая, чтобъ истратить часть взятыхъ взаймы у Радовичъ денегъ, давала сегодня вечеръ и взяла съ генералъ-поручика слово, что онъ пріѣдетъ къ ней прямо изъ дворца...

— Ну, батюшка, разсказывайте, садитесь и разсказывайте,— встрѣтила его Марья Львовна,—ну, что было?

Генералъ-поручикъ разсѣлся важно въ креслахъ и сказалъ:

— Прекрасно!..

— Да вы разсказывайте, батюшка, что же прекрасно-то?

И сама Курослѣпова, и всѣ ея гости жаждали, разумѣется, поскорѣе узнать, что̀ происходило на пріемѣ.

Около Вавилова всѣ составили кругъ и приготовились слушать въ молчаніи...

— Прекрасно, это того... знаете... прекрасно... вообще... такъ сказать... прекрасно, и все,—разсказывалъ Вавиловъ, размахами руки стараясь помочь себѣ и воображая, что краснорѣчивъ и образенъ, какъ ораторъ въ англійскомъ парламентѣ...

— Ну, государь-то что?

— Э-э-э... и государь... тоже... прекрасно...

— Говорилъ съ вами?

— Вообще... того... прекрасно!..

— Много народу было?

— Прекрасно... Денисъ Радовичъ того...

— Что Денисъ Радовичъ? И онъ былъ?

— О, да... прекрасно...

— Что-жъ онъ?

— Того... въ Петербургъ... прекрасно...

— Денисъ Радовичъ получаетъ назначеніе въ Петербургъ!— воскликнула Марья Львовна.—Вотъ такъ новость. Да не можетъ быть!

— Отчего-же того... прекрасно!—возразилъ генералъ-поручикъ.

— Ну, ловко Екатерина Лопухина дѣла ведетъ!—всплеснула руками Курослѣпова.

У нея были только свои, т. е. принадлежащіе къ старой, екатерининской, „недовольной“ партіи, и потому она не стѣснялась...

— А почему же Екатерина Лопухина? Она тутъ причемъ относительно Радовича?—стали спрашивать кругомъ.

— А она того... прекрасно,—сталъ было объяснять Вавиловъ, чувствовавшій себя, такъ сказать, на трибунѣ и потому считая, что долженъ отвѣчать на всякіе вопросы, хотя самъ и не зналъ тоже, причемъ тутъ была Екатерина Лопухина.

Марья Львовна перебила его и объяснила, въ чемъ, по ея мнѣнію, заключалась суть дѣла...

А на другой день бывшіе у нея гости разносили по всей Москвѣ извѣстіе, *почему* „идіотъ“ Радовичъ получаетъ блестящее и неожиданное назначеніе въ Петербургъ.

Маіоръ Бубновъ и штабсъ-капитанъ Ваницкій, списывавшіе стишки въ альбомы и ведшіе дневники, записали этотъ „неопровержимый“ фактъ и, искренно вѣря ему, засвидѣтельствовали о немъ, какъ современники, передъ потомствомъ...

XV.

На другой день въ сенатѣ Радовича призвалъ къ себѣ Петръ Васильевичъ Лопухинъ и объявилъ ему, что онъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры, переводится въ Петербургъ за оберъ-прокурорскій столъ и, кромѣ того, ему назначено по три тысячи ежегодно за службу его отца при покойномъ государѣ Петрѣ III.

Распоряженіе объявить о томъ Радовичу Петръ Васильевичъ получилъ лично отъ императора на утреннемъ докладѣ. Лопухинъ поздравилъ Дениса Ивановича и потомъ добавилъ:

— Кстати, жена о васъ спрашивала, — пріѣзжайте къ ней сегодня...

„Отчего мнѣ и не поѣхать?“ — думалъ Денисъ Ивановичъ, выходя изъ сената и вспоминая, что въ первое посѣщеніе у Лопухиныхъ ему было очень пріятно. Мало того, что-то даже очень хорошо было...

И онъ поѣхалъ...

Екатерина Николаевна сидѣла въ гостиной и разговаривала съ Кутайсовымъ, когда явился Радовичъ.

Лопухина очень мило приняла его. Кутайсовъ тоже очень любезно раскланялся съ нимъ.

„Вотъ Кутайсовъ—это примѣръ имъ!“—вспомнилъ Денисъ Ивановичъ и улыбнулся...

— Веселитесь, веселитесь, молодой человѣкъ,—одобрилъ его Кутайсовъ,—вамъ прилично теперь быть веселымъ...

— Поздравляю васъ съ царскою милостью,—сказала Лопухина, знавшая уже отъ Кутайсова о назначеніи Радовича. — Ну, идите,—обернулась она къ Денису Ивановичу,—въ садъ Тамъ Анна Петровна съ молодежью. Вамъ тамъ будетъ веселѣе... Идите...

И, кивнувъ головою, она отпустила Радовича въ садъ, какъ будто онъ былъ маленькій, порученный ей, баловливый ребенокъ.

— Ну, право же, онъ вполнѣ подходящій для насъ человѣкъ!—проговорила она Кутайсову, когда Денисъ Ивановичъ ушелъ.

Кутайсовъ пожалъ плечами.

— Можетъ быть. Я поэтому сдѣлалъ для него все, что могъ!—скромно заявилъ онъ, какъ будто Радовичъ былъ ему обязанъ царскою милостью...

— Благодарю васъ,—съ чувствомъ сказала Екатерина Николаевна.

— Все, что отъ меня зависитъ, я сдѣлаю,—продолжалъ Кутайсовъ.—Третьяго дня я прямо сказалъ государю,—онъ мнѣ замѣтилъ, что народъ въ Москвѣ болѣе любитъ его, чѣмъ петербургскій, а я вставилъ, что это меня не удивляетъ. Почему же?—спросилъ онъ.—Не смѣю сказать...

Кутайсовъ запнулся, но сейчасъ сталъ разсказывать дальше:

— Но я тебѣ приказываю,—сказалъ мнѣ государь. Онъ такъ и сказалъ: я тебѣ приказываю...—Ваше величество, обѣщайте, что вы не передадите никому, что я скажу.—Обѣщаю.—Ваше величество,—заговорилъ тогда я,—дѣло въ томъ, что здѣсь васъ видятъ такимъ, какимъ вы изволите быть въ дѣйствительности,—благимъ, великодушнымъ и чувствительнымъ. А въ Петербургѣ, если вы оказываете милость, всѣ говорятъ, что ея величество или госпожа Нелидова или Куракины выпросили ее. Такъ что, когда вы дѣлаете добро, то это они... Если же кого покараютъ, то это вы караете... Государь сейчасъ сдвинулъ брови и спросилъ меня: Значитъ, говорятъ, что я даю управлять собою?—Такъ точно, государь.—Ну, хорошо же, я покажу, какъ управлять мною...—Ну, вы знаете государя,—онъ въ гнѣвѣ подошелъ къ столу и хотѣлъ писать, я бросился къ его ногамъ и умолилъ на время сдержать себя...

Изъ всего этого было правдою только то, что „государь подошелъ къ столу“, но Кутайсовъ такъ долго готовилъ въ своемъ воображеніи эту сцену, что не могъ отказать себѣ въ удовольствіи пережить ее, хоть въ разсказѣ.

А Екатерина Николаевна слушала и радовалась, что дѣло ихъ находится въ опытныхъ, хитрыхъ и сильныхъ рукахъ...

Денисъ Ивановичъ нашелъ въ саду Анну, Валерію, ея тетку и молодого офицера, князя Павла Гавриловича Гагарина.

Оплаксина сидѣла на скамейкѣ, а молодые люди ходили взадъ и впередъ по аллеѣ.

Радовичъ присоединился къ нимъ. Сначала они прогуливались вчетверомъ, разговаривая всѣ вмѣстѣ, но мало-по-малу Анна съ Гагаринымъ отстали и Денисъ Ивановичъ остался съ Валеріей...

Они шли нѣкоторое время рядомъ, молча.

— Скажите мнѣ, Денисъ Ивановичъ,—спросила Валерія,—у васъ есть враги?

Не было ничего удивительнаго, что она спросила это, потому что разговоры на отвлеченныя, чувствительныя темы были особенно въ модѣ тогда, но Радовича поразилъ ея вопросъ.

Вопросъ этотъ слишкомъ разительно подходилъ къ его настроенію и къ его мыслямъ, охватывавшимъ его.

Онъ былъ согласенъ на то, чтобъ „терпѣть“, какъ приказывалъ ему государь вчера, но онъ не зналъ и не могъ рѣшить, какъ это сдѣлать относительно внутренняго своего „я“.

— Да, у меня есть враги или, вѣрнѣе, одинъ врагъ,—отвѣтилъ онъ.

— Неужели?

— Васъ это удивляетъ, отчего?

— Потому что вы мнѣ кажетесь такимъ добрымъ, такимъ добрымъ, что другого я, кажется, не знаю...

— Благодарю васъ за хорошее мнѣніе...

— Ахъ, это не мнѣніе и не просто такъ, а я отъ всей души, искренно...

Она не глядѣла теперь въ небо, а глаза ея были устремлены на него, Дениса Ивановича...

И вдругъ ему стало, какъ будто, очень весело идти такъ съ нею рядомъ и разговаривать.

Какъ ни странно это было, но онъ въ первый разъ въ жизни былъ одинъ-на-одинъ не только съ дѣвушкой, но вообще съ существомъ женскаго пола.

И ему и смѣшно это было, и вмѣстѣ съ тѣмъ боязно, но все-таки, какъ будто, весело...

— Позвольте мнѣ спросить у васъ,—началъ онъ, погодя,— отчего вы задали мнѣ именно этотъ вопросъ?

— Про враговъ?

— Да.

— А вотъ почему. Вы мнѣ показались сегодня какъ будто грустны, озабочены чѣмъ-то или задумчивы... Ну, я и думаю, что если васъ можетъ что-нибудь заботить или тревожить, такъ это... какъ-бы вамъ сказать?—если вы не можете всѣхъ любить; а остальное все для васъ ясно и объ остальномъ вы не печалитесь... Мнѣ кажется, вы такой человѣкъ...

„Да, я такой человѣкъ!“—мысленно согласился Денисъ Ивановичъ, удивляясь, что она разгадала его и что она понимаетъ его совсѣмъ такъ, какъ и онъ себя понимаетъ.

Онъ былъ увѣренъ,—не будь Зиновія Яковлевича, все бы было ясно въ его жизни!

— Конечно, не вы ему, а онъ вамъ сдѣлалъ зло,—продолжала Валерія.—Онъ долженъ быть очень злой человѣкъ...

„Разсказать развѣ ей все?“—мелькнуло у Дениса Ивановича.

— Я васъ не допытываю и не хочу вовсе вывѣдать вашу тайну,—пояснила Валерія.

„Нѣтъ, нельзя разсказывать,—неловко“,—подумалъ онъ сейчасъ же.

— Вѣдь мы говоримъ вообще?—спросилъ онъ.

— Да, вообще!

„Ну, конечно, неловко!"—рѣшилъ онъ.

— Я хочу только сказать,—опять продолжала она,—что если вамъ сдѣлали зло, то это легко уничтожить и такъ, что будетъ совсѣмъ, какъ не было...

— Какъ же это это?..

— Простить.

— Хорошо. Я могу простить, если зло сдѣлано только мнѣ, ну, а если не мнѣ одному, а другому еще...

— Пусть и онъ проститъ...

— Ну, а если онъ умеръ и я остался тутъ и за него, и за себя?..

— Тогда все-таки все зависитъ отъ васъ. Тотъ, который пострадалъ, какъ вы говорите,—онъ пострадалъ невинно и умеръ?

— Да.

— Значитъ, онъ въ небесахъ... Она разсуждала съ такой убѣжденностью, точно ей была дана исключительная привилегія знать и объяснять, что дѣлается на небесахъ.

— А если онъ на небесахъ,—поспѣшила она сдѣлать выводъ, и голосъ ея зазвучалъ торжественно,—то онъ навѣрное простилъ, потому что тамъ всѣ добрые... Вы не безпокойтесь. Вы только о себѣ постарайтесь... постарайтесь простить, примириться...

— Еслибъ это легко было!—вздохнулъ Денисъ Ивановичъ.

— Тогда бы не было заслуги съ вашей стороны...

— А для чего мнѣ эта заслуга?

— Какъ для чего? Чтобы сдѣлать добрымъ того злого, вашего врага... Если вы примиритесь съ нимъ, и онъ не будетъ питать противъ васъ злобы и станетъ добрымъ...

Денисъ Ивановичъ испытывалъ странное ощущеніе, точно у него, по мѣрѣ того, какъ говорила она, выростали крылья, и онъ, отдѣляясь отъ земли, поднимался на воздухъ...

Онъ не соображалъ, что въ воздухѣ этомъ стояла весна и онъ, дыша этимъ воздухомъ, гулялъ впервые въ жизни съ дѣвушкой, да еще перезрѣлой и не только желавшей понравиться вообще мужчинѣ, но понравиться именно ему, Денису Ивановичу...

„Да, она права, она права,—повторялъ онъ себѣ,—и какъ хорошо говоритъ она!"...

Екатерина Николаевна, проводивъ Кутайсова и выйдя на террасу, чтобъ спуститься въ садъ, очень удивилась, увидѣвъ Дениса Ивановича, въ парѣ съ Валеріей, гуляющимъ по до-

рожкѣ, и Оплаксину, которая сидѣла на скамейкѣ и дремала...

Анны и Гагарина не было...

Екатерина Николаевна осторожно сошла съ террасы и, обогнувъ кусты сирени, направилась, крадучись, по боковой аллеѣ, закрытой кустами...

Она дошла почти до самаго пруда, гдѣ былъ островокъ со скамейкой, обсаженной, какъ бесѣдкой, акаціей...

Тамъ, за этой акаціей, она услыхала голоса:

— Что бы ни было,—сказалъ голосъ Анны,—клянусь тебѣ, что я твоя и никому другому принадлежать не буду...

Екатерина Николаевна остановилась, какъ будто у ея ногъ неожиданно разверзлась пропасть, въ которую боялась упасть она...

Она сейчасъ же сообразила, что если сдѣлать еще шагъ и застать Анну съ молодымъ княземъ наединѣ, — не избѣжать огласки, потому что близко посторонніе...

Оглоски можетъ испортить, разрушить весь задуманный планъ и погубить все дѣло...

Придется сейчасъ же выгнать вонъ этого офицера, котораго Екатерина Николаевна «проглядѣла», не замѣтивъ, что между нимъ и Анной было какое-нибудь чувство...

Къ тому же она знала Анну и знала, что съ ней нужно было дѣйствовать осторожно, иначе она была способна на безумную, пожалуй, выходку...

Екатерина Николаевна тише и осторожнѣй, чѣмъ подкралась, отошла подальше и подала голосъ, какъ будто ища все общество и не находя его...

Затѣмъ она снова обогнула сирень и въ то время, какъ выходила она на дорожку, съ другой стороны показалась Анна съ Гагаринымъ...

— Что вы тутъ дѣлали, чѣмъ занимались?—спросила Екатерина Николаевна, подходя къ Оплаксиной, возлѣ которой были уже обѣ молодыя пары.

— Да ничего, все тутъ сидѣли, разговаривали, — отвѣтила Анна Петровна, только что проснувшаяся и испугавшаяся, что ее уличатъ въ этомъ...

— Такъ какъ же, Екатерина Николаевна, — вы берете кружево?—пристала она къ Лопухиной, идя въ домъ рядомъ съ нею.

Она привезла кружево, которое не удалось ей продать вчера Радовичъ.

Екатерина Николаевна расчитывала въ это время, вспом-

нивъ букву и точки, которыя видѣла съ Кутайсовымъ, сколько буквъ въ фамиліи Гагарина?

„Семь“ сосчитала она и убѣдилась, что „Г“ съ точками значило вовсе не „государь“, какъ съ апломбомъ, не обинуясь, объяснила она Кутайсову, а „Гагаринъ“...

— Такъ какъ же кружево-то, Екатерина Николаевна?—не унималась Оплаксина.

— Ахъ, Анна Петровна! Я сказала вамъ, что беру, и возьму,—успокоила ее Лопухина,—не безпокойтесь...

— Да вѣдь пуганая ворона на молоко дуетъ. Вотъ вчера, тоже Лидія Алексѣевна хотѣла взять, а потомъ назадъ,—дѣловито разсуждала Анна Петровна, конечно, перепутавъ пословицу, но Екатерина Николаевна не слушала уже ея.

„Залетѣла ворона не въ свои хоромы,—думала она про Гагарина,—нѣтъ, дружокъ, тутъ тебя не надо и мы съ тобой справимся!“

XVI.

На утро шестнадцатаго мая былъ назначенъ отъѣздъ императора изъ Москвы.

Экипажи были поданы. Весь генералитетъ и весь штабъ и оберъ-офицеры московскаго гарнизона толпились у подъѣзда дворца.

На верхней площадкѣ крыльца ходилъ человѣкъ съ портфелемъ подъ мышкою, погруженный въ задумчивость.

Это былъ статсъ-секретарь его величества, Петръ Алексѣевичъ Обрѣзковъ.

Онъ сопутствовалъ государю и долженъ былъ сидѣть въ каретѣ возлѣ царя и докладывать его величеству дѣла, въ производствѣ состоящія...

— Отчего онъ такой мрачный?—спрашивали внизу, глядя на Обрѣзкова.—Смотрите, глаза у него сверкаютъ, какъ у волка въ ночное время?..

— Весьма понятно!—заявилъ юркій адъютантикъ при главнокомандующемъ фельдмаршалѣ Салтыковѣ, считая себя обязаннымъ по „своему положенію“ все знать.

— Отчего же понятно?—проговорилъ строго одинъ изъ армейскихъ генераловъ, чувствовавшій нѣкоторую зависть къ адъютантику, которому дѣйствительно, вѣроятно, извѣстно было больше, чѣмъ ему, генералу...

— Да, прекрасно!—пробасилъ бывшій тутъ же Вавиловъ...

— Какъ же,—сталъ объяснять адъютантикъ, довольный тѣмъ, что онъ вотъ говоритъ, а генералы его слушаютъ,—вѣдь „негоціаторъ“ отправился сейчасъ къ Лопухинымъ за рѣшительнымъ отвѣтомъ...

— Какой негоціаторъ?

— Да Кутайсовъ же,—укоризненно отвѣтилъ уже генералъ, какъ бы удивленный даже, что спросившій не знаетъ такихъ простыхъ вещей.

— Прекрасно!—одобрилъ Вавиловъ.

— Ну, рѣшительный отвѣтъ Лопухиныхъ,—продолжалъ адъютантикъ, и тревожитъ спокойствіе души господина Обрѣзкова. Ну, если негоціаторъ привезетъ не „да“, а „нѣтъ“! Вѣдь тогда ему докладывать дѣла разгнѣванному отказомъ государю—все равно, что идти по ножевому лезвію!..

— А развѣ Кутайсовъ поѣхалъ къ Лопухинымъ?

— Да, я самъ слышалъ, какъ онъ приказалъ кучеру ѣхать туда,—сказалъ адъютантикъ.

Онъ дѣйствительно слышалъ, какъ Кутайсовъ, выйдя и сѣвъ въ карету, приказалъ ѣхать къ Лопухинымъ. Но всѣ дальнѣйшіе выводы, вплоть до освѣдомленности о состояніи души Обрѣзкова были, разумѣется, плодомъ его собственнаго воображенія.

Кутайсовъ отправился къ Лопухинымъ, воспользовавшись тѣмъ, что государь былъ занятъ съ фельдмаршаломъ Салтыковымъ,—потому, что получилъ отъ Екатерины Николаевны записку, что ей во что бы то ни стало нужно видѣть его передъ отъѣздомъ...

Государь и не зналъ, куда поѣхалъ его гардеробмейстеръ.

Пока еще говорилъ адъютантикъ, къ крыльцу подскакала карета. Кутайсовъ выскочилъ изъ нея, быстро поднялся по ступенькамъ на верхнюю площадку и громко проговорилъ Обрѣзкову.

— Все уладилъ, наша взяла!..

Императоръ вышелъ, продолжая разговоръ съ Салтыковымъ, и передъ тѣмъ, какъ сѣсть въ карету, обнялъ его и сказалъ

— Иванъ Петровичъ, я, сударь, совершенно вами доволенъ. Благодарю васъ и не забуду вашей службы и усердія...

За государемъ сѣлъ въ карету Обрѣзковъ,—и поскакали...

Явно было, что императоръ, довольный произведенными маневрами, все время до кареты разговаривалъ на прощанье съ главнокомандующимъ и ни Кутайсовъ, ни какой иной „негоціаторъ“ не имѣлъ времени дѣлать ему таинственные доклады о „да“ или „нѣтъ“,—но на съимпровизированной канвѣ въ

разсказѣ адъютантика Москва сейчасъ же стала вышивать различные хитрые и путаные узоры...

„При всѣхъ дворахъ,—пишетъ одинъ изъ наблюдательныхъ современниковъ того общества,—есть извѣстный разрядъ людей, безнравственность коихъ столь же велика, сколько опасна. Эти низкія натуры питаютъ неодолимую ненависть ко всѣмъ, не раздѣляющимъ ихъ образа мыслей. Понятія о добродѣтели они не могутъ имѣть, потому что оно связано съ понятіемъ объ уваженіи къ закону столь страшному для нихъ. Сильные своею злобою, они считаютъ коварство за умъ, дерзость въ преступленіи за мужество, презрѣніе ко всему на свѣтѣ за умственное превосходство. Опираясь на эти воображаемыя достоинства, они, вопреки своему ничтожеству, добиваются званій, которыя должны были бы служить наградою истинныхъ заслугъ государству. Вокругъ Павла сошлось нѣсколько подобнаго закала господъ, выдвинувшихся еще въ предъидущее царствованіе. Они сблизились безъ взаимнаго уваженія, разгадали другъ друга, не объясняясь, и стали общими силами работать надъ устраненіемъ людей, которые явились имъ помѣхою“...

Только послѣ отъѣзда государя, всколыхнулась Москва, по настоящему, какъ потревоженный пчелиный улей, и загудѣла уже во всю тѣми сплетнями и пересудами, которые во время пребыванія Павла лишь намѣчались словоохотливостью какой-нибудь Марьи Львовны или самодовольною хвастливостью всезнанія какого-нибудь адъютантика...

Лидія Алексѣевна осталась нѣкоторое время въ сторонѣ отъ этого жужжанія, потому что заболѣла, слегла и никого не видѣла.

У нея разлилась желчь. Ее сажали въ горячую ванну и тѣмъ только отходили.

Припадокъ желчной колики прошелъ у нея, опасность миновала, но ей было предписано полное спокойствіе...

Дениса Ивановича къ матери не пускали.

Никто, кромѣ Зиновія Яковлевича не имѣлъ къ ней доступа.

Денисъ въ сенатѣ сдавалъ теперь дѣла, готовясь къ переѣзду въ Петербургъ, согласно новому своему назначенію.

Работы у него было меньше, потому что онъ былъ занятъ главнымъ образомъ тѣмъ, что знакомилъ съ дѣлами своего замѣстителя, назначеннаго на его должность.

Дома онъ отправлялся прямо къ себѣ наверхъ и оставался тамъ, даже не спускаясь въ садъ на прогулку, а довольствуясь

для этого своею вышкой, по маленькому пространству которой онъ ходилъ теперь особенно много.

Онъ ходилъ, безпрестанно поворачиваясь, и въ мысляхъ у него постоянно вертѣлось одно и то же.

„Терпѣть и простить. Простить и терпѣть!“...

„Каждому человѣку дано свое испытаніе, каждому положенъ свой крестъ,—думалъ Денисъ Ивановичъ,—и мое испытаніе, мой крестъ—терпѣть и простить!“...

„Много горя на землѣ, но одно и то же горе для каждой души будетъ различно по формѣ, какъ вода, принимающая форму сосуда, въ который налита она. Кто таитъ и помнитъ въ себѣ зло, тотъ поступаетъ неправедно, память бо всяко любви знамя есть... И Христосъ, научившій насъ прощать, открылъ намъ въ прощеніи одно изъ божественныхъ свойствъ и далъ возможность этимъ путемъ приблизиться къ Себѣ людямъ!“...

Онъ вошелъ къ себѣ въ комнату, приблизился къ столу и открылъ толстую, лежавшую у него на столѣ книгу четій-миней, открылъ наугадъ, гдѣ откроется...

Не разъ случалось ему загадывать такъ, и всегда его поражало, что открывшееся мѣсто сходилось съ его душевнымъ настроеніемъ.

„Разсказывалъ Исаакъ чернецъ,—сталъ читать онъ съ того мѣста, куда случайно глянулъ,—была у меня нѣкогда распря съ братомъ и затаилъ я противъ него гнѣвъ. Во время работы опомнился я и скорбѣлъ, что допустилъ соблазнъ въ себѣ. Вывалилась работа изъ рукъ и цѣлый день не зналъ я, что дѣлать. Тогда вошелъ въ дверь ко мнѣ юноша и, не сотворивъ молитвы, сказалъ: „соблазнился ты, но довѣрься мнѣ, я исправлю тебя“. Я же отвѣчалъ ему: „уйди отсюда и не приходи никогда, потому что ты не отъ Бога“. И сказалъ мнѣ: „жаль мнѣ тебя,—ты губишь работу, а межъ тѣмъ мой ужъ ты!“ Я же отвѣтилъ ему опять: „Божій я, а не твой, діаволъ!“ И сказалъ мнѣ: „По справедливости далъ намъ Богъ держащихъ гнѣвъ и злопамятныхъ. Ты же три недѣли продолжаешь гнѣваться“. Я же сказалъ ему: „лжешь“, а онъ мнѣ опять: „распаленная геенна не имѣетъ памяти. У тебя зло къ нему. Я же къ помнящимъ зло приставленъ и ты уже мой“. Когда я услышалъ это, пошелъ къ брату и поклонился ему во имя любви, вернувшись, нашелъ сожженными работу свою и рогожницу, на которой поклоны клалъ!...“

Денисъ Ивановичъ закрылъ книгу. Послѣ этого онъ еще долго ходилъ по вышкѣ...

Наконецъ, онъ рѣшительно остановился и пошелъ къ лѣстницѣ.

Онъ спустился, не торопясь...

Лакеи вскочили и вытянулись при его появленіи.

— Зиновій Яковлевичъ у себя?—спросилъ онъ.

Лакеи не выдержали и переглянулись между собою.

— У себя,—отвѣтилъ Адріанъ, поставленный за старшаго послѣ исчезновенія, дворецкаго Якова.

— Поди, доложи, что я хочу видѣть ихъ...

И Денисъ Ивановичъ въ собственномъ домѣ остался ждать, какъ проситель на лѣстницѣ, пока Адріанъ ходилъ докладывать.

— Просятъ,—сказалъ Адріанъ, вернувшись.

Зиновій Яковлевичъ Корницкій занималъ нѣсколько комнатъ отдѣльной квартиры въ нижнемъ этажѣ дома съ ходомъ на общую парадную лѣстницу.

Денисъ Ивановичъ давно, ребенкомъ бывалъ тутъ у него и, когда вошелъ, не узналъ комнатъ. Онѣ казались ему по воспоминаніемъ гораздо больше, но нѣкоторыя вещи онъ сейчасъ же узналъ: акваріумъ у окна съ золотыми, дорогими рыбками, огромный кусокъ малахита, лежавшій на столѣ, и подвѣшенные къ люстрѣ часы въ видѣ шара съ музыкой, особенно занимавшіе его въ дѣтствѣ...

Въ комнатѣ никого не было, но по движенію тяжелой портьеры Денису Ивановичу показалось, что за нею стоитъ Корницкій, выжидаетъ и смотритъ на него потихоньку...

Прошла долгая, тихая минута, портьера колыхнулась и Зиновій Яковлевичъ вошелъ.

Онъ вошелъ и остановился передъ Денисомъ Ивановичемъ, закинувъ голову и дерзко и вызывающе смотря на него...

Онъ не спросилъ, но вся фигура его говорила:

— Что вамъ угодно?

Денисъ Ивановичъ, чувствуя, что ему непріятно глядѣть на этого человѣка, отвернулся было, но сейчасъ же заставилъ себя обратиться къ Зиновію Яковлевичу...

— Я примириться съ вами пришелъ,—проговорилъ онъ...

Корницкій быстрымъ взглядомъ оглядѣлъ его съ головы до ногъ.

— Да. Примириться. Совсѣмъ,—повторилъ Денисъ Ивановичъ, не понимая, что съ такимъ, каковъ былъ Зиновій Яковлевичъ, никакъ не могла произойти чувствительная сцена примиренія...

— Я простить пришелъ...

— Я не просилъ у васъ прощенія,—мотнувъ головою, пожалъ плечами Корницкій.

— И все-таки я пришелъ простить. Если вамъ когда-нибудь нужно это будетъ,—вспомните, что я васъ простилъ... И отецъ простилъ...

У него отъ умиленія стояли слезы въ глазахъ, онъ махнулъ рукою, закрылъ ею лицо, повернулся и вышелъ, всхлипнувъ...

Корницкій поглядѣлъ ему вслѣдъ и, когда ушелъ онъ, громко сказалъ:

— Вотъ идіотъ!..

XVII.

Хотя изъ свиданія съ Корницкимъ вышло совсѣмъ не то чего ожидалъ Денисъ Ивановичъ, т. е. вовсе не произошло того полнаго примиренія, котораго искалъ онъ, но все-таки онъ испытывалъ умиленное, тихое, радостное ощущеніе и ему было очень хорошо.

И хорошее это связывалось съ воспоминаніемъ о Валеріи. Она была несомнѣнно причастна тутъ и Денисъ Ивановичъ чувствовалъ это.

Онъ нарочно отправился къ Лопухинымъ, чтобы встрѣтиться опять съ ней, и встрѣтился и, улучивъ время, успѣлъ ей разсказать о томъ, что по ея совѣту простилъ врага своего и что ему, т. е. самому Денису, очень легко теперь.

По этому поводу они даже взялись за руки и поглядѣли въ глаза другъ другу. Потомъ Валерія сказала:

— Я не сомнѣвалась въ васъ. Мнѣ всегда кажется, когда я смотрю въ ваши глаза, что я смотрю въ небо!..

Она была увѣрена, что прикосновеніе ихъ „чисто и непорочно“, но Денисъ Ивановичъ, когда взялъ ея руки, испыталъ незнакомое ему до сихъ поръ волненіе...

Ему захотѣлось поцѣловать ея руку, но онъ не осмѣлился на это...

Дальше Радовичъ зачастилъ къ Лопухинымъ, гдѣ всегда встрѣчалъ Валерію, которая аккуратно привозила сюда тетку съ собою, увѣряя Анну Петровну, что это было необходимо по самымъ разнообразнымъ причинамъ.

Причины эти всегда находились у нея, и она въ отношеніи ихъ выказывала необыкновенную изобрѣтательность...

Екатерина Николаевна, прозѣвавшая увлеченіе падчерицы Гагаринымъ, не замѣчала и того, для кого собственно ѣздитъ

къ ней Денисъ Ивановичъ. Она была слишкомъ занята высшими соображеніями и планами будущаго, не видѣла, что дѣлается близко возлѣ нея, и поощряла посѣщенія Дениса Ивановича...

Впрочемъ, едва ли кому-нибудь могло въ голову придти, что Радовичъ предпочтетъ красавицѣ Аннѣ „старое диво“ Оплаксину.

Но физическая, страстная красота черноволосой Анны не прельщала его; онъ оставался холоденъ къ ней и находилъ съ каждымъ днемъ въ Валеріи все новыя и новыя духовныя красоты... Анна Петровна пригласила его къ себѣ, сказавъ:

— Не забывайте нашъ „pomme de terre“...

— „Pied-à-terre“,—поправила ее племянница...

И Денисъ Ивановичъ былъ у нихъ, но въ четырехъ стѣнахъ маленькаго домика, занимаемаго Оплаксиными, было далеко не такъ свободно ему, какъ въ большомъ домѣ и саду у Лопухиныхъ...

И Валерія понимала это, и потому они чаще встрѣчались подъ гостепріимнымъ кровомъ Екатерины Николаевны...

Однажды, когда Денисъ Ивановичъ вернулся со службы, ему доложили, что князь Павелъ Гавриловичъ Гагаринъ ждетъ его и желаетъ видѣть...

— Гдѣ же онъ ждетъ?—спросилъ Радовичъ, смущенный неожиданностью происшествія не менѣе лакея, докладывавшаго ему.

Появленіе князя, который спросилъ Дениса Ивановича и заявилъ, что онъ будетъ ждать его, показалось всѣмъ необычайнымъ въ домѣ, куда до сихъ поръ ѣзжали только къ Лидіи Алексѣевнѣ и гдѣ никогда никто не спрашивалъ „молодого барина“.

— Они ждутъ въ большой гостиной,—отвѣтилъ лакей.

Гостя догадались провести въ парадную гостиную, но Денисъ Ивановичъ не захотѣлъ идти туда.

— Просите ко мнѣ наверхъ,—приказалъ онъ и направился къ себѣ.

Гагаринъ, войдя, отвѣсилъ церемонный поклонъ и, когда его Денисъ Ивановичъ просилъ садиться, сѣлъ, не снимая перчатокъ и держа свою офицерскую шляпу подъ мышкой.

— Могу я говорить съ вами, какъ съ дворяниномъ?—откашлявшись, началъ онъ...

— Что-жъ,—улыбнулся Денисъ Ивановичъ, свѣтло глядя на него,—можно и какъ съ дворяниномъ, только я больше люблю говорить просто, по-человѣчески...

— Еще тѣмъ лучше,—согласился Гагаринъ, принимая уже тонъ, который могъ годиться только съ человѣкомъ недалекимъ.

О „глупости“ Дениса Ивановича онъ слышалъ много, потому что о Радовичѣ говорили теперь всѣ, но самъ его видѣлъ одинъ разъ тогда у Лопухиныхъ, и то мелькомъ, и не могъ судить, каковъ былъ Денисъ Ивановичъ.

Поэтому онъ заговорилъ съ нимъ серьезно, но Радовичъ своимъ отвѣтомъ какъ-то сразу показалъ свою простоту, и онъ рѣшилъ измѣнить тонъ.

— Тогда, скажите,—сталъ прямо спрашивать онъ,—отчего вы такъ часто бываете у Лопухиныхъ?

— Оттого, — отвѣтилъ Денисъ Ивановичъ опять совсѣмъ просто,—что мнѣ нравится бывать тамъ...

— Понимаю, вы хотите этимъ сказать, что я не имѣю права требовать у васъ отчета и что вы не желаете, чтобы кто-нибудь стѣснялъ вашу свободу дѣйствій...

— Да нѣтъ же,—перебилъ Радовичъ,—ничего я этого сказать не хочу, а говорю прямо, что есть. Мнѣ, право, очень нравится бывать тамъ...

„Да онъ совсѣмъ глупъ“,—подумалъ Гагаринъ и продолжалъ:

— Хорошо. Значитъ, у васъ есть причины, почему вамъ это нравится?

Денисъ Ивановичъ густо покраснѣлъ и потупился...

— Правъ я или нѣтъ?—испытующе глядя на него, переспросилъ Гагаринъ.

Денисъ Ивановичъ, склонивъ голову, взялъ непроизвольно перо со стола и сталъ вертѣть его, какъ пойманный на мѣстѣ преступленія школьникъ...

— Тогда, если вы молчите, сударь,—опять сказалъ Гагаринъ,—я доложу вамъ, зачѣмъ вы бываете тамъ: вамъ нравится Анна Петровна...

— Тетка!—ужаснулся Радовичъ.

— Какая тетка?

— Старуха Оплаксина.

— Вы изволите шутить. Я говорю про Анну Петровну Лопухину...

— Ахъ, нѣтъ,—обрадовался Денисъ Ивановичъ,—нѣтъ, совсѣмъ не нравится, т. е. она мнѣ нравится, я дурного про нее ничего не знаю, но не такъ... Нѣтъ, право, не такъ...

— Тогда оно выходитъ еще хуже. Зачѣмъ же вы бываете, зачѣмъ собираетесь жениться?..

— Я собираюсь жениться?

— Да.

— На Аннѣ Петровнѣ Лопухиной?

— Да, объ этомъ всѣ говорятъ...

— Такъ вѣдь мало ли что говорятъ, но кто же, посудите, можетъ знать на самомъ дѣлѣ о такихъ вещахъ?..

— Вотъ я желаю знать.

— Ну, такъ я вамъ говорю, что нѣтъ и не думаю я объ этомъ... честное слово, не думаю...

„Или онъ совсѣмъ дуракъ, или прикидывается и хитритъ“,— мелькнуло у Гагарина.

— Но въ такомъ случаѣ, что же означаютъ ваши постоянныя посѣщенія?

— Да вы постойте, вы сами-то отчего волнуетесь?..

— Я не волнуюсь, сударь...

— Нѣтъ, нѣтъ, милый,—жалобно сморщивъ брови, остановилъ его Денисъ Ивановичъ,—я не хочу васъ сердить или обижать, я хочу помочь вамъ, чтобы вамъ было легче... Я вижу, что-то у васъ есть... Постойте... вы сами... какъ это... Ну, словомъ, вамъ самому нравится Анна Петровна... такъ вѣдь, а?..

— На этотъ счетъ я не нахожу нужнымъ посвящать васъ въ какія-нибудь подробности, но только прямо говорю, что тотъ, кто осмѣлится мечтать объ Аннѣ Петровнѣ, будетъ имѣть дѣло со мною...

— Какое дѣло?

— Какъ полагается между дворянами,—поединокъ...

— Зачѣмъ поединокъ, не надо этого... Нехорошо... Такъ вы вотъ отчего безпокоитесь... Ну, такъ повѣрьте, я не буду мѣшать вамъ...

Ему очень хотѣлось, чтобы Гагаринъ совсѣмъ почувствовалъ себя хорошо и лицо бы его прояснилось. Но тотъ сидѣлъ угрюмый и строгій...

— Такъ вы любите,—протянулъ Денисъ Ивановичъ,—это очень хорошо... Я понимаю...

— Ничего вы, какъ я вижу, не понимаете,—вдругъ разсердился Гагаринъ.

— Нѣтъ, понимаю,—подхватилъ Денисъ Ивановичъ,—вотъ видите ли, вы мнѣ открыли вашу тайну, и вы мнѣ нравитесь. Вы мнѣ и тогда у Лопухиныхъ очень понравились... Хотите,—будемте друзьями... Еслибы у меня была тайна, я бы открылъ вамъ ее, но у меня нѣтъ еще тайны, но, понимаете,

я бываю у Лопухиныхъ потому, что тамъ бываетъ... Анна Петровна Оплаксина...

— Ну, такъ что-жъ?..

— Не понимаете?..

— Ничего не понимаю...

— И ея племянница,—краснѣя опять до слезъ, выговорилъ едва слышно Радовичъ.

Еслибы Гагарину такое признаніе сдѣлалъ Денисъ Ивановичъ и онъ не видѣлъ бы его тогда въ саду у Лопухиныхъ вмѣстѣ съ Валеріей, онъ подумалъ бы, что тотъ желаетъ, издѣваясь, морочить его.

Но теперь онъ вспомнилъ эту пару и сразу чутьемъ влюбленнаго увѣрился, что Радовичъ говоритъ правду...

Онъ просіялъ и невольная широкая улыбка освѣтила его лицо.

Конечно, для него былъ смѣшонъ Денисъ Ивановичъ, влюбляющійся въ Оплаксину, когда передъ его глазами была чудо красоты—Анна Лопухина!..

— Я вамъ вѣрю,—сказалъ онъ.

— Ну, вотъ и отлично. Значитъ, вы не тревожитесь больше?

— Послушайте, Радовичъ,—заговорилъ Гагаринъ, откладывая шляпу и снимая перчатки.—Еслибы мнѣ кто-нибудь сталъ пророчить, когда я ѣхалъ къ вамъ, что мы сдѣлаемся друзьями и не разведемся поединкомъ, я бы посмѣялся тому въ лицо. Но вышло совсѣмъ не такъ, какъ предполагалъ я. И вмѣсто того, чтобы видѣть въ васъ себѣ помѣху, я вижу, что вы можете оказать мнѣ нѣкоторую помощь...

— Отчего же,—съ удовольствіемъ, съ большимъ удовольствіемъ,—охотно согласился Денисъ Ивановичъ.

— Дѣло въ томъ, что я нежданно-негаданно назначенъ въ корпусъ генерала Розенберга, который мобилизуется на австрійской границѣ для борьбы съ французскимъ консуломъ Бонапарте... Вѣроятно, мы пойдемъ на помощь австрійскимъ войскамъ...

— Неужели?—сочувственно удивился Радовичъ,—значитъ, вамъ уѣзжать надо...

— Конечно. Я, какъ офицеръ, не могу отказаться отъ назначенія въ корпусъ, который готовъ отправиться въ дѣйствіе... Я долженъ ѣхать. Но мало того. Меня отправляютъ туда курьеромъ съ пакетомъ, съ тѣмъ, чтобы я остался уже тамъ, и отправляютъ спѣшно. Завтра утромъ я обязанъ выѣхать... Сегодня я узналъ это. Я заѣзжалъ къ Лопухинымъ, чтобъ проститься, но меня не приняли...

— Какъ не приняли?—воскликнулъ Денисъ Ивановичъ,—Не можетъ быть...

— Сказали, что уѣхали съ утра...

— Позвольте,—вспомнилъ Радовичъ,—правда, вчера говорили,—онѣ собирались въ подмосковную къ Безбородкѣ, да, правда, онѣ должны были уѣхать...

— Значитъ, это вѣрно,—съ нѣкоторымъ облегченіемъ произнесъ Гагаринъ,—а я думалъ, что именно меня не хотѣли принять...

На самомъ дѣлѣ такъ и было. Екатерина Николаевна, знавшая о готовившемся приказѣ Гагарину, который былъ устроенъ ею, нарочно увезла сегодня ничего не подозрѣвавшую Анну въ подмосковную къ Безбородкѣ...

— А вамъ остаться еще на день нельзя?..—попробовалъ спросить Денисъ Ивановичъ.

— Немыслимо.

— Тогда знаете, что,—напишите письмо, а я передамъ его такъ, что никто не узнаетъ. Будьте покойны...

Гагаринъ вдругъ радостно поднялъ на него глаза и протянулъ ему обѣ руки.

— Неужели вы это сдѣлаете?

— Конечно, сдѣлаю. Развѣ это трудно. И я вотъ что предложу вамъ. Я попрошу, чтобѣ она написала отвѣтъ и я вамъ пошлю его, куда вы скажете. А потомъ вы опять напишите комнѣ и я передамъ, и такъ вы будете въ перепискѣ... Они уѣзжаютъ въ Петербургъ, но и я перевожусь туда же...

— Никакъ не ожидалъ, никакъ не ожидалъ,—повторилъ нѣсколько разъ Гагаринъ.—Спасибо вамъ!..

XVIII.

Черезъ три недѣли послѣ отъѣзда государя, въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ было напечатано въ числѣ прочихъ назначеній извѣстіе о переводѣ коллежскаго секретаря Радовича въ Петербургъ за оберъ-прокурорскій столъ правительствующаго сената, о пожалованіи ему камеръ-юнкерскаго званія и дарованіи трехъ тысячъ ежегодно...

Это было значительно меньше того, во что выросли посыпавшіяся на Радовича блага въ городскихъ сплетняхъ. Говорили, что онъ назначается статсъ-секретаремъ, оберъ-церемоніймейстеромъ, а изъ трехъ тысячъ было сдѣлано уже тридцать...

Тѣмъ не менѣе и того, что выяснилось, казалось достаточнымъ.

Явилось офиціальное подтвержденіе, что „идіотъ“ Радовичъ, бывающій ежедневно у Лопухиныхъ, переводится въ Петербургъ. Ясно, значитъ, и неподлежитъ никакому уже сомнѣнію, что онъ идетъ на сдѣлку брака съ Анной Лопухиной...

Людмила Даниловна, маменька двухъ толстыхъ дочекъ, единственнымъ достоинствомъ которыхъ была ихъ невинность, прочла извѣстіе въ „Вѣдомостяхъ“, какъ и всѣ остальные, но взволновалась имъ гораздо больше остальныхъ.

Она съ такою увѣренностью намѣтила Дениса Ивановича въ женихи одной изъ своихъ дочекъ,—все равно, которой,—и такъ упорно возила ихъ и сама ѣздила къ Лидіи Алексѣевнѣ, что постигшее ее вдругъ разочарованіе превзошло всякія границы.

Она знала о ходившихъ слухахъ, но твердо надѣялась, что Лидія Алексѣевна не допуститъ, чтобы свершилась такая комбинація.

И вдругъ, въ самомъ дѣлѣ, назначеніе въ Петербургъ, и камеръ-юнкеръ, и три тысячи...

Людмила Даниловна надѣла парадный робронъ и отправилась къ Радовичъ, одна, безъ дочерей, съ дѣловымъ визитомъ. Она мнила до сихъ поръ, что сама Лидія Алексѣевна угадываетъ ея намѣренія и благосклонно поощряетъ ихъ, и теперь желала объясниться по этому поводу...

Лидія Алексѣевна, давно вставшая послѣ болѣзни съ постели, но медленно поправлявшаяся, первый день принимала сегодня постороннихъ, чувствуя себя достаточно уже окрѣпшей.

Ходившіе по городу слухи не доходили до нея, потому что она никого не видѣла, а Зиновій Яковлевичъ, чтобъ не безпокоить ея, ничего не разсказывалъ.

Лидія Алексѣевна ждала со дня на день указа объ отдачѣ ей сына въ опеку, надѣясь на свое свиданіе съ государемъ и на разговоръ съ нимъ.

Зиновій Яковлевичъ, чтобъ ободрить ее и дать силы для выздоровленія, поддерживалъ въ ней ожиданіе указа, который и ему казался, впрочемъ, возможнымъ въ виду поступка Дениса Ивановича, явившагося къ нему.

Онъ разсчиталъ, что, можетъ быть, Денисъ Ивановичъ не такой ужъ круглый идіотъ, какъ это показалось ему въ первую минуту, и приходилъ онъ мириться съ нимъ, провѣдавъ, что ему не сдобровать...

Корницкій ѣздилъ часто въ опеку, чтобъ наводить справки

какъ идетъ дѣло, и тамъ мелкіе чиновники, чтобъ не упускать щедрыхъ подачекъ, получаемыхъ отъ него, водили его за носъ и обнадеживали, хотя жалобная просьба Лидіи Алексѣевны на сына была давно положена подъ сукно...

Людмила Даниловна застала Лидію Алексѣевну сидящею въ креслахъ на балконѣ за пасьянсомъ.

Радовичъ была одѣта въ обыкновенное свое платье—молдаванъ, введенный въ моду для дома императрицей Екатериной, и въ чепчикѣ съ пышными лентами.

Лицо было совсѣмъ коричневое, и бѣлки глазъ ярко желтые...

Она очень похудѣла и измѣнилась.

Людмила Даниловна влетѣла шумно и шумно заговорила сразу, въ своемъ волненіи пренебрегая тѣмъ, что Лидія Алексѣевна по своему болѣзненному виду была сама на себя не похожа.

— Лидія Алексѣевна, что же это?—заговорила она, всплеснувъ руками.—Вы читали?

— Здравствуйте, очень рада васъ видѣть. Садитесь. Что я читала?—степенно, съ разстановкой проговорила Радовичъ.

— Да сегодня въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ"...

— Что въ „Вѣдомостяхъ"?

— Сынъ вашъ, Денисъ Ивановичъ, назначенъ...

„Подъ опеку!—подумала Лидія Алексѣевна,—наконецъ-то"...

— Камеръ-юнкеромъ,—договорила Людмила Даниловна,—и въ Петербургъ переводится...

— Какъ камеръ-юнкеромъ?

— Да, говорили—статсъ-секретаремъ, я и тому не вѣрила, но камеръ-юнкеромъ...

„Московскія Вѣдомости", получавшіяся у Радовичъ, подавались непосредственно Зиновію Яковлевичу, и тотъ, когда нужно, расказывалъ новости, а сама Лидія Алексѣевна не читала газеты, считая это мужскимъ, служебнымъ дѣломъ.

— Я номеръ привезла,—продолжала Людмила Даниловна, доставая изъ ридикюля тетрадку и подавая ее Лидіи Алексѣевнѣ.—Вотъ, взгляните сами...

Радовичъ взяла газету, повертѣла ее передъ глазами, перелистала и протянула назадъ.

— Безъ очковъ не вижу, прочтите сами,—сказала она.

Она, бѣгло читая по-французски, разбирала по-русски почти по складамъ, но скрывала это.

Людмила Даниловна прочла.

Лидія Алексѣевна долго сидѣла молча, соображая.

— Ну, такъ что-жъ? Милость государя,—пожала она плечами.—Сынъ Ивана Степановича Радовича, слуги отца императора, можетъ получить царскую милость...

Какъ ни неожиданъ, какъ ни значителенъ былъ ударъ, нанесенный ей, гордая Лидія Алексѣевна, несмотря на свою болѣзнь, совладала съ собой, чтобъ не выказать при посторонней, что сынъ явно пошелъ противъ нея и верхъ остался за нимъ...

— Да вѣдь онъ не за заслуги отца,—наивно бухнула прямо Людмила Даниловна,—онъ за то, что женится на Лопухиной...

— Какъ женится?—вспыхнула Лидія Алексѣевна, почувствовавшая, что нашелся исходъ для забушевавшаго въ ней гнѣва.—Какъ женится? Я слышала объ этихъ разговорахъ, но могу вамъ сказать, что мой сынъ, Радовичъ, никогда не пойдетъ ни на какую сдѣлку съ своею совѣстью, а если что,—добавила она на всякій случай,—то я, я не допущу этого...

— Да какъ же не допустите, когда это уже случилось, Лидія Алексѣевна?..

— Вздоръ, ничего не случилось,—вставая съ мѣста, крикнула Радовичъ.—Вздоръ. Сплетница. Вонъ, и чтобъ духу твоего не было...

Людмила Даниловна знала, что Лидія Алексѣевна женщина сердитая, но въ первый разъ увидѣла, что это значитъ...

Она съежилась, задрожала и залепетала испуганно:

— Да вѣдь я, Лидія Алексѣевна...

— Вонъ!—кричала Радовичъ.—Или я не хозяйка у себя въ домѣ? Я думаю, что, слава Богу, еще хозяйка... А, не хозяйка я по вашему?..

— Хозяйка...

— Ну, такъ вонъ...

Она подступила къ Людмилѣ Даниловнѣ и съ силой вытянутою рукою показывала ей на дверь...

„Батюшки, побьетъ!“—рѣшила перепуганная маменька невинностей и кинулась дѣйствительно вонъ...

Радовичъ упала въ кресло, схватила звонокъ и со всей мочи затрясла имъ...

Адріанъ, Василиса, дежурная горничная сбѣжались на этотъ отчаянный призывъ...

— Проводить...—приказала Лидія Алексѣевна—проводить эту барыню и вымести дворъ за нею и чтобъ никогда не пускать...

Она опять поднялась...

„Такъ-то, Екатерина Николаевна, вы полагаете людей об-

водить,—закипѣло все ключомъ въ ней,—ну, погодите. Онъ все-таки мой сынъ и я сдѣлаю съ нимъ то, что я хочу"...

И она съ небывалою еще послѣ болѣзни у нея бодростью пошла.

Василиса было сунулось къ ней, чтобъ поддержать ее подъ руку, но она оттолкнула ее и пошла одна...

Она пошла на лѣстницу, поднялась по ней и отворила дверь въ комнату сына...

Денисъ Ивановичъ у своего стола чертилъ на бумагѣ что-то вродѣ плана квартиры, которую онъ мечталъ нанять въ Петербургѣ. На этомъ планѣ была гостиная и рядомъ съ ней нетвердыми штрихами обозначался дамскій будуаръ...

— Маменька!—воскликнулъ онъ, вскакивая при ея проявленіи.—Да какъ вы измѣнились! Что съ вами?..

— Со мной то, что родной сынъ въ гробъ меня вколачиваетъ,—начала Лидія Алексѣевна, съ трудомъ шагнувъ къ стулу и упавъ на него.

У нея хватило подъема силъ только, чтобъ дойти до его двери, дольше держаться на ногахъ она не могла.

— Въ гробъ,—повторила она, и чувствуя, что не сможетъ говорить долго, прямо перешла къ дѣлу.—Сегодня въ вѣдомостяхъ пропечатано о твоемъ назначеніи въ Петербургъ и о прочихъ къ тебѣ царскихъ милостяхъ...

— Да, такъ пожелалъ государь...

— Одинъ ли государь?

— Кто же еще, маменька?

— А ты не знаешь?..

Онъ стоялъ передъ нею и испытывалъ одно лишь мучительное чувство жалости къ ея болѣзненному, измѣнившемуся виду. Онъ зналъ, что, чтобъ не раздражать ее еще, нужно было коротко и ясно отвѣчать на ея вопросы, и старался дѣлать это.

— Не знаю, маменька...

— Послушай, Денисъ, ты затѣялъ подлую штуку. Ты пошелъ противъ матери и, чтобъ добиться своего, не пожелалъ разобрать средствъ... А знаешь ли ты, зачѣмъ тебя женятъ на Лопухиной? Я пришла, чтобъ открыть тебѣ глаза. Ты по простотѣ не понимаешь... Не будетъ тебѣ моего благословенія на этотъ бракъ. А если ты думаешь обойтись безъ моего благословенія, такъ знай, что женятъ тебя...

— Да меня вовсе не женятъ, маменька...

— Какъ не женятъ?..

— Такъ, я не хочу жениться на Лопухиной, увѣряю васъ...

— Лжешь. Лжешь передъ своею матерью... Вотъ до чего дошло!..

Она взялась за виски и съ неподдѣльною скорбью протянула, закачавъ головою:

— Радовичъ, мой сынъ, и лжетъ! Не было еще лгуновъ среди Радовичей!

— Маменька, клянусь вамъ, я не лгу... Я могу доказать это...

— Какъ же ты докажешь, когда явно все противъ тебя говоритъ, или ты ужъ такъ простъ, что самъ ничего не видишь и позволяешь одурачивать себя. Но тогда зачѣмъ же ѣздишь къ Лопухинымъ, зачѣмъ?..

— Маменька, увѣритесь вы, если я вамъ открою одинъ секретъ. Но только вамъ... И поклянусь...

— Въ чемъ?

— Въ томъ, что еслибы я женился на комъ-нибудь, такъ это была бы не Анна Петровна, а другая... Совсѣмъ другая..

— Другая?

— Довольно вамъ?..

— Нѣтъ. Кто она, эта другая...

— Маменька, не заставляйте...

— Говори!..

— Оплаксина Валерія, племянница Анны Петровны,—поспѣшно выговорилъ Денисъ Ивановичъ, видя, что мать пошатнулась и втянула въ себя съ трудомъ воздухъ, задыхаясь...

— „Старое диво!“—вырвалось у Лидіи Алексѣевны...

— Маменька, еслибы вы знали, какая у нея душа... Но только я никогда не женюсь, потому что это невозможно. Она говоритъ, что браки совершаются въ небесахъ...

Лидія Алексѣевна глубоко и легко вздохнула...

— И ты говоришь все это искренно?

— Клянусь вамъ...

— Что ты не на комъ, кромѣ дѣвицы Оплаксиной, не женишься?..

— Клянусь вамъ...

— Ну, хорошо, Денисъ Ивановичъ, не отрекайся и сдержи свою клятву!..

XIX.

Анна Петровна Оплаксина сидѣла съ Валеріей, окруженная дворовыми своими, крѣпостными дѣвками, въ большой, свѣтлой,

выходившей окнами во дворъ, послѣдней комнатѣ занимаемаго ею домика.

Всѣ были заняты. И сама Анна Петровна, и Валерія, и дѣвицы усердно постукивами коклюшками, плетя кружева...

Особенно ловко и споро ходили руки углубленной въ свое занятіе Валеріи. Изрѣдка къ ней обращалась съ вопросомъ, какая-нибудь дѣвушка, она вставала и кротко и терпѣливо показывала и объясняла, потомъ возвращалась на свое мѣсто и съ прежнимъ рвеніемъ принималась за работу...

Никто не зналъ, что кружева, которыя постоянно продавала въ пользу бѣдной старушки Анна Петровна своимъ знакомымъ, т. е. всей Москвѣ, были сработаны здѣсь, у нея, подъ ея и Валеріи руководствомъ.

Она не лгала: деньги шли дѣйствительно въ пользу бѣдной старушки, но этой бѣдною старушкой была она сама, Анна Петровна...

Никто не зналъ, какова была жизнь Оплаксиной, и никто изъ такъ называемаго „общества“ не подозрѣвалъ, что она не доѣдала куска, чтобъ были сыты ея „дѣтки“, какъ называла она своихъ крѣпостныхъ.

Даже Валерію часто обдѣляла она, говоря, что „ты своя, родная, а они (т. е. крѣпостные) Богомъ мнѣ поручены и за нихъ я Ему отвѣтъ должна дать!..“

И Валерія вполнѣ соглашалась съ нею и охотно переносила лишенія...

У Анны Петровны подъ Клиномъ была деревенька въ пятьдесятъ двѣ души мужскаго пола, и доходы, получаемые ею оттуда, оказывались крайне скудными, потому что Оплаксинскіе крестьяне не знали, что такое барщина, и платили, или, вѣрнѣе, никогда полностью не доплачивали положенный на нихъ до смѣшного малый оброкъ.

Зато, правда, всѣ они жили въ избахъ подъ тесовыми крышами, и сердце Анны Петровны радовалось, когда она послѣ утомительного пути на своихъ, на долгихъ, подъѣзжала къ своему Яльцову и издали показывались эти блестящія на солнцѣ, новыя, какъ золото, и старыя, какъ серебро, крыши...

Одно, что дѣлали аккуратно мужики Анны Петровны,— праздновали день ея рожденія, приходившійся на десятое іюля. Тутъ они являлись съ приношеніями яицъ, огурцовъ, творогу, масла и деревянныхъ ложекъ, и Оплаксина, до слезъ тронутая этими подарками, отдавала послѣднее на ихъ угощеніе.

Дворовыхъ въ городѣ изъ мужчинъ было у нея всего трое — кучеръ, ходившій за парой ея курчавыхъ низкорослыхъ дедевенскихъ лошадокъ, выѣздной и старикъ-дворецкій.

Остальной штатъ ея составляли дѣвушки, которыхъ она поила, кормила, выдавала замужъ и у всѣхъ у нихъ крестила потомъ и лечила дѣтей; послѣднее, впрочемъ, больше было дѣломъ Валеріи.

Домикъ, занимаемый ею въ Москвѣ, хотя очень небольшой, но все-таки приличный, нанимала она сверхъ своихъ средствъ и вела достойную по внѣшности жизнь для поддержанія имени Оплаксиныхъ, отказывая на самомъ дѣлѣ себѣ во всемъ и работая вмѣстѣ съ Валеріей цѣлыми днями надъ кружевомъ, продажа котораго позволяла ей кое-какъ сводить концы съ концами...

Екатерина Николаевна Лопухина оставила у себя кружево, но денегъ не заплатила, и это безпокоило Анну Петровну.

— Валерія,—проговорила она, отрываясь отъ работы, которая шла у ней по-старчески, ужъ не такъ, какъ прежде,—что-жъ это Екатерина Николаевна насчетъ денегъ-то?

— Ну, что-жъ, отдастъ!—успокоила ее Валерія, быстро перебирая коклюшки своими тонкими, безкровными пальцами...

— То-то отдастъ,—дорого вѣдь яичко въ Юрьевъ день!..

Нѣсколько работницъ, не стѣсняясь, фыркнули.

Анна Петровна обернулась.

— Ты чего?—сама улыбнувшись, спросила она у востроглазой, краснощекой Дуняши, особенно смѣшливой.

— Не въ Юрьевъ, а въ Христовъ день,—бойко отвѣтила Дуняша, не могшая никакъ привыкнуть къ вѣчнымъ обмолвкамъ барыни.

— Ну, въ Христовъ день... Вамъ бы все смѣшки надо мной. Ну, да ничего... Когда-жъ вамъ и смѣяться, какъ не теперь,—теперь для васъ все—копѣешная индюшка!..

Дуняша опять не выдержала и расхохоталась.

— Иль опять не такъ?—удивилась Анна Петровна, вообразившая, что на этотъ разъ не сдѣлала никакой ошибки.

— Чудно!—сказала Дуняша.

Она замѣтила, что барыня что-то снова перепутала, но не поняла, что Анна Петровна своей „копѣешной индюшкой“ хотѣла сказать, что молодымъ „жизнь копѣйка, а судьба индѣйка“, потому они и смѣются...

Въ дверь высунулась голова выѣздного, но сейчасъ же исчезла, и показался отстранившій его дворецкій.

— Госпожа Радовичъ. Прикажете принять?—доложилъ онъ, какъ будто Анна Петровна, по крайней мѣрѣ, сидѣла въ дипломатической гостиной, а не въ дѣвичьей, гдѣ плели кружево...

— Радовичъ!.. Господи помилуй!—удивилась Оплаксина, у которой Лидія Алексѣевна бывала разъ въ годъ, да и то всегда по особому приглашенію...

— Проси, проси,—засуетилась она.—Валерія, слышишь? Радовичъ пріѣхала...

— Онѣ просятъ кресло подать и чтобъ на креслахъ ихъ изъ кареты вынести, потому нездоровы,—доложилъ дворецкій...

— Ну, хорошо, вынеси... изъ гостиной возьми. Что-жъ это, Валерія,—обратилась Анна Петровна уже растерянно къ племянницѣ,—больна, на креслахъ—и вдругъ къ намъ... пойдемъ, надо встрѣтить...

— Идите, ma tante, я сейчасъ — могла выговорить только Валерія.

Сердце у нея замерло. Ясно было, что пріѣздъ Радовичъ означалъ что-то необыкновенное, важное, отчего жизнь зависитъ, но только что—хорошее или дурное, хорошее или дурное?..

И Валерія, вмѣсто того, чтобы идти за теткой, бросилась въ спальню и тамъ, сжавъ у груди руки, блѣдная, съ выступившемъ холоднымъ потомъ на лбу опустилась на колѣни передъ кіотомъ.

Она не могла сосредоточиться на словахъ какого-нибудь опредѣленнаго моленія, она жадно, почти дерзко, неистово и изступленно смотрѣла на любимый свой старинный образъ Богоматери и какъ бы ждала въ своемъ трепетѣ, что онъ явитъ ей...

— Барышня, васъ тетушка спрашиваетъ,—услыхала она голосъ горничной, присланной за нею...

Она встала, перекрестилась и пошла...

Посреди гостиной, въ креслахъ, въ которыхъ внесли сюда, сидѣла Лидія Алексѣевна Радовичъ.

Передъ нею стояла тетка и утирала платкомъ слезы на глазахъ.

— Валерія,—сказала тетка,—Лидія Алексѣевна дѣлаетъ намъ честь...—она всхлипнула,—проситъ твоей руки для сына ея, Дениса Ивановича...

Валерія со всѣхъ ногъ грохнулась на полъ въ обморокъ... Лидія Алексѣевна въ упоръ послѣ объясненія съ сыномъ, сойдя внизъ, велѣла заложить карету и отправилась къ Оплаксинымъ...

„Если Екатерина Лопухина,—расчитала она,—желаетъ обвести моего глупаго Дениса, то я ей устрою сюрпризъ, какого она не ожидаетъ!..“

И она ужъ заранѣе представляла себѣ, какое сдѣлаетъ лицо Екатерина Николаевна, когда Денисъ Ивановичъ, которому она, какъ думала Радовичъ, выхлопотала царскую милость, въ надеждѣ, что онъ женится на ея дочери, будетъ объявленъ женихомъ „стараго дива", Оплаксиной!

А ужъ если необходимо было выбирать ей невѣстку, то лучше тихой, скромной и тоже недалекой, какою всѣ считали ее, Валеріи, и найти было трудно...

„Они—два сапога пара",—рѣшила Лидія Алексѣевна и, собравъ послѣднія силы, поѣхала къ Аннѣ Петровнѣ, поймавъ, такъ сказать, сына на словѣ, съ тѣмъ, чтобы, когда офиціальное предложеніе будетъ сдѣлано, отрѣзать ему путь къ отступленію...

Валеріи привели въ чувство.

Отказа, разумѣется, не послѣдовало и Лидія Алексѣевна, вернувшись домой, призвала къ себѣ сына.

— Я сейчасъ отъ Анны Петровны Оплаксиной,—сказала она ему.—Она согласна на бракъ твой съ ея племянницей Валеріей...

— Маменька, да какъ же вы это такъ!—всплеснулъ руками Денисъ Ивановичъ.—Да вѣдь я только въ будущемъ...

— Зачѣмъ откладывать въ будущее то, что можно сдѣлать въ настоящемъ...

— Да какъ же, да развѣ возможно это?..

Черезъ полчаса Денисъ Ивановичъ входилъ, сіяя своимъ новымъ мундиромъ, къ Оплаксинымъ.

Онъ былъ очень смущенъ и сконфуженъ.

Валерія встрѣтила его одна въ гостиной.

Онъ подошелъ къ ней, взялъ ее за руку и не зналъ, что ему дѣлать съ этой рукой...

Она сочла нужнымъ томно вздохнуть, потому что читала въ романѣ, что въ такихъ случаяхъ дѣвицы вздыхаютъ томно...

Но вдругъ она не выдержала. Радость, переполнившая ея душу, просившаяся наружу, преодолѣла ее, она вскинула руки, взяла Дениса за щеки и, глянувъ на него счастливыми, прекрасными въ своемъ счастьѣ глазами, просто проговорила:

— Милый мой, да какъ же любить тебя буду!..

И она прижала его къ себѣ, а онъ заплакалъ отъ никогда еще въ жизни не испытанной ласки...

XX.

Свадьба Дениса Радовича съ Валеріей была отпразднована скоро, сейчасъ же, какъ кончился петровскій постъ.

Молодые уѣхали послѣ свадьбы въ Петербургъ, куда Денисъ Ивановичъ отправлялся по новому своему назначенію.

Съ ними поѣхала Анна Петровна, которую они уговорили не оставлять ихъ...

Петръ Васильевичъ Лопухинъ въ августѣ мѣсяцѣ перешелъ изъ Москвы въ Петербургъ, гдѣ занялъ должность генералъ-прокурора. Съ нимъ переѣхала его семья. Зародившаяся въ Москвѣ сплетня потянулась въ Петербургъ за Анной и дошла до того, что говорили, будто бы Павелъ Петровичъ учредилъ въ ея честь Аннинскій орденъ, хотя орденъ этотъ былъ учрежденъ его дѣдомъ герцогомъ Шлезвигъ-Гольштейнъ-Готторнскимъ, въ 1735 году, въ памятв супруги своей Анны Петровны, дочери Петра Великаго, а Павломъ I лишь принять въ день его коронованія въ число россійскихъ орденовъ.

Сплетнѣ долженъ былъ быть положенъ конецъ, когда Анна Петровна сама разсказала о своей любви къ Гагарину императору Павлу.

Гагаринъ находится тогда въ дѣйствующей арміи за границей, подъ начальствомъ Суворова.

Павелъ Петровичъ послалъ немедленно личное предписаніе, чтобы Гагаринъ былъ присланъ курьеромъ въ Петербургъ при первомъ же счастливомъ событіи. Суворову нетрудно было исполнить это. Побѣды слѣдовали за побѣдами. Одиннадцатаго іюля 1799 года Гагаринъ привезъ извѣстіе о двукратномъ пораженіи Макдональда на Требіи. Онъ былъ щедро награжденъ, но лучшей наградой ему была любимая имъ и любящая его Анна...

Денисъ Ивановичъ счастливо служилъ въ Петербургѣ, и многіе не понимали, какимъ образомъ онъ удержался тамъ, женившись не на Аннѣ Лопухиной, а на Оплаксиной?..

И общій голосъ былъ—„дуракамъ счастье“!..

Радовичъ былъ счастливъ вполнѣ своею женою и даже тетушкой Анной Петровной, которая съ годами стала путать еще больше „однодворца съ вольтеріанцемъ“... и была извѣстна этимъ всему Петербургу...

Лидія Алексѣевна осталась жить съ Корницкимъ въ московскомъ домѣ, по прежнему полной хозяйкой всего имѣнія, но не долго.

Она умерла отъ припадка желчной колики, разсердившись, что ей была подана простокваша не по ея вкусу, не достаточно холодная.

Смерть ея была почти скоропостижная, такъ что, когда пріѣхалъ Денисъ Ивановичъ, вызванный изъ Петербурга, онъ не засталъ ея.

Онъ не только не засталъ ея, но и московскаго своего дома, который сгорѣлъ, пока еще покойница лежала въ гробу...

Вмѣстѣ съ нею мертвой, сгорѣлъ заживо Зиновій Яковлевичъ Корницкій.

Послѣднее время онъ жилъ подъ вѣчнымъ страхомъ, что на него нападутъ и покончатъ съ нимъ. Страхъ этотъ сдѣлался у него какъ-бы болѣзненнымъ.

Онъ сдѣлалъ на свои окна желѣзныя ставни и запиралъ дверь нѣсколькими болтами. Единственно кого допускалъ онъ къ себѣ—своего вольнонаемнаго кучера татарина.

То, что, по его мнѣнію, должно было спасти его, т. е. болты и ставни, послужило ему погибелью.

Когда вспыхнулъ домъ, онъ второпяхъ не могъ отпереть двери и задохся отъ дыму, а потомъ сгорѣлъ...

Василиса передала Денису Ивановичу спасенную отъ огня шкатулку Лидіи Алексѣевны, и тамъ нашелъ онъ пожелтѣвшую отъ времени записку, написанную почеркомъ Корницкаго: „Клянусь всемогущимъ Богомъ, что ни я, ни кто другой не причастенъ къ смерти Ивана Степановича Радовича, умершаго своею смертью, какъ указано въ свидѣтельствѣ доктора".

Видно было, что Лидія Алексѣевна тоже подозрѣвала Корницкаго и онъ далъ ей письменную клятву, что мужъ ея не былъ убитъ.

Прочтя эту записку, Денисъ Ивановичъ перекрестился и проговорилъ:

— Слава Богу,—мать моя не была убійцею!..

Князь М. Н. Волконскій.

Русскій дворъ при Петрѣ III и Павлѣ I [1]).

„*Исторія Кавалергардовъ*“, предпринятая, какъ извѣстно, по случаю исполнившагося въ 1899 году столѣтія со времени учрежденія Кавалергардскаго полка, представляетъ собою трудъ несомнѣнно выдающійся не только среди чисто-военныхъ исторій полковъ, но и вообще въ исторической нашей литературѣ послѣдняго времени. Близость Кавалергардовъ къ исторіи Императорскаго дома и двора значительно расширила задачу автора и дала ему возможность, не ограничиваясь узкою рамкою полковой жизни и полкового уклада Кавалергардовъ, коснуться интереснѣйшихъ страницъ русской исторіи. Кромѣ печатныхъ, доступныхъ всѣмъ источниковъ, автору были открыты русскіе и заграничные архивы, въ которыхъ онъ пользовался рукописями и другими матеріалами, недоступными для большой публики. И надо отдать справедливость С. А. Панчулидзеву, онъ съ большимъ искусствомъ использовалъ свой матеріалъ. Чуждый однообразнаго, сухого изложенія, онъ даже въ чисто формальныхъ страницахъ описанія полковой жизни, съумѣлъ внести живую струю блестящаго историческаго пересказа, не поддаваясь столь легкому, при изложеніи событій XVIII вѣка, соблазну—впасть въ анекдотическій тонъ. Второй томъ „Исторіи Кавалергардовъ“ обнимаетъ вторую половину причудливаго и богатаго дворскими потрясеніями XVIII вѣка, отъ воцаренія Петра III до безвременной кончины Павла I. Отецъ, мать и сынъ послѣдовательно занимаютъ русскій престолъ: прусское вліяніе, сказавшееся на мрачныхъ эпохахъ Петра III и Павла I, чисто русскія стремленія великой Импе-

¹) С. Панчулидзевъ. Исторія кавалергардовъ. 1724—1799—1899. Томъ II. Спб. Эксп. заг. гос. бумагъ.

ратрицы, перемѣна двухъ государей, дважды связанная съ трагическими событіями—вотъ тѣ широкія рамки пестрой и оживленной историко-бытовой картины, въ которыя включенъ трудъ автора „Исторіи Кавалергардовъ“—трудъ, безусловно вызывающій вниманіе исторической критики.

Весь смыслъ русской исторіи второй половины XVIII вѣка—это борьба русскаго національнаго начала съ иноземщиной, дѣлающей попытки перекроить на свой ладъ не только внѣшнія формы культуры, но и самыя основы, самую сущность русской жизни. И всегда, въ концѣ концовъ, торжествуетъ національная идея, проходя невредимой черезъ всѣ испытанія, ниспосланныя ей судьбою, оставаясь чистой, какъ алмазъ, годный для огранки, но неспособный измѣнить своего вещества, своей сущности. Россія въ царствованіе Петра I вступила на путь общемірового прогресса, но не въ силу самобытнаго развитія, а по волѣ одного лица. Разумѣется личности не дѣлаютъ всецѣло исторію и для дѣятельности Петра приспѣлъ моментъ, когда русское государство почувствовало себя сильнымъ природной силою, но какъ бы отрѣшеннымъ отъ тѣхъ благъ культуры, которыхъ достигъ многовѣковой борьбой человѣкъ на западѣ. Петръ—первый изъ цѣлаго ряда правителей, прельстился укладомъ европейской жизни и самодержавно пожелалъ видѣть народъ русскій—европейцами. Реформа всей жизни шла сверху, не считаясь ни со временемъ, ни съ вѣковыми обычаями, ни съ самой психологіей народа. Девизомъ государственной дѣятельности стало нетерпѣливое „скорѣй“, и съ той поры иноземщину стали вливать въ русскую жизнь цѣлыми ушатами, не считаясь съ тѣмъ, что нижніе слои (народъ) неизмѣнно пребываютъ въ первобытной неподвижности ума, застыли въ формахъ стародавняго уклада, которыя не измѣнятся ни отъ фижмъ, париковъ и блестящихъ кафтановъ, ни отъ прусскихъ мундировъ, ни отъ замѣны палками и шпицрутенами національныхъ батоговъ и кнута.

Здѣсь, въ началѣ XVIII вѣка, было положено начало расхожденія идеаловъ народа съ идеалами внѣшней европеизаціи. Нетерпѣніе Петра I выразилось, быть можетъ, больше всего въ постройкѣ Петербурга. Москва поддавалась туго. Москва не хотѣла уступить и все держалась цѣпко за старину. Передѣлать ее—нужны десятки лѣтъ, быть можетъ, цѣлое столѣтіе. И вотъ, преобразователь рѣшаетъ проблему европеизаціи по своему: если Москва не принимаетъ новшествъ, надо уйти отъ нея и прорубить новое окно въ Европу, построить новый городъ, гдѣ все было бы по новому, по заморскому, видѣнному

самимъ царемъ въ чужихъ странахъ. Думается, не исканіемъ моря, а больше всего психологіей самого Петра I можно объяснить постройку сѣверной столицы. При головокружительной быстротѣ реформы, при страстномъ желаніи скорѣе видѣть русскаго, ставшаго европейцемъ, не могло быть и рѣчи о медленной, культурной работѣ, имѣвшей въ виду не фортеціи, парики, ассамблеи и корабли, а прогрессивное развитіе самой русской личности въ духѣ самосознанія и разума. Славянинъ долженъ былъ обриться, переодѣться, научиться инымъ словамъ и внѣшнему лоску, пріобрѣсти полезныя для выполненія регламентовъ свѣдѣнія; но скрываетъ ли новый кафтанъ дикаря или цивилизованнаго человѣка, работаетъ ли мозгъ по законамъ свободнаго мышленія, гуманизировалась ли сама личность,—этимъ никто не интересовался.

Было сказано: да будемъ мы европейцами. И стало такъ. Съ той поры какъ бы явилось и до сихъ поръ не устарѣвшее ученіе, что въ городахъ и домахъ, построенныхъ по-европейски, среди внѣшней культуры и даровъ техническаго прогресса, русскому человѣку становится стыдно не быть цивилизованнымъ человѣкомъ, европейцемъ. Цивилизація началась съ внѣшнихъ формъ въ надеждѣ, что сообразно съ ними измѣнится и внутреннее содержаніе. Достичь умственнаго и нравственнаго прогресса предполагалось безъ самобытнаго развитія природныхъ свойствъ, безъ исторической школы самостоятельнаго творчества и свободнаго *національнаго духа*.

Россія одѣлась по-европейски, но не стала европейскимъ государствомъ.

Легкость, съ которой Петръ I переодѣлъ русскихъ и ввелъ внѣшнюю культуру чуждыхъ народовъ, создала то особое мнѣніе, будто съ русскимъ по своему желанію можно сдѣлать все, что угодно, создала ложное представленіе о тѣстообразности русскаго народа, который якобы безпрепятственно можно лѣпить по желаемому образцу.

XVIII вѣкъ доказалъ однакоже *живучесть національнаго самосознанія* и неподатливость русскаго человѣка, который крѣпко держится того, что составляетъ его духовную сущность.

Можно было вводить сколько угодно регламентовъ, перестраивать внѣшнюю жизнь, но всякое покушеніе на внутреннее содержаніе вызывало отпоръ и ясно доказывало, что съ духомъ русскаго народа слѣдуетъ считаться, а посягать на устои его духовной жизни даже небезопасно. Самъ Петръ I, повидимому не стѣснявшійся ничѣмъ, понималъ, что можно обрить бороды, даже разрушить замкнутость семейной жизни, можно

перелить колокола въ пушки и конфисковать монастырскую казну, но нельзя касаться догматовъ православія, нельзя унижать достоинства русскаго человѣка презрѣніемъ къ нему и полнымъ недовѣріемъ. Но *Петръ I прежде всего былъ истинно русскимъ человѣкомъ, и въ этомъ несомнѣнно надо искать разгадку успѣха его реформаторской дѣятельности.* Воспринимая культуру Запада, Русь непоколебимо охраняла свои устои и всякая попытка коснуться ихъ неизбѣжно приводила къ коренному разладу между народомъ и представителями чуждаго вліянія, и это тѣмъ болѣе, что попытки эти не считались съ психологіей русскаго народа, не представляли собою послѣдовательной, культурной работы, во имя его блага, а нерѣдко являлись произволомъ лица, смотрящаго часто презрительно и недовѣрчиво на русскихъ людей, лишь потому, что они не передѣлываются по первому манію въ пруссаковъ.

Первая глава второго тома „Исторіи" посвящена кратковременному царствованію Петра III, и съ первыхъ же строкъ авторъ ставитъ характеристику этого монарха. Отъ новаго государя, по обыкновенію, ждали милосердія къ опальнымъ истекшаго царствованія. И онъ дѣйствительно явилъ это милосердіе, возвративъ изъ ссылки *Миниха, Бирона, Лестока, Менгдена* и имъ подобныхъ, позабывъ лишь вѣрнаго слугу истинно-русскихъ интересовъ—знаменитаго канцлера Елизаветы *Бестужева.* Пристрастіе ко всему прускому и слѣпое поклоненіе Фридриху II стало обнаруживаться съ первыхъ же дней новаго царствованія. Съ королемъ прусскимъ, побѣжденнымъ Россіей, заключенъ миръ, не только не вызванный необходимостью, но прямо противорѣчившій обстоятельствамъ и ихъ требованіямъ. „Всѣ видѣли ясно", говоритъ авторъ, „что русскіе интересы приносятся въ жертву интересамъ чуждымъ и враждебнымъ; всего оскорбительнѣе было то, что Россія подпала подъ чуждое вліяніе, чужое иго, чего не было даже въ эпоху Бироновщины. Остерманъ, Минихъ, Биронъ были русскіе подданные и не позволяли посламъ чужихъ государей распоряжаться, какъ теперь распоряжался прусскій камергеръ Гольцъ. Двадцать лѣтъ прожили въ утѣшительномъ сознаніи самостоятельности и величія Россіи, имѣвшей могущественное вліяніе на европейскія дѣла, а теперь до какого позора дожили! Иностранный посланникъ заправляетъ русскою политикою, чего не бывало со временъ татарскихъ баскаковъ, ибо то рабство, невольное, не было такъ позорно какъ добровольное!" Голштинскій принцъ, объявленный наслѣдникомъ русскаго престола, получивъ послѣ кончины Елизаветы Петровны

бразды правленія, помимо своего неустойчиваго характера и несоотвѣтствующихъ достоинству державнаго правителя дѣйствій, проявляетъ полное невниманіе къ русской самобытности, къ національной гордости. Поставивъ идеаломъ своимъ Фридриха, Петръ III хочетъ сразу передѣлать всю Русь по образцу любезной ему Пруссіи. Семилѣтняя война, во время которой немало пролито было и русской крови, прекращается, и вмѣсто почетнаго мира, Россія побѣдоносная, полная силъ, вѣрящая въ себя, должна идти на уступки благодаря своенравной волѣ Петра. Это задѣло національное достоинство, оскорбило армію. Къ тому же во главѣ ея ставились прусскіе выходцы, люди, съ презрѣніемъ относившіеся къ всему русскому. Самая одежда войскъ заимствуется у недавнихъ враговъ, а старопетровскіе мундиры, ставшіе уже національными, снимаются и свозятся въ склады, гдѣ лежатъ до переворота 1762 г., когда гвардейскіе полки сбрасывали ненавистную форму и вновь переодѣвались въ любимое военное одѣяніе, еще не успѣвшее истлѣть въ интендантствѣ.

Петръ III относится крайне враждебно къ своей супругѣ: онъ оскорбляетъ ее и публичной связью съ другой женщиной, и рѣзкимъ обращеніемъ въ присутствіи всего Двора, и собирается отдать приказъ объ ея арестованіи... А супруга эта уже успѣла завоевать обширнымъ умомъ и любовью къ своей второй родинѣ искреннія симпатіи русскихъ людей.

Наконецъ, послѣ множества легкомысленныхъ поступковъ, не внушавшихъ уваженія, Петръ III покушается явно на догматы православія и необдуманно даетъ такіе приказы русскому духовенству, которые заставляютъ подозрѣвать желаніе насадить на Руси лютеранство. Это было послѣдней каплей, переполнившей чашу.

Русскіе люди всюду оттѣснены; вмѣсто нихъ, государственными дѣлами заправляютъ посланцы короля прусскаго: *Гольцъ*, *Шверинъ*, *Сальдернъ*.

Понятно, что вскорѣ послѣ вступленія на престолъ Петра III, сталъ слышаться повсюду ропотъ, и сначала тихій, неувѣренный, онъ зазвучалъ все громче и сильнѣе. Къ нему прислушивалась будущая Императрица, но и прусскіе сателлиты не дремали. Они тотчасъ сообщили о тревожномъ положеніи Фридриху II.

Авторъ подробно останавливается на любопытной перепискѣ двухъ государей по этому поводу.

„4 мая (н. с.) Фридрихъ II написалъ письмо Петру III, „читая которое, трудно вѣрится, чтобы иностранный государь

„могъ такъ оскорбительно отзываться о подданныхъ того госу-„даря, которому онъ пишетъ: „Признаюсь, мнѣ бы очень хотѣ-„лось, чтобъ ваше величество уже короновались, потому что эта „*церемонія* (!) производитъ сильное впечатлѣніе на народъ, при-„выкшій видѣть коронованіе своихъ государей. *Я вамъ скажу „откровенно, что не довѣряю русскимъ*. Всякій другой народъ „благословлялъ бы небо, имѣя государя съ такими выдающи-„мися и превосходными качествами, какія у вашего величества „(*éminentes et admirables qualités*), но *эти русскіе*, чувствуютъ ли „они свое счастіе, и проклятая продажность какого-нибудь „одного ничтожнаго человѣка развѣ не можетъ побудить его „къ составленію заговора или къ поднятію возстанія въ пользу „этихъ Принцевъ браунщвейгскихъ?"

Совѣтникъ русскаго царя не предполагалъ, что надежности царствованія Петра III угрожаетъ опасность совсѣмъ съ другой стороны... Далѣе совѣтуется имѣть наблюденіе за русскими посредствомъ *„вѣрныхъ надсмотрщиковъ"*, Голштинцевъ и Ливонцевъ.

Петръ III отвѣчалъ:

„Ваше Величество пишете, что, по вашему мнѣнію, я дол-„женъ короноваться прежде выступленія въ походъ, именно по „отношенію къ народу. Но я долженъ вамъ сказать, что, такъ „какъ война почти начата, то я не вижу возможности прежде „короноваться, точно также по отношенію къ народу; коронація „должна быть великолѣпна по обычаю, и я не могу сдѣлать „великолѣпной коронаціи, не имѣя возможности ничего въ ско-„рости здѣсь найти. Что касается Ивана [1]), то я держу его подъ „крѣпкою стражею, и если бы *русскіе* хотѣли сдѣлать мнѣ зло. „то могли бы уже давно его сдѣлать, видя, что я не принимаю „никакихъ предосторожностей, предавая себя въ защиту Господа „Бога, ходя пѣшкомъ по улицамъ, *что Гольцъ можетъ засвидѣ-„тельствовать*. Могу васъ увѣрить, что когда умѣешь обхо-„диться съ ними, то можно быть покойнымъ на ихъ счетъ. „Ваше величество, что подумаютъ обо мнѣ *эти самые русскіе*, „видя, что я сижу дома въ то самое время, когда идетъ война „въ моей *родной* землѣ, русскіе, которые всегда желали одного— „быть подъ властью государя, а не женщины; двадцать разъ я „самъ слышалъ отъ солдатъ моего полка: „Дай Богъ, чтобы вы „скорѣе были нашимъ государемъ, чтобы не быть намъ больше „подъ властію женщины". Но, что всего важнѣе, я никогда не „прощу себѣ этой подлой трусости, я умру съ тоски отъ мысли,

[1]) Іоанна Антоновича.

„что я, будучи *первымъ принцемъ моего дома*, остался въ без-„дѣйствіи, когда велась война для возвращенія того, что было „несправедливо отнято у его предковъ, и Ваше Величество много „потеряли бы изъ своего уваженія ко мнѣ, если бы я это сдѣ-„лалъ".

Несомнѣнно, что еще будучи наслѣдникомъ, Петръ III уже негодовалъ на дѣйствія русскихъ войскъ противъ Пруссіи и радовался неуспѣху русскаго оружія. „Я хорошо знаю, что русскіе никогда не могутъ побѣдить пруссаковъ". Это говорилъ будущій русскій государь, узнавъ о Цорндорфской битвѣ, со словъ слуги полковника Розена, пріѣхавшаго въ Петербургъ съ донесеніемъ.

Понятно, что симпатіи Петра III не могли лежать и къ тому войску, которое было особливо призвано охранять особу покойной государыни Елисаветы Петровны, — къ Лейбъ-компаніи. Въ благодарность за преданность, оказанную Преображенцами 26 ноября 1741 г., Императрица учредила Лейбъ-компанію, каковое имя было присвоено гренадерской ротѣ Преображенскаго полка, въ которой,—какъ сказано въ манифестѣ,— „капитанское мѣсто Мы соизволяемъ сами содержать и оною командовать". Такъ образовалась особая почетная стража при особѣ Государыни, даровавшей ей всевозможныя льготы и милости и относившейся даже снисходительно къ ея нерѣдко буйнымъ наклонностямъ и довольно смѣлымъ поступкамъ, вслѣдствіе распущенности нравовъ, о чемъ подробно повѣствуется въ первомъ томѣ „Исторіи Кавалергардовъ".

Петръ III рѣшился раскассировать Лейбъ-компанцевъ.

„Еще будучи Великимъ Княземъ, онъ называлъ гвардейскихъ солдатъ янычарами, живущими на одномъ мѣстѣ въ казармахъ съ женами и дѣтьми, и говорилъ, что они только блокируютъ резиденцію, неспособны ни къ какому труду, ни къ военнымъ экзерциціямъ и всегда опасны для правительства".

Гвардія наружно покорилась и безпрекословно переодѣлась въ коротенькіе мундирчики, но внутри накоплялось все сильнѣе чувство обиды и недовольства.

Все, что было унижено и оскорблено, естественно стало группироваться около молодой Государыни, обаятельной своими душевными качествами и сумѣвшей стать истинно русской женщиной, понять духъ русскаго народа. Отдѣльно, не сговариваясь другъ съ другомъ, работали въ пользу переворота гр. Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій (гетманъ и полковникъ Измайловскаго полка) и братья Орловы.

Все болѣе обострявшіяся взаимныя отношенія державныхъ супруговъ несомнѣнно способствовали ускоренію роковой развязки. 9 іюня на торжественномъ обѣдѣ въ присутствіи 400 лицъ Петръ III нанесъ Императрицѣ страшное оскорбленіе. На вопросъ Петра, почему она не встала при тостѣ за здоровье Императорской фамиліи, Императрица отвѣтила, что такъ какъ императорская фамилія состоитъ только изъ Его Величества его сына и ея самой, то она никакъ не полагала, чтобы ей нужно было встать. Петръ приказалъ передать супругѣ чрезъ Гудовича оскорбительное слово, и боясь, что тотъ не рѣшится передать его, крикнулъ бранное выраженіе такъ, что его могло слышать большинство обѣдавшихъ.

Салтыковъ, подозванный Государыней съ цѣлью разсѣяться послѣ тяжкаго оскорбленія разговоромъ, былъ высланъ. Разгнѣванный Петръ готовъ былъ дать распоряженіе объ арестѣ жены. Носились слухи, что ей грозитъ вѣчное заключеніе въ монастырѣ.

Арестъ Пассека создалъ положеніе, изъ котораго не было иного исхода, какъ немедленное осуществленіе переворота.

Гвардейцы, еще не забывшіе временъ Елизаветы Петровны личность которой была полна обаянія, какъ дочери Великаго Преобразователя, легко перенесли свои симпатіи на Императрицу, хотя и не состоявшую въ кровномъ родствѣ съ домомъ Петра, но сумѣвшую въ годы супружескаго одиночества изучить русскихъ, понять и полюбить ихъ. Къ тому же въ XVIII вѣкѣ правленіе женщинъ стало дѣломъ обычнымъ и, какъ ни тяжекъ былъ гнетъ Бирона при Аннѣ Іоанновнѣ, періодъ единовластія ея отмѣченъ мирнымъ государственнымъ строительствомъ, спокойнымъ ходомъ государственнаго механизма, а часто и блестящими проявленіями русскаго ума русскихъ людей. Напротивъ, начиная съ самодержавнаго отрока, всѣ попытки водворенія на престолѣ мужскихъ отпрысковъ царствующаго дома отмѣчены смутами, тяжкими переворотами и какъ бы презрѣніемъ къ нуждамъ народа, къ его жизни, презрѣніемъ къ судьбамъ его и всей Россіи. При Петрѣ II выдвигается олигархія верховниковъ, преслѣдовавшихъ личныя цѣли захвата власти, при чемъ первенствуетъ полновластный фаворитизмъ. Объявленіе Императоромъ злополучнаго младенца Іоанна тоже не сулитъ покоя и, начавшееся распрей и взаимной борьбой между людьми, мечтавшими встать фактически во главѣ государства, это эфемерное царствованіе отмѣчено насиліемъ, своекорыстными интригами и тяжкой несправедли-

востью. И Петръ III, не успѣвъ еще заслужить любви народа, уже принимается за ломку существующаго, да и послѣ того какъ бы намѣренно топчетъ русское достоинство, давая предпочтеніе иностранцамъ,—недавнимъ врагамъ.

Женщина на престолѣ — миръ, благоденствіе, слава русскаго оружія. Мужчина—раздоры, недовольство, ропотъ. Такъ смѣнялись царствованія въ XVIII вѣкѣ и естественно, что въ Екатеринѣ II видѣли ту Матушку и Государыню, при которой, какъ и при Елизаветѣ Петровнѣ, государство и русское общество пойдутъ къ процвѣтанію, къ славѣ, а не къ упадку. Это обаяніе женовластія, конечно, одна изъ многихъ причинъ, приведшихъ легкомысленнаго Петра III къ роковой развязкѣ.

Русская гвардія не была римскими преторіанцами, возводившими на престолъ, кого хотѣли, но она имѣла свою исторію, тѣсно связанную съ исторіей новой Россіи. Потѣшные полки Петра-отрока, переименованные послѣ въ гвардейскіе, являются какъ бы ближайшимъ оплотомъ царя и, быть можетъ, еще въ первой половинѣ XIX вѣка сохранилось обаяніе гвардіи, какъ вліятельной силы, преданной петербургскому двору и вліяющей на его судьбы.

Партія Екатерины составилась очень быстро, имя ея было крайне популярно среди обиженныхъ русскихъ полковъ. Сама Императрица свидѣтельствуетъ, что къ концу іюня 1762 г. число соумышленниковъ въ гвардіи достигало 40 офицеровъ и не менѣе 10,000 рядовыхъ солдатъ. Несмотря на такое большое количество посвященныхъ, среди нихъ не оказалось измѣнниковъ. Первоначальный планъ состоялъ въ томъ, чтобы Петра III захватить въ Зимнемъ дворцѣ и заточить, подобно императору Іоанну. Но случай все это измѣнилъ: Петръ уѣхалъ въ Ораніенбаумъ и долженъ былъ вернуться въ Петербургъ для проводовъ гвардіи въ походъ противъ Даніи. Рѣшено было захватить его именно въ это время, но предвидѣли возможность совершить переворотъ и раньше. Екатерина писала Понятовскому: „въ случаѣ измѣны не будутъ ожидать пріѣзда Императора въ Петербургъ, но соберутъ гвардейскіе полки и провозгласятъ меня“.

Такъ и пришлось поступить, когда послѣдовалъ доносъ, вызвавшій арестъ одного изъ заговорщиковъ, Капитана Преображенскаго полка *Пассека*.

Всѣ обстоятельства сложились крайне благопріятно. Гвардія была собрана въ Петербургѣ и глухо волновалась, недовольная походомъ противъ Даніи. Изъ Ораніенбаума приходили все болѣе тревожные слухи, конечно сильно раздуваемые заговор-

щиками. Говорили, что жизнь Императрицы въ опасности, что при освященіи лютеранской церкви Петръ III причастился по евангелическому обряду, что Православію угрожаетъ опасность. Ропотъ перешелъ въ открытый протестъ. Наступила пора дѣйствовать. Всякое промедленіе могло повлечь за собой арестъ главарей заговора...

Смѣлый переворотъ 1762 г. много разъ описанъ уже историками, и въ книгѣ С. А. Панчулидзева, за исключеніемъ нѣкоторыхъ *важнѣйшихъ подробностей*, не сообщается новыхъ, еще неизвѣстныхъ фактовъ.

Вмѣсто похода противъ Даніи, столь нежеланнаго, гвардія, переодѣвшись въ прежнюю форму, не напоминающую позорнаго подражанія пруссакамъ, двинулась на Петергофъ при всеобщемъ ликованіи. Это была скорѣе веселая военная прогулка, обошедшаяся безъ пролитія капли крови, хотя несомнѣнно, что полки горѣли желаніемъ подраться съ Голштинцами. Такъ бы оно и случилось, если бы Петръ III не палъ сразу духомъ, предпочтя русскому престолу бутылку вина и близость Воронцовой. Войска не встрѣтили отпора, и въ 5-мъ часу дня 29 іюня появленіе кареты со спущенными шторами, окруженной гренадерами, возвѣстило гвардіи, что отрекшійся Петръ совершаетъ свое послѣднее путешествіе въ Ропшу подъ непосредственнымъ надзоромъ Алексѣя Орлова.

Гвардія потянулась обратно въ Петербургъ, празднуя по дорогѣ свою безкровную побѣду, а въ столицѣ начался настоящій всенародный пиръ, причемъ немало пострадали взятые приступомъ винные погреба.

Въ разгаръ ликованія Измайловскій полкъ вообразилъ, что Петербургъ осажденъ Пруссаками и Императрицѣ грозитъ опасность.

Сама Екатерина такъ описываетъ этотъ случай:

„Съ пятницы, съ 6 часовъ утра я ничего не ѣла, не пила, „почти вовсе не спала. Въ воскресенье вечеромъ я легла въ „постель. Едва я уснула, какъ въ полночь входитъ въ спальню „капитанъ Пассекъ и будитъ меня, говоря: „наши люди страшно „пьяны: какой-то гусаръ, тоже пьяный, закричалъ имъ: „братцы, „къ оружію, три тысячи пруссаковъ идутъ сюда и хотятъ похитить нашу матушку". Люди схватили ружья и идутъ сюда „освѣдомиться о вашемъ здоровьи говоря, что уже три часа, „какъ они не видѣли васъ, и что они спокойно уйдутъ, убѣдившись, что съ вами ничего не случилось. Они не слушаютъ „своихъ начальниковъ Орловыхъ". И вотъ я опять на ногахъ.

„Чтобъ не встревожить батальонъ, занимавшій караулъ во „дворцѣ, я отправилась къ нему и объяснила, почему я вы„хожу въ такой поздній часъ. Я сѣла въ карету съ двумя де„журными офицерами и отправилась къ Измайловцамъ; я ска„зала имъ, что совершенно здорова, чтобъ они шли спать и „оставили меня въ покоѣ, что я не спала три ночи и только „что уснула. Я выразила имъ свое желаніе, чтобъ они впредь „слушались своихъ офицеровъ. Они отвѣчали, что ихъ встре„вожили проклятые пруссаки, но что они готовы умереть за „меня. Я сказала имъ: „ну, ладно, спасибо, но ступайте спать“. „Они пожелали мнѣ доброй ночи, всякаго здравія и разошлись, „какъ овечки, все оглядываясь на мою карету“.

6 іюля 1762 года былъ изданъ манифестъ о восшествіи на престолъ Екатерины II, въ которомъ попутно исчислялись всѣ вины низверженнаго Императора. Поминаются здѣсь и „озлобленія“, оказанныя еще великимъ княземъ „всепресвѣтлѣйшей теткѣ своей и монархинѣ“ и то, что онъ „оказывалъ опыты дерзновенной своей неблагодарности, то презрѣніемъ къ ея Особѣ, то ненавистью къ отечеству“. Послѣдняя прежде всего высказалась въ дѣлахъ вѣры и особенно оттѣнена въ манифестѣ: „Не имѣвъ, какъ видно, въ сердцѣ своемъ слѣдовъ „вѣры Православной греческой“,—говорится въ этомъ манифестѣ,—„хотя въ томъ и довольно наставляемъ былъ, коснулся „онъ перво всего древнее Православіе въ народѣ искоренять „своимъ самовластіемъ, оставивъ своею персоною Церковь Божію „и моленіе и потомъ началъ помышлять о раззореніи и самихъ „церквей... И симъ образомъ православными владычествовать „восхотѣлъ, перво всего начавъ истреблять страхъ Божій, пи„саніемъ святымъ опредѣленный началомъ премудрости“. Далѣе говорится, что ставъ Императоромъ „не восхотѣлъ объявить „наслѣдникомъ престола Богомъ дарованнаго Намъ сына, Ве„ликаго Князя Павла Петровича, оставляя самовольству своему „предметъ, который онъ въ погубленіе Намъ и сыну Нашему „въ сердцѣ своемъ положилъ, а вознамѣрился или вовсе право, „ему преданное отъ Тетки своей, испровергнуть, или отечество „въ чужія руки отдать, забывъ правило естественное, что никто „бо̀льшаго права другому дать не можетъ, какъ то, которое „самъ получилъ“. Обвинялся низвергнутый Петръ и въ томъ, что „законы въ государствѣ пренебрегъ, расточилъ казну и „изъ войны кровопролитной начиналъ другую безвременную и „государству россійскому крайне безполезную“. Особое вниманіе удѣляется въ манифестѣ распоряженіямъ Петра III относительно войскъ и въ частности гвардіи. „Возненавидѣлъ полки

„гвардіи освященнымъ его Предкамъ вѣрою всегда служившіе, „превращать ихъ началъ въ обряды неудобоносимые, которые „не токмо храбрости военной не умножали, но паче растравляли „сердца болѣзненныя всѣхъ вѣрноподданныхъ его войскъ и „усердно за вѣру и отечество служащихъ и кровь свою проливающихъ. Армію всю раздробилъ такими новыми законами, „что будто не единаго государя войско то было, но чтобы „каждый въ полѣ удобнѣе всего поборника губилъ, давъ полкамъ иностранные, а иногда и развращенные виды, а не тѣ, „которые въ ней единообразіемъ составляютъ единодушіе".

Только о себѣ почти не извѣщаетъ Императрица, о семейномъ своемъ положеніи, о долѣ брошенной, ради фаворитки, супруги. Событія однако слѣдовали чрезвычайно быстро и объявленіе манифеста являлось почти не нужнымъ. 6 іюля 1762 года въ Ропшѣ скончался Петръ III и Алексѣй Орловъ писалъ императрицѣ: „Матушка, милосердная государыня, какъ мнѣ изъяснить, описать, что случилось. Не повѣришь вѣрному своему рабу. — Но какъ передъ Богомъ скажу истину. — Матушка. — Готовъ идти на смерть, но самъ не знаю, какъ эта бѣда случилась. — Погибли мы, когда ты не помилуешь матушка,—его нѣтъ на свѣтѣ. Но никто сего не думалъ и т. д.". Императрица была глубоко потрясена, но послѣ первыхъ минутъ отчаянія приняла твердое рѣшеніе. Восьмого іюля 1762 г. было объявлено всенародно, что „бывшій императоръ Петръ III скончался отъ гемморондальнаго припадка, которымъ и прежде часто подверженъ былъ". Сообщая, что тѣло императора привезено будетъ въ Невскій монастырь, манифестъ объявлялъ: „а между тѣмъ всѣхъ вѣрноподданныхъ возбуждаемъ и увѣ„щеваемъ нашимъ Императорскимъ и матернимъ словомъ, „дабы безъ злопамятствія всего происшедшаго, съ тѣломъ его „послѣднее учинили прощаніе и о спасеніи души его усердныя „къ Богу приносили молитвы"...

Ближняя охрана императорскаго престола—лейбъ-компанцы получили вновь свое выдающееся значеніе и пожалованы были „въ Кавалергарды". Этимъ Екатерина II возвращалась къ временамъ Петра I, примѣру котораго рѣшила слѣдовать во всемъ.

Первымъ шефомъ „*Кавалергардскаго корпуса*" былъ назначенъ *гр. Гендриковъ*, причемъ была принята вновь организація корпуса 1726 года, утвержденная Императрицей Екатериной I.

Принимавшіе непосредственное и преимущественное участіе въ переворотѣ, гвардейцы были особо награждены выдачей полугодового жалованья. Окончательное устройство кавалергар-

дамъ, или какъ тогда говорилось „швальегардамъ“, было дано въ 1764 г. Представленный по этому поводу проектъ гр. Чернышевымъ былъ государынею конфирмованъ и противъ второго послѣ шефа чина—поручика (по рангу ген.-поручика) собственноручно начертано: „графъ *Григорій Орловъ*“, о парадномъ же мундирѣ резолюція: „образцовый данъ будетъ“. Въ 1765 г. гр. Гр. Орловъ уже назначается шефомъ, а поручикомъ—гр. *Алексѣй Орловъ*.

„Когда закатилась звѣзда Григорія Орлова, то гр. Алексѣй Григорьевичъ подалъ прошеніе объ увольненіи его въ отставку, о чемъ 1 января военная коллегія увѣдомила Кавалергардскій корпусъ; на мѣсто Алексѣя Орлова того же 1 января 1776 года поручикомъ назначенъ *Г. А. Потемкинъ*“. „Въ слѣдующемъ году, 22 сентября, прибавленъ былъ въ корпусѣ новый офицерскій чинъ—Корнетъ, предоставленный „флигель-адъютанту и лейбъ-эскадроновъ шефу полковнику *Семену Зоричу*“, съ пожалованіемъ ему чина генерала-маіора.

Григорій Орловъ, однако, продолжаетъ числиться шефомъ кавалергардовъ до самой своей смерти, т. е. до 1783 года, но только номинально, въ дѣйствительности же за него командовалъ Потемкинъ, назначенный послѣ Орлова шефомъ въ 1784 г., а поручикомъ къ нему—*А. Д. Ланской*.

Перемѣны въ Кавалергардскомъ полку соотвѣтствовали оборотамъ колеса Фортуны, испытываемымъ ближними людьми екатерининскихъ временъ. Такъ 25 іюля 1784 года Зоричъ увольняется отъ службы корнетомъ, хотя чинъ этотъ въ Кавалергардскомъ корпусѣ былъ учрежденъ спеціально для него. Его замѣщаетъ *А. М. Дмитріевъ-Мамоновъ*, пожалованный потомъ въ поручики. Но Мамоновъ женится и удаляется отъ двора. Мѣсто корнета опять остается вакантнымъ. Его замѣщаетъ вскорѣ *Платонъ Зубовъ*. Умираетъ Потемкинъ, вакансія шефа остается незамѣщенной два года, но въ 1793 году Зубовъ, тогда уже князь, былъ назначенъ шефомъ корпуса.

Кавалергардскій корпусъ во все время царствованія Екатерины II состоялъ и пополнялся почти исключительно изъ потомственныхъ родовыхъ дворянъ. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ въ Кавалергарды „жаловались“ не изъ дворянъ. Трое изъ первыхъ кавалергардовъ, не принадлежащихъ къ дворянству (двое даже не были лейбъ-компанцами) были возведены въ потомственные дворяне. Въ 1764 году „пожалованы“ въ кавалергарды 5 Преображенцевъ не изъ дворянъ. Но особенно за-

мѣчательно пожалованіе въ Кавалергарды въ 1771 году трехъ нижнихъ чиновъ гвардіи не изъ дворянъ, такъ, какъ этотъ актъ милости, выходящій изъ ряда обыкновенныхъ, сопровождался особымъ мотивированнымъ приказомъ: „Ея императорское величество всемилостивѣйшая государыня высочайше пожаловать соизволила въ Кавалергарды хотя не изъ дворянъ, но по извѣстной Ея Императорскому Величеству службѣ, другимъ не въ образецъ, лейбъ-гвардіи полковъ: Семеновскаго—каптенармуса Ивана Истомина, фурьера Алексѣя Шадѣева—на состоящія нынѣ ваканціи, да сверхъ комплекта Измайловскаго—капрала Ивана Берсеньева".

Кавалергардскій корпусъ находился подъ особымъ покровительствомъ Императрицы и она заботливо относилась къ пополненію его комплекта новыми лицами. Хотя это составляло обязанность шефа Кавалергардовъ, но фактически выборъ дѣлала сама Императрица. Такъ, напр., 12 мая 1795 года „по выходѣ отъ обѣденнаго стола Ея Императорское Величество изволила въ большой галлереѣ смотрѣть лейбъ-гвардіи и армейскихъ унтеръ-офицеровъ и сержантовъ, коихъ было число въ 22 человѣка, для выбора въ Кавалергарды". Всѣ эти 22 человѣка были пожалованы Кавалергардами, найденные, повидимому Императрицей достойными сего высокаго воинскаго званія.

Обязанность Кавалергардовъ главнымъ образомъ состояла въ охранѣ особы Императрицы, почему караулы во внутреннихъ покояхъ дворцовъ были назначаемы исключительно изъ Кавалергардскаго корпуса. На постахъ эти воинскіе чины стояли съ заряженными ружьями; „если же, отъ чего Боже сохрани, случится пожаръ или въ барабанъ бить будутъ тревогу, а особливо близъ дворца Ея Императорскаго Величества, въ таковомъ случаѣ всѣмъ Кавалергардскаго корпуса чинамъ въ самой скорости быть въ домѣ Ея Императорскаго Величества". Кавалергарды составляли конвой императрицы и при ея выѣздахъ и путешествіяхъ. Кромѣ того, имъ поручалось сопровожденіе иностранныхъ посольствъ, а также ординарческія порученія, какъ-то, доставленіе „въ губерніи и провинціи" высочайшихъ манифестовъ, указовъ и т. п.

Иногда порученія бывали особаго характера. Напримѣръ, „о безпорядкахъ по ночамъ отъ худого освѣщенія улицъ; посылка кавалергардовъ для освидѣтельствованія освѣщенія". Такая замѣтка имѣется въ дневникѣ Грибовскаго.

При подобномъ всестороннемъ довѣріи вполнѣ естественно, что съ Кавалергардовъ весьма строго взыскивалось за всѣ проступки, чѣмъ царствованіе Екатерины значительно отли-

чается отъ обычаевъ ея державной предшественницы Елизаветы, весьма снисходительной къ разгульнымъ и буйнымъ нравамъ лейбъ-компанцевъ.

Царствованію Павла I удѣляется наибольшее мѣсто. Авторъ далеко выходитъ за предѣлы тѣхъ чисто военныхъ реформъ, которыми ознаменована эта краткая, но обильная всякими перемѣнами эпоха; онъ вноситъ много новаго для освѣщенія до сихъ поръ загадочной личности сына Екатерины II и Петра III и старается разъяснить странную двойственность характера Павла Петровича, духъ котораго какъ будто былъ сотканъ изъ самыхъ рѣзкихъ противорѣчій.

С. А. Панчулидзевъ рисуетъ намъ Павла I. какъ человѣка души благородной, горячо любившаго Россію и искренно желавшаго ей послужить. При этомъ Императоръ изображенъ человѣкомъ вполнѣ русскимъ. И тѣмъ не менѣе онъ преклонялся передъ прусскою системой, „не замѣчая того, что система эта, составляя воплощеніе нѣмецкаго или. вѣрнѣе, даже прусскаго духа, уже по одному этому совершенно не подходитъ къ духу русскихъ“. Объясняется такое противорѣчіе, по мнѣнію автора, особыми свойствами характера Павла I и тѣми вліяніями, при которыхъ онъ воспитывался и жилъ.

„Причину такой аномаліи,— говоритъ авторъ,— нужно, можетъ быть, искать въ слѣдующихъ обстоятельствахъ: натуры, не одаренныя сильною волею, натуры, колеблющіяся, неспособныя къ устойчивости ни въ своихъ чувствахъ, ни въ своихъ волевыхъ проявленіяхъ, особенно ревниво стараются показать свою самостоятельность, особенно оберегаютъ неприкосновенность своей несуществующей воли: и такія натуры подчиненіе волѣ женщины доводитъ до болѣзненной раздражительности. Между тѣмъ, Павелъ Петровичъ до 42-лѣтняго возраста долженъ былъ испытать на себѣ желѣзную волю геніальной, но далеко не мягкой въ обращеніи съ нимъ женщины. А тутъ нашептыванія разныхъ приспѣшниковъ о томъ, что женщина эта не имѣетъ никакихъ правъ такъ съ нимъ поступать, что не она государыня, и онъ не только наслѣдникъ ея, но онъ самодержавный владыка Россіи. Давъ себя увлечь на эту почву, позволивъ хотя бы одному Аракчееву и хотя бы одинъ разъ назвать себя „императорскимъ величествомъ“, Павелъ Петровичъ сразу всталъ въ такое положеніе, въ которомъ онъ не могъ иначе, какъ отрицательно, относиться ко всякому дѣйствію своей матери и ея правительства. Къ со-

жалѣнію, около цесаревича не нашлось ни одного человѣка, который открылъ бы ему глаза на истинное положеніе дѣла, который указалъ бы ему единственную правильную точку зрѣнія на его отношенія къ самодержавной императрицѣ и матери. Никто не объяснилъ и не напомнилъ ему, *что, вступая на престолъ, Екатерина II спасала Россію и его лично, что она захватила власть не путемъ заговора, но что эту влать сей вручила вся Россія*, вручила потому, что *въ ней одной видѣли спасеніе неприкосновенности, силы и славы отечества*, что власть была вручена ей не условно, а безусловно, не на время, а на всю жизнь, не выговаривая ни себѣ, ни сыну ея никакихъ новыхъ правъ, словомъ, что провозглашенная гвардіей 28 іюня 1762 г. въ Казанскомъ соборѣ „Самодержицей всероссійской", Екатерина таковою была признана и признаваема во все свое царствованіе *всей Россіей*"...

„Преклоняясь предъ памятью отца, Павелъ Петровичъ не съумѣлъ удержаться на настоящей грани: неуравновѣшенность его характера, необузданность темперамента и отсутствіе воли заставили его перешагнуть границы, опредѣленныя для подданнаго и сына. Рѣзкая критика въ присутствіи постороннихъ лицъ правительственной системы Государыни доводилась Цесаревичемъ до предѣловъ крамолы. Съ другой стороны, осужденіемъ частной жизни Императрицы Цесаревичъ ставилъ себя въ положеніе судьи надъ своей матерью"...

Дѣйствительно, всѣ обстоятельства сложились съ дѣтства Павла I въ неблагопріятномъ смыслѣ для спокойнаго развитія его умственныхъ и нравственныхъ силъ.

Вліяніе *Н. И. Панина*, человѣка образованнаго, но осуждавшаго дѣятельность Императрицы, западника, мало знавшаго Россію и притомъ человѣка „склоннаго къ гуляніямъ", отразилось несомнѣнно дурно на характерѣ юноши. „Панинъ не уберегъ ни души, ни тѣла своего питомца отъ зловредныхъ вліяній". Съ другой стороны, тотъ же Панинъ, если не возстановлялъ прямо Наслѣдника противъ матери, то ничего и не сдѣлалъ для примиренія его съ нею. Чуткій ребенокъ по отдѣльнымъ словамъ и намекамъ уже догадывался, какъ относятся окружающіе его люди къ „большому Двору" и невольно подчинялся атмосферѣ, созданной около него и въ свою очередь проникался мыслью о захватѣ принадлежащаго ему престола и ненавистью къ царедворцемъ-фаворитамъ.

Но Н. И. Панинъ, какъ воспитатель, имѣлъ и свои заслуги: онъ образовалъ умъ царевича и сообщилъ ему много знаній и уваженіе къ иноземной культурѣ. Однако въ лицѣ *Поро-*

щина. Павелъ Петровичъ нашелъ противовѣсъ увлеченію иноземщиной и этотъ искренній, умный человѣкъ сообщилъ будущему государю многое о Россіи, о русскомъ народѣ и внушилъ ему любовь къ родинѣ.

Безпрерывная, нервная дѣятельность Павла I указываетъ на его кипучій характеръ, на пламенную душу, и можно вообразить себѣ какія нравственныя муки терпѣлъ цесаревичъ, оставаясь въ полномъ бездѣйствіи, отстраненный уже въ зрѣломъ возрастѣ отъ дѣлъ правленія, идущихъ по пути, казавшемуся ему ложнымъ. Наслѣднику престола была предоставлена одна Гатчина, да разрѣшено „играть въ солдатики". Но самая исторія образованія гатчинскихъ войскъ показываетъ несомнѣнно огромную, неустанную энергію и дѣятельность, поразительную для лица, могущаго при другомъ характерѣ просто жить, наслаждаясь покоемъ и развлеченіями.

Изъ отзывовъ современниковъ о Павлѣ I, отчасти до сихъ поръ не опубликованныхъ, С. Панчулидзевъ приводитъ между прочимъ и выдержки изъ неизданныхъ записокъ *кн. Доротеи Ливенъ*: „Le caractère de ce Prince était un composé étrange de nobles instincts et d'effrayants penchants... Le fond de son caractère était grand et noble. Ennemi généreux, ami magnifique, sachant pardonner grandement et réparer un tort ou une injustice avec effusion. Mais à coté de ces qualités rares, se reveillaient en lui des dispositions terribles. Soudain dans les resolutions les plus extrêmes, ombrageux, violent, bizarre jusqu'à l'extravagance... il justifiait le soupçon d'une certaine faiblesse d'organisation dans un esprit et un coeur naturellement droits et bons.

Формальное психическое разстройство таже графиня Ливенъ отрицаетъ, хотя и говоритъ, что такое мнѣніе существовало. Прямое указаніе на душевную болѣзнь имѣется только въ письмѣ *Вице-Канцлера Панина* къ гр. *С. Р. Воронцову* отъ 1805 г., но Панину, вѣроятно, „понадобилось не только объяснить, но и оправдать свое поведеніе" и свидѣтельство его довѣрія едва ли заслуживаетъ.

Несомнѣнно, что многое въ поступкахъ Павла I можетъ быть объяснено неискренностью и недобросовѣстностью лицъ, его окружавшихъ. Коцебу въ своихъ неизданныхъ „Запискахъ" объясняетъ именно такимъ образомъ отрицательныя стороны характера императора. „Обыкновенно всякій искалъ, какъ бы подладиться подъ его подозрительный нравъ, какъ бы выставить чужую дерзость, чтобы придать болѣе цѣны собственному подобострастію и выманить подарки отъ государевой извѣстной всѣмъ щедрости... Что Павелъ приказывалъ со стро-

гостью, то исполнялось его недостойными слугами съ жестокостью... Онъ требовалъ только точнаго исполненія во всемъ, что ему казалось справедливымъ... Неумолкаемое поддакиваніе вошло въ обычай, окончательно извратило нравъ государя и съ каждымъ днемъ дѣлалось ему необходимѣе".

Свои несправедливыя распоряженія Павелъ не разъ отмѣнялъ, когда проходила вспышка гнѣва и исчезало временное забвеніе требованій сердца и разсудка, когда гнѣвъ успокаивался и громко начинала протестовать лучшая часть души императора.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ семейная жизнь Павла и вообще отношенія его къ женщинамъ. Бракъ съ *Наталіей Алексѣевной* былъ жестоко разрушенъ смертью, а потомъ у гроба молодой жены Цесаревичъ узналъ роковую тайну измѣны столь любимой имъ женщины, узналъ ее изъ устъ своей матери, прибѣгнувшей къ такой радикальной мѣрѣ, чтобы утѣшить необузданное горе вдовца. Екатерина спѣшитъ затѣмъ вновь женить сына. Вторая супруга, *Марія Ѳедоровна*, при всѣхъ ея качествахъ и красотѣ, повидимому, не удовлетворяла духовнымъ запросамъ мужа, къ которому она относилась съ нѣсколько излишней заботливостью, какъ къ ребенку или больному, и старалась стать примирительницей между матерью и сыномъ. Едвали эта роль могла возбудить въ Павлѣ особыя симпатіи, а цѣль достигалась прямо обратная: отношенія между Екатериной II и Цесаревичемъ только еще болѣе обострились, благодаря такому заступничеству. „Тяготясь опекой матери, Павелъ Петровичъ еще менѣе могъ выносить мелочную опеку своей супруги".

Между тѣмъ въ глубинѣ души Павелъ таилъ потребность къ нѣжной дружбѣ и сердце его жаждало взаимной любви. Много, конечно, способствовало этому и то, что будучи съ дѣтства влюбчивымъ и болѣзненно-чувствительнымъ, онъ почти не былъ „молодъ", если не считать его увлеченія Чарторыйскою.

Первымъ увлеченіемъ Павла уже въ зрѣломъ возрастѣ была, какъ извѣстно, *Е. И. Нелидова*, но связь эта была несомнѣнно чисто платоническая, чѣмъ и объясняется близость Нелидовой къ Маріи Ѳеодоровнѣ. Совсѣмъ иное чувство пробудила въ Императорѣ *Анна Петровна Лопухина*. Здѣсь, очевидно, заговорила страсть сильная, неудержимая.

Эта вспышка дала поводъ *гр. Головиной* въ своихъ запискахъ высказаться слѣдующимъ образомъ: „l'Empereur avait tous les symptômes de la passion telle qu'on la voit chez un jeune homme de 20 ans...

Императрица написала письмо Лопухиной, совѣтуя той не пріѣзжать въ Петербургъ, а остаться въ Москвѣ. Несмотря на свое обычное рыцарское отношеніе къ женщинамъ, Павелъ на этотъ разъ оказался безпощаднымъ: послѣдовалъ рядъ семейныхъ сценъ и удаленіе отъ императрицы ея приближенныхъ. „Въ концѣ концовъ ей пришлось обратиться къ Павлу Петровичу „съ единственной просьбой" относиться къ ней вѣжливо при публикѣ".

Изъ разсказа кн. Павла Петровича Лопухина, записаннаго, кн. А. Б. Лобановымъ и до сихъ хранящагося въ рукописи, видно, что Императоръ добивался взаимности А. П. Лопухиной, но та, наконецъ, заявила, что ея сердце несвободно и принадлежитъ кн. Гагарину, офицеру, находившемуся въ то время въ арміи Суворова въ Италіи. Императоръ тотчасъ приказалъ прислать Гагарина курьеромъ въ Петербургъ, одарилъ счастливца наградами и подарками и 8 февраля 1800 г. отпраздновалъ при дворѣ свадьбу молодыхъ людей съ всевозможною пышностью.

„Послѣ свадьбы Императоръ продолжалъ по прежнему посѣщать княгиню Гагарину; но великодушіе его постоянно истощалось, страсть брала свое и сопротивленія ея часто порождали ссоры съ Павломъ Петровичемъ. Ссоры эти прекратились въ августѣ 1800 года"...

Характеръ государственной дѣятельности Павла Петровича представлялъ не менѣе значительныя противорѣчія, чѣмъ его повседневные поступки, но несомнѣнно свидѣтельствуетъ о глубоко обдуманномъ планѣ, быть можетъ, основанномъ на далекихъ отъ дѣйствительности идеальныхъ воззрѣніяхъ на на людей и жизнь и потому, быть можетъ, содержащемъ тѣ противорѣчія, которыя на первый взглядъ кажутся необъяснимыми.

Это вообще основная черта личности Павла—желать видѣть во всѣхъ и во всемъ свой идеалъ нравственный, государственный, общественный, а отсюда и гнѣвъ по тому поводу, что дѣйствительность расходится съ предначертаннымъ совершенствомъ всего окружающаго.

Представляется такимъ образомъ существенно важнымъ выяснить себѣ, какія идеальныя воззрѣнія руководили императоромъ при его дѣятельности.

Требованія къ человѣку, несомнѣнно, были чрезвычайно высоки. Каждый долженъ быть рыцаремъ въ **полномъ** смыслѣ этого слова, проникнутъ самыми благородными чувствами и побужденіями, а въ смыслѣ преданности дѣлу государеву и

отечеству приближаться, по добродѣтелямъ, къ древнимъ римлянамъ. Павелъ хотѣлъ видѣть вокругъ себя не исполнителей только, но людей, проникнутыхъ его собственнымъ міровоззрѣніемъ. Но мало кто его понималъ, требованія его казались непомѣрными, всѣ старались только о точномъ исполненіи приказаній, не вникая въ ихъ смыслъ. Это раздражало Императора, заставляло относиться къ людямъ подозрительно и недовѣрчиво, убивало постепенно вѣру въ возможность осуществить намѣченный идеалъ.

Несомнѣно, что и самъ императоръ выносилъ въ душѣ тяжелую внутреннюю борьбу и мучился сознаніемъ, что ни внѣшность его (о которой онъ былъ самъ не высокаго мнѣнія), ни физическія и душевныя качества не соотвѣтствуютъ тому величественному и тѣломъ и духомъ образу самодержавнаго властителя, который рисовало ему его пылкое воображеніе. Павелъ и въ себѣ, и въ людяхъ хотѣлъ видѣть то, чего не было въ дѣйствительности.

Его идея внутренняго устройства государства Государь долженъ управлять народомъ, окруженный благороднымъ сословіемъ дворянъ, проникнутыхъ высокими чувствами и понятіями идеальнаго рыцарства. Предстояла немалая задача привлечь такихъ людей и передѣлать ихъ по желанному образцу. По складу ума Павла этой школой благородства и рыцарства была школа военная.

Вахтъ-парады и разныя стѣснительныя реформы въ области внутренней жизни войскъ имѣли поэтому въ глазахъ Императора совершенно особенный, глубокій смыслъ, особое значеніе.

Если исключить личныя недобрыя отношенія Павла къ его матери и государственной дѣятельности послѣдней, нельзя не признать, что въ царствованіе Екатерины, несмотря на его блескъ, многое было дѣйствительно, несовершенно и, быть можетъ, носило характеръ случайный. Правда, это былъ расцвѣтъ талантовъ государственныхъ людей, но та или другая область общественной жизни находилась въ зависимости отъ нравственныхъ и умственныхъ достоинствъ Екатерининскихъ вельможъ, замѣнявшихъ нерѣдко законъ личнымъ произволомъ. Наряду съ развитіемъ наукъ и искусствъ съ облагораживаніемъ нравовъ, даже съ вольтерьянствомъ, простой русскій народъ являлся далеко не въ благопріятномъ положеніи и нерѣдко переносилъ всю тяжесть самоуправства вліятельнаго въ данную минуту лица.

Сами вельможи, при видимой покорности Императрицѣ,

ставили въ душѣ выше всего личное желаніе и хотѣніе и, въ сущности, нерѣдко играли роль всесильныхъ вассаловъ.

Павелъ зналъ объ этомъ, зналъ, что народу живется не легко и что дворянство, призванное выполнять велѣнія Самодержавнаго правителя, распущено, часто жестоко съ низшими, а главное, не знаетъ и не признаетъ равняющаго всѣхъ закона. Замѣчательно, что, несмотря на всѣ отрицательныя свойства характера Павла, *онъ несомнѣнно является первымъ государемъ, озабоченнымъ введеніемъ общаго, единаго для всѣхъ закона*, хотя осуществить эту идею вполнѣ удалось только его внуку Императору Александру II. Царствованіе Павла есть какъ бы переходъ отъ правленія личностей къ правленію закона. Не будь Императоръ столь нетерпѣливъ въ своихъ дѣлахъ, не желай онъ видѣть все мгновенно измѣнившимся по манію руки, быть можетъ, это царствованіе не было бы столь кратко и тревожно, и не окончилось бы столь печально. Но Павелъ не только хотѣлъ водворить законъ и порядокъ въ Россія, онъ нуждался и въ исполнителяхъ для этой цѣли. Тогдашнее дворянство казалось ему своевольнымъ и недостаточно проникнутымъ идеей Самодержавія, властно управляющей всѣмъ государствомъ по волѣ правителя. И въ этомъ воззрѣніи Государя на тогдашнее дворянство было много правды.

Екатерининскія времена давали просторъ личности и возносили ее на головокружительную высоту. Потемкинъ былъ своего рода вице-король, по могуществу и простору своей дѣятельности. Это отразилось и на всѣхъ. Дворянство претендовало на особыя права и было не чуждо вассальнаго отношенія къ своему сюзерену, не считая себя только исполнителемъ единоличной воли. Конечно, Павелъ, доведшій идею самодержавія до послѣднихъ предѣловъ, исповѣдовавшій, такъ сказать, культъ единовластія, не могъ терпѣть чужой воли около своей, чужого мнѣнія рядомъ со своимъ. Дѣлиться съ кѣмъ бы то ни было властью онъ не хотѣлъ и въ проявленіи личной иниціативы онъ усматривалъ покушеніе на самодержавіе. Въ то же время кровавый призракъ французской революціи, смутившій покой Екатерины, казался чѣмъ-то все болѣе угрожающимъ Россіи и въ нѣкоторой самостоятельности дворянства недовѣрчивый Павелъ усматривалъ уже крамолу и измѣну. Оставалось дисциплинировать умы и чувства окружающихъ, ближайшихъ людей, подавить въ нихъ всякіе признаки своеволія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, внушить рыцарскую преданность, благородство побужденій и высокую преданность.

Недовѣріемъ Павла къ дворянству объясняется отчасти и то, что офицеры гатчинскихъ войскъ набраны были изъ людей неизвѣстныхъ, часто даже неблагороднаго происхожденія, но зато рабски исполнительныхъ, что признавалось за „преданность безъ лести“ и щедро вознаграждалось.

Передѣлка русскихъ людей была, особенно, пріурочена къ реформамъ воинскимъ, ибо въ то время черезъ эту школу проходили почти всѣ исполнители воли государя. И само войско, по словамъ автора какъ оборонительно-наступательная сила, было недисциплинировано и организація въ немъ замѣнялась импровизаціей, хотя бы столь блестящей, какъ при Суворовѣ.

Военная выправка, строгія правила, однообразный строй, вахтъ-парады должны были создать новыхъ русскихъ людей, однообразно дисциплинированныхъ и не имѣющихъ личной воли, вѣрнѣе, имѣющихъ волю, всегда совпадающую съ намѣреніями и желаніями государя.

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Павелъ несомнѣнно былъ одушевленъ самыми рыцарскими чувствами, пламенѣлъ мыслью о возрожденіи дворянъ-рыцарей, окружающихъ престолы всѣхъ европейскихъ государствъ и не допускающихъ гидрѣ революціи поднять голову.

Отсюда увлеченіе Павла мальтійцами, увлеченіе, кажущееся страннымъ и не соотвѣтствующимъ ни духу русскаго народа, ни достоинству православнаго государя.

А между тѣмъ такой крутой поворотъ, такая огромная ломка только испугала русскихъ людей, сдѣлала изъ нихъ неудачныхъ, смущающихся исполнителей, вѣчно трепещущихъ отъ страха наказанія. Время наступило тяжелое.

„Легко себѣ представить, — говоритъ въ своихъ запискахъ „извѣстный Саблуковъ, — что эта система держала семейства, „къ которымъ принадлежали офицеры, въ состояніи постоян„наго страха и тревоги, и можно сказать, что Петербургъ, „Москва и почти вся Россія были погружены въ постоянное „горе. Люди знатные, конечно, тщательно скрывали свое не„удовольствіе, но чувство это иногда прорывалось наружу и „во время коронаціи въ Москвѣ, императоръ не могъ его не „замѣтить“.

„Стремительность Павла и его чрезмѣрная взыскатель„ность,—говоритъ тотъ же авторъ,—дѣлали службу весьма не„пріятною. Часто за ничтожные недосмотры и ошибки въ ко„мандѣ офицеры прямо съ вахтъ-парада отсылались въ другіе „дальніе полки, и это случалось до того часто, что, когда мы

„бывали наряжены въ караулъ, то имѣли обыкновеніе класть „нѣсколько сотъ рублей бумажками за пазуху, чтобы не остаться „безъ копѣйки въ случаѣ внезапной ссылки. Три раза случа„лось мнѣ давать взаймы товарищамъ, забывшимъ эту предо„сторожность“ [1]).

Но, быть можетъ, лучше всего характеризуетъ отношенія Павла къ исполнителямъ его воли слѣдующій приказъ генералъ-лейтенанта, с.-петербургскаго коменданта и кавалера Свѣчина всѣмъ господамъ гвардіи-офицерамъ: „Его императорское величество неоднократно примѣтить изволилъ съ крайнимъ неудовольствіемъ, что господа офицеры лейбъ-гвардіи полковъ имѣютъ старую привычку дѣлать возраженіе на отдаваемыя имъ повелѣнія и отвѣчать противу оныхъ, почему Высочайше повелѣть изволилъ мнѣ, въ предосторожность вашу, объявить, что, если впредь отъ сего случится кому впасть въ такой проступокъ противу Его Императорскаго Величества или противу кого-либо изъ начальниковъ, съ таковыми поступлено будетъ по всей строгости военнаго артикула, яко съ явнымъ ослушникомъ Высочайшей воли“ (прик. 15 февр. 1800 г.).

Но военная служба и дисциплина должны были служить и для другихъ, общегосударственныхъ цѣлей. Здѣсь надо сказать нѣсколько словъ объ отношеніи Павла къ другимъ сословіямъ. Несомнѣнно, что, будучи безмѣрно строгимъ къ дворянству, Императоръ былъ озабоченъ положеніемъ подчиненныхъ классовъ, особенно крестьянства. Для народа Павелъ не является уже личностью съ своенравнымъ, почти жестокимъ характеромъ, а правителемъ, руководствующимся строго обдуманнымъ планомъ и горячимъ желаніемъ облегчить участь зависимаго сословія.

Во время путешествія своего въ Казань, въ письмахъ къ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, Императоръ всегда отзывался съ теплымъ чувствомъ о народѣ, который всюду встрѣчалъ его восторженно. Это убѣдило Павла въ народной любви и тѣмъ болѣе казалось ему несправедливымъ и подозрительнымъ недовольство его распоряженіями со стороны высшаго сословія, недовольство, котораго онъ не могъ не чувствовать, хотя бы оно и выражалось скрыто.

Тотъ же Саблуковъ совершенно опредѣленно рисуетъ различіе между отношеніями дворянства и простого народа къ императору. .

„Низшія сословія, „милліоны“, съ такимъ восторгомъ при-

[1]) Записки Н. А. Саблукова о временахъ императора Павла.

„вѣтствовали Императора при всякомъ представлявшемся къ „тому случаѣ что онъ приписывалъ холодность и видимое от„сутствіе привязанности со стороны дворянства лишь нравствен„ной испорченности и якобинскимъ его наклонностямъ. Что „касается до этой испорченности, онъ былъ, конечно, правъ, „такъ какъ нерѣдко многіе изъ самыхъ недовольныхъ, когда „онъ обращался къ нимъ лично, отвѣчали ему льстивыми сло„вами и съ улыбкой на устахъ".

„Простой народъ благоденствовалъ при Павлѣ и имѣлъ въ „немъ покровителя. Онъ первый уничтожилъ безотчетную ра„боту крѣпостныхъ крестьянъ и установилъ трехдневную бар„щину въ недѣлю, а для обезпеченія продовольствія учредилъ „для крестьянъ запасные магазины".

Екатерина II сильно подняла значеніе дворянства и несмотря на то что одно время шли довольно энергичные толки объ освобожденіи крестьянъ, въ результатѣ они оказались еще болѣе закрѣпощенными, особенно съ введеніемъ „ревизій". Павелъ былъ противъ такого преимущества дворянства въ государственной и общественной жизни, но освобожденіе крестьянъ не казалось ему нужнымъ, полезнымъ, и не соотвѣтствовало взглядамъ этого монарха на государственное устройство. Но зато владѣльцы крестьянъ должны были стать такими, какими хотѣлъ видѣть ихъ императоръ. Люди, которымъ вручены судьбы массъ, должны, по его мнѣнію, быть сами образцовыми въ нравственномъ отношеніи, благожелательными и чуждыми самовластія, но покорными велѣніямъ и желаніямъ самодержавнаго правителя.

Конечно, такое государственное устройство соотвѣтствовало идеалу того „маленькаго государства", которое создалось въ Гатчинѣ. Павелъ хотѣлъ управлять страной не чрезъ всесильныхъ вассаловъ, а черезъ исполнителей, вѣрныхъ слугъ, раздѣлявшихъ съ нимъ одинаковый взглядъ на задачи государственной, общественной и даже бытовой жизни. Это былъ цѣлый планъ, быть можетъ, отчасти фантастическій, планъ закономѣрнаго, почти механическаго существованія, гдѣ все подчиняется одному центру, къ нему тяготѣетъ и имъ управляется по разъ установленному закону. Это была мечта равненія подъ одно.

„Императору Павлу казалось,—говоритъ С. А. Панчулидзевъ, что для Россіи не только не вредно и не опасно крѣпостное право, но что напротивъ раздачею казенныхъ крестьянъ онъ укрѣпляетъ государственные устои и вмѣстѣ съ тѣмъ оказываетъ благодѣяніе самимъ крестьянамъ. Но, чтобы быть по-

слѣдовательнымъ въ проведеніи въ жизнь такого государственнаго строя полицейскаго типа Павелъ I требовалъ отъ дворянства, чтобы оно показало себя способнымъ къ управленію крестьянами, т. е. само бы ранѣе обучалось повиновенію. Наилучшей же школой для этого императоръ считалъ военную службу при условіяхъ, чтобы она была не фиктивна, и чтобы дворяне на себѣ испытали всѣ ея суровыя требованія".

„Такія требованія императора Павла, предъявленныя притомъ ex abrupto, при условіи немедленнаго и точнаго во всемъ ихъ объемѣ исполненія, не могли не показаться современному ему дворянству не только тяжелыми, но и нарушающими данныя ему Екатериной II права".

Остается выяснить интересную и отчасти загадочную эпопею увлеченія мальтійцами.

Явленіе это весьма сложное въ жизни Павла, какъ сложенъ и часто противорѣчивъ самый его характеръ. Съ одной стороны казалось бы, что идя скорѣе путемъ демократизаціи, самодержавіе и провославіе несовмѣстны съ возвеличеніемъ рыцарскаго ордена, учрежденія чисто аристократическаго, противорѣчащаго всей политикѣ Павла. Но дѣло въ томъ, что Павелъ не хотѣлъ уничтожить дворянство, а желалъ только повысить его нравственный уровень, заставить проникнуться идеями благородства и самоотверженности, при покорномъ въ же время подчиненіи волѣ государя. Мальтійство это была тоже въ своемъ родѣ школа дисциплины духа. Разумѣется, при этомъ Павелъ нисколько не задумывался надъ тѣмъ, что отживающія и на западѣ формы этого рыцарства совсѣмъ не подъ стать славянскому народу, что на западѣ рыцарство имѣетъ свою многовѣковую исторію, а у насъ оно является чѣмъ-то наноснымъ, извнѣ принесеннымъ и не лишеннымъ даже нѣкоторой доли комизма...

Мальта давно привлекала вниманіе Россіи и Павелъ въ смыслѣ внѣшней политики, только слѣдовалъ примѣру своихъ предшественниковъ.

Этотъ островъ былъ предметомъ вожделѣнія нѣсколькихъ державъ, какъ ключъ къ владычеству надъ Средиземнымъ моремъ. Самостоятельною Мальта оставалась именно потому, что ни одна держава не хотѣла уступить острова другой, но въ XVIII в. особенно сильно развивается стремленіе къ пріобрѣтенію острова съ его укрѣпленіями. Еще Петръ Великій вступилъ въ сношеніе съ Мальтою и посылалъ къ гросмейстеру ордена боярина Шереметева. Екатерина II, во время войны съ турками, пыталась вовлечь въ нее и мальтійцевъ,

но тѣ, находясь подъ вліяніемъ Франціи, уклонились отъ нашего предложенія.

Мальтійскій орденъ имѣлъ нѣкоторые интересы и въ русскихъ владѣніяхъ. Въ Волыни, отошедшей послѣ раздѣла Польши къ Россіи, находилось польское пріорство, согласно завѣщанію князя Острожскаго (въ XVII в.) перешедшее, по прекращеніи его рода, къ мальтійскому ордену. Екатерина уничтожила польское пріорство и всѣ старанія мальтійскаго рыцаря графа Литты, служившаго въ русскомъ флотѣ, вернуть доходную статью ордену были напрасны.

Императоръ Павелъ, освободившій Костюшку, высказавшій ему даже сожалѣніе о раздѣлѣ Польши, какъ принципіальный недоброжелатель всего что дѣлалось въ предшествовавшее царствованіе, — поспѣшилъ удовлетворить претензію Мальтійскаго ордена и вернулъ ему Острожское имѣніе. Такимъ образомъ было учреждено въ 1797 г. „Россійское великое пріорство“, состоящее изъ 10 командорствъ, жалуемыхъ только русскимъ подданнымъ. Въ томъ же году Павелъ принялъ торжественно графа Литту, въ качествѣ Посла ордена, и оффиціально объявилъ себя Протекторомъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго.

Въ слѣдующемъ 1798 году Наполеонъ занялъ Мальту, а въ Петербургѣ состоялось судилище, осудившее конвенцію магистра Гомпеша съ французами, и, съ согласія папы пріорства составили „прокламацію“, въ которой просили Императора Всероссійскаго принять титулъ Великаго Магистра Ордена.

Согласіе послѣдовало...

Титулъ этотъ сталъ оффиціальнымъ въ дипломатической перепискѣ, а мальтійскій крестъ сталъ почетнѣйшимъ орденомъ, которымъ жаловались даже православные митрополиты и архіереи. Въ дипломатической перепискѣ „Императорское Величество“ обратилось въ „Majesté Impériale Eminentissime“.

Созидается новый Кавалергардскій корпусъ, какъ особая гвардія ордена, и шефомъ назначается все тотъ же ловкій графъ Литта, съ званіемъ намѣстника (Lieutenant) Великаго Магистра.

Мы не будемъ касаться дѣятельности этого итальянскаго выходца, несомнѣнно преслѣдовавшаго личныя цѣли, такъ какъ врядъ ли хитростью этого лица можно объяснить влеченіе Павла къ мальтійцамъ. Не родись въ головѣ Императора особый планъ, въ которомъ Мальтійскій орденъ получаетъ всеевропейское политическое значеніе, едва ли удалось бы кому-нибудь убѣдить Павла принять титулъ Великаго Магистра католическаго ордена.

Несомнѣнно, что Мальта была бы цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для Россіи, какъ стоянка для русскихъ кораблей въ Средиземномъ морѣ и, что черезъ покровительство мальтійскому ордену имѣлось въ виду заручиться нравственной поддержкой всего европейскаго дворянства; но виды Павла простирались гораздо дальше.

Идеи XVIII вѣка, угрозы революціи подѣйствовали подавляющимъ образомъ на воображеніе государя, и хотя Россія была далека отъ 1789 года, какимъ онъ былъ во Франціи, но, казалось, совершается какой-то всесвѣтный переворотъ, выступаетъ что-то новое, сильное, враждебное всему строю, который Павелъ считалъ основой государственной и частной жизни. Онъ объявилъ себя врагомъ революціи, объявилъ ей нравственную войну. Здѣсь опять мы имѣемъ передъ глазами поразительный историческій фактъ. Хотя царствованіе Александра I обѣщано было какъ продолженіе царствованія Екатерины, а не Павла, но всматриваясь глубже, мы видимъ, что послѣдній далъ начало именно тѣмъ идеямъ, которыя долго руководили политикой русскихъ правителей XIX вѣка.

Со временъ Павла Петровича роль Русскаго Государя понимается въ смыслѣ защитника монархической идеи во всей Европѣ и охранителя престоловъ его отъ революціонныхъ покушеній. Эта идея красной чертой проходитъ по исторіи первой половины XIX вѣка и высказалась въ походѣ русскихъ на Парижъ для возстановленія Бурбоновъ, и въ венгерской кампаніи, какъ особая политика Россійской державы...

Сообразно съ характеромъ Павла, подчиняющагося своей пламенной фантазіи, эта всеевропейская миссія Русскаго Самодержца являлась облеченной въ форму не только практическую, но и въ нѣкій символъ. Подходящимъ символомъ, тѣсно связаннымъ съ религіозными представленіями, освященнымъ традиціями древняго рыцарства оказался мальтійскій орденъ и онъ тотчасъ же въ воображеніи Павла получилъ особое, всеобъемлющее значеніе.

Этому наслѣдію среднихъ вѣковъ было придано значеніе большой нравственной силы и, вѣроятно, Павелъ серьезно думалъ, что Орденъ св. Іоанна имѣетъ обширное обаяніе среди дворянства всей Европы. До извѣстной степени оно и было такъ, ибо въ исторіи часто какое-нибудь, даже ничтожное явленіе жизни принимаетъ, благодаря стеченію разныхъ условій, значеніе огромнаго по важности факта.

Мальта, являвшаяся нѣкогда оплотомъ противъ мусульманъ, теперь символизировала монархію и католицизмъ, какъ оплотъ противъ революціи.

Любопытно, что Павелъ, умаляя значеніе дворянства въ Россіи, вмѣстѣ съ тѣмъ поддерживалъ его идею, вообще какъ основу государственнаго порядка.

Противорѣчіе это, однако, лишь кажущееся, такъ какъ Императоръ имѣлъ въ виду дворянство идеальное, къ нравственной мѣркѣ котораго и думалъ привести дворянство русское черезъ Мальтійство.

Естественно, что съ принятіемъ титула Гроссмейстера Павелъ долженъ былъ сдѣлаться и покровителемъ католицизма. Это самая неясная сторона увлеченія мальтійскимъ орденомъ. Въ приверженности къ православію Павла I сомнѣваться нѣтъ никакихъ основаній, а напротивъ, къ тому имѣются многія доказательства; тѣмъ не менѣе извѣстно, что Императоръ поддерживалъ близкія отношенія съ Папой, даровалъ много льготъ и привиллегій католикамъ, покровительствовалъ іезуитамъ и получилъ гросмейстерство съ благословенія Римскаго Первосвященника. Папа, со словъ Литты, возобновилъ исконную мечту римскаго Престола о соединеніи церквей и несомнѣнно, что Павелъ былъ не чуждъ тѣхъ же мечтаній, хотя и не поступился бы догматами православія. Вѣрнѣе всего, что здѣсь мы опять встрѣчаемся съ не знающей предѣловъ величественной фантазіей. Католицизмъ вѣроятно разсматривался Павломъ, какъ противовѣсъ невѣрію на западѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, быть можетъ его прельщала и дисциплина духа въ католическомъ духовенствѣ, по сравненію съ православнымъ, не имѣющимъ столь строгой, почти военной организаціи.

Итакъ, мальтійскій орденъ являлся тѣмъ объединительнымъ началомъ, которое давало возможность править судьбами Европы, быть можетъ, всего міра.

Но кромѣ того, то же учрежденіе имѣло цѣль облагородить русскихъ людей, провести ихъ черезъ рыцарскую школу и сдѣлать такими, какъ хотѣлъ ихъ видѣть Павелъ, не считавшійся ни съ психологіей, ни съ національными чертами, ни даже со временемъ.

Гр. Рибопьеръ пишетъ въ своихъ запискахъ: „Ничего не „было страннѣе этого переряживанія двора русскаго въ мальтійцевъ. Самъ Государь поверхъ носимаго имъ постоянно преображенскаго мундира, надѣвалъ далматикъ изъ пунцоваго бархата, шитый жемчугомъ, а поверхъ широкое одѣяніе изъ черн„наго бархата; съ праваго плеча спускался широкій шелковый „позументъ, называемый „страстями“, потому что на немъ разными шелками подробно изображены были страданія Спасителя. Слагая Императорскую корону, онъ надѣвалъ въ этихъ

„случаяхъ вѣнецъ гросмейстеровъ и выступалъ разсчитаннымъ, „но въ то же время отрывистымъ шагомъ“...

Павелъ и самъ подчинялъ себя дисциплинѣ рыцарства и старался казаться гросмейстеромъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго. Имѣлось въ виду подать примѣръ всѣмъ прочимъ.

Конечно, одежда не создала рыцарей изъ русскихъ дворянъ, и весь этотъ огромный замыселъ остался чѣмъ-то страннымъ въ русской исторіи, будучи ознаменованъ внесеніемъ въ нашу родину учрежденія, не только чуждаго Россіи по существу, но отжившаго свой вѣкъ и на Западѣ.

Быть можетъ, ничто такъ не доказываетъ послѣднюю мысль, какъ внезапный поворотъ въ мнѣніяхъ Павла о Наполеонѣ, съ которымъ даже начались, повидимому, дружественныя сношенія...

Краткое, но полное тревогъ царствованіе Павла возбудило большое недовольство и дворянства, и гвардіи и, можетъ быть, англійскаго посла Витворта, не чуждаго извѣстной дворцовой интриги, преуспѣвшей подъ главенствомъ Палена [1]; но судъ русской исторіи далеко еще не произнесенъ и неизвѣстно еще, какъ посмотритъ она на дѣятельность Павла съ точки зрѣнія интересовъ русскаго народа. Во всякомъ случаѣ этотъ государь открылъ собою рядъ новыхъ правителей Россіи, занявшихся дисциплиной умовъ и введеніемъ законнаго порядка, первый положилъ основу улучшенія быта крестьянъ и какъ бы пророчески начерталъ многое въ дальнѣйшей русской исторіи: и поддержку Россіей монархическаго принципа въ Европѣ, и организацію войскъ по нѣмецкому образцу и, быть можетъ, даже столь естественную политическую амальгаму, какъ союзъ Россіи съ Франціей въ противовѣсъ Англіи и слишкомъ много требовавшей отъ русскихъ Пруссіи.

Въ психологіи этого государя несомнѣнно большую роль играетъ его вступленіе на престолъ уже въ годахъ, переходящихъ зрѣлость. Въ 42 года человѣкъ уже опредѣляетъ свою дѣятельность и спокойно идетъ по намѣченному пути. Па-

[1]) Въ трудѣ С. *А. Панчулидзева*, кстати сказать, *впервые* въ нашей исторической литературѣ подробно разработанъ вопросъ о событіи 11 марта 1801 года, сообщаются данныя о лицахъ, подготовившихъ это событіе и о первыхъ моментахъ вступленія на престолъ Александра I. Размѣры нашей статьи не даютъ намъ возможности касаться всѣхъ деталей этого интереснаго изслѣдованія, почему мы и ограничиваемся лишь указаніемъ на этотъ трудъ, являющійся, по новизнѣ и важности использованнаго авторомъ архивнаго матеріала, несомнѣнно драгоцѣннымъ вкладомъ въ нашу историческую литературу. *К. В.*

велъ только что начинаетъ ее и естественно спѣшитъ, какъ бы сознавая кратковременность человѣческой жизни. Отсюда эта вѣчная торопливость и нетерпѣніе передъ медленнымъ выполненіемъ предначертаній, изъ которыхъ, кстати сказать, многія получили въ послѣдующія царствованія свое полное развитіе.

Характеристику императора Павла можно завершить небольшимъ стихотвореніемъ, которымъ Августъ Коцебу заканчиваетъ свои воспоминанія.

On le connut trop peu, lui ne connut personne,
Actif, toujours pressé, bouillant, impérieux,
Aimable, séduisant, même sans la couronne.
Voulant gouverner seul, tout voir, tout faire mieux
Il fit beaucoup d'ingrats et mourut malheureux.

Въ заключеніе нельзя не указать, что второй томъ этого обширнаго труда *С. А. Панчулидзева* отпечатанъ Экспедиціей заготовленія государственныхъ бумагъ съ тою же роскошью, отчетливостью и изящною красотой, какъ и предъидущій, скажемъ смѣло, какъ и всѣ произведенія печати, вышедшія въ свѣтъ изъ этой высоко-художественной типографіи. Эти 298 страницъ въ 4-ю долю листа обильно снабжены рисунками, портретами, снимками съ рукописей и автографами, большинство которыхъ, какъ видно изъ надписей, принадлежатъ богатѣйшему собранію *П. Я. Дашкова* и впервые появляются въ печати.

К. Военскій.

9 марта 1903 г.
Градъ св. Петра.

Въ томъ мірѣ.

LXXII [1]).

Да, вы не знаете, что ждетъ по смерти васъ!
И намъ грядущее является сокрытымъ!
Какъ „солнце новое“ взойдетъ въ послѣдній часъ?
„Не будетъ времени“, иль быть ему убитымъ?
А можно-ль безъ него? чѣмъ время замѣнить?
Вопросы эти всѣ такъ страшны, такъ огромны,
И ежели для насъ они головоловны,
Такъ что-жъ они для васъ, не переставшихъ жить?
Ужъ если гдѣ царить гигантскому безвѣрью,
Такъ это здѣсь, у насъ, въ неясности того.
Что всѣхъ насъ дальше ждетъ? но не къ высокомѣрью
Мы прибѣгаемъ здѣсь, въ невѣдѣньѣ всего!
Нѣтъ! въ музыкѣ молитвъ и радостяхъ скитаній,
Привалы миновавъ въ гробахъ на полпути,
Мы вѣримъ, убѣдясь!! чужды лжетолкованій...
О! еслибъ вѣры той хоть часть вамъ обрѣсти!

LXXIII.

Одинъ изъ страховъ передъ смертью—
Тьма, одиночество могилъ
И переходъ вашъ во владѣнье

[1]) См. «Русск. Вѣстн.», ноябрь 1903 г.

Безстрастныхъ и безмолвныхъ силъ...
Какъ сыро, холодно и страшно;
Языкъ молчитъ, не развязать;
Нѣтъ зрѣнья, слуха, ощущенья...
Зачѣмъ такъ скоро отпѣвать
И класть подъ землю! Вздоръ все это!
Вѣдь ощущать не можетъ трупъ?
И есть-ли смыслъ сказать о камнѣ
Что, будто, онъ уменъ, иль глупъ?
Нѣтъ! въ смертный часъ совсѣмъ другое,
Не то, не такъ произойдетъ:
Умершій въ общество большое
Совсѣмъ нежданно попадетъ!
Не одиночество, не темень,
Не сырость, смрадъ и тишь могилъ
Его, представшаго, обнимутъ
Какъ снѣдь, какъ жертву темныхъ силъ!
Сквозь полутѣнь опочивальни
Съ тяжелымъ запахомъ лѣкарствъ,
Вдоль докторовъ съ гробовщиками,
За многимъ множествомъ мытарствъ,
Сквозь вздохи, слезы, рядъ истерикъ,
И послѣ скучныхъ похоронъ—
Онъ ни единаго мгновенья
Лежать въ землѣ не обреченъ!!
Не въ узкій гробъ, не въ тьму и сырость
Онъ къ свѣту глянетъ, на просторъ,
На позабытыя свиданья,
Въ любвеобильный разговоръ!
Испугъ, восторгъ, недоумѣнье...
Но тутъ-же, въ тотъ же мигъ, вопросъ:
„Закончилъ ты свое земное?
„Скажи же, что развить принесъ?"
Презрѣнье къ смерти къ правдѣ ближе...
Вздоръ—холодъ, сырость, тлѣнье, тьма!
Мнѣ скажутъ: то мечта пустая!
Отвѣчу: логика сама!

LXXIV.

Вы такъ привыкли къ царству плоти
Что, мощной тяжестью своей,
Она въ васъ часто подавляетъ
Живое шествіе идей!

* * *

Когда на смѣлыхъ крыльяхъ мысли
При спорахъ, въ чтеніи, въ рѣчахъ,
Имѣя посохомъ науку,
Дается вамъ осилить прахъ,—

* * *

Загробность видится яснѣе,
И вы въ чудесномъ челнокѣ
Скользите смѣло надъ пучиной
По неизвѣданной рѣкѣ...

* * *

Вамъ мысли служатъ поплавками,
Онѣ васъ держатъ надъ водой;
Есть даль, есть свѣтъ... внизу подъ вами
И мракъ, и холодъ тьмы земной!

* * *

Но стоитъ вамъ покончить мыслить,
Челнокъ вашъ черпаетъ волну:
Одолѣваемые плотью
Вы опускаетесь ко дну!

* * *

Блѣднѣя, гибнутъ кругозоры
И, въ безнадежности нѣмой,
Надъ опускающимся тѣломъ
Едва мерцаетъ свѣтъ дневной!

LXXV.

Видимость, иль осязаемость свойства
Всѣхъ доказательствъ у точныхъ наукъ;
Для умозрительныхъ нѣтъ доказательствъ
Ясныхъ такихъ, ощутимыхъ вполнѣ.

* * *

Но, если чуднымъ цвѣтамъ орхидеи—
Тропики; сѣверъ—исландскому мху,
Можно-ль, поистинѣ, только за это
Въ тѣхъ, или въ этомъ, цвѣтовъ не признать?

LXXVI.

Нѣтъ вовсе на землѣ явленій незаконныхъ,
Нѣтъ сверхъестественныхъ, и силъ нечистыхъ нѣтъ!
На основаніяхъ, отъ первыхъ дней исконныхъ,
Живетъ, и движется, и путь свершаетъ свѣтъ.
Не незаконно то, что ясны мнѣ казались
Пути къ безсмертію! Мнѣ дверь была видна!
Та дверь, къ которой всѣ безмолвно устремлялись,—
До ощутимости сознательно-ясна!
Что тамъ? За дверью? Знать, совсѣмъ иное дѣло!
Я, какъ и всѣ, не зналъ, я не имѣлъ основъ:
Людское вѣдѣнье постичь ихъ не умѣло...
Въ васъ нѣтъ ни практики, ни силы у умовъ;
Не незаконности за гробомъ, не химеры,
Но свой особенный, своеобразный строй...
Онъ только мнился мнѣ сквозь обѣщанья вѣры,
И смутно видѣлся сквозь ткани грезъ порой...

LXXVII.

Когда встрѣчаются умы
Въ различныхъ сферахъ помышленій,
Въ двухъ прочныхъ истинахъ тогда
Никакъ не можетъ быть сомнѣній!

* * *

Одна изъ истинъ этихъ та
Что существуемъ мы, мы сами;
Другая истина, что есть
Пути для думъ, рожденныхъ нами!!

* * *

Когда за много тысячъ лѣтъ
Философъ думалъ, заблуждался,
Тамъ, гдѣ и я, оставилъ слѣдъ
И я съ тѣмъ слѣдомъ повстрѣчался,—

* * *

То какъ же можно не признать,
Что есть особенныя сферы
Въ которыхъ мыслямъ, въ ихъ путяхъ.
Свои сіяютъ фотосферы...

* * *

Вѣдь, если нужно путь вести
Здѣсь, на землѣ,—необходимо,
Чтобъ было въ чемъ ему идти,
Чтобъ къ цѣли шелъ онъ, а не мимо!

* * *

Такъ и не иначе съ умомъ!
Міръ мысленный — онъ существуетъ!
Но гдѣ онъ, что онъ, какъ, зачѣмъ?—
Любой по своему толкуетъ!

* * *

LXXVIII.

Въ путяхъ дальнѣйшихъ совершенства
Загробный міръ необозримъ;
Въ немъ для безсчетныхъ населеній
Счетъ вашихъ цифръ не примѣнимъ.

* * *

Вдали, вблизи, всегда, повсюду,
Со всѣхъ высотъ, изъ всѣхъ глубинъ,
Онъ, непостижный, созерцаетъ
Живущихъ, васъ; въ васъ нашъ починъ!

* * *

Безъ васъ насъ не было бы вовсе!
Всѣ совершенія земли
Для насъ лишь зелень проростаній,
Движенья сѣмени въ стебли.

* * *

Вы—начинанья, поросль, всходы;
Мы—жизнью данные плоды;
Мы въ полной ясности познанья,
А вы въ незнанье: какъ? куды?

* * *

Милліарды васъ, живыхъ, ничтожны
Предъ нами! Въ насъ міры міровъ!
Что намъ всѣ сгинувшія царства?
Песчинки — полныя вѣковъ!

* * *

Сквозь волны синяго тумана
Подъ блескомъ утреннихъ лучей
Понятна людямъ пѣснь Руслана
Надъ полемъ смерти и костей —

* * *

А намъ! Для насъ такая пѣсня
Не можетъ смысла обрѣсти;
Для насъ всѣ вопли, всѣ сомнѣнья —
Давно пройденные пути!

* * *

Мы всюду, всюду проникаемъ!
Намъ думы всѣхъ умовъ земли,
Весь бредъ умовъ, какъ путь знакомый,
Открыты! Мы путемъ тѣмъ шли!

* * *

Найдется ль въ людяхъ кто, случайный,
Который приметъ не за блажь
Что суть не тамъ, не въ тлѣнномъ мірѣ
И что существенъ только нашъ!

* * *

Вѣрь, смертный! Насъ, что мигъ, то больше!
Мы — въ плодъ идущіе цвѣты...
Ты взглянешь, будетъ день, отсюда,
И смыслъ всего познаешь ты...

К. К. Случевскій.

СВѢТОЧИ ЧЕХІИ.

VIII [1].

Новое горе обрушилось на семью Вальдштейновъ. Послѣ нѣсколькихъ часовъ неистовыхъ криковъ и припадковъ, графиня Яна впала въ полное изнеможеніе, за которымъ послѣдовалъ тяжелый, глубокій сонъ.

Старый, очень извѣстный въ городѣ лекарь-еврей, тотчасъ же призванный къ больной, нашелъ, что это счастливый признакъ и что покой, можетъ быть, возстановитъ равновѣсіе возбужденнаго организма.

Но уже на другія сутки ужасные вопли, съ ранняго утра доносившіеся изъ покоевъ графини, всполошили весь домъ, и когда пришелъ графъ, то съ ужасомъ увидалъ, что жена растерянно мечется по комнатѣ, прячась за мебель и занавѣси отъ кого-то, кого видѣла только она одна, но чье присутствіе приводило ее въ безумный ужасъ.

— Отдай мнѣ индульгенцію, отдай!—жалобно умоляла она мужа.—Вѣдь я теперь во власти демоновъ. Рабштейнъ вышелъ изъ могилы и, видя меня беззащитной, преслѣдуетъ по пятамъ.—Не тронь, не тронь меня!— взвизгнула она, обращаясь въ пространство.—Это Томассо посовѣтовалъ уничтожить тебя. Ай, ай! Онъ, какъ щипцами, хватаетъ меня своими ледяными руками.

Она прыгала изъ стороны въ сторону, какъ кошка, отбиваясь отъ невидимаго врага и, наконецъ, бросилась въ араторію. Тамъ она открыла столъ и торопливо начала перерывать все, что было внутри, ища индульгенцію, которая должна была избавить ее отъ преслѣдованія жертвы.

---

[1]) См. «Рус. Вѣстн.» ноябрь 1903 г.

Съ этого дня, несмотря на всякаго рода леченіе, графиня не приходила въ разумъ. Въ каждой тѣни, въ каждомъ углѣ изъ-за каждой вещи видѣла она покойнаго барона; онъ сторожилъ ее въ складкахъ занавѣсей, издѣвался надъ ней изъ пламени камина или изъ алькова кровати, накладывалъ свою руку на всякую подаваемую ей пищу и дразнилъ ее, показывая и пряча индульгенцію, которая теперь была у него въ рукахъ.

Безумная то съ воплемъ пряталась отъ призрака, то съ отчаяніемъ принималась отыскивать утраченный талисманъ, разрывая при этомъ подушки, срывая занавѣси и одѣяла, разбивая ящики и шкатулки, пока припадокъ буйства не смѣнялся полнымъ изнеможеніемъ.

Въ то время, какъ эта мрачная трагедія разыгрывалась въ домѣ графа Вальдштейна, въ самой Прагѣ религіозно-политическій споръ росъ со дня на день, обостряя взаимную ненависть партій и разжигая толпу, уже оплакивавшую и славившую своихъ *первыхъ* мучениковъ.

То были три человѣка изъ народа: Мартынъ Кжиделко Янъ Худекъ и Стасекъ Полакъ [1]), которыхъ задержали за то, что они открыто протестовали въ разныхъ церквахъ противъ продажи индульгенцій, а за оскорбленіе Гуса обозвали священниковъ лгунами.

Члены городского совѣта приговорили ихъ къ смертной казни черезъ обезглавленіе; тогда болѣе 2000 вооруженныхъ студентовъ собралось передъ ратушей, чтобы изъявить свое неудовольствіе по поводу такого рѣшенія. Самъ Гусъ лично ходатайствовалъ за осужденныхъ и заявилъ, что онъ одинъ виноватъ и готовъ нести всю вину.

Напуганный возбужденіемъ, охватившимъ городъ, совѣтъ обѣщалъ все, что отъ него требовали, но едва разошелся народъ, какъ городскіе совѣтники, съ чисто нѣмецкимъ вѣроломствомъ, повелѣли немедленно же казнить задержанныхъ молодыхъ людей.

Не успѣло шествіе дойти до мѣста казни, какъ на пути собралась снова грозная, хотя и не выражавшая открыто своихъ чувствъ толпа; тѣмъ не менѣе, совѣтъ нашелъ необходимымъ, чтобы разомъ покончить дѣло и дать урокъ, тотчасъ же приступить къ казни. Народъ же, смотря на казненныхъ, какъ на мучениковъ, съ пѣніемъ молитвы: „*Isti sunt sancti*", отнесъ тѣла ихъ въ Виѳлеемскую часовню, гдѣ и была совершена

---

[1]) *Palacky*, III, 279.

торжественная, всенародная молитва за упокой душъ, за народъ пострадавшихъ [1]).

Тяжелое это было время для мужественнаго реформатора и, конечно, немало страданій причиняло душѣ его то обстоятельство, что во главѣ его злѣйшихъ враговѣ очутились люди, которыхъ онъ считалъ преданными друзьями. Особенною непріязнью отличался Стефанъ Палечъ,—тогда деканъ богословскаго факультета. Трудно сказать, что именно побудило этого человѣка преслѣдовать своего бывшаго пріятеля,—зависть или фанатизмъ; но если гоненія на ученіе Виклефа возобновились съ новымъ жаромъ, то все по его же настоянію. Къ осужденнымъ уже ранѣе статьямъ присоединили еще новыя и даже дошли до того, что просили короля вовсе запретить Гусу проповѣдь.

Въ то же время, духовенство и католическая партія въ университетѣ отправили къ папѣ страшное обвиненіе противъ Гуса,—„этого сына нечестія, презиравшаго власть святѣйшаго престола и заражавшаго ересью весь народъ",—и просили сверхъ того, призвать на свой судъ разныхъ придворныхъ, въ томъ числѣ—Вока Вальдштейна, Генриха Лефля Лазана и Яна Садло, изъ Смихова, какъ самыхъ рьяныхъ сторонниковъ *„еретика"* и хулителей церкви. Нѣмецъ Михаилъ *de Causis* [2]) и вручилъ папѣ Іоанну XXIII этотъ доносъ.

Всѣмъ нападкамъ и преслѣдованіямъ Гусъ противопоставлялъ спокойную, но непоколебимую твердость; архіепископу и университетскимъ магистрамъ онъ неизмѣнно отвѣчалъ:

— Не противъ власти папской протестую я, а противъ злоупотребленія этой властью и, если вы мнѣ докажете священнымъ писаніемъ, что я неправъ и заблуждаюсь, я первый въ этомъ сознаюсь и подчинюсь. Но я не могу не проповѣдывать, такъ какъ первый долгъ священнослужителя—распространять священныя словеса.

Враги Гуса употребляли у папы всѣ усилія, чтобы уничтожить его, и партія духовенства и докторовъ Праги, въ лицѣ Михаила *de Causis'a*, нашла, дѣйствительно, подобающаго себѣ представителя.

---

[1]) *Köhler*, «Johannes Hus der Reformator des XV Jahrhunderts».

[2]) Самый ревностный гонитель Гуса, бывшій священникъ пражской церкви св. Адальберта, Михаилъ изъ Нѣмецкаго брода, назначенный папою въ прокураторы вѣры (procurator de causis fidei), отчего и извѣстенъ подъ болѣе употребительнымъ, сокращеннымъ названіемъ—Михаила de Causis'a. (Бильбасовъ, «Чехъ Янъ Гусъ изъ Гусинца»).

Сынъ бѣдныхъ рудокоповъ, человѣкъ сомнительной репутаціи, онъ, будучи настоятелемъ прихода въ Новомъ мѣстѣ (городѣ), сумѣлъ, благодаря особому знакомству, выпросить у короля для себя порученіе ввести улучшенія въ разработкѣ рудниковъ. Послѣ нѣкоторыхъ неудачныхъ опытовъ, онъ бѣжалъ съ ввѣренными ему деньгами [1]).

Михаилъ могъ предоставить къ услугамъ своихъ довѣрителей величайшую наглость, глубокое знаніе порочнаго папскаго двора и полнѣйшую неразборчивость въ средствахъ; все это, вмѣстѣ взятое, вполнѣ удовлетворяло духовенство.

Кардиналъ св. Ангела произнесъ противъ Гуса великое отлученіе, призывая обывателей схватить его и представить къ архіепископу на судъ и сожженіе; Виѳлеемская же часовня должна была быть разрушена.

Вѣсть объ этихъ мѣрахъ противъ человѣка чистаго и добраго, котораго большинство населенія любило и почитало, вызвала въ Прагѣ неудовольствіе, а въ домѣ Вальдштейновъ, гдѣ послѣ вышеописанныхъ грустныхъ происшествій расположеніе и довѣріе къ уважаемому проповѣднику еще возросло, произвела взрывъ негодованія.

Особенно благотворное вліяніе оказывалъ Гусъ на бѣдную Анну. Въ теченіе болѣзни онъ ежедневно навѣщалъ ее, и своими долгими бесѣдами пробудилъ вѣру и покорность въ изстрадавшейся душѣ несчастной. Съ этихъ поръ Анна точно примирилась со своей судьбой и въ молитвѣ искала поддержки и утѣшенія.

Страшная сцена произошла между ней и ея братомъ. Жижка, узнавъ о безчестіи сестры, пришелъ въ такое бѣшенство, что въ первую минуту гнѣва чуть было не убилъ Анны. Но та не дрогнула, когда кинжалъ Яна сверкнулъ надъ головой; можетъ быть, это холодное презрѣніе къ жизни и спасло ее. Опомнившись, онъ сжалъ сестру въ объятіяхъ, просилъ забыть его безумную вспышку и поклялся жестоко отомстить за нее. Но, къ его великому удивленію, Анна отвѣтила:

— Предоставь Богу наказать преступника, Янекъ! Господь знаетъ, что дѣлаетъ, и не намъ, слѣпцамъ, возставать противъ Его предначертаній.

Но Жижка былъ не изъ тѣхъ, которые легко успокаиваются и, попадись ему на глаза Бранкассисъ, онъ убилъ бы его, какъ собаку.

Когда же, наконецъ, послѣ долгихъ розысковъ, Жижка на-

---

[1]) Разсказъ Петра Младеновича. *Palacky*, Docum. 246.

палъ таки на его слѣдъ въ Страховскомъ монастырѣ, то кардиналъ потихоньку убрался уже въ Италію.

Пришлось отказаться отъ немедленной мести; зато въ душѣ Жижка затаилъ неумолимую злобу противъ духовенства, которое и не подозрѣвало, конечно, какое ужасное возмездіе ждало его со стороны скромнаго *коморника* (камергера) королевы.

Два мѣсяца прошло уже, какъ Туллія жила у Вальдштейновъ и совершенно освоилась съ новымъ образомъ жизни, своимъ же прекраснымъ характеромъ и услужливостью снискала всеобщее расположеніе.

Чувствовала она себя невыразимо счастливой, а отношенія къ ней семьи графа, Анны и Гуса возвышали ее въ собственныхъ глазахъ, вернули уваженіе къ самой себѣ и воскресили въ душѣ ея надежду на будущее.

Сердечное расположеніе это еще возросло, съ тѣхъ поръ какъ стала извѣстна ея грустная повѣсть.

Какъ-то вечеромъ, не совсѣмъ оправившаяся Анна рано улеглась въ постель, Ружена сѣла у изголовья, а Туллія помѣстилась на подушкѣ у ногъ. Вдругъ Анна неожиданно спросила ее, за что ненавидитъ она Бранкассиса и какимъ образомъ сдѣлалась его возлюбленной.

Туллія вздрогнула и поблѣднѣла при этомъ напоминаніи о прошломъ, которое ей приходилось теперь вызвать. Тронутыя ея волненіемъ Ружена и Анна заявили, что отказываются что-либо знать, но сама Туллія ощутила потребность излить свою душу и разсказать событія своей молодой, но бурной жизни.

Она была старшей дочерью золотыхъ дѣлъ мастера въ Болоньѣ; отецъ ея былъ вдовъ и воспитывала Туллію съ сестрой ихъ старая тетка.

Жизнь текла спокойно и счастливо. Ей исполнилось пятнадцать лѣтъ, какъ надъ ихъ семьей разразилась бѣда. Разъ утромъ тетка отправила ее съ порученіемъ къ отцу, работавшему въ своей мастерской, гдѣ обыкновенно онъ и принималъ знатныхъ заказчиковъ и посѣтителей. Въ этотъ день у него сидѣло духовное лицо высокаго сана, пришедшее заказать драгоцѣнную чашу для кардинала-легата болонскаго, Балтазара Коссы. Заказчикъ, оказавшійся Бранкассисомъ, глазъ не сводилъ съ красивой Тулліи, и съ этого дня она не могла сдѣлать ни шагу, не встрѣтивъ на своей дорогѣ епископа.

Какая-то неизвѣстная женщина подошла къ ней однажды

на улицѣ и заговорила о страстной любви знатной духовной особы, сдабривая свои сладкія рѣчи разными обѣщаніями, если только она согласится сдѣлаться его возлюбленной. Туллія съ отвращеніемъ отвѣчала отказомъ, но это не расхолодило женщину и она продолжала приставать со своими предложеніями даже у нихъ въ домѣ, подкарауливая, когда тетка бывала въ отсутствіи, пока, наконецъ, самъ отецъ не наткнулся на такую сцену и, жестоко избивъ соблазнительницу, не выбросилъ ее на улицу.

Нѣсколько недѣль прошло спокойно, какъ вдругъ утромъ явилась городская стража и увела мастера, подъ тѣмъ предлогомъ, что открылось, будто онъ вдѣлалъ въ чашу фальшивые камни, вмѣсто тѣхъ настоящихъ, которые были ему переданы.

Туллія сильно взволновалась, дойдя до этого мѣста своего разсказа, и остановилась, чтобы перевести духъ.

— Какъ описать вамъ наше отчаяніе, когда отца все-таки бросили въ тюрьму, несмотря на то, что онъ увѣрялъ и клялся въ своей невинности! Затѣмъ, наступило разстройство въ дѣлахъ, такъ какъ на все наше имущество наложено было запрещеніе, чтобы возмѣстить похищенныя якобы драгоцѣнности.

Выходя разъ изъ тюрьмы, гдѣ тщетно пыталась добиться свиданья съ отцомъ, я повстрѣчала ту же негодную женщину и она, нагло усмѣхаясь, замѣтила, что я „не въ тѣ двери стучусь“, давая этимъ понять, что лишь вліяніе Бранкассиса у кардинала-легата могло бы еще помочь спасенію отца.

Я долго не могла собраться съ силами идти умолять этого человѣка, въ которомъ подозрѣвала, не знаю почему, главнаго виновника нашей бѣды, но, наконецъ, все-таки была къ этому вынуждена: мы очутились въ нищетѣ, а тетка и моя маленькая сестренка даже заболѣли отъ горя и лишеній.

Бранкассисъ встрѣтилъ меня привѣтливо, но на мою просьбу отвѣтилъ, улыбаясь:

— Услуга за услугу! Прими мою любовь и я спасу стараго вора.

— Онъ не воръ, онъ сдалъ настоящіе брилліанты! Богъ знаетъ, гдѣ ихъ подмѣнили,—возмущенная, отвѣтила я.

— Если ты, дочь моя, можешь это доказать, зачѣмъ же пришла ты просить меня? Но торопись, а не то, предупреждаю, твоего отца подвергнутъ пыткѣ, чтобы вырвать у него сознаніе, а затѣмъ повѣсятъ.

Я думала, что сойду съ ума въ эту минуту, но мнѣ тогда

казалось такимъ пустякомъ пожертвовать своею жизнью для счастья семьи. Я отвѣтила, что согласна, но потребовала гарантій въ томъ, что онъ меня не обманетъ и не казнитъ всетаки отца. Онъ засмѣялся и похвалилъ мою предусмотрительность, сказавъ, что я начну у него службу лишь послѣ того, какъ виновный будетъ на свободѣ. Черезъ нѣсколько дней, я узнала, что отецъ бѣжалъ и дѣйствительно поселился въ другомъ городѣ, подъ чужимъ именемъ; тетка и сестра переѣхали къ нему, а я вступила, въ качествѣ пажа, къ Бранкассису, который на первыхъ же порахъ объявилъ мнѣ, что не выпуститъ изъ виду моей семьи и что, при малѣйшемъ неудовольствіи мною, несчастный снова будетъ схваченъ и наказанъ уже вдвойнѣ: за кражу и бѣгство.

Я терпѣливо несла свой крестъ, а онъ игралъ со мною, какъ кошка съ мышью: его забавляло мое стараніе скрывать отвращеніе, которое я питала къ нему. Затѣмъ произошелъ случай, обратившій это отвращеніе въ невыразимую ненависть...

Я готовилась быть матерью и это выводило его изъ себя, а рисковать моимъ здоровьемъ онъ не рѣшался, видимо я ему еще очень нравилась. Когда мое положеніе не позволило уже долѣе играть мою роль, онъ отослалъ меня на виллу въ окрестности, гдѣ я и жила одна, съ приставленной ко мнѣ старухой, и гдѣ произвела на свѣтъ сына. Я страстно привязалась къ малюткѣ и служанка, полюбившая меня, обѣщала отправить его на воспитаніе къ моему отцу и теткѣ. Отъ старой Нуцціи я немало узнала про Бранкассиса и моихъ предшественницъ, которыя всегда таинственно исчезали, и никто никогда не зналъ, что съ ними сталось.

Какъ-то мы сидѣли съ Нуцціей у камина и болтали. Вдругъ, совершенно неожиданно, пріѣхалъ *онъ* и, при видѣ ребенка у меня на колѣняхъ пришелъ въ ярость.

— Старая дура, Нуццiя! Да ты съ ума сошла, оставивъ жить эту тварь, которая можетъ надѣлать намъ хлопотъ Развѣ я не говорилъ тебѣ, что не хочу его?..

И не успѣла я опомниться, какъ онъ схватилъ у меня ребенка и бросилъ его въ топившійся каминъ.

Увидавъ, какъ розовыя ручки и ножки безпомощно барахтались въ пламени, я лишилась даже возможности кричать сердце и мозгъ, казалось, готовы были лопнуть... Я потеряла сознаніе и въ теченіе нѣсколькихъ недѣль была между смертью и сумасшествіемъ...

А затѣмъ, ко мнѣ вернулось, хотя и медленно, здоровье и къ несчастью, красота... Нѣтъ словъ высказать, какую ненависть внушалъ мнѣ съ той поры Бранкассисъ, но я, сознавая

свое безсиліе, скрывала свои чувства, сторожа минуту, чтобы отомстить ему... Остальное вы знаете,—закончила Туллія, вытирая катившіяся по лицу слезы.

Ружена и Анна слушали разсказъ въ полномъ молчаніи, изрѣдка нарушавшемся лишь рыданіями Тулліи.

— Боже мой!—вскричала Ружена, когда Туллія досказала свою ужасную исторію.—И такое-то чудовище еще осмѣливается своими преступными руками совершать божественныя таинства! Какъ громъ не убьетъ его предъ алтаремъ!

— Скажи лучше, какъ смѣетъ священство, подобное Бранкассису, и папы, какъ Іоаннъ XXIII,—негодяй и разбойникъ,—отлучать такого *святого*, какъ мистръ Янъ,—въ негодованіи замѣтила Анна.

IX.

Извѣстіе, что папа повелѣлъ произнести надъ Гусомъ великое отлученіе, если онъ не подчинится въ теченіе 20 дней, обрадовало его враговъ, а такъ какъ Вацлавъ не противился открыто суровымъ мѣрамъ святѣйшаго престола, то дерзость ихъ еще возросла.

Совѣтъ Стараго мѣста (города) состоялъ въ это время, большею частью, изъ нѣмцевъ; подъ его покровительствомъ произошла сходка горожанъ, тоже нѣмцевъ, на которой и было рѣшено, не дожидаясь обнародованія интердикта, съ оружіемъ въ рукахъ напасть на Виѳлеемскую часовню, силой разогнать молящихся и схватить самого проповѣдника.

Наступило 2 октября, день церковнаго праздника въ Прагѣ. Утромъ собралась значительная толпа вооруженныхъ бюргеровъ, во главѣ съ измѣнникомъ, чехомъ Бернардомъ Хотекомъ и Гинцомъ Лейнхардтомъ, который собственно и былъ зачинщикомъ предполагавшагося нападенія. Въ своей безумной ненависти къ чехамъ, сынъ мясника жаждалъ вырвать у нихъ любимаго народомъ человѣка, бывшаго словно воплощеніемъ идеи ихъ національнаго возрожденія.

Виѳлеемская часовня была полна молящихся, внимавшихъ проповѣди Гуса съ тою восторженной вѣрой, которую онъ умѣлъ вызвать въ сердцахъ слушателей. Вдругъ нѣсколько человѣкъ ворвались внутрь съ криками:

— Нѣмцы оцѣпили часовню и копьями, да алебардами разгоняютъ нашихъ!

Въ первый моментъ нѣмое удивленіе объяло присутствующихъ, но затѣмъ все всколыхнулось, а снаружи доносились уже крики, ругательства и лязгъ оружія нападавшихъ, пытавшихся проникнуть вовнутрь.

Но прежде чѣмъ произошла общая паника, нѣкоторые рыцари и паны, въ томъ числѣ и Вокъ Вальдштейнъ, повскакали на скамьи и крикнули:

— Дѣтямъ и женщинамъ оставаться на мѣстѣ, а мужчины всѣ впередъ, на защиту часовни, и если можно, безъ пролитія крови!..

Всѣ здоровые чехи бросились къ выходу. Нѣмцы, успѣвшіе захватить паперть, были отброшены и передъ ними выросъ рядъ защитниковъ священнаго мѣста, стоявшихъ молча, но рѣшительныхъ и хладнокровныхъ. Видя, что попытка застать врасплохъ не удалась, смущенные грознымъ спокойствіемъ противниковъ, нѣмцы попятились. Тщетно Гинцъ, съ пѣной у рта, старался ободрить своихъ и уговорить ихъ пробиться въ церковь. Хотекъ и большинство бюргеровъ боялись побоища въ церкви и шумно отступили къ ратушѣ.

Собрался городской совѣтъ и, послѣ бурныхъ преній, постановилъ разрушить, по крайней мѣрѣ, самую часовню, какъ то было внушено изъ Рима.

Вечеромъ въ тотъ же день, Гусъ былъ у Вальдштейновъ. Даже его кроткая душа была возмущена утреннимъ наглымъ нападеніемъ и онъ не могъ сдержать своего негодованія.

— Вотъ,—говорилъ онъ,—образчикъ дерзости нѣмецкой! Безъ королевской воли не посмѣли бы разрушить печь у сосѣда, а дерзнули покуситься на храмъ Божій! [1]).

— О, мы защитимъ часовню! Пусть собаки нѣмцы сунутся въ другой разъ, если имъ охота отвѣдать нашихъ кулаковъ,—вскричалъ, кипя гнѣвомъ, Вокъ.—Я боюсь только за васъ, мистръ Янъ, вѣдь поганые попы станутъ теперь немилосердно васъ преслѣдовать.

— Меня уже требовали къ епископу, чтобы узнать, подчинюсь ли я повелѣніямъ апостольскимъ.

— И что же вы отвѣтили?—тревожно спросила Ружена.

Грустная улыбка мелькнула на лицѣ Гуса.

— Отвѣтилъ отъ чистаго сердца...

Но, видя всеобщее нетерпѣніе, онъ продолжалъ:

— *Апостольскими* я называю повелѣнія апостоловъ Христа,

[1]) *Palacky*. G. v. B., III, стр. 287, прим. 387.

и я готовъ повиноваться папѣ постольку, поскольку приказы его согласны съ ученіемъ Спасителя; но если они ему противорѣчатъ, я слушаться ихъ не буду, хотя бы они воздвигли костеръ передо мною! [1]).

— Милый мистръ, вы страшно рискуете,—замѣтила Ружена, сочувственно пожимая ему руку.

— Все будетъ по волѣ Господней, дочь моя, но я полагаю. что не пришелъ еще часъ! Господь не закончилъ дѣла, возложеннаго на меня и моихъ братьевъ, и не вырвалъ еще изъ пасти Бегемота всѣхъ, предназначенныхъ Имъ къ спасенію Такъ Онъ и подастъ силы благовѣствующимъ, пока они не раздавятъ окончательно главу Бегемота! Всѣмъ сердцемъ стремлюсь я къ этому и за это смиренно приму смерть...

— Такая жизнь дѣлаетъ васъ достойнымъ вѣнца праведника,—сказала Анна, и взглядъ ея, потухшій и безстрастный со времени постигшаго ее горя, вдругъ вспыхнулъ фанатическимъ возбужденіемъ.

— Воздержись, дочь моя, отъ столь смѣлаго слова и особенно не переноси необдуманно благодарности, которой мы обязаны Господу, руководящему и поддерживающему насъ, на Его недостойнаго служителя,—строго замѣтилъ Гусъ.

Несмотря на страстное желаніе нѣмцевъ разрушить виѳлеемскую часовню, имъ, однако, пришлось отъ этого отказаться; народъ днемъ и ночью охранялъ дорогое для него мѣсто молитвы. Настроеніе же толпы было такъ грозно, возбужденіе столь явственно, что нападать открыто уже болѣе не смѣли. Зато поторопились обнародовать отлученіе и примѣнить его во всей строгости.

По всѣмъ церквамъ Праги торжественно была возвѣщено, что отправленіе богослуженія пріостанавливается, пока Гусъ будетъ находиться въ Прагѣ, и что всякому христіанину воспрещается, подъ страхомъ подобнаго же отлученія, говорить съ Гусомъ, снабжать его ѣдой и питьемъ, давать ему убѣжище, хоронить его и т. д.

Черная, грозовая туча нависла надъ древней столицей Чехіи; настроеніе получалось зловѣщее, тоскливое, точно городъ посѣтило какое-нибудь ужасное бѣдствіе. Колокола болѣе не звонили, церкви были заперты и службы въ нихъ не совершались; умирающимъ отказывали въ напутствіи, ново-

[1]) *Tomek* D. P. III, стр. 320.

рожденнымъ въ крещеніи, брачущимся — въ благословеніи Божіемъ, мертвымъ—въ христіанскомъ погребеніи.

А между тѣмъ, большинство населенія не дрогнуло передъ этой страшной карой и не поколебалась любовь его къ Гусу. Всеобщее неудовольствіе обрушилось на завистливое и злобное, въ сознаніи народномъ, духовенство, мстившее обожаемому проповѣднику за то, что тотъ смѣло обличалъ его продѣлки, алчность и продажность.

Во время этого испытанія, Гусъ далъ доказательство кроткой и безропотной рѣшимости которая была одной изъ выдающихся чертъ его характера. По поводу постигшаго его несправедливаго наказанія, онъ взываетъ только къ Іисусу Христу, какъ единому истинному Главѣ церкви [1]), а въ остальномъ продолжаетъ свою обыденную жизнь: посѣщая больныхъ и страждущихъ, проповѣдуя истины евангельскія и выказывая во всѣхъ случаяхъ ту горячую вѣру, то самозабвеніе, которыя покоряли ему сердца всѣхъ современниковъ, а для потомства создали одинъ изъ обаятельнѣйшихъ историческихъ образовъ.

Въ домѣ Вальдштейновъ онъ бывалъ еще чаще, привлекаемый горемъ, постигшимъ семью; ужасное состояніе графини Яны держало всѣхъ въ страхѣ.

Въ тѣ времена науки леченія мозговыхъ болѣзней не существовало, и безуміе зачастую приписывалось одержанію дьяволомъ, хотя въ случаѣ съ графиней Яной подобное предположеніе напрашивалось какъ-то само собой; было ясно, что содѣянное преступленіе вызвало духа зла, который и наложилъ уже на виновную начало тѣхъ мученій, которыя ожидали ее впослѣдствіи въ аду. Подобное убѣжденіе усугубляло только ужасъ, внушаемый несчастной женщиной: даже старый графъ и Вокъ суевѣрно вздрагивали, когда она носилась по комнатамъ, гонимая видѣніемъ своей жертвы.

Гусъ часто навѣщалъ больную, и голосъ его, какъ будто, успокоительно дѣйствовалъ на нее; поэтому всякій разъ, какъ онъ приходилъ къ Вальдштейнамъ, графъ просилъ его побывать у жены.

Придя какъ-то подъ вечеръ, Гусъ узналъ, что графиня безъ устали металась весь день и ярость ея была такова, что даже пытались, хотя безуспѣшно, связать ее, но у нея проявилась такая сила, съ которой не могъ справиться даже Брода.

Уже подходя къ покоямъ больной, Гусъ слышалъ то прон-

---

[1]) Ideo ad caput ecclesiae Dominum Jesum Christum ultimo appelavi.

зительные вопли, то какое-то рычаніе. Комната едва была освѣщена, такъ какъ свѣчъ не зажигали, опасаясь пожара; но холодъ побудилъ затопить каминъ, около котораго и сидѣла служанка.

Въ первую минуту, Гусъ не могъ отыскать графини; наконецъ, онъ увидалъ ее у кресла, сидѣвшую на корточкахъ, съ вытянутой впередъ шеей, точно она кого-то сторожила.

Она страшно измѣнилась за это время: худоба ея стала ужасающей, волосы совсѣмъ побѣлѣли и висѣли въ безпорядкѣ, длинными космами; свирѣпые, широко раскрытые глаза, неподвижно устремленные въ одну точку, производили тяжелое впечатлѣніе. Она была въ рубашкѣ и разорванной во многихъ мѣстахъ юбкѣ; обрывки газоваго, вышитаго когда-то золотомъ вуаля лохмотьями свѣшивались на спинѣ.

Гусъ подошелъ ближе и назвалъ графиню по имени; затѣмъ онъ заговорилъ съ ней, убѣждая, что Богъ простилъ ее, и Христосъ, въ безконечномъ милосердіи Своемъ, близокъ ко всякому страждующему и пріемлетъ кающагося грѣшника, какъ отецъ блуднаго сына. Звучный голосъ Гуса произвелъ свое обычное дѣйствіе: крики и ворчанье стихли и потухшій, лукавый взоръ больной обратился на него.

Понимала ли безумная смыслъ его словъ, или просто гармоничныя вибраціи его рѣчи пріятно ласкали ея разстроенные нервы, трудно сказать; но черезъ четверть часа она тихонько встала и медленно направилась къ нему.

Вдругъ она взвизгнула и отскочила назадъ, замѣтивъ на полу тѣнь, отбрасываемую Гусомъ.

— Вотъ онъ, вотъ! Онъ пальцемъ на меня показываетъ и насмѣхается, что я теперь въ его власти, послѣ столькихъ лѣтъ спокойствія,—крикнула она дикимъ голосомъ.

Гусъ угадалъ причину испуга и повернулся такъ, что его тѣнь перестала быть ей видимой.

— Успокойтесь, онъ исчезъ! Я приказалъ ему убраться въ могилу. А вы, пани, садитесь въ кресло и не бойтесь.

Лучъ радости и успокоенія мелькнулъ на лицѣ больной. Подойдя къ нему, она вкрадчиво сказала:

— Ты могущественъ и прогналъ его, будь же добръ и помоги мнѣ! Онъ повинуется тебѣ, возьми же у Свѣтоміра индульгенцію, которую онъ у меня укралъ, и отдай ее мнѣ. Я не могу раздобыть себѣ другой, потому что Томассо умеръ, а я щедро заплачу за услугу! Я отдамъ тебѣ всѣ мои драгоцѣнности, обѣ шкатулки, мой жемчугъ и всѣ скопленныя деньги, только достань мнѣ индульгенцію!..

Она все болѣе и болѣе сгибалась передъ нимъ и онъ невольно попятился, при видѣ ея искаженнаго гримасой лица и блестящаго, хитраго взгляда. Замѣтивъ вдругъ кончикъ пергамента, который выглядывалъ изъ кармана Гуса, она проворно бросилась къ нему и ловко выхватила свитокъ.

— А, хитрый и продажный попъ, какъ и всѣ вы! Ты ужъ его приготовилъ, а молчишь! Но все равно, онъ у меня, у меня! Это она—моя индульгенція, дорога къ небу теперь для меня открыта!

Подбѣжавъ къ столику, она съ шумомъ открыла крышку и, забравъ пригоршнями драгоцѣнные камни, нѣсколько золотыхъ вещей, лоскутки газа и матерій, бросила ихъ Гусу.

— Вотъ, получи!—крикнула она.

Затѣмъ, съ радостными криками, она принялась быстро кружиться и танцовать по комнатѣ, размахивая надъ головой пергаментомъ.

Въ эту минуту открылась дверь и вошелъ графъ Гинекъ. Безумная остановилась, увидавъ его, но видимо не узнала мужа.

— Не подходи, братъ Свѣтоміръ, ступай въ могилу! Власть твоя кончилась! Смотри, у меня индульгенція,—и, махая передъ собой пергаментомъ, она стала пятиться къ камину.

— Стой, стой! Не приближайся къ огню,—крикнулъ графъ, бросаясь, чтобы остановить жену.

Но это-то именно движеніе и погубило ее. По привычкѣ она сдѣлала быстрый прыжокъ назадъ, споткнулась и повалилась въ громадное отверстіе камина, ударившись при томъ о его каменный край.

Лохмотья газа и шерстяная юбка мгновенно вспыхнули, и несчастная, охваченная пламенемъ, съ дикими криками покатилась по полу.

Служанка убѣжала въ ужасѣ, а графъ и Гусъ сорвали съ кровати одѣяла, завернули въ нихъ графиню и съ трудомъ потушили горѣвшее платье. На крикъ служанки явились и другіе люди, а за ними и Вокъ, только что вернувшійся отъ короля изъ замка Жебрака. Они остановили начинавшійся пожаръ, такъ какъ огонь перекинулся уже на драпировки.

Покрытая страшными ожогами, графиня въ безчувственномъ состояніи была отнесена въ другую комнату, гдѣ ей подали первую помощь; но истощенный организмъ не вынесъ этого новаго потрясенія. Простуда отъ холодной воды и страданія, причиняемыя ранами, покрывавшими все ея тѣло, вызвали

горячку; послѣ недѣльной тяжелой агоніи, мучимая ужасными видѣніями, графиня скончалась.

Умирать въ это время въ Прагѣ для христіанина было тяжело и графъ съ сыномъ чувствовали вдвойнѣ постигшее ихъ горе, не будучи въ состояніи даже освятить церковной службой похороны графини, которая, по ихъ понятіямъ, болѣе, чѣмъ кто-либо, нуждалась въ молитвѣ. Такую-то великую грѣшницу приходилось теперь предавать землѣ безъ священника и отпѣванія, какъ и умерла она безъ покаянія и причастія. Или Богъ, разгнѣванный ея злодѣяніемъ, отказалъ ей въ Своемъ милосердіи? А медлить было нельзя: покойная разлагалась быстро и графу пришлось послѣдовать обычаю, установившемуся со времени обнародованія интердикта, т. е. хоронить жену ночью.

Когда тѣло было положено во гробъ, графъ посыпалъ его горстью священной земли, привезенной изъ Іерусалима однимъ изъ его предковъ и хранившейся въ семьѣ, какъ святыня, окропилъ святой водой и въ руки вложилъ распятіе.

— Христосъ, по безпредѣльной благости Своей, поддержитъ и направитъ твою душу, будетъ тебѣ заступникомъ и воздастъ все то, чего лишило тебя нехристіанское погребеніе,—со слезами на глазахъ сказалъ онъ.

Около полуночи печальное шествіе, освѣщаемое лишь нѣсколькими факелами, которые несли слуги, тронулось въ путь на кладбище.

Хотя у Вальдштейновъ былъ родовой склепъ въ одномъ изъ монастырей, но тамъ покуда не хоронили и ни одинъ изъ членовъ ихъ семьи, явно стоявшей за Гуса, не былъ бы допущенъ подъ священные своды.

Въ такой поздній часъ вся Прага обыкновенно спала и улицы были совершенно пустынны, но въ это тревожное время кое-гдѣ замѣтно было еще движеніе: другихъ покойниковъ, тоже лишенныхъ отпѣванія, тайкомъ несли на мѣсто ихъ послѣдняго упокоенія. Похороны людей самого разнообразнаго общественнаго положенія постепенно примыкали къ процессіи графини и сопровождавшая ихъ толпа громко выражала свое неудовольствіе.

Среди покойниковъ были и два нѣмца-католика. Родственники ихъ стали бранить прочихъ присутствующихъ, главнымъ образомъ чеховъ, приписывая ихъ явной „*ереси*“ и привязанности къ „*преступному врагу церкви*“ безчестье, поражавшее ихъ дорогихъ усопшихъ. Ссора разгоралась; чехи не остались въ долгу, въ свою очередь обвиняя духовенство и его папу—

антихриста въ томъ, что они все это устроили въ отместку за разоблаченія ихъ преступленій и распутства.

Путь лежалъ мимо церкви; кто-то предложилъ принудить причтъ благословить умершихъ и совѣтъ этотъ былъ тотчасъ же подхваченъ возбужденной толпой. Народъ подступилъ къ церковному дому и выломалъ дверь; настоятеля церкви и его намѣстника подняли съ постели, насильно облачили, съ тумаками и угрозами вытащили на улицу и заставили идти впереди цѣлой вереницы гробовъ.

Взбѣшенная толпа не обращала уже вниманія на папскій интердиктъ, а испуганные священники, боясь ежеминутно быть убитыми, вынуждены были прочитать надъ могилами молитвы, послѣ чего толпа быстро разошлась.

На слѣдующій день глубоко потрясенный Гусъ, желая, во-первыхъ, предупредить проявленіе новыхъ вспышекъ народнаго негодованія, а во-вторыхъ, снять съ своихъ согражданъ строгій интердиктъ, покинулъ Прагу...

X.

По смерти графини и по отъѣздѣ любимаго проповѣдника, тяжелый гнетъ нависъ надъ домомъ Вальдштейновъ. Вся семья находилась подъ ужаснымъ впечатлѣніемъ послѣднихъ событій и даже слуги, видя мрачность господъ, чувствовали себя неспокойными и подавленными.

Старый графъ съ сыномъ бо̀льшую часть времени проводили у короля въ замкѣ Жебракѣ, а Ружена съ Анной сидѣли однѣ и почти не показывались изъ дому, отчасти по случаю траура, а отчасти по своему настроенію, которое влекло ихъ къ уединенію.

Анна все еще не совсѣмъ оправилась послѣ перенесеннаго удара. Исключая мучительной головной боли, схватывавшей ее по временамъ, физически она чувствовала себя сносно; но зато въ наружности и характерѣ ея произошла глубокая, разительная перемѣна: она очень похудѣла, миловидное личико какъ-то вытянулось и свѣжесть его смѣнилась блѣдностью; большіе, нѣкогда блестящіе, веселые глазки потухли и подернулись грустью и только по временамъ вдругъ вспыхивали какимъ-то дикимъ возбужденіемъ. Откровенная веселость, общительность и остроуміе совершенно исчезли и замѣнились строгой, молчаливой замкнутостью. Вѣчно одѣтая въ черное, почти

монашескаго покроя платье, она цѣлые часы проводила на молитвѣ, избѣгала людей, и ничто ни могло ее убѣдить выйти изъ своейкомнаты, когда въ домѣ бывали гости.

Между Руженой и мужемъ царило несогласіе съ того самаго злосчастнаго утра послѣ покушенія Бранкассиса. Вокъ былъ смертельно оскорбленъ брошеннымъ обвиненіемъ и не прощалъ женѣ того, что она могла заподозрить его въ убійствѣ.

Наказаніе Божеское, поразившее мать, и затѣмъ ужасная смерть графини тоже оставили на немъ тяжелое впечатлѣніе. Онъ потерялъ вкусъ къ похожденіямъ, былъ угрюмъ, молчаливъ и раздражителенъ, то искалъ ссоры съ Руженой, при всякомъ случаѣ, то упорно избѣгалъ ея.

Это отдаленіе отъ жены, котораго онъ держался изъ упрямства и оскорбленнаго самолюбія, тяжело было Воку и заставляло его страдать, такъ какъ, не смотря на всѣ свои увлеченія, онъ продолжалъ глубоко любить жену и красота ея попрежнему чарующе на него дѣйствовала.

Особенно возмущало его то, что Ружена, испросивъ прощеніе у отца, сочла лишнимъ сказать ему хоть слово извиненія или сожалѣнія. Сама Ружена отлично понимала, что она неправа и что такое, ничѣмъ не заслуженное, тяжкое обвиненіе нужно было загладить, но она была слишкомъ упряма и горда, чтобы просить прощенія.

Таково было положеніе вещей во время отъѣзда Гуса. Въ своемъ послѣднемъ разговорѣ съ Руженой, когда рѣчь зашла и о несогласіяхъ ея съ мужемъ, Гусъ строго разобралъ настроеніе ея души и даже спросилъ, не преступная ли любовь къ Іерониму причиной ея жестокости къ Воку.

— Я навсегда отказалась отъ всякой земной любви къ къ нему,—отвѣтила она.—Но я никогда не перестану восхищаться имъ, какъ ученымъ, человѣкомъ, любящимъ свою родину, и рыцаремъ! Я съ участіемъ буду слѣдить издалека за его жизнью и молиться за него. Богъ не поставитъ мнѣ этого во грѣхъ!

Въ заключеніе, она обѣщала извиниться передъ Вокомъ.

Между тѣмъ прошли недѣли, Гусъ снова вернулся въ Прагу, движимый угрызеніями совѣсти, будто онъ покинулъ городъ, повинуясь наущенію дьявольскому, изъ опасенія за свою жизнь,—а супруги все еще не примирились.

Интердиктъ тотчасъ былъ возстановленъ съ прежней строгостью, народное возбужденіе росло и, во всякую минуту, могло разразиться кровавыми безпорядками.

Какъ-то вечеромъ, Ружена засидѣлась въ комнатѣ подруги Оба графа были въ отсутствіи, а въ городѣ въ эту ночь неспокойствіе сказывалось особенно сильно.

Нѣсколько погребальныхъ процессій прошло мимо дома и въ сопровождавшей ихъ толпѣ ругательства перемѣшивались съ рыданьями и даже заглушали плачъ. Кучки вооруженныхъ людей шныряли по улицамъ; словомъ, въ воздухѣ чувствовалось что-то зловѣщее.

Тревожно настроенная Ружена ушла изъ своей комнаты и помѣстилась у Анны, окна которой выходили во дворъ, и уличный шумъ туда не долеталъ. Но все-же, когда на колокольнѣ аббатства пробило часъ ночи, Ружена встала, чтобы идти къ себѣ; спать ей не хотѣлось, но она чувствовала себя усталой.

Проходя длиннымъ коридоромъ въ свои покои, на лѣстницѣ, которая вела въ нижній этажъ, она увидала мужа, поднимавшагося въ сопровожденіи оруженосца, несшаго за нимъ свѣчу. Вокъ былъ блѣденъ и, видимо, усталъ, на лицѣ его было обычное, въ послѣднее время мрачное, раздраженное выраженіе.

Увидавъ жену, графъ остановился, удивленный.

— Ты еще не спишь въ такой поздній часъ? Отчего?—холодно спросилъ онъ, подозрительно смотря на нее.

— Я заболталась съ Анной и не замѣтила, что уже такъ поздно,—отвѣтила Ружена.—Не хочешь ли ужинать?—помолчавъ, спросила она.—Тебя не ждали и прислуга спитъ, но у меня въ комнатѣ приготовлена холодная закуска, до которой я и не дотрогивалась.

— Послѣ долгой верховой ѣзды я, въ самомъ дѣлѣ, проголодался и охотно что-нибудь съѣмъ, если только это тебя не обезпокоитъ,—нерѣшительно сказалъ Вокъ.

— Чѣмъ же? Нисколько! Идемъ и, пока Зимовитъ будетъ тебя разоружать, я зажгу огонь.

Они вошли въ малую залу, примыкавшую къ спальнѣ Ружены и оруженосецъ, снявъ съ графа доспѣхи, удалился. Въ спальнѣ, на столѣ, были приготовлены холодная дичь, пирожки и молоко, а Ружена достала изъ шкапа еще кружку вина и зажгла канделябры.

Вокъ сѣлъ за столъ и сперва отрѣзалъ кусокъ дичины женѣ, а потомъ себѣ. Они ѣли молча; какая-то неловкость тяготила супруговъ и разговоръ не клеился. Несмотря на голодъ и жажду, Вокъ ѣлъ мало; выпивъ кружку вина, онъ положилъ ножикъ, вытеръ руки и всталъ.

— Покойной ночи и спасибо! Ты долго засидѣлась съ Анной и я не хочу тебя дольше задерживать.

— Я боялась лечь спать,—шумъ на улицѣ сегодня нескончаемый,—тихо отвѣтила Ружена.

Вокъ ничего не сказалъ и направился къ двери. На лицѣ Ружены мелькнуло выраженіе внутренней борьбы и въ ту минуту, когда графъ готовъ былъ переступить порогъ, она нерѣшительно позвала его.

— Вокъ!

Онъ тотчасъ же остановился и обернулся къ женѣ. Мрачнымъ, вдумчивымъ взглядомъ посмотрѣлъ онъ на смущенную Ружену.

— Что ты хочешь?—глухо спросилъ графъ.

Она живо подбѣжала къ нему и взяла его за руку.

— Прости мнѣ, Вокъ, что я несправедливо обидѣла тебя гнуснымъ подозрѣніемъ. Но въ тотъ ужасный день моя душа обливалась кровью и одна мысль быть женой человѣка, помогавшаго убійству моего отца, была такъ невыносима, что я потеряла голову.

Ея прекрасное лицо то блѣднѣло, то краснѣло и лучистые глаза, полные слезъ, виновато смотрѣли на мужа. Гнѣвъ Вока тотчасъ же растаялъ.

Онъ порывисто привлекъ ее къ себѣ и на ея дрожащихъ устахъ запечатлѣлъ страстный поцѣлуй.

— У, злая! И не стыдно тебѣ было тянуть такъ долго свое признаніе? Неужели трудно сказать своему мужу: „Я сожалѣю, что считала тебя негодяемъ“?

Обнявъ ее за талію, онъ подвелъ ее къ покрытой подушками скамьѣ и усадилъ рядомъ съ собой.

— Ты хотѣла наказать меня за прежнія продѣлки,—сказалъ онъ, повеселѣвъ.—Сознаюсь, что бывалъ иногда отвратительнымъ мужемъ, но на будущее время клянусь быть тебѣ вѣрнымъ и сидѣть дома, какъ сурокъ въ норѣ.

Ружена не могла удержаться отъ смѣха.

— Какъ это на тебя похоже—быть образцовымъ мужемъ, а главное, сидѣть, какъ сурокъ въ норѣ!

— Понятно, это не легко; дьяволъ силенъ, такъ и сыплетъ искушеніями на нашемъ пути. Да ты этого не поймешь, потому что твоя стыдливая и чистая душа недоступна соблазну; закованная въ свою безупречную добродѣтель, ты—судья строгій и имѣешь на это полное право!

При послѣднихъ словахъ мужа Ружена вздрогнула и краска стыда залила ея лицо, при воспоминаніи о томъ, какъ она

обмѣнивалась съ Іеронимомъ преступными поцѣлуями и была такъ близка къ паденію, бѣгству изъ-подъ супружескаго крова и измѣнѣ своему долгу; въ душѣ шевельнулось угрызеніе совѣсти. Волненіе ея было настолько видимо, что Вокъ не могъ его не замѣтить и, пораженный, спросилъ:

— Что съ тобой, дорогая?

Ружена тихо высвободилась изъ его объятій. Теперь она была блѣдна, какъ ея бѣлое платье.

— Я недостойна твоего добраго мнѣнія и любви, — сказала она рѣшительно.—Я не хочу больше лжи между нами! Можетъ быть, ты и убьешь меня послѣ того, что я скажу, но все равно, моя совѣсть будетъ спокойна.

Вокъ слушалъ и не вѣрилъ своимъ ушамъ; при послѣднихъ словахъ Ружены, глухое восклицаніе вырвалось у него и глаза загорѣлись гнѣвомъ, обычнымъ его страстной натурѣ и передъ которымъ дрожали всѣ окружающіе.

Ружена думала, что пришелъ ея послѣдній часъ, но, противъ всякаго ожиданія, буря не разразилась: страшнымъ усиліемъ воли Вокъ овладѣлъ собой.

Дрожащей рукой онъ отеръ лобъ и сказалъ глухо:

— Ты бредишь, Ружена, или я былъ слѣпъ? Могла ли ты, ты, чей взглядъ отражаетъ чистоту неба, совершить преступленіе, заслуживающее смерти? Наконецъ, въ чемъ бы ты ни созналась, говори,—я хочу все знать и постараюсь разсудить снисходительно.

Онъ опустился на скамью и закрылъ лицо руками. Нѣкоторое время въ комнатѣ царило молчаніе; наконецъ, Ружена начала свое признаніе, тихо и постоянно останавливаясь.

Она говорила о досадѣ, оскорбленномъ самолюбіи и гордости, пробужденныхъ въ ней невѣрностями мужа, о впечатлѣніи, которое произвелъ на нее Іеронимъ въ дѣтствѣ, и какъ потомъ сталъ ея героемъ, когда, наконецъ, ихъ встрѣча въ день свадьбы превратила мечты въ дѣйствительность.

Съ безпощадной откровенностью описывала она свое восхищеніе геніальнымъ ораторомъ, который выросталъ въ ея глазахъ, по мѣрѣ продѣлокъ и пренебреженія къ ней Вока. Какъ взбѣшена была она, встрѣтивъ его, когда онъ везъ блудницу на крупѣ своей лошади! Неожиданное посѣщеніе Іеронима кончилось признаніемъ въ любви и планомъ бѣгства, которому помѣшалъ Гусъ, напомнившій обоимъ ихъ долгъ: послѣ этого Іеронимъ отказался отъ любви къ ней и покинулъ, даже не простившись.

Во время разсказа жены подвижное лицо молодого графа

отражало всѣ переживаемыя имъ чувства удивленія и ревности, гнѣва и досады. При имени Іеронима онъ даже вскочилъ и, наклонившись впередъ, боязливо прислушивался къ каждому слову жены.

Когда Ружена кончила свой разсказъ и, подавленная тяжестью вины, мрачно понурила голову, радостная, но лукавая усмѣшка просіяла на лицѣ Вока и вздохъ облегченія вырвался у него изъ груди. Полусердитымъ, полувеселымъ взглядомъ окинулъ онъ опущенную головку жены и, сѣвъ съ ней снова рядомъ, взялъ ея руки, которыми она закрыла себѣ лицо.

— Итакъ, ты позволила этому мерзавцу цѣловать тебя и сама отвѣчала на его поцѣлуи?—спросилъ онъ.

— Да,—едва слышно отвѣчала она.

— И ты можешь поклясться, что, кромѣ поцѣлуевъ, между вами ничего больше не было?

Яркая краска залила блѣдное лицо Ружены.

— Вокъ! Что ты выдумалъ! Я не покидала твоего дома! Вѣдь я не какая-нибудь уличная плясунья, чтобы отдаваться тотчасъ же человѣку, даже если я его люблю.

— Въ такомъ случаѣ я готовъ забыть все это! А ты обѣщаешь мнѣ не мечтать больше о бѣгствѣ?

— Клянусь! Если только ты самъ не выгонишь меня изъ твоего дома, какъ я того заслуживаю, — проговорила Ружена и залилась слезами.

— Я не дуракъ, чтобы гнать отъ себя такую славную женушку, которая сама кричитъ о своихъ грѣхахъ, прежде даже, чѣмъ у нея о томъ спрашиваютъ. Ну, не плачь же, а то еще заболѣешь! Вѣдь я уже сказалъ, что прощаю ваши поцѣлуи; ну, и конецъ.

Онъ далъ ей выпить молока и сталъ успокаивать; но Ружена не могла справиться съ своими нервами и слезы текли по прежнему.

— Нѣтъ, запасъ воды у этихъ женщинъ, право, можетъ только сравниться съ фонтаномъ, — сказалъ Вокъ, качая головой.—Если ты также разливалась рѣкой передъ Іеронимомъ, неудивительно, что онъ растаялъ, какъ кусокъ мыла! Только знаешь, Ружена, ты вѣдь ничего бы не выиграла отъ замѣны. Онъ такой же повѣса и соблазнилъ еще больше женщинъ, чѣмъ я, такъ какъ и подвизается на поприщѣ любви много лѣтъ больше моего. Что онъ гораздо умнѣе меня, это— вѣрно, и удачи у него больше, потому даже дѣвчонки въ него влюбляются, но на счетъ добродѣтели... Фю-ю-ю! Мы еще поспоримъ, и его исторія съ тобой только доказываетъ, что онъ

старѣетъ и глупѣетъ! Будь я на его мѣстѣ, самъ Господь не убѣдилъ бы меня отказаться отъ такого счастья!

Слабая, стыдливая улыбка появилась на лицѣ Ружены. Тогда Вокъ нагнулся къ женѣ и пытливо заглянулъ ей въ глаза.

— Все ли свое сердце отдала ты твоему идеалу, или оставила хоть искорку привязанности, отъ которой мы могли бы снова зажечь готовый потухнуть огонь нашей любви? — съ грустной улыбкой спросилъ онъ.

Признательная Ружена обняла руками его шею и склонила свою чудную головку на грудь мужа.

— Какъ мнѣ не любить тебя, когда ты выказалъ мнѣ столько великодушія? Обѣщаюсь тебѣ дѣлать все, чтобы заслужить твою любовь.

— Ну, слава Богу! Съ своей стороны, и я обѣщаюсь сдѣлаться добродѣтельнымъ, во всякомъ случаѣ настолько, что не стану больше таскать женщинъ съ собой на лошади. Въ этомъ могу поклясться!

Онъ обнялъ жену и, какъ перышко, поднялъ на воздухъ, громко цѣлуя ее.

— Міръ заключенъ и подписанъ!

На слѣдующій день Вокъ отправился къ Іерониму. Онъ понялъ теперь, почему тотъ сталъ такимъ рѣдкимъ гостемъ у нихъ въ домѣ. Но у Іеронима графу сказали, что онъ отозванъ охотиться въ одинъ изъ замковъ пана Вартенберга.

Увидавъ на столѣ чистый листъ пергамента, Вокъ схватилъ перо, сѣлъ и принялся рисовать.

Онъ изобразилъ узкую, крутую, усѣянную терніемъ дорогу къ небу, у вратъ котораго сидѣлъ апостолъ Петръ. По дорогѣ скакалъ, задравши хвостъ, оселъ съ головой Іеронима, а позади его виднѣлась чудная охапка сѣна.

— Ты зачѣмъ сюда пожаловалъ? — спрашивалъ его апостолъ.—Каждый день мужья-рогоносцы, покинутыя дѣвы и обманутыя любовницы приноситъ на тебя жалобы.

— Я исправился и разъ даже былъ добродѣтеленъ. Но только вмѣсто крыльевъ, у меня почему-то выросли вдругъ ослиныя уши,—отвѣчалъ Іеронимъ на длинной лентѣ, исходившей у него изо рта.

— Ну, ради *единственнаго* случая твоей добродѣтели я не стану безпокоить себя и открывать тебѣ тяжелыя врата неба. Ступай, откуда пришелъ! Въ ослиной шкурѣ никто ужъ не узнаетъ Іеронима Пражскаго и ни одинъ мужъ не станетъ остерегаться тебя!

Закончивъ свою каррикатуру, Вокъ свернулъ, надписалъ, кому она предназначалась, и, очень довольный собой, отправился къ Гусу. Тотъ, печальный, сидѣлъ одинъ у себя въ кельѣ и читалъ. Графъ чуть не задушилъ его въ своихъ объятьяхъ и расцѣловалъ въ обѣ щеки.

— Ты ко мнѣ съ доброй вѣстью, панъ Вокъ? Что ты такой веселый?—съ улыбкой спросилъ Гусъ.

— Я пришелъ, отецъ Янъ, благодарить васъ за услугу, которую вы оказали, помѣшавъ моей женѣ бѣжать съ Іеронимомъ, что заставило бы меня, къ великому сожалѣнію, перерѣзать горло пріятелю.

— Какъ! Ты все знаешь?—удивился Гусъ.

— Да, Ружена мнѣ во всемъ покаялась. Я ей простилъ и мы заключили миръ.

— Слава Богу! Но моей обязанностью было помѣшать двумъ сумасбродамъ надѣлать того, о чемъ они сами пожалѣли бы впослѣдствіи.

Въ эту минуту Вокъ замѣтилъ на полу чемоданъ и два узла.

— Что это значитъ, мистръ Янъ? Вы собираетесь опять покинуть насъ?

— Увы, другъ мой! Я не могу больше видѣть страданій, которыя интердиктъ налагаетъ на народъ; да и самъ король желаетъ, чтобы я уѣхалъ. Завтра на зарѣ я уѣзжаю изъ Праги.

— А куда же вы ѣдете?—освѣдомился огорченный Вокъ.

— Пока направляюсь въ замокъ Козиградскій [1]), гдѣ панъ Оусти великодушно предложилъ мнѣ пріютъ. А тамъ Господь разсудитъ и укажетъ мнѣ путь,—смиренно отвѣтилъ Гусъ.

Поговоривъ еще нѣкоторое время и заручившись обѣщаніемъ Гуса прійти къ нимъ обѣдать и проститься передъ отъѣздомъ, Вокъ пожалъ ему руку и ушелъ.

XI.

Прошло двѣ недѣли съ отъѣзда Гуса. Прага приняла свой обычный видъ: церкви были отперты и наружно все было спокойно, хотя въ этой тиши зрѣла буря.

Ружена сидѣла у окна за вышиваньемъ, поджидая мужа

[1]) Небольшое мѣстечко (Kosi hradec), на которомъ позже возникъ знаменитый Таборъ.

къ обѣду. Она была поглощена работой и лишь изрѣдка перебрасывалась словами съ сидѣвшей противъ нея Анной. Вдругъ лошадиный топотъ привлекъ ея вниманіе. Заглянувъ въ окно, она увидала, что какой-то панъ, въ богатомъ польскомъ нарядѣ, въ сопровожденіи конюшихъ, которые вели въ поводу двухъ чудныхъ боевыхъ коней и, кромѣ того, лошадей съ вьюкомъ, остановился у ихъ дома.

— Къ намъ гости, а Вокъ еще не вернулся,—съ неудовольствіемъ замѣтила Ружена.

Анна равнодушно взглянула тоже на улицу и вздрогнула.

— Это Свѣтоміръ,—пробормотала она, блѣднѣя, и повернулась, чтобы уйти, но Ружена ее задержала.

— Неужели ты убѣжишь отъ Свѣтоміра?

— Я увижу его какъ-нибудь потомъ, а теперь встрѣтиться съ нимъ я не въ силахъ,—прошептала Анна, вырывая свое платье изъ рукъ подруги и убѣгая.

Ружена проводила ее недовольнымъ взглядомъ и, положивъ работу, пошла освѣдомиться, былъ ли то дѣйствительно другъ ея дѣтства.

Оказалось, что на самомъ дѣлѣ пріѣхалъ Свѣтоміръ, но такъ сильно измѣнившійся за время ихъ разлуки, что Руженѣ пришлось долго въ него всматриваться, чтобы узнать. Худенькій, блѣднолицый юноша возмужалъ и сталъ теперь красивымъ, статнымъ молодцомъ, съ спокойнымъ, увѣреннымъ взглядомъ и воинственной осанкой.

— Твои дары принесли мнѣ счастье и мое будущее обезпечено,—вполголоса сказалъ онъ, здороваясь съ Руженой.—Я затѣмъ и пріѣхалъ, чтобы лично тебѣ это засвидѣтельствовать.

Скоро явился Вокъ и встрѣтилъ бывшаго товарища съ распростертыми объятіями.

— Да ты просто великолѣпенъ, Свѣтоміръ,—сказалъ онъ, цѣлуя его.—Кто узнаетъ въ тебѣ того несчастнаго мальчугана котораго мучилъ негодяй Иларій? Прежде всего, пойдемъ ужинать, а потомъ ты разскажешь всѣ твои приключенія. А ты къ намъ совсѣмъ?

— Нѣтъ! Теперь мое отечество—Краковъ, но если вы пріютите меня на нѣсколько недѣль...

— Глупости, глупости! Раньше нѣсколькихъ мѣсяцевъ и не думай, чтобы мы тебя выпустили. А въ Краковѣ и безъ тебя какъ-нибудь проживутъ,—благодушно прервалъ его Вокъ, увлекая въ столовую.

За столомъ Свѣтоміръ освѣдомился объ Аннѣ, не вышла ли она замужъ.

— Нѣтъ. Она сегодня нездорова, но ты увидишь ее потомъ,— вскользь сказала Ружена.

Когда они остались одни, графъ и графиня разсказали ему разыгравшуюся у нихъ въ домѣ ужасную трагедію. Разсказъ объ этомъ злодѣяніи глубоко опечалилъ Свѣтоміра.

— Господь да помилуетъ несчастную душу тети Яны! Въ какой страшный грѣхъ вовлекло ее чрезмѣрное довѣріе къ поганымъ попамъ,—сказалъ онъ, крестясь.—Я понимаю, что Анна избѣгаетъ меня со стыда, а между тѣмъ моя бѣдная подруга дѣтства вдвойнѣ дороже мнѣ въ своемъ горѣ,—закончилъ онъ дрогнувшимъ отъ волненія голосомъ.

Обсужденіе этого печальнаго событія такъ затянулось, что Свѣтоміру удалось лишь слегка коснуться своей жизни на чужбинѣ. Замѣтивъ, что онъ усталъ, Вокъ заторопилъ его идти спать.

На слѣдующій день, поутру, Свѣтоміръ раздавалъ привезенные имъ подарки: Руженѣ,—шелковую матерію, затканную серебромъ, Воку—нѣсколько собольихъ мѣховъ, а графу Гинеку—великолѣпный кинжалъ, съ осыпанной аметистами рукоятью.

— Я привезъ для Анны парчу и еще кое-что; но при нынѣшнемъ ея настроеніи эти бездѣлки не доставятъ ей удовольствія,—со вздохомъ замѣтилъ онъ.—Я лучше отдамъ ей ковчецъ съ мощами, который я везъ теткѣ, а парчу прошу принять тебя, Ружена!

— Чортъ возьми! Да ты богачъ, чтобы дѣлать такіе подарки! Кладъ ты что ли нашелъ?—засмѣялся Вокъ.

— Увы, нѣтъ! Но Богъ не оставилъ меня и даровалъ мнѣ почетное, независимое положеніе. А объ этихъ пустякахъ не стоитъ и говорить; это—часть моей добычи въ Танненбергскомъ бою и при взятіи Гильгенбурга.

— Ты участвовалъ при Танненбергѣ!—вскричалъ пораженный Вокъ.—Счастливецъ! Какъ я тебѣ завидую! Вотъ гдѣ бы я желалъ побывать, чтобы хорошенько поколотить нѣмцевъ.

— Да! Ты упустилъ прекрасный для этого случай! О, они получили такой урокъ, который не скоро забудутъ. Какъ-нибудь я подробно все разскажу тебѣ.

Прибытіе графа Гинека, отсутствовавшаго по дѣламъ, прервало разговоръ и дало ему другое направленіе. Онъ тоже сердечно встрѣтилъ гостя и взялъ съ него слово погостить у нихъ подольше.

Свѣтоміръ разсказалъ, какъ, по пріѣздѣ въ Краковъ, счастливый случай свелъ его съ секретаремъ короля Владислава,

паномъ Згибнѣвомъ Олесницкимъ, который заинтересовалъ въ его судьбѣ Яна Тарновскаго, краковскаго воеводы, а тотъ взялъ его къ себѣ на службу и посылалъ гонцомъ въ Литву, къ великому князю Витовту, и позднѣе къ Янушу Мазовецкому. Точность, быстрота и ловкость, съ которыми онъ выполнялъ возлагаемыя на него порученія, доставили ему мѣсто при дворѣ, а послѣ Грюнвальденской (или Танненбергской) битвы король наградилъ его за службу, возведя въ рыцарское достоинство и даровавъ хорошенькое помѣстьице, что вмѣстѣ съ доставшейся на его долю добычей, вполнѣ его обезпечивало.

Вечеромъ, въ тотъ же день, Свѣтоміръ наконецъ увидалъ Анну и былъ пораженъ присшедшей въ ней перемѣной. Блѣдная, какъ смерть, со взглядомъ, упорно опущеннымъ книзу, пробормотала она привѣтствіе; и только послѣ того, какъ онъ горячо поцѣловалъ ей руку и сказалъ нѣсколько теплыхъ словъ, она подняла на него глаза, порывисто отвѣтила на рукопожатіе и залилась горькими слезами.

Наступилъ день рожденія Вока и въ домѣ Вальдштейновъ собралось много гостей. Хотя трауръ не позволялъ дать пира, но друзья обоихъ графовъ пришли поздравить Вока съ днемъ рожденія и были оставлены на ужинъ. Общество было исключительно мужское, и даже Ружена удалилась тотчасъ же послѣ ужина.

Оставшись за столомъ, гости попивали вино, толкуя про войну, политику и церковные вопросы. Всѣ собравшіеся были ярыми сторонниками реформы и вліятельными членами народной партіи. Тутъ были: Ченѣкъ изъ Вартенберга, бургграфъ пражскій, Божекъ изъ Кунштадта, Ярославъ изъ Штернберга, Милота Краваръ, Вацлавъ изъ Дуба, Янъ изъ Хлума, Здиславъ изъ Звичетича и много другихъ.

Присутствіе Свѣтоміра навело разговоръ на польскаго короля Ягайло (Владислава) и войну съ тевтонскимъ орденомъ, а когда выяснилось, что Крыжановъ былъ участникомъ великой битвы, нанесшей почти смертельный ударъ могуществу крестоносцевъ, всѣ, понятно, стали просить его разсказать подробности этого историческаго дня.

Свѣтоміръ сначала отнѣкивался.

— Какъ вы хотите, чтобы простой воинъ, вродѣ меня, съумѣлъ бы ясно изобразить вамъ такое сложное и грандіозное дѣло, какъ этотъ знаменитый бой, тѣмъ болѣе, что главныя подробности его вы навѣрно давно ужъ знаете.

— Не скромничай, панъ Свѣтоміръ,—смѣясь, крикнулъ ему

Янъ изъ Хлума.—Вообще говоря, мы, разумѣется, знаемъ, что рыцарей разгромили, что гроссмейстеръ и орденскіе сановники перебиты, что взято было много знаменъ и т. д. Но ближайшія условія боя, все, что ему предшествовало и за нимъ слѣдовало, описаніе мѣстности, словомъ, то, что можетъ передать только личный участникъ, вотъ что мы у тебя просимъ.

— Постараюсь, въ такомъ случаѣ, исполнить ваше желаніе, но прошу васъ быть снисходительными,—отвѣчалъ Свѣтоміръ, вставая.

Онъ на минуту задумался и, по мѣрѣ того, какъ собирались его воспоминанія, ожили и нахлынули вновь пережитыя имъ нѣкогда чувства; лицо его загорѣлось, глаза засверкали и онъ началъ свой разсказъ.

— Прежде, чѣмъ описывать вамъ самую битву, я не могу не сказать нѣсколько словъ о планѣ военныхъ дѣйствій, геніально задуманномъ королемъ съ великимъ княземъ Витовтомъ и выполненномъ съ невиданной доселѣ точностью. Оба войска, наше и великокняжеское должны были сойтись на нижней Вислѣ и соединенными силами нанести рѣшительный ударъ врагу. Чтобы не задерживать наступленія литовцевъ разными обходами, князь Янушъ Мазовецкій повелѣлъ прорубить просѣки въ лѣсахъ. Все шло, какъ по маслу, и мы двигались на встрѣчу другъ другу, не какъ двѣ боевыя рати съ оружіемъ и обозами, а просто какъ два путника. Полки пана Тарновскаго, при которыхъ я состоялъ, и наши главныя силы собрались у Вольборжа; 24 іюня пріѣхалъ король и одновременно съ нимъ прибыло венгерское посольство съ Палатиномъ, Николаемъ изъ Гары и графомъ Стиборомъ изъ Стиборица, которыхъ гроссмейстеръ ордена прислалъ для продленія перемирія до 8 іюля. На слѣдующій день у насъ приступили къ построенію моста на лодкахъ черезъ Вислу и повели дѣло такъ успѣшно, что уже 30 іюня переправа войскъ съ тяжелыми мортирами совершилась безъ помѣхи, а за нами двинулся и Витовтъ [1]).

Нашъ переходъ черезъ Вислу и соединеніе съ великимъ княземъ литовскимъ показались гроссмейстеру совершенно невѣроятными и онъ не хотѣлъ даже этому вѣрить. Одинъ изъ плѣнниковъ передавалъ мнѣ, что гроссмейстеръ допрашивалъ о томъ Добеслава Скорачевскаго, который вмѣстѣ съ венгерскимъ посольствомъ былъ въ польскомъ станѣ и собственными глазами видѣлъ мостъ и переправу литовскихъ войскъ. Грос-

[1]) *G. Köhler*. «Die Entwickelung des Kriegswesens und der Kriegführung n der Ritterzeit», B. II, 704.

смейстеръ разсвирѣпѣлъ страшно, а разсказъ Скорачевскаго счелъ за ложь и глупую выдумку. Онъ, видите ли, узналъ отъ достовѣрныхъ людей, что король Владиславъ пытался, но тщетно, перейти Вислу, причемъ много поляковъ потонуло въ рѣкѣ, а что Витовтъ тоже задержанъ Наревомъ.

— Подобная переправа, конечно, неслыханная вещь, но ужъ нѣмецкое самомнѣніе никакъ не можетъ допустить, чтобы кто другой придумалъ что-либо новое, остроумное и практичное,—вставилъ, усмѣхаясь, Вацлавъ изъ Дуба.

— Понятно, они считаютъ себя особымъ народомъ, сотвореннымъ Богомъ исключительно для того, чтобы эксплуатировать, тиранить другихъ и глумиться надъ ними. Но подъ Грюнвальдомъ тевтонская спѣсь получила суровый урокъ,—замѣтилъ графъ Гинекъ.

— И я надѣюсь, что урокъ этотъ не послѣдній и что судьба готовитъ для нихъ въ будущемъ не одинъ еще танненбергскій день,—добавилъ Вокъ.—Но продолжай, Свѣтоміръ.

— Итакъ, 9 іюля мы перешли прусскую границу. Минута была торжественная: мы развернули знамена и запѣли боевую молитву: „Богородица, Дѣва“ [1]). Въ тотъ же день король поручилъ главное начальствованіе пану Жындраму изъ Мышкова, человѣку всѣми уважаемому, умному, опытному и храброму; это назначеніе придало еще болѣе увѣренности въ побѣдѣ и воодушевило войска. Первый нашъ роздыхъ на вражеской землѣ былъ межъ двухъ озеръ, неподалеку отъ Лаутенбурга; городъ укрѣпленъ не былъ и взяли мы его безъ труда. На второй остановкѣ мы разбили свой станъ противъ села Кауерника, расположеннаго на Древенцѣ; на противоположномъ берегу сосредоточились уже войска ордена и я получилъ здѣсь первую мою добычу, такъ какъ не принималъ передъ тѣмъ участія во взятіи Лаутенбурга. Я пошелъ охотникомъ въ передовой отрядъ, высланный для освѣщенія мѣстности вдоль рѣки. Вдругъ натыкаемся мы на орденскихъ солдатъ, которые купали лошадей. Головъ было съ 50 и кони все добрые. Мы тотчасъ же на нихъ напали; солдаты частью были перебиты, частью утонули, а лошади отобраны. На мою долю достался чудный скакунъ, на которомъ я и былъ въ бою.

— Предзнаменованіе славное! Вдобавокъ, вы еще спѣшили нѣмцевъ,—замѣтилъ кто-то.

— Мы такъ себѣ и объяснили нашу удачу,—весело отвѣтилъ Свѣтоміръ.—Но дальнѣйшая развѣдка была не такъ

[1]) Любимая древняя пѣсня, сочиненная, по преданію, св. Войтѣхомъ, и распѣвавшаяся воинами передъ битвой.

успѣшна. Рѣка оказалась защищенной мортирами и бомбардами, а русло—перегороженнымъ и непроходимымъ. На королевскомъ совѣтѣ переправу, должно быть, признали невозможной, потому что мы повернули назадъ и въ одинъ день отступили до Лаутенбурга, а затѣмъ отошли до Винока.

Переходъ былъ крайне тяжелый, но приказано было не останавливаться ни подъ какимъ предлогомъ, и намъ пришлось бросить по дорогѣ слабыхъ лошадей, часть обоза и т. п. У нѣмцевъ пронесся слухъ, что мы бѣжимъ...

Раздался взрывъ гомерическаго смѣха.

— Бѣжите вы, славяне? Ха, ха, ха! И они этому повѣрили?

— А чортъ ихъ знаетъ!

— А все-таки, почему вы отступили такъ поспѣшно?—спросилъ Янъ изъ Хлума.

— Необходимо было какъ можно скорѣе пройти пересѣченную мѣстность, гдѣ мы всегда могли наткнуться на засаду. Наконецъ, 13 іюля мы разбили нашъ станъ въ получасѣ ходьбы отъ Гильгенбурга,—маленькаго, но хорошо укрѣпленнаго тыномъ, валами и рвами города. Никто и не думалъ брать или осаждать его, въ виду возможно близкаго столкновенія съ непріятелемъ, но сами же собаки-нѣмцы вызвали насъ на это. Наши ратники полюбопытствовали взглянуть на укрѣпленіе и кучками вышли изъ стана, а тутъ гарнизонъ сдѣлалъ вылазку и напалъ на нихъ; но кое-кто изъ нихъ все-таки уцѣлѣлъ. Когда вѣсть о томъ дошла до насъ, все наше воинство поднялось и бросилось на приступъ. На этотъ разъ и я принялъ участіе. Стремительность натиска была такова, что мы однимъ ударомъ взяли городишко и разгромили. Получка оказалась славная, такъ какъ все окрестное населеніе спасалось тамъ со всѣми своими пожитками, да и съѣстныхъ припасовъ собрано было громадное количество; весь слѣдующій день король былъ занятъ раздѣломъ добычи и плѣнныхъ. А ночью разразился такой ураганъ, какого я и не запомню. Никто изъ насъ не могъ глазъ сомкнуть: буря опрокидывала палатки, съ корнемъ вырывала деревья и сметала все на своемъ пути. Вѣтеръ ревѣлъ, вылъ и свистѣлъ, словно тысячи голосовъ плакали и стонали, въ перемежку съ раскатами дикаго хохота...

— Можетъ быть, то были вопли убитыхъ и крики дьяволовъ, тащившихъ въ адъ или чистилище нѣмцевъ,—замѣтилъ кто-то.

— Какъ знать?—серьезно отвѣтилъ Свѣтоміръ,—но только ночь была ужасна и многіе старые, бывалые воины говорили тогда, что это—погибшіе гильгенбуржцы кричатъ съ того свѣта

и что имъ не разъ уже доводилось слышать такіе же вопли послѣ разгрома какого-нибудь города. На зарѣ стало спокойнѣе, но вѣтеръ продолжалъ еще дуть съ такой силой, что во всѣ стороны качалъ походную часовню короля.

Уступая настояніямъ великаго князя Витовта, король согласился отложить обѣдню, которую привыкъ слушать обыкновенно передъ выступленіемъ въ походъ. Насъ двинули впередъ; но не прошли мы и двухъ верстъ, какъ Владиславъ остановилъ войско и, покуда разбивали станъ, велѣлъ поставить на холмѣ часовню и начать богослуженіе. Не знали мы тогда, что находимся уже на самомъ полѣ, избранномъ Богомъ для жесточайшей битвы, какую когда-либо видѣлъ міръ! Постойте,—добавилъ онъ.—Я начерчу вамъ планъ мѣстности и вамъ будетъ легче уяснить себѣ ходъ боя. Вокъ, прикажи подать мнѣ кусокъ мѣла!

Пажъ тотчасъ же бросился исполнять приказаніе. Свѣтоміръ нагнулся надъ большимъ дубовымъ столомъ и сталъ крупными чертами рисовать планъ, крайнѣ несовершенный, разумѣется, съ точки зрѣнія современнаго офицера генеральнаго штаба, но который заслужилъ однако полное одобреніе слушателей разсказчика, пояснявшаго то, что чертилъ.

— Смотрите, вотъ кружокъ; это холмъ,—мѣсто стоянки часовни; я беру его за исходную точку и тогда вы видите передъ собой литовцевъ, которые шли въ головѣ, а дальше на западъ—были поляки. На близкомъ разстояніи отъ литовскаго стана, впереди, находится, какъ видите, Лудвигсдорфъ и отъ него къ селенію Грюнфельду, прямо поднимается дорога, по лѣвой сторонѣ которой лежитъ лѣсъ; далѣе вправо будетъ Танненбергъ.

Въ обоихъ станахъ царилъ еще безпорядокъ, а король слушалъ обѣдню; какъ вдругъ изъ сторожеваго полка донесли, что непріятель выходитъ изъ Грюнфельда.

Свѣтоміръ на минуту остановился.

— Многое изъ того, что я теперь буду вамъ разсказывать, я лично не видалъ, такъ какъ вы сами понимаете, что не могъ же я быть повсюду; но тѣмъ не менѣе, я знаю это отъ очевидцевъ, заслуживающихъ полнаго довѣрія, какъ паны Жындрамъ, Згибнѣвъ Олесницкій и др. Кромѣ того, имѣя подъ собой добраго коня, я часто развозилъ приказанія отъ начальниковъ, до и во время битвы. Но возвращаюсь къ моему разсказу. Такъ какъ никто изъ насъ не предвидѣлъ столь быстраго наступленія врага, то я отлучился въ литовскій станъ, по дѣламъ, къ одному изъ дружинниковъ Витовта, и видѣлъ непріятеля лично. Не мѣшкая ни минуты, я вскочилъ на лошадь и по-

мчался предупредить короля. Шла обѣдня; Владиславъ стоялъ на колѣняхъ и ничего не отвѣтилъ на мое донесеніе. Но все войско было уже въ движеніи. Отъ великаго князя къ королю, то и дѣло, прибывали гонецъ за гонцомъ съ просьбой дать приказъ о наступленіи; наконецъ, Витовтъ прискакалъ самъ. Но не тутъ-то было: въ своей набожности, Владиславъ ни за что не хотѣлъ прерывать богослуженія и, только прослушавъ двѣ обѣдни, отдалъ повелѣніе идти въ бой. Каждый воинъ, въ видѣ условнаго знака, прикрѣпилъ къ головному убору пучокъ соломы: отзывомъ для поляковъ было слово „*Краковъ*", для литовцевъ—„*Вильно*". Панъ Жындрамъ не упустилъ времени и построилъ войско въ боевой порядокъ. Въ это время около короля собралось значительное число благородныхъ пановъ, жаждавшихъ посвященія въ рыцари, и король не счелъ возможнымъ отказать въ столь законномъ желаніи и сошелъ съ коня. Онъ началъ уже церемонію, какъ вдругъ былъ прерванъ: прибыли два герольда отъ великаго маршала ордена. Фридриха фонъ-Валленрода, чтобы вручить королю и Витовту два обнаженныхъ меча, въ знакъ вызова.

— Если бы нѣмцы были дальновидны и могли предположить, что готовилъ имъ этотъ день, они не были бы такъ дерзки,—замѣтилъ Янъ изъ Хлума.

— Можетъ быть, но въ то время они просто задыхались отъ чванства и въ высокопарныхъ выраженіяхъ объявили, что гроссмейстеръ посылаетъ мечи, „чтобы они послужили намъ въ бою", предоставляя выбрать время и мѣсто.

Король спокойно выслушалъ дерзкую рѣчь и отвѣтилъ „Мечей у меня хватитъ, но и эти пригодятся, чтобы посбить черезчуръ спѣсивыя головы, выборъ же мѣста и времени я поручаю Господу". Засимъ онъ и Витовтъ приняли мечи.

Какъ только уѣхали герольды, король обратился къ присутствующимъ съ рѣчью, въ которой перечислилъ всѣ козни ордена и выразилъ увѣренность, что Богъ, въ правосудіи Своемъ, даруетъ намъ побѣду надъ нашимъ жестокимъ, вѣроломнымъ врагомъ.

Здѣсь я покинулъ Владислава и присоединился къ своимъ. на правомъ крылѣ войска. Тамъ стояли королевскіе полки, предводительствуемые Андреемъ Чіолекомъ изъ Желехова и Яномъ изъ Спрова, рода Одровача. Картина была торжественная: моросившій передъ тѣмъ дождикъ пересталъ, выглянувшее изъ-за тучъ солнце играло на блестящихъ доспѣхахъ, кони ржали, знамена тихо колыхались отъ легкаго вѣтра и все войско запѣло „Богородицу".

Когда мы продвинулись впередъ, нѣмцы уже стояли въ боевомъ строю, но занимали гораздо лучшее положеніе, чѣмъ мы, такъ какъ мѣстность понижалась въ нашу сторону. Кромѣ того, ихъ правое крыло было выгодно прикрыто лѣсомъ. Обѣ рати стояли другъ противъ друга, на разстояніи арбалетнаго выстрѣла, и раздѣляла насъ узкая, ровная лощина.

Я пропускаю завязку боя: дѣйствія застрѣльщиковъ и одиночныя стычки между рыцарями; настоящій бой начался, когда оба войска, съ оглушительными криками, ринулись одно на другое и закипѣла сѣча,—страшная, кровавая сѣча. Земля дрожала, окрестные холмы гудѣли отъ лошадинаго топота, боевого клика, лязга оружія и стоновъ раненыхъ. Копья сломались скоро, бились не только оружіемъ, но и ручной схваткой, задыхались отъ тѣсноты, умирали подъ конскими копытами. Нѣмцы стали одолѣвать литовцевъ, дравшихся съ нашей правой стороны, первые ряды опрокинулись на слѣдующіе, производя сумятицу въ тылу. Наконецъ, они дрогнули и побѣжали, увлекая за собой соприкасавшіеся съ ними отряды поляковъ. Минута была страшная: наше правое крыло осталось открытымъ, и напади нѣмцы на насъ съ этой стороны, успѣхъ дня принадлежалъ бы имъ. Но храбрые русскіе полки спасли все дѣло.

Съ войскомъ князя литовскаго, кромѣ татарской орды, было нѣсколько полковъ изъ Полоцка, Смоленска, Витебска, Кіева, Мѣнска и др. городовъ [1]); шли они всѣ подъ стягомъ смоленскимъ. Я видѣлъ ихъ на походѣ, съ той поры, какъ соединились оба войска; народъ на видъ суровый, но смышленый и способный къ воинскому дѣлу. Нельзя было на нихъ налюбоваться, когда великій князь обучалъ свои войска и производилъ ратныя передвиженія. Они-то и спасли положеніе. Пока все кругомъ бѣжало, они отлично дрались и упорно стояли стѣной, о которую разбивались всѣ попытки нѣмцевъ; этой своею стойкостью они дали возможность другимъ оправиться. Наконецъ, Витовту, который все видѣлъ и всюду поспѣвалъ, удалось собрать часть своей рати. Увлеченные преслѣдованіемъ, нѣмцы пронеслись мимо насъ, какъ ураганъ, но на возвратномъ пути наши встрѣтили ихъ съ тыла и частью перебили, частью забрали въ плѣнъ.

Одержанный въ началѣ успѣхъ разжегъ непріятеля, который, пользуясь, кромѣ того, выгоднымъ положеніемъ, какъ

---

[1]) *Соловьевъ.* «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ». т. IV стр. 1044.

лавина, обрушился на польскіе полки и опрокинулъ чеховъ и мораванъ, дравшихся въ первыхъ рядахъ нашихъ войскъ, подъ стягомъ св. Георгія. Считая, что мы бѣжимъ, или, по крайней мѣрѣ, окончательно разбиты, гроссмейстеръ рѣшилъ, что настала минута пустить въ дѣйствіе 16 еще не тронутыхъ до сей поры, запасныхъ знаменъ, которыхъ и повелъ лично. Съ высотъ, гдѣ доселѣ стоялъ, онъ неожиданно появился съ нашей правой стороны. Главныя силы, дравшіяся далеко впереди, не примѣтили его изъ-за пыли, а мы, королевскіе полки, которые были ближе къ нѣмцамъ, приняли ихъ за литовцевъ, по сходству копій.

Движеніе гроссмейстера угрожало страшной опасностью королю, который, подъ охраною лишь 60 копій (около 120 человѣкъ), стоялъ въ небольшомъ лѣску настолько открыто, что одинъ рыцарь-крестоносецъ, замѣтивъ это, бросился на него съ поднятымъ мечемъ, но былъ предупрежденъ Згибнѣвомъ Олесницкимъ и выбитъ изъ сѣдла ударомъ копья; затѣмъ король съ рыцарями свиты его добили. Говорили тогда, что рыцарь этотъ звался Диппольдомъ фонъ-Кекритцомъ.

Послѣдовавшіе за симъ три момента довершили нашу побѣду. Тѣ, которые бѣжали къ стану, снова перешли въ наступленіе и ударили съ такой стремительностью на врага, что нѣмцы были смяты, подались назадъ и въ безпорядкѣ пустились на утекъ; видя это, нѣсколько отрядовъ изъ полковъ фонъ-Юнгингена, наемники изъ холмской (кульмской) земли, охваченные паникой, тоже бѣжали.

Богъ былъ съ нами въ этотъ день и вдохновилъ Добеслава Олесницкаго произвести развѣдку мѣстности на нашемъ правомъ крылѣ, что и дало ему возможность открыть присутствіе гроссмейстера и грозившую королю опасность. Вѣсть эта, какъ молнія, пронеслась по рядамъ. Преслѣдованіе нѣмцевъ, бросившихся по направленію къ лѣсу, оставили, а чехи и мораване ударили справа въ разстроенные уже ряды войскъ гроссмейстера, мы же и остальные польскіе полки били ихъ въ лобъ. Это ужъ былъ конецъ. Тѣснимые со всѣхъ сторонъ, раздавленные нашимъ превосходствомъ въ силахъ, остатки нѣмецкой рати бѣжали къ укрѣпленному стану; гроссмейстеръ и главные военачальники были убиты, послѣ отчаянной защиты.

Ничто уже не могло насъ остановить. Какъ бурный потокъ, нахлынули мы на послѣднее убѣжище непріятеля и весь его станъ, съ повозками, припасами и разнымъ добромъ, достался намъ; все, что оставалось еще въ живыхъ, было перебито. Заходившее солнце озарило поле побоища, заваленное 40 тыся-

чами убитыхъ. Громадная добыча,—51 знамя и 15 тысячъ плѣнныхъ,—увѣнчала нашу побѣду... Теперь, если орденъ и оправится когда-нибудь, то не такъ-то скоро!

Нѣкоторое время въ комнатѣ царило молчаніе. Разсказъ произвелъ глубокое впечатлѣніе на слушателей и каждый раздумывалъ о важности представшихъ передъ нимъ событій.

— Ты думаешь, Свѣтоміръ, что нѣмцы не скоро оправятся отъ нанесеннаго имъ удара; а я такъ опасаюсь, наоборотъ, что оправятся очень скоро! Нѣмцы, видишь ли, упорны и ихъ, какъ сорную траву, трудно выводить,—замѣтилъ, качая головой, Ченѣкъ изъ Вартенберга.

— Во всякомъ случаѣ, пока они свое получили, а будущее вѣдомо одному Богу! Если они и впередъ будутъ такъ же задорны и назойливы, Господь уготовитъ имъ новый Танненбергъ! По мнѣнію всѣхъ воеводъ, слѣдовало продолжать преслѣдованіе и захватить Мальборгъ (Маріенбургъ), гдѣ въ ту пору не было ни одного солдата; тогда нѣмцы были бы уничтожены въ корнѣ. Но король потратилъ нѣсколько дней на празднованіе побѣды,—меня при этомъ случаѣ посвятили въ рыцари,—а когда мы подступили къ городу, онъ былъ уже приведенъ въ оборонительное положеніе и взять его мы не могли.

— А каковы были эти руссы, которые такъ доблестно сражались? Такіе же язычники, какъ и литовцы?—спросилъ кто-то.

— Вотъ еще! Христіане, какъ и мы, хотя и *схизматики!* А князь ихъ, Юрій Лугвеньевичъ,—истинный герой; онъ со своими полками и рѣшилъ побѣду [1]). Чтобы убѣдиться въ этомъ, взгляните еще разъ на мой планъ: видите—воинство литовское и польское образуютъ какъ бы одну линію, съ чуть выдавшейся серединой; позади польскаго строя стояли татары. Нѣмцамъ необходимо было сломать эту линію, такъ какъ обойти, въ виду ея длины, было затруднительно. Руссы занимали важное положеніе по срединѣ войска; на нихъ-то и былъ направленъ сильнѣйшій ударъ врага и, когда бѣжали литовцы, увлекая частью и нашихъ, воины ордена были такъ увѣрены въ побѣдѣ, что запѣли: „Христосъ Воскресе". Но, какъ я уже сказалъ, храбрые полки князя Юрія стояли твердо, какъ скала, и Витовтъ, понимавшій всю важность минуты, послалъ имъ подкрѣпленіе. Вообще великій князь выказалъ въ этотъ день великое ратное дарованіе и отмѣнное мужество!

— Да о немъ только и рѣчь, какъ въ началѣ, такъ и

[1]) *Коялловичъ.* „Грюнвальденская битва", стр. 9.

въ концѣ боя. А что же дѣлалъ король? Онъ, словно, не принималъ никакого участія въ дѣлѣ?—спросилъ Звирѣтичъ.

Свѣтоміръ лукаво усмѣхнулся и почесалъ за ухомъ.

— Ну, не скрытничай! Мы здѣсь всѣ друзья и честные люди,—нетерпѣливо вскричалъ Вокъ.—Вѣдь ты же не виноватъ, если Владиславъ не герой.

— Нѣтъ, король бравый молодецъ, но его набожностью злоупотребляютъ окружающіе его попы; если онъ и дѣлаетъ какіе промахи, то въ этомъ опять-таки виноваты *стриженые*, которые жужжатъ ему въ уши всякій вздоръ. Къ нимъ-то и относится моя улыбка; тебѣ, Вокъ, хорошо должно быть извѣстно, какъ я ихъ ненавижу. Кстати скажу, что о схизматикахъ-руссахъ я узналъ за это время много интереснаго. Отецъ Иларій говорилъ о нихъ съ пѣной у рта и считалъ ихъ хуже язычниковъ, а по моему, они гораздо ближе къ истинѣ евангельской, чѣмъ мы, католики. Все это я понялъ изъ рѣчей князя Юрія Лугвеньевича, который дарилъ меня своей благосклонностью; съ однимъ изъ его воеводъ я крѣпко сдружился и даже обѣщалъ съѣздить къ нему погостить, что непремѣнно исполню, какъ только вернусь въ Польшу.

— А все-таки,—задумчиво вставилъ Вокъ,—вспоминая снова великую битву, гдѣ легло костьми столько нашихъ братьевъ и пролилось много славянской крови, невольно скажешь, что неразумно поступилъ князь Конрадъ Мазовецкій, призвавъ нѣмцевъ оборонять свою землю: они сперва съѣли безсильныхъ пруссовъ, а теперь принялись за поляковъ и литовцевъ. Конраду, правда, отбиваться отъ пруссовъ было тяжело, зато отъ нѣмцевъ полякамъ теперь и вовсе не отбиться!..

— Да,—перебилъ графъ Гинекъ.—Ужъ подлинно, что волковъ пустили стеречь овечье стадо. Никогда эти заигрыванья съ нѣмцами до добра не доводятъ! Пруссъ—дикарь, такъ вѣдь и нѣмецъ—варваръ: это мы, чехи, знаемъ лучше другихъ! Какъ въ желѣзной перчаткѣ держатъ они подвластныя области и пожираютъ одно племя за другимъ. Поляки еще не разъ поплатятся за ошибку князя Мазовецкаго!

Мало-по-малу разговоръ перешелъ на вопросы религіозные и вызвалъ новый взрывъ негодованія по поводу индульгенцій, интердикта и изгнанія Гуса.

———

XII.

Время спокойно протекало въ семьѣ Вальдштейновъ. Свѣтоміръ возобновилъ знакомства съ бывшими товарищами и профессорами, но сидѣлъ подолгу и дома, проводя часы въ бесѣдахъ то съ Руженой и Вокомъ, то съ давнимъ пріятелемъ Бродой, который осыпалъ его разспросами о войнѣ съ нѣмцами, о Танненбергской битвѣ и упивался всѣми подробностями разгрома Тевтонскаго ордена.

Одна Анна держалась въ сторонѣ. Хотя она и не избѣгала прямо Свѣтоміра, но дружескія отношенія, сохранившіяся у нея съ Руженой, съ нимъ не возобновлялись. Въ разговорахъ съ молодой графиней онъ не разъ выражалъ свое глубокое сожалѣніе по поводу состоянія души ихъ друга дѣтства.

— Да, съ той роковой ночи, въ ней словно что-то надтреснуто, она стала совсѣмъ другой и, притомъ, такой странной. А я мечтала для Анны объ иной судьбѣ,—отвѣтила Ружена, вытирая набѣжавшую слезу.

— Я помню, ты желала, чтобы я на ней женился. Откровенно сознаюсь, что твой планъ мнѣ нравится и я съ радостью увезу ее съ собой въ Польшу.

— Какъ? Ты согласишься жениться на ней, даже послѣ... всего того, что произошло? О! Какъ ты добръ, Свѣтоміръ, великодушенъ, и какъ я тебя за это люблю,—вскричала Ружена, вспыхнувъ отъ радости.

Взявъ руками его голову, она крѣпко его поцѣловала въ лобъ.

— Награда превышаетъ заслугу,—отвѣтилъ онъ, смѣясь и цѣлуя ея руки.

— Ты полюбилъ ее?

— Не знаю, право, что тебѣ отвѣтить. Пожалуй, нѣтъ! Но она внушаетъ мнѣ такое искреннее уваженіе и глубокое сожалѣніе, что все это, въ связи съ нашей старой другъ къ другу братской привязанностью побуждаетъ меня вырвать ее отсюда, чтобы въ новой средѣ и въ новыхъ обязанностяхъ она позабыла свое горе. А за самопожертвованіе, спасшее тебя, мою благодѣтельницу, наша добрая, красивая и честная Анна—мнѣ вдвойнѣ дороже. Мнѣ не найти жены лучше ея и я надѣюсь, что любовь скоро восполнитъ наше счастье. Только я попрошу тебя, милая Ружена, передать Аннѣ мое предло-

женіе. Бѣдняжка такъ встревожена и стала такъ пуглива, что я никакъ не могу подыскать случая поговорить съ ней.

— Охотно! Я сегодня же скажу ей все; а завтра, съ Божьей помощью, мы отпразднуемъ ваше обрученіе, — радостно отвѣтила Ружена.

Цѣлый день Анна страдала невыносимой головной болью. Разбитая, она сидѣла у себя въ креслѣ и читала молитву. Широкое черное одѣяніе и ея темные волосы еще рѣзче оттѣняли восковую блѣдность лица и рукъ, покоившихся на колѣняхъ. Было уже поздно и Анна удивилась, увидя входившую Ружену, тѣмъ болѣе, что лицо графини сіяло необыкновенной радостью.

— Брось молитвы, Анна! Я къ тебѣ съ вѣстью, которая оживитъ твою жизнь и измѣнитъ судьбу,—весело сказала она, цѣлуя ее.

Та болѣзненно улыбнулась въ отвѣтъ; когда же Ружена коснулась предложенія Свѣтоміра, она вздрогнула и лихорадочный румянецъ заигралъ на ея лицѣ. Но это была лишь минута; затѣмъ голова ея грустно опустились на грудь.

Пораженная молчаніемъ, Ружена взяла ее за руку.

— Ты рада, не правда ли, Анна? Но погоди, вотъ завтра нашъ милый Свѣтоміръ поцѣлуетъ тебя, какъ женихъ, и ты убѣдишься, что прошлое умерло и для тебя открывается новое, свѣтлое будущее.

Анна подняла голову, выпрямилась и провела рукой по лицу.

— Я очень благодарю Свѣтоміра и вѣчно буду ему признательна за предложеніе, которое дѣлаетъ мнѣ честь и возрождаетъ меня въ моихъ собственныхъ глазахъ, но... принять его не могу.

Ружена опѣшила.

— Да ты съ ума сошла! — негодующимъ голосомъ вскричала она.—Молодой, красивый, обезпеченный человѣкъ предлагаетъ тебѣ свое имя и любовь, сулитъ блестящую, счастливую жизнь, а ты его отталкиваешь? Это глупо и неблагодарно! Я и слушать не хочу подобный вздоръ!

— Я слишкомъ цѣню всѣ выгоды предложенія Свѣтоміра; но потому-то именно и отказываюсь, что не могу сдѣлать его счастливымъ. Въ моей душѣ что-то надломилось, я умерла для радостей жизни и мой милый, великодушный другъ заслуживаетъ лучшей жены, чѣмъ я, разбитая душой и тѣломъ.

— Да вѣдь Свѣтоміръ тебя любитъ; его привязанность исцѣлитъ тебя. А ты не подумала о томъ, какъ ты огорчишь и оскорбишь его своимъ отказомъ?

— Я увѣрена, что въ предложеніи Свѣтоміра столько же любви ко мнѣ, сколько и состраданія; сердце женщины—безошибочный судья въ такихъ случаяхъ. Если даже онъ оскорбится теперь, то придетъ время, когда онъ поблагодаритъ меня за то, что я оставила его на свободѣ. Да и сама я не желаю себя связывать: все, что уцѣлѣло отъ моего сердца, послѣ катастрофы, разбившей мою жизнь, принадлежитъ не ему...

Ружена вздрогнула.

— Ты полюбила другого, Анна? Но кого, Боже мой?

— Кого же, какъ не того, кто поддерживалъ меня въ моемъ испытаніи, кто вырвалъ меня изъ безысходнаго отчаянія и спасъ отъ самоубійства.

— Ты любишь мистра Яна?.. И ты не шутишь, Анна?— изумилась Ружена.—Подумай же, вѣдь питать подобное чувство къ служителю алтаря—грѣхъ!

Анна взглянула ей въ глаза и яркій румянецъ залилъ ея щеки.

— Ты не поняла меня, Ружена! То, что внушаетъ мнѣ отецъ Янъ, нимало не походитъ на чувственную любовь. Я люблю! О, я люблю его, но—какъ земля любитъ свѣжую росу, утоляющую ея жажду, какъ травка любитъ солнце, которое ее грѣетъ и освѣщаетъ. Я благоговѣйно обожаю его, какъ добраго генія! Внимать его проповѣди, быть руководимой имъ на пути къ небу, коего онъ посолъ, видѣть его кроткій взглядъ, съ одобреніемъ устремленный на меня,—вотъ все, чѣмъ я дорожу на этомъ свѣтѣ.

— Я тебя понимаю, Анна; но каково бы ни было это чувство, я сомнѣваюсь, чтобы оно могло наполнить твою жизнь. Ты молода, придетъ минута, когда не мечты, а дѣйствительность предъявитъ свои права.

— Нѣтъ, я состарилась душой и чувство, которое внушаетъ этотъ святой человѣкъ,—а вѣдь отецъ Янъ святой,—никогда не можетъ погаснуть! Чему ты удивляешься? Можешь ты отрицать, что ему данъ уже даръ исцѣленія? Хочешь доказательствъ? Развѣ голосъ его не дѣйствовалъ успокоительно, лучше всякихъ врачей, на припадки безумія графини Яны? А когда у меня бывали страшныя головныя боли и мнѣ казалось, что треснетъ черепъ, ему достаточно было положить руку на лобъ, чтобы укротить страданіе, и въ такія минуты я видѣла,—слышишь, Ружена?—видѣла, что во время молитвы золотистое сіянье осѣняло его голову, а пальцы источали свѣтъ, который тепломъ разливался по всему моему тѣлу. Меня охватывало тогда невыразимое блаженство, душа

устремлялась къ Богу, пока благодѣтельный сонъ не смыкалъ мнѣ глазъ.

Ружена съ удивленіемъ слушала ее. Восторженное поклоненіе Анны внушало ей убѣжденіе, что Гусъ—дѣйствительно существо высшее, а твердая увѣренность, звучавшая въ голосѣ подруги, дѣйствовала и на нее заразительно.

— Я вижу, что твое рѣшеніе непоколебимо, и передамъ твой отвѣтъ Свѣтоміру,—сказала она послѣ минутнаго молчанія.

— Я предпочитаю сама переговорить съ нимъ. Передай ему только мою просьбу зайти ко мнѣ завтра.

На слѣдующій день между Анной и Свѣтоміромъ произошло длинное объясненіе. Подъ конецъ, они обмѣнялись увѣреніями въ дружбѣ и взаимномъ довѣріи; но Свѣтоміръ ушелъ взволнованный, растроганный и огорченный. Съ этого дня та боязливая сдержанность, съ которой Анна относилась къ нему, смѣнилась теплымъ, родственнымъ отношеніемъ.

Наконецъ, вернулся въ Прагу Іеронимъ, путешествовавшій по Моравіи въ сопровожденіи одного изъ родственниковъ пана Вартенберга, и былъ непріятно пораженъ, найдя у себя на столѣ каррикатуру Вока, смыслъ которой былъ для него понятенъ. Онъ не представлялъ себѣ, какимъ образомъ графъ могъ быть освѣдомленъ объ этомъ случаѣ, и мысль о свиданіи съ Вальдштейномъ вовсе ему не улыбалась. Но Іеронимъ былъ неспособенъ отступать передъ опасностью и, желая выяснить свои отношенія къ Воку, онъ отправилъ ему посланіе такого содержанія: „Если хозяинъ охапки сѣна не довольствуется бѣгствомъ осла, а желаетъ объясненія болѣе рѣшительнаго, то его будутъ ожидать весь слѣдующій день и готовы дать удовлетвореніе, какое только тотъ пожелаетъ“.

Хотя подписи и не было, но графъ тотчасъ же понялъ, что его противникъ разсчитываетъ на поединокъ; между тѣмъ ни малѣйшей злобы у Вока уже не было, да и Ружена никогда не была такъ добра и не казалась столь любящей, какъ послѣ своего признанія. Онъ самъ отправился къ Іерониму.

— Ты достаточно наказанъ за продѣлки твоимъ великодушнымъ отказомъ отъ любимой женщины, которымъ я восхищаюсь, но подражать которому не былъ бы въ состояніи,— добродушно сказалъ графъ, протягивая ему руку. — Тысяча чертей! Да еслибы такая женщина, какъ Ружена, призналась мнѣ въ любви и согласилась идти за мной, такъ я бѣжалъ бы съ ней безъ оглядки, а тамъ хоть весь свѣтъ перевернись! Но... съ точки зрѣнія мужа той же самой Ружены, я могу быть тебѣ только благодаренъ за то, что ты оказался... осломъ!

Несмотря, однако, на установившіеся за симъ добрыя отношенія, Іеронимъ все-таки былъ довольно рѣдкимъ гостемъ у Вальдштейновъ; наоборотъ, онъ очень сошелся съ Свѣтоміромъ и съ большимъ интересомъ, казалось, относился къ судьбѣ молодого человѣка, чуть не ежедневно навѣщавшаго его. Во время ихъ долгихъ бесѣдъ разговоръ часто заходилъ о Гусѣ, и когда Іеронимъ упомянулъ, что собирается навѣстить друга въ изгнаніи, Свѣтоміръ, какъ милости, выпросилъ у него позволеніе сопровождать его.

Въ одно прекрасное утро они отправились въ Козиградскій замокъ, гдѣ проживалъ тогда Гусъ, но, по пріѣздѣ на мѣсто, узнали отъ пана Оусти, что гость его уѣхалъ въ объѣздъ, который онъ совершалъ по временамъ, проповѣдуя слово Божіе по городамъ и деревнямъ и даже въ чистомъ полѣ, словомъ, всюду, гдѣ только собирался народъ. Іеронимъ и Свѣтоміръ рѣшили разыскать его и на слѣдующій день, на зарѣ, отправились дальше.

Первый же, попавшійся имъ на встрѣчу крестьянинъ указалъ селеніе, въ которомъ въ данное время находился Гусъ, и, по мѣрѣ приближенія къ мѣсту, они ясно видѣли, какъ выросло число спѣшившихъ послушать знаменитаго проповѣдника. Наконецъ, они добрались до цѣли своего путешествія. На возвышенности, между Бехиней и Бернартицами стояла толпа, по крайней мѣрѣ, въ полторы или двѣ тысячи человѣкъ, состоявшая преимущественно изъ поселянъ—мужчинъ, женщинъ и дѣтей,—но попадались, правда, и рабочіе, горожане и даже кое-кто изъ панства. На всѣхъ лицахъ читалось глубокое умиленіе и сосредоточенность. Посреди слушателей, на стволѣ большого срубленнаго дерева, служившаго каѳедрой, помѣстился Гусъ и его звучный голосъ слышался далеко среди царствовавшей кругомъ глубокой тишины, настолько собравшійся народъ хранилъ молчаніе, боясь проронить единое слово.

Іеронимъ и Свѣтоміръ привязали лошадей къ дереву и пробрались поближе къ проповѣднику. Величавая простота этой сцены, напоминавшей картину изъ временъ евангельскихъ, ихъ поразила.

Такъ и Христосъ проповѣдывалъ святое слово Свое униженнымъ и обездоленнымъ предпочтительнѣе подъ голубымъ небомъ, какъ куполомъ воздвигаемаго Имъ храма истины.

Съ вдохновеннымъ, слегка зарумянившимся лицомъ толковалъ Гусъ евангеліе, разъясняя слушателямъ, что ясность божественной правды не можетъ быть затемнена человѣче-

скими измышленіями и что только писаніе—вѣрный проводникъ для людей на пути спасенія.

По окончаніи проповѣди, толпа стала тихо расходиться Іеронимъ со своимъ спутникомъ могли, наконецъ, подойти къ Гусу, который очень обрадовался, узнавъ ихъ, и сейчасъ же повелъ въ сосѣднюю деревню, гдѣ проживалъ уже нѣсколько дней. Хижина была бѣдна, лишена всякихъ удобствъ, но сіяющія лица хозяевъ указывали ясно, какъ они горды и счастливы пріютить подъ своей соломенной крышей уважаемаго человѣка, котораго считали новымъ апостоломъ.

Гусъ предложилъ гостямъ завтракъ, состоявшій изъ молока, хлѣба и сыру.

— Простите, дорогіе друзья, за скудное угощеніе, къ которому вы, конечно, не привыкли. Я же себя отлично чувствую здѣсь: деревенская простота напоминаетъ мнѣ мое дѣтство, тутъ я снова вижу себя сыномъ крестьянина и среди этихъ скромныхъ, добрыхъ людей яснѣе сознаю, къ какой суетѣ мірской привязался въ Прагѣ. А теперь побесѣдуемъ. Тамъ, на скамьѣ подъ большимъ дубомъ, намъ будетъ хорошо; весенній день, какъ видите, великолѣпенъ и намъ никто не помѣшаетъ! Ты, Іеронимъ, сообщишь мнѣ послѣднія новости изъ столицы, а Свѣтоміръ опишетъ свои приключенія на чужбинѣ.

Іеронимъ привезъ свѣжее и очень важное извѣстіе объ изгнаніи Стефана Палеча, Станислава и Петра изъ Знойма и Яна Ильи. Послѣ того, какъ синодъ, созванный въ Прагѣ съ цѣлью водворить миръ въ чешской церкви, сѣлъ на мель со своей задачей, король уже самъ назначилъ коммиссію, составленную изъ архіепископа Альбика и трехъ членовъ, уполномочивъ ихъ принять всевозможныя мѣры, какія только найдутъ нужными, чтобы возстановить порядокъ.

Это совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ Зденка Лобауна, руководившаго преніями, собиралось нѣсколько дней у одного изъ своихъ членовъ, настоятеля храма св. Михаила, Христіана Прахатицкаго, но, не смотря на всѣ усилія, не привело ни къ чему. Четыре упомянутыхъ выше профессора, члены католической партіи, оказались несговорчивыми, обвинили коммиссію въ слабости и пристрастіи, а затѣмъ вовсе перестали посѣщать засѣданія. Видя, что послѣднее средство упорядочить церковные вопросы не удалось, взбѣшенный Вацлавъ отрѣшилъ упорствующихъ отъ ихъ должностей и въ февралѣ изгналъ ихъ изъ страны, запретивъ когда-либо вступать на землю Чехіи.

Гусъ былъ глубоко огорченъ строгой карой, постигшей его

бывшихъ друзей и нѣкогда вѣрныхъ пособниковъ въ борьбѣ за голоса въ университетѣ.

— Вотъ до чего можетъ довести страхъ передъ папой,—до пресмыканія и отреченія отъ собственныхъ убѣжденій, — съ грустью сказалъ онъ.—Я сожалѣю ихъ отъ всего сердца.

Чтобы разсѣять тяжелое впечатлѣніе, навѣянное его разсказомъ, Іеронимъ перевелъ разговоръ на Свѣтоміра. Гусъ сталъ разспрашивать молодого человѣка о жизни за истекшее время, а тотъ съ увлеченіемъ и юморомъ описалъ свои первые шаги въ новомъ отечествѣ и разные забавные промахи, которые онъ, бѣглый студентъ, дѣлалъ въ новомъ ремеслѣ солдата. То обстоятельство, что чешскій языкъ былъ придворнымъ языкомъ въ Краковѣ, тѣмъ не менѣе, много облегчило его положеніе.

Но старая анти-клерикальная закваска далеко еще не погасла въ сердцѣ Свѣтоміра. Сдержанно, хотя безъ малѣйшаго стѣсненія, описалъ онъ пагубное вліяніе духовенства, съ его слѣпой, узкой нетерпимостью, на короля Владислава и управленіе страной. Его навѣтамъ онъ приписывалъ начавшее распространяться въ Польшѣ недоброжелательство къ Чехіи, какъ еретической странѣ; вліяніе же клира побудило, въ свое время, князей Мазовецкихъ призвать на помощь нѣмцевъ. А нынѣ это разбойничье гнѣздо, именуемое Тевтонскимъ орденомъ, прочно пустило корни, высасываетъ кровь изъ подвластныхъ славянъ и выросло въ такую силу, которая угрожаетъ полнымъ уничтоженіемъ его прежнимъ благодѣтелямъ.

— Какъ исполинскій паукъ, засѣли проклятые на нашей славянской землѣ, протянувъ во всѣ стороны свою паутину, сѣя повсюду раздоры и уничтожая цѣлыя племена, подъ предлогомъ крещенія ихъ въ христіанство. Теперь ужъ Польшѣ нужно было соединиться съ Литвой и Русью, призвать тысячи чеховъ и даже поганыхъ язычниковъ-татаръ, чтобы раздавить эту гидру подъ Танненбергомъ. Зато тамъ ужъ мы съ ними сосчитались,—съ восхищеніемъ прибавилъ Свѣтоміръ.

И, охваченный восторженными воспоминаніями о славной битвѣ, онъ принялся съ жаромъ разсказывать ее Гусу, нарисовавъ при этомъ, симпатичный образъ доблестнаго князя Юрія Лугвеньевича и его храбраго воинства, оказавшихъ рѣшающее значеніе на исходъ боя.

— Это греческіе „схизматики“, не правда ли? — спросилъ внимательно слушавшій его Гусъ.

— Да, но клянусь вамъ, отецъ Янъ, что они добрые христіане! Ихъ вѣра въ Бога, Спасителя и Евангеліе столь же

глубока и правдива, какъ и наша! Я не знаю, въ сущности, въ чемъ заключается „схизма“, раздѣляющая ихъ отъ насъ, но я лично могъ удостовѣриться, что это набожные и честные люди,—убѣжденно заключилъ Свѣтомíръ.

— Я нисколько въ этомъ не сомнѣваюсь, дитя мое,—улыбнулся Гусъ и, обращаясь къ Іерониму, прибавилъ. — Я чувствую живѣйшій интересъ къ восточному исповѣданію, которое первымъ озарило свѣтомъ евангельскимъ нашу чешскую землю. Недавно здѣсь проходили купцы изъ Византіи, направлявшіеся въ Прагу, и я долго съ ними бесѣдовалъ. Все, что я услыхалъ отъ нихъ, вселило въ меня убѣжденіе, что восточная христіанская церковь, которую наши папы именуть *еретическою*, сохранила въ несравненно большей чистотѣ преданія первыхъ вѣковъ христіанства, чѣмъ мы, западники! У насъ только кое-гдѣ держится еще обычай первобытной церкви причащенія тѣломъ и кровью, а тамъ завѣтъ Христовъ соблюдается свято, какъ то указано въ Евангеліи и посланіи Павла! Кромѣ того, примѣръ той же восточной церкви ясно указываетъ, что папство не имѣетъ божественнаго начала, такъ какъ и нынѣ Христосъ не принуждаетъ всѣхъ разсѣянныхъ во вселенной вѣрующихъ прибѣгать къ папѣ и кардиналамъ, которые весьма часто оскверняются обманомъ и грѣхомъ. А упаси Богъ, чтобы я считалъ, будто восточные христіане подлежатъ за это осужденію! Къ несчастью, всѣ эти свѣдѣнія отрывочны, а для того, чтобы судить сознательно, надо бы поговорить съ богословомъ, который побывалъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ живутъ эти народы, и былъ знакомъ съ ихъ ученіемъ и бытомъ. А гдѣ такого найдешь?

XIII.

Минулъ годъ, тревожный и мучительный. Назрѣвали великія событія въ жизни средневѣкового общества; жгучіе религіозные и политическіе вопросы требовали неотложнаго разрѣшенія.

Обсуждавшійся въ теченіе истекшаго года проектъ общаго собора, который положилъ бы конецъ безпорядкамъ въ церкви, былъ приведенъ въ исполненіе. Императоръ Сигизмундъ взялъ дѣло въ свои руки и энергично привелъ его къ благополучному разрѣшенію. При знаменитомъ свиданіи съ Іоанномъ XXIII, въ Лоди, мѣстомъ будущаго собора былъ избранъ имперскій городъ Костницъ, и папа, скрѣпя сердце,

долженъ былъ дать на это свое согласіе. Небесная Немезида налагала узду на преступнаго Балтазара Коссу и принуждала его явиться на этотъ соборъ,—крайне опасный для него самого, — но иного выхода не было. Съ одной стороны, ему угрожалъ король неаполитанскій, питавшій къ нему ненависть и теперь побѣдоносный владыка Рима; съ другой, его единственный покровитель, коварный Сигизмундъ, призывалъ его въ Костницъ, чтобы покончить съ расколомъ въ церкви, а это могло только повредить папѣ, проливъ свѣтъ и на его собственную жизнь. Тщетно пытался Іоаннъ XXIII увернуться отъ этой петли, но всѣ его усилія разбивались о непреклонную волю Сигизмунда. И 30 октября 1413 г. обнародованъ былъ эдиктъ, которымъ императоръ, по соглашенію съ папой, созывалъ всѣхъ христіанскихъ государей, всѣхъ князей церкви и всѣхъ тѣхъ, чьи имена и знанія прославились въ христіанскомъ мірѣ, къ 1-му ноября 1414 года въ Костницъ, чтобы обсудить церковныя преобразованія и уничтожить ересь.

Послѣдній пунктъ прямо относился къ Чехіи. Тамъ жилъ смѣлый проповѣдникъ, вдохновенное слово и незапятнанная жизнь котораго служили живымъ укоромъ преступному, развращенному духовенству. Человѣкъ этотъ былъ Янъ Гусъ, въ лицѣ своемъ воплощавшій, въ нѣкоторомъ родѣ, протестъ христіанства. На немъ-то и сосредоточивалась вся злоба, онъ и долженъ былъ заплатить за всѣхъ новаторовъ, осмѣлившихся требовать отъ служителей алтаря цѣломудрія и нестяжательности. И, заранѣе осужденный врагами, Гусъ былъ вызванъ на соборъ, чтобы оправдаться противъ обвиненій въ ереси. Со свойственной ему кротостью и твердостью характера онъ немедленно отозвался на призывъ, нимало не обманывая себя относительно опасности, которой подвергался за исповѣдуемую имъ евангельскую истину.

Въ чудный сентябрьскій вечеръ нѣсколько человѣкъ собралось въ небольшой, скромно обставленной комнаткѣ одного изъ домовъ Стараго города. Окна выходили въ садъ и длинный, темный коридоръ отдѣлялъ комнату отъ остальной части дома, охраняя того, кто въ ней жилъ, отъ всякаго нескромнаго сосѣдства. Жилецъ былъ Янъ Гусъ, прибывшій въ Прагу, чтобы снарядиться въ далекій путь и проститься съ друзьями передъ отъѣздомъ въ Костницъ.

Пражское духовенство дѣлало видъ, что не знаетъ о его прибытіи и на этотъ разъ не притѣсняло его. И вотъ, мы видимъ его въ скромномъ убѣжищѣ, окруженнымъ пріятелями, обсуждающими съ нимъ предстоящее путешествіе. Были

здѣсь Янъ изъ Іесеницъ, Прокопъ изъ Плзни, Петръ изъ Младеновицъ, Якубекъ изъ Стрибра, преемникъ Гуса по Виѳлемской часовнѣ, магистръ Гавликъ и Іеронимъ Пражскій, только что вернувшійся изъ своего путешествія въ Литву.

— Не мучьте себя, друзья, излишними опасеніями. Императоръ даетъ охранную грамоту, обезпечивающую мнѣ полную свободу защищать и доказывать мою правоту,—говорилъ въ эту минуту Гусъ.

— Я не сомнѣваюсь въ добромъ желаніи Сигизмунда оказать тебѣ покровительство, но вѣдь тамъ, въ Костницѣ, ты столкнешься съ Палечемъ и другими врагами, ненавидящими тебя,—возразилъ ему Янъ изъ Іесеницъ.

— Да я и не убаюкиваю себя вовсе мечтами и знаю, что меня ждутъ тяжкія испытанія; но я вѣрую въ покровительство Христово и, какова бы ни была судьба, мнѣ уготовленная, я благословляю волю Господню! Я твердо вѣрю въ успѣхъ нашего дѣла и убѣжденъ, что если и погибну, то вмѣсто одного слабаго и немощнаго *гуся* истина пошлетъ въ Прагу иныхъ орловъ и соколовъ, быстротой очей превосходящихъ прочихъ пернатыхъ, и они, по милости Божіей, взлетятъ высоко, уловляя другихъ птицъ Іисусу Христу, Который укрѣпитъ и утвердитъ всѣхъ Своихъ вѣрныхъ...

Въ это время стукнули въ дверь и вошелъ Вокъ Вальдштейнъ. Онъ былъ, видимо, чѣмъ-то очень доволенъ и радостно здоровался съ пріятелями.

— Я съ доброй вѣстью, мистръ Янъ,—весело сказалъ онъ.— Король назначилъ сопровождать васъ въ Костницъ трехъ пановъ, имена которыхъ обезпечиваютъ уже вамъ полную безопасность. Это Янъ изъ Хлума, Вацлавъ изъ Дуба и Генрихъ Хлумъ изъ Лаценбока.

— Велика милость ко мнѣ короля, и я, право, не знаю, какъ мнѣ благодарить его величество, — сказалъ растроганный Гусъ.—Мнѣ и въ голову не приходило мечтать о такихъ могущественныхъ, а главное, расположенныхъ ко мнѣ покровителяхъ.

— Зная тебя, развѣ кто можетъ тебя не любить? Въ виду же того, что ты будешь теперь подъ хорошей защитой, надѣюсь, коршуны собора снимутъ всякіе оговоры Палеча и другихъ чешскихъ измѣнниковъ. Кромѣ того, благодаря Змирзлику, епископъ Назаретскій выдалъ удостовѣреніе, что ты неповиненъ ни въ какой ереси, и даже архіепископъ Конрадъ долженъ былъ, по настоянію бароновъ, объявить, что считаетъ тебя добрымъ католикомъ. Все это, въ связи съ ох-

ранной грамотой императора, дѣлаетъ тебя почти неуязвимымъ.

Пріятели наперерывъ старались успокоить Гуса, и бесѣда приняла болѣе веселый характеръ. Вдругъ Вокъ, обращаясь къ Іерониму, спросилъ его, доволенъ ли онъ своей поѣздкой въ Литву.

— Я не могъ еще разспросить тебя, потому что все это время не былъ въ Прагѣ.

— О! Путешествіе замѣчательно интересно, и я какъ-нибудь разскажу тебѣ много любопытнаго, но только не сегодня, потому что большинство нашихъ друзей уже слышало это.

— Вовсе нѣтъ! Я первый ничего не слыхалъ, — возразилъ Прокопъ.

— И я тоже,—добавилъ Якубекъ.

— Полезныя и пріятныя вещи съ удовольствіемъ выслушаемъ и дважды,—смѣясь, замѣтилъ Янъ изъ Іесеницъ.

— Ну, вотъ, видишь, аудиторія готова, а такой великій ораторъ, какъ ты, разумѣется, сумѣетъ придать новую прелесть даже и старому разсказу, — не безъ лукавства сказалъ Вокъ.

— Постараюсь оправдать твое доброе мнѣніе и, вмѣсто предисловія, скажу, что мысль о поѣздкѣ была мнѣ внушена отчасти желаніемъ нашего друга, Яна, узнать обстоятельныя подробности о греко-восточной церкви, къ которой, какъ вы знаете, принадлежали славянскіе первоучители Кириллъ и Меѳодій...

— Да, вотъ какъ училъ меня въ дѣтствѣ Брода:

Креста онъ просилъ у князя Моравскаго
И у Меѳодія, архіепископа Велеградскаго.
А тотъ Меѳодій руссомъ былъ
И обѣдню свою по-славянски служилъ [1],—

вставилъ Вокъ, цитируя слова Далимиловой хроники.

---

[1]) Prosi krsta od Svatopluka Moravského,
A od Methodye arcibiskupa Velehradského.
Ten arcibiskup Russin běše,
Mšu svou slovansky služeše.

Эта историческая неточность,—будто просвѣтитель Чехіи былъ родомъ русскій,—заключаетъ однако, по словамъ Гильфердинга („Гусъ и его отношеніе къ православной церкви", стр. 26), очень важныя историческія данныя: „записанное въ Далимиловой хроникѣ указаніе является неопровержимымъ свидѣтельствомъ существованія въ концѣ XIII или въ началѣ XIV в. между чехами убѣжденія, что вѣра, исповѣдуемая русскими,—та вѣра, при которой обѣдню служатъ на славянскомъ языкѣ,—есть ихъ первоначальная вѣра".

— Съ другой стороны,—продолжалъ Іеронимъ,—меня самого влекло въ литовско-русское княжество, какъ братскую намъ землю, и уѣхалъ я, вы помните, съ нашимъ другомъ Свѣтоміромъ. О краткомъ пребываніи въ Краковѣ говорить не буду, такъ какъ оно ничего особеннаго не представляетъ.

— Ого! Каковъ скромникъ,—перебилъ его снова Вокъ.—Да будетъ вамъ извѣстно, друзья, что я получилъ отъ Свѣтоміра письмо, въ которомъ онъ описываетъ, что этотъ тихоня представлялся ко двору короля Владислава, разодѣтый, какъ сказочный принцъ, въ чудномъ пурпурномъ нарядѣ и епанчѣ, отороченной сѣрымъ мѣхомъ. Наружностью же и рѣчами онъ произвелъ цѣлый переворотъ: всѣ женщины потеряли сердца, а попы—спокойствіе!

— Ну! Больше дыму, чѣмъ огня,—усмѣхнулся Іеронимъ.— Свѣтоміръ черезчуръ ревниво считалъ мои побѣды, что же касается духовенства, то это вѣрно, оно было внѣ себя, но этимъ успѣхомъ я избалованъ съ давнихъ поръ. Итакъ, возвращаюсь къ разсказу. Мнѣ удалось въ свитѣ Витовта, возвращавшагося въ Литву, добраться до Вильны при совершенно исключительныхъ удобствахъ. На встрѣчу великаго князя вышла громадная толпа народа и все духовенство; тутъ я въ первый разъ увидѣлъ процессію *„схизматиковъ"*. Я называю ихъ такъ въ отличіе отъ католиковъ; изъ дальнѣйшаго разсказа вы увидите, что я считаю ихъ такими же добрыми христіанами, какъ и мы.

Первое впечатлѣніе было самое благопріятное. Процессія архіепископа съ его канониками и монахами-францисканцами, миноритами и др. была, можетъ быть, пышнѣе; но руссы, въ своемъ длинномъ, восточномъ облаченіи, привели меня въ такой восторгъ величіемъ и торжественностью своего шествія, что я невольно преклонилъ колѣни и присоединился къ нимъ. Затѣмъ это первое впечатлѣніе усилилось, когда я увидалъ, по другую сторону рѣки, самый городъ, окутанный садами, и надъ этимъ моремъ зелени вырисовывались разноцвѣтные купола, увѣнчанные горѣвшими на солнцѣ золотыми крестами. Точно уголокъ востока открылся предо мной въ этой холодной, сѣверной странѣ. Все, что я наблюдалъ далѣе, еще болѣе поражало и восхищало меня. Вильна—совершенно русскій городъ, какъ по составу населенія, такъ и по торговлѣ. Да и въ остальной части княжества, три четверти всей земли населяетъ русскій народъ, имѣвшій уже свою блестящую исторію кіевскаго времени, и лишь четверть занимаютъ собственно литовцы, съ ихъ вымирающимъ язычествомъ. Рус-

скій языкъ—языкъ государственный, языкъ общества. „*Литва квитнетъ* (цвѣтетъ) *русщизною*“, — говорили мнѣ. Почти всѣ княжескіе и боярскіе роды Литвы и Руси—православные; напримѣръ: Острожскіе, Глинскіе, Слуцкіе, Сапѣги, Ходкевичи и др. И послѣ того, какъ я побывалъ въ Витебскѣ, Полоцкѣ и Плесковѣ, (Псковѣ), я вполнѣ оцѣнилъ, какое плодотворное вліяніе на народъ имѣетъ истинно національная церковь, которая выросла на родной почвѣ, слилась съ населеніемъ и живетъ его интересами.

Теперь для меня вполнѣ ясно, что для независимости славянскаго царства прежде всего необходима независимая же славянская церковь; что съ иноземнымъ священствомъ нельзя и думать о народной свободѣ и, что латинское богослуженіе не приноситъ пользы народу, который его не понимаетъ.

На Руси — государство, церковь и народъ слиты, и это участіе паствы въ дѣлахъ церкви создаетъ не только досмотръ за ея имуществомъ, но и за дѣятельностью самого духовенства. Подъ вліяніемъ объединяющей силы народной церкви Русь, понятно, окрѣпла духомъ и теперь можетъ противостоять напору нѣмцевъ, которые вынуждены уже считаться съ ея государственной мощью...

— А нравами и обычаями они значительно отличаются отъ насъ?—спросилъ Вокъ.

— Самый бытъ народа—иной. Города не обособлены, какъ у насъ и не порвали связи съ землей и сельскимъ хозяйствомъ. Положеніе крестьянства тоже другое; у него сохранились его исконные устои, какъ-то: личная свобода, общинное устройство, самоуправленіе, копный судъ и т. д., и все это передала Литвѣ въ наслѣдіе Русь. Хотя, со времени женитьбы Владислава на польской королевнѣ Ядвигѣ, повѣяло новымъ духомъ, сказалось польское вліяніе. Въ Польшѣ крестьяне утратили свои права и тамъ они—подданные землевладѣльца, а не государя; да и вообще, польское государственное устройство, благопріятствуя высшимъ классамъ и особенно своему излюбленному дѣтищу, *шляхтѣ*, угнетаетъ сельское населеніе. Въ противоположность великой Руси, черпающей силы изъ народа, Польша, подъ вліяніемъ своего вдохновителя и руководителя—Рима, пренебрегаетъ главнѣйшими основами народно-славянскаго уклада, а умственныя и матеріальныя средства заимствовала у нашихъ же враговъ, нѣмцевъ. А между тѣмъ, этотъ чуждый, сложившійся при особыхъ условіяхъ строй уродуетъ организмъ страны и отда-

ляетъ ее отъ остальныхъ соплеменныхъ земель. Роковая зависимость литовско-польскихъ государей отъ Рима даетъ сугубую власть фанатическому духовенству, которое всецѣло завладѣло королемъ Владиславомъ и пріобрѣтаетъ пагубное вліяніе на Литву и Русь. Тамъ начинается рознь: зарождается борьба противоположныхъ началъ, православно-русскаго и польско-католическаго, а у населенія проявляется недовольство правительствомъ, боязнь за вѣру и народныя права. Но Риму, конечно, нѣтъ до этого дѣла! Католицизму, вѣдь, чуждо благо населенія и работаетъ-то онъ исключительно „ad majorem papae gloriam“! Католическіе миссіонеры стали насаждать свою вѣру такъ ретиво, напримѣръ въ Жмуди, что были выведены оттуда по повелѣнію Витовта, испуганнаго начавшимся массовымъ выселеніемъ жителей; а на Литвѣ восточная церковь имѣла уже своихъ мучениковъ [1]).

— А что-жъ ты намъ ничего не скажешь о друзьяхъ-нѣмцахъ,—смѣясь, полюбопытствовалъ Вокъ.

— О нихъ много говорить не приходится, вы и сами ихъ знаете! Картина тевтонскаго варварства будетъ вамъ совершенно ясна, когда я приведу то, что осталось у меня въ памяти изъ грамоты, разосланной жмудинами съ жалобами на орденъ: „Выслушайте насъ, князья, духовные и свѣтскіе! Орденъ ищетъ не душъ нашихъ для Бога, а земель нашихъ для себя и довелъ насъ до того, что мы должны или ходить по міру, или разбойничать, чтобы было чѣмъ жить. Прелаты, ксендзы и т. п. люди отбираютъ у насъ шерсть и молоко, а въ ученіи христіанскомъ насъ не наставляютъ. Послѣ этого какъ они смѣютъ называть себя братьями, какъ смѣютъ крестить? Кто хочетъ другихъ умывать, самъ долженъ быть чистъ!“ Какъ видите, папизмъ, рука объ руку съ нѣмцемъ, и здѣсь даетъ себя знать!

— Какое же впечатлѣніе произвело на тебя восточное богослуженіе? Вѣдь ты, разумѣется, побывалъ въ ихъ храмахъ,—освѣдомился Гавликъ.

— Я посѣщалъ церкви въ разныхъ городахъ, но особенно глубокое воспоминаніе оставило во мнѣ богослуженіе, на которомъ я присутствовалъ въ Плесковѣ, и пѣніемъ ихъ, клянусь, я былъ увлеченъ и тронутъ до глубины души. Золоченая рѣшетка, украшенная образами святыхъ, скрываетъ у нихъ алтарь отъ взоровъ молящихся и распахивается лишь въ извѣстныя минуты обѣдни; да и вообще, вся служба испол-

[1]) Dlugoszi. «Hist. Polon.», X. стр. 1.

нена такого величія, что захватывала душу и влекла ее къ небу. Мнѣ казалось, что я очутился въ общинѣ первыхъ христіанъ, и право, я отъ всего сердца молился въ этой церкви, гдѣ служеніе совершается на языкѣ, понятномъ каждому.

— А какъ относились католическіе попы къ тому, что ты ходилъ въ русскія церкви.—Неужели спокойно? Что-то не вѣрится. Ха! ха! ха!—разсмѣялся Вокъ.

— Разумѣется, предпочтеніе, открыто оказываемое мною восточному исповѣданію, не прошло незамѣченнымъ у католическаго духовенства, которое поставило мнѣ это въ вину. Я былъ вызванъ къ архіепископу виленскому и выслушалъ по этому поводу строгій выговоръ; но грубая нетерпимость архіепископа, заявившаго мнѣ, что руссы—не христіане, что образа, украшающіе ихъ храмы, и мощи святыхъ—лживы, а пріобщеніе вѣрныхъ подъ обоими видами — гнусная ересь, не только не тронула меня, а даже возмутила! Я впослѣдствіи высказалъ свое чистосердечное убѣжденіе самому Витовту.

— Еще бы,—перебилъ Якубекъ.—Наоборотъ, можно смѣло утверждать, что причастіе подъ обоими видами было установлено Самимъ Іисусомъ Христомъ и церковь всегда согласовалась съ этимъ обычаемъ, пока папы не предписали своего новшества, лишившаго мірянъ чаши.

— Живя среди нашихъ далекихъ братьевъ, — продолжалъ Іеронимъ,—и окунувшись вновь въ вѣру отцовъ, завѣщанную Меѳодіемъ и Кирилломъ нашей милой Чехіи, я чувствовалъ себя другимъ человѣкомъ... Порою, величавыя мечты овладѣвали мной и я задавалъ себѣ вопросъ: неужели нѣтъ средствъ противъ зла? Возможно ли оживить преданія нашей былой, народной вѣры, которая, по удостовѣренію многихъ, оставила у насъ еще глубокую память и живые корни?

Долго боремся мы, чехи, противъ натиска латинства, покровительствуемаго нѣмцами! Вотъ я и рисовалъ себѣ, каково было бы наше могущество, если бы церкви *нѣмецкой* мы противопоставили бы церковь *славянскую*, которая подъ своей хоругвью собрала бы русса, чеха, поляка и всѣ племена, связанныя единствомъ происхожденія, которыхъ объединила бы и вѣра. Танненбергскій бой показалъ же, что мы *можемъ* несокрушимо встать противъ вѣкового врага, жаждущаго нашей погибели!

Іеронимъ умолкъ; голосъ его дрожалъ отъ волненія, мощная грудь вздымалась и орлиный взоръ устремленъ былъ въ пространство, позабывъ окружающее и поглощенный развернувшейся передъ нимъ грандіозной картиной!

Пророческимъ взглядомъ своего геніальнаго ума, прозрѣвавшимъ даль грядущихъ событій, онъ словно предвидѣлъ, что для нѣмцевъ религія всегда будетъ служить политическимъ орудіемъ и что, согласно требованіямъ минуты, ихъ боевымъ кликомъ будетъ: *„Hin nach Rom!“*—для раздѣленія славянъ, а *„Los von Rom!“*—для возсоединенія германскаго міра...

Въ комнатѣ царило молчаніе, всѣ были подъ впечатлѣніемъ рѣчей Іеронима.

Наконецъ, первымъ раздался голосъ Гуса.

— Свѣтла и заманчива твоя картина будущаго; но для того, чтобы выполнить твои пожеланія, силъ человѣческихъ не хватитъ. Хорошо, еслибы каждый до самой смерти исполнялъ свято свой долгъ, поручивъ остальное Тому, Кто управляетъ судьбами людей и народовъ.

Разговоръ, мало-по-малу, ожилъ, но уже на другую тему, а именно ту, которая занимала въ эту минуту весь христіанскій міръ, т. е. о соборѣ.

Но пріятели скоро разошлись.

Слѣдовавшее затѣмъ время поглощено было сборами къ отъѣзду и, такъ какъ Гусъ отправлялся въ Костницъ на собственныя средства, то его друзья, наперерывъ, старались облегчить ему всякія матерьяльныя заботы. Многочисленные подарки деньгами и разными вещами сыпались со всѣхъ сторонъ; между прочимъ, родственникъ Ружены, баронъ Божекъ Рабштейнъ, подарилъ ему чуднаго коня, Вокъ съ отцомъ—полное одѣяніе изъ чернаго фландрскаго сукна, а Ружена поднесла значительную сумму денегъ.

Наконецъ, 11 октября Гусъ выѣхалъ изъ Праги, послѣ трогательнаго прощанія съ друзьями и особенно съ Іеронимомъ, который сопровождалъ его на нѣсколько миль за городъ.

— Милый мистръ,—сказалъ онъ при разставаніи, крѣпко обнимая Гуса.—Будь твердъ въ предстоящей борьбѣ, и если тебѣ будетъ грозить какая-нибудь опасность, я прилечу на выручку.

Между тѣмъ, ничто, казалось, не подтверждало опасеній друзей и мрачныхъ предчувствій самого Гуса. Путешествіе совершалось благополучно и по дорогѣ Гуса всюду встрѣчали съ почестями и живѣйшимъ вниманіемъ.

Когда пришло его письмо, помѣченное Нюренбергомъ, полное самыхъ любопытныхъ подробностей, въ домѣ Вальдштейновъ былъ настоящій праздникъ. Съ радостнымъ удивленіемъ описывалъ Гусъ, что вмѣсто ненависти, которую онъ ожидалъ встрѣтить со стороны нѣмцевъ, народъ, напротивъ, толпами

выходилъ ему на встрѣчу, и знатнѣйшіе люди, даже священники, бесѣдовали съ нимъ и хвалили его ученіе.

Да и на самомъ, дѣлѣ путешествіе Гуса было тріумфальнымъ шествіемъ... къ мученичеству. Но письмо это выражало и другое: насколько эта неожиданная популярность поражала Гуса, настолько, значитъ, онъ въ своей скромной, младенчески-чистой душѣ не придавалъ особаго значенія величію своей роли.

В. КРЫЖАНОВСКАЯ
(РОЧЕСТЕРЪ).

(Продолженіе будетъ).

Колокола.

Готова ночь спуститься надъ землею,
Но даль небесъ прозрачна и свѣтла...
Закатъ горитъ огнистою зарею...
Нисходитъ ночь... Съ тревожною тоскою
Надъ городомъ звонятъ колокола!

* *
*

И, полный чаръ таинственной отрады,
Когда вдали блѣднѣетъ небосклонъ
И въ небесахъ мерцаютъ звѣздъ лампады,—
Люблю внимать въ вечерній часъ прохлады
Колоколовъ печальный перезвонъ!

* *
*

Все, что давно душа моя забыла
И что судьба отъ сердца отняла,—
Все будитъ вновь мечты забытой сила,
Въ вечерній часъ, когда вдали уныло
Свой грустный гимнъ поютъ колокола...

* *
*

И внемлетъ ночь въ спокойствіи безстрастномъ
Колоколовъ тревожнымъ голосамъ,—
И съ гимномъ ихъ, пѣвучимъ и согласнымъ,
Стремлюсь и я, стремлюсь къ мечтамъ неяснымъ,
Въ нѣмую даль, къ безвѣстнымъ небесамъ!

В. Хрусталевъ.

Западныя окраины и русская государственность[1].

(*Окончаніе*).

Въ наши дни особое вниманіе на себя обращаетъ финляндская окраина. Но условія, среди которыхъ происходитъ финляндское броженіе, нѣсколько иныя, чѣмъ тѣ, среди коихъ развивалось прежде польское, напримѣръ, движеніе. Политическая атмосфера въ Россіи иная и наше общество значительно освѣжено благодатнымъ царствованіемъ императора Александра III. Въ историческомъ сознаніи образованнаго общества произошла замѣтная перемѣна. „Путь русской исторической мысли становится ровнѣе и свѣтлѣе" (проф. Ключевскій).

Финляндцы проявляютъ упорное „пассивное сопротивленіе": они не желаютъ допустить политико-государственнаго сближенія ихъ губерній съ остальною Россіей; они недовольны почтовымъ объединеніемъ, введеніемъ русскаго государственнаго языка въ высшія ихъ учрежденія, они оскорблены недовѣріемъ, якобы проявленнымъ упраздненіемъ „финской арміи". Они, какъ поляки въ 1863 г., принялись поэтому за манифестаціи и демонстраціи, облеклись въ трауръ, поютъ патріотическія пѣсни въ киркахъ, открыто и беззастѣнчиво гонятъ русскихъ, подаютъ дутые адреса, широко развили нелегальную подпольную литературу, организовали тайное патріотическое общество, усиленно засылаютъ молодежь въ народъ, устраиваютъ тайныя и явныя сходки и съѣзды, возбуждаютъ противъ насъ общественное мнѣніе Европы; финляндцы произвели, наконецъ, въ нѣкоторыхъ городахъ уличные безпорядки, потребовавшіе вызова войскъ, но, къ счастію, до пуль и штыковъ дѣло не было доведено.

Вся западная печать занялась финляндскимъ вопросомъ до такой степени усердно, что помѣщала статьи и телеграммы о выходкахъ мелкихъ канцелярскихъ чиновниковъ и гельсингфорскаго полиціймейстера, придавъ послѣднему чуть-ли не значеніе лондонскаго лордъ-мера. Какія, подумаешь, событія, заслуживающія всеобщаго вниманія цивилизованнаго міра! Ученые запада, по данному имъ финляндскимъ публицистомъ Конни

[1]) См. «Русскій Вѣстникъ» ноябрь 1903 г.

Цилліакусомъ трафарету, писали адресы и снарядили въ Петербургъ особую депутацію, съ дрейфусаромъ Траріе во главѣ, печаловаться за угнетаемыхъ яко-бы финляндцевъ. Неужели депутація эта не понимала, что она вмѣшивалась въ наши внутреннія дѣла? И по какому праву? Ей слѣдовало оглянуться на собственныя дѣла. Пусть бы лучше она занялась водвореніемъ правды и справедливости въ Ирландіи и Трансвалѣ, Эльзасѣ и Лотарингіи, Норвегіи, Мальтѣ и въ любой европейской колоніи...

И у насъ нѣкоторые органы печати и часть русскаго общества подавали, да и теперь продолжаютъ подавать, свои голоса за притѣсняемыхъ яко-бы финляндцевъ. Повторяя зады шестидесятыхъ годовъ, они ратуютъ за свободу народностей, а стремленіе къ государственному объединенію Россіи имъ представляется все еще узко-національной затѣей. Въ глазахъ же иныхъ и теперь, какъ въ 60-хъ годахъ, пользуется большимъ кредитомъ легенда о томъ, что Россія находится наканунѣ если не революціи, то распаденія. Наконецъ, тѣ, которые считаютъ себя истинными европейцами среди отсталыхъ русскихъ, дѣлаютъ заявленія, смыслъ коихъ сводится къ тому: „какое право имѣете вы, люди съ татарской закваской, распоряжаться въ европейски-культурной Финляндіи, гдѣ дѣйствуетъ высшій родъ управленія—конституція; вы забываете, слѣдовательно, что финляндцы культурнѣе васъ; поднимитесь сперва до ихъ уровня и тогда они сами тѣснѣе примкнутъ къ вамъ, а теперь естественно, что они недовольны, состоя въ подчиненіи у варваровъ Востока. Принесите съ собой нѣчто высшее въ окраины, чего тамъ нѣтъ, и тогда распоряжайтесь въ нихъ. Теперь, какъ въ шестидесятыхъ годахъ, намъ рекомендуютъ болѣе вниманія и сочувствія къ привязанности инородцевъ и иновѣрцевъ къ своимъ вѣрованіямъ, традиціямъ и міровоззрѣнію; нельзя вамъ, русскимъ, требовать подчиненія инородцевъ общимъ началамъ вашей государственности, этическія основы которой совершенно имъ чужды. Имъ всѣмъ тяжело чувствовать себя русскими подданными, такъ какъ вы „недостойны властвовать надъ ними". У васъ нѣтъ достойнаго прошлаго, вы не имѣете никакой будущности".

Самоуниженіе у насъ въ большой еще модѣ, и потому съ приведенными заявленіями необходимо считаться. Итакъ, Россія повсюду проявляетъ яко-бы дикій деспотизмъ, а окраины—ангельское терпѣніе. Посмотримъ, такъ ли это.

Мимоходомъ отмѣтимъ, что въ этомъ заявленіи немало красивыхъ словъ и іезуитской изворотливости. Отчего Эльзасъ и Лотарингія, напр., не желаютъ примкнуть къ Германской имперіи? Тутъ культура одного уровня; существуетъ даже племенная связь. Очевидно, что культура здѣсь не главный камень преткновенія.

Чтобы затѣмъ болѣе не возвращаться къ этическимъ основамъ русской государственности, напомнимъ нашимъ европейцамъ, соболѣзнующимъ объ инородцахъ, что Россійская имперія—держава христіанская, православная, и потому основы хри-

стіанской нравственности въ ней высоко почитаются. „Особое величіе и міровое значеніе Россіи и ея государственнаго строя въ томъ и заключаются, что этотъ строй и общій характеръ русской государственности воплощаютъ въ себя начала христіанской жизни въ примѣненіи ихъ къ жизни государства"[1]). (По этому поводу напомнимъ только конференцію въ Гаагѣ).

Что касается превознесенной культуры финляндцевъ, то на нашъ взглядъ она въ общемъ итогѣ исчерпывается, какъ вообще средняя культура германской расы, простымъ сытымъ самодовольствомъ, дисциплиной и опытомъ въ работѣ. Далѣе матеріальнаго строя жизни корни этой культуры въ Финляндіи почти не проникли, и потому финнъ поражаетъ скудостью своего внутренняго психическаго міра, ограниченностію умственнаго кругозора. Иначе говоря, культура не успѣла дать ему еще богатаго внутренняго содержанія. У него не замѣчается разнообразія и глубины въ мысляхъ, нѣтъ остроумія, нѣтъ мѣткой шутки, нѣтъ и природной даровитости. Цивилизація Финляндіи, какъ и Польши и Прибалтики, не собственная, а европейская, внѣшняя, заемная. Самобытнаго финляндцы пока еще почти ничего не создали, а потому имъ нѣсколько рано величаться передъ русскими и рано именовать себя „второй Великой Греціей" или тѣмъ „мостомъ", черезъ который цивилизація Европы должна проникнуть къ намъ и распространиться по необъятной имперіи. До сихъ поръ эти культурныя окраины не были въ состояніи сколько-нибудь благотворно повліять на русскую жизнь.

„Принесите на окраины что-нибудь лучшее, и онѣ пойдутъ за вами: окажите имъ какую-либо услугу и потомъ хозяйничайте у нихъ". Если поставить вопросъ такъ, то придется вести споры о томъ, что̀ является лучшимъ, а государственно-объединительный процессъ пришлось бы остановить впредь до рѣшенія спора. Спора этого мы не поднимемъ. Онъ ненуженъ.

Мы поставимъ пока вопросъ иначе и заявимъ, что даже и въ томъ случаѣ, *если бы* культуры Финляндіи, Польши и Прибалтійскаго края были поражающей высоты, то эти окраины должны подчиниться русской *государственности* и „слѣдовать наравнѣ съ Россіей одному и тому же ритму *политическаго* развитія" (М. Н. Катковъ). Названныя земли введены въ составъ Россіи и онѣ обязаны жить съ нею одной общей, совмѣстной политической жизнію. Россія, какъ великая держава, вливаясь въ свои естественныя границы, должна была присоединить эти земли, иначе она не исполнила бы своего историческаго предназначенія [2]). Это было необходимостью, а „не суетное любостяжаніе внушило намъ искать расширенія предѣловъ нашихъ", какъ сказано въ манифестѣ 1815 г. о Польшѣ. „Единое достоинство, единая честь и человѣчество" налагали на насъ

---

[1]) «Моск. Вѣдом.» 1900, № 167. Статья Н. Знаменскаго.

[2]) La Finlande était nécéssaire à la Russie; c' était le projet de Pierre I, qui sans cela n' aurait pas placé la capitale là, où elle est",—отвѣтилъ гр. Шуваловъ Наполеону I.

священный долгъ"—присоединеніе нѣкоторыхъ окраинъ (напр., Польши и Грузіи [1]). Россія взяла, наконецъ, всѣ эти части въ честномъ бою и никакой федераціи въ своихъ предѣлахъ она допустить не можетъ. Залогъ ея силы и будущности „въ тѣснѣйшемъ единеніи" всѣхъ ея составныхъ частей и въ единствѣ ея верховной власти. Это жизненныя условія ея существованія. Единый и нераздѣльный престолъ — опора и благо нашей Имперіи. Могущественная верховная власть—„великій живой символъ" единства Россіи. Отъ этихъ положеній мы отступить не можемъ.

„Не Польша, не Швеція присоединили къ себѣ Россію, а Россія присоединила къ себѣ часть бывшихъ областей польскихъ и шведскихъ. Слѣдовательно, не на польскій или шведскій образецъ должна быть измѣнена вслѣдствіе этого государственность Русской Имперіи и ея областей, а наоборотъ, *государственный* режимъ присоединенныхъ шведскихъ и польскихъ территорій долженъ усвоить русскій *характеръ*...

„Самое расширеніе владѣній Россіи на бывшія польскія и шведскія провинціи служило доказательствомъ большей силы и большей высоты русскихъ *государственныхъ* основъ. Для населенія бывшихъ шведскихъ и польскихъ, а нынѣ русскихъ областей усвоеніе „*духа* русской государственности" есть переходъ отъ болѣе слабаго къ болѣе сильному, отъ менѣе высокаго къ болѣе высокому" [2]).

И въ самомъ дѣлѣ, посмотрите, къ чему ведутъ отступленія отъ единства и государственности.

И теперь, какъ въ шестидесятыхъ годахъ, раздаются восклицанія о политикѣ уступокъ. Уступки... „Но, — спрашивалъ М. Н. Катковъ,—что значила бы добровольная уступка со стороны государства? Когда частный человѣкъ уступаетъ что-нибудь, онъ жертвуетъ своимъ интересомъ для своего ближняго. Въ пользу какихъ же ближнихъ могло бы государство поступаться своими интересами?"

Создайте федерацію, говорятъ иные, и пусть каждая народность живетъ своей свободной, независимой жизнью. Въ теоріи это, можетъ быть, и красиво и складно, но на практикѣ въ Россіи оно привело бы только къ хаосу. Не слѣдуетъ забывать, что федерація тамъ, главнымъ образомъ, крѣпко сплочена, гдѣ въ основаніи ея лежитъ національное единство. Тамъ же, гдѣ на лицо конгломератъ разныхъ національностей, какъ у насъ, федеративное начало неизбѣжно поведетъ къ раздору. Разные племенные элементы неизбѣжно будутъ стремиться къ разъединенію и обособленію. Это естественно. А въ какое положеніе попадаютъ граждане, состоящіе на службѣ цѣлаго государства? Они не могутъ не служить интересамъ своей родины (какъ, напр., кн. Ад. Чарторыйскій). Изъ нихъ создаются существа двойственныя и ихъ положеніе является двусмысленнымъ [3]).

---

1) Манифестъ 18 янв. 1801 г.
2) „Моск. Вѣд.", 1900, № 168.
3) С. Невѣдѣнскій, 218.

При всемъ этомъ надо имѣть еще въ виду, что сепаратизмъ всегда стремится къ захвату такихъ правъ, которыя по существу вовсе *не принадлежатъ* той или другой народности. Польша простираетъ свои притязанія на Западный край отъ „моря до моря", нѣмцы желаютъ подчинить себѣ эстовъ и латышей, армяне—грузинъ, шведы—финновъ.

Кромѣ того, опыты въ Польшѣ и Финляндіи достаточно наглядно показали, къ чему можетъ привести федерація: къ условной преданности и къ контрактному вѣрноподданству. „Мы,—говорили поляки,—поддержимъ правительство, если оно будетъ польскимъ" [1]). „Мы,—заявляли финны,—пойдемъ за правительствомъ, когда оно будетъ финляндскимъ". Получилась картина безсмертнаго Крылова: „лебедь рвется въ облака, ракъ пятится назадъ, а щука тянетъ въ воду". Теоретики федерализма признаютъ, напримѣръ, обязательною солидарность всѣхъ въ дѣлѣ защиты общей территоріи. Практика показала, что финляндцы и на это даже не были согласны. „Финляндія не есть Россія. Она не играетъ роли великой державы, а потому несправедливо было бы налагать на нее то бремя, которое русскій народъ несетъ для поддержаніи своего историческаго значенія", — писали финляндцы и многократно заявляли на своихъ сеймахъ устами своихъ представителей, а теперь съ ихъ словъ повторяютъ наши либералы. Иначе говоря, финляндцы желаютъ получать всѣ благодѣянія даромъ, безъ малѣйшихъ пожертвованій.

Представьте себѣ, что̀ выйдетъ, если всѣ народности Россіи усвоятъ себѣ логику передовыхъ финляндцевъ?

„При Николаѣ I,—недавно еще писалъ одинъ изъ ученыхъ представителей этого либерализма, — Финляндія была вовлечена въ восточную войну во имя интересовъ, *совершенно ей чуждыхъ*"...

М. Н. Катковъ прекрасно предусматривалъ всѣ подобные выводы, когда во время польскаго возстанія обрушивался на мѣстные патріотизмы и на стремленія нѣкоторыхъ „передовыхъ" людей создать изъ Россіи подобіе Австріи [2]).

Наши враги отлично знали, что̀ они дѣлали, рекомендуя обособить Финляндію, Прибалтійскій край, Польшу, Украйну, Кавказъ и Сибирь и когда предлагали нашимъ государственнымъ людямъ искать популярности въ Россіи заботами объ автономіи ихъ окраинъ. Къ сожалѣнію, многіе искали и въ наши дни еще ищутъ, не видя своего предательскаго поведенія. Многіе русскіе попали на ихъ удочку и увлеклись. Одинъ беллетристъ дошелъ до того, что писалъ объ обособленности *самоѣдскаго* народа. (См. разсказъ Короленки „Съ двухъ сторонъ").

„Не смѣйтесь, господа! Молодость всегда мечтаетъ, — писалъ Короленко.—Можетъ быть, когда-нибудь эти мечты станутъ умнѣе, практичнѣе, но *честнѣе* и лучше едва-ли".

„Въ чемъ же тутъ, однако, честность?—спрашивалъ Н. А.

---

[1]) Русск. біограф. словарь, I, 590.

[2]) Даже г. Чичеринъ не признаетъ пользы федераціи. См. Н. Ренненкампфъ, «Польскій и еврейскій вопросы». Кіевъ, 1898, стр. 11.

Любимовъ.—Авторъ и послѣ опыта жизни не замѣчаетъ, повидимому, что стремленіе къ разложенію Россіи на какіе-то отдѣльные народы есть стремленіе измѣнническое, а не честное..."

Все показываетъ, что Россія, какъ могущественное народное государство, какъ великая держава, не можетъ вести ни польской, ни финляндской политики; въ противномъ случаѣ она потеряетъ всякое значеніе и всякое уваженіе къ себѣ. Она не можетъ и не должна довольствоваться условною преданностью своихъ инородцевъ.

Значеніе имперіи замѣтно ростетъ только въ тѣ періоды, когда она слѣдуетъ своей истинно-національной политикѣ, опираясь на честь и достоинство *своего* народа и служа „принципу истинныхъ выгодъ Россіи", какъ выразился императоръ Николай I.

Несомнѣнно, что финляндской, польской, прибалтійской и др. культурамъ „мы должны противопоставить развитіе нашей культуры, той самой культуры, которой глубокая сила сохранила и отстояла нашу самобытность и наше государственное могущество"[1]). Однимъ „зоологическимъ" ростомъ мы никогда ихъ не давили и не предполагаемъ давить. Наша русская культура слагается медленно, развивается тихо и пока еще бѣдна своими внѣшними проявленіями. Россія медленно совершала кругооборотъ своей жизни: большому колесу необходимо больше времени обернуться, чѣмъ малому, (Е. Шмурло). Но культура у насъ имѣется и она ростетъ. Культурная выправка, которой насъ превосходятъ окраины, дѣло наживное. При благопріятныхъ условіяхъ мы ее разовьемъ. До сихъ поръ наша исторія ушла на подготовительную работу, наши средства тонули въ безбрежномъ просторѣ четырыхъ сотенъ тысячъ квадратныхъ миль русской земли. Мы созидали наше великое царство и въ то же время „отвели отъ Западной Европы и вынесли на своихъ плечахъ рядъ нашествій, угрожавшихъ міру порабощеніемъ, начиная съ Батыя и кончая Наполеономъ I, а Европа смотрѣла на Россію, какъ на врага европейской свободы. Въ царствованіе императора Александра II мы на глазахъ одного поколѣнія мирно совершили въ своемъ государственномъ строѣ рядъ глубокихъ реформъ въ духѣ христіанскихъ, слѣдовательно, въ духѣ европейскихъ началъ, — такихъ реформъ, какія стоили Западной Европѣ вѣковыхъ и часто бурныхъ усилій, а эта Европа (а за ней и наши культурныя окраины) все продолжала видѣть въ насъ представителей монгольской косности, какихъ-то навязанныхъ пріемышей культурнаго міра[2])... Опочилъ въ Бозѣ незабвенный монархъ Александръ III, и Европа должна была признать и на сей разъ открыто и честно признала, что царь русскаго народа былъ и государемъ международнаго мира и порядка, и этимъ признаніемъ подтвердила историческое при-

---

[1]) Н. Страховъ, II, 139.

[2]) В. О. Ключевскій. Рѣчь въ память имп. Александра III, М. 1894 стр. 5.

званіе Россіи, ибо въ Россіи, по ея политической организаціи, въ волѣ Царя выражается мысль его народа, а воля народа становится мыслью его Царя, какъ выразился проф. В. О. Ключевскій. „Европа призналась, — продолжаетъ онъ, — что страна, которую она считала угрозой своей цивилизаціи, стояла и стоитъ на ея стражѣ, понимаетъ, цѣнитъ и оберегаетъ ея основы не хуже ея творцовъ; она признала Россію органически необходимой частью своего культурнаго состава, кровнымъ, природнымъ членомъ семьи обоихъ народовъ. Это признаніе само собой, невольно, вырвалось изъ души европейскаго общества подъ впечатлѣніемъ извѣстій о послѣднихъ минутахъ жизни почившаго императора [1]). Русскій народъ созидалъ свое государство цѣною „неслыханнаго порабощенія всѣхъ своихъ силъ потребностямъ государственной необходимости“ [2]). Не слѣдовало бы нашимъ критикамъ забывать также, что мы не получили никакого культурнаго наслѣдства, подобнаго тому, какое досталось западнымъ народамъ, и что сама природа, бывшая для нихъ ласковой матерью, явилась для насъ суровой мачихой.

Тѣ, которые укоряютъ насъ въ отсталости, не желаютъ видѣть того уваженія, которые мы оказываемъ чужой религіи, чужому языку и чужой народности. У покоренныхъ народовъ Россія не вырывала ихъ „души“ и всего того, что имъ дорого по прежнимъ воспоминаніямъ, по связаннымъ съ ними чувствамъ, по родному краю. Она никогда не оскорбляла ихъ. Развѣ возможно что-либо подобное у истинныхъ азіатовъ?

Пусть финляндцы, поляки, балтійцы и другіе считаютъ насъ низшей породой людей, не желая знать нашей исторіи, нашей литературы и того, что мы носимъ въ себѣ основы глубокаго склада общественной жизни и создали обширнѣйшее государство. При всей молодости русской культуры, нашъ народный геній далъ немало уже талантливыхъ людей на всѣхъ поприщахъ государственной и культурной работы, которые мѣрятся своими головами не съ поляками, финляндцами и остзейцами, а міровыми извѣстностями. Мы создали огромную политическую силу и литературу. Насъ даже упрекаютъ могуществомъ нашимъ, какъ преступленіемъ. Но развѣ мы украли свое могущество [3])?

Одними „большими кулаками“ великаго царства не создашь. Когда бы

> Мы *разумомъ* своимъ такъ были слабы, —
> Давно бы насъ осилилъ злой сосѣдъ!

Но какъ бы то ни было, однако, благодаря тому, что мы сумѣли организовать сильное государство, Финляндія и другія окраины получили возможность жить спокойно и развивать свою культуру. Нашъ государственный мечъ охранялъ ихъ. Имъ слѣдовало бы благодарить Россію, а не болтать о томъ, что она тормозитъ ихъ развитіе.

1) Тамъ-же, стр. 6.
2) М. Н. Катковъ.
3) Никитенко. Дневникъ, II. 378.

Англійскій посолъ (въ 1854 г.) лордъ Нэпиръ сказалъ однажды: „Отчего у васъ такъ мало изучаютъ Россію, и такъ много интересуются Европою? Вѣдь въ Европѣ мало, что годится для Россіи, а въ Россіи у васъ такъ много умнаго и прочнаго устроила ваша исторія въ видѣ учрежденій и принциповъ. Вы, какъ будто, не только всѣ эти историческія сокровища не цѣните, но стыдитесь ихъ предъ Европою" [1]).

Вся эта „простота, конечно, хуже воровства". Во имя какихъ благъ цивилизаціи приносились всѣ наши жертвы? Во имя чего мы самоунижались, отрекались? Зачѣмъ намъ идти за полякомъ, финномъ, нѣмцемъ, когда у насъ есть своя исторія, за которую краснѣть не приходится, свой большой домъ? „Клянусь вамъ честью, — сказалъ А. С. Пушкинъ Чаадаеву,—что ни за что на свѣтѣ я не хотѣлъ бы перемѣнить отечество, ни имѣть другой исторіи, какъ исторію нашихъ предковъ, какую намъ Богъ послалъ". Пора начать уважать себя, не гордиться, но знать себѣ цѣну.

Богъ дастъ, скоро перестанемъ стыдиться и пробудится общее сознаніе, что у насъ есть „глубокіе корни самобытной культуры и что сила этой культуры была и есть главный двигатель нашей исторической жизни" [2]). Богъ поможетъ и мы скоро поймемъ и признаемъ идею исторической Россіи и убѣдимся въ томъ, что можно стоять на высотахъ европейскаго просвѣщенія и оставаться русскимъ [3]).

„Мнѣ кажется,—писалъ Герценъ,—что есть нѣчто въ русской жизни, что выше общины и сильнѣе государственнаго могущества; это нѣчто трудно уловить словами, а еще труднѣе указать пальцемъ. Я говорю о той внутренней, не вполнѣ сознательной силѣ, которая столь чудесно сохранила русскій народъ подъ игомъ монгольскихъ ордъ и нѣмецкой бюрократіи, подъ *восточнымъ* татарскимъ кнутомъ и подъ *западными* капральскими палками; (я говорю) о той внутренней силѣ, которая сохранила прекрасныя и открытыя черты и живой умъ русскаго крестьянина подъ унизительнымъ гнетомъ крѣпостного состоянія, которая на царскій приказъ образоваться отвѣтила черезъ сто лѣтъ колоссальнымъ явленіемъ Пушкина; (я говорю) о той, наконецъ, силѣ и вѣрѣ въ себя, *которая жива въ нашей груди*. Эта сила ненарушимо сберегла русскій народъ, его непоколебимую вѣру въ себя, сберегла внѣ всякихъ формъ и противъ всякихъ формъ; для чего?— покажетъ время".

Мы не прожили, слѣдовательно, всего капитала своихъ нравственныхъ силъ. Мы, кромѣ того, воспитаны въ суровой школѣ и способны еще на работу. Мы хотимъ развить культуру свою, самобытную, а не рядиться только въ готовую, но чужую, и не „побираться по міру": поэтому наше дѣло движется медленно. Мы вѣримъ, что наша культура „носитъ въ себѣ залоги такой крѣпости, — какъ писалъ

---

[1]) Кн. Мещерскій. I, 315.
[2]) Н. Страховъ.
[3]) Любимовъ, 190—191.

Н. Страховъ:—такого глубокаго и далекаго развитія, какихъ. можетъ быть, не имѣетъ никакая другая культура [1]). А если самобытность и своеобразность имѣютъ значеніе, то это даетъ намъ право поставить себя выше финляндцевъ, балтійцевъ и поляковъ. Мы убѣждены, что у русской земли есть своя судьба, свое далекое и важное назначеніе [2]), и что, сохраняя единство окраинскихъ областей съ Россіей, мы тѣмъ самымъ пріобщаемъ ихъ къ тому великому развитію; въ которомъ одномъ онѣ могутъ достигнуть своего истиннаго блага" [3]). Культурная исторія человѣчества создается государствомъ, народомъ и религіей, а эти факторы у насъ на лицо.

Но это еще дѣло будущаго; а въ прошломъ и настоящемъ одно несомнѣнно, что мы во всѣ времена давали всѣмъ инородцамъ полнѣйшую возможность развивать свои индивидуальныя способности, свой языкъ, свою литературу, искусство, свою культуру. Финляндцы, балтійцы и поляки напрасно становились въ „позу страдальца" и молили заступничества просвѣщеннаго Запада. Ко всѣмъ имъ русское правительство относилось самымъ предупредительнымъ образомъ. Имъ широко открыта вся необъятная держава, имъ покровительствуютъ наши законы, ихъ таланты обрѣли у насъ полное признаніе и радушную оцѣнку. Имъ остается признать,— какъ выразился виленскій генералъ-губернаторъ Троцкій,— что у насъ съ ними „одинъ Богъ, которому мы молимся, одинъ Царь, которому мы служимъ, и одно общее отечество, для блага котораго мы трудимся". Имъ слѣдуетъ оставить свои предубѣжденія и тогда

Сыны племенъ когда-то враждовавшихъ,
Мы встрѣтимся, какъ старые друзья.

(*Я. Гротъ*).

Имъ пора сознать, что ни раньше, ни теперь съ нашей стороны не совершено никакихъ историческихъ преступленій, а напротивъ, мы всегда слѣдовали исторической логикѣ и справедливости [4]). Западъ, къ которому они столь довѣрчиво простираютъ свои руки и открываютъ сердца и кошельки, платилъ и будетъ платить имъ фразами, пользоваться ими, какъ средствомъ, для своихъ цѣлей, одѣвая ихъ въ „лохмотья своего милосердія" [5]). Своекорыстный Западъ искреннимъ ихъ другомъ никогда не былъ.

Какова бы ни была наша культура, но развѣ то политическое и государственное объединеніе окраинъ съ центромъ, которымъ озабочено правительство, чѣмъ-либо мѣшаетъ матеріальному и нравственному росту нашихъ инородцевъ? Своей

---

[1]) Европа хочетъ отнять у Россіи право развитія самостоятельности (Никитенко, II, 395)

[2]) «Россія,— писалъ Ренанъ — опасна только въ томъ случаѣ, если остальная Европа допуститъ ее предаться ложной мысли о духовной самобытности»...

[3]) Н. Страховъ, II, 139.

[4]) Ярошъ. «Русско-польскія отношенія». Харьковъ, 1898, стр. 50.

[5]) Тамъ же.

„отсталостью“ Россія никакого препятствія культурнымъ окраинамъ, конечно, не причиняла и въ этомъ отношеніи ей нѣтъ надобности подыматься до ихъ уровня.

Напротивъ, Финляндія, Польша и Прибалтійскій край только тогда и стали вполнѣ развивать свою культуру, какъ сдѣлались частями Россійской имперіи; полная національная жизнь особенно поляковъ и финновъ и расцвѣтъ ихъ литературы всецѣло приходятся на время послѣ ихъ присоединенія къ государству русскаго народа. Во дни оны Швеція въ своихъ предѣлахъ запретила все финское, исключая Евангеліе. Швеція требовала отъ финновъ въ огромномъ количествѣ и солдатъ и денегъ. Россія лишь кое-когда ставила подъ ружье нѣсколько финскихъ баталіоновъ, но предоставила финской народности полнѣйшую національную свободу развитія и изъ финляндской казны ни копѣйки не брала на свои государственныя потребности. У Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи также не было лучшаго и болѣе счастливаго періода, чѣмъ подъ владычествомъ Россіи. Время рыцарства, господство епископовъ, власть Польши, Даніи и Швеціи не дали имъ того мира, которымъ пользовались у насъ. Какъ иноплеменники, нѣмцы нигдѣ такъ не благоденствовали, какъ въ Россіи, на поприщахъ государственной и общественной службы. Гдѣ ихъ нѣтъ? Какихъ должностей они не занимали у насъ? [1]). „Пусть пожалуютъ меня въ нѣмцы,— просилъ извѣстный А. П. Ермоловъ,—а тамъ я буду получать уже все безъ затрудненія“.

Кто желаетъ видѣть ростъ Польши, тотъ пусть сравнитъ ея экономическое благосостояніе до и послѣ періода русскаго владычества.

Этими указаніями объ окраинахъ дается достаточный отвѣтъ на запросъ о томъ, „что̀ для нихъ сдѣлано Россіей“. Но разъ только установлено, что Россія помогала своимъ окраинамъ, то слѣдовало бы теперь поставить другой вопросъ, для вразумленія русскихъ культурныхъ окраинскихъ печальниковъ: нужно ли было содѣйствовать финляндцамъ, прибалтійцамъ и полякамъ? Вѣдь они себя достаточно показали манифестаціями, демонстраціями, пассивными сопротивленіями и даже бунтами. Они очень опредѣленно дали увидѣть ихъ симпатіи къ Россіи, дали понять, что̀ слѣдуетъ думать о нихъ, что̀ они думаютъ о себѣ, въ какомъ смыслѣ надо принять ихъ вѣрность, ихъ преданность, ихъ гражданскую честность (lojalität [2]). Не помогали ли мы русскіе, по добротѣ своей враждебнымъ намъ элементамъ? Подумали ли объ этомъ наши передовые европейцы, вскормленные русскимъ хлѣбомъ?

Еще маленькое замѣчаніе.

Исторія никакихъ опытовъ не допускаетъ, но интересно было бы ноющихъ нашихъ окраинцевъ—финляндцевъ, нѣмцевъ и поляковъ—отдать въ государственное обладаніе высококультурной Германіи и тогда, вѣроятно, они сдѣлались бы болѣе снисхо-

[1]) М. П. Погодинъ. Остзейскій вопросъ. М. 1869, стр. 119 и др.
[2]) Тамъ же, стр. 75—76.

дительными къ русскому режиму, такъ какъ на практикѣ бы увидѣли, что нѣмецъ не только бы не потерпѣлъ и мысли поляка или финляндца объ ихъ государственности, но не пощадилъ бы и многихъ ихъ этнографическихъ особенностей. Во время польскаго возстанія въ головѣ Бисмарка мелькнула мысль о томъ, что „русскимъ Польша въ тягость" и, если потребуется помощь Пруссіи для усмиренія мятежа, то „дѣйствовать смѣло и занять Царство за счетъ Пруссіи. *Черезъ три года все тамъ было бы германизировано*" [1]).

Итакъ „москаль" не только никакой инородческой культурѣ не препятствовалъ, но, напротивъ, давалъ имъ широкій просторъ совершенствоваться на западныхъ окраинахъ. Слѣдовательно, наши оппоненты не искренни: разница въ культурахъ центра и окраинъ никакого значенія въ разбираемомъ дѣлѣ не имѣютъ. Культура здѣсь — прикрытіе. Подъ покровомъ ея желательно провозить контрабанду—чуждую намъ государственность.

Не будемъ голословны. По отношенію къ Финляндіи это ясно будетъ изъ слѣдующаго примѣра. Въ 1863 г., т. е. въ разгаръ польскаго мятежа, былъ возобновленъ финляндскій сеймъ. „Онъ былъ открытъ въ сентябрѣ, словно въ награду за хорошее поведеніе и въ назиданіе другимъ. Вели-де себя хорошо, не возмущались,—вотъ имъ и дали конституцію" [2]). Финляндцы говорятъ, что сеймъ нуженъ былъ для развитія культуры и законодательства, кои приходили въ застой. Неправда. На сеймѣ истинныя стремленія финляндскихъ политиковъ сразу сказались, такъ что даже „Journal de St. Pétersbourg" (28 дек. 1863 г.) долженъ былъ предать порицанію политическую метафизику финляндцевъ, а при закрытіи сейма ему была поставлена на видъ въ царской рѣчи его непріязнь къ Россіи. То же произошло и въ Польшѣ: императоры Александръ I и Николай I остались недовольны дѣятельностью польскихъ сеймовъ за проявленный на нихъ *духъ оппозиціи* и пустыя словопренія [3]). Вся исторія окраинскихъ парламентовъ показываетъ, что на нихъ шумѣли не потому, чтобы наше правительство въ чемъ-либо не сочувствовало преуспѣянію своихъ же собственныхъ земель, а вслѣдствіе того, что мѣстные политиканы подъ разными предлогами домогались уклониться отъ русской государственности и въ этомъ имъ дѣйствительно препятствовали. Съ теченіемъ времени и Польша, и Финляндія возвели оппозицію въ гражданскую обязанность [4]).

---

[1]) „Рус. біографич. словарь", I, 602.

[2]) Любимовъ, 276—277. Въ статью С. Татищева „Мятежъ въ Царствѣ Польскомъ 1863—64 г." включена исторія открытія сейма въ Гельсингфорсѣ. („Рус. біографич. словарь", I, стр. 592, 599, 601).

[3]) Рейнке, стр. 54.

[4]) „Голосъ" и „С.-Петербургскія Вѣдомости" съ восторгомъ привѣтствовали открытіе финляндскаго сейма. „Хоть не наша, но все-таки конституція". (Любимовъ. 276—277).

Заграничная литература анархистовъ спеціально рекомендовала русскимъ революціонерамъ постоянно напоминать о Финляндіи, такъ какъ она имѣетъ хоть плохенькую, но все-таки конституцію. Намъ предста-

Если бы сепаратизмъ стремился только къ національному и культурному обособленію — бѣда была бы не велика и не вызывала бы противодѣйствія, но сепаратизмъ поляковъ, финновъ, и остзейцевъ имѣетъ политическій характеръ и носится съ мыслію *о политической обособленности*, объ отдѣльномъ *государственномъ устройствѣ*, и тутъ уже уступокъ и поблажекъ, примиренія или договора быть не можетъ, такъ какъ русская государственность никакихъ компромиссовъ знать не должна. Разъ только сепаратизмъ коснулся государственнаго единства, начинается уже обязанность *самозащиты*. Цѣлость и безопасность государства создавались столѣтіями; русскій народъ проливалъ за нихъ свою кровь, перенесъ большія лишенія и неисчислимыя жертвы. Внѣшняя безопасность создана дорогою цѣною; условія для своего свободнаго развитія завоеваны трудами и страданіями *и безъ всякихъ обязательствъ*, „а тѣмъ болѣе безъ обязательства дѣйствовать *себѣ во вредъ* или отказываться отъ охраны своихъ насущныхъ интересовъ ради соблюденія интересовъ включенныхъ въ составъ Россіи (сравнительно недавно) чуждыхъ народностей“ [1]).

Умаленія и разложенія русскаго государства въ угоду польскихъ, финляндскихъ и иныхъ мечтаній нельзя допустить. „На Россіи лежитъ прежде всего забота о самой себѣ... Нашъ августѣйшій монархъ будетъ стремиться къ упроченію могущества и благоденствія Россіи для счастья ея и *безъ вреда другимъ*“. Это было сказано въ манифестѣ 2-го марта 1881 г. о внѣшней политикѣ Россіи; но то же начало руководило нашими самодержцами и по отношенію внутренней политики. И дѣйствительно, никому вреда не причиняется. Въ Финляндіи не культура, не школа преслѣдовались; пока школа занята наукой и религіей,—ее очень поощряютъ. Но какъ только мѣстная администрація и самозванные политиканы дѣлаютъ попытку при содѣйствіи школы распространять нелѣпый финскій патріотизмъ, или прежнюю шведскую государственность, русская власть принимаетъ мѣры для противодѣйствія.

Въ Польшѣ наше правительство особымъ указомъ (26 мая 1900 г.) воспретило тайное обученіе. Подъ покровомъ обученія религіи и родному языку тамъ поддерживались традиціи отжившей польской государственности. Ни римско-католическаго исповѣданія, ни польской литературы никто никогда не преслѣдовалъ; новымъ закономъ желательно было пресѣчь исключительно пропаганду польской государственности и упрочить образованіе юношества „*въ духѣ русской государственности*“, какъ сказано въ царскомъ указѣ. Но, кромѣ того, какъ мы всѣ знаемъ, остзейцы, финляндцы и поляки стремятся къ тому, чтобы въ школахъ вовсе не пахло русскимъ духомъ, точно

вляется, что въ Россіи всѣ тѣ, которые мнятъ себя передовыми людьми или европейцами среди русскихъ варваровъ, тоже нерѣдко исходятъ изъ подобныхъ же соображеній.

[1]) „Новое Время“, № 8320.

Польша, Финляндія или Прибалтика не суть части русской державы и точно русскому правительству дѣла нѣтъ до ихъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній. Довольно ужъ того, что Волынь, Подолія и Бѣлоруссія отданы были „подъ просвѣтительную опеку завзятаго поляка и ненавистника Россіи, кн. Чарторыйскаго, и католической польской администраціи", а школы Финляндіи въ теченіе столѣтія оставались безъ малѣйшаго русскаго надзора.

Наше правительство можно скорѣе упрекнуть не въ томъ, что оно какъ-либо тормозило учебное дѣло или культурное развитіе на окраинахъ, а напротивъ, въ томъ, что оно дало окраинамъ несравненно болѣе доступа къ образованію, нежели коренной Россіи, болѣе радѣло объ окраинахъ, чѣмъ о центрѣ, оскудѣніе котораго больно щемитъ теперь русскія сердца. Въ Привислинскомъ краѣ одна гимназія приходится на 450.000 жителей, а въ московскомъ и харьковскомъ округахъ—на 800.000 жителей [1]). Тогда какъ въ вятской губ. на учебное дѣло тратится нѣсколько копѣекъ на душу (1¾ коп.), въ Прибалтійскомъ—3 рубля [2]).

Задача школы давать полезныя свѣдѣнія и здравыя нравственныя начала. Всякая *политика* должна быть удалена изъ школы, также какъ изъ религіи и церкви. Но духомъ, идеями и стремленіями русской народности инородцы должны проникаться при посредствѣ школы на нашихъ окраинахъ („Рус. Вѣстн." 1902, ноябрь, 205).

Вмѣстѣ съ тѣмъ мы утверждаемъ, что культура на окраинахъ можетъ прекрасно развиваться и совершенствоваться безъ польской, финляндской или иной *государственности*, безъ польской или финской *„арміи"*, безъ окраинскихъ *„таможенъ"*, безъ особыхъ *подданствъ* по народностямъ, входящимъ въ составъ Имперіи. Тѣ, которые насаждаютъ на окраинахъ мѣстную государственность,—враги Россіи и съ ними надо бороться, а не мириться.

И вотъ, въ Польшѣ нашими врагами являются польская эмиграція, свившая себѣ гнѣздо преимущественно въ Парижѣ, и воинствующій римскій католицизмъ, поскольку они образуютъ изъ себя „партію польскаго государства" [3]). Въ Финляндіи русской коронѣ враждебна также партія финляндскаго государства, состоящая главнымъ образомъ изъ представителей шведоманской интеллигенціи.

Итакъ, повторяемъ, что окраинскія культуры никакого ущерба отъ русскихъ государственныхъ требованій не несли. Подавлять ихъ никто не собирался. Но вотъ, когда обособленникамъ мѣшали насаждать ихъ польскую, финляндскую или иную государственность, то они негодовали и становились въ позу невинно пострадавшихъ и преслѣдуемыхъ (Ярошъ).

Въ эпоху шестидесятыхъ годовъ шумъ „борьбы за свободу"

---

1) «Рус. Вѣстн.» 1902 г. ноябрь, 205. Статья В. Истомина.
2) С. Невѣдѣнскій, 311.
3) В. В. Комаровъ.

и поза окраинскихъ ораторовъ производили извѣстное впечатлѣніе; но за истекшій періодъ мы кое-чему выучились. Передъ нами прошли результаты примирительной политики, мы имѣли, хотя и кратковременно, на престолѣ *„Носителя русскихъ идеаловъ"*, *Царя-Богатыря*, мы начитались откровеній" Польскаго Катехизиса", мы пользуемся указаніями финляндскаго „Свободнаго Слова" (Fria Ord) и десятковъ ихъ летучихъ листковъ, въ которыхъ высказаны ихъ задушевныя желанія. Мы замѣтили также, что крики объ угнетеніи Польши или Финляндіи и шумъ злословія на Россію обыкновенно совпадаютъ съ подпольными у насъ движеніями. Раньше проявленія *національной слабости*, какъ тѣнь слѣдовала за нами при разсмотрѣніи окраинскихъ вопросовъ. Но 63 годъ открылъ намъ глаза и нашему отрезвленію много содѣйствовалъ Н. М. Катковъ. Тогда голосъ его „звучалъ, какъ колоколъ на башнѣ вѣчевой". Подголосковъ у него сначала не было. Даже славянофилы, и тѣ не находили сразу надежной точки опоры и пытались разобраться въ остромъ политическомъ вопросѣ, исходя изъ высоко-философскихъ и совершенно поэтому отвлеченныхъ ученій. Теперь настало болѣе благопріятное время. Съ перваго дня финляндскихъ броженій цѣлый рядъ русскихъ органовъ печати дружно выступилъ противъ нихъ и сразу поставилъ выше и впереди ихъ мелкихъ мѣстныхъ интересовъ требованія нашей государственности. То же самое наблюдаемъ и въ учрежденіяхъ, и въ обществѣ. Національный индифферентизмъ значительно сократился.

Воспитательное значеніе минувшаго царствованія въ дѣлѣ подъема нашего національнаго самосознанія сказалось опредѣленно. По этому поводу припоминается прекрасное стихотвореніе А. Н. Майкова.

Въ томъ Царская его заслуга предъ Россіей,
Что—Царь—онъ вѣрилъ самъ въ устои вѣковые,
На коихъ зиждется Россійская земля,
Ихъ громко высказалъ—и какъ съ высотъ Кремля
Ивановъ колоколъ ударитъ, и въ мгновенье
Всѣ сорокъ сороковъ, въ Христово Воскресенье,
О свѣтломъ праздникѣ по Руси возвѣстятъ,—
Такъ слово Царское, летя изъ града въ градъ,
Откликнулось вездѣ народныхъ силъ подъемомъ,—
И, какъ живительнымъ весеннимъ первымъ громомъ
Вдругъ къ жизни призваны, очнутся долъ и лѣсъ,—
Воскресла духомъ Русь,—сомнѣній мракъ исчезъ,
И то, что было въ ней лишь чувствомъ и преданьемъ,
Какъ кованой броней закрѣплено сознаньемъ.

Царь увѣровалъ въ правду русскаго народнаго идеала. За нимъ стали проникаться тою же вѣрой его подданные.

Рукою правительства начата была политика объединенія окраинъ и сколько сдѣлано за это короткое время въ Фин-

ляндіи, выдвинутой силою обстоятельствъ на первую очередь! Почта слита съ имперской; армія объединена; Фридрихсгамскій кадетскій корпусъ упраздненъ; изданъ замѣчательный государственный актъ, извѣстный подъ именемъ „манифеста 3 февраля 1899 г." объ общегосударственномъ законодательствѣ; заведена русская газета; обезпечены права русскихъ коробейниковъ; положено начало прочному улучшенію быта безземельнаго населенія; начатъ пересмотръ сеймоваго законодательства; русскій государственный языкъ введенъ въ дѣлопроизводство высшаго учежденія края; русскія учебныя заведенія матеріально лучше обезпечены; возведено много православныхъ церквей и открыто много новыхъ школъ; русскимъ людямъ открытъ доступъ на службу въ краѣ. Меньшей важности законоположеній не беремся даже перечесть. А сколько кромѣ того отклонено финляндскихъ домогательствъ.

Да, сдѣлано очень много. За сто лѣтъ состоянія Финляндіи въ русскомъ владычествѣ не было сдѣлано столько, какъ за эти послѣдніе годы. Но надо помнить, что все это создано рукою правительства. Общественная иниціатива и помощь общества нигдѣ почти не сказались. А потому на лаврахъ опочить нельзя и утѣшеніе въ успѣхѣ является поэтому относительнымъ.

Если общество не приметъ участія въ великомъ дѣлѣ политико-государственнаго объединенія, то вліяніе всѣхъ произведенныхъ реформъ можетъ остаться на поверхности; дляпрочности же дѣла необходимо, чтобъ корни его проникли далеко въ глубь общественнаго строя. Мы должны помнить, что вся денежная, земельная и умственная сила на окраинахъ остается не въ русскихъ рукахъ, а въ рукахъ людей, стоящихъ въ оппозиціи дѣлу собиранія русскаго государства. Не забудемъ, что инородцы не знаютъ насъ и мы мало еще изучили ихъ. До сихъ поръ правительство дѣйствовало на окраинахъ безъ союзниковъ, такъ какъ войска на границахъ, чиновники на окраинахъ и два-три газетныхъ листка, разбросанныхъ здѣсь и тамъ, дѣлу существенно не помогли. Бюрократическія средства не вездѣ и не во всемъ достаточно сильны и надежны. „Административныя мѣры и симпатіи—понятія вообще взаимно себя исключающія". На помощь правительству должно выступить общество. Въ обыденной многосложной жизни администраціей, судомъ и полиціей всего не сдѣлаешь. Въ ежедневномъ обиходѣ сильными факторами являются: кредиторъ, хозяинъ, помѣщикъ, капиталистъ, ученый, пасторъ. Идею сепаратизма финляндской и польской государственности надо побѣдить „въ кабинетахъ и гостиныхъ, въ канцеляріяхъ и департаментахъ, въ общественныхъ собраніяхъ и разнаго рода празднествахъ, въ театрахъ и конторахъ" [1]).

Надо совладать также и съ той болѣзненной мнительностію, которая сказывается съ обѣихъ сторонъ. Чиновникамъ все это не подъ силу одолѣть. Имъ не разжать тѣхъ общественныхъ

---

[1]) В. Истоминъ. «Русск. Вѣстн.» 1902, ноябрь.

тисковъ, въ которые хозяинъ, банкиръ, помѣщикъ и др. могутъ захватить населеніе, готовое преклониться передъ велѣніемъ русской власти. Тутъ на поддержку правительства обязана выйти *созидающая общественная иниціатива*. Въ Германіи сильнымъ союзникомъ правительства всегда были многочисленные „ферейны“, вродѣ „Общества для поощренія, германизаціи на окраинахъ“ [1]), „Союза Густава-Адольфа“, „Школьнаго союза“ и имъ подобные. Евангелическій Союзъ имени Густава-Адольфа (Der evangelische Verein der Gustav-Adolf Stiftung) раскинулъ свою дѣятельность чуть ли не на весь міръ, отпуская десятки милліоновъ марокъ „угнетеннымъ единовѣрцамъ“. „Школьный союзъ“ давно уже насчитывалъ болѣе 120,000 чел. въ числѣ своихъ членовъ и расходовалъ на цѣли германизма свыше 250,000 гульденовъ ежегодно [2]).

Наше молодое „Русское Собраніе“ не упустило изъ виду указанныхъ обстоятельствъ и оно въ особомъ совѣщаніи по вопросамъ о поддержаніи русскаго дѣла въ мѣстностяхъ, населенныхъ инородцами, приступило, по мѣрѣ своихъ силъ, къ изученію окраинъ Имперіи. Но этого, конечно, мало. Пока это капля въ морѣ. Русское общество должно отозваться: оно обязано ревностно содѣйствовать правительству оберечь ростъ нашей національной силы и помочь въ вѣковомъ трудѣ собиранія Русской земли.

Разсказанная же исторія опредѣленно показываетъ, въ какомъ *духѣ и направленіи* должна идти вся дѣятельность на окраинахъ. Лицамъ и обществамъ, желающимъ содѣйствовать русскому окраинному дѣлу, нетрудно, зная нашу исторію, установить тѣ руководящія начала, коимъ имъ необходимо слѣдовать.

Нашъ старый грѣхъ—національное самоотреченіе, слабость національнаго духа въ нашей политикѣ.

До послѣднихъ лѣтъ мы громоздили одну ошибку на другую. Мы допустили мелкихъ народцевъ, никогда не жившихъ политическою жизнью, захватить въ свои руки преобладаніе въ администраціи и школѣ, скупить земли и насаждать идею самостоятельныхъ и явно враждебныхъ намъ царствъ, въ которыхъ русскихъ желаютъ лишить всякихъ правъ. Это и есть расхищеніе нашей сокровищницы. Въ Россійской державѣ имѣются области, въ которыхъ русскій „у себя въ гостяхъ“, а не дома, гдѣ его дерзко даже бойкотируютъ и гонятъ.

Наша дряблость и непослѣдовательность иногда являлись изумительными, а уровень русскаго самосознанія невѣроятно низкимъ.

Мы часто дѣлали одинъ шагъ впередъ и сейчасъ же спѣ-

---

1) Изложенныя здѣсь мысли объ общественной самопомощи были высказаны въ 1895 г. А. А. Башмаковымъ (Протоколъ торжественнаго общественнаго собранія г.г. членовъ Спб. славянск. благотворит. общ. 6 апрѣля 1895, стр. 40—42).

2) А. А. Папковъ. Статьи объ этихъ союзахъ въ „Слав. Обозр.“.

шили сдѣлать два прыжка назадъ. Присоединили, напримѣръ, Забужье (т. е. часть люблинской и сѣдлецкой губ. съ православнымъ населеніемъ) къ гродненской губ.; и въ то-же время дали польской пропагандѣ возрости въ Западномъ краѣ. Во время мятежа 1831 г. шайки возставшихъ показывались главнымъ образомъ только въ витебской губ. (лепельскомъ уѣздѣ), а уже въ 1863 г. всѣ бѣлорусскія губерніи одинаково были объяты пламенемъ мятежа. Ясно, слѣдовательно, что мы сами содѣйствовали польскому элементу возрости здѣсь и пропагандировать.

Въ Финляндіи въ 1864 г. мы присоединили къ петербургской губ. сестрорѣцкій участокъ; но вся выборгская губ., съ древней русской и православной областью Кореліей (гдѣ находятся наши монастыри Валаамъ и Коневецъ), продолжаетъ оставаться въ сферѣ финляндскаго вліянія, причемъ мѣстное финляндское правительство возвело для своихъ цѣлей сердобольскую семинарію, вредное воздѣйствіе которой остается до сихъ поръ мало изслѣдованнымъ и мало извѣстнымъ русскому обществу, а когда исторія эта будетъ написана и раскрыта, то финское дѣло окажется уже завершеннымъ.

„Кн. Хованскій, кн. Голицынъ, кн. Долгоруковъ, И. Г. Бибиковъ и Назимовъ—вотъ русскіе по имени, которые, при содѣйствіи подобныхъ дѣятелей въ Петербургѣ, въ глубокомъ невѣдѣніи своемъ положили въ Сѣверо-западномъ краѣ твердое начало польской пропагандѣ...“ [1]). Все это были представители русскаго дѣла, *не согрѣтые живой національной идеей*, люди нейтральные. Муравьевъ явился случайнымъ, но блестящимъ „набѣгомъ“ на Польшу.

Въ Финляндіи такими же нейтральными начальниками были Штейнгель, кн. Меншиковъ, гр. Бергъ и гр. Адлербергъ. Кн. Меншиковъ продолжалъ жить въ Петербургѣ и правилъ краемъ издали à vol d'oiseau. Едва ли не одинъ гр. Ар. А. Закревскій умѣлъ различать государственные интересы отъ мѣстныхъ домогательствъ, но онъ оставался въ краѣ недолго (1823—1831), и потому его правленіе также можно уподобить лишь удачному „набѣгу“ на Финляндію.

Итакъ, если наша слабость заключалась въ непослѣдовательности, въ колебаніяхъ, въ отсутствіи живой національной идеи, то ясно, въ чемъ кроется наша сила и наше значеніе. Нужна стойкость, проницательность, энергія, надзоръ, обуздывающая власть, но прежде всего—крѣпкое національное направленіе, а не космополитическое безразличіе. Въ пріемахъ мягкость, но твердость въ исполненіи. Вся окраинская русская политика, кромѣ того, должна быть благородна. Въ періодъ несчастной польской смуты насъ спасла только твердая, убѣжденная послѣдовательность и національная политика. Въ царствованіе императора Александра III уваженіе Запада къ

[1]) «Современная Россія» К. А. Скальковскаго. Спб. 1889, стр. 112.

намъ возросло, а между тѣмъ покойный государь помышлялъ и печалился прежде всего о Россіи и посвятилъ себя на служеніе и поддержаніе исконныхъ русскихъ началъ.

Въ 1864 г. „Times" писалъ: „Польское возстаніе пробудило въ русскомъ народѣ глубокое патріотическое чувство; оно представило Россіи случай стать передъ Англіей и Франціей съ поднятымъ челомъ, со смѣлымъ взглядомъ и ѣдкимъ словомъ на устахъ, къ величайшему торжеству ея собственнаго народа и, быть можетъ, къ удовольствію значительной части европейской публики... Невозможно отказать въ нѣкоторомъ чувствѣ уваженія и удивленія къ народу, обнаруживающему такой духъ..." Вотъ неподкупный голосъ иностранца, заключающій въ себѣ указаніе, которому давно пора послѣдовать. Этотъ иностранецъ говоритъ: русскіе, будьте самими собою, и мы васъ будемъ уважать и ваше дѣло будетъ спориться.

Когда же у насъ являются смѣльчаки и требуютъ, чтобы Россія была предоставлена русскимъ, то по всей либерально-еврейской линіи поднимается шумъ негодованія: „Какъ! вы желаете, слѣдовательно, чтобы въ Россіи не было ни эста, ни лива, ни шведа, ни поляка, ни даже нѣмца. Такая проповѣдь достойна гунновъ и вандаловъ". О тѣхъ, которые дерзаютъ бороться за русское дѣло, передовая окраинская „пресса" кричитъ, что они возбуждаютъ русскихъ противъ финляндцевъ, остзейцевъ и поляковъ и др., ссорятъ народности, которыя должны мирно уживаться подъ однимъ скипетромъ. Именно эти слова говорились, напр., балтійцами въ шестидесятыхъ годахъ и финляндцами нашихъ дней [1]). Эти причитанія и вопли нашихъ прогрессистовъ поставили русскаго человѣка въ положеніе провинившагося и робко, съ оглядкой оправдывающаго свое поведеніе въ родной землѣ.

Нѣтъ,—скажемъ мы въ тысячу первый разъ,—мы никогда не были и теперь не сдѣлались Deutschenfresser, нѣмцеѣдами, финноѣдами, или поляконенавистниками; никакихъ народностей не преслѣдовали, не обезличивали, не денаціонализировали. Пусть въ Россіи останутся эсты, финны, поляки и даже нѣмцы; но въ Росссіи тѣмъ не менѣе должна быть одна господствующая народность, одинъ государственный языкъ, единая нераздѣльная верховная власть. Инородцы могутъ сохранять свою религію, свой языкъ, свои нравы и обычаи, но патріотизмъ у нихъ долженъ быть одинъ, общій съ русскими и одно общее отечество—Россія. Всѣ инородцы обязаны составлять *живыя части единаго государства*. Отъ всякой своей мѣстной *государственности* имъ надлежитъ отказаться. Русскимъ нельзя допустить созданіе отдѣльныхъ царствъ, всегда могущихъ перейти, со своими національными арміями и флотами, въ лагерь нашихъ враговъ.

Наша обязанность повторять: „Россія для русскихъ", повто-

---

1) „Hufvudstadsbladet", 1898, № 322.

рять до тѣхъ поръ, пока это положеніе не войдетъ въ плоть и въ кровь и не сдѣлается руководящимъ началомъ нашей ежедневной жизни. „Россія для русскихъ"—это наше знамя, это наша работа, наша дума, наша жизнь! „Россія для русскихъ", т. е. для всѣхъ тѣхъ, которые любятъ ее, служатъ ей и готовы своею кровью защищать ее...

М. М. Бородкинъ.

Башня молчанія.

Баллада.

Жилище я видѣлъ въ мечтахъ откровенья,—
Вѣка не забуду, хоть видѣлъ мгновенья.
Унылая башня подъ круглымъ навѣсомъ,
Вкругъ мрачная площадь, покрытая лѣсомъ;
Ступени подъ мохомъ столѣтій холодныхъ
Къ вершинѣ той башни ведутъ, и подводныхъ
Таинственныхъ мельницъ шумящій размахъ
Являетъ каскады волны на волнахъ.

Въ тотъ часъ, какъ свой кругъ завершаетъ свѣтило
Горячаго дня,—тамъ сіяетъ уныло
И медлитъ заря уходящаго солнца,
Смотрясь, какъ пурпуръ кровавый, въ оконца,—
Но только померкнетъ алѣющимъ ликомъ,—
Тамъ совы проснутся въ смятеньѣ великомъ
И кружатъ, и рѣютъ, и страшенъ ихъ крикъ
Для робкихъ рабовъ и для смѣлыхъ владыкъ.

И я подымался къ вершинѣ столѣтней,—
То было когда-то въ часъ полночи лѣтней,
Лучи отъ луны такъ безумно сверкали,—
Что пыль въ амбразурахъ, какъ искры въ бокалѣ,
Виднѣлась, подъ свѣтомъ кружащая косо...
И тихо такъ было, что мельницъ колеса,
Въ волнѣ, надъ волной порождая волну,
Казалося, пѣли пѣснь громкую сну!

Я шелъ, подымался все выше и выше.
И вотъ я подъ кругомъ таинственной крыши,
Гдѣ филиновъ мрачныхъ голодная стая
Сидитъ, свои очи для тьмы разжигая,
Гдѣ холодъ повѣялъ могилой сырою,
Гдѣ страшно пигмею и жутко герою,
Гдѣ шагъ, какъ набатъ роковой, прозвучалъ,
И въ то же мгновенье я звонъ услыхалъ.

То не былъ серебряный звонъ колоколенъ,
Отраденъ призывомъ и радостью воленъ.
То былъ удрученный набата звукъ мѣдный,
И совы проснулися стаей побѣдной,
И эхо тяжелой, дремавшей громады,
Казалось, вздохнуло, расторгнувъ преграды.
И слышались стоны и скрежетъ зубовъ,
И трижды пролязгалъ желѣзный засовъ.

И вышли всѣ тѣни, всѣ гномы, всѣ духи,—
Стучали клюками слѣпыя старухи,
И старцы, подъявши отъ ужаса очи,
Шумѣли, какъ ропотъ разгнѣванной ночи,
И хохотомъ адскимъ лукавые гномы
Мнѣ сердце знобили до смертной истомы,
И всѣ восклицали, какъ эхо могилъ:
„Зачѣмъ ты молчанье, пришелецъ, смутилъ?

„Мы—пыль этихъ камней, мы—холодъ забвенья,
Мы—души безъ ликовъ, мы—атомы зрѣнья,
Мы—искры отъ чувствъ уничтоженной злобы,
Мы—пепелъ отъ жизни и смерти микробы,
Мы сами молчанье,—и всѣхъ претворяемъ

Въ молчанье, въ молчанье!—кого обнимаемъ
Нашъ кругъ заколдованъ, здѣсь выхода нѣтъ.
Такъ будь же молчаньемъ на тысячи лѣтъ!

И только они провѣщали мнѣ рѣчи...
Померкли вдругъ очи, какъ блѣдныя свѣчи,
И уши оглохли, дыханье застыло,
И память исчезла, какъ дымъ изъ кадила,
Уста онѣмѣли... Молчанье, молчанье!
Я сталъ неподвиженъ, я сталъ изваянье.
Я зналъ, что не мыслю, что я не живу...
Но звукамъ молюся—и звуки зову.

К. Фофановъ.

1903 г.

Народная школа въ губерніяхъ Привислинскаго края.

(ОЧЕРЕДНЫЕ ВОПРОСЫ ВЪ ПРИВИСЛИНСКОМЪ КРАѢ).

Господствующее въ начальныхъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія направленіе соотвѣтствуетъ предначертаніямъ, указаннымъ для школъ Привислинскаго края въ Высочайшемъ указѣ 30-го августа 1864 г. и въ другихъ правительственныхъ распоряженіяхъ, изданныхъ въ разъясненіе названнаго указа. Учители и учительницы неуклонно исполняютъ хорошо извѣстныя имъ предписанія правительства, а также и всѣ вообще распоряженія мѣстнаго учебнаго начальства. Всѣ начальныя училища, для какой бы національности они ни были учреждены, вообще могутъ быть названы по своему строю и направленію русскими, государственными училищами. Не говоря объ училищахъ, открытыхъ въ мѣстностяхъ съ исключительно русскимъ населеніемъ, въ которыхъ все преподаваніе производится единственно лишь на языкѣ русскомъ, языкъ этотъ и во всѣхъ остальныхъ училищахъ Привислинья занялъ уже мѣсто, подобающее ему, какъ языку государственному, обязательному во всѣхъ родахъ службы. Для русскаго языка и въ этихъ училищахъ назначено сравнительно [наибольшее число уроковъ, которые даютъ учителю возможность при добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу, выполнить программу въ теченіе трехъ лѣтъ. Преподаваніе и другихъ предметовъ,—за исключеніемъ закона Божія, который въ школахъ для польскаго населенія преподается на польскомъ языкѣ, а въ евангелическихъ училищахъ—на нѣмецкомъ, а равно и за исключеніемъ природнаго языка учащихся, который, согласно существующимъ распоряженіямъ, можетъ быть преподаваемъ и

на семъ послѣднемъ языкѣ [1]),—происходитъ на русскомъ языкѣ. Успѣхи учащихся по названному предмету, говоря вообще, могутъ быть признаны удовлетворительными вполнѣ, а въ нѣкоторыхъ училищахъ—даже и весьма удовлетворительными [2]). Случаи же не вполнѣ достаточной удовлетворительности познаній учащихся по русскому языку, которые обнаруживаются въ тѣхъ или другихъ начальныхъ училищахъ Привислинья, зависятъ лишь отъ не вполнѣ добросовѣстнаго и умѣлаго отношенія къ дѣлу учителя и отъ неаккуратнаго посѣщенія школы учащимися. Во всѣхъ вообще училищахъ заведенъ и неослабно поддерживается надлежащій порядокъ, въ должной степени соблюдается классная дисциплина. Поведеніе учащихся оказывается весьма хорошимъ. Утвержденное начальниками учебныхъ дирекцій распредѣленіе учебныхъ часовъ выполняется

---

[1]) Ст. 3686 т. XI Св. Зак. Росс. Имп., изд. 1893 г., вполнѣ опредѣленно говоритъ о томъ, что въ начальныхъ училищахъ Привислинья всѣ предметы преподаются на русскомъ языкѣ, „за исключеніемъ Закона Божія и природнаго языка учащихся, которые *могутъ преподаваться* и на семъ послѣднемъ языкѣ". Тѣмъ не менѣе, согласно разъясненію окружнаго учебнаго начальства Привислинья, въ 1898 году, оказалось, что «по *прямому* смыслу» вышеприведенной ст. 3686 т. XI Св. Зак. Рос. Имп., изд. 1893 г., «Законъ Божій иностранныхъ исповѣданій и природный языкъ учащихся *преподаются* на семъ послѣднемъ языкѣ». *Законы*, выходитъ, „*всегда святы*"... А между тѣмъ, дѣло народнаго образованія имѣетъ, вѣдь, особенное значеніе въ Привислиньѣ, такъ какъ на немъ несомнѣнно, зиждется весь поступательный ходъ духовнаго единенія западной окраины Россіи съ ея центромъ.

[2]) Слѣдуетъ, однако, отмѣтить, что въ начальныхъ училищахъ Привислинскаго края съ 1899—1900 г. учебнаго года введено новое распредѣленіе ежедневныхъ учебныхъ занятій, причемъ значительно увеличено число уроковъ польскаго языка въ училищахъ для мѣстностей съ польскимъ населеніемъ и уменьшено число уроковъ славянскаго языка въ училищахъ для мѣстностей съ русскимъ населеніемъ. Это обстоятельство повлекло за собой, къ очевидному вреду для русскаго дѣла въ Привислиньѣ, вообще пониженіе въ послѣднее время уровня успѣшности учащихся въ русскомъ и славянскомъ языкахъ. Между тѣмъ, до 1899—1900 учебнаго года, при обученіи русскому языку въ начальныхъ училищахъ Привислинья, оказывалось возможнымъ не только книжное и письменное изученіе языка учащимися, но и усвоеніе ими правильной разговорной русской рѣчи. А занятія учащихся церковно-славянскимъ языкомъ направлялись, во-первыхъ, на усвоеніе ими вполнѣ правильнаго и сознательнаго чтенія и, во-вторыхъ, на возможно болѣе скорое и цѣлесообразное приложеніе познаній ихъ въ этомъ языкѣ къ чтенію и въ церкви, что имѣетъ особенное значеніе и въ глазахъ родителей учащихся. Такія прискорбныя колебанія въ проведеніи въ жизнь Привислинья государственныхъ началъ, безспорно, особенно нежелательны въ системѣ народнаго образованія.

правильно и въ точности. Вполнѣ аккуратно ведутся и классные журналы, именно: книга, въ которую вписывается каждый поступающій въ училище, съ обозначеніемъ необходимыхъ подробностей (возраста, званія, вѣроисповѣданія, времени первоначальнаго поступленія въ училище, перехода, затѣмъ, въ то или другое отдѣленіе училища и успѣшности по каждому изъ предметовъ курса училища), и классный журналъ, въ которомъ ежедневно отмѣчаются ученики, отсутствовавшіе до обѣда или послѣ, т. е. съ 8 ч. до 12 ч. утра и съ 2 ч. до 4 ч. пополудни. Такимъ образомъ по означенному журналу представляется полная возможность опредѣлить время начала и окончанія годичнаго ученія въ школѣ и степень исправности посѣщенія училища каждымъ учащимся. Въ школахъ нѣкоторыхъ учебныхъ дирекцій, независимо отъ указанныхъ журналовъ, ежедневно ведется: 1) книга недѣльнаго распредѣленія уроковъ, гдѣ точно обозначены учебныя занятія учениковъ по каждому предмету и по каждому отдѣленію училища и 2) журналъ воскресныхъ и вечернихъ занятій со взрослыми и учащимися, съ обозначеніемъ времени производства занятій, ихъ содержанія и числа лицъ (мужчинъ, женщинъ и дѣтей), посѣщающихъ эти занятія [1].

---

[1] Воскресныя и вечернія занятія и собесѣдованія со взрослыми и учащимися въ начальныхъ училищахъ люблинской и сѣдлецкой губерній обычно привлекаютъ въ училище весьма значительное число слушателей, свыше 10,000 въ каждой изъ названныхъ губерній. Самое меньшее число посѣтителей воскресныхъ и вечернихъ чтеній и собесѣдованій бываетъ 5—10 человѣкъ, а самое большее—150—200 человѣкъ. Въ нѣкоторыхъ начальныхъ училищахъ воскресныя и вечернія чтенія и собесѣдованія производятся только по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, въ другихъ—два, три и четыре раза въ недѣлю по вечерамъ, а въ третьихъ ежедневно. Воскресныя и вечернія занятія и собесѣдованія въ начальныхъ училищахъ состоятъ, обыкновенно, изъ религіозно-нравственныхъ бесѣдъ, чтенія и объясненія священнаго писанія, житій святыхъ, пѣнія церковнаго и свѣтскаго. Кромѣ того, ведется обученіе чтенію, письму и счету, читаются статьи изъ народныхъ журналовъ *„Воскресенія“*, *„Бесѣды“*, *„Науки“*, *„Богъ помощь“*, разсказы изъ русской исторіи и статьи по естествовѣдѣнію, сельскому хозяйству, огородничеству, садоводству и пчеловодству. Чтенія и собесѣдованія обычно происходятъ подъ руководствомъ или же при непосредственномъ участіи мѣстныхъ священниковъ, настоятелей православныхъ приходовъ, и ведутся учителями и учительницами начальныхъ училищъ, при участіи нерѣдко и мѣстныхъ псаломщиковъ. Въ училищахъ, снабженныхъ волшебными фонарями, воскресныя и вечернія чтенія и собесѣдованія сопровождаются и оживляются туманными картинами религіозно-нравственнаго, бытового, историческаго содержанія. Такія чтенія обычно привлекаютъ въ училище весьма значительное число посѣтителей. Въ

Матеріальный бытъ учителей и учительницъ, если еще и не можетъ быть признанъ вполнѣ и совершенно обезпеченнымъ, то, во всякомъ случаѣ, въ особенности въ люблинской, а также и въ сѣдлецкой губерніяхъ, не представляетъ собою въ настоящее время чего-либо безотраднаго. Жалованье учителя или учительницы простирается отъ 200 рублей до 550 рублей въ годъ и въ среднемъ выводѣ вообще превышаетъ 200 рублей [1]). Независимо отъ этого, учителямъ и учительницамъ отдѣльно выдается опредѣленная въ училищныхъ штатахъ сумма на наемъ прислуги и на отопленіе зданія училища и квартиры учителя. Весьма многіе учителя и учительницы, кромѣ того, пользуются огородомъ, пахотною или сѣнокосною землею и ссыпкою. Причемъ, соотвѣтственно существующимъ распоряженіямъ, постепенно, хотя и довольно вообще медленно, увеличивается число учителей, занимаю-

---

нѣкоторыхъ, правда, очень немногихъ училищахъ во время вечернихъ занятій производится, между прочимъ, обученіе ремесламъ и игрѣ на разнаго рода музыкальныхъ инструментахъ. Въ общемъ, вечернія и воскресныя занятія и собесѣдованія немало содѣйствуютъ развитію и укрѣпленію народнаго самосознанія.

[1]) Въ настоящее время, въ силу предъявляемой жизнью необходимости, естественно выдвигается на очередь давно назрѣвшій вопросъ о неотложной потребности увеличенія кредитовъ на начальное народное образованіе. А потому въ это время получаетъ особенный интересъ, между прочимъ, и нижеслѣдующая вѣдомость объ источникахъ содержанія начальныхъ училищъ холмской учебной дирекціи по уѣздамъ люблинской губерніи. Эта вѣдомость не требуетъ особыхъ комментаріевъ для соотвѣтственныхъ изъ нея выводовъ вообще и, въ частности, по вопросу объ отношеніи мѣстнаго населенія къ государственной школѣ и средствамъ ея содержанія.

Уѣзды люблинской губерніи.	Общая сумма, расход. на содержаніе начальн. у чил.		Въ томъ числѣ. Пособія отъ казны.		Пожертвов. изъ город. кассъ.		Отъ частн. записей.		Отъ складки. Съ христіанъ.		Съ евреевъ.	
	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
Холмскій	29,333	46	12,721	53	2.132	28	118	88	13,657	62	703	15
Грубешовскій .	32,974	87	13,574	33	150	—	459	86	17,903	33	889	35
Томашовскій . .	28,546	74	7,606	88	137	—	380	—	19,546	50	876	36
Бѣлгорайскій. .	12,176	95	4,062	56	30	—	—	—	7,405	70	678	69
Замостскій . . .	21,039	24	5,819	11	577	50	—	—	13,143	48	1,499	15
Красноставскій	14,883	27	3,607	69	1,677	30	10	—	9,208	84	379	44
Яновскій. . . .	10,900	3	2,214	42	55	—	338	—	7,514	93	777	68
Люблинскій . .	17,512	26	2,772	50	5,963	90	1,058	60	4,938	34	2,779	9[illegible]
Любартовскій .	10,061	36	1,571	58	—	—	7	50	7,945	13	537	15
Ново-Александр.	7,140	45	1,584	33	—	—	241	30	4,684	58	630	24
Всего по губерніи.	184,571	63	55,534	93	10,722	98	2,614	14	105,948	45	9,751	13

щихся съ успѣхомъ воздѣлываніемъ садовъ, огородовъ и полей на училищной землѣ. Это не только способствуетъ улучшенію условій жизни учителей, но также дѣлаетъ возможнымъ и вполнѣ цѣлесообразное употребленіе ими свободнаго отъ школьныхъ занятій времени. Кромѣ того, это содѣйствуетъ весьма желательному распространенію въ мѣстномъ крестьянскомъ населеніи необходимыхъ и правильныхъ знаній по садоводству, огородничеству и полеводству [1]). И нужно замѣтить, что учителя начальныхъ училищъ Привислинья, повидимому, все болѣе и болѣе проникаются сознаніемъ важности и цѣлесообразности веденія сельскаго хозяйства на училищныхъ участкахъ земли непосредственно для нихъ самихъ и для мѣстныхъ крестьянскихъ обществъ. Они хорошо понимаютъ, что когда крестьянинъ увидитъ, что хлѣбъ на полѣ учителя лучше, скотъ его жирнѣе, деревья въ его саду даютъ лучшіе плоды, работа пчелъ на его пасѣкѣ цѣлесообразнѣе, и его хозяйство вообще приноситъ ему сравнительно большій доходъ, чѣмъ хозяйство крестьянина, тогда онъ невольно увидитъ и сознаетъ непосредственную и очевидную пользу школы и книги. Онъ пойметъ, что онѣ даютъ человѣку не только развитіе умственныхъ и нравственныхъ силъ, но обезпечиваютъ и его благосостояніе, почувствуетъ дѣйствительное уваженіе къ учителю и станетъ вполнѣ надлежаще относиться къ школѣ вообще, находя въ сообщаемыхъ ею, полезныхъ во всѣхъ отношеніяхъ знаніяхъ и указанія разумной жизни, и отдыхъ, и пріятное времяпрепровожденіе, и радость, и счастье. Сообразно вышеизложенному, остается лишь желать, чтобы вопросъ о введеніи правильнаго преподаванія сельскаго хозяйства въ начальныхъ училищахъ, въ связи съ надѣленіемъ землею ихъ,

[1]) Въ виду вышесказаннаго, въ настоящее время является, прежде всего, вполнѣ желательнымъ надлежащее обезпеченіе быта сельскихъ начальныхъ учителей и учительницъ Привислинья по выходѣ ихъ въ отставку, за выслугой эмеритальной пенсіи или части оной. Названныя лица за 35-лѣтнюю службу въ должности учителя получаютъ нынѣ эмеритальную пенсію въ размѣрѣ лишь 120 рублей въ годъ, независимо отъ получаемаго на службѣ жалованья. Ожидаемое, согласно проекту 1882 года правилъ о назначеніи прибавочныхъ окладовъ къ жалованью учителямъ начальныхъ училищъ губерній Привислинскаго края, увеличеніе пенсіи названныхъ лицъ разрѣшитъ въ дѣйствительности болѣе или менѣе обезпеченіе быта лишь нѣкоторыхъ учителей и учительницъ по выходѣ ихъ въ отставку, именно тѣхъ, которые получаютъ не болѣе нормальныхъ окладовъ жалованья, сложенныхъ съ устанавливаемою означеннымъ проектомъ 1882 года прибавкою, и притомъ считаются лучшими и наиболѣе достойными.

а также и учительскихъ семинарій, поскорѣе получилъ полное осуществленіе на практикѣ. Остается желать, чтобы всѣмъ учителямъ народныхъ училищъ даны были необходимыя средства, чтобы быть первыми среди крестьянъ земледѣльцами, чтобы жить общею внутреннею жизнью съ тою средою, которая, такъ сказать, самоотверженно и съ доброю надеждою выдѣлила ихъ изъ себя и которую они, какъ счастливые избранники, просвѣщаютъ съ благодарностью и признательностью, сѣя на родныхъ имъ нивахъ разумное и доброе сѣмя правды, истины, знанія и всякаго свѣта.

Преподаваніе въ начальныхъ училищахъ Привислинскаго края и его особенности, само собою разумѣется, зависятъ, какъ и вездѣ, главнымъ образомъ, отъ степени развитія учителей и учительницъ, отъ ихъ педагогической подготовки, а также и отъ ихъ личнаго усердія къ дѣлу. Вмѣстѣ съ этимъ, однако, это преподаваніе, независимо отъ личности учителя, представляетъ и нѣкоторыя общія черты, въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ указаній мѣстнаго учебнаго начальства или установившейся практики. Черты эти слѣдующія:

1) Учащіеся въ начальныхъ народныхъ училищахъ обыкновенно дѣлятся на три отдѣленія, изъ которыхъ каждое имѣетъ свой особенный курсъ;

2) въ каждомъ отдѣленіи училища ученіе производится въ опредѣленной послѣдовательности и системѣ, а именно:

Первое отдѣленіе.

Съ поступающими въ училище учащимися, прежде всего, ведутся въ теченіе недѣли или двухъ подготовительныя бесѣды. Эти бесѣды имѣютъ цѣлью, во-первыхъ, заставить ребенка говорить, во-вторыхъ, ознакомить его съ правильными русскими названіями предметовъ, окружающихъ его въ школѣ, дома, на улицѣ и т. д. и, въ третьихъ, пріучить его, по крайней мѣрѣ, къ нѣкоторой дисциплинѣ: къ сидѣнію, когда его не спрашиваютъ, къ стоянію, когда онъ отвѣчаетъ, къ вниманію, когда говорятъ другіе. По достиженіи вышеуказанной цѣли, начинается уже самое ученіе, причемъ *по Закону Божію* учащимися православнаго исповѣданія изучаются въ послѣдовательномъ порядкѣ всѣ молитвы, указанныя въ программѣ, утвержденной святѣйшимъ синодомъ, съ надлежащимъ объясненіемъ ихъ смысла. Молитвы первоначально изучаются со словъ преподавателя, а потомъ, когда дѣти научатся читать, по изданнымъ святѣйшимъ синодомъ молитвенникамъ. Послѣ изученія всѣхъ главнѣйшихъ молитвъ, преподаватели Закона

Божія постепенно знакомятъ дѣтей, по картинамъ, съ тѣми событіями изъ священной исторіи, въ память которыхъ установлены двунадесятые праздники и праздникъ св. Пасхи, и достигаютъ вообще желательныхъ въ этомъ отношеніи результатовъ.

Нельзя при этомъ, однако, не замѣтить, что на успѣхи по Закону Божію дѣтей православнаго исповѣданія, происходящихъ отъ смѣшанныхъ браковъ и отъ *„упорствующихъ“* родителей [1]), оказываетъ вообще дурное вліяніе, во-первыхъ, плохое знаніе русскаго языка названными дѣтьми и, во-вторыхъ, неразуміе ихъ родителей. Дѣти отца православнаго и матери католички, какъ и дѣти лицъ *„упорствующихъ“*, обыкновенно говорятъ дома исключительно лишь по-польски. Поступая въ школу, они не только не знаютъ ни одной русской молитвы, но не умѣютъ даже перекреститься по-русски. Дѣти означенной категоріи и въ училищѣ постоянно составляютъ предметъ особой заботливости, такъ какъ они, подъ вліяніемъ своихъ родителей, совсѣмъ перестаютъ являться въ школу, если только имъ начинаютъ болѣе или менѣе неуклонно, безъ списхожденія, предъявлять какія-либо требованія по Закону Божію или вообще по вопросу религіи. Между тѣмъ, школа составляетъ до настоящаго времени единственный и весьма цѣлесообразный путь для воздѣйствія въ духѣ православія и началъ русской народности на *„упорствующихъ“*, чуждающихся общенія съ православнымъ духовенствомъ и всячески и всемѣрно уклоняющихся отъ исполненія обрядовъ и правилъ родной имъ, но нынѣ забытой православной религіи [2]).

---

[1]) Такъ въ губерніяхъ Привислинскаго края называются бывшіе уніаты, до настоящаго времени не возсоединившіеся съ православною церковью и русскимъ народомъ, хотя формально означенное возсоединеніе б. уніатовъ и состоялось еще въ 1875 году. Такихъ *„упорствующихъ“* въ люблинской и сѣдлецкой губерніяхъ даже по оффиціальнымъ даннымъ считается около 70 тысячъ человѣкъ. См. *„Историческую записку о Холмской Руси и городѣ Холмѣ“*. Спб., 1902 г. „Упорствующіе“ совершенно уклоняются отъ православія и до настоящаго времени не примирились съ церковью.

[2]) Среди дѣтей *„упорствующихъ“* родителей немало есть лицъ вовсе не крещенныхъ; уклоняются они и отъ св. причастія. Сказанное, однако, до 1898 года не служило препятствіемъ для посѣщенія дѣтьми *„упорствующихъ“* начальныхъ училищъ, которые, несомнѣнно, оказываютъ въ концѣ концовъ желательное воздѣйствіе на заблуждающихся. Съ указаннаго же времени признано было цѣлесообразнымъ увольнять изъ начальныхъ училищъ дѣтей *„упорствующихъ“*, такъ какъ они препятствуютъ учащимся выполнять требованія, обязательныя для православныхъ. Не значитъ ли это поддерживать *„упорство“* и въ моло-

Понятно, что преподаваніе Закона Божія православнаго исповѣданія, при означенныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ, находится въ весьма невыгодномъ положеніи, въ сравненіи съ преподаваніемъ вѣроученія римско-католическаго и евангелическаго, которое излагается на природномъ, понятномъ для дѣтей, языкѣ и не затрудняется никакими нежелательными вліяніями. Въ училищахъ для польскаго населенія, какъ и въ училищахъ евангелическихъ, въ первомъ отдѣленіи преподаются тоже молитвы, съ надлежащимъ объясненіемъ ихъ смысла.

По русскому языку въ первомъ отдѣленіи начальныхъ училищъ учители и учительницы имѣютъ въ виду, прежде всего, ознакомить учащихся съ механизмомъ чтенія. При этомъ, однако, они преслѣдуютъ и другія цѣли, именно: обогащеніе учащихся запасомъ русскихъ словъ и выраженій, не находящихся въ мѣстномъ говорѣ, пріученіе дѣтей къ правильному употребленію русской разговорной рѣчи и развитіе въ нихъ сознанія, пробужденіе вообще мысли. Обученіе грамотѣ почти во всѣхъ школахъ Привислинья ведется по звуковому методу совмѣстнаго обученія чтенію и письму. Значительное большинство учащихся, одни вслѣдствіе спеціальной подготовки въ учительскихъ семинаріяхъ, другіе—путемъ болѣе или менѣе продолжительной практики, вполнѣ усвоили тѣ пріемы, которые рекомендуются при означенномъ способѣ обученія. Остальные же находятся, за немногими сравнительно исключеніями, на пути къ надлежащему усвоенію соотвѣтственныхъ пріемовъ правильнаго обученія учащихся. По надлежащемъ ознакомленіи дѣтей со всѣми звуками и разнороднымъ ихъ сочетаніемъ, когда они могутъ уже болѣе или менѣе свободно разбирать каждое слово, преподаватели переходятъ къ чтенію связныхъ статей или къ такъ называемому объяснительному чтенію. Первоначально для чтенія избираются, по возможности,

---

домъ поколѣніи б. уніатовъ, которое можетъ съ теченіемъ времени освободиться отъ заблужденія родителей единственно лишь въ школѣ, въ ея доброжелательномъ и умиротворящемъ направленіи? Ужели нужно, при такихъ условіяхъ, гнать дѣтей заблуждающихся въ своемъ неразуміи въ латинство?..

По даннымъ «*Православнаго русско-американскаго календаря*» на 1903 годъ, изъ уніи въ 1901 году въ православіе присоединено въ Америкѣ 742 человѣка. Характерное и отрадное явленіе! Но неужели для возсоединенія съ вѣрою предковъ б. уніатамъ непремѣнно нужно ѣхать въ Америку? Мрачно и печально будущее «*упорствующихъ*», но оно укоризненно и для нашей совѣсти...

краткія по объему и легкія по содержанію статьи, причемъ отъ учащихся требуется чтеніе, свободное отъ мѣстнаго акцента [1]) и бѣглое, насколько, разумѣется, это выполнимо. Во время означеннаго чтенія связныхъ статей, учащимся объясняется каждое непонятное для нихъ слово и выраженіе и затѣмъ отъ нихъ требуется отчетъ въ прочитанномъ, т. е. пересказъ его сначала по вопросамъ учителя, а потомъ и въ связной устной рѣчи. Хотя грамматическія свѣдѣнія учащимся перваго отдѣленія вообще и не сообщаются, однако, путемъ звуковой диктовки, дѣти мало-по-малу пріучаются писать правильно, разумѣется, относительно, именно: безъ пропуска буквъ и безъ замѣны однихъ звуковъ другими, не сливая двухъ словъ въ одно и не раздѣляя одного слова на два, причемъ вниманіе учащихся постепенно останавливается на употребленіи буквъ: *и* и *і*, *ъ* и *ь*, *в* и *ф*, *г* и *х* и т. п. Вмѣстѣ съ объяснительнымъ чтеніемъ и письмомъ, сначала отдѣльныхъ словъ, потомъ цѣлыхъ предложеній, производятся и болѣе самостоятельныя работы: учащіеся, пріобрѣвшіе нѣкоторый навыкъ въ изображеніи буквъ, пишутъ отвѣты на вопросы учителя по поводу прочитаннаго и притомъ цѣлыми предложеніями, хотя совершенно краткими. Кромѣ того, со второго полугодія учебнаго года практикуется уже списываніе съ книги, сначала подъ руководствомъ учителя, который наблюдаетъ при этомъ, чтобы учащійся правильно прочелъ слово, замѣтилъ всѣ буквы и написалъ его, не смотря въ книгу, а потомъ и безъ надзора учителя, въ видѣ самостоятельной работы, во время

[1]) Послѣдовавшее въ 1899 году устраненіе русскихъ учителей и учительницъ изъ начальныхъ училищъ въ мѣстностяхъ съ польскимъ населеніемъ въ губерніяхъ Привислинскаго края, за исключеніемъ школъ Холмщины и Подляшья, а равно и закрытіе русскимъ доступа въ учительскія семинаріи означенной окраины Россіи, подготовляющія учителей-инородцевъ для начальныхъ училищъ, не могло, разумѣется, не произвести вреднаго вліянія на русское дѣло въ Привислиньѣ. Оказывалось, такимъ образомъ, что учитель-полякъ можетъ обучать учащихся русскому языку, а учитель-русскій не можетъ обучать ихъ польскому языку, хотя, согласно Высочайшему указу 30 августа 1864 года, учителями и учительницами въ губерніяхъ Привислинскаго края могутъ быть лица всѣхъ сословій и вѣроисповѣданій. Съ 1900 года служба русскихъ учителей въ начальныхъ училищахъ, расположенныхъ въ мѣстностяхъ съ польскимъ населеніемъ, обусловлена правильною постановкою преподаванія польскаго языка въ указанныхъ школахъ; такъ какъ, однако, доступъ въ инородческія семинаріи края для русскихъ, какъ сказано выше, закрытъ, то служба русскихъ учителей въ мѣстностяхъ съ польскимъ населеніемъ Привислинья можетъ, очевидно, не тревожить радѣтелей польской идеи.

занятій учителя съ другими отдѣленіями учащихся. Для чтенія въ первомъ отдѣленіи употребляется обыкновенно одна изъ слѣдующихъ книгъ: *„Русская и церковно-славянская грамота“* Грушецкаго, *„Русское слово“*, вып. I и *„Наше родное“*. г. I, Баранова, по которымъ учащіеся заучиваютъ наизусть и легкія, небольшія стихотворенія [1]). Тогда же, когда учащіеся перваго отдѣленія приступаютъ къ чтенію связныхъ статей по-русски, они начинаютъ учиться читать *по-церковно-славянски* въ русскихъ школахъ и *по-польски*—въ училищахъ для польскаго населенія. По церковно-славянски дѣти перваго отдѣленія читаютъ по грамотѣ Грушецкаго, букварю Ильминскаго, по книгѣ Баранова и по молитвенникамъ, а по-польски—по букварямъ Еске и Велиховскаго.

Изученіе *ариѳметики* въ первомъ отдѣленіи во всѣхъ почти начальныхъ училищахъ обычно начинается со всесторонняго разсмотрѣнія чиселъ до 20, причемъ, разумѣется, дѣти учатся изображать эти числа цифрами, а разнообразныя сочетанія ихъ—знаками. Въ предѣлахъ 20 учащіеся, подъ руководствомъ учителя, дѣлаютъ устно сложеніе, вычитаніе, умноженіе и дѣленіе, причемъ учитель пользуется при этомъ разнаго рода наглядными пособіями: счетами, кубиками, палочками и т. п Въ однихъ училищахъ, непосредственно за основательною разработкою чиселъ до 20, изучается нумерація до 1000 и первыя дѣйствія надъ отвлеченными числами. Въ другихъ, сравнительно весьма немногихъ, это изученіе переносится во второе отдѣленіе, а въ первомъ отдѣленіи продолжается всестороннее разсмотрѣніе чиселъ до 100. Вообще же въ начальныхъ училищахъ Привислинья съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе,

---

[1]) Въ настоящее время, собственно говоря, почти нѣтъ такихъ русскихъ книгъ для чтенія въ начальныхъ народныхъ училищахъ, которыя могли бы быть признаны во всѣхъ отношеніяхъ вполнѣ цѣлесообразными. Изданная же нѣсколько лѣтъ тому назадъ управленіемъ варшавскаго учебнаго округа книга: «*Русское слово*» составлена П. Руденскимъ въ высшей степени неудовлетворительно (ч. I и II). Поэтому на съѣздѣ начальниковъ учебныхъ дирекцій варшавскаго учебнаго округа еще въ 1900 году признано было неотложно необходимымъ составить двѣ новыя русскія книги для чтенія въ начальныхъ училищахъ Привислинскаго края: одну—для училищъ въ мѣстностяхъ съ русскимъ населеніемъ, и другую—для училищъ въ мѣстностяхъ съ инородческимъ населеніемъ. Проектъ изданія такихъ двухъ книгъ для чтенія, составленныхъ примѣнительно къ учебнымъ и образовательно-воспитательнымъ требованіямъ народныхъ училищъ и соотвѣтственно мѣстнымъ условіямъ, къ сожалѣнію, остается неосуществленнымъ и до настоящаго времени.

при преподаваніи ариѳметики, отдается предпочтеніе методамъ изученія не чиселъ, а дѣйствій надъ ними, по системѣ Гольденберга, которая принята съ 1891—2 учебнаго года окончательно и въ учительскихъ семинаріяхъ Привислинскаго края и въ образцовыхъ при нихъ училищахъ. Руководствами для учителей при преподаваніи ариѳметики, какъ въ первомъ отдѣленіи, такъ и въ остальныхъ служатъ обыкновенно слѣдующія: *„Ариѳметика по способу Груббе“* Паульсона, *„Руководство для учителей къ преподаванію начальной ариѳметики въ народныхъ школахъ“* Евтушевскаго, *„Сборникъ ариѳметическихъ задачъ и численныхъ примѣровъ“* его же, *„Методика начальной ариѳметики“* Гольденберга, *„Сборникъ задачъ и примѣровъ для обученія начальной ариѳметикѣ“*, вып. I и II, его же, каковыя пособія Гольденберга употребляются въ начальныхъ училищахъ Привислинья вообще предпочтительнѣе, нежели всѣ остальныя руководства.

Второе отдѣленіе.

По Закону Божію во второмъ отдѣленіи проходится священная исторія ветхаго и новаго завѣта. Учебною книгою по Закону Божію для учащихся второго отдѣленія въ значительномъ большинствѣ русскихъ начальныхъ училищъ служитъ *„Начальное наставленіе въ православной христіанской вѣрѣ“* Д. Соколова. Эта книга составлена примѣнительно къ программѣ по предмету Закона Божія, утвержденной святѣйшимъ синодомъ для начальныхъ училищъ. Въ нѣкоторыхъ же училищахъ употребляются *„Начатки православнаго христіанскаго ученія“* Филарета, или *„Книга для духовно-нравственнаго чтенія и первоначальнаго наставленія въ Законѣ Божіемъ“* Аѳинскаго. Нагляднымъ пособіемъ при изученіи священной исторіи въ весьма многихъ училищахъ служатъ *„Картины изъ священной исторіи ветхаго и новаго завѣта“* Крюкова. Въ училищахъ для польскаго населенія во второмъ отдѣленіи начальныхъ училищъ употребляется книга Козловскаго: *„Historya swięta i katechizm dla dzieci“* [1]).

По русскому языку и во второмъ отдѣленіи объяснитель-

---

[1]) Не излишне вообще отмѣтить, что съ 1899 года учителямъ начальныхъ училищъ воспрещено присутствовать на урокахъ ксендзовъ-законоучителей, за исключеніемъ лишь случаевъ, обусловливаемыхъ необходимостью поддержанія классной дисциплины, которая, разумѣется, на урокахъ ксендзовъ едва ли когда-либо нарушается. На урокахъ православныхъ священниковъ учителя начальныхъ училищъ, при желаніи, присутствуютъ беспрепятственно.

ное чтеніе составляетъ, такъ сказать, основу всего обученія. Статьи для чтенія здѣсь избираются болѣе обширныя и болѣе разнообразныя. При чтеніи требуется, чтобы самая интонація его была сходна по характеру съ интонаціею устной рѣчи, чтобы мысль читалась такъ же, какъ она высказывается въ разговорѣ, однимъ словомъ, чтобы чтеніе было правильное. При объясненіи прочитаннаго и при изложеніи его содержанія обращается уже вниманіе не столько на значеніе отдѣльныхъ словъ и выраженій, сколько на основную мысль прочитанной статьи, на связь между отдѣльными мыслями и на послѣдовательное, подробное и, по возможности, безъ вопросовъ учителя изложеніе содержанія прочитаннаго.

Письмо не ограничивается списываніемъ съ книги, но производится и подъ диктовку учителя. При этомъ первоначально прочитывается тотъ отрывокъ, который избирается для диктовки, затѣмъ объясняются слова, непонятныя дѣтямъ, припоминаются извѣстныя имъ или вновь уясняются необходимыя орѳографическія правила и, послѣ этого, закрывъ предварительно книги, они пишутъ диктовку. Диктовка даетъ вообще весьма много грамматическаго матеріала и постоянно вызываетъ разнаго рода этимологическіе и синтаксическіе вопросы. Является, такимъ образомъ, необходимость познакомить учащихся съ склоненіями и спряженіями словъ, съ согласованіемъ именъ существительныхъ съ прилагательными, съ отдѣляемостью предлоговъ и нераздѣльностью приставокъ, съ составомъ простого предложенія, употребленіемъ знаковъ препинанія и т. п. Означенныя грамматическія свѣдѣнія сообщаются дѣтямъ постепенно и притомъ чисто практическимъ путемъ, безъ всякаго учебника. Они служатъ для учениковъ необходимымъ объясненіемъ и указаніемъ правописанія словъ и окончательно закрѣпляются въ ихъ сознаніи при грамматическомъ разборѣ, къ которому учащіеся мало-по-малу переходятъ отъ разбора логическаго. Для чтенія во второмъ отдѣленіи начальныхъ училищъ обыкновенно употребляются слѣдующія книги: *„Книга для чтенія“* Водовозова, *„Книга для чтенія въ одноклассныхъ училищахъ“* Радонежскаго, *„Наше родное“*, г. II, Баранова, *„Русское слово“*, вып. II (въ школахъ для русскаго населенія) и *„Книга для чтенія и практическихъ упражненій въ русскомъ языкѣ“* Паульсона, *„Русское слово“*, вып. II (въ школахъ для польскаго населенія). По этимъ книгамъ дѣти заучиваютъ наизусть и избранныя стихотворенія.

По церковно-славянски учащіеся второго отдѣленія читаютъ съ учителемъ, для пополненія свѣдѣній по священной исторіи,

тѣ главы изъ историческихъ книгъ ветхаго завѣта, которыя помѣщены въ книгахъ для чтенія по русскому языку, а также и Евангеліе, съ переводомъ читаемаго на русскій языкъ. Независимо отъ сего, въ видахъ пріобрѣтенія бѣглости чтенія и для полученія возможности скорѣе приложить къ дѣлу свои познанія въ церковно-славянскомъ чтеніи, учащіеся постоянно читаютъ часословъ и псалтирь.

По-польски читается въ школахъ для польскаго населенія христоматія Дубровскаго, съ соотвѣтственнымъ переводомъ читаемаго на русскій языкъ.

По ариѳметикѣ во второмъ отдѣленіи начальныхъ училищъ изучается нумерація чиселъ любой величины и систематически проходятся четыре дѣйствія надъ отвлеченными числами и повѣрка оныхъ. При этомъ дѣти постоянно упражняются въ устномъ и письменномъ рѣшеніи соотвѣтственныхъ задачъ по плану, составляемому подъ руководствомъ учителя и при участіи учащихся. Руководства употребляются тѣ же, что и въ первомъ отдѣленіи училищъ.

Третье отдѣленіе.

По Закону Божію въ третьемъ отдѣленіи учащимся объясняется символъ вѣры и заповѣди Божіи и, сверхъ того, они знакомятся съ церковнымъ богослуженіемъ. Учебныя книги въ третьемъ отдѣленіи употребляются тѣ же, что и во второмъ, и, кромѣ того, въ нѣкоторыхъ училищахъ для русскаго населенія, особенно въ двухклассныхъ,—„*Пространный катихизисъ*“ Филарета.

По русскому языку объяснительное чтеніе ведется вообще такъ же, какъ и во второмъ отдѣленіи начальныхъ училищъ, причемъ употребляются слѣдующія книги: „*Первая пчелка*“ Поливанова, „*Наше родное*“, г. III, Баранова, „*Книга для чтенія*“, годъ I и II, его же, „*Родина*“ Радонежскаго и „*Книга для чтенія*“ Паульсона. Для чтенія, однако, избираются статьи не исключительно литературнаго характера, а и такія, между прочимъ, содержаніе которыхъ имѣетъ близкое отношеніе къ преподаванію въ третьемъ отдѣленіи исторіи, географіи и естествовѣдѣнія и которыя поэтому могутъ дополнять уроки по названнымъ предметамъ и вообще расширять кругъ познаній учащихся. Послѣ устнаго пересказа прочитаннаго, въ третьемъ отдѣленіи начальныхъ училищъ требуется и пересказъ письменный по плану, составляемому подъ руководствомъ учителя, а затѣмъ и самостоятельное составленіе учащимися,

по плану, небольшихъ разсказовъ, описаній и писемъ. Изъ грамматики въ третьемъ отдѣленіи сообщаются практическимъ путемъ болѣе подробныя свѣдѣнія о частяхъ рѣчи, о составѣ сложнаго предложенія и о соотвѣтственныхъ знакахъ препинанія. Свѣдѣнія эти, по прежнему, закрѣпляются въ сознаніи учащихся при грамматическомъ разборѣ и постоянно сопровождаются надлежащими объясненіями учителя во время исполненія и исправленія имъ диктовокъ. Диктовки же принимаютъ въ этомъ отдѣленіи характеръ повѣрочнаго и систематическаго упражненія, направленнаго къ возможно болѣе сознательному усвоенію дѣтьми основныхъ правилъ правописанія. Заучиваніе наизусть стихотвореній продолжается въ третьемъ отдѣленіи, но здѣсь уже обращается вниманіе по преимуществу на выразительное и соотвѣтственное произношеніе означенныхъ стихотвореній [1]).

На урокахъ *по церковно-славянскому чтенію* въ третьемъ отдѣленіи начальныхъ училищъ ученики читаютъ часословъ и псалтирь и при этомъ, независимо отъ перевода прочитаннаго на русскій языкъ, вниманіе ихъ останавливается и на особенностяхъ въ измѣненіяхъ словъ и въ построеніи рѣчи славянской по сравненію съ русскою: на употребленіи въ славянской рѣчи дательнаго самостоятельнаго падежа, двухъ винительныхъ и двухъ именительныхъ падежей и т. д.

На урокахъ *польскаго языка* продолжается чтеніе и переводъ на русскій языкъ статей по хрестоматіи Дубровскаго.

По ариѳметикѣ въ третьемъ отдѣленіи обыкновенно проходятся дѣйствія надъ составными именованными числами и рѣшаются соотвѣтственныя задачи. Въ лучшихъ одноклассныхъ школахъ и въ двухклассныхъ училищахъ, дѣти знакомятся, кромѣ того, съ вычисленіемъ поверхности и объема тѣлъ и проходятъ элементарный курсъ дробей. Программа этого

[1]) Второй классъ въ начальномъ двухклассномъ училищѣ по русскому языку, собственно говоря, не представляетъ для дѣтей ничего новаго: въ немъ продолжаются тѣ же занятія, которыя производятся и въ третьемъ отдѣленіи начальнаго одноклассного училища, и дѣти окончательно усваиваютъ грамматическія правила, въ примѣненіи ихъ къ правописанію и разбору при чтеніи. Дочитывается книга, употребляемая въ третьемъ отдѣленіи одноклассного начальнаго училища, пишутся переложенія и небольшіе разсказы, изучаются болѣе серьезныя стихотворенія, съ подробными объясненіями, и въ лучшихъ начальныхъ училищахъ сообщаются основныя правила о построеніи и составленіи небольшихъ и нетрудныхъ описаній, повѣствованій, писемъ и дѣловыхъ бумагъ. Рядомъ съ этимъ исполняются соотвѣтственныя письменныя упражненія.

курса приблизительно такая: происхожденіе и составъ дробей; сравненіе дробей; дроби правильныя и неправильныя; смѣшанныя числа; обращеніе цѣлыхъ и смѣшанныхъ чиселъ въ дроби и наоборотъ: нахожденіе одной или нѣсколькихъ частей даннаго числа и нахожденіе цѣлаго по даннымъ частямъ; признаки дѣлимости чиселъ и разложеніе ихъ на множителей; общій наибольшій дѣлитель; наименьшее кратное число и нахожденіе общаго наибольшаго дѣлителя и наименьшаго кратнаго числа; выраженіе дроби въ различныхъ видахъ; сокращеніе дробей и приведеніе ихъ къ одному знаменателю: четыре дѣйствія надъ дробями; десятичныя и періодическія дроби [1]).

Преподаваніе *географіи* въ третьемъ отдѣленіи ведется вообще довольно цѣлесообразно, хотя учители и учительницы слѣдуютъ при этомъ разнымъ способамъ. Такъ, одни изъ нихъ предпосылаютъ изученію этого предмета ознакомленіе учащихся съ классною комнатою, причемъ дѣти чертятъ ее и получаютъ понятіе о масштабѣ,—съ училищнымъ домомъ и дворомъ, съ деревней, въ которой находится училище, а также и съ ея окрестностями. Отъ деревни переходятъ къ изученію гмины, уѣзда, губерніи, Привислинскаго края, потомъ цѣлой Россійской имперіи. Затѣмъ сообщаютъ необходимѣйшія свѣдѣнія о другихъ, наиболѣе замѣчательныхъ государствахъ Европы, о частяхъ свѣта и о земномъ шарѣ. Другіе, наоборотъ, прежде всего, сообщаютъ дѣтямъ общія свѣдѣнія о земномъ шарѣ и раздѣленіи его на части свѣта, замѣчательнѣйшихъ государствахъ, въ особенности въ Европѣ и на границахъ Россіи, и, наконецъ, приступаютъ къ изученію Россійской имперіи. При этомъ они знакомятъ учащихся съ ея границами, пространствомъ, морями, рѣками, озерами, горами, съ ея народонаселеніемъ, административнымъ дѣленіемъ, замѣчательнѣйшими городами и болѣе важными пунктами промышленной и торговой дѣятельности въ ней. Наконецъ, третьи ограничиваются изученіемъ только Россіи, слѣдуя, въ общемъ, плану руководствъ, которыя находятся у нихъ подъ руками. Обыкновенно, кромѣ глобуса и географическихъ картъ, учителями и

---

[1]) Во второмъ классѣ начальныхъ двухклассныхъ училищъ учащіеся упражняются также и въ рѣшеніи задачъ, относящихся къ правиламъ: тройному, смѣшенія, товарищества и процентовъ (по способу приведенія къ единицѣ, а въ нѣкоторыхъ училищахъ—и при помощи пропорцій) причемъ имъ сообщаются и главныя основанія *планиметріи*, въ связи со съемкою плановъ и нанесеніемъ ихъ на бумагу.

учительницами употребляются слѣдующія руководства по географіи: *„География для народныхъ и другихъ элементарныхъ училищъ“* Пуцыковича, *„Учебная книга географіи“* Смирнова, *„Краткая географія для народныхъ школъ“* Яковлева. При прохожденіи географіи ученики упражняются въ черченіи картъ, сначала подъ руководствомъ учителя, по сѣткѣ, на классной доскѣ, а потомъ и на бумагѣ, обнаруживая при этомъ большую вообще охоту къ раскрашиванію начерченныхъ картъ. Въ нѣкоторыхъ училищахъ учащіеся чертятъ географическія карты весьма хорошо.

Сообщеніе ученикамъ третьяго отдѣленія *свѣдѣній объ окружающей природѣ* сосредоточивается, прежде всего, на общей группировкѣ данныхъ, извлеченныхъ ими изъ ихъ книги для чтенія. Данныя эти касаются наиболѣе замѣчательныхъ или чаще встрѣчающихся въ сельскомъ быту и въ данной мѣстности предметовъ природы изъ царства животнаго, растительнаго и минеральнаго, наиболѣе полезныхъ или вредныхъ человѣку. А потомъ уже объясняются тѣ физическія явленія, которыя наблюдаются учениками въ окружающей ихъ природѣ: облака, туманъ, дождь, снѣгъ, вѣтеръ и т. д. Руководствами для учителей при сообщеніи учащимся всѣхъ этихъ свѣдѣній обыкновенно служатъ слѣдующія: *„Естественная исторія“* Степанова, *„Краткій курсъ естественной исторіи“* Вараввы, и *„Бесѣды о природѣ“* Зобова.

Русская исторія обыкновенно проходится въ начальныхъ училищахъ эпизодически. Учащіеся знакомятся съ наиболѣе замѣчательными личностями и наиболѣе важными событіями, причемъ о событіяхъ и личностяхъ менѣе важныхъ упоминается лишь для связи. Мѣста историческихъ событій указываются учащимся на картѣ; запечатлѣніе въ ихъ умѣ означенныхъ событій, а равно и замѣчательныхъ историческихъ лицъ достигается также и употребляемыми въ училищахъ историческими картинами и изданіемъ Бороздина: *„Россійскій Царственный Домъ Романовыхъ“*. Руководствами по исторіи обыкновенно служатъ слѣдующія: *„Краткая отечественная исторія въ разсказахъ для народныхъ училищъ“* Рождественскаго, *„Исторія Россіи для народныхъ училищъ“* Острогорскаго и *„Русская исторія для начальныхъ школъ“* Горбова.

Кромѣ указанныхъ выше предметовъ, во всѣхъ начальныхъ училищахъ Привислинскаго края преподаются еще слѣдующіе: чистописаніе, рисованіе (черченіе), пѣніе и гимнастика, а въ женскихъ училищахъ, вмѣсто послѣдней, рукодѣлія.

На *чистописаніе*, которое имѣетъ вообще, кромѣ практическаго, важное и воспитательное значеніе, въ смыслѣ пріученія къ порядку, вниманію и аккуратности, постоянно обращается серьезное вниманіе учащихъ, такъ что каллиграфія имѣется въ виду при каждой вообще письменной работѣ дѣтей: при списываніи съ книги, диктантѣ, грамматическихъ упражненіяхъ и переложеніяхъ прочитаннаго. Независимо отъ этого, на особыхъ урокахъ учащіеся занимаются письмомъ съ прописей, съ обращеніемъ вниманія на красоту почерка. Въ нѣкоторыхъ школахъ письмомъ занимаются подъ тактъ, причемъ объясняются дѣтямъ каллиграфическія правила и составныя части (элементы) буквъ; въ другихъ же училищахъ обученіе чистописанію ведется стариннымъ способомъ. Несмотря на это, учащіеся, посѣщающіе училище болѣе или менѣе продолжительное время, выучиваются писать очень порядочно, а въ нѣкоторыхъ училищахъ—даже хорошо. Тетради ихъ содержатся довольно чисто. Пишутъ сначала по сѣткѣ, по двумъ линейкамъ, затѣмъ по одной и, наконецъ, вовсе безъ линеекъ. Вполнѣ правильное занятіе чистописаніемъ въ значительной степени затрудняется нерѣдко невполнѣ удобнымъ или тѣснымъ помѣщеніемъ класса. Въ однихъ училищахъ, при многолюдствѣ дѣтей, не представляется возможнымъ надлежащее размѣщеніе ихъ на классныхъ скамейкахъ для писанія, а въ другихъ препятствіемъ для вполнѣ соотвѣтственныхъ занятій чистописаніемъ является отсутствіе надлежащаго освѣщенія класса, въ особенности въ зимнее время. Всѣ вообще учители и учительницы, по возможности, преслѣдуютъ главныя задачи чистописанія: четкость, красоту и быстроту письма, хотя, разумѣется, послѣднее свойство и зависитъ, главнымъ образомъ, отъ долговременной практики. Пособіями при обученіи чистописанію обыкновенно служатъ прописи Гербача, Пуцыковича, Ступина и Погоскаго.

Обученіе *пѣнію* иначе ведется въ училищахъ для польскаго и иначе въ училищахъ для русскаго населенія. Въ первыхъ учителя и учительницы ограничиваются чаще всего разучиваніемъ съ дѣтьми русскаго народнаго гимна, а иногда и нѣсколькихъ народныхъ пѣсенъ. Въ русскихъ начальныхъ училищахъ тоже разучивается народный гимнъ и нѣсколько народныхъ пѣсенъ, но главное вниманіе обращается на изученіе церковнаго пѣнія. Во всѣхъ почти русскихъ училищахъ дѣти могутъ пропѣть литургію, въ большинствѣ же школъ, кромѣ того, и вечерню, утреню и другія церковныя службы. При тѣхъ училищахъ, которыя находятся

въ селеніяхъ, гдѣ есть церкви, вездѣ заведены церковные хоры изъ учащихся, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и изъ взрослыхъ, прежде учившихся въ школѣ [1]). Насколько эти хоры удовлетворительны вообще, можно судить по тому, что въ послѣдніе годы преосвященные, отправляясь для обозрѣнія церквей, никогда не берутъ съ собою своихъ пѣвчихъ; при архіерейскихъ служеніяхъ вездѣ поютъ хоры изъ дѣтей, обучающихся въ школахъ, и изъ лицъ, учившихся въ нихъ прежде.

Черченіе и *рисованіе*, какъ и *рукодѣлія* (послѣднія—въ женскихъ училищахъ), имѣютъ важное приложеніе въ жизни, такъ какъ знакомятъ учащихся съ составомъ и изображеніемъ въ чертежѣ разныхъ принадлежностей ремеслъ, а дѣвочекъ—съ необходимыми въ ихъ быту рукодѣліями. Учащіеся сначала чертятъ на тетрадяхъ, разграфленныхъ на небольшіе квадратики, съ классной доски, какой-нибудь образецъ, начерченный учителемъ: прямыя линіи, косвенныя, прямоугольники, квадраты и т. п. Затѣмъ переходятъ постепенно отъ простѣйшихъ фигуръ къ болѣе труднымъ, систематически изложеннымъ въ „*Начальномъ рисованіи и черченіи*“ Малинина. Для развитія глазъ и пальцевъ, учащіеся чертятъ различные орнаментальные эллипсисы. Ученики старшаго отдѣленія, въ видахъ подготовки къ рисованію предметовъ природы, срисовываютъ различные углы геометрическихъ фигуръ въ оттѣнкахъ, чертятъ различныя орудія ремеслъ, съ объясненіемъ ихъ названій, назначенія и состава, знакомятся болѣе или менѣе съ основныма правилами перспективы и рисуютъ разныхъ животныхъ, растенія и людей [2]).

По рукодѣліямъ учащіяся въ женскихъ училищахъ знакомятся практическимъ путемъ съ производствомъ наиболѣе необходимыхъ въ домашнемъ быту работъ.

Гимнастикой ученики занимаются обыкновенно ежедневно, въ свободное отъ уроковъ время, преимущественно предъ началомъ послѣобѣденныхъ учебныхъ занятій. Независимо отъ этого, когда учитель замѣчаетъ утомленіе учащихся, онъ

[1]) Устройство церковныхъ хоровъ изъ учащихся все болѣе и болѣе содѣйствуетъ утвержденію постепенно распространяющагося въ холмско-варшавской епархіи обычая всенароднаго пѣнія въ сельскихъ церквахъ.

[2]) Кромѣ изданія Малинина, пособіями при обученіи учащихся черченію и рисованію служитъ обыкновенно еще и нижеслѣдующія: «*Образцы рисованія*» Гербача, «*Черченіе и рисованіе*» Пуцыковича, «*Курсъ черченія для начальныхъ училищъ*» Савенко, «*Начала линейнаго черченія*» Гловинскаго.

обыкновенно прерываетъ на нѣсколько минутъ урокъ, заставляетъ ихъ исполнять въ это время разнаго рода несложныя гимнастическія тѣлодвиженія: головныя, ручныя и т. д., примѣнительно къ указаніямъ руководства для вольныхъ гимнастическихъ движеній Клостермана и для строевыхъ упражненій Кольбе.

Было бы, однакоже, ошибочно думать, на основаніи вышеизложеннаго о ходѣ преподаванія въ начальныхъ училищахъ Привислинскаго края, что успѣшность учащихся въ этихъ училищахъ можетъ быть признана вполнѣ достаточною. Что это такъ, доказательствомъ служитъ сравнительно малый процентъ получающихъ льготы по образованію при отбываніи воинской повинности [1]) и вообще малый процентъ учениковъ, доходящихъ до третьяго отдѣленія училищъ. Но, съ другой стороны, было бы несправедливо обвинять въ этомъ исключительно лишь учащихъ. Правда, среди учителей и учительницъ этого края есть еще немало лицъ, вовсе не подготовленныхъ или недостаточно подготовленныхъ къ правильному исполненію лежащихъ на нихъ обязанностей, а также и вообще несоотвѣтственныхъ въ томъ или другомъ отношеніи занимаемому ими положенію. Однако, за означенными исключеніями, эти учителя и учительницы вообще и понимаютъ свое дѣло, и ведутъ его, по мѣрѣ силъ и способностей, съ достаточнымъ усердіемъ. Но на успѣхи учащихся весьма значительное вліяніе, независимо отъ сравнительно рѣдкаго вообще посѣщенія училищъ начальниками учебныхъ дирекцій [2]), оказываютъ другія обстоятельства. Сюда относится, во-первыхъ, неаккуратное по-

---

[1]) Такъ, напримѣръ, въ холмской учебной дирекціи, одной изъ наиболѣе обширныхъ, испытаніе на льготу по воинской повинности, опредѣленную п. 4 ст. 56 устава о воинской повинности, выдержали.

Въ	1897/8	учебномъ	году	214	учащихся	изъ общаго	числа	219 подвергавшихся испытанію;
»	1898/9	»	»	271	»	»	»	» 283
»	1899/0	»	»	538	»	»	»	» 569
»	1900/1	»	»	622	»	»	»	» 648

Между тѣмъ, въ 1900 году въ начальныхъ училищахъ холмской учебной дирекціи обучалось всего мальчиковъ 16,464. Значительны цифры учащихся и въ предшествовавшіе годы.

[2]) Сравнительно рѣдкое посѣщеніе училищъ начальниками учебныхъ дирекцій объясняется тѣмъ, что они завалены огромнымъ количествомъ работы по управленію означенными дирекціями. Въ ихъ вѣдѣніи состоятъ среднія женскія учебныя заведенія, учительскія семинаріи и разнаго типа начальныя училища, и при этомъ они ведутъ

сѣщеніе школы дѣтьми, изъ которыхъ лишь самые исправные бываютъ въ училищѣ въ теченіе года [1]) не болѣе 100—110 дней, а большинство—едва половину этого времени; во-вторыхъ, неодновременное поступленіе ихъ въ начальныя училища и, въ третьихъ, разновременное и совершенно произвольное выбытіе ихъ изъ означенныхъ училищъ. При такихъ обстоятельствахъ приходится, по необходимости, довольствоваться и тѣмъ, что даетъ вообще начальная школа въ Привислиньѣ нынѣ. Результаты же ученія въ этой школѣ таковы: пробывъ въ училищѣ два-три года, дѣти выучиваются молиться Богу, пріобрѣтаютъ необходимѣйшія свѣдѣнія по Закону Божію и умѣютъ вообще достаточно удовлетворительно читать, писать и считать. Для достиженія же вполнѣ желательныхъ результатовъ оказывается необходимымъ, во-первыхъ, увеличить, по крайней мѣрѣ, въ большихъ учебныхъ дирекціяхъ, число инспекторовъ начальныхъ училищъ. Это дало бы возможность вполнѣ правильно слѣдить за ходомъ учебнаго дѣла, постоянно руководить соотвѣтственными указаніями учителей означенныхъ училищъ и не давать имъ, такъ сказать, опускаться нравственно. И, во-вторыхъ, необходимо сдѣлать начальное образованіе безусловно обязательнымъ для всѣхъ безъ исключенія дѣтей школьнаго возраста и установить также обязательный налогъ на содержаніе начальныхъ училищъ. При этомъ учи-

---

весьма большую канцелярскую переписку, которая доходитъ, напримѣръ, въ холмской и сѣдлецкой учебныхъ дирекціяхъ до 15—16 тысячъ исходящихъ бумагъ въ годъ. Если же принять во вниманіе еще и разнаго рода занятія ихъ въ губернскихъ учрежденіяхъ (въ совѣтѣ общественнаго призрѣнія, въ благотворительныхъ учрежденіяхъ, въ церковныхъ братствахъ, въ попечительствахъ о народной трезвости и т. п.), то окажется, что у нихъ нѣтъ положительно возможности посвящать ревизіи начальныхъ училищъ столько времени, сколько на это было бы необходимо для пользы дѣла. Въ особенности же нужно принять во вниманіе то, что ученіе въ начальныхъ училищахъ Привислинья производится ежегодно лишь съ ноября по мартъ, а собираніе учащихся въ иное время для ревизіи училищъ не только вызываетъ вполнѣ справедливыя нареканія крестьянъ, лишающихся въ такомъ случаѣ работниковъ, но, какъ свидѣтельствуетъ опытъ, сопровождается и разнаго рода неудобствами. Институтъ инспекторовъ народныхъ училищъ, даже и въ виду ограниченности числа лицъ, составляющихъ оный, не устраняетъ обязательности непосредственной ревизіи начальниками учебныхъ дирекцій подвѣдомственныхъ имъ учебныхъ заведеній.

[1]) Учебный годъ въ начальныхъ училищахъ Привислинскаго края очень кратокъ (съ ноября по мартъ), что зависитъ отъ продолжительности, вслѣдствіе сравнительной мягкости климата, полевыхъ работъ, отвлекающихъ большинство учащихся отъ посѣщенія школъ.

не учреждено ни одного училища. Это обстоятельство объясняется тѣмъ, что мѣстное крестьянское населеніе, находясь подъ постояннымъ и неослабнымъ давленіемъ шляхты и въ особенности римско-католическаго духовенства [1]), нерѣдко относится съ предубѣжденіемъ къ русской государственной школѣ и потому упорно отказывается отъ расходовъ на ея содержаніе. Дѣти же такихъ крестьянъ обучаются польской грамотѣ или на дому лицами, не имѣющими права заниматься преподаваніемъ, или же въ тайныхъ школахъ, причемъ, несомнѣнно, обученіе это ведется въ духѣ, несогласномъ съ видами правительства [2]). Никакія полицейскія мѣры и административныя взысканія не въ состояніи пресѣчь этого зла, которое наноситъ существенный вредъ русской государственной народной школѣ Привислинья. Между тѣмъ, школа эта, по идеѣ законодателя, должна способствовать обновленію гражданскаго быта населенія этого края и сліянію его въ нераздѣльное цѣлое съ остальною частью Россійской имперіи. Такъ какъ ни одна изъ благодѣтельныхъ реформъ минувшихъ двухъ царствованій не въ состояніи была оказать такого благотворнаго вліянія на распространеніе истинныхъ

---

[1]) Крестьяне въ губерніяхъ Привислинскаго края постоянно возбуждаются противъ русской государственной школы поученіями и наставленіями краковской газеты: «*Polak*», которая усердно распространяется врагами Россіи среди польскаго населенія и обращается къ этому населенію съ настойчивымъ воззваніемъ: «*Dopoki w szkole nie będzie nauki w języku polskim, nie dawajmy na nią pieniędzy, nie posylajmy do niej dzieci*», тѣмъ болѣе, что «*rząd chce wynarodowić lud polski za pomocą szkoly*», и съ этою цѣлью «*woli dopuscić księży do szkoly, do wykladu nauki religii, byle tylko w ten sposób zachęcić lud do posylania dzieci do szkól rządowych*», въ которыхъ «*nie można wynarodowić ludu bez pomocy duchowieństwa*», такъ какъ «*bez księży nie można zapędzać dzieci polskie do szkoly*» («*Polak*», № 7, 1902 г). Нельзя также оставлять безъ вниманія того, что дѣлается въ послѣднее время мѣстными врагами русской государственной школы въ Привислиньѣ. Въ бѣлгорайскомъ (Пуща-Сольская), замостскомъ (Мокрелипе) уѣздахъ люблинской губерніи, какъ и въ другихъ мѣстностяхъ, съ большимъ успѣхомъ совершается теперь походъ противъ начальныхъ народныхъ училищъ, въ видахъ систематическаго отвлеченія отъ нихъ мѣстнаго крестьянскаго населенія края. Ужъ не отцы ли бернардины изъ Мокрелипъ идутъ снова къ Радочницѣ? Въ жизни Холмской Руси Радочницкій монастырь, несомнѣнно, имѣетъ особенное значеніе и потому можетъ обращать на себя вниманіе враговъ Россіи.

[2]) Послѣдовавшее съ 1900 года повсемѣстное открытіе въ губерніяхъ Привислинскаго края сельскихъ дневныхъ пріютовъ («*охронъ*»), несомнѣнно, увеличило число тайныхъ школъ съ польскимъ языкомъ преподаванія и вполнѣ нежелательнымъ его направленіемъ. См. «*Московскія Вѣдомости*», 1903 г., № 110, отъ 23 апрѣля.

идей русской государственности въ этомъ краѣ, какъ начальная народная школа, то отнюдь не слѣдуетъ жалѣть денежныхъ средствъ для постановки этой школы въ такое независимое матеріальное и нравственное положеніе, при которомъ она была бы въ состояніи выполнить свою высокую культурную задачу. Когда, при обязательномъ обученіи и таковомъ же налогѣ на содержаніе начальныхъ училищъ, западная окраина Россіи покроется густою сѣтью русскихъ начальныхъ училищъ, тогда ни ксендзъ, ни шляхтичъ не въ состояніи будутъ съ успѣхомъ вселять крестьянамъ предубѣжденіе къ государственной школѣ; тогда истинное просвѣщеніе темнаго народа сдѣлаетъ надлежащіе успѣхи, и задача огражденія этого народа отъ разнаго рода тлетворныхъ ученій и вѣяній будетъ осуществлена въ дѣйствительности.

Библіотеки начальныхъ училищъ Привислинскаго края, вслѣдствіе незначительности суммъ, полагаемыхъ училищными штатами на пополненіе ихъ, вообще весьма небогаты. Однако, самыми необходимыми учебными пособіями и руководствами для учителей онѣ спабжены, и въ пользованіи учащихся находится вообще достаточное количество букварей и другихъ учебниковъ. Въ видахъ установленія надлежащей связи со школою лицъ, получившихъ первоначальное образованіе въ сельскихъ и гминныхъ училищахъ, и въ видахъ предоставленія также простому народу религіозно-нравственнаго чтенія и истиннаго его просвѣщенія,—при начальныхъ училищахъ постепенно открываются на средства казны и отчасти на пожертвованія мѣстныхъ крестьянскихъ обществъ русскія и русско-польскія народныя библіотеки. Онѣ правильно организованы, снабжены соотвѣтственными книгами и періодическими изданіями, и имѣютъ, между прочимъ, задачею своею противодѣйствовать тому чтенію, которое распространяется среди народа его врагами [1]). Изъ означенныхъ библіо-

[1]) Указанная задача народныхъ библіотекъ въ губерніяхъ Привислинскаго края, повидимому, достигается, по крайней мѣрѣ, въ извѣстной степени. Объ этомъ можно судить, между прочимъ, по грознымъ предупрежденіямъ краковской газеты «*Polak*» относительно пользованія книгами для чтенія изъ названныхъ библіотекъ. «*Ci, jeżeli już dzieci posylają na naukę do szkoly rządowej, winni pilne mieć oko na każdą książkę, którą nauczyciel dzieciom wtyka; książki biblioteczne winni zaraz odbierać i odnosić do szkoly*», знаменательно и не безъ предвзятой, разумѣется, цѣли поучаетъ предусмотрительная газета своихъ читателей, въ № 8 названнаго изданія за 1902 годъ, и при этомъ настойчиво прибавляетъ «*chrońmy swe dzieci przed bluźnierczemi książkami, bo zaraza moskiewska już prze-*

текъ мѣстные крестьяне, по преимуществу, впрочемъ, въ люблинской и сѣдлецкой губерніяхъ, вообще охотно пользуются книгами для чтенія [1]), причемъ съ особеннымъ удовольствіемъ

---

nika oto nawet do najdalszych wiosek». По тѣмъ же, понятно, соображеніямъ, «*Oswiaty*» (газета, издающаяся для народа на польскомъ языкѣ при канцеляріи варшавскаго генералъ-губернатора) «*nikt do ręki nie bierze*» («*Polak*», № 7, 1902 г.).

[1]) Въ 1901 году изъ народныхъ библіотекъ, напримѣръ, въ холмской учебной дирекціи было выдано для чтенія нижеслѣдующее количество книгъ, именно:

Изъ	народной	библіотеки	при	*Савинскомъ*	начальномъ	училищѣ	963
„	„	„	„	*Свѣржевскомъ*	„	„	230
„	„	„	„	*Потуржинскомъ*	„	„	786
„	„	„	„	*Гоздовскомъ*	„	„	201
„	„	„	„	*Тарноватскомъ*	„	„	291
„	„	„	„	*Тарногродскомъ*	„	„	306
„	„	„	„	*Бѣлгорайскомъ*	„	„	411
„	„	„	„	*Лопенникскомъ*	„	„	142
„	„	„	„	*Гдѣшинскомъ*	„	„	389
„	„	„	„	*Радочницкомъ*	„	„	200
„	„	„	„	*Орловскомъ*	„	„	62
„	„	„	„	*Томашовскомъ* женскомъ	„	„	125
„	„	„	„	*Браневскомъ*	„	„	441
„	„	„	„	*Замостскомъ*	„	„	194
„	„	„	„	*Тышовецккомъ*	„	„	229
„	„	„	„	*Хмѣлекскомъ*	„	„	139
„	„	„	„	*Дратовскомъ*	„	„	122
„	„	„	„	*Терятинскомъ*	„	„	137
„	„	„	„	*Берестскомъ*	„	„	360
„	„	„	„	*Комаровскомъ*	„	„	147
„	„	„	„	*Замховскомъ*	„	„	81
„	„	„	„	*Бабицкомъ*	„	„	830
„	„	„	„	*Горно-Потокскомъ*	„	„	116
„	„	„	„	*Долгобычевскомъ*	„	„	155
„	„	„	„	*Терешпольскомъ*	„	„	268
„	„	„	„	*Выцовскомъ*	„	„	106
„	„	„	„	*Мирченскомъ*	„	„	257
„	„	„	„	*Крыловскомъ*	„	„	218
„	„	„	„	*Томашовскомъ* мужскомъ	„	„	431
„	„	„	„	*Грубешовскомъ*	„	„	585
„	„	„	„	*Сагринскомъ*	„	„	350
„	„	„	„	*Обшанскомъ*	„	„	80
„	„	„	„	*Подгорецкомъ*	„	„	182
„	„	„	„	*Щебрешинскомъ*	„	„	135
„	„	„	„	*Княжпольскомъ*	„	„	496
„	„	„	„	*Войславицкомъ*	„	„	427
„	„	„	„	*Городловскомъ*	„	„	414

читаютъ книги религіозно-нравственнаго содержанія. Въ виду этого оказывается вполнѣ необходимымъ, во-первыхъ, открытіе библіотекъ для народнаго чтенія при возможно большемъ числѣ начальныхъ училищъ и, во-вторыхъ, своевременное пополненіе ихъ соотвѣтственными книгами и періодическими изданіями, такъ какъ онѣ въ настоящее время снабжены книгами въ довольно ограниченномъ количествѣ.

Начальныя училища, открытыя для русскаго населенія въ губерніяхъ Привислинскаго края и сосредоточенныя, главнымъ образомъ, въ восточныхъ частяхъ люблинской и сѣдлецкой губерній, а равно и въ другихъ мѣстностяхъ Привислинья, находятся, въ значительной степени, и подъ вліяніемъ православнаго епархіальнаго вѣдомства съ архіепископомъ холмско-варшавскимъ во главѣ. Такъ, начальникъ учебной дирекціи назначаетъ учителя въ школу, но законоучитель опредѣляется только съ согласія холмско-варшавскаго архіепископа. Этотъ законоучитель состоитъ въ то же время и блюстителемъ школы, обязаннымъ, согласно дѣйствующимъ распоряженіямъ, отвѣчать за духовно-нравственное направленіе и успѣхи учениковъ и предъ архіепископомъ холмско-варшавскимъ, и предъ попечителемъ варшавскаго учебнаго округа. Этимъ, однако, не ограничивается дѣятельность православнаго духовенства въ начальныхъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія въ губерніяхъ этого края. Архипастыри холмско-варшавской епархіи, при ревизіи церквей и приходовъ, полагаютъ непремѣннымъ своимъ долгомъ посѣщать и названныя училища. При этихъ посѣщеніяхъ обычно присутствуетъ начальникъ учебной дирекціи или же инспекторъ народныхъ училищъ, причемъ производится испытаніе учащихся. Сдѣланныя архипастыремъ въ той или иной школѣ замѣчанія сообщаются начальниками учебныхъ дирекцій всѣмъ начальнымъ училищамъ для точнаго исполненія всѣми учи-

---

Изъ	народной	библіотеки	при	*Грабовецкомъ*	начальномъ	училищѣ	720
»	»	»	»	*Лащовскомъ*	»	»	413
»	»	»	»	*Крешовсокмъ*	»	»	673
»	»	»	»	*Монятычскомъ*	»	»	402
»	»	»	»	*Мънянскомъ*	»	»	100
»	»	»	»	*Туробинскомъ*	»	»	395
»	»	»	»	*Отрочскомъ*	»	»	109
»	»	»	»	*Пугачовскомъ*	»	»	126

Всего въ 1901 году изъ 45 народныхъ библіотекъ при начальныхъ народныхъ училищахъ холмской учебной дирекціи было, такимъ образомъ, выдано для чтенія 13,954 книги.

телями русскихъ народныхъ школъ. Независимо отъ сказаннаго, начальныя училища эти посѣщаются также, согласно распоряженію окружнаго учебнаго начальства, и о.о. благочинными православныхъ приходовъ, которые свои замѣчанія при осмотрѣ школъ вносятъ въ имѣющуюся для этого въ начальныхъ училищахъ ревизіонную книгу. Копіи же означенныхъ замѣчаній представляются учителями школъ попечителю варшавскаго учебнаго округа и начальнику учебной дирекціи по принадлежности. Кромѣ того, въ рапортахъ епархіальному начальству о состояніи благочиній духовенство доноситъ также о направленіи этихъ школъ и объ успѣхахъ учащихся въ нихъ. Существующими распоряженіями окружнаго учебнаго начальства непремѣнно требуется, чтобы учитель начальнаго училища являлъ собою примѣръ усердія къ храму Божію и установленіямъ церкви и, кромѣ того, обучалъ дѣтей чтенію и пѣнію въ церкви. Въ свою очередь, епархіальнымъ начальствомъ особенно поощряются, по представленіямъ учебнаго вѣдомства, тѣ блюстители начальныхъ училищъ, которые съ усердіемъ трудятся въ народной школѣ и ведутъ въ ней, кромѣ того, вечернія и воскресныя собесѣдованія.

Казалось бы, что совмѣстная и цѣлесообразная дѣятельность духовенства и учебнаго вѣдомства въ народной государственной школѣ, естественно, должна бы сдѣлать, при вышеизложенныхъ, вполнѣ благопріятныхъ условіяхъ, излишнимъ дѣленіе въ Привислинскомъ краѣ училищъ на министерскія и церковныя. По крайней мѣрѣ эта дѣятельность должна была бы не допускать между ними какой-либо розни, вполнѣ неумѣстной при общей для тѣхъ и другихъ училищъ цѣли—*сѣять разумное, доброе, вѣчное* для блага православно-русскаго дѣла на западной окраинѣ Россіи. Между тѣмъ, и дѣленіе школъ существуетъ, и рознь между ними все болѣе и болѣе возрастаетъ. А такое положеніе вещей не можетъ, конечно, не вредить надлежащему развитію народной школы въ Привислиньѣ, имѣющей несомнѣнное государственное значеніе, не можетъ не поддерживать ея исконныхъ враговъ-иновѣрцевъ въ ихъ вредныхъ для Россіи стремленіяхъ [1]). Вотъ почему надлежащее урегулированіе соотношеній между школами вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія и духовнаго въ губерніяхъ Привислинскаго края имѣетъ, несомнѣнно, особенно важное значеніе.

Въ видахъ устраненія систематическаго ополячиванія рус-

[1]) См. *„Московскія Вѣдомости“*, № 243, отъ 4 сентября 1902 г.

скихъ подданныхъ въ губерніяхъ названнаго края, Высочайшій указъ 30 августа 1864 года установилъ отдѣльныя для каждой народности (русской, польской, литовской, нѣмецкой) училища и предоставилъ въ общихъ школахъ веденіе обученія на природномъ языкѣ большинства учащихся, за исключеніемъ, впрочемъ, русскихъ приходовъ холмской греко-уніатской епархіи. Этотъ же Высочайшій указъ допустилъ также во всѣхъ начальныхъ училищахъ Привислинскаго края, въ качествѣ учителей и учительницъ, лицъ всѣхъ сословій и вѣроисповѣданій, кромѣ принадлежащихъ къ монашескимъ орденамъ или обществамъ. Съ теченіемъ времени, дальнѣйшее развитіе отдѣльныхъ для каждой народности училищъ, естественно, не могло и не должно было быть допущено, такъ какъ оно должно было содѣйствовать поддержанію и развитію сепаративныхъ стремленій, несогласныхъ съ задачею русскаго правительства и вообще чуждыхъ школѣ, какъ общегосударственному учрежденію. Въ связи съ постепеннымъ усвоеніемъ начальными училищами характера общегосударственной школы находится и вопросъ о преподаваніи въ нихъ русскаго языка. Этотъ предметъ окончательно введенъ съ начала 1872/3 учебнаго года, въ качествѣ обязательнаго, въ начальныхъ училищахъ края, согласно утвержденному 2 декабря 1871 года положенію комитета по дѣламъ Царства Польскаго. Утвержденною по принадлежности 30 ноября 1873 года инструкціей для начальныхъ учителей варшавскаго учебнаго округа, значеніе русскаго языка въ народной школѣ опредѣляется уже вполнѣ точно. Такъ какъ школа есть единственное мѣсто, гдѣ учащимся представляется возможность усвоить надлежаще общегосударственный языкъ, а усвоеніе это достигается лишь при помощи знакомства съ русской разговорной рѣчью, то, естественно, учителямъ вмѣняется въ обязанность наблюдать, чтобы дѣти между собою, въ стѣнахъ училища, постоянно употребляли русскую рѣчь. Такъ какъ, далѣе, русскій языкъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и органъ для всѣхъ сношеній мѣстнаго населенія съ правительственными лицами и учрежденіями и на этомъ же языкѣ должно будетъ происходить и дальнѣйшее обученіе дѣтей по выходѣ ихъ изъ начальной школы, то изученіе государственнаго языка было мало-по-малу положено въ основу всего обученія въ этой школѣ. Съ этою цѣлью и были приняты своевременно вполнѣ цѣлесообразныя мѣры, въ связи съ точнымъ опредѣленіемъ пріемовъ и методовъ обученія и изученія русскаго языка въ начальной школѣ. Благодаря вышеизложенному, русскій языкъ во всѣхъ началь-

ныхъ училищахъ Привислинскаго края, какъ отмѣчено выше, занялъ подобающее ему, какъ языку преподаванія, какъ государственному языку, мѣсто. Преподаваніе же польскаго языка должно было вообще производиться на языкѣ русскомъ, такъ какъ, согласно 3686 ст. Св. Зак. Рос. Имп., т. XI, ч. I, Законъ Божій иностранныхъ исповѣданій и природный языкъ учащихся *„могутъ быть преподаваемы также на семъ послѣднемъ языкѣ“* лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда возникающія на практикѣ сомнѣнія по этому вопросу будутъ разрѣшены попечителемъ учебнаго округа, по соглашенію съ варшавскимъ генералъ-губернаторомъ, въ пользу польскаго языка.

Изъ вышесказаннаго видно, что постановка школьнаго дѣла въ губерніяхъ Привислинья въ 60-хъ и 70-хъ годахъ минувшаго столѣтія была основана на весьма вѣрныхъ и важныхъ соображеніяхъ, въ силу которыхъ начальныя народныя училища сдѣлались мало-по-малу учрежденіемъ общегосударственнымъ. Русская начальная школа въ этомъ краѣ пріобрѣла характеръ истинной представительницы господствующей въ Россіи народности и водворяла среди всѣхъ безъ различія подданныхъ русскаго государства правильные взгляды на русскую жизнь, на русскій народъ, въ его прошломъ и настоящемъ. Такой характеръ государственной школы въ губерніяхъ Привислинскаго края не могъ, разумѣется, нравиться польской интригѣ, которая преслѣдуетъ иныя цѣли и стремленія, не имѣющія, понятно, ничего общаго съ государственными задачами Россіи. И вотъ, допущенные съ 1890 года въ школы Привислинья ксендзы, вѣрные воспитанники пресловутыхъ римско-католическихъ духовныхъ семинарій, вновь съ особенною ревностью повели на практикѣ ту борьбу, которая подготовила въ свое время 1863 годъ [1]... Имъ помогло вызванное неблагопріятными обстоятельствами разнаго рода потемнѣніе національнаго самосознанія, ихъ поддержало довѣрчиво принятое заявленіе о *„примиреніи“*, ихъ окрылила особенная пылкость симпатій къ братьямъ-полякамъ и сестрамъ-полькамъ... И началось, подъ могучимъ въ послѣднее время вліяніемъ сепаративныхъ вожделѣній всюду проникающихъ

---

[1]) *«Dziennik Poznański»*, въ № 23, 1903 г., между прочимъ оповѣстилъ уже своихъ читателей объ ожидаемыхъ, напримѣръ, поляками измѣненіяхъ въ преподаваніи Закона Божія учащимся католикамъ въ учебныхъ заведеніяхъ русскаго Забужья, вообще еще никогда не слышавшихъ въ своихъ стѣнахъ польской рѣчи. Послѣдствія такого оповѣщенія уже чувствуются въ Холмско-Подляшскомъ краѣ и даже въ его центрѣ, г. Холмѣ.

нынѣ инородцевъ, систематическое подкапываніе коренныхъ основъ и устоевъ государственной народной школы въ губерніяхъ Привислинскаго края. Носители польской идеи, конечно, ликуютъ, но залогъ величія государства не заключается въ торжествѣ инородческихъ стремленій. Общегосударственные интересы не могутъ и не должны приноситься въ жертву тѣмъ или другимъ сепаративнымъ стремленіямъ, которыя подрываютъ мощь Россіи и колеблютъ ту почву, на которой единственно и исключительно зиждется русское домостроительство на нашей западной окраинѣ. Развитіе государственной народной школы въ губерніяхъ Привислинскаго края должно быть совершенно свободно отъ тягостныхъ и вредныхъ по своимъ послѣдствіямъ колебаній и „*примирительныхъ*" уступокъ; оно должно совершаться по пути, намѣченному и подготовленному всей предшествующей, болѣе нежели тридцатипятилѣтней исторіей школьнаго дѣла въ губерніяхъ Привислинья, оно должно согласоваться единственно лишь съ общегосударственными задачами Россіи и основываться исключительно только на коренныхъ цѣляхъ русской государственности. Время господства въ народной школѣ ксендза и пана прошло безвозвратно, и не „*довудцевъ*" для мятежническихъ бандъ, не „*повстанцевъ*" вообще, а вѣрнопреданныхъ и вѣрноподданныхъ сыновъ Россіи должна воспитывать общегосударственная школа на всемъ безъ изъятія пространствѣ Россійской имперіи.

В. А. Истоминъ.

Лѣтнія ночи.

Прозрачная, блѣдная мгла
Надъ свѣтлымъ заливомъ легла.

Какъ странно!—не ночь и не день.
На всемъ лиловатая тѣнь;

Задумчиво таетъ закатъ
И рѣдкія звѣзды блестятъ;

Какъ призраки, тучки плывутъ;
Какіе-то звуки ростутъ

И томно стихаютъ вдали,
У берега спятъ корабли;

И съ небомъ сливается даль.
Кругомъ красота и печаль.

. . . .

К. Гребенской.

БѢСНОВАТЫЕ.

Изъ моихъ впечатлѣній въ Саровѣ и Дивѣевѣ.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Сижу въ Пензѣ, въ своей квартирѣ, и... *пользуюсь* каникулярнымъ отдыхомъ. Другими словами: живу по прежнему, съ тою только разницею, что курьеры не таскаютъ ко мнѣ портфелей съ дѣлами... А я все-таки хожу въ окружный судъ, читаю и иногда пишу.

И съ правомъ на отдыхъ тяжело на сердцѣ.

Иные ѣдутъ для отдыха и развлеченій за границу или въ отечественные курорты, или же катаются вверхъ и внизъ по матушкѣ по Волгѣ. Но я не изъ такихъ счастливцевъ... По многимъ причинамъ мнѣ не до удовольствій.

Прежде всего, я труженикъ до конца дней моихъ. Такъ ужъ мнѣ на роду написано. Хотя и плохой христіанинъ, но въ Бога вѣровалъ и вѣрую.

„Пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы. Возьмите иго Мое на себе...“—почему-то вспомнились мнѣ эти чудныя, исполненныя глубокаго смысла и силы слова Спасителя:—„и научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обрящете покой душамъ вашимъ. Иго бо Мое благо и бремя Мое легко есть“ (Мѳ. 11, 28—30).

А почему и мнѣ, грѣшнику, не поклониться мощамъ преподобнаго Серафима Саровскаго, который своимъ подвижничествомъ показалъ, какъ слѣдуетъ носить иго Христово? Для святого старца, поборовшаго при искушеніяхъ самого дьявола, это иго было, конечно, легко. Но какъ тяжело оно для насъ, грѣшныхъ!

Итакъ, рѣшено: я дѣлаюсь богомольцемъ... Однако, какъ это осуществить?

Истинный, такъ сказать, традиціонный богомолецъ, съ молитвою на устахъ, идетъ иногда тысячи верстъ босикомъ или въ лаптяхъ, съ котомкой на спинѣ. И самое главное, — онъ идетъ смиренно многіе дни и недѣли, съ чистымъ сердцемъ и теплою вѣрою. Для него и другихъ это все-таки большой трудъ и подвигъ. А къ моей вѣрѣ, увы, примѣшиваются подчасъ умствованія и разсужденія. Еслибы, изображая собою странника-мужика, я вздумалъ опроститься: обулся бы въ лапти и съ котомкою поѣхалъ бы не во второмъ, а въ четвертомъ классѣ по чугункѣ,—и тогда я не могъ бы слиться съ массою простецовъ-богомольцевъ, которые, чего добраго, отгадали бы, что съ ними ѣдетъ поддѣлывающійся подъ ихъ тонъ и среду баринъ. Да и могъ ли бы я выносить общія ночевки съ ними гдѣ-нибудь въ баракахъ, въ избѣ или на голой землѣ, — можетъ быть, въ грязи, съ неизбѣжными и безчисленными паразитами? А потому прочь эту мысль объ опрощеніи!

Остается взять чемоданчикъ съ бѣльемъ и кое-какой провизіей, облачиться въ форменное судейское пальто съ погонами, для скорѣйшаго пропуска въ толпѣ, и ѣхать во второмъ классѣ по рузаевской вѣтви до Арзамаса.

Такъ я и сдѣлалъ, не мудрствуя лукаво, — и вечеромъ 1 августа выѣхалъ изъ Пензы.

Поѣздъ былъ переполненъ пассажирами, которые, какъ сельди въ боченкѣ, ютятся въ вагонахъ 3-го и 4-го классовъ. А подъ 4-й классъ приспособлены прямо-таки *скотскія* помѣщенія... За что же мнѣ такое преимущество? И почему ко мнѣ, сидящему въ вагонѣ на мягкомъ диванѣ, совсѣмъ иначе, безъ окриковъ и грубостей, относятся кондуктора?

Это неравенство, по сравненію съ другими богомольцами, меня смущаетъ... Но я стараюсь думать только о Саровѣ и прославившемъ его святомъ подвижникѣ. И какъ хорошо позабыть на время этого паломничества всѣ законы человѣческіе, всякую суету, житейскія дрязги и домашнія дѣла. Теперь, болѣе чѣмъ на недѣлю, незачѣмъ услаждаться или волноваться газетными извѣстіями о томъ, какъ на глазахъ представителей великихъ державъ, обмѣнивающихся болѣе или менѣе трескучими „нотами“, турки вырѣзываютъ задыхающихся подъ ихъ властью христіанъ-повстанцевъ, и какъ долго и „хорошо“ умиралъ папа Левъ XIII, а на его мѣсто избранъ и *коронованъ* Пій X-й.

Когда я невольно вспомнилъ о „намѣстникѣ Христа“ въ

золотой тіарѣ, когда Самъ Христосъ былъ украшенъ за грѣхи людей терновымъ вѣнцомъ и поучалъ, что царство Его не отъ міра сего, а великій подвижникъ и чудотворецъ Серафимъ ходилъ въ ветхомъ балахончикѣ и въ лаптяхъ и питался чуть не три года, въ затворѣ и молчаніи, одною травою-сниткою, — мои выводы вышли, конечно, далеко не въ пользу римско-католической церкви, по сравненію съ нашей православной; и я мысленно сказалъ: „благодарю Господа за то, что я русскій и православный“.

Неужели я удостоюсь видѣть тѣ мѣста, которыя прославилъ своею иноческою жизнью преподобный отецъ Серафимъ? И кто знаетъ: можетъ быть, при всѣхъ моихъ грѣхахъ, я удостоюсь видѣть чудеса, которыя совершаетъ Богъ по молитвамъ святого подвижника!

Увы, къ религіозной цѣли моего паломничества примѣшивается плохое въ данномъ случаѣ чувство любопытства... Однако, я начинаю утѣшать себя и даже позволяю думать: ужъ не внушилъ ли мнѣ мысль о богомольѣ самъ святой угодникъ Божій!

Судьба мнѣ какъ будто благопріятствуетъ. На центральномъ вокзалѣ, въ Рузаевкѣ, гдѣ скрещиваются разные пути, ко мнѣ подошелъ товарищъ прокурора, Константинъ Петровичъ. Мы разговорились. Оказалось, что и онъ ѣдетъ въ Саровъ, въ которомъ онъ бывалъ не разъ и знаетъ чуть ли не всѣхъ монаховъ и всѣ святыя мѣста, такъ какъ однажды прожилъ въ Саровѣ два мѣсяца для поправленія здоровья и возвратился оттуда веселымъ и совершенно здоровымъ.

Лучшаго спутника для меня не могло быть. Мы рѣшили ѣхать вмѣстѣ и остановиться въ одной гостиницѣ: и пріятнѣе, и дешевле.

— Такъ я всецѣло отдаюсь подъ ваше покровительство!— сказалъ я полушутливо Константину Петровичу. — А вы поучите меня молиться!

— О! За этимъ дѣло не станетъ!—отвѣтилъ онъ. — Въ Саровѣ и невѣрующій будетъ молиться!.. Я вамъ все покажу... Только зачѣмъ намъ ѣхать до Арзамаса? Мы поѣдемъ до Арзамаса только въ томъ случаѣ, если не достанемъ лошадей въ Шаткахъ.

Въ Шаткахъ мы сошли съ поѣзда, и мой спутникъ удачно и недорого, за 8 руб., нанялъ возницу на парѣ лошадей съ тѣмъ, чтобы заѣхать на одинъ день въ Понетаево, пробыть тамъ у обѣдни, а къ вечеру—въ Саровъ.

Все, что я увидалъ въ пути, было для меня необычайно,

Тысячи богомольцевъ, толпою и по-одиночкѣ, шли и ѣхали по направленію къ Понетаевскому женскому монастырю. Такія же массы богомольцевъ возвращались оттуда. Каждый, не исключая подростковъ, былъ съ сумкой за плечами и съ палкой въ рукѣ, а у нѣкоторыхъ болтались привязанные къ сумкѣ жестяные чайники. Мордва выдѣлялась своими оригинальными женскими костюмами. Большинство—простонародье; но попадались и люди духовнаго званія, чиновники, дворяне и купцы. У нѣкоторыхъ, возвращавшихся изъ Сарова, въ телѣгахъ и въ сумкахъ зеленѣли сосенки, выкопанныя въ саровскомъ лѣсу. Эти сосенки, какъ воспоминаніе о паломничествѣ, будутъ, конечно, посажены богомольцами у ихъ дворовъ. Намъ попалось даже нѣсколько пѣвцовъ, которые съ увлеченіемъ пѣли тропарь преподобному Серафиму и еще что-то церковное.

Имя „батюшки Серафима“ у всѣхъ на устахъ, а на пути расположились продавцы его изображеній, которыя вмѣстѣ съ крестиками и образками бойко раскупаются пѣшеходами. Не видно пьяныхъ и не слышно ссоръ и ругательствъ. Кое-гдѣ устроены колодцы съ иконами св. Серафима и палатки для чаепитія и отдыха.

Вотъ, наконецъ, и Понетаевскій монастырь.

Мы едва нашли себѣ номерокъ въ монастырской гостиницѣ, и то—благодаря знакомствамъ моего спутника.

Достали кое-что изъ чемодановъ, закусили и напились чаю. Переночевали на чистыхъ постеляхъ и пошли къ обѣднѣ.

Такая была страшная давка и толкотня въ обширномъ соборѣ, особливо же подлѣ чудотворной иконы Знаменія Божіей Матери! Двое полицейскихъ не могли, конечно, справиться съ толпою въ нѣсколько тысячъ; меня сдавили, — и я начиналъ серьезно побаиваться за цѣлость реберъ...

II.

Въ сумерки пріѣхали въ Саровъ и остановились въ гостиницѣ № 6. Намъ и здѣсь, чисто случайно, удалось занять номерокъ наверху съ двумя кроватями. На наше счастье этотъ померъ только что освободился.

Хотя въ Саровѣ до пятнадцати всякихъ гостиницъ, кромѣ бараковъ, и нынѣ отведены для пріѣзжихъ зданія, въ которыхъ помѣщались высокопоставленныя лица при открытіи мощей, — но многіе пріѣзжіе, даже изъ достаточнаго класса, остаются безъ пристанища, такъ что болѣе счастливые изъ нихъ вынуждены, за извѣстную плату, располагаться съ ве-

щами на полу въ коридорахъ гостиницы. Лакей Максимъ, изъ Москвы, кажется, единственный на всю гостиницу, на просьбу вычистить сапоги объявилъ мнѣ, что здѣсь нѣтъ такого положенія, а для чистки сапогъ можно, пожалуй, нанять какую-нибудь бабу. Максимъ жаловался, что ему ни днемъ, ни ночью нѣтъ покоя... Не помогъ и рублевикъ, данный ему на чай. А такъ какъ разыскать бабу было не легко, то судебному генералу пришлось самому чистить сапоги, а иногда и бѣгать за кипяткомъ съ чайникомъ въ особое помѣщеніе во дворѣ для куба... Но все это, конечно, мелочи и пустяки.

— Первымъ же дѣломъ, — сказалъ мнѣ мой спутникъ по пріѣздѣ въ Саровъ,—идемъ на источникъ отца Серафима!

И мы пошли.

Толпы богомольцевъ тянулись вдоль мелкой и загрязненной рѣчки Саровки, по направленію къ источнику. Многіе останавливались и молились у колодцевъ съ крестами и иконами Спасителя, Божіей Матери и преподобнаго Серафима.

Вотъ сидятъ, съ чашками въ рукѣ, люди съ изъѣденнымъ волчанкою и сифилисомъ лицомъ... Вмѣсто носа зіяетъ дыра... Они просятъ ради Христа и св. Серафима, и мѣдныя деньги валятся къ нимъ въ чашку. Вотъ далѣе слѣпые мужчины и женщины, всѣхъ возрастовъ, съ мальчишками - поводырями тянутъ свою заунывную пѣснь, взывая къ милосердію православныхъ и жалуясь на убожество... И для нихъ летятъ въ чашки мѣдяки. Какихъ только тутъ нѣтъ убогихъ, чающихъ исцѣленія, милостыни и пропитанія! Всѣхъ кормитъ батюшка Серафимъ! Одни ползутъ на четверенькахъ, другихъ везутъ въ тележкахъ...

Видъ этихъ несчастныхъ, поражая сердце и нервы богомольцевъ, прямо-таки поучителенъ. Какъ тутъ не смириться и не возблагодарить Господа людямъ, у которыхъ не только есть пропитаніе, но и глаза, чтобы видѣть, уши, чтобы слышать, даръ рѣчи и возможность ходить безъ костылей!

Вотъ бьются на землѣ и кричатъ дикими голосами какіе-то истеричные и бѣсноватые люди... Вотъ какіе-то старики, читающіе вслухъ и нараспѣвъ божественныя книги... Они какъ-будто ни на кого не смотрятъ, углубившись въ чтеніе и молитву; но и на нихъ долю достаются мѣдныя. Теперь эти чтецы сняли очки и прекратили чтеніе по причинѣ сумерекъ.

А вотъ и продавцы всякихъ изображеній св. Серафима, иконокъ, образковъ и крестиковъ.

Въ общемъ видѣ получается картина: всѣ эти здоровые и больные люди собрались сюда изъ разныхъ уголковъ Россіи

какъ-будто въ Силоамскую купель, чтобы воспользоваться милостями, которыя посылаетъ Господь по молитвамъ преподобнаго Серафима.

Въ часовнѣ при источникѣ — колодезь съ иконами св. Серафима. Часовня освѣщается множествомъ горящихъ восковыхъ свѣчей при образахъ. Отсюда берутъ святую воду и здѣсь постоянно происходятъ молебны. Неподалеку имѣется даже лавочка для продажи посуды съ оттиснутою на бутылкахъ надписью, что эта вода изъ источника преподобнаго Серафима.

Для мужчинъ и женщинъ устроено отдѣльно по двѣ купальни. Но бо̀льшая часть женщинъ,—и старухи, и молодыя,— обливаются водою въ ручьѣ этого источника, за плотиною, позади часовни, мало стѣсняясь тѣмъ, что приходится обливаться у всѣхъ на виду... Точно при крещеніи Руси во времена Владиміра Святого!

Въ купальняхъ тѣсновато и, кромѣ длинныхъ скамеекъ, почти нѣтъ никакихъ приспособленій для раздѣванія на грязномъ полу. Кое-какъ повѣсили на уцѣлѣвшіе колышки нашу одежду и, съ крестнымъ знаменіемъ, каждый троекратно подходитъ подъ льющуюся изъ-подъ крана струю холодной, въ четыре градуса, воды, которая имѣетъ освѣжающее, бодрящее, а для многихъ вѣрующихъ и исцѣляющее дѣйствіе.

Мнѣ разсказывали, что одинъ господинъ, придя къ источнику, сказалъ своему товарищу:

— Это что — холодная вода! Вотъ еслибъ была горяченькая!..

Св. Серафимъ услышалъ и это кощунственное пожеланіе. Когда нашъ „острякъ“ подошелъ подъ струю воды, его обожгло и на спинѣ у него сдѣлались волдыри.

Мы рѣшили говѣть въ Саровѣ, — и волею-неволею цѣлую недѣлю мы питались почти однимъ чаемъ съ булками. Хотя въ Саровѣ имѣется ресторанъ, кромѣ общихъ трапезныхъ для простонародья, но содержитъ этотъ ресторанъ пріѣзжій монополистъ, который, какъ говорятъ, въ бытность Царской Фамиліи въ Саровѣ, начальствующихъ лицъ кормилъ хорошо, а простыхъ смертныхъ и теперь угощаетъ кушаньями изъ недоброкачественной провизіи по очень дорогимъ цѣнамъ.

Вотъ мы уже два — три дня въ Саровѣ, прибывъ туда 3 августа.

Толпы по прежнему стоятъ у входныхъ монастырскихъ воротъ съ двухъ противоположныхъ сторонъ. Остальные же счастливцы впущены за ограду и тянутся цѣпью до дверей Успенскаго собора, въ ожиданіи очереди приложиться къ мощамъ.

Порядокъ поддерживается полицейскими служителями подъ личнымъ надзоромъ тамбовскаго полиціймейстера К. Ю. Старынкевича, его помощника и двухъ полицейскихъ чиновниковъ. Но полицейскихъ все-таки мало, такъ что по этой причинѣ и въ соборъ пускаютъ людей меньше, чѣмъ сколько можно было бы пустить, и потому иные богомольцы маются за оградой по двое и по трое сутокъ. Имѣются и конные урядники. Иногда полицейскіе черезчуръ уже энергично толкали богомольцевъ и размахивали палкой, такъ что при мнѣ вышибли и разбили бутылку у одного богомольца... Полиціймейстеръ жаловался, что не достаетъ полицейскихъ служителей, и они выбиваются изъ силъ, а если пустить больше народа въ соборъ, то послѣ этого полиція уже не справится съ толпой и будетъ давка. А пока еще никого не задавили... Насъ, мундирныхъ людей, вездѣ пропускали безпрепятственно.

Тутъ я невольно подивился кротости и терпѣнію богомольцевъ. И только иногда приходилось слышать ропотъ изъ толпы, что вотъ господъ пропускаютъ къ мощамъ, „а нашъ братъ стой и жди по трое сутокъ!“...

Впрочемъ, благодаря внимательности и протекціи моего добрѣйшаго спутника, иные богомольцы, и въ особенности больные, попадали къ мощамъ и внѣ очереди. Для больныхъ и сама полиція дѣлала исключенія.

— Чудесныя исцѣленія дѣйствительно были и бываютъ,— говорилъ мнѣ очень умный, образованный и дѣльный полиціймейстеръ,—но только я не вѣрю бабамъ-кликушамъ... Этихъ кликушъ уже болѣе сотни я самъ исцѣлилъ!... Бывало, прикрикну на нихъ и скажу, что ежели онѣ будутъ кривляться и орать въ соборѣ, то я ихъ и къ мощамъ не допущу, и въ полицію отправлю, — такъ онѣ сейчасъ же замолкаютъ и безпорядка не дѣлаютъ...

Полиціймейстеръ, по моему мнѣнію, правъ только отчасти. Притворство и преувеличеніе нервнаго разстройства у истеричныхъ женщинъ несомнѣнно бываютъ. Однако, нашъ невѣжественный народъ — и, главнымъ образомъ, крестьянскія бабы—до сихъ поръ искренно и упорно вѣритъ въ порчу, наговоръ, нашептываніе, заломъ и дурной глазъ. Все это народъ поставляетъ въ связь съ вліяніемъ нечистой силы и колдовства. Отсюда—глубокое убѣжденіе въ томъ, что вселившійся въ нихъ, испорченныхъ, дьяволъ не можетъ или не хочетъ подпустить ихъ къ святынѣ, а потому эти нервныя и страждущія истеріей женщины вопятъ дикими голосами и бьются въ какомъ-то изступленіи. Здѣсь все-таки существуетъ из-

вѣстное психическое угнетеніе и разстройство... Страхъ предъ начальствомъ и угроза, произнесенная твердымъ и рѣшительнымъ словомъ, какъ внушеніе, несомнѣнно дѣйствуютъ и на такихъ истеричныхъ женщинъ; но онѣ все-таки душевнобольныя. Я самъ не разъ слышалъ эти вопли, стоны и крики въ соборѣ, когда этихъ несчастныхъ ведутъ или несутъ въ полубезсознательномъ, полубезчувственномъ или въ изступленномъ состояніи для приложенія къ св. мощамъ.

Кликушество — это *съ внѣшней стороны*, какъ я полагаю, *какъ-бы переходная и низшая ступень къ бѣснованію;* однако, по природѣ своей, *оба эти состоянія существенно различны*, какъ вскорѣ же я убѣдился изъ моихъ наблюденій въ Саровѣ и Дивѣевѣ.

III.

Вотъ мы и въ Успенскомъ соборѣ. Никакой давки и толкотни здѣсь, у мощей, не замѣчается.

Сильное впечатлѣніе производитъ пожертвованная Государемъ и Супругой Его великолѣпная рака, подъ которой почиваютъ въ гробницѣ мощи великаго чудотворца. Вездѣ золото, серебро и драгоцѣнные камни! Горитъ множество свѣчей и драгоцѣнныя лампады. Двое полицейскихъ стоятъ для порядка съ каждой стороны, помогая больнымъ прикладываться и освобождая путь. Дежурные іеромонахи у раки безпрестанно совершаютъ молебны во время, не занятое совершеніемъ литургіи или всенощной. Богомольцы же притекаютъ къ мощамъ безпрестанно, какъ волны морскія, бьющіяся о берегъ... Иныхъ разслабленныхъ и убогихъ несутъ къ мощамъ, гдѣ они нерѣдко исцѣляются. Происходитъ нѣчто величественное и въ то же время умиляющее сердца. Прямое и очевидное торжество православія!

Огромный соборъ съ иконами въ богатѣйшихъ ризахъ едва вмѣщаетъ сотни богомольцевъ. Впрочемъ, живопись далеко уступаетъ дивѣевской иконописи. Зажженныхъ свѣчей такъ много, что у нѣкоторыхъ иконъ, а въ особенности у чудотворной иконы Божіей Матери Живоноснаго Источника, ставить ихъ уже некуда. Послушники пудами, въ ящикахъ, проносятъ свѣчи въ алтарь и обратно. Монахи поютъ стариннымъ напѣвомъ, не особенно стройно, и хорошихъ, выдающихся голосовъ незамѣтно. Дивѣевскія и понетаевскія монахини поютъ много лучше.

Здѣсь видѣлъ я и генераловъ, и купцовъ, и студентовъ,

и гимназистовъ, и всякое простонародье. Многіе вздыхаютъ, плачутъ и горячо молятся.

— Пожалуйте мнѣ, отецъ святой, свѣчу въ пять рублей!— говоритъ пріѣзжій въ чуйкѣ, едва протолкавшись къ прилавку у собора, гдѣ продаются свѣчи.

— Никакъ не могу достать себѣ просфоръ!—жалуется какая-нибудь купчиха изъ Москвы своей знакомой. А между тѣмъ, какъ я справлялся, ежедневно выпекаютъ не менѣе восьми тысячъ просфоръ.

— Что же вы, отецъ святой,—заявляетъ мой спутникъ монаху,—не оставили для меня просфоръ? Вѣдь вчера я просилъ васъ!..

— Не взыщите! отбою нѣтъ: всѣ вышли! Вотъ скоро новыхъ принесутъ...

— Ну, такъ пойдемте же въ просфорню!—говоритъ мой спутникъ.

И мы идемъ за просфорами.

А тамъ, гдѣ продаются иконы отца Серафима, крестики и другіе образа и книжки-житія, опять-таки толкотня и давка. Полицейскій выбивается изъ силъ.

Простота, смиреніе и набожность богомольцевъ изъ глухихъ мѣстъ прямо-таки трогательны и поразительны! Полиціймейстеръ серьезно говорилъ мнѣ, что, увидавъ на Черной рѣчкѣ почтовый ящикъ съ нарисованнымъ на немъ конвертомъ и принимая его за нѣчто священное, за кружку для пожертвованій на батюшку Серафима, мордовки-богомолки одна за другою стали останавливаться... Онѣ начали креститься и опускали въ ящикъ свои трудовыя копѣйки...

Мнѣ такъ хотѣлось увидать хоть одно чудесное исцѣленіе...

И вотъ, на другой же день по прибытіи нашемъ въ Саровъ, мнѣ показалось, что я увидалъ чудо.

Идетъ къ святымъ мощамъ офицеръ, лѣтъ сорока, съ палкою въ рукѣ, а его поддерживаетъ солдатъ. Очевидно, у него нѣсколько парализована нога.

Офицеръ приложился къ мощамъ и теперь возвращается уже одинъ, безъ провожатаго... Что это? Ужъ не чудо-ли?..

Протискаться въ толпѣ къ офицеру и спросить его, получилъ ли онъ исцѣленіе,—было неудобно.

На другой или на третій день, разговаривая съ полиціймейстеромъ за монастырскими воротами, я увидалъ этого офицера съ барышней, когда онъ усаживался въ экипажъ.

Я сказалъ полиціймейстеру, что очень желалъ бы поговорить съ офицеромъ.

По приказанію полиціймейстера, толпа богомольцевъ пропустила меня.

— Извините!—сказалъ я, раскланиваясь съ незнакомымъ офицеромъ.—Я васъ не имѣю чести знать, но мнѣ хотѣлось убѣдиться, получили ли вы исцѣленіе. Я видѣлъ, что вы шли къ мощамъ съ помощью солдата, а отъ мощей вы шли одинъ...

— Откровенно скажу вамъ,—съ грустью отвѣтилъ офицеръ.—Никакого улучшенія я не чувствую... Я и прежде могъ такъ же ходить съ палкой...

— А я обрадовался и думалъ, что вы исцѣлились...

— Нѣтъ, не привелъ Богъ и не увидите моего исцѣленія!

Я поклонился и пожалъ его руку.

„Стало быть, мало вѣры у этого офицера!—подумалъ я.—Онъ, вѣроятно, сомнѣвался и только *пробовалъ*, не будетъ ли исцѣленъ... А испытывать Бога нельзя! Для чудеснаго исцѣленія нужна горячая молитва отъ чистаго сердца и полная увѣренность... „Просите,—сказано въ Евангеліи,—и дастся вамъ; толцыте—и отверзется!" Нужно такъ молиться, какъ молятся со слезами иныя, напримѣръ, *невѣжественныя* бабы".

Разговоръ съ офицеромъ меня крайне огорчилъ.

„Такъ, пожалуй, и не увижу чуда по моему недостоинству!"—думалъ я и, облившись водою въ источникѣ Серафима (это было 7 августа), прошелъ съ Константиномъ Петровичемъ дальше,—за версту отъ источника,—къ огромному камню-булыжнику, составляющему часть того камня, на которомъ молился чудотворецъ тысячу дней и ночей... Легко сказать: тысячу! когда мы одинъ день, даже одинъ часъ, не въ силахъ молиться, какъ слѣдуетъ!

Этотъ камень богомольцы любовно называютъ „камушкомъ нашего батюшки Серафима".

И здѣсь толпились богомольцы, которые всѣ не могли помѣститься въ огороженномъ деревянными перилами мѣстечкѣ съ большимъ деревяннымъ распятіемъ у камня. А полицейскихъ никого! И если пока никого еще не задавили въ толпѣ, такъ это, очевидно, по милости св. Серафима: видно, онъ самъ оберегаетъ своихъ дѣтушекъ-молельщиковъ!

Мой спутникъ пошелъ дальше—въ пустыньку. А я сталъ прислушиваться въ толпѣ къ разсказамъ объ исцѣленіяхъ. И много было такихъ разсказовъ!

Одна женщина увѣряла меня, что чудесамъ отъ батюшки Серафима и „конца краю нѣтъ"!

— Я ужъ тутъ,—говорила она,—шестыя сутки ночую при

камнѣ и много видала всякихъ чудесъ! Слѣпые исцѣлялись, нѣмые стали говорить, а хромые начали ходить...

И такихъ чудесъ, сколько я помню слова этой женщины, было до сотни.

Крестъ съ изображеніемъ распятаго Спасителя былъ увѣшанъ полотенцами и холстами — приношеніями отъ бабъ, за неимѣніемъ у нихъ денегъ.

Никогда и нигдѣ раньше я не видалъ такихъ горячихъ молитвъ со слезами, какъ здѣсь—у этого распятія! Я видѣлъ капли слезъ на камнѣ!.. Жаждавшіе милости и исцѣленія такъ и не хотѣли разставаться съ „камушкомъ“, обливаясь слезами. Но ихъ сталкивали другіе богомольцы, крича: „Ну-же! ну! довольно! Дайте мѣсто и другимъ! Приложился и буде!“

Иные взлѣзали на поставленный за перилами, какъ бы за оградой, столбъ съ тремя иконами. А этотъ столбъ составляетъ часть того дерева съ иконою Святой Троицы, предъ которой на камнѣ молился отецъ Серафимъ.

Теперь этотъ камень служитъ мѣстомъ общей и почти гласной исповѣди и слезнаго горячаго покаянія... Вотъ почему и раздавались голоса изъ толпы:

— Отче Серафиме! прости мои согрѣшенія! исцѣли!

И я влѣзъ на деревянную ограду-перила и увидалъ на камнѣ копошившихся, кричавшихъ, рыдавшихъ и плакавшихъ людей... Разсмотрѣть, сколько ихъ тамъ лежало, почти другъ на другѣ, не было возможности... Это была живая, передвигавшаяся и замѣщаемая новыми больными куча!.. Еслибъ покойный Зола, описывавшій богомоленіе въ Лурдѣ, могъ посмотрѣть, какъ молятся русскіе простецы, православные люди! Можетъ быть, онъ пришелъ бы тогда совсѣмъ къ инымъ выводамъ и заключеніямъ... Здѣсь, въ Саровѣ, и камни свидѣтельствуютъ о чудесахъ преподобнаго Серафима! Да и какъ тутъ не быть чудесамъ при такомъ подъемѣ духа и такихъ горячихъ молитвахъ! И я, грѣшный, удостоился видѣть чудесныя исцѣленія.

— Исцѣлился! исцѣлился! Батюшка ты нашъ, Серафимъ! Заступникъ великій! — радостно кричала толпа. И я увидалъ счастливую мать, которая несла исцѣленнаго ребенка.

Въ чемъ именно заключалось исцѣленіе,—теперь я, подъ вліяніемъ множества разсказовъ о чудесахъ, уже забылъ, хотя въ тотъ же день, 7 августа, разсказалъ объ этомъ исцѣленіи моему спутнику, когда онъ возвратился къ камню изъ пустыньки. Странно, что и мой спутникъ забылъ содержаніе моего разсказа. Такую забывчивость я объясняю тѣмъ, что

будучи съ приподнятыми нервами отъ массы впечатлѣній, я, что называется, опѣшилъ, растерялся и нѣкоторое время находился какъ бы во снѣ. Я только чувствовалъ, что на священномъ камнѣ совершается нѣчто чудесное и для меня малопостижимое. Еслибъ я былъ газетный репортеръ, то не только записалъ бы тогда же, что именно совершилось, но и имя матери ребенка и все его прошлое. Но въ то время, потрясенный до глубины души, я и не думалъ дѣлиться съ читающей публикой моими впечатлѣніями.

Однако вскорѣ же я очнулся и сталъ болѣе владѣть собою.

IV.

Опять радостные крики:

— Исцѣлилась! исцѣлилась!

И я увидалъ толпу, которая со слезами и въ восторгѣ суетилась вокругъ мужика, ведшаго за руку пятилѣтнюю дѣвочку.

Эта дѣвочка, Акулина Никифорова Вьюнова, изъ крестьянъ нижне-ломовскаго уѣзда, радостно переступала совсѣмъ почти высохшими кривыми ножонками. Дядя этой дѣвочки, Алексѣй Вьюновъ, объяснилъ мнѣ, что до этого дѣвочка вовсе не становилась на ножки.

— Батюшка ты, нашъ кормилецъ, отецъ Серафимъ!—кричали и плакали въ толпѣ.—Великій угодникъ Божій! Заступникъ намъ, сиротамъ!

— Забылъ записать, изъ какого села и волости эта исцѣленная дѣвочка Акулина!—говорилъ мнѣ Константинъ Петровичъ, очевидецъ чуда, когда я замѣтилъ, что слѣдовало записать и село, и волость.

Но записывать случаи исцѣленій—это дѣло полиціи, и на это уполномоченъ достоуважаемый саровскій іеросхимонахъ Симеонъ. Конечно, множество случаевъ исцѣленій остались безъ записи. Вѣдь для этого нужно идти и разыскивать начальство. А какъ вдругъ еще задержатъ заявителя о чудесахъ для какой-либо провѣрки? А что, ежели выйдетъ въ чемъ либо ошибка по сдѣланному заявленію? Какъ бы еще за это не отвѣтить!.. Исцѣлилъ Господь молитвами батюшки Сарафима,—ну и слава Тебѣ, Господи! Отслужимъ благодарственный молебенъ, да и ко дворамъ!.. А проживаться въ Саровѣ не дешево!

Вотъ, навѣрное, такія мысли и соображенія удерживаютъ многихъ исцѣленныхъ и знающихъ о чудесныхъ исцѣленіяхъ отъ заявленій о томъ, кому слѣдуетъ.

Для регистраціи чудесъ и въ видахъ еще большаго про-прославленія преподобнаго Серафима, очень желательно было бы, чтобы, по возвращеніи исцѣленныхъ въ ихъ мѣстожительства, мѣстные священники немедленно сообщали іеросхимонаху Симеону о всѣхъ несомнѣнныхъ случаяхъ исцѣленій, по провѣркѣ ихъ опросомъ самихъ исцѣленныхъ, ихъ родныхъ и сосѣдей и съ подробнымъ описаніемъ прежней, до исцѣленія, болѣзни.

Одна баба,—кажется, изъ Костромы,—говорила мнѣ, когда я находился у камня отца Серафима:

— Какъ мнѣ, господинъ, быть? Горе у меня великое!.. Вотъ видите ли: это—мой сынокъ!

И я увидалъ лежавшаго на землѣ мальчика, лѣтъ девяти, въ нанковомъ казакинѣ и въ сапогахъ.

— Такъ этотъ самый мой сынокъ получилъ здѣсь, на камнѣ, исцѣленіе и объ этомъ узнало начальство и будетъ написано въ газетахъ. Онъ сталъ-было ходить, и тогда еще, какъ исцѣлился, урядникъ и люди все заставляли его ходить... А я это дозволяла и сама не посмѣла ослушаться. Послѣ этого у сынка моего распухли ноги и опять намъ очень нужно исцѣленіе... Вотъ я, грѣшница, и молю батюшку Серафима, чтобы онъ опять его исцѣлилъ. Шестыя сутки я здѣсь при камнѣ... Я ужъ и плакать не могу: источники мои высохли... А живу я среди раскольниковъ. Вотъ теперича раскольники и будутъ смѣяться надъ нашей православной вѣрой: въ газетахъ прочтутъ, что мой сынъ исцѣленъ, а я привезу его неисцѣленнаго... Вотъ я и молю Господа: ужъ ежели не ради меня, грѣшной, то хоть ради нашего православія истиннаго, чтобъ мой сынъ опять былъ исцѣленъ.

Я не успѣлъ объяснить этой очень неглупой бабѣ, что слѣдуетъ заявить полиціи, что послѣ исцѣленія ея сынъ вторично заболѣлъ ногами отъ усиленной ходьбы, и что объ этомъ слѣдуетъ напечатать въ той же газетѣ. Мое вниманіе привлекала молодая, на видъ здоровая дѣвица, приползшая на четверенькахъ.

Она была безъ провожатыхъ и говорила интересовавшимся ея судьбою богомольцамъ:

— Вотъ ежели бы мнѣ кто сдѣлалъ скамеечку съ колесиками, я бы оперлась на нее и могла бы съ этой скамеечкой привставать и передвигаться...

„Несчастная дѣвица! — думалъ я.—Если выпрямитъ тебя св. Серафимъ, то не нужно будетъ и скамеечки...

Была эта дѣвица на источникѣ, прикладывалась и къ „камушку", но пока еще не исцѣлилась.

Между тѣмъ не дремалъ мой спутникъ, оказывавшій множество услугъ богомольцамъ. Съ погонами на кителѣ, онъ добровольно взялъ на себя полицейскія обязанности и какъ нельзя болѣе кстати.

Стоя у деревянной ограды, при входѣ, Константинъ Петровичъ пропускалъ къ камню больныхъ, приказывая толпѣ разступаться. Онъ же помогалъ и выходить изъ-за ограды. Толпа слушалась его окриковъ и повелительныхъ жестовъ.

Приблизительно въ двухъ верстахъ отъ камня съ распятіемъ и, слѣдовательно, верстахъ въ пяти отъ Сарова, находится „дальняя пустынька". Отъ нея идетъ къ рѣчкѣ сдѣланный самимъ отцомъ Серафимомъ подземный выходъ съ кельей. Здѣсь былъ его огородъ и росла снитка, которою, вмѣсто хлѣба, очень долго питался преподобный, подвергая ее сушкѣ на зиму. Въ это подземелье скрывался святой и прозорливый подвижникъ для молитвы, когда ужъ очень мѣшали ему посѣтители... Тысячи богомольцевъ добивались тогда его благословенія, наставленія, молитвъ и исцѣленій. Приходили къ нему, ища денегъ, и три разбойника и чуть не убили святого старца, который и не думалъ защищаться бывшимъ тогда у него въ рукѣ топоромъ и простилъ ихъ, ходатайствуя предъ начальствомъ объ освобожденіи ихъ отъ наказанія. Какія же деньги могли быть у безсребренника!

Народъ толпился и у этой пустыньки, гдѣ раздаютъ сухарики изъ чернаго хлѣба въ воспоминаніе и въ подражаніе отцу Серафиму.

Здѣсь, у пустыньки, я замѣтилъ благообразнаго мальчика, лѣтъ десяти, съ необыкновенно злымъ и сердитымъ выраженіемъ въ лицѣ. Онъ былъ въ соломенной шляпѣ и одѣтъ прилично, какъ принято въ зажиточномъ классѣ общества.

Мальчикъ стоялъ молча и не двигаясь, а подлѣ него находилась нянька. Родители куда-то отлучились.

Толпа съ недоумѣніемъ и любопытствомъ посматривала на мальчика, и нѣкоторые говорили, что это глупенькій и бѣсноватый.

— Перекрестись! —говорили ему.

Но при этомъ совѣтѣ мальчикъ только дико и односложно вскрикивалъ, дѣлая гримасу, а лицо его выглядѣло еще сердитѣе...

Я не дождался, чѣмъ окончится эта сцена, и пошелъ осматривать пустыньку.

„Опять бѣсноватый!"—подумалъ я о мальчикѣ.

А мой спутникъ разсказалъ мнѣ, что сейчасъ онъ слышалъ, какъ только что исцѣлился очень буйный и бѣсноватый господинъ, большого роста, хорошо одѣтый и очень сильный, такъ что провожавшіе его въ Саровѣ люди едва съ нимъ справлялись. А на другой день Константинъ Петровичъ самъ видѣлъ этого исцѣленнаго господина въ соборѣ, когда онъ, перекрестившись и отстранивъ своего сына и другихъ провожатыхъ, спокойно подошелъ къ священнику и пріобщился Святыхъ Таинъ.

Однако, могутъ ли бѣсы вселиться въ человѣка, и притомъ еще въ ребенка?

Вотъ вопросъ, который раньше мнѣ почти не приходилъ въ голову, и который теперь я рѣшилъ *утвердительно* на основаніи того, что самъ видѣлъ и слышалъ въ Саровѣ и Дивѣевѣ: а все, видѣнное мною и озадачившее меня на первыхъ порахъ, *вполнѣ согласно* и съ Евангеліемъ, и съ воззрѣніями православной церкви.

По этому предмету я долго и горячо бесѣдовалъ съ Константиномъ Петровичемъ и съ пріѣзжимъ харьковскимъ іеродіакономъ, когда уже въ сумеркахъ мы возвращались изъ пустыньки лѣсною дорогою.

Сосновый лѣсъ здѣсь значительно порѣдѣлъ, судя по оставшимся пнямъ. Говорятъ, саровскій лѣсъ тянется на пространствѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ десятинъ, соединяясь съ муромскими и нижегородскими лѣсами. И до сихъ поръ въ немъ есть мѣста, по которымъ никогда еще не ходилъ человѣкъ! Что же удивительнаго, что святого старца Серафима навѣщалъ въ его уединенной пустынькѣ медвѣдь!

И вотъ моему воображенію рисуется согбенный болѣзнью и тяжестью великихъ подвиговъ старецъ Серафимъ въ бѣдномъ одѣяніи и съ топорикомъ въ рукѣ. Если въ искушеніяхъ онъ побѣдилъ самого нападавшаго на него дьявола, то могъ ли быть страшенъ для него огромный медвѣдь, котораго сперва испугалась пришедшая за благословеніемъ къ преподобному старица Дивѣевской обители Матрона Плещеева, а потомъ, по примѣру самого же преподобнаго, кормила этого медвѣдя хлѣбомъ?!

Стройныя и ровныя, какъ исполинскія свѣчки Божіи, сосны и теперь величественно поднимаются къ небу. А еслибъ могли говорить эти мачтовыя деревья, которыхъ человѣкъ не можетъ

обхватить обѣими руками у корня,—онѣ, благоухая смолою, конечно, повѣдали бы намъ о подвигахъ прозорливаго старца, „убогаго Серафима“, какъ онъ самъ себя называлъ, бродившаго въ этомъ лѣсу съ молитвою на устахъ, кроткаго по заповѣди Христа и смиреннаго сердцемъ.

Общіе, чисто-братскіе, духовные интересы до того сближаютъ богомольцевъ въ Саровѣ, какъ въ первые вѣка христіанства, когда еще такъ живы были воспоминанія о земной жизни Спасителя, что и незнакомые между собою люди охотно бесѣдуютъ и дѣлятся впечатлѣніями, ибо у всѣхъ на языкѣ „нашъ батюшка Серафимъ“ и совершаемыя Богомъ по его молитвамъ чудеса.

Идя лѣсомъ, въ сумеркахъ, я даже и не разглядѣлъ въ лицо пріѣхавшаго изъ харьковской губерніи молодого іеродіакона, а между тѣмъ, чуть не обнявшись, мы дружески и горячо разговаривали, какъ будто мы уже старые знакомые.

Іеродіаконъ былъ набожный и хорошо начитанный монахъ. И онъ не сомнѣвается въ нынѣшнемъ существованіи бѣсноватыхъ, какъ обыкновенныхъ людей, не сумасшедшихъ, но одержимыхъ злымъ духомъ.

V.

Разъ, когда мы отдыхали въ своемъ номерѣ и подкрѣплялись чаемъ, кто-то постучался въ дверь, и мы услышали голосъ:

— Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ, грѣшныхъ!

И къ намъ вошелъ пріятель моего спутника, іеромонахъ Санаксарской обители, о. Евгеній, лѣтъ сорока.

Это было олицетворенное смиреніе и добродушіе.

— А я къ вамъ, Константинъ Петровичъ, въ другой разъ! Былъ я у васъ съ отцомъ Игнатіемъ, но не застали васъ дома и расписались на вашей двери...

Дѣйствительно, на некрашеной сосновой двери было написано карандашемъ: Игнатій. Евгеній.

О. Евгеній благословилъ насъ и поцѣловался съ нами.

Пошли за чаемъ разговоры и воспоминанія, между прочимъ, о томъ, какъ онъ, о. Евгеній, ходилъ 14 верстъ съ Константиномъ Петровичемъ на богомолье изъ Сарова въ Дивѣевскую пустынь.

— По благословленію отца игумена, былъ я, — говорилъ о. Евгеній,—командированъ въ Саровъ и дежурилъ при ракѣ преп. Серафима, 21 іюля, при проводахъ Государя Императора въ Дивѣево, и самъ сподобился видѣть много чудесныхъ исцѣленій.

При этомъ о. Евгеній сообщилъ намъ, что на его долю выпало завидное счастье. Когда, испросивъ разрѣшенія, онъ поцѣловалъ у Государя руку, Государь поцѣловалъ его въ щеку.

— Неисчерпаемы милость и доброта нашего Великаго Помазанника Божія,—радостно добавилъ онъ.

По предложенію нашему, добрѣйшій от. Евгеній пошелъ съ нами служить для всѣхъ богомольцевъ молебенъ и отслужилъ его на камнѣ преподобнаго Серафима.

Къ нашему іеромонаху тотчасъ изъ богомольцевъ присоединились псаломщики, дьяконы и нѣкоторые пѣвцы изъ міръянъ, и, къ общей радости, послышалось стройное пѣніе:

— Преподобне отче Серафиме, моли Бога о насъ!

Горячо и со слезами молилась толпа. Кажется, и въ этотъ день были чудесныя исцѣленія...

Въ саровской церкви св. Зосима и Савватія я увидалъ слѣпую дѣвицу изъ мѣщанъ гор. Луха, Костромской губ., Анну Николаевну Пастухову, 27 лѣтъ.

Глаза ея были почти совсѣмъ закрыты. Несчастная, совсѣмъ безпомощная, плакала и горячо молилась.

— Ничего не вижу!—объяснила она мнѣ на мои разспросы.— Я сирота и жила въ нянькахъ у брата... Одинъ луховскій купецъ далъ мнѣ 8 руб.,—я за него Бога молю,—и посовѣтовалъ идти въ Саровъ. На пароходѣ у меня пропало портмонне, а въ немъ было побольше рубля... Теперь добрые люди подвезли къ Сарову... А къ мощамъ меня провести некому!

„Какъ некому?—подумалъ я.—А добрѣйшій Константинъ Петровичъ на что?“...—и обратилъ вниманіе моего спутника на эту несчастную. А тотъ немедленно принялъ ее подъ свое покровительство, провелъ къ мощамъ и къ чудотворной иконѣ Божіей Матери и водилъ на источникъ. А затѣмъ онъ помѣстилъ нашу „паціентку“, какъ выразился „образованный“ лакей Максимъ, въ корридорѣ гостиницы съ разрѣшенія монаха-смотрителя

Все время Константинъ Петровичъ заботился о слѣпой, какъ нянька о ребенкѣ. А слѣпая горячо и со слезами молилась... И нѣкоторое облегченіе она получила въ Саровѣ. Прежде она едва-едва могла указать, гдѣ солнце, а теперь,

ободренная, она съ радостью заявила намъ, что чуточку какъ бы начинаетъ видѣть. Глаза ея начали немного раскрываться. Въ лѣвомъ глазу забѣлѣлось глазное яблоко—увы!—кажется, безъ всякихъ признаковъ зрачка!

— Что это?—спрашивали мы Анну Николаевну, указывая на дерево.

— Подведите меня поближе! — говорила она не безъ волненія въ голосѣ.—Это... дерево!

— А это что?—спросилъ я, указывая на пень.

— Низенькое дерево!—отвѣтила Анна Николаевна и почти правильно показала рукой, какой оно высоты.

— А сколько людей идетъ намъ на встрѣчу?

Разъ она отвѣтила правильно, а въ другой разъ ошиблась.

— Ну, Богъ дастъ, молитвами отца Серафима, и совсѣмъ прозрѣете!—утѣшалъ Пастухову мой спутникъ.—Иногда милость Божія проявляется не сразу... Надо только вѣровать и молиться... А мы сами поѣдемъ и отвеземъ васъ, Анна Николаевна, въ Дивѣево... И тамъ есть чудотворная икона!..

Усадивъ слѣпую въ телѣгу и положивъ туда свои чемоданчики, мы пошли изъ Сарова въ Дивѣево и, пройдя 14 верстъ безъ отдыха, черезъ три часа были въ устроенной подъ колокольней трехъэтажной гостинницѣ Серафимо-Дивѣевской обители. И здѣсь недостаетъ помѣщенія для всѣхъ богомольцевъ. Слѣпую помѣстили въ углу. въ корридорѣ.

Обширный соборъ съ верхнимъ помѣщеніемъ для молящихся на подобіе хоръ. Прекрасное пѣніе послушницъ и монахинь и чудная, художественная живопись на иконахъ и по стѣнамъ съ библейскими и евангельскими сюжетами. Изготовленіемъ иконъ по заказамъ и живописью здѣсь занимаются сами сестры-монахини въ особыхъ помѣщеніяхъ для мастерскихъ.

И здѣсь, въ соборѣ, и внѣ его толпы богомольцевъ.

Среди собора, на скамейкѣ, увидалъ я 23-лѣтнюю женщину, кажется, изъ могилевской губерніи. Эта женщина говорила мнѣ и обступившимъ ее людямъ, что она отъ роду не ходила и ее возили въ телѣжкѣ, а теперь она только что исцѣлилась въ Саровѣ и пришла изъ Сарова въ Дивѣево.

Милостивъ и дивенъ Господь во святыхъ Его!

VI.

Во время продолжительной всенощной я ушелъ изъ собора, чтобы позаботиться о лошадяхъ для отъѣзда въ Арзамасъ. А мой спутникъ остался въ соборѣ.

Часа черезъ три онъ прибѣгаетъ ко мнѣ и говоритъ:

— Я за своей бутылочкой съ водой для бѣсноватой... Вотъ вы хотѣли поближе видѣть бѣсноватыхъ... Болѣе двухъ часовъ я бился съ одной такой, Евгеніей, и священникъ, по моей просьбѣ, ее отчитывалъ... Такой упорный бѣсъ! Не поддается намъ! Она говорила, что о. Іоаннъ Кронштадтскій послалъ ее въ Саровъ къ святому Серафиму... Идемте, идемте!

И мы пошли въ ту церковь, при кладбищѣ, въ которой еще утромъ я осматривалъ „одежку нашего батюшки Серафима", какъ выражаются простецы-богомольцы и прикладывался къ ней. Здѣсь хранятся: полушубокъ, лапти, четки, топорикъ и другія вещи преподобнаго съ прорѣзами въ стеклянныхъ витринахъ для цѣлованія, а желающіе кладутъ монеты на тарелочки. Здѣсь же хранятся: часть камня отца Серафима и веревки, которыми до исцѣленія былъ связанъ привезенный своимъ отцомъ бѣсноватый казакъ, отъ котораго много было бѣдъ на его родинѣ.

Былъ уже десятый часъ вечера. Послѣдніе богомольцы уходили изъ церкви, гдѣ оставалось лишь нѣсколько монахинь и кое-гдѣ теплились догоравшія свѣчки у образовъ.

Никогда я не забуду того, что я увидалъ! Ужасъ объялъ меня...

Я увидалъ въ полумракѣ лежащую навзничь на полу, среди церкви, женщину лѣтъ тридцати. Она очень недурна собою, на видъ крѣпкая и здоровая, съ коротко остриженными волосами. На шеѣ у нея деревянный крестикъ и множество образковъ.

Послѣ я узналъ отъ самой бѣсноватой и отъ моего спутника, что она—крестьянская дѣвица гродненскаго уѣзда Евгенія Якимовичъ, сирота, неграмотная: страдаетъ съ двѣнадцати лѣтъ; нѣкоторое время жила изъ милости у священника, который отправилъ ее къ отцу Іоанну Кронштадтскому, а о. Іоаннъ послалъ ее въ Саровъ. Бывшую на ней кофту съ платьемъ ей дали добрые люди. По мѣстамъ она, какъ больная, нигдѣ не жила. Бывало, по двое сутокъ она валялась въ лѣсу и гдѣ придется, куда кинетъ ее бѣсъ, который разъ едва ее не утопилъ... Въ то время она, по ея словамъ, цѣлый годъ

шла къ Іоанну Кронштадтскому... Говоритъ отчетливо и съ польскимъ акцентомъ. По всей вѣроятности, она—уніатка.

Монахини держали бѣсноватую Евгенію за руки и за ноги, придерживая поставленные на нее образа преподобнаго Серафима и великомученицы Варвары. А другія монахини держали зажженныя восковыя свѣчки. Константинъ Петровичъ лилъ Евгеніи въ ротъ святую воду изъ источника отца Серафима и клалъ ей сухарики на шею. А какой-то богомолецъ, лѣтъ тридцати (по всей вѣроятности, бывшій послушникъ, ибо онъ прекрасно читалъ по-славянски, зналъ множество молитвъ и даже импровизировалъ свои заклинанія, обнаруживая церковную начитанность и посматривая на ту или другую икону), на колѣнахъ, выразительно читалъ по требнику молитвы объ изгнаніи бѣсовъ.

И я, въ нервномъ возбужденіи, сталъ на колѣна по примѣру всѣхъ присутствовавшихъ. Почти у всѣхъ въ рукахъ горѣли восковыя свѣчки. И всѣ усердно молились, посматривая на бѣсноватую.

— Какъ тебя зовутъ, раба Божія?—спрашиваетъ читальщикъ.

— Евгенія.

— А родителей твоихъ? Живы-ли они?

— Они померли!—отвѣчаетъ Евгенія, называя имена родителей.—Я сирота, мучаюсь съ двѣнадцати лѣтъ...

Читальщикъ призываетъ имена святыхъ, въ честь которыхъ именовались ея родители, и молитъ ихъ ходатайствовать предъ Богомъ объ ея исцѣленіи.

— А сколько васъ, бѣсовъ?..

— Насъ много,—какъ бы рычатъ бѣсы устами Евгеніи.—Мы—господа и владѣемъ 30 лѣтъ...

Замѣчательно, что на всѣ обыкновенные вопросы Евгенія отвѣчала правильно, какъ будто совсѣмъ здоровая. Она была не изъ очень буйныхъ бѣсноватыхъ. Но, какъ только читальщикъ или кто-либо изъ насъ начинали говорить о Богѣ, о милостяхъ Божіей Матери, о преподобномъ Серафимѣ и требовали, чтобъ она молилась и крестилась,—съ нею моментально начинались сильнѣйшія конвульсіи.

Она высовывала языкъ, но не такъ, какъ обыкновенно высовываютъ его дѣти изъ шалости или больные, когда показываютъ врачу, а языкъ у нея до самаго основанія и мѣста прикрѣпленія его къ гортани точно вывертывала какая-то могучая сила... При этомъ языкъ казался длиннѣе чуть не вдвое. Получалось у зрителей такое впечатлѣніе, какъ будто у Евгеніи происходитъ сильнѣйшая рвота, однако безъ слюны и

и пищевыхъ изверженій. Выворачивая языкъ до основанія у гортани и презрительно вытягивая желобкомъ нижнюю губу, Евгенія дикимъ и почти нечеловѣческимъ голосомъ кричала на всю церковь: ббэ! ббэ! ббэ!

При этомъ голова ея билась объ полъ, такъ что пришлось подложить ей коврикъ. Глаза ея моментально закатывались подъ орбиты, такъ что исчезали зрачки, и потомъ раскрывались не сразу, а лицо получало необыкновенно саркастическое, злое и чисто дьявольское выраженіе.

Теперь я знаю, какъ и съ какимъ выраженіемъ въ лицѣ художники должны бы рисовать дьявола...

Признаюсь, я опасался, что вотъ Евгенія сейчасъ же вырвется изъ рукъ монахинь и вцѣпится въ меня: я видѣлъ и чувствовалъ, какъ Евгенія злобно и насмѣшливо глядѣла на меня полуоткрытыми зрачками... Очевидно, она все видѣла, слышала и понимала, что ее отчитываютъ и за нее молятся.

„А что, если дьяволъ, которому вѣдь надо же куда-нибудь выйти изъ Евгеніи, войдетъ въ меня!—въ ужасѣ думалъ я.— Вѣдь я, можетъ быть, въ тысячу разъ грѣшнѣе Евгеніи! Съ человѣкомъ я, пожалуй, и слажу... Но какъ бороться съ дьявольской силой! И не побоится онъ, нечистый духъ, того, что на мнѣ крестъ, и что я нахожусь въ церкви!"

Стыдно признаться, но въ то время, въ церкви, я дрожалъ въ волненіи и трепеталъ предъ силою дьявола...

VII.

Но всѣ эти явленія, которыя Евгенія не могла продѣлывать симулятивно, лежа на церковномъ полу въ теченіе нѣсколькихъ часовъ (да и не было ей цѣли притворяться), быстро прекращались, какъ только окружающіе ее переставали молиться и говорить ей о Богѣ и святынѣ.

— Крестись, раба Божія Евгенія! Крестись!—внушали ей...

Сперва Евгенія не хотѣла креститься, такъ что монахини насильно водили ея рукою для совершенія крестнаго знаменія. А потомъ она уже и сама безпрестанно и порывисто крестилась, но въ то-же время лицо и все тѣло ея корчились... Она высовывала языкъ и неистово кричала: ббэ! ббэ! ббэ! ббэ!.. Какъ будто въ этой несчастной боролись два разныхъ человѣка, два начала: доброе, желающее исцѣленія молитвой (ибо иначе зачѣмъ же она появилась въ Саровѣ и Дивѣевѣ и за-

чѣмъ передъ этимъ цѣлый годъ странствовала къ отцу Іоанну Кронштадтскому), и злое, дьявольское начало, не желающее ее оставить.

— Изыди, душе нечистый, именемъ Божіимъ!—восклицаетъ читальщикъ.

— Сами выйдемъ! Сами выйдемъ!—кричатъ бѣсы устами Евгеніи.—Куда намъ выйти?..

— Изыди, нечистый духъ изъ рабы Божіей дѣвицы Евгеніи! Повелѣваю тебѣ, окаянный, именемъ Господа нашего Іисуса Христа, молитвами Пречистой Его Матери, преподобнаго отца нашего Серафима, святыя великомученицы Варвары и всѣхъ святыхъ! Изыди туда, откуда пришелъ, въ преисподнюю! Изыди, душе лукавый, въ стадо свиное, куда Самъ Господь нашъ изгонялъ бѣсовъ!

— Ббэ! ббэ!—выкрикиваетъ въ отвѣтъ бѣсноватая, высовывая до основанія языкъ.

— Заклинаю тя,—читаетъ по требнику колѣнопреклоненный богомолецъ,—злоначальника хульнаго, начальника сопротивнаго возстанія и самодѣтеля лукавства! Заклинаю тя, низверженнаго отъ горняго свѣтоношенія и во тьму глубины низведеннаго возношенія ради! Заклинаю тя и всю ниспадшую силу послѣдовательную твоего произволенія! Заклинаю тя, душе нечистый, Богомъ Саваоѳомъ и всѣмъ воинствомъ аггелъ Божіихъ, Адонай Елои, Бога Вседержителя! Изыди и разлучися отъ рабы Божіей Евгеніи! Заклинаю тя Богомъ Словомъ все создавшимъ... убойся, бѣжи, бѣжи и разлучися, демоне нечистый и скверный, преисподній, глубинный, льстивый, безобразный, видимый безстудія ради, невидимый лицемѣрія ради, идѣ же аще еси, или отъидеши, или самъ еси Веелзевулъ, или сотрясаяй, или зміевидный, или звѣроличный, или яко паръ, или яко птица, или нощеглагольникъ, или глухій, или нѣмый, или отъ нашествія устрашаяй, или растерзаяй, или навѣтуяй, или во снѣ тяжцѣ, или въ недузѣ, или въ язвѣ... или съ мѣсяцемъ премѣняяйся...

— Бээ! ббэ!—протестуютъ бѣсы устами несчастной Евгеніи.— Какія изъ тебя слова прутъ! Холера!..

— Убойся воплощеннаго Бога подобія,—продолжаетъ, не смущаясь, чтецъ,—и не сокрыйся въ рабѣ Божіей Евгеніи, но жезлъ желѣзный и пещь огненная, и тартаръ, и скрежетъ зубный, отмщенія преслушанія тебе ожидаетъ. Убойся, умолкни, бѣжи, не возвратися, ни скрыйся со инѣмъ лукавствомъ нечистыхъ духовъ, но отыди въ землю безводную, пустую, недѣланную, на ней же человѣкъ не обитаетъ...

— Ну, господинъ!—шепнула мнѣ пожилая монахиня,—ежели только на нее напущенъ дьяволъ до смерти ея, то ей не будетъ исцѣленія... Я ужъ видала такихъ! Сами видите, какой упорный бѣсъ!

— А зачѣмъ, матушка, образъ Варвары поставили?

— Видите ли?.. Дьяволъ все обманываетъ... Вотъ, вы еще не приходили сюда, а онъ, нечистый, выкрикивалъ въ ней, что его можетъ изгнать только великомученица Варвара!..

— Боже вѣчный,—продолжаетъ чтецъ,—избавивый родъ человѣческій отъ плѣненія діавольскаго! Избави рабу Твою, дѣвицу Евгенію, отъ всякаго дѣйства духовъ нечистыхъ: повели лукавымъ и нечистымъ духомъ же и демономъ отступить отъ души и тѣла рабы Твоей, дѣвицы Евгеніи, и не пребывати, ниже сокрытися въ ней? Да бѣжитъ именемъ Твоимъ святымъ!..

— Ббэ! ббэ! ббэ!..—кричатъ бѣсы въ корчащейся Евгеніи.

Мы всѣ устали. Почти все время стояли на колѣнахъ. Наступаетъ полночь...

— Ну,—начинаетъ импровизировать и вдохновенно грозить бѣсамъ богомолецъ-чтецъ,—ежели наши молитвы не изгонятъ тебя, душе лукавый и нечистый, то найдутся болѣе насъ достойные, а ужъ изгонятъ тя, окаяннаго! Мы призовемъ самого великаго мирликійскаго святителя и чудотворца Николая, иже порази и посрами нечестиваго ересіарха Арія на вселенскомъ соборѣ и укрѣпи вѣру Христову... Мы призовемъ и умолимъ нашего заступника во скорбѣхъ—преподобнаго во святыхъ отца Серафима, иже тысяща дней и нощей молися на камнѣ и, искушаемъ, побѣди діавола; иже отрокомъ бяше во градѣ Курскѣ, паде съ колокольни и бысть невредимъ произволеніемъ Божіимъ!..

— Ббэ! ббэ!—снова кричатъ бѣсы.

Наконецъ, испытываемъ послѣднее средство.

Подняли и подтащили бѣсноватую къ камню отца Серафима... Она хоть и крестится, но въ то-же время неистово и съ корчами кричитъ: ббэ! ббэ! ббэ!

Посовѣтовавшись, мы рѣшили оставить бѣсноватую на ночь въ церкви, подъ надзоромъ охраняющихъ церковь монахинь, съ тѣмъ, чтобы несчастная Евгенія, съ которой падали поставленныя на нее иконы во время ея бѣснованія, завтра же пріобщилась Святыхъ Таинъ.

— Какъ это вы, матушка, не боитесь остаться съ бѣсноватою?—спросилъ я почтенную монахиню.

— Да вѣдь мы, господинъ, ужъ привыкли къ этакимъ... Мы съ ней сладимъ. Она совсѣмъ не буйная!

VIII.

Было очень темно. Глухая полночь... Мы возвращались въ гостиницу съ полученнымъ отъ монахинь фонарикомъ.

Мой спутникъ обѣщалъ богомольцу, отчитывавшему бѣсноватую, помочь ему пройти къ мощамъ въ Саровѣ и для этого далъ ему свою визитную карточку для предъявленія полиціймейстеру. Разспрашивать этого читальщика,—кто онъ и не занимается ли спеціально отчитываніемъ бѣсноватыхъ,—было неудобно. Кажется, онъ проговорилъ, что онъ великій грѣшникъ и пришелъ на богомолье... И я очень удивился, когда неизвѣстный пытался поцѣловать руку, поданную ему нами на прощанье. Должно быть, онъ хотѣлъ проявить свое смиреніе...

Утромъ на другой день, предъ отъѣздомъ въ Арзамасъ, я не вытерпѣлъ и пошелъ въ церковь справиться объ Евгеніи.

Оказалось, что она покойно провела ночь въ церкви съ монахинями и рано ушла. Однакоже, она не пріобщилась святыхъ Тайнъ и, прикладываясь къ чудотворной иконѣ въ соборѣ, продолжала немного корчиться.

Стало быть, исцѣленія не послѣдовало... можетъ быть, и по грѣхамъ нашимъ!

Вскорѣ Константинъ Петровичъ привелъ бѣсноватую изъ собора и помѣстилъ ее со слѣпою въ коридорѣ гостиницы.

— Мнѣ нехорошо быть здѣсь, въ вашей компаніи!—сказала Евгенія съ искривленнымъ дьявольской улыбкой лицомъ.— Ббэ!

Она пыталась уйти.

— Нѣтъ, раба Божія Евгенія, мы тебя не пустимъ!—говорилъ Константинъ Петровичъ.—Ты теперь наша! Незачѣмъ тебѣ уходить... Найдутся здѣсь или въ Саровѣ люди, болѣе насъ достойные, и умолятъ отца Серафима о твоемъ исцѣленіи.

— Ббэ, ббэ!—протестуетъ дьяволъ.

Подошелъ пріѣзжій священникъ и, по моей просьбѣ, благословилъ несчастную.

Когда мы угощали слѣпую и бѣсноватую чаемъ съ булками, я опасался, какъ бы Евгенія, корчась, не разбила себѣ голову о стѣну. Однакоже все обошлось благополучно, и Евгенія не разбила даже посуды.

Я предложилъ слѣпой Аннѣ Николаевнѣ отодвинуться отъ Евгеніи, опасаясь, какъ бы та ее не ушибла.

— Я никому вреда не дѣлаю!—сказала Евгенія.—Я только

сама для себя несчастная и мучаюсь съ двѣнадцати лѣтъ... А мнѣ ужъ, видно, мучиться до смерти!..

Когда же, въ утѣшеніе ея, я сказалъ, чтобъ она вѣровала въ силу Божію и молилась и ее исцѣлитъ Господь, Которому и бѣсы повинуются, и Который сотворилъ это ничтожество, самого дьявола,—вдругъ съ нею начался сильнѣйшій припадокъ бѣснованія и неожиданно, къ ужасу моему, владѣвшій ею дьяволъ сталъ богохульствовать.

— Ббэ! ббэ! Я самъ сотворилъ міръ!—какъ бы прорычалъ онъ устами Евгеніи.—Ббэ! ббэ!.. А вашего Бога я съ неба сброшу!..

Конечно, неграмотная крестьянка, не будучи одержима дьяволомъ, едва ли сама, по своей волѣ, могла такъ богохульствовать и, притомъ, въ такихъ выраженіяхъ.

Послѣ этого я рѣшилъ уже не разговаривать съ Евгеніей о Богѣ и святынѣ.

„Вѣроятно,—подумалъ я,—и сама Евгенія не вѣритъ въ возможность своего исцѣленія: она сама сказала, что ей предстоитъ мучиться до смерти... Какъ разъ сегодня она высказала то самое, что наканунѣ я слышалъ въ церкви отъ монахини, когда мы пытались ее отчитать. А потому, можетъ быть, она и не исцѣлилась, хотя и была въ Саровѣ у св. мощей“.

Когда же Константинъ Петровичъ объявилъ слѣпой и бѣсноватой, что онъ оставитъ денегъ монахинямъ, матери Вероникѣ, и попроситъ ихъ позаботиться о нихъ, а намъ обоимъ надо ѣхать домой,—слѣпая упала въ ноги и начала благодарить...

— Что вы, Анна Николаевна! Что вы это!—сказалъ въ смущеніи Константинъ Петровичъ, поднимая ее.—Какъ это можно! На колѣна падаютъ люди только въ молитвѣ передъ Богомъ... Желаю вамъ окончательно прозрѣть!

— А я, несчастная,—сказала Евгенія, быстро и нервно крестясь и ехидно склоняя голову съ искривившею ея лицо улыбкою,—не могу и благодарить васъ!.. Я хочу говорить и сдѣлать одно, а говорю и дѣлаю все навыворотъ... Я собою не владѣю!.. Ббэ! ббэ! ббэ!..

. . . .

Такъ и разстались мы съ обѣими несчастными въ Дивѣевѣ и къ вечеру были на грязномъ и безпорядочномъ вокзалѣ въ Арзамасѣ.

Пока мы ѣхали шагомъ, останавливались въ одной деревнѣ только для чаепитія и для того, чтобы покормить уставшую лошадь.

Тысячи богомольцевъ, пѣшіе и на лошадяхъ, тянулись тогда намъ на встрѣчу въ Саровъ къ Успеньеву дню.

Шелъ между прочимъ на двухъ костыляхъ и какой-то человѣкъ объ одной ногѣ. Ему швырнули пятакъ... Я не посмотрѣлъ, какъ это онъ ухитрился поднять монету. Но только у меня тогда же мелькнула мысль: а если несчастный упадетъ и не получитъ людской помощи,—кто подниметъ его?

Конечно, нашъ батюшка, заступникъ предъ Богомъ и кормилецъ, преподобный Серафимъ!

В. А. Волжинъ.

Пенза.
24 авг. 1903 г.

ДЕКАДЫ.

I.

Отъ друзей, отъ разговоровъ
Вечеръ я отвоевалъ.
Ужъ давно отъ шумныхъ споровъ,
Скучныхъ споровъ я усталъ.

Точно съ рукъ свалились узы...
Я забылся въ полуснѣ
И съ улыбкой робкой Музы
Слышу шепотъ въ тишинѣ...

II.

Цѣни враговъ. На полѣ чести,
Какъ честный врагъ, ихъ мечъ встрѣчай
И торжествомъ постыдной мести
Свою побѣду не вѣнчай.

Но, если ты въ свободѣ скромной
Боишься рабства и цѣпей,—
Бѣги измѣны вѣроломной,
Бѣги отъ дружбы и друзей.

III.

Опять слова царятъ надъ міромъ,
Лѣнивый умъ безпечно спитъ
И передъ рыночнымъ кумиромъ
Толпа счастливая стоитъ.

Онъ новый идолъ, въ немъ все ново:
До насъ онъ мертвымъ камнемъ былъ.
Но этотъ камень наше слово
По нашей волѣ воплотилъ.

IV.

Къ намъ нашу правду приносятъ годы.
Боится умъ
Въ дни молодые своей свободы
И смѣлыхъ думъ.

Онъ не посмѣетъ сорвать вериги
Чужихъ оковъ:
Онъ, какъ ребенокъ, боится книги
И новыхъ словъ.

V.

Многосторонніе умы
Въ вѣкахъ прославятъ наше время:
Ужъ и теперь, пожалуй, мы
Совсѣмъ особенное племя.

Начнется съ нами новый вѣкъ,
Иные намъ пути открылись:
Чтобъ умеръ прежній человѣкъ;
Мы взяли и—переродились...

VI.

Желанье мысль тебѣ внушило,
Ту мысль не жизнь тебѣ дала...
Мечты таинственная сила
Волшебный замокъ создала.

Въ туманной мглѣ его бойницы
Сегодня взоръ чаруютъ твой,
Но завтра первый лучъ денницы
Прогонитъ призракъ кочевой...

VII.

Пророкъ, ты хочешь, чтобъ бѣжали
Вслѣдъ за тобой толпы людей,
Чтобы слова твои звучали
Надъ гуломъ шумныхъ площадей?

Оставь Синай, иди къ народу,
Возьми скрижали съ алтарей
И предъ толпой—толпѣ въ угоду—
О первый камень ихъ разбей!

VIII.

Видитъ взоръ въ неясной мглѣ
Сѣрыхъ чаекъ на скалѣ.
За туманомъ нѣтъ вдали
Ни залива, ни земли.

Только здѣсь, на ребрахъ скалъ,
Сѣрыхъ чаекъ день собралъ:
Прилетятъ на мигъ сюда
И исчезнутъ—безъ слѣда...

IX.

Полный гнѣва и угрозы,
Мчится вѣтеръ съ высоты:
Не легко сорвать съ березы
Пожелтѣвшіе листы.

Сколько дней онъ въ сучьяхъ бьется,
Спать березѣ не даетъ,—
А она дрожитъ и гнется,
Но листовъ не отдаетъ...

X.

Твои мечты—неосторожны,
Твои надежды—не вѣрны:
И далеки, и невозможны
Забытой молодости сны.

Остановясь къ концу дороги,
Въ усталомъ сердцѣ грѣешь ты
Свои послѣднія тревоги,
Свои послѣднія мечты...

Н. Соколовъ.

ПИСЬМА О ДЕРЕВНѢ.

XI.

Въ царствованія императоровъ Павла I и Александра I выпускъ ассигнацій все-таки продолжался и достигъ въ 1808 году громадной суммы въ 477 милліоновъ рублей, причемъ курсъ ассигнацій, хотя и колебался въ зависимости отъ торговаго нашего баланса, но все-таки, не смотря на усиленный ихъ выпускъ, даже поднялся; за металлическій рубль платили 1 р. 36 коп. ассигнаціями. Это подтверждало, что не количество ассигнацій вліяло на курсъ ихъ, а исключительно торговый балансъ.

Въ 1807 году, послѣ Тильзитскаго мира, мы должны были принять континентальную систему и прекратить торговлю съ Англіей. Это совершенно убило нашу торговлю, потому что Англія брала нашъ хлѣбъ, сало, лѣсъ, ленъ и другія главныя наши произведенія. Лишившись ихъ сбыта, нашъ торговый балансъ настолько рѣзко обратился не въ нашу пользу, что черезъ годъ, въ 1809 году, курсъ ассигнацій сразу палъ вдвое, а затѣмъ вчетверо: за металлическій рубль платили 2 р. 24 коп. ассигнаціями, въ 1810 году—3 рубля, въ 1812 году—3 руб. 95 коп., а въ 1815 году—4 руб. 18 коп., т. е. ассигнаціи цѣнились менѣе 25 коп. за рубль; количество же ихъ достигло 836 милліоновъ рублей.

Такимъ образомъ первое время, пока нашъ торговый балансъ былъ въ нашу пользу, — выпускъ даже ста милліоновъ рублей ничѣмъ не обезпеченныхъ ассигнацій не поколебалъ ихъ курса. Всѣ онѣ обращались внутри страны и пользовались довѣріемъ народа, но стоило лишь торговому балансу поколебаться не въ нашу пользу, а ассигнаціямъ появиться въ большемъ числѣ за границей, то на нихъ началъ устанавливаться курсъ, въ зависимости отъ довѣрія къ нимъ иностранцевъ, которое основывалось исключительно на количествѣ ихъ въ оборотѣ на иностранныхъ биржахъ.

Что въ этомъ отношеніи преобладало вліяніе внѣшнее, это видно изъ того, что, когда въ 1796 году обращалось 157 милліоновъ рублей ассигнаціями, курсъ ихъ былъ 1 рубль 47 коп., въ 1803 году, когда ихъ обращалось 248 милліоновъ рублей, курсъ ихъ былъ 1 р. 25 коп., а въ 1808 году, когда ихъ было

477 милліоновъ, курсъ ихъ стоялъ 1 р. 36 коп. Колебанія эти зависѣли исключительно отъ торговаго баланса, а не отъ количества ассигнацій.

Съ 1817 года начинается изъятіе изъ обращенія ассигнацій частью на внутренніе, а частью на внѣшніе займы; дальнѣйшій же выпускъ ихъ былъ прекращенъ и къ 1824 году уменьшилось ихъ количество на 240 милліоновъ рублей, а осталось 598 милліоновъ руб., которые обращались по 3 р. 50 коп. за металлическій рубль.

Такой курсъ утвержденъ былъ за ними правительствомъ. Да и не могло оно желать подъема ихъ курса, потому что большая часть ассигнацій и выпущена была по низкому курсу, такъ что выкупать ихъ рубль за рубль было не разсчетъ.

Такимъ образомъ печально закончился нашъ первый опытъ выпуска бумажныхъ денегъ. Съ одной стороны курсъ ихъ подрывался нашей таможенной политикой, создавшей дефициты въ нашемъ торговомъ балансѣ, а съ другой—послѣдніе чрезмѣрные ихъ выпуски для нуждъ правительства, не смотря на низкій курсъ ихъ, наконецъ, поколебали и довѣріе населенія къ нимъ.

При такихъ обстоятельствахъ вступилъ въ управленіе министерствомъ финансовъ въ 1823 году графъ Канкринъ. Утвердивъ курсъ ассигнацій, онъ всѣ свои усилія направилъ на то, чтобы обратить торговый балансъ въ нашу пользу, но для этого нужно было развить торговлю и промышленность въ странѣ.

Графъ Канкринъ прекрасно сознавалъ, что для развитія торговли и промышленности необходимы деньги или какіе-либо устойчивые денежные знаки. Между тѣмъ въ Россіи золота и серебра было очень мало, а 598 милліоновъ руб. ассигнаціями, обращавшимися въ народѣ, собственно составляли, по курсу 3 р. 50 коп. за рубль металлическій, всего лишь 170 милл. рублей, которыми не могла въ достаточной степени обслуживаться промышленность и торговля страны. Въ виду этого онъ развилъ систему вкладныхъ билетовъ, состоявшую въ томъ, что въ бывшія кредитныя учрежденія вносили деньги, на которыя получали билетъ, свободно обращавшійся въ населеніи наравнѣ съ деньгами, потому что билеты эти размѣнивались по предъявленію. Они особенно цѣнились населеніемъ потому, что приносили сначала, до 1830 года, 5%, а затѣмъ 4%, кредитныя же учрежденія, ихъ выпускавшія, деньги раздавали въ ссуды по 6%. Такихъ билетовъ въ 1820 году было на 50 милліоновъ рублей, въ 1830 году на 123 милліона руб., а въ 1840 году на 574 милліона рублей, и обращались они въ странѣ наравнѣ съ деньгами, и даже всякій старался заручиться ими, такъ какъ они приносили проценты.

Такимъ образомъ графъ Канкринъ, не прибѣгая къ выпуску ассигнацій, вчетверо увеличилъ денежное обращеніе въ странѣ и довелъ его до небывалаго размѣра.

При помощи этихъ денегъ внѣшняя наша торговля почти удвоилась и за это время, съ 1823 года по 1840 годъ включительно, торговый балансъ былъ въ нашу пользу на 261 мил-

ліонъ рублей, т. е. 261 милліонъ рублей мы получили денегъ изъ-за границы.

Въ странѣ тогда обращались голландскія, французскія, англійскія, австрійскія, итальянскія и т. п. золотыя монеты, да и русской золотой и серебряной монеты тоже скопилось много, такъ какъ чеканка ея не прекращалась. Время это, вполнѣ справедливо, называется у насъ золотымъ вѣкомъ.

Въ такое время, во всеоружіи денегъ, графъ Канкринъ предпринялъ погашеніе ассигнацій и введеніе новыхъ бумажныхъ денегъ,—кредитныхъ билетовъ, которые необходимы были въ виду тяжести монеты для перевозки и неудобства ея обращенія въ крупной торговлѣ.

Переходомъ къ кредитнымъ билетамъ былъ выпускъ депозитныхъ билетовъ. 1 января 1840 года при коммерческомъ банкѣ открыта была депозитная касса, въ которую каждый имѣлъ право вносить золото, серебро и получать отъ нея депозитный билетъ, который всюду размѣнивался на звонкую монету. Этимъ графъ Канкринъ хотѣлъ вновь вселить въ населеніе довѣріе къ бумажнымъ деньгамъ.

Надежды графа Канкрина вполнѣ сбылись; золото обильною струей полилось въ депозитную кассу. Въ первый же годъ оказалось въ кассѣ на 24 милліона руб. золота. Къ концу 1842 года его уже было 44 милліона руб. Тогда графъ Канкринъ выпустилъ на 30 милліоновъ рублей кредитныхъ билетовъ, которыми погасилъ 12 милліоновъ рублей депозитныхъ билетовъ и на 35 милліоновъ рублей старыхъ ассигнацій. Въ слѣдующемъ 1844 году онъ дѣйствовалъ уже смѣлѣе и увеличилъ количество кредитныхъ билетовъ до 122 милл. рублей, которыми погасилъ снова на 12 милл. руб. депозитныхъ билетовъ и на 238 милл. руб. ассигнацій, такъ что всѣхъ ассигнацій осталось въ обращеніи 323 милліона рублей. Въ то же время онъ увеличилъ и размѣнный фондъ до 59 милліоновъ рублей золотомъ.

Въ томъ же году этотъ геніальный министръ финансовъ, приведшій въ самое блестящее положеніе финансы Россіи, обогатившій въ то же время народъ и развившій на правильныхъ началахъ промышленность и торговлю страны, оставилъ свой постъ, а въ слѣдующемъ 1845 году 10 сентября умеръ.

XII.

Нельзя пройти молчаніемъ утрату, которую понесла Россія въ лицѣ графа Канкрина. Онъ былъ не только замѣчательнымъ министромъ финансовъ, но еще и великимъ мыслителемъ. Н. X. Бунге, далеко не будучи въ то время поклонникомъ графа Канкрина, разбирая въ статьѣ своей [1]) его сочиненія „Всемірное богатство, народное богатство и государственное

[1]) „Русскій Вѣстникъ“ 1864 г. ноябрь. «Мысли графа Канкрина о бумажныхъ деньгахъ».

хозяйство“ и „Экономія человѣческихъ обществъ и финансовое устройство“, характеризуетъ его личность слѣдующимъ образомъ: „Графъ Канкринъ всегда ясно понималъ, чего хотѣлъ, и начатое дѣло умѣлъ довести съ успѣхомъ до конца“. Далѣе, критикуя его управленіе, Бунге говоритъ: „неподвижность составляла характеристическую черту финансоваго управленія 1822—1842 годовъ“, но потомъ добавляетъ: „впрочемъ, каковы бы ни были недостатки финансовой системы графа Канкрина, но изъ двухъ крайностей—неподвижности и легкомысленной импровизаціи—первая составляетъ меньшее зло“.

Впослѣдствіи, тотъ же профессоръ Н. Х. Бунге, будучи призванъ на постъ министра финансовъ, во многомъ, въ особенности въ послѣдніе годы управленія министерствомъ, слѣдовалъ теоріи графа Канкрина и, когда его однажды спросили, какъ это онъ, всегда проповѣдывавшій свободу торговли, теперь обратился къ протекціонизму, то онъ отвѣтилъ, что читать лекціи и управлять финансами страны большая разница.

Въ своихъ сочиненіяхъ графъ Канкринъ, разбирая подробно финансовыя мѣропріятія по государственному и народному хозяйству, между прочимъ, высказываетъ слѣдующія мысли: „Нѣтъ мѣры болѣе дикой, какъ уменьшеніе массы бумажныхъ денегъ займами, *или фундированіемъ ихъ въ большомъ размѣрѣ.* Если цѣль достигнута, то страна обременяется громадными процентами, *но это было бы переходомъ отъ системы бумажныхъ денегъ къ системѣ банкротства по государственнымъ долгамъ*“.

„Дѣйствіе бумажныхъ денегъ представляетъ много особенностей въ странѣ съ развивающейся промышленностью, какъ напримѣръ, въ Россіи и Америкѣ. Здѣсь силамъ и капиталамъ представляется столько занятій, что страна можетъ вынести, такъ сказать, поглотить большую массу бумажныхъ денегъ“.

„Биржевая игра дѣйствуетъ непрерывно вреднѣе и вреднѣе на кредитъ государственныхъ бумагъ, потому что она дѣлаетъ намѣренно все возможное, чтобы подкопать государственный кредитъ, и всѣ мѣры противъ нея увеличиваютъ зло, обнаруживая опасенія государства, которыя отражаются частнымъ недовѣріемъ въ увеличенномъ размѣрѣ. *Нѣтъ оборотовъ болѣе безплодныхъ для народа, какъ спекуляція бумагами; она не только не способствуетъ, но прямо вредитъ его производительности*“.

Говоря объ ошибочныхъ мѣрахъ по отношенію къ бумажнымъ деньгамъ, графъ Канкринъ, между прочимъ, высказываетъ слѣдующее:

„Нерѣдко правительство считаетъ народъ слишкомъ простымъ. Такой взглядъ свойственъ самолюбію служащихъ *Думаютъ многое совершить посредствомъ палліативныхъ мѣръ, отличающихся внѣшнимъ блескомъ, и остаются ни причемъ*“.

„Часто призываютъ на помощь школьную ученость, которая, слѣдуя прежнимъ взглядамъ, даетъ мало значенія нравствен-

нымъ причинамъ и сама не понимаетъ, какимъ образомъ обмануло ее чистое исчисленіе".

„Есть примѣры, что считали народъ слишкомъ умнымъ, и тѣмъ приводили его въ недоумѣніе"...

„Еслибы Берингъ, Гопъ, Бетманъ, или Ротшильдъ стали увѣрять въ газетахъ, что ихъ дома солидны, что съ ними нельзя рисковать, то ихъ кредитъ погибъ, хотя бы они приняли наилучшія мѣры для уплаты пассивовъ. *Государство никогда не должно говорить ложь, но оно многаго не должно касаться, и полная откровенность только тогда необходима, когда и народъ, и дѣло достаточно созрѣли: тогда надобно высказаться безъ умолчаній, на основаніи документовъ и съ ручательствомъ за искренность.* Откровенность въ такомъ случаѣ, въ особенности если она поддержана государственнымъ устройствомъ, творитъ иногда чудеса".

„*Въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣйствовали, повидимому, двулично. Предпринимали операціи для улучшенія бумажной денежной системы, съ тѣмъ чтобы скрыть новые выпуски, надѣясь въ то же время поддержать курсъ бумажныхъ денегъ обманомъ.* Это болѣе вредило, чѣмъ приносило пользу. *Министры, конечно, надѣялись, что народъ ничего не замѣтитъ, но такъ какъ министры не принадлежатъ необходимо къ числу умнѣйшихъ людей, то дѣло раскрывалось и довѣріе окончательно погибало"*...

„Нѣсколько прежде думали, что усиленіе размѣна, какъ напримѣръ при Павлѣ I, или что займы при очень выгодномъ условіи платежа серебромъ, поддержатъ бумажныя деньги, или даже доведутъ курсъ до пари; но успѣхъ извѣстенъ. Средства, которыми располагало государство, были всегда слишкомъ ничтожны для достиженія цѣли, и вскорѣ сами истощались: капля вина не сдѣлаетъ стакана воды похожимъ на вино".

Видно, графъ Канкринъ предчувствовалъ, что съ его дѣтищемъ сотворятъ что-то недоброе, и пророчески предсказывалъ всѣ тѣ ошибки, которыя могли быть сдѣланы. И дѣйствительно, нѣтъ той ошибки, которую бы въ точности не исполнили последовательно всѣ его пріемники, исключая графа Вронченко.

XIII.

Такимъ образомъ графу Канкрину не удалось увидѣть результатовъ своей реформы денежнаго обращенія, которую блистательно закончилъ его преемникъ, графъ Ф. И. Вронченко, слѣдовавшій мудрой финансовой политикѣ своего предшественника.

Къ 1852 году онъ выкупилъ всѣ ассигнаціи и депозитные билеты и собралъ размѣнный фондъ въ 147 милліоновъ руб., а для этого всего онъ выпустилъ 311 милліоновъ рублей кредитныхъ билетовъ.

Въ то же время, за 1841—1852 года, торговый балансъ далъ

въ нашу пользу 132½ милл. руб., что съ поступившими до 1841 года—261 милл. руб. составляло 393½ милл. руб. Вкладовъ же поступило на 941 милл. рублей.

При натуральномъ способѣ веденія хозяйства въ 1852 году, когда крестьяне не должны были вносить за аренду земли, за выпасъ скота, за лѣсъ для построекъ и т. п., платежи помѣщикамъ, когда они довольствовались одеждой и обувью, сдѣланными дома, когда и помѣщикъ не платилъ денегъ за обработку земли, а расплачивался съ крестьянами землею и припасами, когда, наконецъ, государственный бюджетъ доходилъ всего лишь до 280 милл. руб., тогда при совершенно нормальныхъ условіяхъ въ населеніи обращалось всего денегъ: приблизительно 300—350 милліоновъ рублей звонкой монетой, 311 милл. рублей кредитными билетами, на 57 милл. рублей билетовъ государственнаго казначейства (серій) и на 941 милл. рублей вкладныхъ билетовъ, а всего отъ 1.609 до 1.659 милл. рублей.

Раздѣляя на количество населенія въ 70 милліоновъ душъ, это составляло свыше 23 рублей на человѣка, что при курсѣ 4 франка за рубль составляло 92 франка на душу населенія. Никто при этомъ не чувствовалъ избытка денегъ, но были только нормальныя отношенія между покупателями и продавцами, между заимодавцами и нуждающимися въ кредитѣ, наконецъ было соотвѣтствіе между налогами и количествомъ обращающихся въ населеніи денежныхъ знаковъ. Около 2% всего количества денегъ должно было поступать ежегодно въ казначейство, и затѣмъ онѣ разными путями возвращались въ населеніе. Никто не метался, какъ бы въ какомъ-то горячечномъ изступленіи для того, чтобы достать гдѣ-нибудь денегъ, даже съ товаромъ въ рукахъ, какъ это нынѣ дѣлается.

Графа Вронченко замѣстилъ Брокъ въ 1853 году. При немъ началась ломка всей системы графа Канкрина. Началась она съ основанія, т. е. съ измѣненія таможенной политики, а кончилась преобразованіемъ всей кредитной системы и финансовой.

Для покрытія расходовъ по Севастопольской кампаніи было выпущено на 400 милл. рублей кредитныхъ билетовъ, съ обѣщаніемъ погасить ихъ въ теченіе 2 лѣтъ, такъ что ихъ въ обращеніи находилось 735 милл. рублей. Это, а равно и замѣшательство въ торговлѣ поколебали курсъ нашего рубля, но къ 1857 году онъ не только достигъ паритета, а даже за 100-рублевый кредитный билетъ въ началѣ года на лондонской биржѣ давали 102 рубля золотомъ.

Въ томъ же 1857 году 1 января вступилъ въ дѣйствіе новый таможенный тарифъ, которымъ значительно облегчался доступъ къ намъ иностранныхъ товаровъ. Дѣйствіе его не замедлило сказаться дефицитомъ въ торговомъ балансѣ и паденіемъ къ концу года курса рубля, а вслѣдъ затѣмъ и размѣнъ былъ прекращенъ.

Прекращеніе размѣна тѣмъ болѣе было странно, что для погашенія кредитныхъ билетовъ имѣлось 23 милл. рублей

свободныхъ денегъ отъ вкладовъ въ государственномъ коммерческомъ банкѣ, и еслибы такое количество кредитныхъ билетовъ было погашено, то это несомнѣнно повліяло бы на курсъ рубля, но сочли за лучшее ничего не предпринимать, а вытѣснить эти деньги вкладчикамъ обратно, понизивъ % сначала до 3, а затѣмъ до 2, а потомъ и самыя кредитныя учрежденія, какъ необходимыя помѣщикамъ, упразднить.

Несмотря на то, что эти деньги и были заняты впослѣдствіи по 5%, однакоже господа реформаторы достигли своего и, хотя бы цѣною разоренія страны, стѣснили помѣщиковъ до крайности. Въ этомъ случаѣ они отомстили помѣщикамъ, какъ въ извѣстномъ анекдотѣ мальчикъ хотѣлъ отомстить своему гувернеру.

Какой-то злой геній виталъ тогда надъ Россіей. Съ какимъ-то непонятнымъ ослѣпленіемъ громили все, раньше созданное долговременными усиліями и трудомъ, не понимая, или, лучше сказать, не желая понимать того, что они дѣлаютъ. Прикрываясь либеральными вѣяніями и, яко бы, новыми идеями, они хотѣли во что бы то ни стало разорить помѣщиковъ, но въ то же время они разрушали благосостояніе всей страны.

Итакъ, 1857 годъ можно считать началомъ крушенія благосостоянія Россіи и полнымъ разстройствомъ ея финансовъ.

Мы не будемъ здѣсь распространяться о печальной и безсмысленной исторіи ликвидаціи старыхъ кредитныхъ учрежденій, а только укажемъ то, что всѣ вклады были обращены во внѣшніе и внутренніе займы; помѣщики же лишены были всякаго кредита и усиленно должны были погашать прежнія ссуды. Новое же учрежденіе, подъ названіемъ государственнаго банка, созданное „для содѣйствія развитію торговыхъ оборотовъ и упроченія кредитной денежной системы“, оказалось младенцемъ слѣпорожденнымъ и недоношеннымъ, такъ какъ оно ни торговыхъ оборотовъ не развило, ни кредитной системы не упрочило, да и по настоящее время влачитъ лишь жалкое существованіе, хотя весьма немногіе избранные сильно поживились отъ него и черезъ него. О полезной дѣятельности его много говорилъ и писалъ недавно умершій милліонеръ Е. И. Ламанскій.

Переходя къ обзору постепеннаго нашего разоренія, исходнымъ пунктомъ возьмемъ количество денежныхъ знаковъ, обращавшихся въ странѣ въ 1857 году. Золотой и серебряной монеты, которая не переставала къ намъ приливать вплоть до 1857 года, въ странѣ было не менѣе 300—350 милл. руб.; кредитныхъ билетовъ выпущено было 735 милл. руб.; билетовъ государственнаго казначейства—на 93 милл. руб. и, кромѣ того, обращалось въ народѣ на 1.240 милл. рублей вкладныхъ билетовъ, а всего 2.368 милл. руб. Слѣдовательно, на 74 милл. душъ (согласно X ревизіи) приходилось по 32 рубля или по 128 франковъ на человѣка.

Позволимъ себѣ для сравненія представить исчисленныя директоромъ монетнаго двора Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ данныя о количествѣ обращавшихся де-

нежныхъ знаковъ въ западныхъ государствахъ къ концу 1898 года.

	Въ франкахъ.
Германія	94,75
Англія	103,25
Голландія	118,25
Сѣверо-Американскіе Соед. Штаты	118,50
Бельгія	128,50
Франція	173,40

Изъ этого видно, что еще въ 1852 году, когда лишнихъ денегъ не было, въ Россіи обращалось денежныхъ знаковъ лишь на 2,75 франка меньше, чѣмъ нынѣ въ Германіи, а въ 1857 году ихъ столько было, какъ въ Бельгіи, но почему-то господа реформаторы нашли такое количество денегъ излишнимъ, а вслѣдъ затѣмъ занимали ихъ, гдѣ только было возможно и на самыхъ невыгодныхъ условіяхъ.

Первое, для извлеченія на 1240 милл. рублей вкладныхъ билетовъ, были израсходованы свободные 238 милл. руб., затѣмъ разновременно по 1867 годъ занято было 847 милл. по 5%, вмѣсто платившихся 4%, и выпущено билетовъ государственнаго казначейства (серій) на 123 милл. рублей и еще долгу къ 1867 году бывщимъ кредитнымъ учрежденіямъ оставалось 37 милл. руб., а всего 1245 милл. руб.

Не замедлило сказаться и дѣйствіе новаго таможеннаго тарифа, созданнаго на фритредерскихъ вѣяніяхъ.

За 10-лѣтіе съ 1857 года по 1867 годъ, согласно даннымъ таможеннаго департамента, вывозъ золотой и серебряной монеты превышалъ привозъ ея въ Россію на 247 милл. рублей. Однимъ словомъ, вывезено было почти все обращавшееся у насъ золото и серебро. Съ тѣхъ поръ уже не стало видно иностранной золотой монеты, въ такомъ изобиліи обращавшейся у насъ, да и свое золото и серебро хранилось, какъ рѣдкость, только въ копилкахъ и кубышкахъ.

Такимъ образомъ, съ 1867 г. въ народномъ обращеніи можно считать лишь одни кредитные билеты, которыхъ къ тому времени состояло всего 619½ милліон. руб., да билетовъ государственнаго казначейства на 217 милліоновъ рублей.

Разумѣется, промышленность и торговля, располагавшія въ 1857 году 2,368 милл. рублей, ощущали сильный недостатокъ въ деньгахъ за сокращеніемъ ихъ до 836½ милл. рублей, т. е. почти до ⅓ бывшаго количества. Купцы въ меньшемъ числѣ появлялись въ деревняхъ для скупки сельскихъ произведеній, а затѣмъ и вовсе прекратили свои объѣзды, обратившись, мало-по-малу, въ современныхъ пауковъ, сидящихъ на мѣстѣ и выжидающихъ, чтобы къ нимъ пріѣзжали сельчане съ предложеніемъ своихъ произведеній. Къ тому же времени нужно отнести сокращеніе многихъ производствъ, вслѣдствіе недостатка денегъ, и начало упадка ярмарокъ.

Но еще болѣе грозная туча надвигалась на промышленность и кустарные промыслы страны, въ видѣ послѣдствій таможен-

наго тарифа 1869 года, окончательно уже построеннаго на началахъ свободной торговли, на погибель Россіи.

За семилѣтіе 1869—1876 года, кромѣ того, что торговый балансъ оказался не въ нашу пользу, на громадную сумму 413 милл. рублей, считая рубли въ 1/10 имперіала, еще вывезли мы остатки золотой и серебряной монеты на 111 милл. рублей, а курсъ кредитнаго рубля въ 1877 г. низвели до 67,45 коп., причемъ количество ихъ увеличили до 1,040 милл. рублей, т. е. повторилось то же самое, что уже было при Александрѣ I.

Иностранныя произведенія наводнили Россію, многія фабрики и заводы прекратили свое производство и закрылись; лишь безмолвные, полуразрушенные остовы этихъ фабрикъ и заводовъ свидѣтельствовали о нѣкогда бывшемъ благополучіи и служили какъ бы народными монументами бывшимъ министрамъ финансовъ, Броку, Княжевичу и Рейтерну, за ихъ плодотворную дѣятельность.

Если бы графъ Канкринъ всталъ изъ гроба и посмотрѣлъ на то, что сдѣлали за 20 лѣтъ съ его дѣтищемъ, то навѣрно умеръ бы отъ апоплексическаго удара.

На всѣ сельскія произведенія, кромѣ хлѣба, который нуженъ былъ иностранцамъ, спросъ совершенно прекратился. Скотоводство, овцеводство, коневодство, льноводство и разведеніе пеньки, — эти столпы сельскаго хозяйства окончательно пали, вслѣдствіе обезцѣненія ихъ продуктовъ. Деревня должна была основать все свое благосостояніе на одномъ производствѣ хлѣба, на который былъ еще спросъ. Распахали всѣ пастбища, луга и даже лѣса истребили для увеличенія пахатной земли, но столь одностороннее хозяйство не замедлило принести свои плоды. Земля истощилась безъ удобренія и начались недороды, а случайный неурожай ставилъ земледѣльца въ безвыходное положеніе.

Былые запасы быстро истощились и всякій недородъ повергалъ сельское населеніе въ бѣдствіе и голодовки, а тутъ еще подоспѣли кстати паденіе цѣнъ на хлѣбъ и значительное увеличеніе налоговъ, которые нужно было платить исключительно изъ однихъ средствъ, выручаемыхъ отъ продажи хлѣба.

Чѣмъ больше населеніе распахивало земель и расширяло посѣвы, сокращая остальныя отрасли хозяйства, въ томъ числѣ и скотоводство, необходимое для удобренія полей, тѣмъ недороды становились чаще и положеніе деревни тягостнѣе.

Такимъ образомъ, сельское населеніе достигло, наконецъ, до современнаго бѣдственнаго положенія, при которомъ требуются уже чрезвычайныя мѣры для того, чтобы его поддержать, такъ какъ оно уже дошло до полнаго истощенія и изнуренія.

XIV.

Послѣ 1877 года мы мало-по-малу начали возвращаться къ покровительственной таможенной полемикѣ, но въ высшей степени односторонней, въ которой интересы сельскаго хозяй-

ства и сельскаго населенія совершенно пренебрегались. На первый планъ выдвинуто было поощреніе фабрично-заводской промышленности, во что бы то ни стало. По требованію фабрикантовъ облагались чрезмѣрною пошлиною готовыя произведенія, а сырые и полуобработанные матеріалы для этихъ фабрикъ и заводовъ, вовсе не нужные намъ и съ успѣхомъ могущіе производиться нашимъ сельскимъ хозяйствомъ, ввозились изъ-за границы или безпошлинно, или съ самымъ ничтожнымъ обложеніемъ.

Такимъ образомъ нашу деревню начали бить съ двухъ сторонъ: съ одной стороны непомѣрной дороговизной всякихъ произведеній фабрично-заводской промышленности, огражденной высокими пошлинами и использующей ихъ полностью въ виду отсутствія конкурренціи, за недостаткомъ капиталовъ, а съ другой — крайне низкою цѣною на сырыя произведенія сельскаго хозяйства, которыя могли бы идти на эти фабрики, но замѣнялись иностранными, по различныхъ соображеніямъ: дешевизна, кредитъ, особо пониженные ввозные тарифы и т. п.. Разумѣется, при такихъ условіяхъ деревня быстро разорялась, промышленность же не могла успѣшно развиваться, потому что населенію нечѣмъ было платить за ея произведенія изъ иностраннаго сырья. Не могли же, въ самомъ дѣлѣ, сельскіе жители, ничего не продавая, постоянно и все покупать.

Какой смыслъ и какая польза могла быть для страны въ томъ, что мы ввозили и ввозимъ заграничную овечью шерсть, потому что она обходится фабрикантамъ дешевле нашей. Вѣдь климата нашего мы этимъ не измѣнимъ и нашихъ сельскихъ хозяевъ не поставимъ въ одинаковыя условія съ австралійскими или африканскими, которые располагають подножнымъ кормомъ для овецъ круглый годъ, а только заставимъ нашихъ сельскихъ хозяевъ прекратить овцеводство. И дѣйствительно, этимъ мы убили наше овцеводство окончательно, а сельское населеніе лишили десятковъ милліоновъ рублей дохода, притомъ еще отъ него же требуемъ теперь денегъ для покупки иностранной шерсти для нашихъ фабрикъ. Вѣдь это же выходитъ полная безсмыслица!

Такъ же точно наша фабрично-заводская промышленность отказывается отъ нашего сала, потому что его можно замѣнить кокосовымъ масломъ, добываемымъ изъ привозной копры, которое обходится дешевле, чѣмъ наше сало, а въ неизбѣжныхъ случаяхъ покупается австралійское сало, которое по причинамъ, указаннымъ выше, тоже дешевле нашего. Десятки милліоновъ мы отняли этимъ у нашей деревни, погубивъ ея скотоводство, а за это даемъ ей дорогіе, огражденные покровительственной пошлиной, фабрикаты изъ австралійскаго сала и его суррогатовъ.

Ленъ и пенька въ точно такомъ же находятся положеніи. Ихъ мы замѣняемъ хлопкомъ и джутомъ. Къ чему мы вырываемъ изъ рукъ полуголоднаго сельскаго населенія десятки милліоновъ рублей и отдаемъ ихъ Америкѣ, Египту, Индіи и друг. за ихъ хлопокъ и джуту,—это совсѣмъ непонятно!!

Подобныхъ предметовъ, ввозимыхъ нами изъ-за границы, въ явный ущербъ деревнѣ, еще очень много, и пока они будутъ ввозиться въ Россію, положеніе деревни все будетъ ухудшаться, если это еще возможно, а потому первымъ дѣломъ для возстановленія благосостоянія деревни намъ необходимо основательно пересмотрѣть таможенный тарифъ съ цѣлью согласовать его съ нуждами деревни и сельскаго хозяйства, а затѣмъ уже согласовывать съ нуждами промышленности.

Вопросъ этотъ чрезвычайной важности и лишь съ его разрѣшеніемъ снова польются въ деревню сотни милліоновъ рублей, отдаваемые нынѣ иностранцамъ за сырые матеріалы, свободно могущіе производиться у насъ въ Россіи.

Тогда деревня снова оживетъ, будетъ снова разводить скотъ, овецъ и вообще возобновитъ свои побочныя отрасли сельскаго хозяйства, которыя при этихъ новыхъ условіяхъ будутъ опять приносить доходъ и тѣмъ самымъ оградятъ деревню отъ бѣдствій, при случайныхъ недородахъ хлѣба.

Несомнѣнно, что вмѣстѣ съ этимъ значительно сократится площадь посѣвовъ, вслѣдствіе обращенія вновь части полей подъ пастбища и луга, но зато улучшится ихъ качество возможностью класть большее количество удобренія и лучше обрабатывать почву.

Наконецъ, если даже и сократится нѣсколько вывозъ хлѣба, то это только отзовется благотворно, потому что на него поднимется цѣна. Что же касается до торговаго баланса, то разница отъ сокращенія вывоза хлѣба покроется десятерицею тѣмъ, что мы перестанемъ брать изъ-за границы шерсть, хлопокъ, джуту, сало и его суррогаты и т. п. предметы, нынѣ ввозимые въ ущербъ нашему сельскому хозяйству на крупную сумму 158 милл. рублей въ годъ. Эти деньги всецѣло составляютъ неотъемлемую собственность нашихъ сельскихъ хозяевъ, которую мы отъ нихъ въ настоящее время отнимаемъ и отдаемъ для поощренія иностранцевъ, въ дѣлѣ усовершенствованія ихъ сельскаго хозяйства.

Еще бо́льшую нелѣпость мы дѣлаемъ, допуская вывозъ отъ насъ отрубей и жмыховъ. Въ 1901 году мы, напримѣръ, вывезли 32.402,662 пудовъ отрубей и 23.561,316 пудовъ жмыховъ, т. е. количество интенсивныхъ кормовыхъ веществъ достаточное для откорма 5.118,340 штукъ крупнаго рогатаго скота или соотвѣтственно большее количество мелкихъ животныхъ.

Мы никакъ не можемъ додуматься до такой простой истины, что, давая такую массу кормовыхъ веществъ иностранцамъ, въ томъ числѣ одной Германіи 25.487,173 пуда отрубей и 8.198,391 пудъ жмыховъ, мы окончательно себѣ закрываемъ рынки для сбыта мяса, сала и вообще продуктовъ животноводства, давая возможность выращивать имъ скотъ на нашихъ кормахъ. Мы не понимаемъ того, что этимъ лишаемъ себя значительнаго количества удобренія, безъ котораго немыслимо улучшеніе хозяйства. Еще было бы простительно, если бы мы вывозили избытокъ отрубей и жмыховъ, но нѣтъ, мы вывозимъ

необходимый намъ кормъ для скота весь безъ остатка, а самимъ намъ скота кормить нечѣмъ.

Наконецъ, мы дошли до того, что за недостаткомъ кормовъ не можемъ выращивать даже достаточное количество крупныхъ животныхъ, съ которыхъ кожи годились бы на подошвы и подметки. Не срамъ ли сказать, что Россія, когда-то славившаяся своими кожами, въ настоящее время вынуждена привозить изъ-за границы преимущественно крупныхъ скотскихъ кожъ для выдѣлки подошвеннаго ремня на $17^1/_2$ милл. руб., въ томъ числѣ изъ одной Германіи на $7^1/_2$ милл. рублей.

Оно и совершенно естественно. Мы выпродаемъ за границу весь кормъ для выращиванія крупнаго скота, они его и выращиваютъ, во славу земли русской; мясо сами кушаютъ, а кожи и сало намъ продаютъ. Мы же, по своей наивности и простотѣ, и обрадовались, что на 53 милл. руб. продаемъ кормовыхъ веществъ, а того не замѣчаемъ, что на 30 милл. руб. мы покупаемъ кожъ и сала съ его суррогатами, вслѣдствіе недостатка кормовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ лишаемъ себя сбыта всѣхъ продуктовъ животноводства.

Въ виду этого *немедленно же слѣдуетъ запретить вывозъ отрубей и жмыховъ*. Этимъ только путемъ мы откроемъ доступъ мясу нашихъ животныхъ на иностранные рынки и въ особенности въ Германію, которая только нашими кормовыми веществами и поддерживаетъ свое скотоводство. Тогда только будетъ возможность и у насъ перейти, при помощи скотоводства и получаемаго отъ него удобренія, къ интенсивному хозяйству; тогда только мы будемъ въ состояніи реформировать то первобытное хозяйство, которое мы до сихъ поръ ведемъ.

Разумѣется, запрещеніе вывоза отрубей и жмыховъ не понравится очень нашимъ нѣмцамъ и евреямъ, захватившимъ въ свои руки у насъ мукомольное и маслобойное производства,—но что же дѣлать? Благо Россіи и интересы всего сельскаго населенія нужно выше ставить, чѣмъ интересы незначительной группы людей, да еще и иноземцевъ.

Итакъ, повторяю, *для благоденствія деревни нужно, первое, пересмотрѣть и согласовать таможенный тарифъ съ нуждами сельскаго хозяйства.*

Само собою разумѣется, что до пересмотра таможеннаго тарифа мы не должны себя связывать какими-либо торговыми договорами съ другими державами.

Заключеніе торговаго договора съ Германіей должно быть отсрочено во что бы то ни стало, тѣмъ болѣе, что по пункту 20 дѣйствующаго договора мы имѣемъ на это полное право, такъ какъ въ немъ говорится: „Въ случаѣ, если ни одна изъ договаривающихся сторонъ не заявитъ за двѣнадцать мѣсяцевъ до истеченія означеннаго срока (18 декабря 1903 года) о намѣреніи своемъ прекратить дѣйствіе сего договора, таковой сохраняетъ обязательную силу до истеченія одного года со дня заявленія одною изъ договаривающихся сторонъ объ отмѣнѣ его“. До сихъ поръ ни одна изъ сторонъ не заявила о

желаніи прекратить этотъ договоръ, а потому мы имѣемъ право воспользоваться этою льготою безпрепятственно.

Вѣдь и германцы такъ сдѣлали. Они сначала пересмотрѣли основательно свой таможенный тарифъ, согласовали его съ нуждами своего сельскаго хозяйства и тогда приступили къ переговорамъ съ нами. Имѣемъ же и мы право пересмотрѣть свой таможенный тарифъ и тоже его согласовать, первое, съ нуждами своего сельскаго хозяйства, а затѣмъ и съ нуждами своей промышленности и тогда уже вступить въ переговоры съ Германіей. Что же дѣлать, лучше перетерпѣть еще одинъ годъ всѣ потери, которыя намъ наноситъ нашъ нынѣ дѣйствующій торговый договоръ съ Германіей, чѣмъ связать себя снова на 10 лѣтъ [1]).

Переходя къ финансовымъ мѣропріятіямъ, мы должны отмѣтить быстрое возростаніе, во-первыхъ, государственнаго долга, а во-вторыхъ, государственнаго бюджета.

Съ 1876 года долгъ возрасталъ въ слѣдующей прогрессіи. На 1877 годъ состояло долгу, переводя его въ современную валюту въ 1/15 имперіала, 3 милліарда рублей; къ началу 1889 года онъ дошелъ до 4,992 милл. руб., а къ 1902 году его состояло 6,392½ милл. руб., не смотря на ежегодное его погашеніе.

Въ то же время государственный бюджетъ долго колебался между 800—900 милл. руб., но съ 1893 года онъ непрерывно начинаетъ рости.

Въ 1893 году государственная роспись была заключена въ суммѣ 948 милл. руб., въ 1896 году—уже въ суммѣ 1,231 милл. руб., а на 1903 годъ она достигла 2,072 милл. руб., т. е. за послѣднія десять лѣтъ государственный бюджетъ возросъ болѣе чѣмъ вдвое.

Далѣе идти некуда. Налоги достигли своего высшаго предѣла и вдвое превышаютъ количество денегъ, находящихся въ народномъ обращеніи, сельское населеніе доведено до полнаго истощенія и платежная способность его изсякла.

Должать тоже невозможно. И безъ того уже одни проценты по займамъ достигли ¼ милліарда рублей въ годъ, т. е. суммы, составлявшей 40 лѣтъ тому назадъ весь государственный бюджетъ.

Теперь *необходимо елико возможно сократить расходъ и дать сельскому населенію отдохнуть и сколько-нибудь собраться съ силами.*

Наконецъ, необходимо, во что бы то ни стало, увеличить количество денежныхъ знаковъ, обращающихся въ странѣ.

Невозможно же въ самомъ дѣлѣ обходиться тѣмъ количествомъ денежныхъ знаковъ, которое нынѣ находится въ народномъ обращеніи.

Считая даже, согласно доклада министра финансовъ, въ народномъ обращеніи 1,455 милліоновъ руб., это выходитъ при

---

[1]) См. «Русскій Вѣстникъ» ноябрь 1902 г.. «Торговый договоръ съ Германіей».

населеніи въ 138 милліоновъ всего лишь по 10 р. 50 к. или по 28 франковъ на душу населенія, въ дѣйствительности же ихъ значительно меньше. И это теперь, при двухмилліардномъ бюджетѣ и оборотахъ промышленности въ 10 милліардовъ рублей, тогда какъ въ 1852 году въ народномъ обращеніи было 92 франка на человѣка, а въ 1857 году—128 франковъ.

Если тогда, въ 1853 году, при натуральномъ способѣ веденія хозяйства и двухъ сотъ пятидесяти милліонномъ бюджетѣ, обращеніе среди населенія денегъ въ количествѣ 92 франковъ не считалось чрезмѣрнымъ и оно было еще увеличено, то что же можно сказать о томъ, что теперь, при денежно-биржевомъ хозяйствѣ, у насъ ихъ всего обращается 28 франковъ на человѣка или втрое меньше, чѣмъ въ Германіи, и въ 6 разъ менѣе, чѣмъ во Франціи.

Итакъ, *количество денежныхъ знаковъ, обращающихся въ народѣ, необходимо увеличить,* но приведенный опытъ увеличенія кредитныхъ билетовъ въ царствованіе Екатерины II, Павла I и Александра I, а затѣмъ Александра II, безъ достаточнаго обезпеченія для свободнаго ихъ размѣна, далъ печальные результаты, и потому этимъ путемъ идти намъ опасно, въ особенности при той громадной задолженности, которой мы достигли. Слѣдовательно, нужно изыскать другой способъ, болѣе безопасный и одинаково цѣлесоотвѣтственный.

Вспомнимъ графа Канкрина и его вкладные билеты. Вѣдь они чудеса просто творили. На нихъ велась почти вся торговля страны, да кромѣ того они обслуживали и частныхъ лицъ.

Въ настоящее время у насъ есть учрежденія, весьма сходныя съ бывшими дореформенными кредитными учрежденіями,—это сберегательныя кассы. Разница между ними та, что сберегательныя кассы сами не раздаютъ денегъ въ кредитъ, а лишь покупаютъ % бумаги для удовлетворенія вкладчиковъ процентами, и что книжки ихъ составляютъ мертвый капиталъ, тогда какъ вкладные билеты представляли изъ себя денежный знакъ, свободно обращающійся въ населеніи.

Книжки сберегательной кассы отличаются въ настоящее время своимъ неудобствомъ и много выиграли бы самыя кассы, еслибы книжки обращены были въ вкладные билеты, а вмѣстѣ съ тѣмъ и разрѣшался бы удовлетворительно вопросъ объ увеличеніи денежныхъ знаковъ, обращающихся въ странѣ.

Въ настоящее время у насъ въ сберегательныхъ кассахъ числится 816 милліоновъ рублей вкладовъ. Приблизительно на всю эту сумму можетъ быть выпущено вкладныхъ билетовъ. Это сразу увеличило бы денежное обращеніе въ народѣ и облегчило бы торговыя сношенія.

Вслѣдствіе незначительности въ большинствѣ случаевъ вкладовъ въ сберегательныя кассы вкладные билеты должны быть по 10—25 р. каждый.

Для того, чтобы обезпечить имъ обращеніе только внутри

страны, а отнюдь не за границей, и для того, чтобы ими не пользовались, какъ переводами, вкладные билеты должны быть не всероссійскія, а погубернскія или поуѣздныя, т. е. они должны составлять мѣстныя деньги и размѣниваться только тѣмъ губернскимъ или уѣзднымъ учрежденіемъ, откуда они выданы.

Въ каждой отдѣльной кассѣ по прежнему остаются книжки. По книжкамъ могутъ быть принимаемы такіе же, хотя грошевые, взносы, но разъ вкладъ достигъ 10 руб. для мелкихъ вкладчиковъ и 25 руб. для болѣе крупныхъ, то касса сносится съ уѣзднымъ или губернскимъ учрежденіемъ, которое высылаетъ вкладной билетъ для выдачи его на руки, а въ книжкѣ дѣлается помѣта о выдачѣ такого билета. Билетъ этотъ выдается на предъявителя. Въ билетѣ этомъ значится, изъ какого губернскаго или уѣзднаго учрежденія и чрезъ какую отдѣльную кассу онъ выданъ; такъ же онъ долженъ быть занумерованъ учрежденіемъ, его выдавшимъ, и отдѣльной кассой, чрезъ которую онъ выданъ.

Размѣнивается этотъ билетъ только учрежденіемъ, его выдавшимъ. Онъ можетъ предъявляться для размѣна или въ само учрежденіе, его выдавшее, и тогда онъ размѣнивается немедленно или же въ ту кассу, чрезъ которую онъ выданъ, но тогда для размѣна она сносится съ учрежденіемъ, его выдавшимъ, отъ котораго получаетъ деньги.

Одно лицо болѣе, какъ на сто рублей, въ одинъ разъ не можетъ предъявлять билетовъ для размѣна, и для размѣна большей суммы дается 6 дней сроку, или больше, смотря по суммѣ, предъявленной къ размѣну.

Такимъ образомъ суть сберегательныхъ кассъ не нарушается, въ нихъ можно дѣлать тѣ же взносы, какъ и теперь, а лишь по достиженіи взноса 10—25 руб. выдается на нихъ вкладной билетъ, который можетъ обращаться въ населеніи. При каждомъ билетѣ должны быть годовые купоны на 10 лѣтъ и приносить они будутъ по 3% въ годъ, слѣдовательно, каждый купонъ будетъ на 30—75 к. Наконецъ, для различнаго рода учрежденій и особенно крупныхъ вкладчиковъ могутъ быть выдаваемы сторублевые вкладные билеты.

Центральное управленіе сберегательныхъ кассъ, на взносы, поступающіе въ сберегательныя кассы, покупая правительственныя бумаги, снимаетъ ихъ съ рынка и биржи и этимъ самымъ поднимаетъ кредитъ государства.

Если вкладныхъ билетовъ въ 1857 году могло обращаться въ странѣ на 1.240 милл. руб., при количествѣ населенія вдвое меньшемъ, чѣмъ теперь, то безспорно ихъ можетъ обращаться на 2½ милліарда руб., но такъ какъ условія жизни значительно измѣнились съ 1857 года и потребность населенія въ денежныхъ знакахъ сильно возросла, то вкладныхъ билетовъ можетъ обращаться теперь на сумму втрое и вчетверо бо̀льшую, чѣмъ въ 1857 году.

Такимъ образомъ, въ собственность сберегательной кассы могутъ перейти всѣ 4, 4½, 5 и 6% правительственныя бумаги,

всѣ закладные листы дворянскаго и крестьянскаго банка, вся рента, желѣзнодорожные займы и даже правительствомъ гарантированные займы частныхъ желѣзныхъ дорогъ. Разумѣется, это будетъ весьма непріятно, во-первыхъ биржевикамъ и затѣмъ разнымъ банкирамъ и мѣняльнымъ лавкамъ, торгующимъ этими бумагами на Невскомъ и вообще въ городахъ.

Въ настоящее время все устроено для того, чтобы давать легко наживаться этимъ господамъ, торгующимъ % бумагами. Хотите вы купить или продать какую-нибудь правительственную % бумагу, заходите въ лавочку, вамъ сейчасъ предъявляютъ особый биржевой бюллетень, въ которомъ значатся высшія цѣны продавцовъ и низшія цѣны покупателей, разница между ними нерѣдко доходитъ до рубля и даже до двухъ рублей.

При покупкѣ такая бумага, при среднемъ курсѣ 96 руб. за 100, обойдется вамъ съ комиссіонными и гербовыми сборами рублей 98, а при продажѣ вамъ дадутъ всего лишь 94 рубля. Такимъ образомъ потеря отъ этой операціи доходитъ до 4 рублей, т. е. вы теряете % за цѣлый годъ. Разумѣется, каждый, у котораго есть свободныя деньги лишь временно, предпочитаетъ ихъ держать въ кредитныхъ билетахъ или въ золотѣ, а не рискнетъ покупать такую бумагу, которую если нужно снова продать, черезъ какой-либо мѣсяцъ или два, то на ней придется нести крупную потерю въ пользу торговцевъ % бумагами, хотя бы курсъ на нее и не колебался, вкладной же билетъ каждый возьметъ съ удовольствіемъ, такъ какъ безъ риска потери онъ всегда получитъ причитающіеся %.

Вотъ почему и не оправдались надежды нашихъ крайне недальновидныхъ реформаторовъ на то, что государственныя процентныя бумаги будутъ обращаться, какъ денежные знаки и замѣнять собою бывшіе вкладные билеты, которые они такъ опрометчиво уничтожили.

Наконецъ, вкладные билеты могутъ быть принимаемы казначействами въ счетъ уплаты податей съ тѣмъ, что они ихъ сами размѣняютъ въ сберегательной кассѣ. Вообще предвидѣть всѣ случаи пользованія вкладными билетами невозможно и это укажетъ опытъ.

Чтобы заключить вопросъ о денежномъ обращеніи, остается намъ лишь рѣшить давно назрѣвшій вопросъ объ уменьшеніи денежной единицы.

Много у насъ предметовъ цѣнностью ниже одной копѣйки, за которые, въ силу даже простой необходимости, платятъ нынѣ копѣйку; наконецъ, даже ведется счетъ только на полныя копѣйки, когда дѣйствительная цѣнность покупаемыхъ предметовъ должна бы выражаться въ доляхъ копѣекъ.

Многіе предметы и услуги расцѣниваются на пятаки, гривенники и даже рубли. Все это ведетъ къ удороженію жизни. Вообще о необходимости перейти намъ къ болѣе мелкой денежной единицѣ собралась цѣлая литература, такъ что о

пользѣ этой мѣры я не буду распространяться, такъ какъ это было бы повтореніемъ.

Для осуществленія этой мѣры никакой особой ломки предпринимать не слѣдуетъ и она могла бы быть введена постепенно. Стоитъ лишь нынѣшній четвертакъ сдѣлать монетной единицей подъ какимъ-либо другимъ названіемъ, напримѣръ, алтына и раздѣлить его на 100 денегъ или грошей, копѣйки же постепенно упразднить, равно какъ и рубли. Для этого, во-первыхъ, нужно вновь начеканить достаточное количество мѣдной монеты въ одну, двѣ, три, пять, десять и двадцать денегъ или грошей; затѣмъ придется выпускать вновь низкопробныя серебряныя монеты въ двадцать пять и въ 50 денегъ или грошей. Точно также нужно будетъ выпускать вновь и постепенно перечеканивать нынѣшніе четвертаки въ алтыны, полтинники въ 2 алтына, а рубли въ 4 алтына.

Такимъ образомъ нашъ алтынъ будетъ составлять $^2/_3$ франка или франкъ будетъ равняться $1^1/_2$ алтынамъ.

Постепенно можно затѣмъ согласовать съ новой денежной единицей золотую монету и кредитные билеты. Это уже не будетъ имѣть значенія для удешевленія жизни, для которой нужно возможно дробное дѣленіе мелкихъ и среднихъ денежныхъ знаковъ.

Такимъ образомъ мною намѣчены главныя основанія мѣропріятій къ немедленному облегченію положенія нашей обездоленной деревни.

Съ этого слѣдуетъ начать, а остальныя невзгоды или сами собою устранятся или потребуютъ еще нѣкоторыхъ мѣропріятій: въ видѣ законодательныхъ или административныхъ мѣръ и т. п.

Возвратите сначала возможность нынѣ обобранной деревнѣ существовать безбѣдно, а все остальное само собою прійдетъ.

С. А. Короленко.

1898—1903 г.г.

въ Финляндіи.

ПИСЬМО III [1]).

I.

17 минувшаго августа исполнилось пять лѣтъ со времени назначенія нынѣшняго финляндскаго генералъ-губернатора, а 30 сентября истекъ тотъ же срокъ со дня вступленія его въ должность. Хотя пять лѣтъ—періодъ, сравнительно, короткій, но въ политической жизни моменты дѣятельности обыкновенно чередуются съ сравнительнымъ затишьемъ, и только первые, какъ поглощающіе наибольшую дозу труда и энергіи и наиболѣе плодотворные по результатамъ, возбуждаютъ по отношенію къ себѣ сравнительно большій интересъ. Въ настоящемъ случаѣ, истекшее пятилѣтіе составило эпоху въ исторіи русско-финляндскихъ отношеній и оставитъ по себѣ неизгладимый отпечатокъ. Въ данный моментъ, помимо широкаго матеральнаго роста русскаго дѣла въ окраинѣ, можно констатировать не только полный переворотъ въ правительственныхъ воззрѣніяхъ на Финляндію, но наблюсти и въ ней самой возникновеніе и развитіе благопріятныхъ русской политикѣ теченій, умѣряющихъ задоръ оппозиціи на благо мирнаго населенія края. Наконецъ, въ самой Россіи и даже кое-гдѣ за границею научились правильно понимать сущность такъ называемаго русско-финляндскаго „конфликта" и высказывать здравыя и безпристрастныя о немъ мнѣнія [2]).

---

[1]) Письмо I см. «Русскій Вѣстникъ» апрѣль, письмо II—май текущаго года.

[2]) См. напримѣръ, въ № 151 „Финляндской Газеты" текущаго года статью подъ заглавіемъ: „Стэдъ и Норманъ"; статьи „Journal des Débats" и „Soleil" по поводу отвѣтнаго письма В. К. Плеве Стэду, помѣщеннаго въ сентябрьской книжкѣ «La Nouvelle Revue», а въ «Финляндской Газетѣ» (мартъ нынѣшняго года) выдержки изъ мнѣній по финляндскому вопросу *шведскаго* профессора Іерне. Наконецъ. въ самое послѣднее время появилась нѣмецкая брошюра нѣкоего барона *von-Falkeneig*, изданная въ Берлинѣ, подъ заглавіемъ: «Die finnische Frage in völker- und staatsrechtliche Beleuchtung», въ которой русская правительственная политика въ отношеніи Финляндіи нашла себѣ безпристрастное и основательное объясненіе.

Такой сравнительно быстрый матеріальный и моральный успѣхъ слѣдуетъ прежде всего приписать твердому, послѣдовательному, безупречно-справедливому и вмѣстѣ осторожному образу дѣйствій русской правительственной политики на этой сѣверо-западной окраинѣ нашего отечества. Олицетвореніемъ ея въ данномъ случаѣ являются: съ одной стороны, верховный исполнитель Монаршихъ предначертаній на мѣстѣ, финляндскій генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ Н. И. Бобриковъ, а съ другой—докладчикъ финляндскихъ дѣлъ Государю Императору, высшій руководитель законодательныхъ трудовъ петербургскихъ комиссій, министръ—статсъ-секретарь В. К. Плеве [1]). Назначеніе его на высшій постъ министра внутреннихъ дѣлъ, съ сохраненіемъ прежней должности, несомнѣнно благопріятно отразилось на сближеніи финляндскаго управленія съ общимъ внутреннимъ механизмомъ всего государства. Сочетаніе рѣшительности съ осторожностью,—этотъ руководящій принципъ высшей военной тактики, будучи примѣненъ къ системѣ гражданскаго управленія, далъ, какъ увидимъ ниже, самые быстрые положительные результаты. Такой успѣхъ безошибочно можетъ быть объясненъ также тщательнымъ изученіемъ свойствъ противника и умѣніемъ приноровиться къ этимъ свойствамъ. Вслѣдствіе такого образа дѣйствій на мѣстѣ и поддержки со стороны центральной власти, первоначальная программа предстоявшаго управленія, не взирая на многія частности и случайности измѣнчивой обстановки, могла быть твердо и неуклонно проведена въ жизнь.

Въ Высочайшемъ рескриптѣ, данномъ вновь назначенному генералъ-губернатору 17 августа 1898 года, заключались между прочимъ, какъ извѣстно, слѣдующія Державныя слова:

„Ввѣряя непосредственнымъ попеченіямъ и заботамъ вашимъ благосостояніе и процвѣтаніе этого близкаго Моему сердцу края, Я питаю увѣренность, что, неизмѣнно руководствуясь данными Мною указаніями, исполненіе новыхъ обязанностей вашихъ, какъ высшаго представителя государственной власти въ семъ краѣ, одушевлено будетъ стремленіемъ къ послѣдовательному вкорененію въ сознаніе мѣстнаго населенія всей важности для блага финляндскаго края тѣснѣйшаго единенія его съ общимъ для всѣхъ вѣрноподданныхъ отечествомъ“.

Какъ показали, однако, послѣдующія событія, финляндцы или, точнѣе, тогдашніе ихъ политическіе руководители, не захотѣли вникнуть, какъ должно, въ значеніе этого Монаршаго завѣта, вполнѣ тождественнаго притомъ съ напоминаніями обоихъ державныхъ предшественниковъ нынѣ благополучно царствующаго Императора. Стремиться для собственнаго блага къ скрѣпленію, а не къ ослабленію узъ, связующихъ ихъ край съ Россіею, совѣтовалъ финляндцамъ еще въ Бозѣ почивающій Императоръ Александръ II, уже при закрытіи самаго пер-

---

[1]) Назначеніе котораго въ послѣднюю должность состоялось ровно черезъ годъ послѣ назначенія Н. И. Бобрикова финляндскимъ генералъ-губернаторомъ.

наго изъ дарованныхъ имъ земскихъ сеймовъ. Въ Высочайшемъ рескриптѣ 28 февраля 1890 года на имя финляндскаго генералъ-губернатора Императоръ Александръ III повторилъ то же напоминаніе, но финляндцы, руководимые шведоманами, и не думали принимать эти совѣты къ исполненію.

На генералъ-адъютанта Н. И. Бобрикова возложена была трудная и отвѣтственная задача добиться *послѣдовательнаго вкорененія въ сознаніе* мѣстнаго населенія всей важности сближенія съ Россіей. Въ первый же день вступленія своего въ должность, принимая представителей мѣстнаго гражданскаго управленія, онъ, въ привѣтственной своей рѣчи, тогда же открыто и ясно высказалъ свою будущую программу, свое, такъ сказать, „profession de foi“. Рѣчь эта, хотя и облетѣла въ свое время всю мѣстную и даже заграничную печать, видимо не была оцѣнена въ полной мѣрѣ, особенно тѣми, къ кому непосредственно была обращена,—иначе многія послѣдующія событія, надо полагать, вовсе не имѣли бы мѣста.

„Вступая въ должность генералъ-губернатора, — сказалъ тогда генералъ Бобриковъ,—я счастливъ передать населенію Финляндіи высокое Монаршее благоволеніе. Государю нашему извѣстна преданность къ нему финскаго народа, но Его Императорское Величество также освѣдомленъ, что, къ сожалѣнію, въ краѣ распространено превратное толкованіе тѣхъ началъ, на которыхъ зиждутся отношенія Финляндіи къ Имперіи. Подъ вреднымъ вліяніемъ этихъ толкованій, среди нѣкоторыхъ финляндцевъ не всегда проявлялось должное сочувствіе мѣрамъ, направленнымъ къ скрѣпленію узъ, связывающихъ край съ остальными частями Россійской Державы.

„Россія едина и нераздѣльна, какъ единъ и нераздѣленъ ея Императорскій Престолъ, подъ сѣнію котораго Великое Княжество достигло своего современнаго благосостоянія. Казалось бы, поэтому, въ душѣ каждаго финляндца, стремленіе къ единенію съ Россіею должно быть всегда естественнымъ чувствомъ. Тѣмъ болѣе этому чувству надлежитъ окрѣпнуть теперь, послѣ того, какъ Государь Императоръ, въ рескриптѣ, данномъ на мое имя, Самъ указалъ близкой Его сердцу Финляндіи на необходимость вкорененія въ сознаніе ея населенія всей важности тѣснѣйшаго единенія этой окраины съ центромъ“.

„Оставляя неприкосновенными, въ предѣлахъ Высочайшаго рескрипта 1891 года, особенности Финляндіи,—ея церковное устройство, права, преимущества и внутреннее управленіе,— насколько они, конечно, не противорѣчатъ пользѣ и достоинству Россіи, государственная власть, конечно, не допуститъ, однако, дальнѣйшаго распространенія въ краѣ всего того, что можетъ препятствовать сплоченію великой Имперіи.

„Отнынѣ ввѣренная Державною волею моему управленію Финляндія будетъ мнѣ дорога, и я съ радостью посвящу свои силы на служеніе ея истиннымъ интересамъ. Буду горячо содѣйствовать всѣмъ благимъ начинаніямъ и поддерживать каждое правое, законное дѣло. Сочту себя счастливымъ, если

въ мое управленіе краемъ финскій народъ, неоднократно заявлявшій преданность своимъ государямъ, проникнется, наконецъ, сознаніемъ неизбѣжной необходимости добрыхъ и сердечныхъ отношеній къ Россіи, такъ какъ у насъ немыслимо разъединять преданность къ Монарху отъ преданности ко всей Имперіи. На всемъ необъятномъ пространствѣ Россіи, для всѣхъ, состоящихъ подъ могучимъ скипетромъ Царя,—одно подданство и одна къ общему отечеству любовь".

Слово заключено было призывомъ къ помощи Божіей и обращеніемъ къ содѣйствію административнаго персонала и особенно къ дружной помощи ближайшихъ по Императорскому финляндскому сенату сотрудниковъ.

Содѣйствіе это должно было проявиться прежде всего въ капитальномъ вопросѣ о преобразованіи воинской повинности, уже стоявшемъ на очереди. Вопросъ этотъ являлся въ то же время лучшимъ „пробнымъ камнемъ" для испытанія на дѣлѣ преданности финляндцевъ Престолу и Россіи, неоднократно выражаемой въ вѣрноподданническихъ заявленіяхъ по разнымъ случаямъ. И на этотъ разъ представлявшіеся новому начальнику края чины мѣстнаго гражданскаго управленія, во главѣ съ сенаторами, просили его повергнуть предъ Государемъ Императоромъ, отъ себя и отъ имени финскаго народа, чувства вѣрноподданнической преданности Монарху и Россіи. Въ отвѣтъ на это воспослѣдовала слѣдующая высокомилостивая Высочайшая резолюція: „*Тронутъ и обрадованъ выраженными Сенатомъ чувствами преданности Мнѣ и Россіи. Прошу передать Мою искреннюю благодарность*".

Послѣдующія событія показали, насколько искренни были эти заявленія.

Ко времени вступленія новаго генералъ-губернатора въ управленіе краемъ предварительная разработка военной реформы уже была закончена въ главномъ штабѣ, и въ финляндскихъ сепаратистскихъ кругахъ уже началось броженіе, подготовлявшее противодѣйствіе ей. Выразителемъ этихъ воззрѣній явилась мѣстная печать, которая, несмотря на существованіе предварительной цензуры, давно уже привыкла къ безпрепятственному изъявленію самыхъ оппозиціонныхъ мнѣній и къ беззастѣнчивому извращенію самаго существа отношеній Финляндіи къ Имперіи. Достаточно было однихъ слуховъ о завершеніи работъ коммиссіи главнаго штаба и о предстоящемъ созывѣ чрезвычайнаго сейма, чтобы печать, всегда бывшая зачинщикомъ въ борьбѣ противъ начинаній русской власти, стала въ открытую оппозицію. Она повела энергичную пропаганду тѣхъ самыхъ оппозиціонныхъ началъ, которыя позже легли въ основу дѣятельности сейма и всей послѣдующей системы „пассивнаго сопротивленія". Такимъ образомъ еще задолго до появленія Высочайшаго манифеста 3 февраля, который обыкновенно выставляется первопричиною финляндскихъ протестовъ, а въ заграничной печати, съ легкой руки финляндскихъ клеветниковъ, прямо зовется актомъ, уничтожающимъ финляндскую псевдо-конституцію, здѣшніе политическіе во-

жаки сосредоточивали свои силы и готовились къ ожесточенной борьбѣ, намѣреваясь отстоять свои претензіи на „государственность". Самые выборы въ сеймъ, а позднѣе—въ сеймовыя коммиссіи, не взирая на § 21 Сеймоваго устава, строго воспрещающаго оказывать въ этомъ случаѣ давленіе, были тѣмъ не менѣе отмѣчены явными стараніями выдвинуть впредъ наиболѣе вліятельныхъ сторонниковъ сепаратизма, для достиженія чего были пущены въ ходъ всѣ возможныя средства и способы. Газеты одушевляли будущихъ „депутатовъ" къ стойкой борьбѣ за „конституціонныя права" Финляндіи, горячо осуждали русскій проектъ новаго устава о воинской повинности, извращая всячески его значеніе и стараясь очернить условія службы въ русскихъ войскахъ. Представители благоразумія и сдержанности, въ печати и обществѣ, совершенно стушевались и какъ бы молчаливо одобряли шумливый задоръ оппозиціи.

Открытіе чрезвычайнаго сейма ознаменовалось рѣчами ландмаршала и тальмановъ сословій, въ которыхъ настойчиво указывалось на то, что сейму принадлежитъ рѣшающій голосъ въ передаваемомъ ему на обсужденіе общегосударственномъ военномъ вопросѣ. Словомъ, при тщательномъ наблюденіи за всѣмъ происходившимъ, становилось очевиднымъ, что всякіе призывы къ благоразумію суть только „гласы вопіющаго въ пустынѣ", такъ какъ общественнымъ мнѣніемъ руководитъ партія, на знамени которой значится: „protestera och protestera om igen" (т. е. протестовать и протестовать безъ конца [1]).

Передавая вопросъ о воинской повинности на предварительное обсужденіе сейма съ тѣмъ, чтобы, какъ говорилось въ Высочайшей рѣчи, новый уставъ былъ, по возможности, „согласованъ и съ мѣстными особенностями края", Верховная власть выражала надежду, „что земскіе чины въ точности исполнятъ возлагаемое на нихъ порученіе и тѣмъ оправдаютъ Монаршее къ нимъ довѣріе". При этомъ напоминалось, что „главныя начала, положенныя въ основу" предлагаемыхъ законопроектовъ, „направленныхъ къ охраненію границъ и безопасности всего государства", „какъ наиболѣе согласныя со справедливостью", „въ существѣ одобрены" Самимъ Монархомъ и Его Державнымъ Родителемъ. Какъ же поступили земскіе чины? Если припомнятъ читатели, они совершенно отвергли предложенные имъ проекты, а нѣкоторые изъ нихъ (напримѣръ, проектъ уравненія личной и финансовой тягости воинской повинности) вовсе даже и не разсматривали. Мало того, они совершенно самопроизвольно разработали свой собственный проектъ, сводившійся къ усиленію самостоятельной финской арміи съ 5.600 до 12.000 человѣкъ, при соотвѣтственномъ увеличеніи вызываемыхъ этимъ расходовъ [2]).

Появленіе манифеста 3 февраля, въ сущности, до нѣко-

---

[1]) См. «Русскій Вѣстникъ», апрѣль настоящаго года, стр. 769 нашего 1-го письма.

[2]) При самомъ умѣренномъ подсчетѣ, съ прежнихъ 7½ до 14 милліоновъ марокъ ежегодно.

торой степени облегчило задачу агитаторовъ. Былъ найденъ удобный, благовидный, вполнѣ опредѣленный предлогъ для возбужденія всеобщаго волненія, и работа еще болѣе закипѣла. Теперь затѣянную борьбу противъ требованій русской власти можно было правдоподобнѣе обосновывать на мнимомъ нарушеніи несуществующей конституціи. Такимъ нарушеніемъ, по толкованію государственниковъ, являлся именно этотъ государственный актъ, равно какъ и порученіе, данное чрезвычайному сейму: представить по общегосударственному военному вопросу только заключеніе, а не связывающее Монаршую волю *рѣшеніе*.

Вся эта политическая борьба въ концѣ концовъ сводится къ тому, чтобы доказать, что сеймъ долженъ имѣть рѣшающій голосъ во всѣхъ безъ исключенія дѣлахъ, касающихся Финляндіи, не взирая на то, затрогиваютъ ли эти дѣла интересы всего государства, или нѣтъ. Такъ какъ финляндцы считаютъ Финляндію обособленнымъ отъ Россіи политическимъ цѣлымъ, то съ ихъ точки зрѣнія уступки въ пользу интересовъ Россіи возможны лишь безъ нарушенія „государственныхъ" прерогативъ ихъ родины. И вотъ, оказывается, что можно (хотя и нежелательно) соглашаться на увеличеніе своихъ обособленныхъ вооруженныхъ силъ и на возрастаніе своего отдѣльнаго военнаго бюджета [1]), но никоимъ образомъ нельзя допускать слiянія финскихъ войскъ съ русскою арміею; можно было бы даже, скрѣпя сердце, согласиться вносить извѣстныя суммы на содержаніе русскаго Двора и Министерства иностранныхъ дѣлъ (пока не удастся обзавестись собственными!), но никакъ нельзя отмѣнять финляндскую таможню и особые почтовые знаки и т. п. Вѣдь и теперь, когда система протестовъ, можно сказать, обанкротилась и въ краѣ пріемлетъ силу такъ называемое „примирительное" направленіе, изъ этой же послѣдней среды раздавались не разъ, хотя и осторожные, но настойчивые намеки на необходимость „возстановленія законнаго порядка вещей". Подъ этимъ подразумѣвалась новая передача и закона 3 февраля, и новаго устава о воинской повинности сейму, который-де на этотъ разъ уже „навѣрное" „согласится" съ ними, и такимъ образомъ это будетъ только „формальность", необходимая для успокоенія умовъ. Таковъ же былъ и смыслъ предложеній, сдѣланныхъ въ Государственномъ совѣтѣ финляндскими членами, во время обсужденія въ немъ финляндскаго

---

[1]) Что и сдѣлалъ чрезвычайный сеймъ. Любопытно, что вначалѣ финляндцы плакались и возставали противъ увеличенія военнаго контингента и военнаго бюджета, вызываемаго осуществленіемъ русскихъ проектовъ, старались даже укорить Верховную Власть въ несоотвѣтствіи Ея требованій по адресу Финляндіи съ великодушнымъ почином объ ограниченіи вооруженій, сдѣланнымъ въ Гаагѣ. Упрекъ этотъ еще недавно повторенъ извѣстнымъ В. Стэдомъ, финляндскіе друзья котораго, конечно, благоразумно умолчали о намѣреніи сейма увеличить «финскую армію» болѣе, чѣмъ вдвое, да еще къ тому же всѣхъ родовъ оружія и съ особыми при ней штабами и управленіями. На бѣду, русская правящая власть сумѣла разгадать истинныя цѣли существованія этой «арміи» и предпочла отъ нея избавиться, ввѣривъ охрану края своимъ кореннымъ войскамъ.

военнаго вопроса въ 1901 году. Ясно, къ чему привела бы такая „формальность“,—къ осуществленію именно той претензіи, которой добиваются „государственники“: имѣть, хотя бы только для формы, *рѣшающій* голосъ во всемъ, касающемся Финляндіи. Проще говоря, они хотятъ доказать, что Самодержавная власть Русскаго Императора не имѣетъ здѣсь силы, а дѣйствуетъ лишь власть конституціоннаго Монарха, Финляндскаго Великаго Князя, ограниченная „второю государственною властью“—сеймомъ.

Уже вмѣшательство русской власти (въ 90-хъ годахъ) въ дѣло изданія новаго финляндскаго уголовнаго уложенія,—въ числѣ „особенностей“ котораго выдѣлялось, какъ извѣстно, назначеніе пятидесятирублеваго штрафа за государственную измѣну и нѣсколько мѣсяцевъ тюрьмы за оскорбленіе лицъ Императорскаго Дома [1), — а также появившійся нѣсколько ранѣе такъ называемый „почтовый манифестъ“ [2), т. е. Высочайшій манифестъ 31 мая 1890 года объ объединеніи финляндской почтовой части съ имперскою,—все это заставило финляндскихъ сепаратистовъ боевого лагеря изготовиться. Послѣдующіе слухи о разработкѣ коммиссіею Н. Х. Бунге проекта общегосударственнаго законодательства (положеннаго позднѣе въ основу высочайшаго манифеста 3 февраля 1899 года) вызвали, можно сказать, полную мобилизацію. Въ настоящее время имѣются вполнѣ вѣскія данныя, позволяющія положительно утверждать, что весь планъ „пассивнаго сопротивленія“, осуществленный агитаторами за послѣднее четырехлѣтіе, былъ, въ существѣ своемъ, задуманъ еще за десять лѣтъ передъ тѣмъ. Даже такая затѣя, какъ извѣстный массовый адресъ-протестъ, дважды повторенная въ 1899 и 1901 г., подготовлялась еще въ 1893 г., въ виду ожидавшагося опубликованія закона объ общегосударственномъ законодательствѣ. Этимъ отчасти объясняется быстрота и легкость осуществленія этой затѣи послѣ появленія манифеста 3 февраля. Точно также съ опубликованіемъ „почтоваго манифеста“ чуть не произошло

---

1) См. объ этомъ статьи покойнаго К. Ф. Ордина въ томѣ I «Финляндской окраины Россіи» („Русскій и финляндскій взгляды на военную тайну», стр. 262—266; «Финляндское уголовное уложеніе и государственныя преступленія» стр. 267—272; «Пятидесятирублевый штрафъ и финляндскія возраженія», стр. 273—276; Государственная измѣна и финляндское уголовное уложеніе», стр. 297—309; «Имѣетъ ли силу закона финляндское уголовное уложеніе?», стр. 310—315).

2) Таковы общеупотребительныя въ Финляндіи краткія клички для тѣхъ четырехъ государственныхъ актовъ, въ которыхъ они видятъ «нарушеніе» «конституціи . Манифестъ 1890 г. они зовутъ «почтовымъ» (postmanifestet), манифестъ 1899 г. «февральскимъ» (februarimanifestet). 1900 года «языковымъ» (spraktmanifestet) и, наконецъ, 1901 года «военноповинныемъ» (värnepliktmanifestet).

Кстати сказать, при обнародованіи «почтоваго» манифеста произошла оригинальная «опечатка». Подписанный Монархомъ государственный актъ былъ озаглавленъ: «Высочайшій Манифестъ объ *объединеніи* почтовой части Великаго Княжества Финляндскаго съ таковою же въ Имперіи», а въ Сборникѣ постановленій Великаго Княжества—просто: «Высочайшій Манифестъ объ *устройствѣ* почтовой части Великаго Княжества Финляндскаго». Комментаріи излишни.

того же, что позднѣе вышло съ манифестомъ 3 февраля 1899 года и съ манифестомъ 7 іюня 1900 года о государственномъ языкѣ. Сенатъ хотѣли заставить „протестовать" противъ этого манифеста, устроивъ „демонстративный" уходъ большинства его членовъ въ отставку. Но тогда эта затѣя почему-то не удалась: вѣроятно, подумали, что „игра свѣчъ не стоитъ", и отложили „протестъ" до болѣе серьезнаго случая. (См. томъ II, стр. 287 „Финляндской окраины Россіи").

Все это подтверждаетъ несомнѣнность факта, что всѣ подобнаго рода дѣйствія являлись, въ сущности, дѣломъ рукъ сравнительно незначительной кучки людей, которая съумѣла загипнотизировать собою общественное мнѣніе и могущественно вліять на всѣ мѣстные органы. Въ рукахъ этихъ людей были печать, судъ, мѣстная администрація и школа; они имѣли свое большинство въ сенатѣ, въ сеймѣ, во всѣхъ обществахъ, на всякихъ выборахъ; они, наконецъ, составляли мѣстную плутократію, господствовали во всѣхъ банкахъ и, благодаря финляндской привычкѣ къ легкому кредиту, могли держать въ рукахъ весь торговый и промышленный міръ. „L'argent,—c'est le nerf de la guerre" гласитъ, извѣстный военный афоризмъ, справедливый вполнѣ и въ данномъ случаѣ, какъ въ прямомъ, такъ и въ обратномъ смыслѣ, т. е. что самою чувствительною мѣрою побужденія и наказанія является „битье" по карману. Мѣру эту финляндскіе „патріоты" широко примѣняли въ обоихъ ея видахъ: и вымогали деньги на агитацію самыми разнообразными способами (сборы, подписки, лотереи, отчисленія, „благотворительные" концерты и другія зрѣлища и т. п.), и „казнили" непокорныхъ путемъ многочисленныхъ разновидностей „бойкота" на матеріальной почвѣ [1]). Съ другой стороны, когда позднѣе сама русская власть, такъ сказать, „перешла въ наступленіе", то штрафы, широко практикуемые мѣстнымъ закономъ, оказались одною изъ наиболѣе дѣйствительныхъ мѣръ побужденія. Надлежитъ замѣтить, что въ первыхъ рядахъ оппозиціи стояли не только одни завзятые политиканы, а можно сказать, „сливки" мѣстной аристократіи и интеллигенціи. Эти люди сумѣли, когда понадобилось, воспользоваться своими заграничными связями въ рядахъ не только космополитическаго западно-европейскаго высшаго свѣта, но даже и въ высшихъ придворныхъ сферахъ, культивируя эти связи для надобностей оппозиціи. Они же обладали нужнымъ вліяніемъ въ нашихъ космополитическихъ петербургскихъ гостиныхъ и, зачастую, будуарахъ, гдѣ такъ охотно иногда ратуютъ въ защиту чуждыхъ и даже опасныхъ національной политикѣ интересовъ.

---

[1]) Еще недавно въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» № 248 г. Игнатьевъ сообщилъ о возмутительныхъ продѣлкахъ противъ русскихъ дачниковъ въ Ловизѣ, а также о способахъ «прижиманія», примѣняемыхъ къ квартирующимъ въ томъ же городѣ русскому жандарму и финляндцу-ленсману. Послѣдній, за одну преданность свою служебному долгу, могъ пріютиться только у русской домовладѣлицы и, не имѣя кухни, принужденъ былъ питаться съ женою и дѣтьми въ сухомятку.

II.

Все это показываетъ, что мѣстная русская власть, въ лицѣ новаго генералъ-губернатора, встрѣтила уже готовое противодѣйствіе всѣмъ тѣмъ начинаніямъ, которыя являлись осуществленіемъ задачъ новой правительственной, т. е. дѣятельной политики. Оппозиція эта, какъ видимъ, сильна была не столько числомъ, сколько могуществомъ вліянія, благодаря захваченнымъ ею въ руки важнѣйшимъ „опорнымъ пунктамъ". Не слѣдуетъ при этомъ забывать прежняго положенія финляндскаго генералъ-губернатора, до выхода новой Высочайшей инструкціи ему отъ 13 (26) марта настоящаго года и Высочайшаго постановленія 26 августа (8 сентября) 1902 г., упрочившаго значеніе начальника края, какъ предсѣдателя сената. И то послѣдній изъ этихъ законовъ вошелъ въ силу только съ 1 октября новаго стиля текущаго года [1]). Если генералъ-губернаторъ и былъ названъ въ Высочайшемъ рескриптѣ 17 августа 1898 г. (выдержка изъ котораго приведена въ началѣ настоящаго письма) „высшимъ представителемъ государственной власти" въ Финляндіи, то въ дѣйствительности, т. е. „de jure", онъ пріобрѣлъ это значеніе только теперь. До этого же времени, по силѣ прежней инструкціи 1812 года, онъ былъ лишь „главноуправляющимъ гражданскою исполнительною частью", причемъ всѣ функціи гражданскаго управленія, благодаря частичнымъ законодательнымъ измѣненіямъ, сосредоточились мало-по-малу въ сенатѣ. Финляндцы привыкли смотрѣть на русскаго генералъ-губернатора, какъ на почетную синекуру. Въ ихъ глазахъ онъ являлся своего рода „посломъ", аккредитованнымъ русскимъ Государемъ при финляндскомъ „правительствѣ". Къ этой формальной роли прибавлялось развѣ еще высшее командованіе „финскою арміей",—для чего, какъ извѣстно, при «генералъ-губернаторѣ» (а не при командующемъ войсками округа) существовалъ особый „финскій" штабъ,—да извѣстная доля внѣшняго представительства. Мы приводили въ нашемъ письмѣ II (стр. 228—229 „Русскаго Вѣстника" за истекшій май мѣсяцъ) взгляды финляндцевъ на должность генералъ-губернатора, свидѣтельствовавшіе, до какой степени чуждою и ненужною всей „мѣстной правительственной системѣ" признавали они эту должность!

Вся мѣстная администрація, начиная съ сената, проникнутая въ громадномъ своемъ большинствѣ духомъ шведоманства, была солидарна во взглядахъ съ руководителями крайняго сепаратическаго направленія. Даже канцелярія генералъ-губернатора, этотъ ближайшій исполнительный органъ начальника края, несмотря на состоявшіяся еще въ 1891 году распоряженія, поощрявшія преимущественный доступъ въ нее русскихъ людей [2]), продолжала оставаться чисто-шведскимъ учреж-

[1]) См. наше письмо II. «Русскій Вѣстникъ» май, стр. 231–232.

[2]) Высочайшее постановленіе 1 августа 1891 года, въ которомъ п. 3. повелѣвалъ чиновъ статсъ-секретаріата Великаго Княжества Финлянд-

деніемъ, не заключая въ своемъ составѣ ни единаго русскаго человѣка. Поэтому едва ли она способна была въ должной мѣрѣ содѣйствовать русскимъ начинаніямъ своего начальника. Губернаторы также всѣ были шведы и их губернскія правленія были наполнены чиновниками-шведоманами. Наконецъ, вся губернская администрація и полиція, всѣ главныя управленія, а также прочія, за рѣдкими исключеніями, учрежденія и должностныя лица, не только правительственныя, но и городскіе магистраты съ общинными управами, считая себя болѣе подчиненными сенату, нежели начальнику края, не выказывали ни малѣйшей склонности содѣйствовать русскимъ правительственнымъ требованіямъ. То же можно было сказать, даже еще въ большей степени, обо всѣхъ прочихъ мѣстныхъ учрежденіяхъ и должностныхъ лицахъ: о мѣстномъ судѣ, лютеранскомъ духовенствѣ, школьной администраціи, почтовыхъ, таможенныхъ чиновникахъ, наконецъ, о „надеждѣ сепаратистовъ“—процвѣтавшихъ въ то время финскихъ войскахъ. Словомъ, вся мѣстная администрація, все мѣстное служилое сословіе представляли изъ себя плотно сомкнувшееся и защищенное отъ доступа русскаго элемента цѣлое. Кромѣ высшихъ чиновъ, никто изъ должностныхъ лицъ административнаго или судебнаго вѣдомствъ не могъ быть удаленъ отъ службы безъ преданія суду, а судъ этотъ [1]), конечно, всецѣло раздѣлялъ воззрѣнія сепаратистовъ. Надобно еще прибавить, что до назначенія (въ концѣ 1899 г.) финляндскимъ министромъ статсъ-секретаремъ нынѣшняго министра внутреннихъ дѣлъ В. К. Плеве финляндцы имѣли могущественный оплотъ въ Петербургѣ, въ лицѣ единомышленнаго имъ всеподданнѣйшаго докладчика всѣхъ финляндскихъ дѣлъ.

Изолированность положенія русской власти въ Финляндіи всего лучше подтвердилась извѣстными событіями, послѣдовавшими за обнародованіемъ Высочайшаго манифеста 3-го февраля, при осуществленіи задуманной агитаторами программы послѣдовательныхъ протестовъ. Сенатъ, вмѣсто того, чтобы исполнить требуемую формальность по обнародованію закона, самовольно вошелъ въ оцѣнку дѣйствій Самодержавной власти. При послѣдовавшемъ затѣмъ голосованіи половина (десять) засѣдавшихъ сенаторовъ подали голосъ противъ обнародованія, постановленіе о которомъ состоялось только благодаря случайному перевѣсу второго голоса предсѣдательствующаго. Прокуроръ сената Седергельмъ представилъ отдѣльное мнѣніе о незаконности манифеста, руководствуясь которымъ, сенатъ составилъ всеподданнѣйшее представленіе объ отмѣнѣ только что изданнаго законодательнаго акта. Депутація изъ двухъ

скаго и канцеляріи генералъ-губернатора края впредь назначать изъ русскихъ чиновниковъ, окончившихъ университетскій курсъ и изучившихъ основательно мѣстные финляндскіе законы, а также изъ финляндцевъ съ высшимъ образованіемъ, но лишь основательно знающихъ русскій языкъ.

[1]) Архаическіе порядки котораго рельефно охарактеризованы въ очеркѣ, помѣщеномъ въ августовской книгѣ „Русскаго Вѣстника“.

сенаторовъ (вице-предсѣдателя хозяйственнаго департамента и прокурора) повезла это представленіе въ Петербургъ. Какъ выяснилось впослѣдствіи, такое поведеніе сената во многомъ зависѣло отъ подстрекательства сейма, или, вѣрнѣе, главенствовавшихъ на немъ вожаковъ противоправительственной партіи. Особые „ходоки" засылались сеймомъ въ сенатъ, дабы добиться необнародованія имъ манифеста. Сами земскіе чины въ то же время противозаконно [1]) обсуждали новую мѣру правительства и составили дерзкое постановленіе о „незаконности" манифеста [2]). Они изготовили также всеподданнѣйшее представленіе объ его отмѣнѣ, по существу схожее съ сенатскимъ, но въ болѣе рѣзкомъ тонѣ. Представленіе это поручено было отвезти въ Петербургъ особой депутаціи изъ ландмаршала и тальмановъ (т. е. сословныхъ старшинъ) сейма.

Обѣ депутаціи, — т. е. сенатская и сеймовая, — отправились въ Петербургъ помимо генералъ-губернатора. Сенаторы, не получивъ желаннаго имъ содѣйствія, отпросились въ отпускъ, а сеймъ ограничился тѣмъ, что черезъ ландмаршала „довелъ до свѣдѣнія" начальника края о поставленномъ имъ рѣшеніи.

Неудачный исходъ поѣздокъ сенаторовъ и сеймовыхъ депутатовъ былъ, впрочемъ, очевидно, предвидѣнъ заранѣе, такъ какъ къ оганизаціи всенароднаго адреса было приступлено еще до ихъ возвращенія.

Вотъ здѣсь-то и обнаружилось воочію, до какой степени положеніе русской власти въ Финляндіи, при установившемся порядкѣ вещей, оказывалось необезпеченнымъ. Весь успѣхъ этой „патріотической", по существу противозаконной [3]) затѣи былъ основанъ на безусловномъ содѣйствіи мѣстной администраціи всѣхъ ранговъ и на соблюденіи тайны отъ русскаго начальства. Такъ и было сдѣлано. Послѣ сходки 8-го февраля въ зданіи гельсингфорсскаго атенеума, на которой рѣшено было осуществить всенародный адресъ, тотчасъ же разосланы были по всему краю особо-довѣреннымъ лицамъ литографированные подписные листы. Къ 1 марта, черезъ спеціальныхъ уполномоченныхъ, листы эти были доставлены въ Гельсингфорсъ. Сортировкою и регистраціей подписей завѣдывало здѣсь цѣлое „бюро", въ составъ котораго вошло много добровольныхъ тружениковъ,

---

[1]) По § 2 сеймоваго устава 1869 года „на чрезвычайномъ сеймѣ разсматриваются только дѣла, которыя были причиною созванія или иначе будутъ сообщены земскимъ чинамъ Государемъ Императоромъ, а также вопросы, неразрывно связанные съ таковыми дѣлами». Манифестъ не былъ переданъ сейму на обсужденіе и не могъ быть «вопросомъ», неразрывно «связаннымъ» съ воинскою повинностью.

[2]) Впослѣдствіи цѣликомъ вошедшее въ ихъ «всеподданнѣйшій» отзывъ.

[3]) На основаніи Высочайшаго постановленія 30 іюня 1826 года, всякаго рода коллективныя прошенія или ходатайства на Высочайшее имя могутъ восходить не иначе, какъ черезъ подлежащаго губернатора и генералъ-губернатора.

въ лицѣ гельсингфорскихъ дамъ и студентовъ. Мало этого, собрали отъ каждой городской и сельской общины по одному „депутату", что составило до пятисотъ человѣкъ. Все это скопище съѣхалось къ 1 марта въ Гельсингфорсъ, а отсюда, спустя два дня, двумя экстренными поѣздами было доставлено въ Петербургъ. Дальнѣйшая „Одиссея" этой депутаціи извѣстна: въ Петербургѣ имъ не дали устроить сходки въ финской церкви на Конюшенной, подъ предлогомъ общей молитвы, чему воспротивился даже мѣстный пасторъ Хаккарайненъ; градоначальникъ не дозволилъ имъ бродить по городу большими группами, а вр. и. д. министра-статсъ-секретаря, генералъ-лейтенантъ Прокопе, навсегда уронилъ себя въ глазахъ „патріотовъ" тѣмъ, что не сумѣлъ добиться Высочайшаго для нихъ пріема. Депутаціи Высочайше повелѣно было возвратиться по домамъ и направить свои прошенія въ установленномъ закономъ порядкѣ, т. е. согласно Высочайшаго повелѣнія отъ 30 іюня 1826 года, не иначе, какъ черезъ начальниковъ губерній и генералъ-губернатора [1]).

Мы съ умысломъ останавливаемся на исторіи перваго массоваго адреса и „великой" депутаціи, чтобы показать, до какой степени порабощена была въ то время мѣстная администрація всесильнымъ финляндскимъ „кагаломъ" и какъ трудно было положеніе русской власти, у которой не оказывалось совершенно надежныхъ помощниковъ. Намъ доподлинно извѣстно, что никто изъ мѣстныхъ административныхъ органовъ, поставленныхъ, такъ сказать, на стражѣ общественной безопасности и порядка, даже и не подумалъ довести до свѣдѣнія начальника края о такомъ колоссальномъ нарушеніи мирнаго теченія жизни, какимъ была вся эта затѣя народнаго адреса и депутаціи [2]). Напротивъ, власти эти, не исключая сенаторовъ и всѣхъ губернаторовъ, употребляли все отъ нихъ зависящее къ облегченію выполненія задуманнаго плана во всѣхъ подробностяхъ. Возбужденное генералъ-губернаторомъ впослѣдствіи оффиціальное разслѣдованіе встрѣчало со стороны тѣхъ же властей упорное нежеланіе раскрыть дѣйствительныя обстоятельства дѣла. Они, не исключая Императорскаго финляндскаго сената съ его прокуроромъ, старались обѣлить поступокъ

---

[1]) Когда такое высокомилостивое Монаршее рѣшеніе было передано генераломъ Прокопе депутатамъ, одинъ изъ нихъ, выборгскій англійскій вице-консулъ Евгеній Вольфъ, отвѣтилъ крайне вызывающей рѣчью, которая, однако, не была прервана, и затѣмъ, не взирая на цензурное запрещеніе, распространена печатно по Финляндіи и за границей во множествѣ экземпляровъ.

Вольфъ впослѣдствіи стяжалъ себѣ славу «героя» своимъ полувынужденнымъ уходомъ изъ консуловъ, послѣ чего демонстративно ушли «въ отставку» почти всѣ мѣстные англійскіе торговые консулы изъ финляндцевъ. Дѣятельность Вольфа этимъ не ограничилась и заключилась удаленіемъ изъ края въ числѣ первыхъ лицъ, подвергнутыхъ дѣйствію этой мѣры.

[2]) Единственнымъ исключеніемъ былъ бывшій с.-михельскій губернаторъ, а затѣмъ—сенаторъ, недавно умершій Вальфридъ Оттоновичъ Споре, который за то и подвергался долгое время самому суровому бойкоту.

злонамѣренныхъ вожаковъ и представить его всенароднымъ, лойяльнымъ и законнымъ дѣломъ. Какъ мы слышали, генералъ-губернаторъ неоднократно сносился съ сенатомъ [1]), предлагая ему принять мѣры къ всестороннему выясненію этого столь необычнаго явленія, при которомъ руководителями населенія оказались лица, выдвинутыя какой-то тайной организаціей, нетерпимой въ благоустроенной странѣ. При этомъ начальникъ края предлагалъ сенату привлечь къ законной отвѣтственности лицъ, какъ непосредственно виновныхъ, такъ и выказавшихъ бездѣйствіе или послабленіе власти. Онъ предлагалъ также, для ограниченія частныхъ заблужденій и устраненія превратныхъ толкованій, разъяснить населенію истинный смыслъ манифеста 3-го февраля. Однако Сенатъ, оправдывая депутацію и адресъ, выставлялъ ее исключительнымъ событіемъ, не подходящимъ подъ дѣйствіе закона 1826 года, и рѣшительно уклонился поддержать генералъ-губернатора въ дѣлѣ раскрытія всей организаціи этого дѣла, а также и отъ разъясненія населенію Высочайшей воли. Разъясненіе это было тогда сдѣлано самимъ генералъ-губернаторомъ въ особомъ циркулярѣ къ губернаторамъ, содержаніе котораго было всеподданнѣйше доложено вр. и. д. министра статсъ-секретаря и удостоено было Высочайшаго одобренія [2]).

Характеренъ, между прочимъ, слѣдующій фактъ. Для возможно болѣе широкаго распространенія содержанія этого циркуляра, онъ, въ копіи, подлежалъ разсылкѣ полицейскимъ властямъ и во всѣ общинныя управленія. Магистраты городовъ Гельсингфорса и Экенеса, вмѣсто точнаго исполненія этого требованія, передали предписаніе губернатора на обсужденіе городскихъ гласныхъ. Эти же послѣдніе, войдя въ неумѣстную оцѣнку дѣйствій начальника края, постановили не принимать никакихъ мѣръ къ распространенію циркуляра среди населенія. Когда запросили по этому дѣлу мнѣніе прокурора сената, то послѣдній оправдалъ поведеніе гласныхъ, ссылаясь на право низшихъ властей уклоняться отъ исполненія требованій властей высшихъ, разъ эти требованія не предусмотрѣны прямо закономъ.

Столь же лицепріятное отношеніе мѣстныхъ властей проявлено было и въ дѣлѣ русскихъ коробейниковъ. Русскую печать въ свое время облетѣли многочисленныя извѣстія о внезапномъ гоненіи противъ нашихъ мелкихъ торговцевъ въ разносъ, издавна, еще со времени шведскаго владычества, успѣвшихъ пріобрѣсти довѣріе и расположеніе мѣстныхъ крестьянъ. Послѣдніе нерѣдко являлись даже ихъ защитниками противъ преслѣдованій, за что и были обвиняемы газе-

---

1) Въ то время еще прежняго, по преимуществу шведоманскаго состава.

2) Циркуляръ этотъ былъ въ свое время напечатанъ во всѣхъ русскихъ газетахъ. Порядокъ разъясненія требованій и распоряженій русской власти посредствомъ такихъ циркуляровъ примѣнялся и впослѣдствіи, такъ что они по настоящее время представляютъ изъ себя довольно объемистый и весьма поучительный сборникъ.

тами въ грубости и невѣжествѣ. Всѣ взводимыя на коробейниковъ обвиненія для того, чтобы оправдать гоненіе, оказывались совершенно голословными. Такъ, напримѣръ, заподозрѣнныхъ въ распространеніи слуховъ о земельномъ передѣлѣ оказалось всего восемь человѣкъ, т. е. въ общемъ по одному на губернію [1]). А между тѣмъ, за нѣсколько мѣсяцевъ (съ весны и до конца 1899 года) свыше 2.000 человѣкъ русскихъ офеней было схвачено и выселено изъ предѣловъ Финляндіи, нерѣдко съ проявленіемъ при этомъ особой жестокости [2]). Газеты особенно изощрялись въ выслѣживаніи „кротовъ", какъ называли они коробейниковъ, какъ бы намекая, что они служатъ шпіонами русской власти, а въ шведскихъ газетахъ (напримѣръ, „Aftonbladet") выставляли русскихъ коробейниковъ даже «агентами славянскаго благотворительнаго общества»(?!), яко бы разосланными по Финляндіи для совращенія темнаго люда.

Оградить законнымъ путемъ коробейниковъ отъ преслѣдованія оказалось невозможнымъ, такъ какъ дѣйствующее законодательство допускало двойственное толкованіе. Мѣстныя же власти примѣняли, конечно, то изъ нихъ, которое шло не въ пользу русскимъ торговцамъ. Когда же, по ходатайству генералъ-губернатора, издано было Высочайшее постановленіе 1 іюня 1900 года, установившее разрѣшительныя надписи на паспортахъ, выдаваемыхъ губернаторами коробейникамъ въ мѣстахъ ихъ приписки, что устраняло преслѣдованіе на законной почвѣ,—тогда стали примѣнять бойкотъ и злоупотребленія закономъ. Домовладѣльцы и помѣщики воспрещали коробейникамъ входъ въ свои владѣнія и требовали того же отъ своихъ торпарей, подъ угрозою выгона съ торпы. Нашлись даже сельскія общины, постановившія штрафовать тѣхъ своихъ членовъ, которые окажутъ пріютъ коробейникамъ или пріобрѣтутъ у нихъ товаръ. А содержатели торговыхъ и промышленныхъ заведеній стали въ то же время чуть не поголовно увольнять русскихъ рабочихъ. Что же касается до губернскихъ и полицейскихъ властей, то онѣ до тѣхъ поръ продолжали ставить коробейникамъ всякаго рода формальныя препятствія, пока на это не было обращено вниманіе свыше. Только послѣ соотвѣтствующихъ предписаній, предусматривающихъ всѣ подобные частные случаи, гоненіе нѣсколько пріутихло. Однако, сдѣлана была попытка перенести его въ Швецію, гдѣ одно время вся печать единодушно забила тревогу, видя въ русскихъ торговцахъ и рабочихъ переодѣтыхъ „военныхъ шпіоновъ".

Дѣйствительныя причины преслѣдованія коробейниковъ съ

---

1) Къ тому же мѣстными спеціалистами (профессоръ гельсингфорсскаго университета Сетеле) давно уже выяснено, что слухи подобнаго рода циркулируютъ въ Финляндіи съ 60-хъ годовъ, возникнувъ вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ въ Россіи.

2) Торговцамъ отказывали въ ночлегѣ и пищѣ, отбирали у нихъ товаръ, выдавали преміи изъ суммъ, назначенныхъ для выдачи наградъ за истребленіе дикихъ звѣрей, подвергали заключенію подъ стражу, побоямъ и даже наложенію оковъ.

трудомъ объяснимы: едва ли даже сами мѣстныя газеты серьезно вѣрили ихъ мнимому „шпіонству“; въ стремленіи къ ихъ удаленію скорѣе всего нужно видѣть желаніе агитаторовъ порвать единственную непосредственную связь финскаго населенія съ кореннымъ русскимъ народомъ, лишить финновъ возможности провѣрить распространяемыя агитаціею ложныя и извращенныя свѣдѣнія о Россіи, и вообще поселить среди нихъ чувство вражды къ русскимъ людямъ и къ русскимъ порядкамъ.

Вся исторія съ коробейниками, разыгравшаяся какъ разъ въ годъ возникновенія рѣзко обозначившейся противоправительственной агитаціи, начавшейся съ подписанія и отправки адреса, еще болѣе наглядно подтвердила, насколько трудно было, при тогдашнемъ положеніи русской власти, осуществить даже самыя, казалось бы, незначительныя ея требованія, разъ только требованія эти шли въ разрѣзъ съ желаніями шведомановъ.

III.

Не разъ приходилось слышать, даже отъ русскихъ людей, сознающихъ ненормальность положенія Финляндіи, обвиненія современной русской политики на этой окраинѣ въ рѣзкости, даже жестокости ея дѣйствій; а между тѣмъ, ближайшее изученіе фактическихъ обстоятельствъ послѣдняго пятилѣтія убѣждаетъ какъ разъ въ обратномъ. Русская власть, лишь скрѣпя сердце, лишь подъ давленіемъ сознанія неизбѣжной въ томъ необходимости, прибѣгла къ примѣненію рѣшительныхъ мѣръ,— и то только тогда, когда окончательно убѣдилась въ невозможности разсчитывать на мѣстное шведоманское чиновничество и управиться съ крамолою миромъ. Достаточно бѣгло вспомнить недавніе факты, чтобы положительно убѣдиться, что если и можно въ чемъ винить наше правительство, то развѣ только въ излишнемъ долготерпѣніи. Протесты и демонстраціи, слѣдовавшія за манифестомъ 3 февраля 1899 года, и поведеніе чрезвычайнаго сейма вызвали въ отвѣтъ только Высочайшій рескриптъ 8 іюня на имя финляндскаго генералъ-губернатора. Въ полномъ соотвѣтствіи съ таковымъ же рескриптомъ отъ 28 февраля на имя его предмѣстника графа Гейдена, этотъ государственный актъ осуждалъ лишь финляндскія заблужденія, какъ неправильныя и не соотвѣтствующія политическому положенію края. Онъ разъяснялъ при этомъ значеніе манифеста 3 февраля и, поручая начальнику края „настойчивымъ образомъ дѣйствій“ утверждать „въ умахъ населенія истинное значеніе мѣръ, предпринимаемыхъ для укрѣпленія связи Имперіи и Великаго Княжества“, выражалъ Монаршую надежду, что „вѣрноподданническая преданность финскаго народа“ будетъ „засвидѣтельствована на дѣлѣ“.

„Я желаю также, чтобы финскому народу было извѣстно,—

говорилось, между прочимъ, въ этомъ знаменательномъ рескриптѣ,—что, принявъ при восшествіи на Престолъ священ„ный долгъ пещись о благѣ всѣхъ народностей, Россійской „державѣ подвластныхъ, Я призналъ за благо сохранить за „Финляндіею особый строй внутренняго законодательства, да„рованный ей Моими Державными предками. Въ то же время, „Я принялъ на себя, какъ наслѣдіе прошлаго, заботу объ опре„дѣленіи силою положительнаго закона отношеній Великаго „Княжества къ Россійской Имперіи. Въ этихъ видахъ Мною „утверждены основныя положенія 3 февраля сего года, опре„дѣляющія правила объ изданіи общегосударственныхъ зако„новъ, касающихся Финляндіи".

Казалось бы, послѣ такихъ положительныхъ заявленій, вновь подтверждающихъ дѣйствительныя права Финляндіи, всякое броженіе, не будь оно искусственно вызвано дѣятельностью агитаторовъ, а составляй и въ самомъ дѣлѣ плодъ истинныхъ опасеній финскаго народа за свои привиллегіи,—должно бы было немедленно улечься. Не довольствуясь этимъ, русская власть не отмѣнила и даже не отсрочила очередного сейма 1900 года, несмотря на то, что земскіе чины были причастны къ дѣлу развитія противоправительственнаго движенія. Власть ограничилась только предупрежденіемъ земскихъ чиновъ (въ Высочайшей рѣчи при открытіи), что „сужденія, отклоняющіяся въ область общаго государственнаго значенія, не должны быть допускаемы", и что „повтореніе ихъ поселитъ сомнѣніе въ соотвѣтствіи сеймоваго законодательства современнымъ обстоятельствамъ". Какъ же отнесся къ этому предупрежденію сеймъ? Забывъ, что онъ созванъ исключительно для обсужденія „законодательныхъ предположеній, до мѣстныхъ нуждъ Финляндскаго края относящихся" [1]), сеймъ 1900 года совершенно игнорировалъ экономическую область и занялся преимущественно составленіемъ петицій-жалобъ то противъ объединенія почты, то противъ цензуры, то, наконецъ, противъ всей „системы управленія" краемъ. Петиціи эти являлись прежде всего нарушеніемъ сеймоваго устава, такъ какъ не содержали въ себѣ никакихъ ходатайствъ: а затѣмъ онѣ, особенно послѣдняя, наполнены были рѣзкою критикою правительственныхъ распоряженій и дерзкими домогательствами, которыя сводились чуть ли не къ полному отрицанію всякаго права Верховной власти управлять краемъ помимо земскихъ чиновъ. Послѣднюю изъ этихъ петицій „Финляндская Газета" справедливо назвала „обвинительнымъ актомъ" противъ нынѣшняго генералъ-губернатора. Въ ней земскіе чины возставали, напримѣръ, противъ расквартированія въ Финляндіи жандармовъ, считая ихъ исключительною принадлежностью русскихъ „войскъ" [2]). Отрицая

[1]) Какъ сказано было въ Высочайшей рѣчи при открытіи.

[2]) На самомъ дѣлѣ жандармы существуютъ въ краѣ съ 1817 года и, конечно, для цѣлей гражданскаго управленія, а не для войскъ, въ которыхъ и теперь имѣются спеціальные полевые жандармскіе эскадроны и крѣпостныя жандармскія команды, существующія и въ Финляндскомъ военномъ округѣ.

существованіе въ краѣ политической агитаціи, они насмѣшливо заявляли, что „единственною агитаціею въ краѣ была производимая русскими коробейниками“. Вводить въ администрацію русскій языкъ и назначать русскихъ людей на финляндскую службу, по мнѣнію сейма, правительство не имѣло права, причемъ и генералъ-губернаторъ есть финляндское, а не русское должностное лицо, а потому онъ обязанъ руководствоваться только финляндскими законами, „почерпая свои свѣдѣнія изъ сената“. „Современная система управленія,—жаловались земскіе чины,—глубоко оскорбляетъ народныя чувства“ и „не соотвѣтствуетъ тѣмъ требованіямъ, которыя народъ къ ней вправѣ предъявлять“. Петиціи эти были оставлены Государемъ Императоромъ безъ послѣдствій, а дѣйствія генералъ-губернатора признаны правильными и отвѣчающими полученнымъ Монаршимъ указаніямъ. Уклоненіе же сейма въ область общегосударственныхъ распоряженій привело къ пересмотру сеймоваго устава 1869 года [1]).

Вслѣдъ за сеймомъ протестовалъ сенатъ, и на этотъ разъ противъ Высочайшаго манифеста 7 іюня 1900 года о государственномъ языкѣ. Протестъ выразился въ уклоненіи отъ обнародованія манифеста, причемъ изъ двадцати засѣдавшихъ сенаторовъ за опубликованіе подали голосъ только *четверо*. Такой поступокъ сенаторовъ, какъ свидѣтельствовали позже сами финляндцы (см., напримѣръ, брошюру: „Кто обнародовалъ?“) былъ безпримѣрнымъ даже въ исторіи Швеціи, не говоря уже о времени послѣ покоренія Финляндіи. Даже въ засѣданіи, посвященномъ манифесту 3 февраля, сенаторы не дошли до такой крайности, такъ какъ рѣшились баллотировать только вопросъ о томъ: слѣдуетъ ли опубликовать Высочайшую волю немедленно, или же выждать результата отправляемаго въ Петербургъ всеподданнѣйшаго представленія. Финляндцы воображали, что русская власть пойдетъ на уступки, испугавшись демонстраціи сенаторовъ, и смягчитъ требованія по русскому языку. Угрозы отставки всего сената не возымѣли однако на генералъ-губернатора никакого вліянія. Въ сознаніи правоты своихъ дѣйствій и основательности предъявленныхъ русскою властью требованій, генералъ-адъютантъ Бобриковъ не остановился передъ немедленнымъ увольненіемъ отъ службы всѣхъ подавшихъ въ отставку сенаторовъ и простеръ свое снисхожденіе до того, что испросилъ всѣмъ имъ пенсіи, видя въ нихъ, такъ сказать, первыя жертвы, допускающія такое изъятіе.

Надо сказать правду, что, добившись протеста сенаторовъ, финляндскіе агитаторы опять таки оказали „медвѣжью услугу“ самимъ себѣ: они потеряли сенатъ. Демонстративный уходъ большинства сенаторовъ въ отставку, по упорно циркулировавшимъ въ то время въ Гельсингфорсѣ слухамъ, грозилъ самому существованію сената, какъ учрежденія. Единственнымъ условіемъ возможности дальнѣйшаго сохраненія сената было поставлено, какъ говорятъ, немедленное опубликованіе новымъ его составомъ Высочайшей воли и вообще отказъ отъ какихъ либо въ буду-

[1]) Труды эти еще пока не закончены.

щемъ попытокъ ей противиться. И что же? Нашлись, и притомъ довольно скоро, люди для замѣщенія сенаторскихъ креселъ, не только готовые, такъ сказать, мириться съ неизбѣжными обстоятельствами, но и вполнѣ сознательно (какъ, напримѣръ, покойный Споре и нѣкоторые другіе) исповѣдующіе убѣжденіе въ необходимости для Финляндіи тѣснѣе сблизиться съ Россіею.

Русская власть, въ іюлѣ 1900 года, проявивъ впервые непоколебимую твердость, дала, можно сказать, финляндцамъ „первое предостереженіе". Вмѣстѣ съ тѣмъ обновленіе сената было первою чувствительною „брешью", нанесенною антиправительственной партіи. Это, безспорно, была крупная заслуга генералъ-губернатора. Добиться того, чтобы безъ нарушенія организаціи мѣстнаго управленія заставить такую могущественную силу, какъ сенатъ, въ корнѣ измѣнить свое поведеніе, можно было только во всеоружіи знанія мѣстной обстановки, людей и глубокаго прозрѣнія въ будущее. „Укрощеніе строптиваго" сената твердою и непоколебимою рукою и превращеніе его въ органъ, содѣйствующій власти, хотя бы только въ дѣлѣ умиротворенія края, было большою выигранною ставкою. Не даромъ по этому поводу изливались въ заграничной прессѣ цѣлые потоки желчи и злобы, какъ на виновника такого „хода", такъ и особенно на самихъ сенаторовъ, послѣдователей „политики низпоклонства" (undfallenhets-politik).

IV.

Второю, еще болѣе крупною утратою, была потеря финскихъ войскъ.

Агитаторы надѣялись, что броженіе и недовольство въ Финляндіи устрашатъ русское правительство и заставятъ отказаться отъ введенія военной реформы или, въ лучшемъ случаѣ, согласиться на утвержденіе сеймоваго проекта, или хотя бы на новый сеймовый пересмотръ предположеній государственнаго совѣта. О томъ, между прочимъ, свидѣтельствуютъ попытки финляндскихъ членовъ провести либо то, либо другое во время засѣданій совѣта, пользуясь внѣшнимъ сходствомъ нѣкоторыхъ мнѣній земскихъ чиновъ и высшаго совѣщательнаго учрежденія Имперіи!

Тотъ оборотъ, который приняло окончательное рѣшеніе финляндскаго военнаго вопроса Верховною Властью, въ высочайшемъ манифестѣ 29 іюня 1901 года, былъ мудрымъ и во всѣхъ отношеніяхъ удачнѣйшимъ исходомъ, отнимавшимъ всякую почву для какихъ бы то ни было дальнѣйшихъ недоразумѣній. Важнѣйшія объединительныя требованія первоначальнаго проекта были принципіально соблюдены, съ сохраненіемъ притомъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ особенностей (напримѣръ, трехлѣтняго срока службы и болѣе поздняго призывного возраста), и въ то же время сама повинность временно

облегчена до возможнаго предѣла, пока край не успокоится. Примѣненіе къ дѣлу Манифеста 3 февраля было фактически обезпечено и въ то же время совершенно исчезъ и самый поводъ пререканій по военному вопросу, именно финскія войска, обособленность которыхъ такъ старались сохранить финляндцы! Ударъ былъ нанесенъ, безспорно, въ самое чувствительное мѣсто, такъ какъ для близко знакомыхъ съ дѣломъ лицъ ничуть не составляло тайны, къ какой роли готовили финляндскіе коноводы свои войска „про всякій случай“. Они слишкомъ откровенно разоблачили намъ дѣйствительное назначеніе этихъ войскъ еще въ рѣчахъ на сеймѣ 1877—78 года, когда говорилось даже о томъ, что „безоружность“ есть „заслоняющая тѣнь вокругъ правъ „финляндскаго государства“ (Мехелинъ). Упраздненіе финскихъ войскъ,—какими бы качествами выправки и благоустройства они ни отличались,—должно считать существеннымъ выигрышемъ для успѣха русскаго дѣла: это было своего рода страховкою на случай возможнаго пожара. И что же? Обстоятельства безъ всякаго промедленія подтвердили правильность воззрѣній тѣхъ государственныхъ людей, кто впервые подалъ и впослѣдствіи отстаивалъ эту мысль. Сами же финскія войска, во время своего расформированія, поспѣшили своимъ поведеніемъ оправдать справедливость закрадывавшагося нерѣдко недовѣрія къ нимъ. Офицеры, составляющіе нравственный оплотъ всякаго войска, подали преступный примѣръ своимъ демонстративнымъ уклоненіемъ отъ перевода въ русскія части. Поступокъ же командира и большинства офицеровъ драгунскаго полка еще лучше доказалъ, до какой степени доступны были они вліянію мѣстныхъ политическихъ наущеній. Окруженные родственною средою, проникнутою враждебнымъ къ коренной Россіи и русской политикѣ духомъ, финскія войска, особенно ихъ офицерскій составъ, по преимуществу выращенный въ стѣнахъ Фридрихсгамскаго кадетскаго корпуса,—не могли отрѣшиться отъ воззрѣній, господствующихъ въ мѣстномъ интеллигентномъ классѣ, который, во главѣ съ вожаками революціоннаго движенія, видѣлъ въ нихъ оплотъ независимости „Финляндскаго государства“.

Послѣдующія событія, особенно безпорядки, сопровождавшіе призывъ 1901 года, показали воочію, насколько своевременно было упраздненіе финскихъ войскъ и какъ мудро поступила мѣстная русская власть, въ лицѣ генералъ-губернатора, ускорившая, елико возможно, ихъ расформированіе [1]).

[1]) Уже къ 1 марта 1902 года, согласно Высочайшаго повелѣнія отъ 10 ноября 1901 г., т. е. черезъ восемь мѣсяцевъ послѣ выхода манифеста 27 іюня, финскія войска были окончательно расформированы, съ ликвидаціей всего имущества, казармъ, съ разрѣшеніемъ всѣхъ вопросовъ по личному составу и проч. Вмѣстѣ съ тѣмъ, къ тому же сроку уже были сформированы и замѣнившіе эти войска: 2 финляндская стрѣлковая бригада и 55 финляндскій драгунскій полкъ. Обращеніе финскаго драгунскаго полка (расформированнаго, какъ извѣстно, по особому Высочайшему повелѣнію, вслѣдствіе демонстраціи офицеровъ) въ русскій драгунскій совершено было съ необычайною быстротою,—въ теченіе *одного мѣсяца!*

„Условная“ преданность Престолу финскихъ войскъ едва ли позволяла бы въ должной мѣрѣ на нихъ полагаться, если бы въ Финляндіи произошли событія, потребовавшія вооруженнаго вмѣшательства. Со времени Турхольмскаго [1]) засѣданія крамольниковъ (въ іюлѣ 1901 г.) агитаторы окончательно вступили на путь открытаго сопротивленія правительственной власти. На этой сходкѣ была выработана подробная программа противодѣйствія новому уставу о воинской повинности, а затѣмъ призыву 1902 года. Она изложена была въ особыхъ воззваніяхъ и брошюрахъ, отпечатанныхъ за границею и въ изобиліи расквданныхъ по всей Финляндіи. Программа эта была затѣмъ выполнена по всѣмъ пунктамъ, до мельчайшихъ подробностей,—какъ о томъ мы уже излагали въ нашемъ письмѣ I (см. „Русскій Вѣстникъ“ апрѣль нынѣшняго года, стр. 577—580). Переходъ отъ протестовъ и политической пропаганды сепаратизма къ осуществленію идеи поголовнаго противодѣйствія всѣмъ требованіямъ правительства,—есть начало второго акта трагикомедіи, разыгранной въ Финляндіи вожаками шведоманства и подчиненною имъ младо-финскою партіей. Третьяго акта, по счастью, имъ не дали сыграть, но есть немало указаній, заставляющихъ подозрѣвать существованіе къ тому подготовки.

Если на сторонѣ агитаторовъ все болѣе и болѣе теряли нравственное равновѣсіе и потому совершали рядъ непоправимыхъ ошибокъ, то, наоборотъ, со стороны русской власти и ея представителя, генералъ-губернатора, видны все время рѣдкая сдержанность и непоколебимая послѣдовательность. Какъ только крамола окончательно опредѣлились, сбросила маску и открыла свои дѣйствія,—правительство тотчасъ же встало на правильную точку трѣнія. Въ его глазахъ преступными являлись только подстрекатели и потворщики движенія, а участники смуты—лишь жертвами по преимуществу. Поэтому, когда, наконецъ, насталъ долго оттягиваемый моментъ неизбѣжнаго примѣненія карательныхъ мѣръ,—то послѣднія обрушились всею своею тяжестью на мѣстныя власти, не принимавшія должныхъ мѣръ предупрежденія, и, въ концѣ концовъ, на вожаковъ движенія. Напримѣръ, взысканія, опредѣленныя за уклоненіе отъ прошлогодняго призыва, были строги только по отношенію къ интеллигентнымъ лицамъ и особенно состоящимъ на государственной службѣ; въ настоящее же время въ „Финляндской Газетѣ“ періодически появляются списки призывныхъ 1902 г., раскаявшихся въ своемъ заблужденіи и, по подачѣ прошеній о принятіи ихъ на службу, освобожден-

[1]) Турхольмъ—островъ близъ Гельсингфорса, принадлежащій отставному генералу *Линдфорсу*, дослужившемуся въ русскихъ войскахъ до генеральскаго чина и Владиміра 2 ст. Въ благодарность за оказанныя ему милости онъ предоставилъ свой островъ для революціонной сходки и самъ сталъ въ центрѣ оппозиціи противъ русской власти. Зато его и хоронили недавно съ помпою, а финскіе офицеры гвардейскаго батальона провожали его in corpore.

ныхъ генералъ-губернаторомъ отъ всякой отвѣтственности и отъ отбыванія повинности [1]).

Сравнительно болѣе суровая мѣра взысканія обрушилась на чиновниковъ и судей, да и то увольненіе отъ службы лицъ, открыто не повинующихся распоряженіямъ своего начальства и того правительства, которому призваны служить, нельзя считать даже строгою карою: это тоже „страховка", обезпечивающая исполненіе уже состоявшихся распоряженій.

Нельзя не указать, что къ административному увольненію чиновниковъ и судей привели они сами [2]), или вѣрнѣе, руководившіе ихъ дѣйствіями „распорядители". Въ сущности, законъ 1 (14) августа, установившій порядокъ административнаго удаленія должностныхъ лицъ, былъ первымъ актомъ „перехода въ наступленіе" со стороны правительственной власти, послѣ продолжительнаго и терпѣливаго оборонительнаго положенія. Сколько разъ до того производились опыты обращенія къ благоразумію мѣстнаго служилаго элемента, и это постоянно приводило къ тому, что всякіе замыслы и начинанія русской власти оставались безъ результата. Обращеніе къ содѣйствію суда, разъ только дѣло касалось политики, кончалось всегда посрамленіемъ правосудія, такъ какъ жрецы Ѳемиды снимали повязку съ глазъ своихъ и безъ всякаго стѣсненія выгораживали политическихъ единомышленниковъ въ ущербъ совѣсти, правдѣ и личной чести. Не говоря уже о пресловутомъ дѣлѣ по обвиненію недавно скончавшагося „лидера" старофинноманoвъ, барона Г. З. Ирье-Коскинена, въ ложномъ доносѣ [3]),—достаточно вспомнить процессы противъ лицъ, замѣшанныхъ въ безпорядкахъ во время оглашенія въ гельсингфорскихъ церквахъ манифеста о воинской повинности. Эти процессы кончились обвиненіемъ самихъ же чиновъ полиціи!

Нелѣпая политика протеста сама же привела къ репрессивнымъ мѣрамъ, и не къ чести финляндскихъ чиновниковъ служитъ то обстоятельство, что только благодаря карательной системѣ они могутъ быть приведены къ порядку. Только страхъ передъ увольненіемъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ перестали давать увольняемымъ пенсіи, удерживаетъ нѣкоторыхъ чиновниковъ отъ неповиновенія высшимъ распоряженіямъ,—настолько еще сильна въ нихъ прежняя шведоманская закваска.

---

[1]) Право милованія такихъ кающихся было Высочайше предоставлено начальнику края. Уже разрѣшено до 2,000 такихъ прошеній и они все продолжаютъ поступать въ большомъ количествѣ, какъ пишетъ «Финляндская Газета».

[2]) Не исключая и ранѣе уволенныхъ въ концѣ прошлаго года четырехъ губернаторовъ, прямо проявившихъ солидарность съ протестомъ противъ новой воинской повинности и отказавшихся содѣйствовать успѣху призыва, причемъ и непосредственно передъ тѣмъ ушедшіе въ отставку два (выборгскій и куопіоскій) губернатора были съ ними единомышленны.

[3]) О немъ см. въ статьѣ г. П. Шиловскаго о финляндскихъ судахъ въ августовской книжкѣ „Русскаго Вѣстника".

Въ началѣ минувшаго апрѣля, послѣ изданія Высочайшаго постановленія 20 марта о мѣрахъ къ охраненію въ Финляндіи государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, финляндскіе агитаторы собрали новую тайную сходку въ мѣстечкѣ Лахтисѣ, близъ желѣзнодорожной станціи того же наименованія [1]). Въ этой сходкѣ, состоявшейся въ домѣ отставного капитана Фельмана, участвовали наиболѣе видные представители революціоннаго движенія (кромѣ заблаговременно выѣхавшихъ за границу Мехелина, Акселя Лилле [2]), Конни Цилліакуса [3]) и Юліуса Люлю [4]), причемъ для отъѣзда въ Гельсингфорсъ участниковъ сборища даже заказанъ былъ экстренный поѣздъ. Но, кромѣ „революціонеровъ", на сходку привлечено было немало лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, въ разныхъ чинахъ и званіяхъ [5]), очевидно для надлежащаго ихъ „наставленія" въ предстоящей „програмѣ дѣйствій". Конечно, правительство не могло оставить безнаказаннымъ такое поведеніе чиновниковъ, какъ участіе въ явно предосудительномъ собраніи завѣдомо преступныхъ лицъ. Поэтому большинство изъ нихъ подверглось удаленію со службы, за исключеніемъ тѣхъ, которые раскаялись въ своемъ поведеніи и дали категорическое обѣщаніе не принимать впредь никакого участія въ политикѣ.

V.

Всѣ до сихъ поръ упомянутыя правительственныя мѣры, по существу, принадлежатъ къ мѣрамъ отрицательнаго, такъ сказать, характера, ибо онѣ вызваны необходимостью противоборствовать крайностямъ революціоннаго движенія. Дѣйствительно, даже законъ (Высочайшее постановленіе 18—31 іюля 1901 г. объ измѣненіи нѣкоторыхъ правилъ службы чиновъ гражданскаго вѣдомства Финляндіи), открывшій доступъ русскимъ людямъ на службу въ Финляндію, помимо принципіальнаго значенія справедливаго возстановленія ихъ правъ, можно считать отчасти результатомъ противодѣйствія мѣстныхъ чиновниковъ. Не будь этого противодѣйствія, не было бы и надобности спѣшить изданіемъ этого закона, дающаго возможность ввѣрять наи-

---

[1]) Лахтисъ—узловая станція, отъ которой отходитъ дорога на г. Ловизу.

[2]) Бывшій редакторъ закрытой „Nya Pressen", дѣятельный сотрудникъ подпольной „Fria Ord" (Свободное Слово).

[3]) Извѣстный публицистъ, путешественникъ, „ходокъ" для пріисканія въ Новомъ Свѣтѣ „Новой Финляндіи", авторъ двухтомнаго памфлета „Ur Finlands nyaste historia" (Изъ новѣйшей исторіи Финляндіи), изданнаго въ Стокгольмѣ и трактующаго событія 1899—1901 г. г. съ ультрапатріотической точки зрѣнія; насколько извѣстно, принимаетъ большое участіе въ изданіи „Fria Ord" и вообще въ изготовленіи зарубежной подпольной литературы.

[4]) Бывшій редакторъ выборгской „Wiipurin Sanomat", младофиннъ, впослѣдствіи застрѣлившійся въ берлинскомъ Тиргартенѣ.

[5]) Свыше 200 человѣкъ!

более довѣренныя мѣста болѣе надежнымъ, при нынѣшней обстановкѣ, русскимъ людямъ.

Только со времени „перехода въ наступленіе", т. е. съ момента примѣненія болѣе суровыхъ мѣръ, русское правительство могло, если не совершенно одолѣть, оппозицію, то успѣшно бороться съ нею до тѣхъ поръ масса служебной энергіи затрачивалась непроизводительно и разбивалась въ безплодной борьбѣ съ охраняемой мѣстными учрежденіями крамолой. Но проявленная русскою властью выдержка въ примѣненіи этихъ мѣръ, несмотря на вызванный ею тяжелый въ нравственномъ отношеніи періодъ испытанія, принесла, въ свою очередь, неоцѣненную политическую выгоду: она завоевала намъ, если не искреннее сочувствіе и союзъ, то, по крайней мѣрѣ, отпаденіе отъ агитаторовъ большинства населенія, разочаровавшагося въ ихъ системѣ. Первымъ завоеванъ былъ сенатъ, который еще съ іюля 1902 года пополнился представителями старофинноманскаго толка. По мѣрѣ развитія дѣятельности агитаторовъ, все болѣе и болѣе расширялась старая пропасть между представителями прежнихъ двухъ враждующихъ направленій и, какъ мы видѣли въ нашемъ письмѣ I, дѣло дошло до открытой политической вражды между ними. Старинное правило «divide et impera» оказалось тутъ какъ нельзя болѣе у мѣста. Отпавшіе отъ агитаторовъ, болѣе благоразумные элементы невольно ищутъ сближенія съ правительствомъ и изобрѣтаютъ, хотя, быть можетъ, пока и не вполнѣ удачно, почву для соглашеній.

Въ самое послѣднее время данъ случай и сейму возстановить утраченную репутацію. И ему предоставлена возможность функціонировать, но условіемъ, какъ извѣстно, поставлено возстановленіе спокойствія въ Финляндіи. Другими словами, благоразумные элементы населенія сами поставлены въ необходимость обезпечить будущій созывъ сейма въ назначенный для того срокъ [1]). Для того же, чтобы дать необходимое время, Высочайше повелѣно сеймъ 1904 года отсрочить до осени и къ 10 іюня генералъ-губернатору предложено всеподданнѣйше донести о состояніи умовъ въ краѣ. Къ этому времени будетъ законченъ и призывъ будущаго 1904 года, результаты котораго дадутъ возможность судить, насколько въ дѣйствительности умиротворенъ край, и чувствуется ли въ немъ вліяніе преступной агитаціи. Наши читатели уже знаютъ, что даже въ нынѣшнемъ году, тотчасъ же вслѣдъ за примѣненіемъ новыхъ генералъ-губернаторскихъ полномочій, призывъ прошелъ съ значительно большимъ успѣхомъ: не было нигдѣ даже и тѣни безпорядковъ. Число же уклонившихся, если не считать неявку по законнымъ причинамъ и лицъ, заблаговременно покинувшихъ предѣлы края, было почти равно нормальному какъ бывало при прежнихъ призывахъ въ фин-

1) Какъ выражалась по этому поводу одна изъ немногихъ благомыслящихъ финскихъ газетъ, Выборгская «Wiipuri»,—народу данъ въ руки *ключъ отъ дверей* сейма и надо только сумѣть ихъ открыть.

вахъ въ финскія войска, да и безъ этой оговорки процентъ явившихся (почти 70%) значительно превышалъ прошлогодній (45%). Другими словами, лѣкарство было угадано вѣрно и быстро подѣйствовало.

Рѣшительныя дѣйствія власти въ отношеніи лицъ, виновность которыхъ представлялась безспорною, не могли не производить отрезвляющаго впечатлѣнія. Послѣ увольненія разомъ четырехъ [1]) шведовъ-губернаторовъ, выразившихъ протестъ противъ новаго военнаго закона, отказавшись отъ приведенія въ исполненіе призыва, — ихъ замѣстителями явились не одни русскіе. Изъ восьми нынѣшнихъ финляндскихъ губернаторовъ трое принадлежатъ къ мѣстнымъ уроженцамъ, среди которыхъ, какъ видно, не оскудѣли еще люди, готовые повиноваться требованіямъ правительства. Когда очищенъ былъ чуть ли не на половину составъ двухъ гофгерихтовъ,—на открывшіяся судейскія должности, хотя и съ трудомъ, но все-же нашлись замѣстители, „неугодные“ революціонной партіи, вслѣдствіе чего эта послѣдняя, по идеѣ бывшаго сенатора и рьянаго ея адепта Нюберга [2]), измыслила проектъ особаго, подпольнаго третейскаго суда, долженствующаго замѣнить собою гофгерихты для „патріотовъ“.

Нынѣшній финляндскій министръ статсъ-секретарь и въ то же время министръ внутреннихъ дѣлъ Имперіи, В. К. Плеве, отвѣчая въ „La Nouvelle Revue“ англійскому публицисту Стэду [3]), справедливо пишетъ, что „при разсмотрѣніи русской поли-

---

[1]) Кромѣ нихъ двое еще ранѣе сами подали въ отставку.

[2]) Принадлежитъ къ числу тѣхъ нѣсколькихъ лицъ, коимъ по настоящее время воспрещено пребываніе въ Финляндіи на основаніи Высочайшаго постановленія отъ 20 марта, и которыя всѣ добровольно выѣхали за границу, преимущественно въ Швецію.

[3]) Стэдъ въ своей „Review of Review“ напечаталъ «открытое письмо» къ нашему министру внутреннихъ дѣлъ, въ которомъ, въ качествѣ «стараго, испытаннаго друга Россіи», перечисляя разныя обвиненія противъ русскаго правительства за его дѣйствія въ Финляндіи, усматривалъ въ этой политикѣ невыгоду для самой Россіи и задавался вопросомъ, могутъ ли чрезвычайныя мѣры, принятыя русскою властью, уравновѣсить собою нареканія, вызванныя ими въ общественномъ мнѣніи Западной Европы и Америки, а также и среди мѣстнаго финляндскаго населенія, отвѣтившаго на нихъ, будто-бы, усиленною эмиграціею.

Копію съ этого письма авторъ счелъ нужнымъ переслать также и финляндскому генералъ-губернатору, предупреждая его о предстоящемъ обнародованіи своего произведенія и какъ бы вызывая высшаго представителя государственной русской власти въ Финляндіи на оправданіе въ приписываемыхъ Стэдомъ этому сановнику «преступныхъ дѣйствіяхъ»!!

Кстати говоря, имѣется полное основаніе полагать, что Стэдъ въ данномъ случаѣ—не болѣе, какъ *фирма*, и что дѣйствительнымъ авторомъ письма былъ финляндецъ-шведъ изъ Гельсингфорса, фамилію котораго мы въ свое время опубликуемъ. Этого тайнаго автора въ редакціонномъ отношеніи направлялъ «самъ» Лео Мехелинъ.

Добавимъ еще, что Стэдъ нашелъ нужнымъ отвѣчать своему высокопоставленному корреспонденту. Это второе письмо Стэда, особенно по сравненію съ письмомъ В. К. Плеве, поражаетъ не только неумѣстностью тона, но и поверхностью содержанія, обнаруживая воочію полнѣйшее невѣдѣніе г. Стэда въ томъ дѣлѣ, которое онъ взялся защищать.

тики въ Финляндіи, нужно дѣлать различіе между содержаніемъ русскихъ требованій, ихъ конечною цѣлью и тѣмъ выраженіемъ, которое получаетъ эта политика, въ зависимости отъ обстоятельствъ".

„Первыя, т. е. цѣли и основныя требованія, остаются *неизмѣнными*, второе, т. е. внѣшнее выраженіе политики, носитъ случайный и временный характеръ и не всегда зависитъ отъ одной русской власти".

„Основная задача государственной власти—благо управляемыхъ,—пишетъ В. К. Плеве,—можетъ быть достигнута лишь совмѣстнымъ трудомъ власти и населенія. Отъ участниковъ этой совмѣстной работы требуется съ одной стороны — признаніе населеніемъ обязательности для него общегосударственныхъ цѣлей, а съ другой—признаніе властью пользы для государства отъ самодѣятельности его составныхъ элементовъ.

„Вотъ почва, на которой должны сойтись въ общей работѣ власть и общественная самодѣятельность. Сочетаніе единой государственности и мѣстной автономіи, Самодержавія и самоуправленія, вотъ принципъ, который слѣдуетъ принимать во вниманіе при оцѣнкѣ дѣйствій Русскаго Правительства въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ. Манифестъ 3 (15) февраля 1899 года служитъ не отрицаніемъ, а подтвержденіемъ указаннаго руководящаго начала нашего государственнаго управленія. Постановляя, что изданіе общихъ государственныхъ законовъ для Россіи и Финляндіи не должно находиться въ полной зависимости отъ согласія съ ними финляндскихъ земскихъ чиновъ, а предоставляется Имперскому государственному совѣту при участіи членовъ, отъ финляндскаго сената, манифестъ этотъ не долженъ колебать въ друзьяхъ Россіи убѣжденія въ совмѣстимости началъ Самодержавія съ широкимъ мѣстнымъ самоуправленіемъ и гражданскою свободою. Развитіе духовныхъ и матеріальныхъ силъ населенія постепеннымъ пріобщеніемъ его къ участію въ сознательной общественной жизни, какъ здоровое консервативное начало управленія, входило всегда въ намѣренія Верховныхъ Руководителей русской государственной жизни. Эти намѣренія недавно вновь возвѣщены съ высоты Престола манифестомъ 26 февраля сего года. Въ нашемъ государствѣ этотъ процессъ совершается въ соотвѣтствіи съ историческими основами государства и національными особенностями населенія. Въ результатѣ мы имѣемъ въ Россіи устройство мѣстныхъ учрежденій, представляющихъ самоуправленіе въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. право населенія завѣдывать своими хозяйственными нуждами. Въ Финляндіи понятіе о мѣстной автономіи выработалось гораздо ранѣе и гораздо шире. Ея теперешніе предѣлы, окрѣпшіе и развившіеся при русскомъ управленіи, обнимаютъ

Между тѣмъ, заявленія В. К. Плеве о мирномъ, удовлетворенномъ настроеніи *большинства* финляндскаго населенія подкрѣпляются не словами, а дѣломъ: стоитъ только посѣтить Финляндію, чтобы убѣдиться въ этомъ.

всѣ стороны не только хозяйственнаго, но и гражданскаго быта страны. Изъ этого видно, что Русское Самодержавіе дало непререкаемое доказательство своей зиждительной силы въ области усовершенствованія формы гражданственности. Будущему историку суждено будетъ отмѣтить его этическое значеніе и въ гораздо болѣе широкой области: величайшія соціальныя проблемы получали въ Россіи безмятежное разрѣшеніе, благодаря условіямъ ея государственнаго строя".

„Способы примѣненія" русской политики, какъ мы видѣли, обусловливались образомъ дѣйствій противной стороны. Теперь, искореняя революціонное направленіе и благовременно пресѣкая возможность самыхъ печальныхъ результатовъ такими предупредительными мѣрами, какъ, положимъ, недавнее постановленіе объ ограниченіи ввоза огнестрѣльнаго оружія (кромѣ охотничьяго) и торговли взрывчатыми веществами [1]), правительство все время лишь отводитъ ударъ и тѣмъ самымъ ограждаетъ благоразумное большинство, давая ему силу и возможность проявить свое вліяніе. Чрезвычайныя мѣры такъ же преходящи, какъ и вызвавшія ихъ чрезвычайныя обстоятельства. Стоитъ только дождаться окончательнаго обезсиленія тѣхъ, кто увлекалъ Финляндію чуть ли не къ открытому бунту, и водворенія мирнаго теченія жизни, какъ и сами исключительныя мѣры естественнымъ путемъ потеряютъ смыслъ и значеніе: онѣ лишены будутъ сферы примѣненія.

Но,—цитируемъ снова В. К. Плеве,— „осуществленіе главной цѣли, преслѣдуемой русскимъ правительствомъ въ Финляндіи, т. е. приложеніе къ ней принципа единства Имперіи, будетъ по прежнему продолжаться въ будущемъ и было бы всего лучше, если бы оно было достигнуто путемъ содѣйствія правительству мѣстныхъ силъ края, подъ покровительствомъ и высшимъ руководствомъ Того, Кому Провидѣніе ввѣрило судьбу, какъ Россіи, такъ и Финляндіи".

Единство началъ требуетъ устраненія всего того, чѣмъ крѣпка идея „отдѣльнаго Финляндскаго государства", а потому, напримѣръ, отмѣна „особой финской арміи", какъ опоры этой мечты, даже не въ одномъ нравственномъ, а и въ физическомъ смыслѣ,—есть мѣра принципіальнаго, постояннаго характера. Такой же точно характеръ общегосударственныхъ объединительныхъ мѣръ будутъ, несомнѣнно, носить и реформы: монетная [2]), таможенная, также какъ и довершеніе почтовой. Водвореніе государственнаго языка въ мѣстную администрацію

---

[1]) Въ Финляндіи порохъ и динамитъ продавались совершенно свободно, также какъ и оружіе, что могло ввести въ соблазнъ людей, желавшихъ „на всякій случай" вооружить Финляндію, благо она была предусмотрительно разоружена увозомъ ружей упраздненнаго финскаго запаса и финскихъ дѣйствующихъ баталіоновъ въ Имперіи. За послѣднее время нѣмецкія магазинки съ „бурскими" патронташами что-то слишкомъ заполонили собою окна мѣстныхъ оружейниковъ.

[2]) Въ газетахъ уже обнародовано Высочайшее повелѣніе приступить къ занятіямъ коммиссіи статсъ-секретаря Фриша, для разработки основаній монетнаго объединенія Финляндіи съ остальною Имперіей.

и, параллельно съ этимъ, опредѣленное разграниченіе административной роли обоихъ мѣстныхъ языковъ,—это также мѣры основныя, вытекающія изъ началъ, положенныхъ еще въ самые первые годы послѣ покоренія края (законы 1812 и 1813 годовъ), впослѣдствіи лишь погребенныхъ въ пыли архивовъ. Точно также и допущеніе русскихъ людей въ мѣстную администрацію, помимо утилитарнаго своего значенія для данной минуты, устранило вѣковое и притомъ обидное для русскаго чувство недоразумѣніе, по которому права иностранцевъ въ Россіи превышали права русскихъ людей на одной изъ окраинъ имперіи.

Поистинѣ нельзя не удивляться той колоссальной поступательной работѣ, которую совершило за истекшее пятилѣтіе русское дѣло въ Финляндіи, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія. Ни одна сколько-нибудь существенная сторона русско-финляндскихъ отношеній не осталась не затронутою или хотя бы не намѣченною. Въ результатѣ этой работы мы можемъ записать на приходъ такія, частью завершенныя, частью начатыя капитальныя реформы, какъ водвореніе въ администрацію государственнаго языка [1]), пересмотръ сеймоваго законодательства, преобразованіе учебныхъ плановъ мѣстной средней школы, увеличеніе въ ней числа уроковъ русскаго языка (до 40 въ недѣлю) и числа инспекторовъ его преподаванія изъ русскихъ уроженцевъ, пересмотръ учебниковъ исторіи и географіи, объединеніе знаковъ почтовой оплаты, разработка вопроса по установленію желѣзнодорожной связи Финляндіи съ Имперіей, путемъ постройки черезъ Неву моста, и вообще мѣры по желѣзнодорожному объединенію, улучшеніе качественное и количественное чиновъ мѣстной полиціи и жандармскаго надзора, упраздненіе финляндскаго кадетскаго корпуса и, наконецъ, мѣры, касающія обездоленныхъ, безземельныхъ крестьянъ, этихъ пасынковъ старо-шведскаго экономическаго средневѣковаго строя. На ряду съ этимъ, твердыми и разумными цензурными мѣрами мѣстная печать была весьма быстро приведена къ порядку; ограничена возможность злоупотребленія сходками, лоттереями и общественными подписками, установленъ надзоръ за обществами и положенъ предѣлъ неумѣренному ихъ развитію, въ ущербъ истиннымъ интересамъ народа. Нельзя умолчать и про преобразованіе канцеляріи генералъ-губернатора, которая увеличила свой штатъ и изъ чисто-шведскаго превратилась въ совершенно русское присутственное мѣсто.

Мало этого, существенно важны и многообразны мѣры по улучшенію быта коренного русскаго населенія и облегченію условій его труднаго во многимъ отношеніяхъ существованія среди иновѣрнаго и иноплеменнаго населенія. Русскія школы окончательно изъяты изъ вѣдомства финляндскихъ властей и

[1]) Съ 1 октября текущаго года генералъ-губернаторъ уже предсѣдательствуетъ фактически въ хозяйственномъ департаментѣ сената, засѣданія котораго, а также соотвѣтствующее дѣлопроизводство ведутся на русскомъ языкѣ.

переданы въ министерство народнаго просвѣщенія. Число ихъ значительно увеличено, а матеріальное положеніе упрочено исходатайствованіемъ добавочной ежегодной субсидіи въ 22,300 рублей кредитными и особаго отпуска на открытіе школъ въ православныхъ общинахъ выборгской губерніи. Русское школьное дѣло, поддерживаемое неустанно генералъ-губернаторомъ и архіепископомъ финляндскимъ Николаемъ, идущими неизмѣнно рука объ руку, стало здѣсь твердою ногою, чему, между прочимъ, служитъ доказательствомъ послѣдній (іюньскій) гельсингфорсскій съѣздъ народныхъ учителей и учительницъ, второй за все время существованія здѣсь русской школы, лично открытый и закрытый главнымъ начальникомъ края и имѣвшій большое значеніе въ дѣлѣ развитія на окраинѣ русскаго учебнаго дѣла. Учрежденія Краснаго Креста въ Финляндіи расширены, причемъ отдѣленія его открыты во всѣхъ пунктахъ квартированія русскихъ войскъ. Благотворное вліяніе этого учрежденія проявилось уже во время послѣдняго недорода, когда Красный Крестъ, подъ просвѣщеннымъ руководствомъ супруги генералъ-губернатора, сталъ средоточіемъ русскихъ пожертвованій и организаторомъ безплатныхъ столовыхъ и амбулаторій для неимущихъ финновъ. Е. И. Бобрикова, стоя также во главѣ мѣстнаго Русскаго благотворительнаго общества, своею энергичною, просвѣщенною дѣятельностью, немало способствовала расширенію дѣла христіанскаго благотворенія. Въ Финляндіи не только неимущіе русскіе, но и мѣстныя уроженки, вдовы русскихъ людей, обыкновенно страшно бѣдствуютъ, такъ какъ финляндцы, вообще не отличающіеся милосердіемъ даже и къ своему брату, не считаютъ уже безусловно нужнымъ помогать такимъ женщинамъ, какъ „чужимъ". Поэтому здѣсь, на чужбинѣ, дѣло благотворительности въ отношеніи пришлаго и осѣдлаго русскаго населенія получаетъ особое значеніе и развитіе. Теперь у насъ оно такъ поставлено, что на него, можно сказать, не нарадоваться.

Затѣмъ, большой шагъ впередъ сдѣлало дѣло православнаго церковностроительства и вообще упроченія православія, что, помимо прямого своего значенія, пріобрѣтаетъ на иновѣрной окраинѣ особо-важный смыслъ. Тутъ имѣется въ виду, конечно, не стремленіе „обратить финновъ въ православіе", какъ клевещутъ враги наши, угрожающіе этимъ даже каждому финну, которому пришлось бы попасть въ ряды русскихъ войскъ, но подъемъ значенія русскаго имени и русской государственности въ краѣ. Въ глазахъ простыхъ людей вѣра нерѣдко смѣшивается съ національностью: католическіе храмы у насъ повсемѣстно зовутся „польскими", какъ въ Финляндіи православные—„русскими". Величіе и благолѣпіе русскихъ храмовъ должно вселять уваженіе къ русской религіи и къ русской націи вообще.

Благодаря щедротамъ Государя и обильнымъ доброхотнымъ пожертвованіямъ русскихъ людей, какъ мѣстныхъ—во главѣ съ начальникомъ края, такъ и изъ коренной Россіи (осо-

-бенно изъ Москвы), завершены постройкою и вновь построены православныя церкви: въ г. Таммерфорсѣ, въ селѣ Красномъ, въ селѣ Карписелькѣ, въ дер. Питкарандѣ, военно-приходская въ г. Тавастгусѣ, военная въ деревнѣ Тюсьбю, лагерная въ г. Вильманстрандѣ, церковь-школа въ деревнѣ Саоналахтѣ и церковь въ Перкъ-Ярви. Заново перестроены: кладбищенская церковь въ Теріокахъ кексгольмскій соборъ и старинная вильманстрандская приходская церковь (по преданію—еще Суворовской стройки). Помимо этого, частью уже заложены, частью намѣчены: соборъ въ г. Выборгѣ и церкви въ Куопіо, Іоенсуу, С. Михелѣ, деревняхъ Мантиля и Кроноборгѣ. Православные священники освобождены отъ уплаты налоговъ и вообще мѣстное православное духовенство, благодаря неусыпнымъ заботамъ о его составѣ и положеніи двухъ первыхъ архипастырей финляндскихъ, высокопреосвященныхъ Антонія и Николая, а также постоянному взаимодѣйствію епархіальнаго начальства и высшаго представителя государственной власти, генералъ-губернатора,—находится на пути къ совершенному освобожденію отъ зависимости по отношенію къ мѣстнымъ лютеранскимъ властямъ.

Духовныя потребности мѣстнаго русскаго населенія были въ значительной степени удовлетворены учрежденіемъ цѣлой сотни русскихъ библіотекъ-читаленъ, а также организаціей народныхъ чтеній. Русскій гельсингфорсскій театръ, съ улучшеніемъ состава труппы, сдѣлался центромъ развлеченій мѣстнаго общества, вмѣстѣ съ военнымъ собраніемъ, играющимъ, въ сущности, роль общаго русскаго клуба. При гельсингфорской гимназіи открыто общежитіе имени Пушкина для дѣтей русскихъ родителей, живущихъ внѣ финляндской „столицы“. Для устраненія затрудненій въ наймѣ частныхъ квартиръ русскими людьми, особенно военными, пріобрѣтено въ Гельсингфорсѣ три казенныхъ дома; кромѣ того, мѣстнымъ гражданскимъ вѣдомствомъ пріобрѣтены дома для чиновъ административнаго управленія, полиціи и жандармовъ. Наконецъ, въ самое послѣднее время изданъ законъ, устраняющій прежнія ограниченія по пріобрѣтенію земельной собственности русскими уроженцами, не пользующимися правами мѣстнаго „гражданства“; ограниченія остались въ силѣ только для евреевъ. Все это замѣтно пріободрило мѣстное русское населеніе, способствуя его взаимному сближенію, вмѣсто прежней разрозненности.

Особенно важную роль въ этомъ послѣднемъ отношеніи сыграла учрежденная съ 1-го января 1900 года „Финляндская Газета“. Вмѣстѣ съ тѣмъ она пріобрѣла еще гораздо большее культурное и политическое значеніе, какъ немаловажный факторъ въ дѣлѣ сближенія окраины съ центромъ, способствуя распространенію въ ея населеніи правильныхъ политическихъ взглядовъ и правдивыхъ свѣдѣній о Россіи. Изъ всей массы мѣстныхъ періодическихъ изданій—свыше двухсотъ на 2½ милліона населенія,—ни одно не включаетъ въ свою программу ознакомленія и тѣснѣйшаго сближенія съ Россіей. Нѣтъ ни одной газеты, которая от-

крыто рѣшилась бы обнаружить вредъ сепаратизма, не имѣющаго для себя оправданія ни въ правовомъ положеніи края, ни въ урокахъ исторіи. Цензурныя мѣропріятія могли ослаблять лишь рѣзкость тона газетныхъ статей, но общаго направленія мѣстной печати измѣнить не могли. „Финляндская Газета", выпускавшая и финскіе №№, стала служить тому принципу, что разъ судьбою опредѣлено финнамъ жить подъ одною кровлею съ русскими, то взаимныя ихъ отношенія должны быть проникнуты миромъ и любовью. Финны, будучи хорошими русскими подданными, не должны перестать отъ того быть добрыми финнами. „Финляндская Газета" проводила идеи единства Самодержавной власти и справедливости равномѣрнаго распредѣленія общегосударственныхъ тягостей и повинностей между всѣми народами Имперіи. Какъ органъ правительственный, новая газета удѣляла значительное вниманіе новымъ законамъ и правительственнымъ распоряженіямъ, причемъ всѣ спеціально-финляндскія распоряженія сопровождались особыми разъясненіями ихъ государственной необходимости, историческаго происхожденія, справедливости и благихъ цѣлей.

Не входя въ пререканія съ мѣстною печатью, газета настойчиво слѣдила за нею и не упускала случая возстановлять факты или давать имъ, когда нужно, правильное освѣщеніе. Точно также относились газета и къ наиболѣе выдающимся статьямъ иностранной печати, касающимся русско-финляндскихъ отношеній. Избранныя произведенія финской изящной литературы помѣщались въ фельетонахъ или особыхъ прибавленіяхъ, а для ознакомленія съ русскою жизнью въ финскихъ номерахъ помѣщались переводы произведеній русскихъ писателей, преимущественно освѣщающихъ, въ художественномъ изложеніи, свѣтлыя стороны русской жизни и русскаго народнаго характера.

Число читателей и подписчиковъ газеты, будучи сравнительно умѣреннымъ, тѣмъ не менѣе значительно превзошло первоначальныя предположенія. Газета нашла себѣ доступъ не только въ Финляндіи, но и въ коренной Россіи и даже за границей. Она сдѣлалась естественнымъ источникомъ свѣдѣній о Финляндіи для всей русской печати, ею стала пользоваться даже печать заграничная, не исключая и скандинавской, и даже сама финляндская. Послѣдняя, впрочемъ, пользуется ею безъ указанія источника, вѣроятно, опасаясь содѣйствовать этимъ популярности русскаго органа въ мѣстномъ населеніи.

Какъ бы, однако, ни ограждалось это послѣднее отъ проникновенія свѣдѣній, сообщаемыхъ „Финляндскою Газетою" и ея финскими нумерами, они тѣмъ не менѣе дѣлаютъ свое дѣло. Мы лично имѣли случай видѣть въ редакціонномъ архивѣ получаемые отъ подписчиковъ изъ мѣстныхъ жителей заявленія удовольствія, что наконецъ-то жители края могутъ получать прямыя извѣстія о дѣйствіяхъ и желаніяхъ русской власти, познать истинное значеніе новыхъ законовъ, безъ тенденціознаго освѣщенія ихъ мѣстною печатью. На ряду съ такими заявленіями раздаются и увѣренія, что газета расхо-

дилась бы среди финновъ гораздо больше, чѣмъ теперь, если-бы не страхъ бойкота со стороны лжепатріотовъ. Вліянію „Финляндской Газеты“ можно приписать то, что она сама стала получать довольно много писемъ и корреспонденцій отъ мѣстныхъ жителей разнаго званія, пытающихся самостоятельно разобраться въ волнующихъ ихъ вопросахъ не въ духѣ направленія шведо-финской печати. Письма эти послужили новымъ доказательствомъ справедливости того, что идея сопротивленія власти далеко не единодушно усвоена всѣми финнами, да и „конституціонный образъ мыслей“ далеко не такъ вошелъ въ плоть и кровь у всѣхъ, какъ это принято вообще думать.

Мы недаромъ остановились подробнѣе на дѣятельность „Финляндской Газеты“, ибо убѣждены, что ея созидательная роль въ упроченіи узъ, связующихъ Финляндію съ Россіею, хотя сейчасъ и сравнительно мало замѣтна, въ дѣйствительности гораздо значительнѣе, чѣмъ даже могли первоначально думать ея основатели.

Значеніе это можетъ уясниться вполнѣ лишь съ теченіемъ времени, но и теперь уже важно, что къ голосу русскаго органа стали прислушиваться на окраинѣ. Съ его легкой руки и среди мѣстной прессы начали постепенно слышаться голоса, пытающіеся опровергать издавна усвоенные шаблонные взгляды на многія стороны мѣстной жизни. Финляндцы и ихъ мѣстная печать вообще страдали отсутствіемъ самокритики и нѣкоторой долей маніи величія; спустившись съ пьедестала, они, быть можетъ, начнутъ разбираться въ самихъ себѣ и въ своихъ понятіяхъ, и весьма вѣроятно, что такая „переоцѣнка цѣнностей“ приведетъ ихъ къ выводамъ, сильно отклоняющимся отъ трафарета „государственниковъ“.

Нашъ блѣдный очеркъ дѣятельности русской власти за истекшее пятилѣтіе далеко не въ состояніи исчерпать всѣхъ ея сторонъ. Но и то, что нами указано, несомнѣнно привлечетъ вниманіе читателей. Они увидятъ значительность результатовъ, достигнутыхъ въ столь краткій промежутокъ времени, послѣдовательность въ соблюденіи разъ принятой программы дѣйствій и твердость основныхъ началъ, при допущеніи наивозможной снисходительности и гуманности въ примѣненіи ихъ на дѣлѣ.

„Исторія не пойдетъ назадъ“, какъ справедливо выразился профессоръ Н. Д. Сергѣевскій, и надо полагать, что въ отношеніи Финляндіи теперь уже можно быть въ томъ увѣреннымъ. Но та же исторія учитъ, что прежняя наша политика по отношенію къ этой окраинѣ была полна нерѣшительности и колебаній, страдая отсутствіемъ системы и недостаткомъ дѣятелей. Современный быстрый успѣхъ и плодотворные результаты могутъ быть приписаны именно неуклонности и строгой систематичности въ развитіи общей программы. Въ этомъ отношеніи едва ли ошибочно приписать личностямъ

нынѣшняго генерала-губернатора, Н. И. Бобрикова и министра статсъ-секретаря В. К. Плеве,—этихъ истинно русскихъ духомъ-дѣятелей, обладающихъ исключительною настойчивостью и выдержкою,—львиную долю заслугъ въ такомъ успѣхѣ. Г. Стэдъ въ своемъ „открытомъ письмѣ“ В. К. Плеве, упомянутомъ нами выше, называетъ неоднократно современную политику въ Финляндіи „политикою генерала Бобрикова“. Это, разумѣется, по существу невѣрно, такъ какъ главнѣйшія ея задачи составляютъ „наслѣдіе прошлаго“ и намѣчены историческимъ ходомъ поступательнаго развитія Россіи. Въ отношеніи же исполненія этихъ плановъ, въ данную минуту,—какъ и засвидѣтельствовалъ самъ В. К. Плеве въ своемъ приведенномъ выше отвѣтѣ,—господствуетъ полная солидарность во всѣхъ высшихъ сферахъ нашего государственнаго управленія. Тѣмъ не менѣе, успѣхъ самаго ихъ осуществленія въ памяти всѣхъ истинно русскихъ людей и тѣхъ финляндцевъ, которые сумѣютъ оцѣнить благотворность современныхъ правительственныхъ реформъ и начинаній, тѣснѣе всего свяжетъ весь этотъ періодъ реформъ съ именами не только Николая Ивановича Бобрикова но и Вячеслава Константиновича Плеве. Эти имена будутъ внесены исторіею въ списокъ достопамятныхъ, истинно-русскихъ государственныхъ дѣятелей.

И когда достигнуто будетъ окончательное умиротвореніе края, то подвигъ ихъ станетъ на ряду съ подвигомъ графа Муравьева-Виленскаго и будетъ намъ особенно дорогъ, такъ какъ можно надѣяться, будетъ купленъ безкровною цѣной.

Русскимъ людямъ, вѣрящимъ повсемѣстному конечному успѣху русскаго дѣла, не взирая на частныя задержки и неудачи, остается и здѣсь, на нашей финляндской окраинѣ, говоря пушкинскими словами, „въ надеждѣ славы и добра“ глядѣть „впередъ безъ боязни“. Они могутъ быть увѣрены, что здѣсь это дѣло поставлено твердо и находится въ надежныхъ рукахъ. Богъ дастъ, повѣрятъ когда-нибудь этому и финляндцы, уже начинающіе иначе смотрѣть на труды нынѣшняго генерала-губернатора [1]), безъ односторонней вражды, внушаемой „отошедшими въ глубь исторіи“ агитаторами.

Богъ дастъ, отойдетъ „въ глубь исторіи“ навсегда и то печальное время, когда по русско-финляндскимъ отношеніямъ судили о томъ, какъ „побѣдители обращаются въ побѣжденныхъ“ [2])!

Н. А. Талинъ.

Гельсингфорсъ.
Ноябрь 1903 г.

---

[1]) Еще на дняхъ (9 октября) вице-предсѣдатель сената, егермейстеръ Линдеръ, привѣтствуя впервые вступающаго въ свои обязанности по предсѣдательствованію въ сенатѣ генералъ-губернатора, высказалъ радость сената по поводу присутствія въ сенаторской средѣ ея предсѣдателя и готовность идти по мѣрѣ силъ на встрѣчу всѣмъ Монаршимъ предначертаніямъ. (№ 155 «Финляндской Газеты»).

[2]) См. *О. Еленевъ*: «Отчего побѣдители обращаются въ побѣжденныхъ?».

Черты нравовъ въ воронежской епархіи при св. Митрофанѣ (1682—1703 гг.).

Въ ноябрѣ сего года исполнилось двухсотлѣтіе со дня кончины воронежскаго святителя Митрофана († 23 ноября 1703 г.), который былъ однимъ изъ видныхъ дѣятелей эпохи преобразованій. Между тѣмъ, въ нашей церковно-исторической литературѣ, кромѣ краткихъ „житій“ св. Митрофана, преслѣдующихъ почти исключительно цѣли назиданія, можно указать лишь нѣсколько очерковъ, въ которыхъ обрисовываются отдѣльныя стороны дѣятельности воронежскаго святителя [1]), и нѣтъ обстоятельной его біографіи. Многіе матеріалы для такого труда еще не приведены въ извѣстность.

Съ цѣлью ускорить появленіе подробной біографіи св. Митрофана, мы хотимъ собрать нѣсколько данныхъ для характеристики нравовъ того общества, которое было предметомъ пастырскихъ заботъ святителя. Въ своемъ очеркѣ, помимо свѣдѣній печатныхъ, мы воспользуемся и архивными, доселѣ не обнародованными матеріалами.

До 1682 г. воронежскій край, по церковному управленію, принадлежалъ къ обширной рязанской митрополіи и составлялъ въ ней отдаленную пограничную область. Рязанскіе владыки сюда едва ли когда заглядывали, предоставивъ наблюденіе за церковною жизнью своимъ свѣтскимъ чиновникамъ и духовному архіерейскому приказу, въ которомъ вѣдались преступленія противъ вѣры и нравственности. Воронежское приходское духовенство, пользуясь отсутствіемъ непосредственнаго епископскаго надзора, вело жизнь невоздержную, въ ссорахъ иногда даже прибѣгало къ оружію и вообще подавало міря-

[1]) Одинъ изъ такихъ очерковъ, напримѣръ, былъ напечатанъ въ «Русской Старинѣ» (*Н. Поликарповъ.* „Петръ Великій и св. Митрофанъ Воронежскій“. „Русск. Стар.“ 1899 г. т. С ноябрь, стр. 241—265).

намъ много дурныхъ примѣровъ [1]). Не лучше было и духовенство черное. Оно пополнялось бѣглыми монахами изъ простыхъ мужиковъ и разными бродячими людьми, которые приходили, между прочимъ, и „съ Дону, съ воровскими казаками собча“, чтобы поискать въ воронежскихъ монастыряхъ „пристанища жить“ [2]). Какую жизнь вели эти обитатели монастырей, можно судить по тому, напримѣръ, факту, что въ самомъ г. Воронежѣ одинъ изъ строителей Алексѣевскаго монастыря, старецъ Іона, своимъ безпрестаннымъ пьянствомъ разогналъ вкладчиковъ и всю братію, такъ что кельи опустѣли и монастырь оскудѣлъ [3])... Если таковы были пастыри, руководители религіозной жизни края, то ихъ паства, конечно, стояла въ нравственномъ отношеніи еще ниже. Административныя учрежденія г. Воронежа, — по словамъ одного историка, — въ то время „были завалены дѣлами о самыхъ возмутительныхъ насиліяхъ надъ дѣтьми, женщинами, священниками и прочимъ беззащитнымъ народомъ“ [4]). Во многихъ мѣстахъ близъ Воронежа „объявились воры и разбойники, которые людей бьютъ и грабятъ и до смерти побиваютъ“ [5]), а въ Воронежѣ „церкви Божіи воры крали“ [6])....

Эти нестроенія въ нравственной жизни воронежскаго края, въ связи съ усиленіемъ здѣсь раскола, и побудили правительство въ 1682 г. открыть въ Воронежѣ епископскую каѳедру, на которую царь и патріархъ избрали игумена Макаріева Унженскаго монастыря Митрофана, „мужа воистину праведна и свята“ [7]). Прибывъ въ Воронежъ, св. Митрофанъ ревностно принялся за упорядоченіе всѣхъ сторонъ церковной жизни въ своей епархіи. Подъ его руководствомъ духовный приказъ началъ дѣйствовать довольно энергично. Однако, подчасъ и самыми настойчивыми усиліями духовный приказъ не могъ остановить разнузданныхъ жителей, такъ какъ мѣстныя свѣтскія власти или потворствовали безобразникамъ, или относились вообще къ „духовнымъ дѣламъ“ съ полною безучастностію. Въ такихъ случаяхъ св. Митрофанъ обращался за помощью къ власти центральной. Указывая въ своихъ челобитныхъ на тѣ печальныя

---

[1]) *Г. Веселовскій.* „Воронежъ въ историч. и соврем. статист. отношеніяхъ“. Воронежъ. 1866. Стр. 38.—*Л. Вейнбергъ.* „Г. Воронежъ“. Историч. очеркъ. Воронежскій юбилейн. сборн. Томъ I. Воронежъ. 1886. Стр. 130.

[2]) Веселовскій, стр. 38—39. Опис. докум. и дѣлъ св. синода. Т. I (СПБ. 1868), столб. 383.

[3]) Веселовскій, стр. 36.

[4]) Л. Вейнбергъ, стр. 133.

[5]) Орловскіе акты, издан. *М. Де-Пуле.* Воронежъ. 1861. Стр. 116.

[6]) Архивъ мин. юстиціи. Бѣлогородскаго стола столб. № 4942/1042, дѣло 4.

[7]) Такой отзывъ о св. Митрофанѣ сдѣланъ въ одной рукописи начала XVIII в., хранящейся въ Макарьевскомъ монастырѣ (*Н. Херсонскій.* „Лѣтопись Макаріева Унженскаго монастыря, костр. епархіи“. Вып. I. Кострома, 1888. Стр. 99).

условія, въ которыя поставлена была религіозно-нравственная жизнь воронежской украйны, святитель рекомендовалъ правительству принимать твердыя мѣры для пресѣченія „беззаконныхъ дѣлъ". „У насъ мѣсто украинское, — говорилъ онъ въ одной отпискѣ,—и всякаго чину люди обыкли жить неподвластно, по своей волѣ, и на таковыхъ (т. е. людей порочныхъ) смотря, иные многіе люди также непослушаніе и озорничество будутъ чинить" [1]... Въ отвѣтъ на эти жалобы изъ Москвы предписывалось воронежскимъ воеводамъ и приказнымъ людямъ „чинить вспоможеніе епископу Митрофану во всякихъ духовныхъ дѣлахъ", давать ему „для поимки и взятья разныхъ воровъ и ослушниковъ служилыхъ людей, по скольку человѣкъ пригоже, безъ мотчанья" и т. п. [2]). Но и эти строгіе наказы мало содѣйствовали исправленію нравовъ украинской паствы: виновные часто ускользали отъ поимки и на время удалялись изъ воронежскаго края, такъ что многократныя посылки за ними не имѣли успѣха. Зато, благодаря той настойчивости, съ которой св. Митрофанъ старался разоблачать проступки противъ вѣры и нравственности, судныя духовныя дѣла его времени даютъ очень обильный матеріалъ для характеристики нравовъ въ тогдашней воронежской епархіи.

Мы изложимъ подробно наиболѣе любопытныя изъ этихъ дѣлъ, сохранившихся отчасти въ Воронежѣ, а главнымъ образомъ—въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Передаваемыя нами дѣла не вполнѣ закончены. Но для нашей цѣли и не важно знать, какое именно наказаніе въ концѣ концовъ понесъ тотъ или другой „озорникъ": для насъ интересны самыя подробности проступка, какъ нравственнаго и бытового явленія, а въ этомъ отношеніи выбранныя нами дѣла даютъ весьма интересный матеріалъ.

I. Елецкій посадскій человѣкъ Іовъ Мануйловъ [3]) *(1681 — 1683 г.г.* Елецкій посадскій человѣкъ Еѳимъ Рышка лежалъ „въ скорби на смертной постели". Племянникъ Еѳима, Іовъ Мануйловъ, желая должнымъ образомъ напутствовать умирающаго, пошелъ въ Елецкій монастырь Курской Богородицы, что на Каменной горѣ [4]), къ знако-

---

[1]) Архивъ мин. юстиціи. Приказнаго стола столб. № 2443/1293.

[2]) Архивъ мин. юстиціи. Приказнаго стола столб. № 3434/2284.

[3]) Елецъ съ 1682 до 1788 г. принадлежалъ къ воронежской епархіи. (*Евг. Болховитиновъ.* Историч., географич. и экономич. описаніе Воронежской губерніи. Воронежъ. 1800. Стр. 169 и 171).

[4]) Теперь упраздненъ.

мому іеромонаху Боголѣпу съ просьбой „пособоровать“ его дядю. Іеромонахъ исполнилъ это желаніе. На слѣдующій день Іовъ снова явился въ монастырь и просилъ Боголѣпа постричь Еѳима въ иноческій образъ и „посхимить“. Боголѣпъ отправился къ больному, чтобы лично удостовѣриться, дѣйствительно ли онъ желаетъ „иноческаго обѣщанія“. Еѳимъ усердно просилъ о постриженіи. Однако, іеромонаха взяло раздумье: теперь при смерти больной желаетъ постричься, но онъ можетъ выздоровѣть и станетъ жаловаться, что его постригли неволею; тогда дѣло кончится очень худо для того, кто постригалъ... Эти размышленія Боголѣпъ передалъ родственникамъ Еѳима и хотѣлъ было уже уйти изъ дома. Родные принялись уговаривать іеромонаха, ручались, что никакого челобитья отъ Еѳима не будетъ, и Боголѣпъ сдался. Еѳима постригли съ именемъ Елисея. Онъ нѣсколько разъ причащался и, повидимому, совсѣмъ приготовился къ смерти. Но чрезъ нѣсколько времени старецъ Елисей, какъ и предполагалъ Боголѣпъ, выздоровѣлъ. Жаловаться на то, что его постригли, Елисей, правда, не сталъ. Тѣмъ не менѣе, изъ-за него возникло непріятное дѣло.

Какъ-то въ домѣ Харитона Иванова Зарубина, который тоже приходился племянникомъ Елисею, собралось много народу. Іовъ Мануйловъ сталъ поднимать на смѣхъ своего дядю:

— Постриженъ ты въ чернцы, *поставилъ тебя воронежской епископъ въ месники...*

Услышавъ такія рѣчи, одна елецкая вдова посадскаго человѣка подала на Іова „извѣтъ“ воронежскому епископу, а Харитонъ Ивановъ на допросѣ у елецкаго поповскаго старосты „сказалъ противъ ее извѣту“, т. е. подтвердилъ заявленіе вдовы. Іовъ Мануйловъ былъ взятъ на Воронежъ къ епископу и сидѣлъ „въ чепи и въ тюрьмѣ многое время“. Освободившись, вѣроятно, чрезъ поручителей изъ заключенія, Іовъ подалъ жалобу курскому воеводѣ Шеину на вдову и Харитона Иванова, будто они „его обезчестили напрасно и причинили ему на Воронежѣ въ духовномъ приказѣ убытковъ и харчей на 52 рубля“. Шеинъ почему-то вступился за Іова и потребовалъ его недруговъ къ отвѣту. Между тѣмъ, отъ воронежскаго духовнаго приказа послѣдовало предписаніе домовому архіерейскому приставу взять „за поруками и за провожатыми съ церковными причетники Ельца города чернаго попа Боголѣпа да посадскаго человѣка Іева Мануйлова въ великомъ архіерейскомъ духовномъ дѣлѣ тотчасъ безъ мотчанія“... Чернаго попа Боголѣпа удалось „ухватить“ и отправить въ Воронежъ, гдѣ онъ подробно передалъ о своемъ участіи въ постриженіи старца Елисея. Но Іовъ Мануйловъ, надѣясь, вѣроятно, на курскаго воеводу, повелъ себя очень буйно. „И онъ, Іевъ,—писали дьячки въ своемъ „доѣздѣ“,— учинился указу преосвященнаго

епископа непослушенъ, посыльныхъ людей дьячковъ всѣхъ перебилъ и съ ножемъ гонялся и архіерея Божія бранилъ матерна и антихристомъ называлъ"... Елецкій воевода задержалъ Іова, но не хотѣлъ выдать его духовному приказу, а потомъ совсѣмъ освободилъ и началъ притѣснять вдову и Харитона. Любвеобильный воронежскій святитель не могъ не вступиться за угнетаемыхъ. „Молю твою праведную любовь, пожалуй, Деонисей Ивановичъ,—писалъ св. Митрофанъ елецкому воеводѣ,—ради нашего прошенія учини свою праведную любовь, умилосердися надъ ельчаниномъ надъ Харитономъ Ивановымъ да надъ вдовою надъ Матреною... А что билъ челомъ онъ, Іевъ Мануйловъ, будто ему на Воронежѣ въ нашемъ духовномъ приказѣ отъ нихъ харчей учинилось на пятьдесятъ на два рубли, и то онъ, Іевъ, билъ челомъ неправдою и наше смиреніе и приказныхъ нашихъ онъ обезчестилъ напрасно; а на немъ, Іевѣ, довелась было доправить денежная пеня большая за непослушаніе отца его духовнаго въ духовности и за безчестье его, и за то на немъ пеня не доправлена"...

Чѣмъ закончилось дѣло,—неизвѣстно [1]).

II. Гвоздевскіе помѣщики братья Шишкины. (*1688—1694 г.г.*). Въ началѣ XVII в. въ Воронежѣ служилъ „осаднымъ головою" [2]) Прокофій Михайловичъ Шишкинъ. За свою службу онъ былъ пожалованъ значительными земельными владѣніями въ селѣ Гвоздевкѣ, воронежскаго уѣзда, по рѣкамъ Дону и Гвоздевкѣ. Было у него довольно и „пашни паханыя добрыя земли, перелогу и дикаго поля", были покосы, липяжки, рыбныя ловли и другія угодья въ двухъ сельцахъ да въ трехъ пустошахъ" [3]). Жилъ Прокофій въ довольствѣ, въ своемъ селѣ считался первымъ помѣщикомъ и вообще, какъ видно, пользовался уваженіемъ. Изъ дѣтей его упоминаются въ документахъ Агапъ, Иванъ и Леонтій Прокофьевы [4]); но, кромѣ именъ,

---

[1]) Отрывки изъ дѣла воронежскаго духовнаго приказа объ Іовѣ Мануйловѣ сохранились въ частныхъ рукахъ, въ сборникѣ іеромонаха воронежскаго Благовѣщенскаго монастыря Варсанофія. (Ср. Матеріалы для жизнеописанія св. Митрофана, собран. *Ст. Звѣревымъ.* Воронежъ. 1897. №№ 12, 14—19).

[2]) Т. е. начальникомъ гарнизона или комендантомъ крѣпости.

[3]) Матеріалы для исторіи Ворон. и сосѣдн. губерній. Томъ II. Ворон. писцовыя книги. Воронежъ, 1891. Стр. 36, 37, 49—53 и друг.

[4]) Матер. для ист. Ворон. и сосѣдн. губ. Томъ I. Воронежскіе акты. Воронежъ. 1887. Стр. 218 и 221.

о нихъ ничего не извѣстно. Въ 1682 г. Гвоздевское помѣстье Прокофья Шишкина „со всѣми угодьи“ было отказано его внучатамъ Никитѣ, Гаврилѣ да Льву Леонтьевымъ [1]). Никита служилъ воеводой въ маленькомъ городкѣ Чернавскѣ (нынѣ село елецкаго уѣзда). а остальные два брата проживали въ Гвоздевкѣ, причемъ они, какъ видно, не всегда ладили другъ съ другомъ, такъ какъ въ 1686 году они подѣлили свое помѣстье и крестьянъ [2]). Всѣ три брата получили въ Воронежскомъ краѣ печальную извѣстность своими подвигами, о которыхъ сохранилось довольно обширное дѣло.

7 октября 1688 г. гвоздевскій помѣщикъ Трофимъ Стерлеговъ подалъ св. Митрофану „извѣтъ“ на Гаврилу Шишкина и на его крестьянъ въ „духовныхъ дѣлахъ“. По сообщенію Стерлегова, „Гавриловы крестьяне Шишкина Мирошка Ѳеоктистовъ живетъ съ нынѣшнею женою своею не молитвя и дѣтей съ ней прижилъ, Карпикъ Богачевъ живетъ блудно съ дочерью своею бо̀льшею дѣвкою, да вдовы Вѣрки дочь ея, вдова-жъ Анютка, какъ жила во дворѣ у него Гаврилы Шишкина до женитьбы его, и въ то время родила она во вдовахъ робенка, а слышно ему учинилось, что прижилъ съ нею того ребенка онъ, Гаврила Шишкинъ; да пришлаго человѣка Лаврушкина жена Рогозина кормитъ чужого робенка вы....ка изъ найму“. Получивъ эти свѣдѣнія, духовный приказъ тотчасъ же занялся допросомъ оговоренныхъ лицъ. Дунька Рогозина назвала ребенка своимъ; но „рѣчи“ ея сына и мужа были съ ея словами „несходны“. Первый показалъ, что ребенка принесъ къ нимъ Дунькинъ братъ, чернавецъ Пареенъ Головинъ, который и сказалъ, будто того „малаго“ велѣлъ кормить Левъ Шишкинъ; точно также и мужъ Дунькинъ далъ несогласное съ нею показаніе о возрастѣ ребенка. Дочь Карпушки Богачева чистосердечно раскрыла на допросѣ одну изъ тѣхъ тяжелыхъ драмъ, которыми богата была жизнь темнаго крестьянскаго люда. „Въ прошломъ во 196 (1688) году въ недѣлю Ѳомину, въ воскресенье въ вечеру,—показывала Манька,—отецъ мой, пришедъ въ домъ свой и ухватя меня на дворѣ, и захватя ротъ, чинилъ со мною блудное паденіе силою и, учиня блудное паденіе, заказалъ мнѣ никому про то не сказывать, и я, убоясь отца, никому про то не сказала. И на той же Ѳоминой недѣлѣ во вторникъ, дневною порою отецъ мой послалъ меня въ конюшню для ветчины, и какъ я вошла въ конюшню, и отецъ въ то число, вшедъ въ конюшню, и заперся, и чинилъ со мною блудное паденіе силою дважды, отдыхая, и выпустя съ конюшни, велѣлъ мнѣ прійтить въ конюшню вдругіе для того-жъ блуднаго паденія и про то заказалъ мнѣ никому не

---

[1]) Ст. Звѣревъ. „Матеріалы для жизнеоп. св. Митрофана“, № 61.

[2]) Ст. Звѣревъ. „Матеріалы для жизнеоп. св. Миртофана“, № 45.

сказывать-жъ. А какъ онъ, отецъ мой, блудное паденіе со мною творилъ, и мать моя то видѣла, и за то отецъ мать мою, а свою жену билъ смертнымъ боемъ. И послѣ того на третій день я прилучилась въ дому своемъ одна, и отецъ, пришедъ въ домъ, хотѣлъ со мною творить блудное-жъ паденіе, и я отъ него ушла къ сосѣду и про то блудное насиліе я сказала, и провѣдавъ про то отецъ мой, что про блудное насиліе я сказала, и онъ Карпикъ билъ меня за то смертнымъ боемъ и держалъ въ чепи многое время"... Въ виду важности разсказаннаго преступленія, Манька послѣ допроса была задержана въ Воронежѣ и отдана „за приставы". Что же касается самого помѣщика Гаврилы Шишкина, то слухи, сообщенные въ челобитной Стерлегова насчетъ его отношеній къ вдовѣ Анюткѣ, оказались справедливыми. Равнымъ образомъ, обнаружились столь же некрасивые поступки и брата его, Льва. Крестьяне Шишкиныхъ показали, что когда Дунька Телебокова, дворовая дѣвка Льва, родила ребенка, помѣщикъ велѣлъ нарядить ее молодицей и для роженичной молитвы отвезти въ г. Чернавскъ; ребенка сдали кормить, а Дуньку, чтобы прикрыть нѣсколько свои отношенія къ ней, Левъ выдалъ замужъ за Стеньку Телебокова, котораго тотчасъ отослалъ въ Коротоякъ къ воеводѣ.

Такимъ образомъ, оговоръ Стерлегова вполнѣ подтвердился. Но допросъ не повелъ ни къ какимъ послѣдствіямъ. Манька Богачева была „изъ-за приставства скрадена" и очутилась въ числѣ дворовыхъ дѣвокъ своего помѣщика Гаврилы Шишкина. Несмотря на то, что къ Шишкинымъ „непоодинажды посылались многіе люди и священники и приставы", братья и сами не хотѣли ѣхать въ Воронежъ „для очищенія тѣхъ духовныхъ дѣлъ", и не выдавали „къ подлинному розыску" своихъ людей. Духовный приказъ ничего не могъ подѣлать съ такимъ своевольствомъ, хотя описанныя безобразія творились почти подъ самымъ Воронежемъ (с. Гвоздевка отъ Воронежа въ 15 верстахъ). „И затѣмъ мнѣ, богомольцу вашему,—писалъ свят. Митрофанъ царямъ Іоанну и Петру,—тѣхъ великихъ духовныхъ дѣлъ и пребеззаконнаго ихъ житія управити невозможно"... Эту жалобу святителю пришлось высказывать нѣсколько разъ, такъ какъ двѣ его челобитныхъ остались безъ отвѣта. Сообщая объ этомъ въ третьей челобитной отъ 21 февраля 1690 года, св. Митрофанъ прибавилъ: „а нынѣ они Гаврила и Левъ Шишкины на Москвѣ". Въ Разрядѣ велѣно „сыскать Шишкиныхъ, буде они на Москвѣ, и противъ отписки распросить". Вѣроятно, узнавъ объ этомъ, братья поспѣшили изъ Москвы удалиться, потому что вскорѣ Разрядъ предписалъ воронежскому воеводѣ „прислать въ духовный приказъ къ епископу Митрофану Гаврилу да Льва Шишкиныхъ и ихъ людей и крестьянъ, до которыхъ духовныя дѣла есть". Но и воевода могъ сдѣлать мало:

Гаврила совсѣмъ не явился, а Левъ покинулъ въ духовномъ приказѣ крестьянъ своихъ и съ Воронежа „съѣхалъ бѣгомъ". Опять пошелъ слухъ, что братья на Москвѣ. На этотъ разъ Разрядъ приказалъ собрать поручную запись, что „стать Шишкинымъ на Воронежѣ въ духовномъ приказѣ на срокъ по уложенью". Наконецъ, Левъ Шишкинъ былъ кое-какъ вытребованъ въ духовный приказъ. На допросѣ онъ „во всемъ блудномъ беззаконіи запирался" и опять не хотѣлъ выдать своихъ людей, которые въ тѣхъ „блудныхъ воровствахъ приличны". Онъ сидѣлъ въ духовномъ приказѣ „за приставы", а затѣмъ въ Успенскомъ монастырѣ подъ началомъ былъ „многое время", но людей, всетаки, „никоторыми дѣлы перемогаючись не поставилъ". Чтобы освободиться изъ монастырскаго заключенія, Левъ сослался на свою „скорбь" (болѣзнь), далъ обѣщаніе представить къ розыску требуемыхъ людей и даже посадилъ „для увѣренія" вмѣсто себя пятерыхъ крестьянъ. Но, получивъ свободу, Левъ попрежнему началъ укрываться. Оба брата принялись теперь донимать Трофима Стерлегова за его „извѣты", причиняя ему разные убытки и разореніе. Стерлеговъ, конечно, не оставался въ долгу и подавалъ на нихъ новыя челобитья. Равнымъ образомъ и другіе жители с. Гвоздевки, испытавъ много непріятностей отъ Шишкиныхъ, стали откровенно разсказывать о ихъ дѣяніяхъ. Благодаря этому, показаніями разныхъ лицъ въ достаточной степени было обрисовано поведеніе всѣхъ трехъ братьевъ Шишкиныхъ.

Обнаружилось, прежде всего, что Шишкины были очень плохіе христіане. Когда въ Гвоздевкѣ начали строить новую церковь, Гаврила и Левъ сами отказались и крестьянамъ своимъ запретили участвовать въ денежныхъ сборахъ на церковную утварь и проч. „Они, Гаврила и Левъ, — жаловался Стерлеговъ, — приходятъ къ церкви Божьей не почасту, также и крестьяне ихъ".

Это равнодушіе къ вѣрѣ весьма наглядно сказывалось въ ихъ отношеніяхъ къ священникамъ. Никита Шишкинъ съ 1681 г. былъ подъ запрещеніемъ „и отъ входу святыя церкви и отъ всякой святыни отлученъ за преслушаніе преосвященнаго митрополита (рязанскаго Іосифа) указу и что онъ вступался въ великія духовныя дѣла и священный чинъ билъ и поругался..." И этимъ запрещеніемъ, какъ видно, Никита не только не тяготился, потому что онъ и не думалъ просить воронежскаго святителя о разрѣшеніи. Но въ особенности давалъ волю рукамъ Левъ Шишкинъ. Однажды онъ, напримѣръ, пришелъ съ людьми своими на дворъ къ гвоздевскому попу Ивану и билъ его и „увѣчилъ смертнымъ боемъ и дворъ обломалъ и ворота у двора и у избы дверь выломили и отъ того бою лежалъ попъ три недѣли..." Въ другой разъ, великимъ постомъ, ночной порою, къ попу Ивану кто-то постучался.

— Кто тамъ?—съ неохотой отозвался священникъ, досадуя на позднюю тревогу.

— Я, Авдюшка Медвѣдевъ. Прислалъ за тобою Левъ Шишкинъ: у него въ домѣ лежитъ „боль“ (т. е. больной).

Отъ „боли“ отказываться нельзя и о. Иванъ не сталъ медлить.

— Гдѣ у тебя „боль“?—спросилъ онъ, пріѣхавъ въ домъ Льва. Послѣдній взялъ попа за руку и повелъ его въ баню. Здѣсь оказались три роженицы, которымъ Левъ и просилъ прочитать молитвы. О. Иванъ сталъ въ смущеніи говорить:

— Бѣда твоя, Левъ, что у тебя лежатъ роженицы!..

Въ отвѣтъ на это, Шишкинъ началъ бить попа, давилъ его за горло и приговаривалъ:

— Для чего ты меня не слушаешь и роженичныхъ молитвъ не говоришь? Быть тебѣ у меня за то въ рѣкѣ Дону!..

Испугавшись такого „великаго смертнаго пристрастія“, попъ поневолѣ приступилъ къ чтенію молитвъ. Но тутъ пришло ему на мысль употребить нѣкоторую хитрость: вмѣсто положенныхъ молитвъ, онъ прочиталъ: „Помилуй мя, Боже“, а имена младенцамъ не нарекалъ... Чтобы скрыть свои беззаконія, Левъ просилъ попа Ивана не доносить о нихъ епископу и „приводилъ къ крестному цѣлованію“. Много разъ Левъ угрожалъ убить попа до смерти, а тѣло его „учинить безвѣстно“. Напуганный всѣмъ этимъ, попъ Иванъ долго молчалъ. Только уже, когда его привлекли къ допросу „противъ рѣчей“ различныхъ свидѣтелей, онъ подалъ повинную челобитную, и опять съ опасеніемъ, какъ бы ему „отъ Льва и дворовыхъ его людей и крестьянъ за то до смерти убиту не быть и безвѣстно-бъ не пропасть...“

Не менѣе пришлось пострадать отъ Льва Шишкина и другимъ священникамъ. Однажды отъ духовнаго приказа были посланы села Гвоздевки Покровскій попъ Григорій, да села Язного Пятницкій попъ Мартынъ, въ сопровожденіи церковниковъ, приставовъ и стрѣльцовъ, для взятія Льва Шишкина. Прибывъ въ Гвоздевку, посыльные застали Льва „съ женкою Дунькою въ клѣтѣ запертыхъ и на одной постели...“ Женка была „простоволоса“, а Левъ сталъ приводить въ порядокъ такія части костюма, которыя несомнѣнно свидѣтельствовали, что эта пара была почти застигнута in flagranti... Оправившись, Левъ бросился бить пищальнымъ дуломъ пристава Карпика Кувакина; но долго сопротивляться онъ не могъ. Его посадили въ телѣгу, повезли въ Воронежъ. Дорогою, однако, Левъ опять воевалъ: „попа Григорія билъ и за волосы дралъ, и за глотку давилъ, а попа Мартина, ухватя за тайныя..., давилъ и съ телѣги спихнулъ...“

Но особенно широко проявлялась нравственная разнузданность Льва въ его отношеніяхъ къ женскому полу. Въ этой области онъ

напоминаетъ собою тѣхъ самодуровъ-помѣщиковъ начала прошлаго столѣтія, о которыхъ сохранилось такъ много печальныхъ воспоминаній... Въ усадьбѣ Льва былъ устроенъ настоящій гаремъ, въ которомъ постоянно находилось по нѣскольку дѣвокъ. Эти Ганьки, Грушки, Дашки, когда у нихъ обнаруживались послѣдствія барскаго вниманія, выдавались замужъ, послѣ чего онѣ, разумѣется, „робятъ не въ урочныя числа родили...“ На смѣну выбывшимъ, Левъ „насильствомъ отнималъ у отцовъ и матерей для обруганія блуднаго“ другихъ „дѣвокъ рослыхъ и поневолѣ держалъ ихъ у себя во дворѣ“. Какъ и у большинства развратниковъ, половыя излишества у Льва сопровождались проявленіями самой необузданной жестокости и цинизма. По словамъ попа Ивана, „тѣхъ дѣвокъ онъ, Левъ, обнажа у себя въ избѣ и заперши, привязавъ за косы, бьетъ смертнымъ боемъ...“ Гаврила и Никита Шишкины, какъ люди женатые, повидимому, не отличались такою безпутностію. Но первый, какъ мы видѣли выше, и послѣ женитьбы настойчиво укрывалъ своихъ развратныхъ крестьянъ, а второй принималъ очень близкое участіе въ любовныхъ похожденіяхъ Льва. Когда Дунька Телебокова въ первый разъ сдѣлалась отъ Льва беременной, Никита взялъ ее къ себѣ въ Чернавскъ и велѣлъ наложить на себя кичку. Въ его хоромахъ „въ горницѣ“ крестили ребенка, а воспріемниками были самъ Никита и его дочь Евдокія...

Послѣ всѣхъ этихъ разоблаченій на допросахъ въ духовномъ приказѣ, Левъ Шишкинъ, опять не пожелавшій поставить къ розыску оговоренныхъ женокъ и дѣвокъ, былъ закованъ въ цѣпи и отосланъ въ хлѣбню воронежскаго Успенскаго монастыря. Плохо теперь приходилось гвоздевскому жуиру: онъ зналъ, что строгій епископъ, послѣ столькихъ обмановъ, уже не выпуститъ изъ „чепи“. Но тутъ явился на помощь братъ Никита. 23 сентября 1694 г. Никита приходилъ вечеромъ въ Успенскій монастырь, вызвалъ изъ хлѣбни Льва и о чемъ-то долго съ нимъ бесѣдовалъ наединѣ. Немного позднѣе, являлся въ монастырь сынъ Никиты, Григорій, и также говорилъ со Львомъ, „отводясь“... Въ ту же ночь Левъ изъ „чепи“ бѣжалъ. Извѣщая объ этомъ св. Митрофана, игуменъ и братья монастыря писали, что „невѣрка имъ въ подговорѣ и въ подносѣ ключа и въ подъѣздѣ за нимъ Львомъ на него Никиту и на сына его Григорія...“ Конечно, Никита послѣ этого и не думалъ являться въ духовный приказъ, чтобы очиститься отъ подозрѣній. Св. Митрофанъ вынужденъ былъ писать въ Разрядъ новую, очень обширную жалобу на Шишкиныхъ. „И о томъ ихъ Гавриловѣ и Львовѣ и людей ихъ и крестьянъ беззаконномъ житіи, — такъ заканчивается эта челобитная,—и о пребеззаконныхъ ихъ вышеписанныхъ дѣлахъ, и въ Никитиной потачкѣ, и въ утайкахъ съ ними

заедино такихъ беззаконныхъ дѣлъ и о всемъ противъ сей моей, богомольца вашего, отписки, что вы, великіе государи, укажете“ ..

„Указано“ было очень немногое: „записать въ книгу и съ сей отписки послать въ патріаршъ духовной приказъ память“. Этой канцелярской помѣтой и заканчивается дѣло [1]).

III. Ельчанинъ Никита Шаталовъ. (*1690 г.*). 28 іюня 1690 г. въ селѣ Трегубовѣ, елецкаго уѣзда, попъ Тихонъ служилъ вечерню подъ Петровъ день. Въ церкви, кромѣ своихъ прихожанъ, были нѣкоторые ельчане, пришедшіе на праздникъ [2]) въ гости къ роднымъ и знакомымъ. На клиросѣ елецкій соборный дьяконъ Иванъ читалъ пареміи. Въ это время въ церковь вошелъ ельчанинъ Никита Харитоновъ Шаталовъ „съ батогомъ“ и сталъ подлѣ праваго клироса, гдѣ находился, между прочимъ, поповъ сынъ дьячекъ Степанъ. Такъ какъ семейство трегубовскаго попа было въ непріязненныхъ отношеніяхъ съ Никитой, то у клироса началась перебранка, которая скоро перешла въ ругань „всякими неподобными скаредными словами и матерно“, въ чемъ приняла участіе и попадья. Отъ этого недалеко было уже до дѣйствій... Никита ухватилъ попова сына съ клироса за волосы и началъ съ нимъ драться. Елецкій дьяконъ, принявшійся останавливать Никиту, кое-какъ вытолкалъ его изъ церкви. Но Никита уже не могъ успокоиться. Сидя предъ церковью на камнѣ, онъ просвисталъ трижды, чтобы созвать на помощь своихъ крестьянъ. На призывъ явилось около 20 человѣкъ. Въ сопровожденіи ихъ Никита „съ ослопьемъ“ опять явился въ церкви. Попъ Тихонъ въ это время стоялъ предъ царскими вратами въ ризахъ и говорилъ „отпустъ“. Никита толкнулъ попа въ грудь ногою, такъ что тотъ ударился головою о царскія двери, и началъ его бить и за волосы драть, а потомъ принялся за попадью. При видѣ этой сцены народъ поспѣшилъ выйти изъ церкви, предоставляя дерущихся самимъ себѣ. Елецкому дьякону опять удалось вывести Никиту, но тотъ снова ломился въ церковь, гдѣ заперлись попъ съ попадьею и съ дѣтьми.

— Разорилъ ты насъ!..—закричала попадья въ одно на Никиту.

---

[1]) Архивъ министъ. юстиціи. Приказнаго стола столб. № 2298/1148, д. 8.

[2]) 27 іюня въ 1690 г. приходилась такъ называемая «девятая пятница». Такъ какъ въ Трегубовѣ церковь была во имя «великомученицы Пятницы» (Параскевы), то 28 іюня въ селѣ, вѣроятно, праздновали второй день престольнаго праздника.

Послѣдній ударилъ попадью чрезъ окно коломъ и разбилъ ей зубы. Созвавъ своихъ крестьянъ, расходившійся Никита закричалъ:

— Пойдите въ поповъ домъ и дочерей его и невѣстокъ пере скверните блудно!..

Толпа двинулась къ попу на дворъ. Никита сталъ гоняться за дочерьми и невѣстками, которыя вынуждены были отъ него попрятаться, билъ поповыхъ гостей и грозился перерѣзать его скотину. Нѣсколько разъ осаждалъ Никита поповъ дворъ. Дьячекъ Степанъ съ батракомъ взялись за оружіе и, обороняясь отъ нападеній, въ подворотню „пострѣлили изъ лука Никиту въ чрево“, а двухъ его крестьянъ поранили копьемъ. Прибѣгалъ опять Никита браниться и къ церкви. Наконецъ, сраженіе прекратилось. Попъ и попадья, оба въ крови, пришли домой. Потомъ участники въ дракѣ отправились въ Елецъ „записывать свои раны, руганье, увѣчье и бой“. Началось разслѣдованіе. По досмотру елецкихъ поповъ оказалось, что въ трегубовской церкви „царскія двери съ лѣвой стороны отъ верхняго крюка выломлены и запона въ олтарѣ за царскими дверьми изодрана и на лѣвомъ крылосѣ окровавлено“. Никита Шаталовъ, не дожидаясь присылки за нимъ, самъ поѣхалъ въ Воронежъ оправдываться. Но святитель Митрофанъ, на основаніи отписки елецкаго старосты поповскаго и челобитной попа Тихона, приказалъ посадить Никиту „въ чепь и въ тюрьму“, а самъ донесъ о происшествіи въ Москву. Изъ Разряда приказано послать на Елецъ „дворянина добра“ и съ нимъ подьячихъ „отъ мѣста“, чтобы розыскать „про дуровство Никиты большимъ повальнымъ обыскомъ“. Братъ Никиты, Левъ Шаталовъ, тоже обратился въ Разрядъ съ жалобой на дѣйствія попа Тихона и воронежскаго епископа. По словамъ Льва, попъ Тихонъ „въ службѣ и въ приходѣ чинитъ многое непостоянство“, о чемъ нѣсколько разъ и заявлялъ ему Никита Шаталовъ; мстя недружбу, попадья съ сыномъ и подняли задоръ въ церкви: досмотръ производили всѣ поповы свойственники, а воронежскій епископъ безъ очныхъ ставокъ съ попомъ безвинно посадилъ Никиту въ тюрьму, гдѣ онъ „помираетъ голодною смертію“. Къ этому Левъ прибавилъ, что братъ его „на Ельцѣ ни въ какомъ чину не записанъ и не его, воронежскаго епископа, присуду“ [1]), такъ какъ ихъ отецъ „написанъ по выбору, а Никита—по жилецкому списку“ [2]).

[1]) Т. е. не его епархіи или вообще не его вѣдомства.

[2]) «Выборъ» или «выборные дворяне»—высшій слой уѣзднаго дворянства, занимавшій должности по городу (чины городовые); «жильцы»—дѣти дворянъ, дьяковъ и подьячихъ, которые вызывались для воинской службы въ Москву на извѣстный срокъ. (*Соловьевъ*. «Ист. Россіи». кн. III, столб. 676 (изд. тов. Общ. Пользы); *Брокгаузъ-Ефронъ*. «Энцикл. словарь», полут. 13, стр. 470; полут. 23, стр. 6).

Когда „дворянинъ добръ“ явился въ Трегубово производить сыскъ, то, какъ и слѣдовало ожидать, каждая сторона выставила своихъ свидѣтелей. Нѣсколько человѣкъ дѣтей боярскихъ, очевидно, державшихъ руку Никиты, старались всячески очернить попа Тихона. „Въ службѣ и въ приходѣ,—показывали они,—попъ многія неистовства чинитъ: беретъ великія взятки за вѣнчанье и другія требы [1]), о святой недѣлѣ ежегодно сбираетъ по 2 деньги съ двора на окладъ къ церковь къ иконѣ Богородицы, но доселѣ никакого оклада не дѣлаетъ и эти деньгя насильно отнимаетъ у икононосцевъ; по господскимъ праздникамъ и воскреснымъ днямъ у попа никакой службы не бываетъ и т. п. Задоръ въ церкви начался отъ попова семейства, причемъ его сынъ будто бы „ножъ наголо держалъ“...

Но попъ Тихонъ не остался въ долгу у Никиты. Онъ, прежде всего указалъ на тѣ упущенія, которыя были сдѣланы при розыскѣ: слѣдователь пріѣхалъ изъ Воронежа вмѣстѣ съ Никитой, а потомъ съ нимъ же ѣздилъ по дворамъ и гумнамъ и „писалъ сыскъ своимъ вымысломъ“, между тѣмъ какъ по закону „ему, Никитѣ, при розыскѣ быть не довелось“... Затѣмъ, свидѣтели со стороны попа показали, что Никита неоднократно позволялъ себѣ буйствовать въ церкви и давно уже преслѣдовалъ все поповское семейство. На Ѳоминой недѣлѣ, во время вѣнчанія свадьбы, Никита „въ церкви бранилъ попа Тихона матерно, метался бить его въ ризахъ“, но былъ удержанъ, благодаря чему попъ въ облаченіи ушелъ изъ церкви. Послѣ этого Никита бросился бить пономаря и отнялъ у него церковный доходъ въ количествѣ 26 алтынъ 4 денегъ. Попадью Никита однажды „доѣхалъ“ на дорогѣ подъ Ельцомъ, сталъ ее бранить и гнался съ плетью, такъ что она едва успѣла скрыться въ женскомъ монастырѣ. Часто похвалялся Никита на попадью „худыми умыслы“, обѣщаясь ее бить „четырьмя плетьми до реберъ“... Своего сына Ивана попъ нашелъ какъ-то въ полѣ и увидѣлъ, что онъ „лежитъ битъ“, а билъ его палкой и „уметки“ [2]) Никита Шаталовъ...

Дальнѣйшій ходъ дѣла намъ неизвѣстенъ [3]).

Съ такими дикими нравами приходилось вести борьбу св. Митрофану. Мы увидѣли, что внѣшнія мѣры противъ распущенности, по мѣстнымъ условіямъ, часто оказывались въ Воронежскомъ краѣ недѣйствительными и что святитель долженъ былъ заканчивать свои

[1]) По словамъ одного свидѣтеля, попъ Тихонъ «отъ вѣнчанья взялъ 10 алтынъ, да отъ молитвы роженицѣ—7 алтынъ».

[2]) Вѣроятно—«обметки», т. е. соромъ, мусоромъ.

[3]) Архивъ минист. юстиціи. Прикаказн. ст. столб. № 2443/1293.

челобитныя въ Москву скорбными строками. Но проникнутый пастырскою ревностью святитель не ограничивался лишь мѣрами внѣшними противъ „безстрашниковъ и ругателей и озорничества къ священному чину“. Онъ усердно увѣщевалъ священниковъ „непрестанно поучать приходскихъ своихъ людей отъ божественнаго писанія ко всякому благочинію“, строго соблюдать посты, удаляться отъ пьянства и т. п.; въ монастыряхъ святитель поучалъ настоятелей быть для братіи примѣромъ „ко всякому доброму дѣлу“; въ своей личной жизни онъ давалъ образецъ строгаго воздержанія, смиренія и любви, готовой помочь всякому страждущему и несчастному [1]). Эти наставленія и примѣръ самого святителя, конечно, въ извѣстной мѣрѣ дѣйствовали на паству. Но нужно было много усилій, чтобы пробудить огрубѣлыя сердца воронежцевъ и заложить въ нихъ прочныя основы для религіозно-нравственнаго перевоспитанія. Къ тому же, обстоятельства мѣшали спокойной нравственной жизни края, такъ что тяготы пастырскаго служенія св. Митрофана съ теченіемъ времени все увеличивались. Извѣстно, что въ концѣ XVII вѣка начавшееся въ Воронежѣ судостроеніе привлекло сюда изъ-за границы массу „самого отчаяннаго сброда“, „людей распутныхъ, склонныхъ къ пьянству, насиліямъ и разнымъ преступленіямъ [2])“. Въ Воронежѣ раскинулась значительная „нѣмецкая слобода“, гдѣ, по подобію знаменитой московской слободы, была своя упрощенная нравственность. Пріѣзжая на работу безъ семействъ, иностранцы вносили въ воронежскую жизнь крайнюю распущенность. Вотъ какъ жаловался въ 1700 г. матросъ грекъ Маркъ Матвѣевъ въ приказѣ адмиралтейскихъ дѣлъ: „по указу великаго государя посыланъ я былъ на его, великаго государя, службу въ Азовъ; а жена моя Анютка безъ меня сошла и жила у иноземца корабельнаго мастера, у англичанина Осипа Ноя, и жила съ нимъ блудно, и въ среды и пятки мясо ѣдала по ихъ иноземческому обычаю; и я, пріѣхавъ изъ Азова, билъ челомъ преосвященному Митрофану, епископу воронежскому, о разводѣ съ нею, и по тому моему челобитью указу мнѣ не учинено; чтобъ великій государь указалъ меня, Марка, съ нею развесть, а она, Анютка, впредь мнѣ ненадобна; и велѣлъ бы государь за такое ея беззаконное дѣло учинить ей наказанье и сослать

---

[1]) См. «Жизнь иже во святыхъ отца нашего Митрофана, перваго воронежскаго епископа и чудотворца». Воронежъ, 1892. Стр. 26 и друг.— *Св. Ст. Звѣревъ*. «Слово въ день преставленія св. Митрофана».— «Церков. Вѣдомости» 1898 г., № 49. Духовн. завѣщаніе св Митрофана, стр. 25 и слѣд.

[2]) *М. Веневитиновъ*.«Изъ исторіи Воронежскаго края». „Русск. Вѣстн.“ 1886 г. № 5, стр. 405.— *Н. Поликарповъ*. «Петръ В. и св. Митрофанъ Воронежскій». «Русск Стар.» 1899 г., ноябрь, стр. 243.

ее подъ началъ съ Воронежа въ иной городъ, гдѣ онъ, великій государь, укажетъ" [1]). Иноземцы издѣвались надъ почитаніемъ святыхъ и иконъ и т. п. Соблазнъ для русскихъ увеличивался, когда народъ замѣчалъ уклоненія отъ церковныхъ правилъ со стороны самого царя [2]).

Съ этими горькими послѣдствіями преобразовательныхъ увлеченій св. Митрофанъ не имѣлъ возможности бороться... Но что онъ болѣлъ душою при мысли о вредѣ, который наносили нравамъ воронежской паствы иноземцы,—это ясно доказываетъ его духовное завѣщаніе. Здѣсь святитель счелъ нужнымъ повторить тѣ предостереженія относительно иновѣрцевъ, которыя были сдѣланы въ духовномъ завѣщаніи патріарха Іоакима. „Еще завѣщаваю, — пишетъ св. Митрофанъ,—епархіи своея всякому чину православнымъ христіанамъ съ еретиками и иновѣрцами, съ латины и лютеры, кальвины и злобожными татары, общенія въ содружество не творити... и обычаевъ бы ихъ иностранныхъ по своимъ ихъ ересямъ на прелесть христіаномъ отъ нихъ не слушати, и сіе бы имъ запрещати накрѣпко"[1])...

С. Введенскій.

---

[1]) Воронежскіе акты, изд. *Александровымъ-Дольникомъ* и *Второвымъ*. Кн. III. (Воронежъ, 1853). Стр. 34—35.

[2]) Въ 1701 г., наприм., царь великимъ постомъ проѣзжалъ на Воронежъ чрезъ с. Хлѣвное (задонскаго уѣзда), и для него покупали яйца. Слухъ объ этомъ проникъ въ Семилуцкій монастырь (нынѣ упраздненный, въ 12 верстахъ отъ Воронежа). Здѣсь однажды, во время вечерни, произошелъ такой разговоръ между „подначальнымъ" чернымъ попомъ Павломъ и строителемъ монастыря Тарасіемъ: „На что тѣ яйца покупали?" — спросилъ Павелъ. –Да онъ, великій государь, яйца кушаетъ и въ великій постъ,—отвѣчалъ строитель. «Для чего ты такія непристойныя слова про него, великаго государя, говоришь?..»—Не токмо-что яйца; онъ, великій государь, въ великій постъ и мясо кушаетъ.—«Такъ дѣлаютъ нѣмцы, а великій государь того не учинитъ, чтобы въ великій постъ мясо кушать».—Онъ, великій государь, и самъ нѣмчиновъ сынъ!..—заключилъ Тарасій. (*Устряловъ*. „Исторія царствованія Петра Великаго". Томъ IV, часть 2 (Спб. 1863), приложенія, стр. 202—204: «Розыскъ въ непристойныхъ словахъ про государя, авг. 1701 г.». Изъ дѣлъ Воронежскаго архива). За „непристойныя слова" Тарасій былъ куда-то сосланъ (*Строевъ*. «Списки іерарховъ». Спб. 1877. Столб. 844.

ПОЛОЖЕНІЕ ИНОВѢРІЯ ВЪ РОССІИ.

Историческое обозрѣніе [1]).

Православіе въ русской исторической жизни.— Высочайшій манифестъ отъ 26 февраля 1903 года о вѣротерпимости и основная его мысль.—Вѣроисповѣдное положеніе католиковъ и протестантовъ въ петербургскій и московскій періодъ, свобода вѣроисповѣданія католиковъ въ древней Руси.—Сопоставленіе свободы иновѣрія въ Россіи и вѣротерпимости на Западѣ.—Выводы.

Свѣтъ Креста, водруженнаго въ русской землѣ великимъ княземъ Владиміромъ Святымъ, съ того времени свѣтитъ въ ней непрерывно. Постепенно сливаясь съ существомъ русскихъ людей и постоянно озаряя ихъ высшими, одухотворяющими идеалами, православіе является важнѣйшею творческою силою ихъ быта, ихъ государственности; выдѣливъ изъ міра языческаго, оно сроднило ихъ съ людьми міра христіанскаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и охраняетъ ихъ въ независимости отъ иновѣрцевъ и, охраняя, научаетъ къ снисходительному отношенію къ людямъ иныхъ вѣръ, иныхъ исповѣданій.

Верховный Блюститель православно-русскихъ идеаловъ еще въ настоящемъ году съ высоты Своего престола объявилъ: „Мы, съ непреклонною рѣшимостью незамедлительно удовлетворить назрѣвшимъ нуждамъ государственнымъ, признали за благо: укрѣпить неуклонное соблюденіе властями, съ дѣлами вѣры соприкасающимися, завѣтовъ вѣротерпимости, начертанныхъ въ основныхъ законахъ Имперіи Россійской, которые, благоговѣйно почитая православную церковь первенствующею и господствующею, предоставляютъ всѣмъ подданнымъ на-

[1]) Предлагаемый очеркъ представляетъ собою рѣчь, произнесенную 2 ноября сего 1903 года на торжественномъ открытіи варшавскаго общества религіозно-нравственнаго просвѣщенія. Подробно предметъ, въ главной его части, былъ первоначально раскрытъ авторомъ въ историческихъ изслѣдованіяхъ: «Изъ исторіи иностранныхъ исповѣданій въ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ» (М., 1886 г., IV+462+LIX стран.) и «Протестантство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованій» (М. 1890 г., VIII+782 стран.). См. также труды проф. М. Е. Красножена, И. Андреевскаго, преосв. Макарія, проф. Е. Е. Голубинскаго и друг.

шимъ инославныхъ и иновѣрныхъ исповѣданій свободное отправленіе ихъ вѣры и богослуженій по обрядамъ оной".

Многимъ, особенно на Западѣ, это Царское слово о вѣротерпимости показалось новымъ по своимъ принципамъ, какъ бы порицаніемъ и отрицаніемъ прежняго; иные увидѣли было въ немъ даже ступень къ уравненію иновѣрія съ православіемъ, поворотъ къ „свободѣ" отклонять и отклоняться въ чуждыя вѣрованія. Даже въ русской печати приходилось читать, что у насъ долженъ быть теперь „выходъ только одинъ. Для укрѣпленія правды въ русской землѣ надо, прежде всего, очистить отъ посторонней примѣси въ самыхъ основныхъ законахъ чистые завѣты вѣротерпимости, начертанные въ нихъ. Желательно было бы замѣнить въ статьѣ 45 выраженіе „по закону и исповѣданію праотцевъ своихъ" словами „по вѣрѣ и исповѣданію совѣсти своей", или другими, имъ равнозначущими. Всѣ остальныя перемѣны, законодательныя и административныя, тогда послѣдуютъ сами".

Однако въ русской же печати разъяснялось, что манифестъ 26 февраля настоящаго года напоминаетъ намъ, что вовсе не въ этомъ заключается истинная вѣротерпимость, завѣты которой „начертаны въ основныхъ законахъ Имперіи Россійской": эти законы предоставляютъ всѣмъ подданнымъ Русскаго Царя инославныхъ и иновѣрныхъ исповѣданій свободное отправленіе ихъ вѣры и богослуженій по обрядамъ оной, но тѣ же законы „благоговѣйно почитаютъ православную церковь первенствующею и господствующею", а слѣдовательно и имѣющею присвоенныя ей одной права и преимущества предъ другими исповѣданіями.

Свобода каждаго иного исповѣданія подъ условіемъ ненарушенія правъ господствующаго православія—вотъ, дѣйствительно, основная идея послѣдняго манифеста, и эта мысль у насъ постоянная, а по отношенію къ западному иновѣрію она съ опредѣленностью, не допускающею перетолкованій, выражена и уставлена въ первые же годы появленія у насъ католиковъ и протестантовъ. Что бы ни говорили по адресу Россіи, какъ бы ни кичился Западъ своею культурой и религіозною свободной, но именно Россіи первой принадлежитъ честь наиболѣе удовлетворительнаго рѣшенія вопроса и установки дѣла объ иновѣріи.

Приведемъ же рядъ соотвѣтственныхъ установленій, свидѣтельствъ и фактовъ, постепенно идя въ глубь вѣковъ.

Основные государственные у насъ законы о вѣрѣ, на которые указываетъ Государь въ Своемъ манифестѣ, гласятъ:

„Первенствующая и господствующая въ Россійской Имперіи вѣра есть христіанская православная каѳолическая восточнаго исповѣданія (40 статья). Всѣ не принадлежащіе къ господствующей церкви подданные Россійскаго государства, природные и въ подданство принятые, также иностранцы, состоящіе въ россійской службѣ, или временно въ Россіи пребывающіе, пользуются каждый повсемѣстно свободнымъ отправленіемъ ихъ вѣры и богослуженія по обрядамъ оной (44 ст.). Свобода

вѣры присвояется не токмо христіанамъ иностранныхъ исповѣданій, но и евреямъ, магометанамъ и язычникамъ: да всѣ народы, въ Россіи пребывающіе, славятъ Бога Всемогущаго разными языками по закону и исповѣданію праотцевъ своихъ, благословляя царствованіе Россійскихъ Монарховъ и моля Творца вселенной о умноженіи благоденствія и укрѣпленіи силы Имперіи“ (45 стр.).

Хорошо извѣстно, какія широкія права католичеству и лютеранству предоставлялъ императоръ Александръ I въ присоединенныхъ при немъ царствѣ польскомъ и великомъ княжествѣ финляндскомъ. Извѣстно также, какъ энергично выражалась Екатерина II о свободѣ всѣхъ вѣръ и исповѣданій въ ея царствѣ, между ея подданными, и одинъ изъ писателей ея времени свидѣтельствовалъ: „Благодушіе императрицы къ католикамъ превзошло все, что можно ожидать отъ государыни, не принадлежащей къ римско-католической вѣрѣ... Если же Римъ этого не чувствуетъ, то онъ предъ цѣлымъ свѣтомъ доказываетъ свою неблагодарность: римско-католики въ Бѣлоруссіи столь же свободны въ дѣлахъ вѣры, какъ католики въ Албанумѣ и Фраскати“. Между тѣмъ въ той же Бѣлоруссіи притѣсненія православныхъ католиками не прекращались даже и послѣ раздѣла Польши. „Нынѣ увѣдомляемся,—говорится въ указѣ конца XVIII в.,—что въ нѣкоторыхъ присоединенныхъ отъ Польши къ державѣ нашей губерніяхъ духовенство и помѣщики римско-католическаго исповѣданія, обращая во зло данную отъ насъ свободу исповѣданія вѣры, явнымъ образомъ притѣсняютъ священнослужителей православныя греко-россійскія церкви, и не токмо тайно внушеніями, но даже и насильственно отторгаютъ отъ церкви сей людей, добровольно къ ней прилѣпившихся, обращая ихъ къ уніатству“.

Великій Петръ въ своемъ Ништадтскомъ трактатѣ обѣщалъ, что „жителямъ уступленныхъ Россіи провинцій не будетъ никакого принужденія въ совѣсти; евангелическая вѣра, церкви и школы будутъ содержаны, какъ прежде были подъ шведскимъ владычествомъ“, однако подъ условіемъ, что и „греческая вѣра впредь свободно и безъ помѣшанія въ оныхъ такожде отправлена быть можетъ“. Призывая западно-европейцевъ на службу въ Россію, онъ объявлялъ въ своемъ указѣ 16 апрѣля 1702 г., отправленномъ за границу: „Понеже здѣсь въ столицѣ нашей (Москвѣ) уже введено свободное отправленіе богослуженія всѣхъ другихъ, хотя съ нашею церковью несогласныхъ сектъ; того ради и оное симъ подтверждается, такимъ образомъ, что мы, по дарованной намъ отъ Всевышняго власти, совѣсти человѣческой приневоливать не желаемъ и охотно предоставляемъ каждому христіанину на его отвѣтственность пещись о блаженствѣ души своей“.

И со времени Петра, за весь петербургскій періодъ, свобода инославныхъ исповѣданій даже какъ-то особо подчеркивается у насъ. Наиболѣе наглядной иллюстраціей сего служитъ то, что въ новой русской столицѣ, на главной ея улицѣ,

Невскомъ проспектѣ, парадно стоятъ церкви англиканская, лютеранская и католическая, и на томъ же проспектѣ, на всемъ протяженіи его чуть ли не въ цѣлыхъ четыре версты, стоитъ всего одна недомовая православная церковь, внѣшнею архитектурою напоминающая римскій соборъ Петра, массивный Казанскій соборъ.

Но и Петръ не вводилъ тутъ чего-либо совершенно новаго. Въ своей реформаторской дѣятельности онъ не измѣнялъ основъ русской жизни, его реформа въ существенныхъ свойствахъ предрѣшалась вѣковою практикою Московскаго государства, которая предрѣшала и предоставленіе религіозной свободы западноевропейцамъ. Не даромъ же свои слова манифеста о свободѣ вѣры Петръ начинаетъ указаніемъ на существовавшее уже въ Москвѣ.

Олеарій, современникъ Алексѣя Михайловича и Михаила Ѳедоровича, записалъ: „Москвитяне терпятъ всякаго рода исповѣданія и охотно ведутъ дѣла съ разными народностями... Русскіе охотно терпятъ въ своей странѣ лютеранъ и кальвинистовъ, равно какъ и отправленіе ихъ богослуженія. Католики же или паписты до сихъ поръ еще мало пользуются ихъ расположеніемъ... Вообще же не слышно, чтобы русскіе насильственно кого обращали въ свою вѣру и, напротивъ, каждому они предоставляютъ свободу совѣсти, хотя бы это были ихъ подданные или рабы... Всякаго же, добровольно обращающагося въ ихъ вѣру, они охотно принимаютъ“.

Въ Андрусовскомъ договорѣ (1666 г.) Алексѣя Михайловича съ польскимъ королемъ установлялось, что жители уступленныхъ отъ Польши городовъ „свободно могутъ имѣть употребленіе вѣры католической безъ всякаго въ отправленіи богомолія своего въ домахъ своихъ затрудненія“. По Веліесаріевскому договору (25 дек. 1658 г.) жителямъ шведскихъ областей, оставшихся подъ русскимъ владычествомъ, государь обѣщалъ „ихъ богомолья не отнимать, но чтобъ имъ имѣть свои попы и церковную службу, по ихъ вѣрѣ и безъ помѣшки“.

Та же безпрепятственность вѣроисповѣданія была и въ XVI вѣкѣ.

Когда посолъ королевы Елизаветы къ царю Ѳедору Ивановичу ходатайствовалъ (1587 г.) о повольности англійскимъ торговымъ людямъ жить въ Россіи „по своей вѣрѣ и въ своемъ законѣ“, то ему было сказано: „государю нашему до ихъ вѣры и дѣла нѣтъ: многихъ вѣръ люди живутъ въ государя нашего государствѣ... и тѣ всѣ живутъ въ своихъ вѣрахъ, и отъ вѣры ихъ не отводятъ, кто какъ хочетъ, тотъ такъ и живетъ по своей вѣрѣ“.

При опредѣленіи правъ жителей завоевываемыхъ сѣверо-западныхъ областей, царь Иванъ Васильевичъ Грозный объявлялъ (1558 г.) сдавшимся жителямъ Дерпта: „граждане дерптскіе остаются при своей религіи аугсбургскаго исповѣданія безъ всякихъ перемѣнъ и не будутъ принуждаемы отступить отъ нея: церкви ихъ со всѣми принадлежностями остаются, какъ были, равно какъ и школы ихъ“. Въ условіяхъ

(1570 г.) съ ливонскимъ королемъ Магнусомъ, женатымъ на двоюродной племянницѣ Грознаго, сохраненіе аугсбургскаго вѣроисповѣданія обѣщано для всей Ливоніи.

На свои просьбы о томъ, чтобы наше правительство замѣнило въ Москвѣ „маистровъ люторскихъ нѣмецкихъ“ священниками вѣры римской, которые будутъ нѣмецкіе же (какъ будто это одно и то же!), и допускало иноземныхъ купцовъ пріѣзжать съ своимъ духовенствомъ „вѣры католической“, папскій посолъ Антоній Поссевинъ получилъ отъ Грознаго отвѣтъ: „римлянамъ, венеціанамъ и цесаревой области торговымъ людямъ въ московское государство пріѣзжать и торговать повольно и попамъ съ ними ихъ вѣры ѣздить воля безъ всякаго возбраненія, только имъ ученія своего не плодить и костеловъ имъ въ государствѣ не ставить, каждый въ своей вѣрѣ да пребываетъ... а что Антоній говоритъ о люторахъ, то въ Россійскомъ государствѣ всякихъ вѣръ люди многіе живутъ, и своимъ обыкновеніемъ, и къ русскимъ людямъ не пристаютъ, а хотя бы кто и похотѣлъ пристати, и того тому чинить не попускаютъ“.

Этотъ отвѣтъ и политика Грознаго послужили, въ отношеніяхъ къ западному иновѣрію, прототипомъ политики всѣхъ послѣдующихъ московскихъ государей, а въ своемъ принципѣ предоставленія вѣроисповѣдныхъ преимуществъ протестантамъ предъ католиками служили прототипомъ и политики русскаго правительства и за петербургскій періодъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ реформація подѣлила западныхъ людей на два враждебные между собою лагеря и въ московскомъ государствѣ подмѣтили вѣроисповѣдную и національную рознь между западными пришельцами, практическій разсчетъ побудилъ у насъ отдать предпочтеніе людямъ германскаго племени, принадлежавшимъ къ протестантскому вѣроисповѣданію. Католичество было ближе къ православію, это сознавали въ Москвѣ, и въ догматическомъ отношеніи ставили его выше протестантства; но зато религіозная даль сокращалась иными условіями. Подъ возбуждающимъ дѣйствіемъ реформаціи протестанты оказывались предпріимчивѣе, въ Москву являлись въ большемъ числѣ и умѣли лучше приноровляться къ мѣстнымъ условіямъ и требованіямъ. Собираясь изъ разныхъ мѣстъ, главнымъ образомъ сѣверо-западной Европы, и не имѣя такого руководителя, какъ католики папу и іезуитовъ, они менѣе католиковъ вторгались въ мѣстную религіозную и политическую жизнь, менѣе ревновали о вѣроисповѣдной пропагандѣ, и, стоя въ сторонѣ отъ литовско-польскаго дѣла, многіе изъ нихъ искреннѣе служили въ борьбѣ съ католической Польшей, тогда еще слишкомъ тяжелой для Россіи. И потому въ московскомъ государствѣ „нѣмцы“-протестанты вскорѣ весьма превзошли своихъ соперниковъ и количественно, и въ гражданскихъ, и въ вѣроисповѣдныхъ льготахъ.

Неприкосновенностію *личнаго* вѣроисповѣданія пользовались въ московскомъ государствѣ одинаково всѣ западные пришлые люди, какъ католики, такъ и протестанты: тутъ каждый пребывалъ въ своей вѣрѣ безъ всякаго возбраненія,

безъ стѣсненій; въ степени же свободы и удобствъ отправленія богослуженія льготы и благопріятныя условія были на сторонѣ протестантовъ. За исключеніемъ эпохи самозванцевъ, когда вторгшіеся католики почти хозяйничали въ русской землѣ и на мгновеніе пооттерли было протестантовъ, наше правительство, не стѣсняя католиковъ въ вѣрѣ, не дозволяло имѣть имъ ни костела, ни іезуитовъ, а послѣ междуцарствія нѣкоторое время, главнымъ образомъ, изъ-за борьбы съ Польшей, не находили возможнымъ допускать сначала и вообще всѣхъ лицъ этой вѣры. Католическая община въ Москвѣ снова стала замѣтно заявлять о себѣ лишь послѣ присоединенія Малороссіи, и о дѣйствительной постройкѣ перваго костела въ подмосковной Нѣмецкой слободѣ могла быть рѣчь лишь къ концу XVII вѣка, въ 1694—1695 годахъ. Въ противоположность этому, пасторовъ и кирки, хотя и испытывавшихъ на себѣ превратность судьбы, за все разсматриваемое время дозволялось въ московскомъ государствѣ имѣть протестантамъ почти безпрерывно, причемъ первая московская лютеранская церковь получила свое начало при томъ же Грозномъ, который такъ рѣшительно отказалъ въ томъ католикамъ. Первая кирка была выстроена въ 1576 году, въ подмосковномъ иноземномъ предмѣстьѣ, Нѣмецкой слободѣ. Смутная эпоха смела и Нѣмецкую слободу, и кирку; поселеніе иноземцевъ, послѣ этой эпохи, въ предѣлахъ Москвы повело къ построенію въ ней нѣсколькихъ кирокъ. Съ основаніемъ Ново-иноземской или Ново-нѣмецкой слободы, въ первые годы царствованія Алексѣя Михайловича, и выселеніемъ въ нее всѣхъ московскихъ иноземцевъ, одна за другою переносятся туда прежнія кирки или строятся новыя, на участкахъ земли, отмежеванныхъ правительствомъ для пасторовъ. Получаютъ устойчивость двѣ лютеранскихъ церкви и одна реформатская, съ группирующимися около нихъ особыми общинами, приходами, и всѣ эти три церкви къ концу XVII вѣка одна за другой перестраиваются въ каменныя, чему тогда придавали особую важность. Кромѣ Москвы, протестантскія церкви были еще въ Нижнемъ-Новгородѣ, Архангельскѣ и на желѣзныхъ заводахъ близъ Тулы. Нижегородская лютеранская церковь получила свое начало въ концѣ царствованія Грознаго; остальныя—во второй половинѣ XVII вѣка. Пасторы при войскахъ получали казенное жалованье; отправлявшіеся по дѣламъ церковнымъ къ служилымъ иноземцамъ возились иногда на казенныхъ подводахъ.

Всѣ эти и подобные факты вѣротерпимости въ московскій періодъ въ Россіи, отъ Грознаго до единодержавія Петра, пріобрѣтаютъ особую историческую цѣнность, если ихъ сопоставить съ тѣмъ, какъ въ ту пору была обезпечена религіозная жизнь на Западѣ. На начало даннаго періода падаютъ тамъ такія событія: въ Германіи нѣмецко-протестантскіе князья ведутъ войны противъ императоровъ за полученіе и удержаніе религіозныхъ и гражданскихъ правъ, въ Великобританіи Генрихъ VIII воюетъ за епископальный протестантизмъ съ

подданными католиками; одна его дочь, Марія, казнитъ протестантовъ, другая дочь, Елизавета, воздвигаетъ гоненіе противъ католиковъ и всѣхъ протестантскихъ диссидентовъ, въ Швеціи—стокгольмская кровавая баня, во Франціи виднѣется кровавое зарево Варѳоломеевской ночи и т. д., и т. д.; на средину періода падаетъ Тридцатилѣтняя война съ тѣми же, какъ и прежде, огульными сожженіями протестантскихъ или католическихъ книгъ и церквей; наконецъ, изгнаніе гугенотовъ, которыхъ не защитилъ отъ сего и нантскій эдиктъ и которые вскорѣ затѣмъ получили (1689 г.) приглашеніе прибыть въ московское государство. При наличности этихъ событій, изъ которыхъ многія были извѣстны въ Москвѣ, положеніе иновѣрія въ московскомъ государствѣ тѣмъ еще болѣе важно, что наши государи, дозволявшіе свободу иновѣрію и выдававшіе религіозныя привиллегіи, имѣли много основаній быть недовольными отношеніями къ русскимъ церквамъ со стороны особенно нашихъ западныхъ сосѣдей. За весь этотъ періодъ нельзя было, какъ справедливо жаловался патріархъ Іоакимъ, соорудить на Западѣ ни одной православной церкви. Царь Грозный указывалъ датскому королю, что „люди ливонской земли... въ Ригѣ церковь нашу во имя Николы Чудотворца, гридню и палаты отдали литовскимъ попамъ и купцамъ, въ Юрьевѣ (Дерптѣ) церковь Николы Чудотворца разорили, конюшню въ томъ мѣстѣ поставили юрьевцы, а улицами русскими, палатами и погребами юрьевцы сами завладѣли“. Михаилу Ѳедоровичу и его сыну причиняли слишкомъ много заботъ притѣсненія въ вѣрѣ, испытываемыя русскими людьми въ Ливоніи и въ новгородскихъ областяхъ, отошедшихъ къ Швеціи по Столбовскому договору; напрасно старались за послѣднихъ и новгородскіе владыки: все православное изводилось, уничтожалось лютеранскими властями и правительствомъ систематически. Наканунѣ своей смерти Алексѣй Михайловичъ снаряжалъ къ шведскому королю посольство, между прочимъ, съ жалобой на коронныхъ и городскихъ властей г. Ревеля, которыя церковь Николая Чудотворца, издавна утвержденную мирными договорами за государевыми подданными, держатъ въ „неволѣ“ и не пускаютъ въ нее на молитву.

А что̀ дѣлалось пришлымъ католичествомъ по отношенію къ православію въ Литвѣ, западной и югозападной Руси, входившихъ въ составъ Рѣчи Посполитой, это уже весьма разъяснено̀ въ наукѣ, и для иллюстраціи положенія православнаго населенія, прежде всего, припомнимъ рѣчь, произнесенную на варшавскомъ сеймѣ 1620 года западнорусскимъ депутатомъ Лаврентіемъ Древинскимъ (чашникой волынской земли и членомъ виленскаго братства).

„О, Боже, кому не извѣстно, коль великія притѣсненія терпитъ народъ русскій въ отношеніи своего благочестія. Начну съ короны (т. е. югозападной Руси, присоединенной къ польской коронѣ). Уже въ большихъ городахъ церкви запечатаны, имѣнія церковныя расхищены, въ монастыряхъ, вмѣсто монаховъ, содержатъ скотъ. Перейдемъ къ великому княжеству

литовскому: тамъ то же самое дѣлается въ городахъ, пограничныхъ съ московскимъ государствомъ. Въ Могилевѣ и Оршѣ церкви также запечатаны, священники разогнаны, въ Пинскѣ тоже: Лещинскій монастырь обращенъ въ питейный домъ. Вслѣдствіе сего дѣти умираютъ безъ крещенія; тѣла покойниковъ вывозятся изъ городовъ, какъ падаль, безъ церковнаго обряда; не имѣя брачнаго благословенія, народъ живетъ въ непотребствѣ; люди умираютъ безъ исповѣди и пріобщенія св. Таинъ". „А что дѣлается во Львовѣ? Кто греческаго закона и не склоняется къ уніи, того тѣснятъ изъ города, не принимаютъ ни въ купечество, ни въ ремесленные цехи. Въ Вильнѣ для православнаго покойника запираютъ городскія ворота (въ которыхъ невозбранено ѣздить жидамъ и татарамъ), и его должны выносить въ такое отверстіе, чрезъ которое вывозятъ только нечистоты. Православныхъ монаховъ хватаютъ, бьютъ и заключаютъ въ оковы. На гражданскіе уряды не допускаютъ людей достойныхъ и ученыхъ, а наполняютъ ихъ (католиками и уніатами), хотя бы глупцами и невѣждами". „Уже двадцать лѣтъ на каждомъ сеймикѣ и на каждомъ сеймѣ мы умоляемъ съ горькими слезами, но не можетъ добиться, чтобы намъ сохранили наши права и вольности". „Если же и на этомъ сеймѣ не послѣдуетъ исправленія столь тяжкихъ золъ, то принуждены будемъ возопить съ пророкомъ: *суди ми, Боже, и разсуди прю мою*".

Но подобные протесты обыкновенно были голосами, вопіющими въ пустынѣ: тяжкіе удары, притѣсненія все увеличивались, а православная часть населенія уже и къ этому времени очень ослабѣла въ своемъ государственномъ и общественномъ положеніи. Еще нѣсколько ранѣе, извѣстный Мелетій Смотрицкій въ своемъ „Ѳриносѣ", изданномъ въ 1610 году на польскомъ языкѣ въ Вильно, указывалъ, отъ лица православной церкви, какія уже и тогда потери она понесла въ лицѣ видныхъ ея членовъ, ушедшихъ въ католичество: „Гдѣ тотъ безцѣнный камень, который я между иными перлами, какъ солнце между звѣздами, носила въ коронѣ на главѣ моей? Гдѣ домъ князей Острожскихъ, сіявшій болѣе всѣхъ другихъ блескомъ своей старожитной вѣры? Гдѣ и другіе драгоцѣнные камни той же короны: князья Слуцкіе, Заславскіе, Вишневецкіе, Збаражскіе, Сангушки, Чарторыйскіе, Красинскіе, Масальскіе, Горскіе, Соколинскіе, Лукомскіе, Пузыны и прочіе, которыхъ перечислять было бы слишкомъ долго? Гдѣ и иныя мои драгоцѣнности—гдѣ древніе, знатные, мощные, въ цѣломъ свѣтѣ славные своимъ мужествомъ и доблестію: Ходкевичи, Глѣбовичи, Кишки, Сапѣги, Дорогостайскіе, Войны, Воловичи, Зѣновичи, Пацы, Халецкіе, Тышкевичи, Корсаки, Хрептовичи, Тризны, Горностаи, Мышки, Гойскіе, Сѣмашки, Гулевичи, Ярмолинскіе, Калиновскіе, Кирдеи, Загоровскіе, Мелешки, Боговитины, Павловичи, Сосновскіе, Скумины, Поцѣи?"

На глазахъ современниковъ краснорѣчиваго „Плача" Смотрицкаго происходили такія потери. Еще у большинства этихъ фамилій современники знали отцовъ и дѣдовъ, которые слу-

жили славными представителями и борцами православія, а внуки и дѣти ихъ были уже чужды ему или даже нерѣдко и врагами его. Знатные и дворянскіе роды, подъ вліяніемъ нудящихъ условій жизни и школьнаго іезуитскаго воспитанія и обученія, чаще переходили прямо въ католичество, примыкая къ польскимъ магнатамъ и шляхтѣ, горожане же во многихъ мѣстахъ чаще дѣлались уніатами. А съ этимъ вмѣстѣ все сильнѣе и сильнѣе текли ограниченія, стѣсненія и лишенія православныхъ въ государственныхъ и общественныхъ правахъ и все болѣе и болѣе сгущалось бѣдственное матеріальное и нравственное состояніе, до котораго былъ доведенъ народъ, обращаемый, часто полунасильственно и прямо насильственно, въ католицизмъ или унію, или покидаемый въ пренебреженіи. Свою вѣру, свои народныя особенности Западная Русь могла сохранять только путемъ борьбы, пассивной и активной, и эта борьба, по справедливому сужденію историка С. М. Соловьева, самая видная сторона въ ея отношеніяхъ къ польско-литовскому королевству.

Въ своемъ поступательномъ движеніи къ Востоку католичество, со времени реформаціи усиливъ свои пропагандическія попытки, учинило чрезъ Польшу прямо насильственный натискъ на московское государство, въ эпоху возникшихъ въ немъ смутъ.

Надо, непосредственно вчитавшись въ наши лѣтописи и записи, хотя на мгновенье перенестись мыслью и чувствомъ въ ту пору и посмотрѣть глазами москвитянъ-современниковъ на то, какъ отряды самозванцевъ и Сигизмунда, приходившіе изъ-за польско-литовскаго рубежа и несшіе за собою католичество, частію совмѣстно съ казацкою вольницей уничтожали русское имущество и губили людей, какъ издѣвались надъ попадавшимися имъ русскими священниками, монахами и монахинями и, по издѣвательствѣ, многихъ и убивали, какъ кощунствовали надъ церковными облаченіями, сосудами, надъ иконами, особенно большими, мѣстными, почитаемыми, какъ „всякое скаредіе творяху“ въ храмахъ, въ томъ числѣ и въ московскихъ кремлевскихъ соборахъ [1]), посмотрѣть на то, что

[1]) Группируя извѣстія первоисточниковъ, Костомаровъ такъ описываетъ обращеніе казацкой вольницы и особенно польско-литовскихъ отрядовъ не только съ простыми людьми и ихъ имуществомъ, но и съ святынями церквей и съ монашествующими: «Нападутъ на монастырь, вымогутъ у монаховъ деньги, пытаютъ огнемъ, заставляютъ самихъ рубить дрова, мыть бѣлье, варить пиво, возить тяжести, чистить лошадей; подгоняютъ ихъ палками и толчками; разгулявшись вдоволь, для посмѣянія паны заставляли монаховъ и монахинь пѣть срамныя пѣсни и плясать, а кто станетъ упрямиться, того нипочемъ было и убить. Къ соблазну благочестивыхъ, обдирали оклады съ иконъ въ церквахъ, брали чаши и утварь, клали на дискосы мясо, загоняли скотъ въ церкви, кормили собакъ въ алтаряхъ, изъ царскихъ дверей устраивали себѣ кровати, изъ священническихъ облаченій шили себѣ исподнія платья, и тѣми тканями, которыя были на плечахъ іереевъ Божіихъ, покрывали, говоритъ современникъ, себѣ заднія части тѣла; играли на образахъ въ карты или въ шашки, покрывали воздухами и пеленами лошадей, на большихъ мѣстныхъ иконахъ творили блудное дѣло съ женщинами. (*Костомаровъ*, «Смутное время московскаго госу-

огромное большинство въ этихъ отрядахъ состояло не изъ поляковъ, а изъ западноруссовъ, которые настолько уже поддались полонизаціи, что, по почину и подъ руководствомъ поляковъ-католиковъ, производили братоубійственное разрушеніе московскаго государственнаго и церковнаго строя, посмотрѣть, наконецъ, на то, что великіе московскіе послы, просившіе Владислава на престолъ подъ условіемъ принятія и сохраненія православія, были, съ нарушеніемъ всякаго международнаго и людского права, взяты въ плѣнъ Сигизмундомъ, хотѣвшимъ сѣсть на московскомъ тронѣ и поведшимъ бы за собою католичество съ іезуитами, надо—говорю—посмотрѣть на все это глазами москвитянъ-современниковъ, и тогда мы хотя отчасти поймемъ тотъ ужасъ, который охватилъ лучшихъ московскихъ людей при представленіи, что̀ будетъ съ ними и со всѣми русскими, съ Русью, что̀ станется съ православіемъ, если окончательно восторжествуетъ католическая Польша и польскій римскій католицизмъ!.. Много условій и причинъ, что московское государство устояло тогда,—причинъ бытовыхъ, экономическихъ, соціальныхъ и т. п.; много было причинъ, что московская государственность выдержала тяжкія ей испытанія въ смутную эпоху; но главное, что̀, при видѣ внѣшнихъ и внутреннихъ опасностей, приподняло русскія силы, объединило и воодушевило ихъ, сообщивъ имъ непобѣдимость и творчество,—это *свѣтъ Креста,* водруженнаго въ русской землѣ великимъ русскимъ княземъ Владиміромъ Святымъ. Греко-восточное православное вѣроисповѣданіе и самостоятельная русская церковь, сдѣлавшіяся уже вполнѣ національными, оказали здѣсь государственности незамѣнимую услугу. Народъ возсталъ не столько на защиту національности, сколько за свою вѣру, за православіе, которое тѣмъ самымъ помогаетъ русскимъ спасти и свою народность, и государственность.

Въ польско-литовскомъ государствѣ русскіе православные люди, вынуждаемые гнетущими обстоятельствами, для противодѣйствія налегавшему католицизму вступали въ союзы съ мѣстными кальвинистами и лютеранами, объединяли свои интересы съ этими диссидентами; что̀ же удивительнаго, что московскіе люди послѣ смутъ, при всемъ возбужденіи противъ всѣхъ западныхъ иновѣрцевъ, рѣшительно отдали на нѣкоторое время полное преимущество предъ католиками и предоставили протестантству наибольшую сравнительно свободу?!

дарства въ началѣ XVII столѣтія», т. II, стран. 197—198, въ «Историч. монограф.» Спб., 1868 г., т. V). По рукописи Филарета (М. 1837,48), въ Московскомъ Кремлѣ «на царьскомъ дворѣ, во святыхъ Божіихъ церквахъ, и въ палатѣхъ, и по погребомъ все стояху Литва и нѣмцы и все свое скаредіе творяху», такъ что отъ прежняго великолѣпія и убранства остались почти однѣ стѣны и новому царю Михаилу Ѳеодоровичу сначала негдѣ было поселиться. Безсмысленно-жестокими неистовствами въ смутную эпоху прославился особенно съ своимъ отрядомъ полковникъ Лисовскій, а варшавскій сеймъ, подвергшій униженію плѣннаго царя Василія Шуйскаго, снялъ съ этого Лисовскаго, за его услуги въ московскомъ походѣ, его прежнее безславіе. (Проф. *П. Н. Жуковичъ*, «Сеймовая борьба». Спб., 1903, 70—73).

Отношенія къ католичеству смягчались и положеніе его поуравнивалось съ протестантствомъ по мѣрѣ того, какъ западный соперникъ дѣлался менѣе опаснымъ, какъ ослаблялась сила пропагандическихъ домогательствъ Рима и какъ все съ меньшими и меньшими затрудненіями и препятствіями шло объединеніе, возвращеніе всего наслѣдія Владиміра Святого.

Однако и московское правительство, уставивъ для протестантовъ бо̀льшую свободу вѣроисповѣданія сравнительно съ католиками, въ предоставленіи таковой религіозной свободы не было, какъ потомъ и Петръ I, совершеннымъ здѣсь новаторомъ. Протестанты получили съ избыткомъ почти лишь то, что̀ предъ тѣмъ имѣли въ Москвѣ католики и что̀ московское правительство нашло въ присоединенномъ Новгородѣ.

Пока Польша не сдѣлалась непосредственнымъ и усерднымъ исполнительнымъ орудіемъ къ религіозно-политическому подчиненію московскаго государства и вообще русской народности, московское правительство не имѣло причинъ къ особенно строгому отношенію къ католичеству, и даже Грозный обѣщалъ еще Поссевину, чтобы западные купцы пріѣзжали въ Москву съ своими священниками вѣры римской. А въ Новгородѣ, когда онъ служилъ важнѣйшимъ пунктомъ сѣверо-восточной торговли ганзейскихъ городовъ, стояла, до половины XVI вѣка, на торговомъ Нѣмецкомъ дворѣ католическая церковь св. Петра, которая, помимо религіозныхъ цѣлей, служила главнымъ складомъ товаровъ. Въ силу значенія церкви для торговли, она составляла предметъ особой заботливости иноземныхъ купцовъ, которые сами не только не давали въ нее доступа русскимъ, но и подвергали штрафу, кто по неосторожности показалъ бы имъ ключъ отъ нея.

Новгородъ подъ конецъ вошелъ въ составъ московскаго государства, а въ раннюю пору онъ единилъ съ Кіевомъ. Руси же кіевской, домонгольской, князья стояли въ весьма живомъ, тѣсномъ общеніи съ Западомъ, почти въ такомъ, какое установилось у насъ со времени Петра Великаго. Иные изъ князей владѣли нѣсколькими иностранными языками, три дочери Ярослава вышли замужъ, одна за короля шведскаго, другая за французскаго, третья за венгерскаго. Въ Кіевѣ и другихъ большихъ городахъ жило немалое количество людей латинской вѣры: воины, торговцы, ремесленники и т. п., изъ пріѣзжихъ иностранцевъ или осѣдавшихъ, принимавшихъ подданство. Лица эти пользовались свободой своей вѣры и богослуженія. Подъ Кіевомъ нѣкоторое время стоялъ доминиканскій монастырь, закрытый лишь, когда его братія начала было порицать православіе.

Принятіе христіанства Владиміромъ Святымъ совершилось еще до раздѣленія церквей. Но и въ ту пору папа, представляя на Западѣ уже большую политическую силу и внѣдрившись въ число свѣтскихъ владыкъ, не считался въ Византіи доброкачественнымъ православнымъ. Онъ нѣсколько разъ присылалъ ко Владиміру своихъ пословъ, и весь Западъ былъ заинтересованъ въ подчиненіи Россіи латинству. Однако Влади-

міръ, какъ независимый князь восточной страны, съ замѣчательнѣйшею государственною чуткостью и проницательностью, принялъ крещеніе не отъ папы, а отъ грековъ; христіанство греко-восточное онъ сдѣлалъ вѣрою и своего народа, для крещенія и наученія котораго онъ призвалъ іерархію греческую. Послѣ окончательнаго отдѣленія церквей, происшедшаго въ 1054 году, папа сталъ для грековъ отщепенцемъ, схизматикомъ, отлученнымъ отъ Вселенской церкви; такимъ онъ сдѣлался и для насъ, какъ оставшихся на сторонѣ грековъ и вмѣстѣ съ ними. Понятны желанія и стремленія папъ привлечь къ себѣ русскихъ князей, русскую церковь. Отсюда начинается у насъ особенная потребность обереганія себя отъ папства, отъ католичества. Создается у насъ соотвѣтственная литература грековъ и самихъ русскихъ. Въ поученіи, приписываемомъ преподобному Ѳеодосію Печерскому, дается наставленіе, какъ должно блюстися чужой вѣры, и въ обращеніи въ немъ къ кіевскому князю говорится:

„Ты, чадо, непрестанно хвали свою вѣру и подвизайся въ ней добрыми дѣлами. Будь милостивъ не только къ своимъ христіанамъ, но и къ чужимъ; если увидишь кого-либо нагимъ, или голоднымъ, или подвергшимся бѣдствію,—будетъ ли то еретикъ или латинянинъ, всякаго помилуй и избавь отъ бѣды, какъ можешь: и ты не погрѣшишь предъ Богомъ, Который питаетъ и православныхъ христіанъ, и неправославныхъ, и даже язычниковъ, и о всѣхъ печется... Когда ты встрѣтишь, что иновѣрные состязаются съ вѣрными и хотятъ лестію увлечь ихъ отъ правой вѣры: помоги своими познаніями правовѣрнымъ противъ кривовѣрныхъ, и ты избавишь овча отъ устъ львовыхъ“.

Замѣчательно, какъ въ этомъ обращеніи инока къ князю настойчиво внушается снисхожденіе къ иновѣрію и прямымъ орудіемъ борьбы противъ кривовѣрія выставляются познанія. Сама восточная церковь уставила и не перестаетъ въ своихъ храмахъ молиться о соединеніи церквей.

Между тѣмъ, въ западной церкви, послѣ отпаденія папы отъ православнаго востока, все сильнѣе и сильнѣе шло омірщеніе, матеріализація католичества и совершенная узурпація власти папой, ведшія къ губительнымъ альбигойскимъ войнамъ, къ мрачной инквизиціи, къ ауто-да-фе, къ ужаснымъ казнямъ въ Прагѣ, къ тому, что всѣ греки, духовные и мірскіе, искавшіе на Западѣ спасенія отъ бѣдствій на родинѣ и бѣжавшіе туда, вынуждались тамъ принимать католичество, подчиняться папѣ; въ тотъ періодъ начались и стали развиваться притѣсненія православію и искорененія его въ западно-русскихъ областяхъ, по мѣрѣ подчиненія ихъ польскому вліянію и господству; на тотъ періодъ падаетъ уже политика папъ, что, убѣждаясь въ безуспѣшности склонить русскихъ князей къ латинству ласками и переговорами, они стали запрещать католическимъ государямъ всякіе союзы съ русскими князьями и возбуждать западныхъ государей на крестовые походы противъ русскихъ.

Да, Россіи первой принадлежитъ честь наиболѣе удовлетворительнаго рѣшенія вопроса о положеніи иновѣрія, о правахъ иноземцевъ. Когда на Западѣ иноземецъ считался врагомъ, или, по крайней мѣрѣ, когда его личность и имущество составляли еще собственность новаго государства, и онъ не имѣлъ права завѣщанія, былъ лишенъ свободы не только общественнаго, но и личнаго вѣроисповѣданія, и т. п.,—древняя Русь не знала ничего подобнаго; въ этомъ отношеніи не произошло коренныхъ видоизмѣненій и въ московскую пору, а въ нѣкоторыхъ частяхъ дѣло развилось и значительно далѣе. Неприкосновенность личнаго вѣроисповѣданія католиковъ и протестантовъ, подъ условіемъ ненарушенія правъ православія, всегда стояла у насъ прочно, чужія религіозныя формы оставлялись въ покоѣ, не допускалось насилія въ дѣлахъ вѣры. Отдавая преимущества протестантамъ предъ католиками, москвитяне свою вѣротерпимость къ служилымъ и жившимъ у насъ иноземцамъ простерли до того, что ихъ пасторы, если имъ правилась прямая или косвенная служба государству, удостоивались иногда казенныхъ наградъ и содержанія. Такая вѣротерпимость выходила, разумѣется, не столько изъ теоретическихъ началъ, или изъ юридическихъ основаній свободы личности въ дѣлахъ вѣры: она обусловливалась свойственнымъ намъ гостепріимствомъ, снисходительностію къ иновѣрію православія и, ближе всего, политико-экономическими и культурными потребностями государства, удовлетворявшимися при содѣйствіи полезныхъ иноземцевъ. Въ предоставленіи той или иной льготы на общественное богослуженіе, въ разрѣшеніяхъ постройки той или иной кирки и т. п., большею частію все шло отъ фактовъ, отдѣльныхъ случаевъ, ни мало не обязательныхъ для правительства на другихъ мѣстахъ и при другихъ условіяхъ: правительство постоянно сохраняло за собою полную свободу дѣйствій. Допускаемое на практикѣ и отчасти, въ видахъ политико-экономическихъ, покровительствуемое, иновѣріе въ смыслѣ государственно-юридическомъ было въ сущности только дозволено. Съ Петра Великаго свобода личнаго вѣроисповѣданія и общественнаго богослуженія иновѣрцевъ, одинаково на пространствѣ всего государства, съ ненарушимостью основной системы допущенія иновѣрія въ предѣлахъ его безвредности для православія, утверждается царскимъ словомъ, произнесеннымъ во всеуслышаніе, и укрѣпляется съ теченіемъ времени гласными, основными государственными законами.

Много и другихъ вопросовъ, связанныхъ съ положеніемъ и жизнью западнаго иновѣрія, возникаютъ и просятся на научное раскрытіе, выясненіе; но задача настоящей рѣчи—обосновать мысль, что свобода иновѣрія всегда была въ Россіи и что наиболѣе удовлетворительно она уставлена у насъ много ранѣе, чѣмъ въ мірѣ католическомъ или протестантскомъ.

И, оставляя другіе вопросы до дальнѣйшихъ бесѣдъ, я ничѣмъ не могу лучше заключить теперь свою рѣчь, какъ напомнить о словахъ послѣдняго манифеста, отъ 26 февраля

сего года, напомнить о словахъ Грознаго Поссевину и привести завѣтъ изъ далекой кіевской Руси, Ѳеодосія къ кіевскому князю: „Ты, чадо, непрестанно хвали *свою* вѣру и подвизайся въ ней добрыми дѣлами. Будь милостивъ не только къ своимъ христіанамъ, но и къ чужимъ... Когда ты встрѣтишь, что иновѣрные состязаются съ вѣрнымъ и хотятъ лестію увлечь ихъ отъ правой вѣры: помоги своими познаніями правовѣрнымъ противъ кривовѣрныхъ".

Профессоръ Дм. Цвѣтаевъ.

ИЗЪ ИНОСТРАННОЙ ПЕЧАТИ.

Во Львовѣ только что вышелъ интересный очеркъ современныхъ стремленій всепольской партіи, озаглавленный „Всепольская революціонная партія“. Авторъ, скрывающійся подъ псевдонимомъ Азъ, русскій галичанинъ, горько жалуется на притѣсненія поляковъ, не только не признающихъ за русскимъ населеніемъ Галичины права на національную и политическую равноправность, но и прилагающихъ всѣ усилія, чтобы ограничить и стѣснить скудныя пріобрѣтенія русскаго населенія, добытыя долголѣтнею и упорною борьбою. Особенною ненавистью къ нему отличается среди польскихъ партій, дѣйствующихъ въ Галичинѣ, партія національно-демократическая или „всепольская“, объявившая русскому населенію открытую истребительную войну. „Мы, русскіе галичане,—говоритъ авторъ,—отъ этой войны уклониться не можемъ. Напротивъ, мы обязаны принять вызовъ, и на ударъ отвѣчать ударомъ, ибо даже только пассивное отношеніе къ нападающему можетъ принести русской народности въ Галичинѣ неисчислимый вредъ. Принимая, однако, вызовъ, мы должны познакомиться съ окончательными стремленіями противника, изучить его средства и тактику, дабы успѣшно отражать его нападенія и противодѣйствовать его цѣлямъ. И не только для насъ, русскихъ галичанъ, необходимо изученіе противника и способовъ его борьбы. Оно необходимо и для русскаго населенія въ Державной Руси, ибо дѣйствія всепольской партіи въ Галичинѣ тѣсно связаны съ ея дѣйствіями въ Россіи и они, преслѣдуя окончательную цѣль—возстановленіе польскаго государства, одинаково направлены какъ противъ русскаго населенія Галичины, такъ и противъ русскаго народа въ Россіи и противъ ея цѣлости и ея государственнаго строя“.

Сравнивая настоящее состояніе умовъ въ Польшѣ съ тѣмъ, что было въ 1862 году, за полгода до вооруженнаго возстанія, нельзя дѣйствительно не придти къ убѣжденію, что революціонное движеніе среди польскаго народа стало гораздо сильнѣе, чѣмъ сорокъ лѣтъ тому назадъ. Какъ открыто заявляютъ всепольскія газеты, въ Варшавѣ нынѣ находится тайная власть, которая, правда, сама себя называетъ именемъ Liga Narodowa, но позволяетъ титуловать себя и Rzad'омъ Narodow'ымъ, „законно-дѣйствующею властью польскаго государства“. Этотъ ржондъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи нѣсколько десятковъ газетъ во всѣхъ частяхъ Польши и

за границею. Программа партіи: независимость, которую слѣдуетъ завоевать вооруженнымъ возстаніемъ, и такъ же, какъ въ 1863 году, революціонное движеніе разсчитано только на „россійскій захватъ". Но чего не было въ 1863 году—это организованной революціонной пропаганды среди польскаго народа. Теперь же она существуетъ, имѣетъ къ своимъ услугамъ спеціальный органъ, отдѣльное управленіе, отдѣльную кассу, образуетъ тайные крестьянскіе союзы, устраиваетъ тайные съѣзды и сеймики, организуетъ даже тайныя деревенскія почты. Движеніе, по увѣренію всепольскихъ газетъ, можетъ разсчитывать „на десятки тысячъ крестьянъ, преданныхъ дѣлу и готовыхъ бороться по первому знаку".

Средоточіемъ всепольскаго движенія является существующая въ Варшавѣ тайная власть, употребляющая въ своихъ прокламаціяхъ печать съ изображеніемъ польскаго орла и надписью: „Liga Narodowa—Komitet Centralny". Извѣстно только, что этотъ „центральный комитетъ" состоитъ изъ пяти лицъ. Представителемъ ржонда народоваго считается не безъ основанія проживающій уже болѣе полустолѣтія за границею польскій эмигрантъ Зигмунтъ Милковскій, пожалованный ржондомъ въ полковники, авторъ перваго (послѣ 1863 года) патріотическо-революціоннаго изданія, появившагося въ 1887 году въ Парижѣ въ видѣ брошюрки, подъ заглавіемъ „Rzecz o obronie czynnej i o skarbie narodowym" (слово о дѣятельной защитѣ и о народномъ фондѣ). Въ этой брошюркѣ, зародившей мысль о всепольскомъ движеніи, авторъ осуждаетъ „пассивную защиту" поляковъ и взываетъ о переходѣ къ „дѣятельной защитѣ", т. е. приготовленію къ возстанію. Для осуществленія мысли о дѣятельной защитѣ, Милковскій предложилъ основать „національный фондъ", необходимый для цѣлей возстанія. Когда это возстаніе должно вспыхнуть, онъ не говоритъ въ брошюрѣ, но намекаетъ, что оно должно произойти во время великаго европейскаго конфликта, хвастливо замѣчая, что еслибы этотъ фондъ существовалъ уже въ 1866, 1870 и 1876 годахъ, карта Европы представлялась бы теперь иначе. Пока же „скарбъ народовы" можетъ служить для иныхъ цѣлей: поддерживать противозаконное и революціонное просвѣщеніе, упорство среди бывшихъ уніатовъ въ Россіи и польскую печать.

Какъ извѣстно по польскимъ газетамъ, на состоявшемся въ августѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года съѣздѣ вождей всепольской партіи въ Рапперешвилѣ, приняты были важныя рѣшенія въ дѣлѣ храненія и управленія „скарба народоваго", изъ опасенія, чтобы растущій фондъ не подвергся если не конфискаціи, то продолжительной секвестраціи, или нежелательной опекѣ со стороны державъ, раздѣлившихъ Польшу.

Какъ предсѣдатель коммиссіи, завѣдующей „скарбомъ народовымъ", З. Милковскій отправился въ 1900 году въ Америку собирать деньги среди тамошнихъ поляковъ, гдѣ произнесъ дерзкую рѣчь, въ которой именемъ лиги заявилъ: „Заслуга лиги заключается въ томъ, что она первая, послѣ возстанія 1863 года, подумала о введеніи системы въ защиту. Это ея дѣло—такъ называемая „политика дѣятельной защиты", состоящая въ возобновленіи той закулисной борьбы, которую польскій народъ ведетъ съ грабителями отъ

перваго раздѣла Польши, и въ приготовленіи къ будущей, дай Богъ, послѣдней вооруженной расправѣ. Послѣдняя борьба за независимость Польши должна разыграться на польской землѣ. Ей можетъ, однако, предшествовать борьба и въ другомъ мѣстѣ. Осложненія на Дальнемъ Востокѣ вводятъ Соединенные Штаты въ близкое, соперническое соприкосновеніе съ главнымъ врагомъ Польши—съ Россіей. Кто поэтому отгадаетъ, кому, жителямъ ли стараго края, или вамъ, придется первыми выступить съ оружіемъ впередъ?"

Другой, неоффиціальный представитель лиги, д-ръ К. Леваковскій, позволилъ себѣ на торжествѣ, устроенномъ въ память возстанія 1831 года въ Цюрихѣ 1 декабря 1901 года, выступить съ еще болѣе дерзкою рѣчью. Онъ съ воодушевленіемъ заявилъ: „Возстаніе, кровавое возстаніе, предпринятое милліонами, должно наполнить мысли, должно двигать сердцемъ каждаго вѣрнаго сына отечества. Всѣ наши матеріальные и нравственные запасы должны быть направлены къ этой единственной цѣли".

Всепольскіе органы печати тоже совершенно не стѣсняются явно выражать тѣ свои завѣтныя цѣли и стремленія, для которыхъ они работаютъ тайно. Авторъ приводитъ въ своей брошюрѣ множество выдержекъ изъ статей революціоннаго характера. Напримѣръ, „Przegląd Wszechpolski" откровенно заявилъ, что его партія—„партія независимости". „Историческій опытъ и здравый разсудокъ говорятъ, что безъ вооруженной борьбы нельзя себѣ представить реально независимости Польши", что „ту Польшу, не взирая на обстоятельства, мы принуждены возстановить кровью и желѣзомъ". Газета „Polak", раздѣляя то же мнѣніе, говоритъ: „Когда пробьетъ часъ новой, послѣдней побѣдоносной борьбы въ двадцатомъ вѣкѣ, тогда дружно возстанетъ цѣлый народъ, проникнутый единою мыслью и единымъ чувствомъ, въ сознаніи своей силы, закаленный превратностями, наученный опытомъ, просвѣщенный и согласный".

Выходящая въ Варшавѣ тайная газета „Walka" напечатала отзывъ, въ которомъ сообщаетъ, что 3 мая 1900 года основалась „новая партія повстанцевъ", имѣющая цѣлью „добиться независимости и возстановить давній блескъ Польши".

Всепольскіе органы опредѣляютъ даже границы будущей Польши. По ихъ словамъ, „польская держава должна, по крайней мѣрѣ, съ двухъ сторонъ опираться о природныя границы, именно о Балтійское море и Карпаты, и нельзя думать о польской державѣ безъ Гданска и Королевца (Кенигсберга). „Przegląd Wszechpolski" расширяетъ границы еще дальше: отъ Одры до Днѣпра, а отъ Балтійскаго моря не только до Карпатъ, но даже до Чернаго моря.

На какого рода благопріятныя для польскихъ вожделѣній внѣшнія обстоятельства разсчитываетъ всепольская партія, видно изъ статьи „Słowa Polsk'аго" въ нумерѣ отъ 25 іюля 1903 года. Обсуждая возможность войны Россіи съ Японіей изъ-за Манчжуріи, авторъ статьи говоритъ: „Стоимъ въ виду событій чрезвычайной важности. Изъ того кризиса, который, если вспыхнетъ, охватитъ весь государственный организмъ Россіи, мы должны выйти скрѣпленными на цѣлой линіи. Ибо такіе кризисы—единственно возможная пора для ослабленія давящаго насъ обруча государственнаго гнета въ Царствѣ Польскомъ, на Литвѣ и Руси. Россія, которой со всѣхъ сторонъ угро-

жаютъ сосѣди, не будетъ въ состояніи обострить польскаго вопроса безъ серьезной опасности. Поэтому за каждымъ такимъ осложненіемъ, какъ то, которое возникаетъ въ Манчжуріи, нужно слѣдить съ напряженнымъ вниманіемъ. Слѣдуетъ надѣяться, что въ рѣшительную минуту огромное большинство народа соединится для цѣлесообразной и съ разсчетомъ веденной борьбы за право, борьбы тѣмъ болѣе успѣшной, чѣмъ энергичнѣе, разумнѣе и солидарнѣе будемъ мы поступать и чѣмъ труднѣе будетъ положеніе России извнѣ и внутри".

Всеполяки, не имѣя возможности примѣнить на практикѣ свою ненависть къ русскому народу въ Россіи, выказываютъ ее безпрепятственно въ Галичинѣ по отношенію къ ея русскому населенію. Ненависть всеполяковъ къ русскимъ галичанамъ поражаетъ даже польскихъ консерваторовъ, къ которымъ принадлежитъ Scriptor, авторъ появившейся въ маѣ нынѣшняго года въ Краковѣ объемистой книги подъ заглавіемъ „Materiały i myśli polityczne, tom. II. Nasze stronnictwa skrajne", послужившей между прочимъ матеріаломъ при составленіи брошюры „Всепольская революціонная партія". Скрипторъ приводитъ множество примѣровъ враждебнаго и даже крайне оскорбительнаго отношенія поляковъ къ русскимъ галичанамъ. Такъ, среди польскихъ гимназистовъ въ восточной части края возникло убѣжденіе, что заговорить съ русиномъ на его языкѣ— обида для польскаго національнаго достоинства. Въ Галицкой Руси, гдѣ всеполяки устроили „лабораторію польской государственности", одинъ изъ выдающихся всеполяковъ, Зигмунтъ Балицкій, высказался, что поляки должны относиться къ русинамъ, какъ къ иноплеменному внутреннему элементу". Газета „Słowo Polskie" (№ 82, 1903 г.), развивая эту мысль, говоритъ съ своей стороны, что поляки не потерпятъ „правово-политическаго равенства между поляками и русинами въ Галичинѣ, такъ какъ для Руси въ помянутомъ значеніи здѣсь нѣтъ мѣста; здѣсь есть только Польша, а точнѣе, часть Польши, къ которой принадлежатъ земли, заселенныя преимущественно нашимъ народомъ!"

„Если нынѣ, — говоритъ авторъ брошюры, — когда всепольская партія добивается только власти въ Галичинѣ, она угрожаетъ русскому населенію края польскимъ кнутомъ, то можно себѣ представить, въ какомъ положеніи очутилась бы Галицкая Русь, если бы всеполяки создали Польшу, или, по крайней мѣрѣ, захватили въ свои руки ту власть, какую имѣютъ нынѣ польскіе станчики, т. е. польская консервативная партія.

Враждебныя дѣйствія поляковъ къ русскому населенію въ Галицкой Руси, не прекращавшіяся во все время принадлежности ея къ Польшѣ, а потомъ къ Австріи, возобновились со времени возникновенія всепольской партіи съ удвоенной и утроенной силой. Въ русскихъ селахъ началась усиленная постройка костеловъ и каплицъ, учрежденіе польскихъ обществъ и читаленъ и, наконецъ, колонизація восточной Галичины мазурскими крестьянами.

Кто знаетъ силу и вліяніе польскихъ костеловъ,—говоритъ далѣе авторъ этой брошюры,—кто знаетъ, что представляютъ собою польскія общества, даже благотворительныя,—тотъ пойметъ, какая опасность угрожаетъ русскому населенію Галичины. Эта опасность усугубляется еще отношеніемъ къ полякамъ и русскимъ галичанамъ

австрійскаго правительства, которое, если не будетъ поддерживать всепольскаго движенія, то навѣрно мѣшать ему не станетъ. Тѣмъ не менѣе, русское населеніе Галицкой Руси, числящее свыше 3.300,000 человѣкъ, не унываетъ и смѣло принимаетъ вызовъ всеполяковъ. Опираясь на свои многочисленныя національныя институціи, развивая среди себя, при помощи патріотическихъ газетъ и книжекъ, національное самосознаніе, которымъ и нынѣ уже воодушевляется значительная часть не только интеллигенціи, но и крестьянъ, вѣря въ стихійную силу патріотизма галицко-русскаго крестьянина и въ его чувства къ Польшѣ, Галицкая Русь надѣется не только выдержать послѣдній натискъ всеполяковъ, но доказать имъ, что ихъ разсчеты— „образовать въ Галичинѣ цѣлый апаратъ польской государственности", по крайней мѣрѣ относительно русской части края, тщетны. Лѣтъ 40 тому назадъ, въ 1863 году, русское крестьянство въ Галичинѣ не было такъ просвѣщено національно и политически, какъ нынѣ, тѣмъ не менѣе оно ловило по лѣсамъ польскихъ возстанцевъ и выдавало ихъ политическимъ властямъ „за топку соли за голову", несмотря на то, что они шли въ бой съ окликомъ: „За нашу и вашу свободу!" Было бы поэтому наивностью со стороны всеполяковъ ожидать, что сознательное русское крестьянство въ Галичинѣ иначе отнесется и теперь, и въ будущемъ къ тѣмъ, которые, будучи сами пришельцами на Руси, дерзко заявляютъ, что на русской землѣ „для Руси нѣтъ мѣста!"

Изъ всѣхъ приведенныхъ нами изъ брошюры рѣчей всепольскихъ вожаковъ и статей всепольскихъ органовъ печати съ достаточною ясностью видны окончательныя цѣли и задачи современнаго „ржонда народоваго". Теперь остается познакомить читателей съ разоблаченіями автора брошюры отношеній „лиги народовой" и ея партій къ державамъ, раздѣлившимъ Польшу, и приводимыхъ имъ мнѣній о русской политикѣ въ Привислинскомъ краѣ.

Особенно интересны дѣйствія всеполяковъ по отношенію къ Австріи, гдѣ они, подъ покровомъ автономіи, создаютъ революціонные планы. Признавая, что мягкость Австріи такъ же опасна для поляковъ, какъ и болѣе суровое отношеніе къ нимъ Россіи и Германіи, З. Милковскій проповѣдывалъ борьбу на три фронта, т. е. противъ всѣхъ трехъ державъ, но вскорѣ мысль эта была оставлена: всеполяки поняли, что обстоятельства требуютъ, хотя временно, имѣть мѣсто, гдѣ можно было бы составлять заговоры, возбуждать агитацію и образовать будущія составныя части самостоятельности. Такимъ мѣстомъ является Галиція, гдѣ поляки имѣютъ власть и силу. Поэтому они рѣшили перемѣнить тонъ по отношенію къ Австріи и заявили, что намѣрены дѣйствовать не только не противъ, но даже въ интересахъ ея. Они сообразили, что между Австріею и Россіею существуетъ антагонизмъ, поэтому чѣмъ болѣе всепольская партія будетъ вести антироссійскую политику, тѣмъ благосклоннѣе будутъ на нее смотрѣть правительственные австрійскіе круги.

Къ Германіи и къ нѣмцамъ всеполяки относятся спокойно и даже съ нѣкоторымъ благоволеніемъ. Въ программѣ для поляковъ въ Пруссіи говорится: „Главная задача реальной политики въ Познанщинѣ не можетъ состоять въ стремленіи къ перемѣнѣ правово-державнаго отношенія. Кто поступаетъ иначе, тотъ безполезно дразнитъ

прусское правительство и нѣмецкое мнѣніе и не принимаетъ въ соображеніе той опасности, которой онъ подвергаетъ народъ".

Такую осторожность и разсудительность всеполяковъ къ Германіи авторъ объясняетъ совершенно просто. „Національные демократы,—говоритъ онъ,—знаютъ хорошо, что въ Пруссіи невозможно существованіе революціонной организаціи, что тамъ не удалось бы ни изданіе, ни распространеніе тайныхъ органовъ печати, ни разсылка ихъ въ большихъ размѣрахъ, ни возмущеніе народа. Препятствіемъ этому служитъ, кромѣ другихъ факторовъ, культурная зрѣлость польскаго крестьянина, котораго недостатокъ стремленія къ заговорамъ всеполяки не безъ неудовольствія должны были признать. Поэтому умѣренность въ Познанщинѣ является добродѣтелью по необходимости и оттуда весь макіавеллизмъ, силящійся придать видъ благоразумія этой двойной игрѣ".

„Въ такомъ же положеніи былъ въ 1862 году „центральный комитетъ", когда поднялъ знамя возсозданія Польши въ историческихъ границахъ, одновременно же объявлялъ измѣнникомъ каждаго, кто бы стремился вызвать возстаніе въ Познанщинѣ; такого же принципа держится и нынѣшній „ржондъ народовый". Онъ не помышляетъ о возстаніи въ Австріи, ибо изъ Галичины онъ намѣренъ сдѣлать „польскій Пьемонтъ", подобно какъ въ 1862 году она была операціоннымъ базисомъ и приготовительною мастерскою для тогдашнихъ событій. Не помышляетъ о возстаніи и противъ Пруссіи, ибо знаетъ, что *оно тамъ невозможно*".

Только противъ Россіи можно и нужно устроить возстаніе—таково глубокое и непоколебимое убѣжденіе „ржонда народоваго". Во всей тактикѣ всеполяковъ проявляется безграничная ненависть къ Россіи и къ русскому народу; они считаютъ „измѣнникомъ національнымъ идеаламъ" даже каждаго поляка, который вступилъ бы въ духовное общеніе съ русскими. „Хотя поляки, вслѣдствіе всего этого, не могутъ разсчитывать на дружеское къ себѣ отношеніе со стороны русскаго народа,—говоритъ авторъ брошюры,—но до сихъ поръ польской агитаціи въ Россіи противодѣйствуетъ лишь одно правительство, и то не по извѣстной и твердо опредѣленной системѣ, а только въ зависимости отъ личныхъ чувствъ, убѣжденій и энергіи варшавскаго генералъ-губернатора и другихъ начальствующихъ лицъ въ губерніяхъ Царства Польскаго. Оттого и происходитъ вѣчное колебаніе въ отношеніяхъ правительственныхъ властей къ полякамъ: Потаповъ отмѣняетъ распоряженія Муравьева, Имеретинскій искореняетъ то, что насадилъ Гурко. Это колебаніе и непослѣдовательность сбиваетъ съ толку и обезохочиваетъ самыхъ усердныхъ русскихъ дѣятелей, а такъ какъ масса русскаго населенія національно неразвита, то неудивительно, что оно, даже въ искони-русскихъ и литовско-русскихъ губерніяхъ, не оказываетъ польской агитаціи никакого противодѣйствія. Происходитъ это, главнымъ образомъ, и оттого, что среди русскихъ чиновниковъ и русскаго населенія бывшихъ частей Польши, много космополитовъ, относящихся безучастно къ національному вопросу; много людей, относящихся равнодушно, если даже не враждебно, къ намѣреніямъ и распоряженіямъ правительства, и много ложныхъ либераловъ, которые, чтобы прослыть „культурными европейцами" въ польскомъ обществѣ, готовы пожертвовать самыми жизненными интересами государства и русскаго народа".

Въ отвѣтъ на вопросъ: какъ смотритъ на агитацію всеполяковъ русская державная власть?—авторъ приводитъ слѣдующее замѣчаніе извѣстнаго уже читателямъ Scriptor'а: „Если бы Россія даже не знала, какъ поступить относительно всепольской агитаціи, то нашла бы въ всепольской печати не только цѣнное указаніе, что „наилучшая защита есть нападеніе“, не только краснорѣчивые уроки о святости „состоянія владѣнія“, но и разрѣшеніе употребить всякое средство репрессіи. Ибо, если, по символамъ всепольской вѣры, слѣдуетъ порвать съ устарѣвшими идеями объ исторической справедливости, вмѣшательствѣ Провидѣнія и т. п., то уже тѣмъ самымъ устраненъ вопросъ, занимавшій въ прежнія времена польскихъ политиковъ, имѣетъ ли Россія право примѣнять репрессаліи противъ тѣхъ, которые покушаются на ея государственную цѣлость“.

Весьма интересный взглядъ на положеніе дѣлъ въ Македоніи высказываетъ мусульманинъ Магометъ Баракатулла на страницахъ американскаго журнала „North American Review“ (№ 5, ноябрь 1903 года).

Вспоминая, какимъ значеніемъ пользовалась нѣкогда Оттоманская имперія въ Европѣ, онъ жалуется на нынѣшнее ея положеніе, вполнѣ охарактеризованное, по его словамъ, однимъ турецкимъ посланникомъ, который съ горечью замѣтилъ однажды въ интимной бесѣдѣ со своими коллегами:

— Господа, вы все толкуете о могуществѣ вашихъ государствъ, а я вамъ скажу, что могущественнѣе всѣхъ Турція, и вотъ почему: уже въ теченіе цѣлаго столѣтія турецкое правительство старается погубить себя и никакъ не можетъ этого достигнуть.

Переходя къ вопросу о Македоніи, Магометъ Баракатулла очень подробно излагаетъ причины настоящаго смутнаго въ ней положенія, явившагося слѣдствіемъ столкновеній интересовъ населяющихъ ее народностей. Не принимая въ разсчетъ валаховъ, румынъ и другихъ, не имѣющихъ, по своей малочисленности, вліянія на событія въ Македоніи, онъ все вниманіе сосредоточиваетъ на туркахъ, болгарахъ, грекахъ, сербахъ и албанцахъ. Послѣ турокъ, наибольшее количество въ Македоніи болгаръ, къ которымъ относятся съ наибольшею непріязнью сербы, греки и албанцы. Австрійцы ведутъ изъ Новаго Базара дѣятельную пропаганду среди албанцевъ и стараются расположить ихъ въ свою пользу. Сербы дѣйствуютъ въ томъ же духѣ среди болгаръ и другихъ народовъ въ Македоніи, отлично сознавая, что присоединеніе Македоніи къ Болгаріи повлечетъ за собою паденіе Сербіи. Греки ненавидятъ турокъ менѣе, чѣмъ болгаръ; они знаютъ, что сколько бы Турція ни оставалась въ Европѣ, турки не въ состояніи будутъ снова повести агрессивную политику. Но зато при главенствѣ болгаръ въ Македоніи грекамъ нечего будетъ надѣяться на увеличеніе своего могущества.

Разсмотрѣвъ съ турецкой, конечно, точки зрѣнія успѣшныя дѣйствія болгарина Сарафова и его комитетовъ, т. е. приписывая ему макіавеллевскія дѣйствія въ Македоніи,—авторъ приходитъ къ выводу, что вся цѣль Сарафова заключается въ томъ, чтобы продолжать борьбу, заставить Болгарію объявить войну Турціи и, насколько

возможно, въ концѣ концовъ принудить Европу позволить Болгаріи взять подъ свой контроль Македонію, какъ это было сдѣлано въ 1897 г., послѣ греко-турецкой войны, съ Критомъ, куда назначенъ былъ губернаторомъ греческій королевичъ Георгій.

Однако, всѣ эти желанія македонцевъ и болгаръ, по мнѣнію автора статьи, совершенно невыполнимы. Единственная изъ европейскихъ державъ, которая рада была бы присоединенію Македоніи къ Болгаріи, съ выходомъ послѣдней въ Средиземное море, — это Англія, потому что Болгарія тогда стала бы могущественнымъ буфернымъ государствомъ по отношенію къ Россіи. Еще пріятнѣе было бы для Англіи вовлечь Россію въ войну съ Турціею, какъ удалось ей это сдѣлать въ 1877 году, но дѣйствія Англіи уже теперь никого не могутъ обмануть. Съ большою наивностью, скорѣе, впрочемъ, пристрастіемъ, восхваляетъ авторъ дѣйствія Германіи и Австріи въ македонскомъ вопросѣ, откровенно объявившихъ Болгаріи и другимъ балканскимъ княжествамъ, что не потерпятъ никакого увеличенія ихъ территоріи на счетъ Турціи; при этомъ авторъ совершенно вѣрно замѣчаетъ, что Германія слишкомъ заинтересована въ финансахъ Турціи, чтобы допустить ее сдѣлаться банкротомъ.

Что касается Россіи, то, по мнѣнію Магомета Баракатулла, она ни въ коемъ случаѣ не согласилась бы на присоединеніе Македоніи къ Болгаріи,—не для того она проливала свою кровь и тратила свои милліоны, чтобы создать для себя изъ Болгаріи сильнаго противника.

Особенно интересна та часть статьи Магомета Баракатулла, въ которой онъ говоритъ, какъ можно было бы рѣшить македонскій вопросъ. „Самое выгодное для Турціи было бы потушить возстаніе македонцевъ безъ столкновенія съ Болгаріею или одною изъ европейскихъ державъ. Въ такомъ случаѣ ей пришлось бы лишь ввести нѣкоторыя реформы, предложенныя Россіей и Австріею. Второе рѣшеніе, очень гибельное какъ для Турціи, такъ и для балканскихъ княжествъ,—это война Турціи съ Болгаріею, война, которая должна совершенно ослабить ихъ военную силу и подорвать въ конецъ ихъ финансы; тогда Россія и Австрія раздѣлятъ Балканскій полуостровъ и Европейскую Турцію между собою, оставивъ султана въ Константинополѣ безъ всякой власти и значенія. Возможность такого исхода доказывается выжидательнымъ положеніемъ, принятымъ великими державами въ теченіи настоящаго кризиса“.

„Самое же лучшее рѣшеніе, чего желаютъ всѣ доброжелатели Турціи, возможно скорѣе справиться съ македонскими смутами, дарованіе новой администраціи странѣ, развитіе источниковъ государственныхъ доходовъ, покровительство промышленности, введеніе новой эры въ дѣло просвѣщенія и образованія и достиженіе благоденствія и примиренія среди своихъ подданныхъ, безъ различія вѣры и народности. И эта мысль вовсе не невозможна, какъ кажется съ перваго взгляда, если бы во главѣ Оттоманской имперіи стоялъ дѣйствительно государственный человѣкъ. Но, разумѣется, султанъ Абдулъ-Гамидъ и его приспѣшники не такіе люди, которымъ можно было бы предложить подобную мысль. Султанъ не такой человѣкъ, чтобы воспользоваться обстоятельствами для привлеченія къ себѣ симпатій 300 милліоновъ мусульманскаго населенія и стать снова однимъ изъ великихъ государей въ Европѣ. Благодаря его неспо-

собности, одна изъ самыхъ блестящихъ религій, основанная однимъ изъ знаменитѣйшихъ пророковъ, стала посмѣшищемъ среди безвѣрныхъ современниковъ; благодаря его косности, честные, скромные и благородные мусульмане прослыли во всемъ просвѣщенномъ мірѣ дикарями и варварами. Если бы султанъ могъ жить въ согласіи со своими подданными и дѣйствовать согласно здравому смыслу, онъ укрѣпилъ бы свое положеніе, и тогда исчезли бы многія, созданныя имъ же самимъ затрудненія. Но, кажется, султану Абдулъ-Гамиду II предназначено быть свидѣтелемъ гибели Оттоманской имперіи, разрушенной его же собственными руками".

Въ ноябрьской книжкѣ журнала „Revue de Paris" появилась очень интересная и живая статья француза, скрывающагося подъ тремя звѣздочками, озаглавленная „Наше положеніе въ мірѣ". Авторъ горячо оспариваетъ установившееся мнѣніе, что Франція утратила свое первенствующее значеніе въ Европѣ. „Франція XX столѣтія,—говоритъ онъ,—стала не меньше и не слабѣе Франціи Людовика XIV и Наполеона I, ея роль не измѣнилась, но на сцену выступили другія государства, и уже не въ той ничтожной роли, которую играли въ прежнія времена. Тогда весь міръ сосредоточивался въ одной Европѣ, причемъ огромная Россія стояла особнякомъ, Англія при Карлѣ II была продана Франціи, а при Георгѣ III едва начало намѣчаться ея колоссальное значеніе, какъ морской державы. Германія и Италія были просто жалкими обломками великаго цѣлаго; Наполеонъ вдохнулъ въ нихъ духъ борьбы, и черезъ 40 лѣтъ онѣ объединились въ могущественныя державы. Ни Соединенные Штаты, ни Японія, тогда вовсе неизвѣстныя, въ разсчетъ, разумѣется, приниматься не могли даже въ 20-хъ годахъ истекшаго столѣтія, теперь же съ ними приходится считаться въ международныхъ вопросахъ".

Какъ истый французъ, авторъ не можетъ примириться съ потерей Эльзаса и Лотарингіи. Рана эта не зажила еще, позоръ пораженія, отторгнутые братья забыты быть не могутъ. Несмотря на все это, а также и на то, что лишь благодаря Россіи и Англіи она не была разгромлена окончательно въ 1875 году, Франція быстро оправилась и заняла подобающее ей мѣсто на берлинскомъ конгрессѣ. Она возвышала свой голосъ на защиту нѣкоторыхъ народностей, спорила горячо и настойчиво и сумѣла настоять на древнемъ своемъ покровительствѣ католикамъ на Востокѣ и на свободѣ своихъ дѣйствій въ Тунисѣ, не взирая на оппозицію Англіи и Германіи. Дальнѣйшія ея удачи въ колоніальной политикѣ должны были вызвать однако столкновенія съ Англіей; въ то же время не дремалъ и исконный врагъ ея, Германія, знавшая, какъ неохотно подчинилась Франція условіямъ франкфуртскаго договора и какъ жаждала она измѣнить ихъ. Положеніе Франціи становилось все затруднительнѣе; въ случаѣ войны ей пришлось бы бороться одновременно съ двумя врагами на сушѣ и на морѣ. Таковъ уже удѣлъ прекрасной Франціи: она въ то же время морская и сухопутная держава; правда, это составляетъ ея славу и гордость, но вмѣстѣ съ тѣмъ она слабѣе Англіи на морѣ, и на сушѣ, увы, не въ состояніи одна одолѣть Германію. Поэтому-то дѣйствительно нельзя не удивляться искусству французскихъ дипло-

матовъ, до сихъ поръ отклоняющихъ отъ Франціи осложненія, могущія вызвать столь грозную опасность. Захватъ Англіей Египта въ 1882 году послужилъ вполнѣ законнымъ поводомъ къ недоразумѣніямъ между обоими государствами. Но не допустить совершившагося факта было нельзя,—на сторонѣ Англіи было право силы.

Вотъ тогда-то и зародилась мысль у нѣкоторыхъ политическихъ дѣятелей о необходимости для Франціи сближенія съ Германіей. Между ними былъ и Жюль Ферри, но этого истиннаго патріота заставили замолчать, до того непонятно казалось еще массѣ какое-либо сближеніе съ Германіей безъ реванша. Тройственный союзъ явился новой угрозой для Франціи, и именно какъ разъ въ то время, когда отношенія съ Англіей были очень натянуты. Очевидное тяготѣніе Италіи къ Англіи еще болѣе усугубляло это опасеніе. Франко-русскій союзъ, едва намѣчавшійся въ 1891 году, былъ поэтому весьма драгоцѣненъ для Франціи даже въ тогдашнихъ неясныхъ своихъ формахъ, хотя онъ являлся лишь противовѣсомъ тройственному союзу.

Время, впрочемъ, великій цѣлитель. Въ китайско-японской войнѣ въ 1895 году Франція дѣйствовала уже въ полномъ согласіи съ Германіей и французская эскадра могла присоединиться въ Килѣ къ русской, не вызвавъ на родинѣ никакихъ протестовъ. Были слухи, что и германскій императоръ высказывался въ пользу сближенія съ Франціей и передъ Фашодой въ 1898 году шли по этому поводу даже переговоры. Но не того нужно было Франціи, необходимо было заключеніе договора, который заставилъ бы Англію признать за Франціей огромную страну, вѣдь Фашода—это французская Африка отъ озера Чадъ до Джибути, это отвѣтъ на англійскую Африку отъ мыса Доброй Надежды до Александріи. Но чѣмъ могла Франція поддержать доблестнаго Маршана у верховья Нила? Она не была совершенно подготовлена. Эвакуація Фашоды вызвала такой взрывъ народнаго негодованія во Франціи, что посыпались требованія новаго реванша, старый былъ отложенъ, даже готовы были заключить союзъ съ Германіей. „Пусть Германія,—говорили французы,—открыто заявитъ, чего она желаетъ отъ Франціи, и что она готова уступить ей“. Но Франціи трудно было договориться искренно съ Германіей не только объ Эльзасѣ и Лотарингіи, но даже и о болѣе второстепенныхъ вопросахъ.

Послѣ Фашоды французы принялись дѣятельно укрѣплять побережные пункты, перевооружать армію и усиливать флотъ не въ цѣляхъ войны, а для поддержанія всеобщаго мира. Краеугольнымъ камнемъ внѣшней политики Франціи сталъ русскій союзъ. Въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ обоими союзниками были разсмотрѣны, обсуждены и рѣшены многіе вопросы большой важности, и теперь къ Россіи и Франціи можетъ примкнуть, смотря по обстоятельствамъ, та или другая держава, изъ личныхъ цѣлей или въ виду болѣе общихъ интересовъ, оставляя союзнику полную свободу дѣйствій. Франція не волнуется, когда Государь присутствуетъ на германскихъ маневрахъ или вершитъ балканскія дѣла сообща съ австрійскимъ императоромъ. Тѣмъ менѣе можетъ обезпокоить Императора Николая II сближеніе Франціи съ Италіей и даже съ Англіей. Франція по своему географическому положенію государство средиземное; кромѣ того,

у нея есть интересы и на Востокѣ, и въ Алжирѣ, и въ Тунисѣ, и въ самой Африкѣ, и въ Индо-Китаѣ. Хотя Англія ея вѣковая соперница, но оба государства понимаютъ, какъ гибельна была бы война между ними. Ужасный кошмаръ враждебной Италіи тоже исчезъ. „Однимъ словомъ,—говоритъ въ заключеніе авторъ,—Франція даромъ времени не теряла и за эти слишкомъ 30 лѣтъ немало послужила для человѣчества. Дружба съ Россіей, доброе согласіе съ Соединенными Штатами, съ Англіей и Италіей доказываютъ, что со времени Седана Франція вернула себѣ свое законное мѣсто среди европейскихъ державъ и можетъ спокойно взирать на будущее".

Какъ бы въ подтвержденіе этихъ мыслей, другой французъ—Пьеръ д'Эстурнель де Констанъ выступилъ въ ноябрьской книжкѣ журнала „La Revue" (бывшая „Revue des revues") съ большою статьею по поводу англо-французскаго сближенія. Какъ убѣжденный сторонникъ идеи о всеобщемъ мирѣ, онъ большую часть своей статьи посвящаетъ именно развитію этой идеи и горячо сочувствуетъ всему, что имѣетъ хотя бы косвенное къ ней отношеніе; сюда относитъ онъ и сближеніе Франціи съ Англіей. Стараясь разобраться, насколько событія послѣдняго времени содѣйствовали развитію идеала мира, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ стремится поставить этотъ идеалъ на прочную почву дѣйствительности.

Привѣтствуя, какъ великаго поборника мира, и графа Л. Н. Толстого, Констанъ находитъ, однако, что непротивленіе злу менѣе всего способно заставить человѣчество признать и усвоить блага мирнаго преуспѣянія.

Авторъ сознаетъ всю тяжесть вооруженнаго мира, но все-таки считаетъ хорошо вооруженную и дисциплинированную армію могущественной пособницей въ дѣлѣ мира; но тутъ же заявляетъ, что огромныя суммы, потраченныя на армію, ничто въ сравненіи съ той суммой энергіи, ума и силы, которыя сосредоточены въ войскахъ и пропадаютъ почти даромъ изъ-за неумѣнія примѣнять ихъ въ мирное время. Это-то примѣненіе и будетъ, по его мнѣнію, слѣдующимъ шагомъ международной эволюціи. Соединенными усиліями Европа могла бы гигантскими шагами идти по пути прогресса и мира, и что это вполнѣ возможно, доказательствомъ служатъ примѣры отдѣльныхъ государствъ. Констанъ имѣетъ въ виду Тунисъ, гдѣ безъ всякихъ кровопролитій, однимъ согласованіемъ мѣстныхъ туземныхъ интересовъ съ государственными патріотическими интересами Франціи, были достигнуты сравнительно очень блестящіе результаты.

Констанъ уже 15 лѣтъ дѣйствуетъ въ этомъ направленіи во Франціи. Его рѣчи въ палатѣ за этотъ періодъ времени были отголоскомъ его дѣятельности въ провинціи и борьбы съ противниками идеи о мирномъ развитіи родины. Онъ всегда горячо возставалъ противъ слишкомъ большого колоніальнаго распространенія Франціи, видя въ немъ причины столкновеній съ соперниками и отвлеченія лучшихъ силъ родины, которыя можно было бы съ большею пользою примѣнить внутри страны. Констанъ объѣхалъ и другія страны, проповѣдуя все тѣ же благотворныя идеи всеобщаго мира и необходимость улучшенія всѣхъ условій жизни, и съ радостью отмѣ-

чаетъ, что приверженцевъ его идеи становится все больше и больше. Лучшимъ средствомъ для проведенія въ жизнь идеи о мирѣ онъ считаетъ Гаагскую мирную конференцію, созданную по иниціативѣ Русскаго Императора. Сѣмена, посѣянныя этою иниціативою, еще не взошли, но за послѣднія пять лѣтъ то тутъ, то тамъ уже сказывается ихъ благотворное вліяніе. Движеніе въ пользу мира незамѣтно ростетъ, развивается, пріобрѣтаетъ все большее значеніе и вызываетъ болѣе тѣсныя и искреннія отношенія государствъ между собою.

М—въ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Повѣсть о трехъ короляхъ-волхвахъ въ западно-русскомъ спискѣ XV вѣка. Трудъ В. Н. Перетца. С.-Петербургъ, 1903.

Императорское общество любителей древней письменности слишкомъ извѣстно своею обильною и плодотворною научною дѣятельностью. Издавъ нынѣ трудъ В. Н. Перетца,—автора историко-литературныхъ изслѣдованій въ области старинной русской повѣсти и пѣсни, матеріаловъ къ исторіи апокрифа и легенды и интереснаго труда „Слухи и толки о патріархѣ Никонѣ въ литературной обработкѣ писателей XVII—XVIII вѣковъ,—общество имѣетъ теперь въ своемъ распоряженіи весь бѣлорусскій сборникъ XV вѣка Императорской публичной библіотеки, потому что къ выпуску „Повѣсти о трехъ короляхъ-волхвахъ“ пріобщено и „Житіе Алексѣя человѣка Божія“ [1]). Обѣ статьи изданы съ возможною точностью, буква въ букву, не опуская надстрочныхъ знаковъ.

Особенную цѣнность имѣетъ трудъ В. Н. Перетца еще и потому, что памятниковъ бѣлорусскаго нарѣчія сохранилось очень мало, особенно писанныхъ цѣликомъ на народномъ или дѣловомъ языкѣ, болѣе или менѣе свободномъ отъ церковно-славянскаго вліянія,—и слѣдовательно, каждый изъ нихъ представляетъ большой интересъ, какъ въ отношеніи языка для лингвиста, такъ и въ отношеніи содержанія—для историка литературы и культуры.

Кстати упомянемъ, что 31 декабря минувшаго года исполнилось 25 лѣтъ со дня открытія общества любителей древней письменности, что общество состоитъ нынѣ подъ предсѣдательствомъ Графа С. Д. Шереметева, человѣка въ высшей степени знающаго, дѣятельнаго и энергичнаго и что главной задачей общества было и есть воспроизведеніе рукописей, имѣющихъ цѣнное литературное и художественное значеніе. Въ настоящее время въ серіи изданій памятниковъ славянской письменности и искусства появилось сто двадцать нумеровъ. Съ 1878 годавыходитъ повременное изданіе общества „Памятники древней письменности и искусства (вышло до сихъ поръ сто сорокъ восемь выпусковъ), въ которомъ напечатанъ длинный рядъ изслѣдованій и текстовъ; многіе изъ нихъ—первостенной важности—стали извѣстны въ наукѣ лишь благодаря сотрудникамъ „Памятниковъ“.

---

[1]) Третій памятникъ сборника XV вѣка «Страсти Христовы» уже изданы Императорскимъ обществомъ любителей древней письменности въ серіи памятниковъ, подъ № CXL.

Рукописное собраніе общества заключаетъ въ себѣ свыше 1700 рукописей, среди которыхъ находятся великолѣпная „Кіевская Лицевая Псалтирь“ 1397 года, „Житіе св. Саввы Освященнаго“ въ спискѣ XIII вѣка, „Требникъ“ въ пергаментномъ спискѣ XIV вѣка, рядъ масонскихъ иллюстрированныхъ рукописей и т. д. Общество имѣетъ неприкосновеннаго капитала 57,750 руб. Въ обществѣ зародилась и получила развитіе мысль, которая привела къ возникновенію Высочайше утвержденнаго комитета попечительства о русской иконописи.

Вообще Императорское общество любителей древней письменности плодотворно работаетъ во благо національнаго самосознанія и на пользу русской науки и просвѣщенія.

Отчетъ казанскаго мѣстнаго управленія и подвѣдомственныхъ ему мѣстныхъ комитетовъ Россійскаго Общества Краснаго Креста за 1902 г. Казань, 1903.

Изъ этого отчета видно, что дѣятельность казанскаго мѣстнаго управленія за 1902 годъ выразилась въ оказаніи пособія раненымъ и увѣчнымъ воинскимъ чинамъ и солдатскимъ вдовамъ, проживающимъ въ раіонѣ дѣйствій мѣстнаго управленія, въ заботахъ о подготовленіи женскаго санитарнаго персонала для надобностей военнаго времени и въ оказаніи помощи населенію казанской губерніи, пострадавшему отъ неурожая 1901 года.

Особенно интересна и поучительна дѣятельность Общества Краснаго Креста при оказаніи помощи населенію, выразившаяся въ продовольствіи, устройствѣ пріютовъ - яслей, устройствѣ питательныхъ пунктовъ для проходящихъ партій рабочихъ и въ медицинской помощи населенію. Читая отчетъ о поѣздкѣ въ мѣстности, пораженныя недородомъ и цынгой, уполномоченныхъ отъ Краснаго Креста профессоровъ Н. Ѳ. Высоцкаго и Н. М. Любимова, невольно проникаешься уваженіемъ къ тѣмъ труженикамъ,—врачамъ, фельдшерицамъ, студентамъ-медикамъ и сестрамъ милосердія,—которые, изъ любви къ человѣчеству, проживаютъ въ самыхъ глухихъ мѣстечкахъ, преимущественно среди инородческаго населенія, и, борясь съ невѣжествомъ и фанатизмомъ и подвергаясь разнымъ непріятнымъ случайностямъ, несутъ свои тяжелыя обязанности съ полнымъ самоотверженіемъ, не щадя ни силъ, ни здоровья.

Такая примѣрная дѣятельность, разумѣется, не можетъ не внушать расположенія и довѣрія къ этимъ дѣятелямъ мѣстнаго населенія, которое относится съ глубокою благодарностью къ Красному Кресту, съ большимъ сочувствіемъ встрѣтило мысль объ устройствѣ волостныхъ попечительствъ и выдвинуло достойныхъ людей въ качествѣ представителей этихъ попечительствъ. Въ отчетѣ говорится, между прочимъ, о священникѣ о. Крапивинѣ, выбранномъ на эту должность членами больше-кляринскаго попечительства, въ большинствѣ состоявшаго изъ татаръ. О. Крапивинъ пользовался такою любовью и довѣріемъ со стороны окрестнаго мусульманскаго населенія, что когда онъ долженъ былъ перейти въ другой приходъ, татары плакали, провожая его.

Изъ приложенныхъ вѣдомостей продовольственной помощи населенію видно, что муки было выдано 148,523 лицамъ по 20—40 фун.

на человѣка въ мѣсяцъ: печенаго хлѣба 43,726 лицамъ 1.258,383 порціи въ размѣрѣ отъ 1 до $1^1/_2$ фун. въ день на человѣка; въ 330 столовыхъ выдано было 103,589 лицамъ 3.079,881 порція; въ чайныхъ—›5,922 порціи 1,867 лицамъ; кромѣ того, больнымъ цынгой—362,430 порцій 12,501 лицу; для питанія 985 грудныхъ дѣтей было выдано 29,136 порцій.

Только на продовольственную помощь, по попечительствамъ, израсходовано 191,594 р. 46 к.; получило помощь во всѣхъ попечительствахъ 311,191 лицо.

Изъ другихъ вѣдомостей по приходу суммъ видно, что отъ Главнаго Управленія общества Краснаго Креста поступило 252,508 р. 47 к., пожертвовано же частными лицами въ мѣстное Управленіе 2585 р. 5 к. и въ попечительства 2143 р. 20 коп.

Былинная поэзія на Печорѣ. Н. Ончукова. С.-Петербургъ, 1903.

Въ іюнѣ 1901 года Н. Ончукову удалось записать на Низовой Печорѣ въ селѣ Устьцыльмѣ семь былинъ. Весною слѣдующаго года онъ снова отправился на Печору, причемъ изъ Архангельска ему пришлось проѣхать 800 верстъ на саняхъ по испортившейся и небезопасной дорогѣ по рѣкамъ С. Двинѣ, Пинегѣ, Мезени и Цыльмѣ. Пріѣхавъ 12 апрѣля въ знакомое уже село Устьцыльму, гдѣ жили старинщики, не использованные имъ еще въ прошлый пріѣздъ на Печору, и вписавъ всѣ, какія можно было услышать, былины, онъ отправился по рѣкѣ Пижмѣ и объѣхалъ всѣ селенія, за исключеніемъ нѣсколькихъ отдаленныхъ, гдѣ, какъ ему сказали, навѣрняка нѣтъ былинъ. Возвратившись снова въ Устьцыльму, онъ, въ ожиданіи вскрытія Печоры, сталъ записывать историческія и другія пѣсни и сказки, говоры, знакомился съ архивомъ Устьцыльмскаго собора, съ старинными рукописями въ частныхъ рукахъ и частью пріобрѣталъ ихъ. Какъ только Печора очистилась отъ льда и пришелъ первый пароходъ, Ончуковъ выѣхалъ изъ Устьцыльмы и уже все время, вплоть до 4 іюля, разъѣзжалъ по разнымъ селеніямъ и побывалъ даже въ осѣдломъ самоѣдскомъ поселкѣ Колва, на рѣкѣ того же названія, впадающей въ рѣку Усу, главный притокъ Печоры. Ему удалось записать всего по содержанію былинъ 46, а съ варіантами 82. Духовныхъ стиховъ по содержанію 9, а съ варіантами 15. Историческихъ, разбойничьихъ, горочныхъ и обрядовыхъ пѣсенъ записано 44 и сказокъ 50. На обратномъ пути въ Архангельскъ онъ пріобрѣлъ очень много рукописей въ селеніяхъ по рѣкѣ Мезени.

Сдѣланныя записи былинъ авторъ раздѣляетъ на старины устьцылемской волости и на старины пустозерской волости, между которыми есть разница не только въ говорѣ, но и въ содержаніи старинъ: однѣ и тѣ-же, даже самыя распространенныя былины поются въ той и другой волости различно. Устьцылемъ поетъ старину, увѣренный, что все, что въ ней изложено, было. Но, потомокъ новгородцевъ, онъ не отличаетъ одного царя отъ другого и въ сущности не ясно представляетъ себѣ эту власть. Идеалы его въ былинахъ не государственные и политическіе, а чисто нравственные, общечеловѣческіе. Совсѣмъ не то пустозеръ (основаніемъ пустозерской волости

былъ острогъ, основанъ въ 1499 году для сбора ясака съ восточныхъ самоѣдовъ, и волость заселилась служилыми людьми московскаго государства). Пустозеръ твердо знаетъ, что значитъ царь, и не спутаетъ его ни съ кѣмъ. Онъ не запутается и въ хронологіи. Старинщики пустозеры разсказывали объ Иванѣ Грозномъ такъ, какъ будто это было всего лѣтъ 30 назадъ, на ихъ памяти. Передъ былиной онъ разскажетъ преданіе и послѣ еще что-нибудь дополнитъ и объяснитъ. Его очень интересуетъ судьба государства, царей, политическое положеніе дѣлъ, и старины изъ цикла историческихъ пѣсенъ онъ особенно знаетъ и любитъ, а своевольный Васька Буслаевъ едва-ли пользуется его сочувствіемъ.

Познакомивъ съ содержаніемъ многихъ старинъ и разсказавъ, въ чемъ состоитъ разница въ передачѣ ихъ старинщиками обѣихъ волостей, авторъ старается выяснить, какія былины на Печорѣ сохранились и въ какомъ видѣ онѣ сохранились. „Первую задачу,—говоритъ онъ,—я уже, кажется, выполнилъ. Хотя мнѣ и не удалось видѣть всѣхъ печорскихъ старинщиковъ, но и тѣ 32 лица, отъ которыхъ я записывалъ старины, безъ сомнѣнія, знаютъ всѣ старины на Печорѣ, хотя бы по наслышкѣ. Вторая задача: въ какомъ видѣ сохранились былины, я едва ли рѣшилъ удовлетворительно, потому что не всѣ старины пришлось записывать въ лучшемъ видѣ, отъ лучшихъ старинщиковъ-сказителей. О томъ же, какъ попали старины на Печору, какъ онѣ сохранились и передавались, авторъ говоритъ слѣдующее:

„Если считать былины-старины произведеніемъ профессіональныхъ пѣвцовъ древней Руси—скомороховъ и отчасти каликъ, то слѣды ихъ найдутся и въ печорскихъ старинахъ. Но трудно предположить, чтобы калики и въ особенности скоморохи пробирались въ такую глушь и дичь, какъ Печора. Другое дѣло, если произведенія, перенятыя отъ нихъ, заносились на Печору посредственно. Пустозерскъ издавна служилъ мѣстамъ ссылки боярамъ, иногда знатнымъ, иногда даже временщикамъ, и они жили на Печорѣ не безъ своихъ людей. Что же удивительнаго, если изъ 30 человѣкъ челяди, жившей, напримѣръ въ Пустозерскѣ съ бояриномъ Артамономъ Матвѣевымъ, было нѣсколько знатоковъ старины. То же можно сказать и про Голицына, и про Щербатова, и прочихъ неизвѣстныхъ невольныхъ жителей Пустозерска изъ Москвы. Челядь, знавшая старины, могла быть и у воеводъ пустозерскихъ, у надсмотрщиковъ за ссыльными и другихъ служилыхъ людей. Былъ и еще путь, по которому старины могли очень легко переходить на Печору,— это торговыя сношенія съ Пустозерскомъ, гдѣ подолгу проживали архангельскіе, вологодскіе и московскіе купцы, которые ужъ, конечно, не такъ были завалены дѣломъ, чтобы не оставалось времени и для забавы—для пѣнія и слушанія старины.

Страшная глушь Печоры, ея отрѣзанность ото всей остальной Россіи и расколъ служили главными причинами, что старины до сихъ поръ удержались на Печорѣ. Въ области духа—въ поэзіи, въ пѣніи Печора оставалась вѣрна своимъ, застывшимъ во всемъ остальномъ формамъ, пробавляясь Богъ вѣсть когда сложенной былиной, невольно приспособляя ее къ мѣстнымъ условіямъ и по своему многое въ ней понимая.

По мнѣнію г. Ончукова, старинная поэзія на Печорѣ замѣтно начинаетъ уже падать и будетъ падать еще болѣе, соразмѣрно съ промышленнымъ развитіемъ Низовой Печоры. Уже теперь въ Усть-цыльмѣ есть почта и телеграфъ, проведенъ трактъ на Архангельскъ, а лѣтомъ совершаютъ свои рейсы морскіе пароходы. Три года, какъ уже на Печорѣ работаютъ шведы, вырубая лѣсъ для отправки за границу, и ими у устьевъ Печоры поставленъ лѣсопильный заводъ, занимающій много рукъ. Другой такой же заводъ строится теперь еще русскимъ купцомъ изъ Архангельска, а на рѣкѣ Ухтѣ идутъ усиленныя подготовительныя работы для добычи извѣстной тамъ нефти. И вотъ, когда Печора покроется заводами, которые привлекутъ и полчища „бродячей Руси" изъ центровъ Россіи, это нашествіе, въ концѣ концовъ, свалитъ старую культуру Печоры, а съ ея упадкомъ постепенно исчезнутъ и былины.

Статистика долгосрочнаго кредита въ Россіи 1901 г. Выпускъ III. Съ картограммою задолженности частнаго землевладѣнія. Подъ редакціей члена-производителя дѣлъ комитета съѣздовъ представителей учрежденій русскаго земельнаго кредита А. К. Голубева. С.-Петербургъ, 1903.

Настоящій (третій) выпускъ заключаетъ въ себѣ подробный сводъ долговъ по долгосрочнымъ займамъ, какъ частнаго землевладѣнія, такъ и владѣльцевъ городской недвижимости. Трудъ этотъ представляетъ тѣмъ большій интересъ, что содержитъ полную поуѣздную сводку однородныхъ данныхъ по всѣмъ учрежденіямъ долгосрочнаго кредита. По статистическимъ даннымъ видно, что въ европейской Россіи, а также и въ нѣкоторыхъ сибирскихъ губерніяхъ и областяхъ и въ Закавказьѣ дѣйствовали 47 государственныхъ и частныхъ учрежденій долгосрочнаго кредита, выдававшія ссуды подъ залогъ земельной и городской недвижимости.

Изъ общаго количества 121.313,255 десятинъ частновладѣльческой земли по 70 губерніямъ къ 1901 году въ залогѣ состояло 157,567 имѣній, въ коихъ числилось 56.660,056 десятинъ или 47% всей частновладѣльческой земли. Заложенная земля была оцѣнена въ 3.301.006,306 р., сумма выданныхъ ссудъ составляла 1.872.251,410 р., а остатокъ непогашенныхъ долговъ—1.763.462,825 руб.

Наибольшее количество частновладѣльческой земли находится въ залогѣ въ акціонерныхъ банкахъ—16%, затѣмъ въ государственномъ дворянскомъ банкѣ—14% и во всѣхъ остальныхъ 17% (47%). По суммѣ долговъ первое мѣсто занимаетъ государственный дворянскій банкъ (623,515 тысячъ), второе акціонерные банки (493,255 тысячъ), третье—крестьянскій банкъ (218,330 тысячъ), а въ остальныхъ банкахъ долга на сумму 428,363 тысячи.

Наиболѣе обременены долгами земли въ губерніяхъ центральной земледѣльческой полосы, приволжскія и заволжскія, малороссійскія и степныя; въ болѣе слабой степени—земли въ губерніяхъ сѣверныхъ, промышленной полосы, бѣлорусскихъ и литовскихъ.

Наибольшій процентъ заложенной земли изъ общаго количества частновладѣльческой (свыше 70%) въ губерніяхъ екатеринославской, лифляндской, подольской, херсонской, эстляндской и въ кубанской области; съ задолженностью менѣе 10% всего пять губерній, изъ коихъ 2 сѣверныхъ и 3 закавказскихъ.

Болѣе близкое представленіе о степени задолженности частнаго землевладѣнія даютъ поуѣздныя данныя. Изъ всѣхъ 583 уѣздовъ, числящихся въ 65 губерніяхъ и областяхъ, по величинѣ задолженности, опредѣляемой процентнымъ отношеніемъ заложенной земли къ общему количеству являются два уѣзда (гапсальскій, эстляндской губ., и новоушицкій, подольской губ.), въ коихъ задолженность достигаетъ до 96%; 20 уѣздовъ отъ 80% до 90%; 51 уѣздъ отъ 70% до 79%; 76 уѣздовъ отъ 60% до 69%; 90 уѣздовъ отъ 50% до 59% и т. д., и только 102 уѣзда ниже 20%, между ними 7 уѣздовъ съ задолженностью менѣе 1%.

Интересныя свѣдѣнія и цифровыя данныя приводятся въ этомъ выпускѣ о возрастаніи задолженности. Къ 1859 году, когда была прекращена выдача ссудъ изъ бывшихъ государственныхъ кредитныхъ установленій, по 45 губерніямъ и областямъ европейской Россіи состояло долговъ по ссудамъ подъ залогъ помѣщичьихъ населенныхъ имѣній свыше 425 милл. рублей, а къ 1901 году по 55 губерніямъ и областямъ на частновладѣльческихъ земляхъ числилось долговъ современнымъ кредитнымъ учрежденіямъ, государственнымъ и частнымъ, 1,534 милл. руб., такъ что черезъ 42 года сумма современной задолженности противъ той, какая была къ 1859 году, увеличилась на 1,109 милл. рублей. Но такъ какъ долги бывшимъ кредитнымъ установленіемъ были погашены путемъ выкупной операціи, то почти всю сумму современной задолженности можно разсматривать, какъ вновь образовавшуюся за указанный 42-лѣтній періодъ времени. Новая задолженность частнаго землевладѣнія собственно въ губерніяхъ Имперіи, не считая долговъ по губерніямъ прибалтійскимъ и привислинскимъ, началась съ 1864 года, когда возникъ херсонскій земскій банкъ, стала увеличиваться съ 1866 г., когда открыло свои дѣйствія б. общество взаимнаго поземельнаго кредита, замѣтно возрастать--съ 1872 года, съ учрежденіемъ акціонерныхъ земельныхъ банковъ, и, наконецъ, наибольшее увеличеніе задолженности послѣдовало съ 1886 года, съ открытія дѣйствій государственнаго дворянскаго земельнаго банка.

Задолженность владѣльцевъ городской недвижимости по 501 городу и нѣкоторымъ мѣстечкамъ Имперіи, со включеніемъ Сибири и Туркестанскаго края, выразилась къ 1901 году въ суммѣ свыше 1,068 милл. рублей, изъ коихъ 40% приходится на долю акціонерныхъ банковъ, 58 на долю городскихъ кредитныхъ обществъ и 2% на долю двухъ кавказскихъ и нижегородскаго Александровскаго банковъ.

Наибольшая задолженность относится къ недвижимой собственности, находящейся въ С.-Петербургѣ,—до 271 милл. руб., Москвѣ—до 203 милл. руб., Одессѣ—до 105 милл. рубл., Варшавѣ—до 68 милл. руб., Кіевѣ—до 52 милл. руб., въ Тифлисѣ и Ригѣ—до 27 милл. руб., т. е. свыше 753 милл. руб.; другими словами, задолженность этихъ семи городовъ составляетъ 70% общей суммы долговъ.

М—въ.

ИЗЪ СЕРБІИ.

Весной 1903 года, передъ введеніемъ австро-русскихъ реформъ, я ѣздилъ въ Македонію съ цѣлью посмотрѣть на мѣстѣ, къ какимъ результатамъ онѣ приведутъ. Въ то время наиболѣе удобными центрами наблюденія были Ускюбъ и Митровица. Ускюбъ — потому, что былъ резиденціей главнаго инспектора по дѣламъ реформъ, Хильми-паши, а также потому, что тамъ сталкивались всѣ македонскія народности. Всѣ перипетіи внутренней междоусобной македонской распри разыгрывались въ Ускюбѣ и особенно рѣзко выразились въ прошломъ году по случаю такъ называемаго „Фирмиліанскаго“ вопроса. Митровица же представляла особенный интересъ, какъ центръ албанскаго движенія противъ введенія вновь проектируемыхъ реформъ и албанскихъ насилій надъ славянскимъ населеніемъ, для защиты котораго было учреждено русское митровицкое консульство.

Въ іюньской книжкѣ „Русскаго Вѣстника“ я передалъ мои впечатлѣнія и наблюденія, центромъ которыхъ было убійство Г. С. Щербины. Быстро и совершенно неожиданнымъ образомъ развивавшіяся событія потребовали моей вторичной поѣздки для выясненія положенія македонскихъ дѣлъ. Послѣ первой бури, пронесшейся по македонской землѣ, Ускюбъ потерялъ свое прежнее первенствующее значеніе, и его мѣсто занялъ Битоль, гдѣ былъ убитъ А. А. Ростковскій, какъ центръ македонскаго революціоннаго движенія и новое мѣстопребываніе Хильми-паши. Въ мое осеннее посѣщеніе Ускюба, Солуни и Битоля передо мной вырисовалась довольно ясная картина македонскихъ осложненій, которою я и постараюсь подѣлиться съ читателями „Русскаго Вѣстника“.

Кратчайшій путь изъ Петербурга въ Македонію лежитъ черезъ Бѣлградъ. Весной въ послѣднемъ городѣ совершилось ужасное преступленіе, о какомъ уже давно не слыхала Европа. Тяжело при одной мысли попасть въ эту атмосферу „грязи и крови“. Но дѣлать нечего: надо запастись мужествомъ и немножко пожертвовать своимъ душевнымъ спокойствіемъ. Я, столько разъ видѣвшій Бѣлградъ веселымъ, оживленнымъ и залитымъ солнцемъ, на этотъ разъ подъѣзжалъ къ столицѣ Сербіи въ сумрачный осенній день.

Было раннее утро. Пароходъ медленно приближался къ пристани, и передъ нами все яснѣй вырисовывались городскія зданія. Но ничто не говорило здѣсь теперь о жизни. Эти стѣны и башни, казалось, принадлежали одному изъ тѣхъ мертвыхъ городовъ, о которыхъ такъ часто говорится въ волшебныхъ сказкахъ. Казалось, всѣ обитатели уже давно бѣжали изъ этого города несчастья. Остроконечная башня крѣпости сверкала матовой позолотой, какъ какая-то древняя драгоцѣнность. Налѣво, развалины старой турецкой крѣпости еще болѣе усиливаютъ общее грустное впечатлѣніе. Я перевожу глаза и вижу вдали красноватую пирамиду королевскаго дворца. Эта красная пирамида не имѣетъ того свѣтлаго и открытаго вида, который радуетъ глазъ: это тотъ темный цвѣтъ, какой оставляютъ слѣды крови на мѣстѣ совершеннаго преступленія. И невольно моя мысль переносится на невинныхъ жертвъ, покоящихся вѣчнымъ могильнымъ сномъ за дворцомъ въ скромной церкви св. Марка. Сердце мое сжимается, кровь холодѣетъ. Я долженъ сдѣлать надъ собой усиліе, чтобы подняться по лѣстницѣ, ведущей на сербскій берегъ. Меня ведутъ въ таможню. Служащіе спрашиваютъ меня, нѣтъ ли у меня чего-нибудь, о чемъ бы я счелъ нужнымъ заявить. Но губы мои остаются сжатыми, въ горлѣ пересохло, дыханіе отрывисто. Я молчу. Я свободно позволяю рыться въ моемъ багажѣ. Когда вся процедура осмотра была окончена, мой носильщикъ говоритъ мнѣ: „Господинъ! Все кончено. Вотъ выходъ“. Только тогда я точно выхожу изъ оцѣпенѣнія и слѣдую за моимъ носильщикомъ. Никогда еще я не чувствовалъ такой тяжести. Какъ автоматъ выхожу на улицу. Прохожіе идутъ мимо меня безъ особеннаго оживленія. Я опускаю глаза, чтобы не видѣть ихъ. Мнѣ стыдно, мнѣ жаль несчастныхъ, которые вынуждены жить въ городѣ, гдѣ совершилось такое неслыханное преступленіе.

Останавливаюсь я въ „Hôtel Imperial“, не отличающемся особенной роскошью, но пользующемся хорошей репутаціей. Тамъ меня уже давно знаютъ.

Я отправляюсь на большой рынокъ. Народу много, но движеніе мало оживленное. При выходѣ изъ Hôtel'я, я равнодушно смотрю на эту массу людей. Она производитъ на меня впечатлѣніе, какъ будто я смотрю на картину, а не на настоящую жизнь. Здѣсь еще недавно проходилъ Авакумовичъ, президентъ совѣта революціоннаго кабинета 29 мая, принимавшій участіе въ заговорѣ противъ короля Александра и королевы Драги. Этотъ дюжій человѣкъ съ мужественной походкой, шелъ съ смущеннымъ видомъ, какъ бы стараясь не привлекать на себя общественнаго вниманія. Я помню мою встрѣчу съ нимъ вечеромъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Я выходилъ изъ министерства иностранныхъ дѣлъ вмѣстѣ съ министромъ Павломъ Деничемъ. Бесѣдуя о македонскихъ дѣлахъ, мы подходили къ парку Калимегдану на плато близъ старой турецкой крѣпости. Авакумовичъ вышелъ изъ своего дома и прошелъ мимо насъ. Взоры наши встрѣтились, и я прочелъ въ его глазахъ почти вызывающую твердость, какой не замѣчалъ въ немъ даже въ 1892 году, когда зналъ его президентомъ совѣта перваго регента Іована Ристича, боровшимся съ радикальной партіей. Я удивлялся, найдя въ немъ подъ правленіемъ Цинцара Марковича такую увѣренность въ своихъ силахъ. Я не зналъ, что онъ былъ заговорщикомъ противъ своего короля и королевы.

Во время моего послѣдняго пребыванія въ Бѣлградѣ, мы снова встрѣтились и снова наши взгляды сошлись. Я замѣтилъ въ немъ небольшое смущеніе. Онъ опустилъ глаза и куда-то исчезъ. Когда онъ проходилъ близъ площади, его узналъ одинъ крестьянинъ. Послѣдній съ видимымъ интересомъ слѣдилъ за нимъ, а потомъ, твердо взглянувъ ему въ лицо, вскричалъ:

— А! Это ты, Іово Авакумовичъ! Это ты—убійца своего короля! Ты убилъ одного короля, убьешь и другого. Позоръ тебѣ, навлекшему несчастье на Сербію! Ты только и можешь жить преступленіемъ. Тебѣ нѣтъ больше мѣста между честными людьми!

Прохожіе останавливались и слушали. Никто ничего не сказалъ въ защиту Авакумовича, который не отвѣтилъ ни слова и только ускорилъ шаги. Служащій при Hôtel'ѣ замѣтилъ мое удивленіе и сказалъ: „Ахъ, господинъ! Съ тѣхъ поръ, какъ убили нашего короля, всѣ сбились съ толку".

Я направляюсь къ церкви св. Марка, мѣсту упокоенія королевской четы. Дорогой мнѣ пришла мысль купить цвѣтовъ и возложить ихъ на могилы несчастныхъ жертвъ заговора. Когда я вошелъ въ цвѣточный магазинъ, хозяинъ его горячо

спорилъ о чемъ-то съ уходившимъ офицеромъ. Отпуская меня, онъ проворчалъ:

— Они съумѣли убить короля и королеву, а идти драться въ Македонію у нихъ нѣтъ ни малѣйшаго желанія. Вотъ этотъ, что вышелъ, тоже, вѣроятно, убійца или одинъ изъ ихъ друзей. Ихъ сразу можно узнать по ихъ надменности. Они считаютъ себя господами страны, но придетъ и ихъ часъ. Пусть они только послушаютъ, что говоритъ тотъ, который сидитъ въ крѣпости (капитанъ генеральнаго штаба Новаковичъ, глава нишскихъ офицеровъ, заявившихъ протестъ). Вотъ тотъ человѣкъ честный! Пріятно слышать его честныя, благородныя слова. („Народни Листъ" опубликовалъ въ то время его защиту передъ военнымъ совѣтомъ). Онъ прямо обвинилъ ихъ въ томъ, что они обокрали свои жертвы, и никто изъ убійцъ не смѣлъ ни слова отвѣтить ему.

Цвѣты для меня были готовы, и я направился къ кладбищу. Тотчасъ же за дворцомъ, который заканчивается здѣсь стѣной, разстилается пустынная четыреугольная площадь. Нѣсколько разбросанныхъ тамъ и сямъ деревьевъ, немного газона и песокъ. Съ правой стороны площади тянется кирпичная стѣна съ желѣзной рѣшеткой. Это кладбище. Я быстро прохожу площадь и вхожу за рѣшетку. Направо могилы съ бѣлыми надгробными памятниками; налѣво домъ, гдѣ живутъ служащіе на кладбищѣ и причтъ церкви св. Марка. Прямо отъ входа аллея ведетъ къ простому одноэтажному дому, покрытому красной черепицей. На одномъ углу крыши виднѣется едва замѣтный, маленькій крестъ. Это церковь св. Марка. Я вхожу въ церковь. Внутри темно. Два маленькихъ окна, помѣщенныя довольно высоко, даютъ мало доступа свѣту. Я различаю образа иконостаса и противъ него, въ правомъ углу, свѣчную выручку. За выручкой стоятъ двое мужчинъ. Я подхожу къ нимъ и спрашиваю, гдѣ могила... Не успѣлъ я окончить, какъ одинъ изъ нихъ доканчиваетъ мою фразу: „Короля Александра и королевы Драги? Это здѣсь". Съ этими словами онъ указываетъ мѣсто близъ свѣчной выручки. Я вижу вдѣланную въ стѣну мраморную доску съ надписью: „Анка Обреновичъ". Это одна изъ тетокъ короля. Передъ камнемъ виситъ образъ съ лампадой. Большіе вѣнки съ широкими лентами висятъ съ обѣихъ сторонъ. На одномъ изъ нихъ по-французски написано: „Его королевскому величеству королю Сербіи". Этотъ вѣнокъ присланъ наслѣдникомъ румынскаго престола. На другомъ вѣнкѣ, возложенномъ родственниками королевы Драги, слѣдующая надпись по-сербски: „Королевѣ Драгѣ и нашему

доброму, благородному и честному королю Александру". Внизу подъ образомъ, среди цвѣтовъ, отчасти увядшихъ, я увидѣлъ деревянные высеребренные кресты, съ надписью золотомъ: „Драгина Обреновичъ" и „Александръ Обреновичъ". Кресты эти напоминаютъ крестъ, посланный королемъ покойному Щербинѣ въ Митровицу. Король и королева, падшіе жертвой ужаснаго преступленія, покоятся подъ такимъ же символомъ, какъ и консулъ-мученикъ. Крестъ королевы стоитъ вправо отъ креста короля. Я упалъ на колѣни и молитвенно сложилъ руки. Въ это время двое стоявшихъ за выручкой людей развернули принесенные мной пакеты, возложили цвѣты на кресты и зажгли двѣ восковыя свѣчи. Но губы мои были сжаты, а взглядъ точно приросъ къ обоимъ крестамъ. Съ минуту я стоялъ точно окаменѣлый, а потомъ мои глаза стали различать надписи и невольно наполнились слезами. Я не могъ молиться; рыданія сдавливали мое горло. Съ минуту стоялъ я въ такомъ состояніи, а затѣмъ разглядѣлъ образъ, висѣвшій въ головахъ невинныхъ жертвъ. Тогда я осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ и сталъ горячо молиться. Молитва облегчила меня. Я поднялся съ колѣнъ. У обоихъ мужчинъ, встрѣтившихъ меня и у нѣкоторыхъ другихъ посѣтителей, пришедшихъ послѣ меня, глаза были влажны отъ слезъ. Я заплатилъ за свѣчи и вышелъ изъ церкви.

Пока я былъ въ Бѣлградѣ, я ежедневно совершалъ паломничество въ церковь св. Марка, и каждый разъ я точно возрождался. Я чувствовалъ себя довольнымъ и счастливымъ, какъ будто мнѣ выпало какое-то счастье. Благородныя жертвы, покоящіяся здѣсь, очищенныя отъ всякой человѣческой злобы, должны слышать молитвы милліоновъ европейцевъ; и онѣ видимо дѣлятся съ другими тѣмъ чувствомъ утѣшенія, какое получаютъ отъ этихъ молитвъ. Но какое горе должны чувствовать бѣдный король и бѣдная королева при взглядѣ на свою несчастную страну, которую они такъ любили, иногда со слабостями, присущими человѣческой натурѣ, но всегда искренно и откровенно?

Сербская политика въ Македоніи есть въ сущности дѣло короля Александра. Различные министры и государственные люди играли выдающуюся роль въ дѣлѣ защиты сербскихъ интересовъ въ Македоніи, но вся заслуга въ настойчивомъ проведеніи этой политики принадлежитъ королю Александру. Король Миланъ, со времени Берлинскаго конгресса, или завидо-

валъ Болгаріи, или строилъ фантастическіе планы, основываясь на расположеніи Австро-Венгріи. Послѣ его отреченія отъ престола, отъ его царствованія не осталось никакихъ слѣдовъ въ области практической внѣшней политики, какъ будто король Миланъ сошелъ со сцены тотчасъ же послѣ Берлинскаго конгресса. Регентство только старалось залечить нѣкоторыя раны, оставленныя ему режимомъ Милана. Въ области же македонскаго вопроса оно не сдѣлало ничего и не достигло никакого результата.

Король Александръ получилъ въ высшей степени патріотическое и демократическое воспитаніе. Съ самаго дѣтства онъ выказывалъ живѣйшій интересъ къ исторіи Сербіи, которую зналъ лучше многихъ министровъ. Можетъ быть, славное прошлое средневѣковой сербской имперіи произвело сильное впечатлѣніе на его дѣтскую душу, и въ его живомъ воображеніи рисовались страны, бывшія ареной сербской славы. Однимъ словомъ, онъ сталъ серьезно интересоваться македонскими дѣлами и цѣлью его внѣшней политики сдѣлалось охраненіе сербскихъ интересовъ въ Турціи.

Когда король Александръ достигъ совершеннолѣтія и взялъ въ свои руки бразды правленія, положеніе сербовъ въ Македоніи было самое плачевное. Со времени войны 1876 г. сербы были въ полномъ загонѣ въ Турціи. Они не имѣли даже права открывать школы. Извѣстно, что въ Турціи существуютъ два рода школъ: школы спеціально церковныя, основанныя духовными властями и управляемыя ими, и школы оттоманскаго министерства народнаго просвѣщенія, которыя открываются съ разрѣшенія турецкаго правительства и находятся подъ прямымъ его наблюденіемъ. Сербы не могли имѣть своихъ церковныхъ школъ, такъ какъ митрополиты, какъ греческаго патріархата, такъ и болгарскаго экзархата, не соглашались открывать сербскія школы. Оставалось обратиться къ оттоманскому министерству народнаго просвѣщенія. Но и тамъ сербы встрѣчали постоянный отказъ, такъ какъ турки всегда давали одинъ и тотъ же отвѣтъ: „Мы не признаемъ національности безъ независимой духовной власти. Въ Турціи нѣтъ національной сербской церкви, а потому не можетъ быть ни сербской національности, ни сербскихъ школъ".

Всѣ бѣлградскія правительства употребляли тщетныя усилія въ Константинополѣ, чтобы измѣнить такое положеніе дѣлъ.

Когда, достигнувъ совершеннолѣтія, король Александръ совершилъ путешествіе по Европѣ, онъ побывалъ также и въ Константинополѣ,—и то, чего не могли достигнуть прежніе

сербскіе правители, достигъ онъ. Турецкое правительство признало за сербами право открывать школы въ Коссовскомъ вилайетѣ. Въ то же время, благодаря стараніямъ короля Александра, греческій патріархъ въ Константинополѣ предоставилъ сербамъ митрополію Рашка Призрена, юрисдикція которой охватывала Старо-Сербію. Четыре года тому назадъ, послѣ греко-турецкой войны, Турція признала за Сербіей право открывать школы по всей Македоніи. Кромѣ того, сербы de facto пріобрѣли ускюбскую митрополію, которая въ прошломъ году была имъ уступлена de jure. Именно при министерствѣ Стояна Новаковича, въ 1896 г., состоялось первое побѣдоносное вступленіе сербовъ собственно въ Македонію. Но послѣ ухода Новаковича, первыя усилія сербовъ увѣнчались успѣхомъ, только благодаря твердой внѣшней политикѣ короля Александра. Достойно замѣчанія также, что при жизни Милана, когда послѣдній пребывалъ въ Сербіи и въ нѣкоторомъ родѣ производилъ давленіе на своего сына, македонская политика Сербіи, такъ сказать, засыпала и съ новой силой разгоралась только тогда, когда король Александръ снова становился единымъ повелителемъ Сербіи. Когда бракъ короля Александра съ Драгой привелъ къ окончательному разрыву съ Миланомъ, интересъ къ македонскимъ дѣламъ удвоился въ бѣлградскомъ конакѣ. Извѣстно, что Россія, въ отвѣтъ на корректную политику короля Александра, учредила свое консульство въ Митровицѣ. Королева раздѣляла заботы своего царственнаго супруга. Она читала консульскія донесенія изъ Македоніи и всегда очень интересовалась положеніемъ дѣлъ въ этой странѣ. Въ Бѣлградѣ даже говорили о македонской политикѣ королевы Драги и называли многихъ лицъ, сочувствовавшихъ ей. Вполнѣ согласная съ принципами короля, политика эта была скорѣй политикой сердца, чѣмъ идейной. Главная забота королевы сосредоточивалась на желаніи облегчить страданія сербскаго населенія Македоніи и помочь ему въ развитіи его матеріальнаго и нравственнаго благосостоянія. Всякій разъ, какъ ей удавалось достичь въ этой области какихъ-нибудь результатовъ, она радовалась гораздо больше, чѣмъ безплоднымъ политическимъ успѣхамъ. Въ началѣ нынѣшняго года, когда въ различныхъ мѣстахъ призывали къ оружію и кричали о насиліяхъ, что повлекло столько несчастій на головы македонцевъ и было причиной столькихъ жертвъ, королева Драга удвоила свои заботы объ улучшеніи экономическаго положенія македонскихъ сербовъ. Она говорила:

— Легко сдѣлаться героемъ и дешевой цѣной пріобрѣсть

себѣ популярность на счетъ несчастныхъ, страждущихъ тамъ. Я же предпочитаю трудиться для нихъ, стараясь дать имъ возможность легче прокармливать свои семьи.

Одному изъ сербскихъ консуловъ, особенно преданныхъ королевѣ, было поручено распространять между сербскими поселянами полезныя свѣдѣнія по земледѣлію и сельскому хозяйству. Я помню, какая радость царила въ одной деревнѣ близъ Ускюба, когда консулъ доставилъ туда гибкія ивовыя вѣтви, неизвѣстныя въ этомъ краѣ. Привезены онѣ были съ цѣлью разведенія ихъ въ Македоніи, что давало возможность сербскимъ крестьянамъ плести корзины и тѣмъ хоть немного увеличить свой заработокъ. За два мѣсяца до ужаснаго убійства, королевѣ Драгѣ удалось добиться назначенія при сербскомъ консульствѣ въ Ускюбѣ особаго помощника, на котораго было возложено систематическое ознакомленіе крестьянъ съ современной агрономіей.

Вполнѣ естественно, что воинствующая партія сербовъ была недовольна такими мѣрами, какъ и политикой короля, считая ихъ безполезными для дорогой имъ цѣли. Сущностью политики короля Александра было благосостояніе сербовъ въ Македоніи и безкорыстное охраненіе сербской національности въ этой странѣ. Политика его была въ высшей степени національна, и вначалѣ всѣ сербы держались той же точки зрѣнія.

Въ то время, когда король сталъ заниматься македонскими дѣлами (въ 1893 году), никто и не думалъ объ отторженіи Македоніи у Турціи. Даже болгарскіе пропагандисты находились въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ турками. Стамбуловъ заключилъ турецко-болгарскій союзъ, который касался не однихъ только македонскихъ дѣлъ. Въ самой Македоніи турецкія власти всюду покровительствовали болгарамъ и чиновники болгарской національности занимали важныя политическія должности въ оттоманской администраціи. Положеніе дѣлъ въ ту эпоху было до такой степени благопріятно для болгаръ, что и нынѣ софійское правительство ставитъ его конечною цѣлью всѣхъ своихъ усилій.

При такихъ условіяхъ, понятно, что и король Александръ тоже думалъ добиться преимуществъ въ пользу турецкихъ сербовъ, придерживаясь дружественной политики въ Константинополѣ. Съ того времени, какъ сербамъ были сдѣланы уступки, среди болгаръ начинается революціонное и антитурецкое движеніе.

Въ 1897 году, когда сербы получили право открывать школы по всей Македоніи, около 50 почтенныхъ сербовъ,

среди которыхъ было много основателей сербскихъ школъ, были убиты болгарами. Невольно рождается вопросъ: было ли вызвано это инсуррекціонное движеніе болгаръ турецкой враждой или боязнью сербской пропаганды?

Но каковы бы ни были причины, заставившія болгаръ придать своей политикѣ антитурецкій оттѣнокъ, у сербовъ таковыхъ не было, такъ какъ имъ не на что было жаловаться на оттоманское правительство, сдѣлавшее имъ вышеупомянутую уступку. Поэтому королю Александру оставалось только придерживаться своей мирной политики. Это не значитъ, однако, что подъ его правленіемъ Сербія всецѣло была бы предана Турціи, какъ въ настоящее время Греція. Всякій разъ, какъ затрагивались сербскіе интересы или что-нибудь вызывало безпокойство сербскаго народа, правительство короля энергично вмѣшивалось, какъ это было въ Колашинскомъ дѣлѣ. Никогда король Александръ въ своей правительственной программѣ не стоялъ за цѣлость оттоманской имперіи. Онъ не нападалъ на нее, но и не считалъ, что Сербія должна защищать Турцію, если только расчлененіе оттоманской имперіи не будетъ въ ущербъ сербскимъ интересамъ. Въ послѣднемъ случаѣ, онъ готовъ былъ на военное вмѣшательство, но только въ сербскихъ интересахъ, а не въ интересахъ турокъ. Какъ-то разъ король говорилъ мнѣ:

— Если ужъ придется, то лучше сразу погибнуть славною смертью вмѣстѣ съ нашими братьями, чѣмъ видѣть себя осужденными на медленную смерть, что, при вышеупомянутомъ случаѣ, будетъ неизбѣжною участью Сербіи. Не намъ вызывать это страшное событіе, результатовъ котораго никто не можетъ предвидѣть. Россія желаетъ мира. Я обѣщалъ ей миръ и сдержу свое обѣщаніе. Разъ мы уже завлекли Россію въ катастрофу постигшую насъ. Я не хочу видѣть, чтобы Россія, можетъ быть по моей винѣ, была доведена до второго Берлинскаго конгресса. Россія нужнѣй намъ, чѣмъ мы Россіи. Если ужъ намъ суждено страдать, то нужно покориться этому. Намъ, для нашего дѣла, выгоднѣй перенести еще больше страданій, чѣмъ вынудить Россію на ложный шагъ.

Что касается политики короля Александра по отношенію къ Болгаріи, то она нисколько не исключала дружественнаго соглашенія съ этимъ государствомъ по македонскимъ дѣламъ, но только онъ не довѣрялъ софійскому правительству.

— Если они желаютъ соглашенія, то оно состоится, но только для этого необходимо, чтобы оно было искренно. Сколько разъ мы повторяли болгарамъ: „Выскажите намъ свои жела-

нія по отношенію Македоніи, мы съ своей стороны сдѣлаемъ то же самое. Тогда намъ возможно будетъ придти къ соглашенію". Но они никогда не выражались точно, а ограничивались такими неопредѣленными формулами, какъ братство, солидарность и пр. И посейчасъ мы еще точно не знаемъ, чего добиваются болгары своей агитаціей въ Македоніи, а потому, до болѣе точныхъ свѣдѣній, держимъ себя крайне сдержанно. Автономіи мы не хотимъ, такъ какъ она послужила бы путемъ къ присоединенію къ Болгаріи, а этого мы не можемъ желать, потому что въ Македоніи есть также сербское населеніе. Кромѣ того, автономія — это политическая мѣра, а не удовлетвореніе самыхъ настоятельныхъ нуждъ македонскаго населенія. Эти нужды гораздо лучше будутъ удовлетворены совмѣстнымъ введеніемъ реформъ. Зло въ Македоніи такъ велико, что если даже десятая часть изъ предположенныхъ реформъ будетъ выполнена, то и это будетъ большимъ благодѣяніемъ для тамошняго населенія, если же пятая,—то это будетъ торжествомъ. Только необходимо, чтобы реформы были точно приведены въ исполненіе.

Изъ этого изложенія видно, какова была національная и мирная политика короля Александра по отношенію къ Македоніи. Ее можно критиковать съ точки зрѣнія принциповъ и теоріи, но остается тотъ фактъ, что она привела къ практическимъ результатамъ, согласно желаніямъ ея автора. Въ Македоніи возстаніе уже было въ полномъ разгарѣ, турецкія репрессаліи были энергичны и тяжелы, а королю не приходилось раскаиваться за свою политику, такъ какъ ему удалось отклонить отъ македонскихъ сербовъ много несчастій, обрушившихся на столькихъ болгаръ. Послѣ салоникскаго покушенія, когда болгаръ преслѣдовали со всѣхъ сторонъ, турецкія власти оставляли сербовъ въ покоѣ. Въ Салоникахъ многіе болгары, чтобы избавиться отъ преслѣдованій турецкой полиціи, выдавали себя за сербовъ. Въ это время, въ окрестностяхъ Салоникъ былъ арестованъ турецкими властями учитель-сербъ. Сербскій консулъ въ Салоникахъ немедленно же отправился къ вали и заявилъ протестъ. Онъ твердо заявилъ, что не можетъ допустить, чтобы съ сербами обращались дурно, такъ какъ сербы не принимаютъ никакого участія въ возстаніи. Вали согласился съ этимъ и извинился, объявивъ, что теперь всѣ болгары выдаютъ себя за сербовъ, такъ что, если принимать во вниманіе всѣ эти заявленія, то нельзя будетъ никого арестовать. Тѣмъ не менѣе, онъ обѣщалъ защиту всѣмъ тѣмъ, сербская національность которыхъ будетъ удосто-

вѣрена консуломъ. Учитель, понятно, былъ освобожденъ, и его оставили въ покоѣ. Среди арестованныхъ въ Салоникахъ не было даже случайно попавшихъ сербовъ. Всѣ они немедленно же освобождались по настоянію сербскаго консула, тогда какъ всѣ болгары оставались въ тюрьмахъ.

Въ Ускюбскомъ вилайетѣ это отношеніе выразилось еще рѣзче. Многія болгарскія семейства ближайшихъ къ Болгаріи казъ выдавали себя за сербовъ и даже брали своихъ дѣтей изъ болгарскихъ школъ и помѣщали ихъ въ сербскія школы. Нужно ли болѣе яркое доказательство того, что болгары чувствовали себя въ большей безопасности, выдавая себя за сербовъ, и что сербская національность была систематически охраняема турками? Только Битолійскій вилайетъ представлялъ иную картину, но эта разница зависѣла отъ причинъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ политикой короля Александра.

Сначала всѣ въ Сербіи смотрѣли на сербскую политику въ Македоніи съ точки зрѣнія покровительства сербской національности и защиты интересовъ сербской расы. Но съ теченіемъ времени такое единодушіе измѣнилось. Мнѣ кажется, что такую перемѣну можно приписать отчасти дѣятельности болгарской пропаганды въ Софіи. Эта пропаганда была вначалѣ чисто церковной, затѣмъ—національной, а потомъ перешла въ политическую и революціонную. Сначала она велась противъ патріархата за экзархатъ, потомъ за усиленіе болгарской національности, за присоединеніе къ Болгаріи и, наконецъ, за автономную Македонію съ внутренней республиканской организаціей. Эта республиканская идея въ связи съ революціонной пропагандой очень понравилась нѣкоторымъ сербскимъ профессорамъ, которые всѣ въ большей или меньшей степени пропитаны идеалами этого рода. Живя среди теорій, профессора эти мало знакомы съ практической жизнью и съ ея требованіями и легко дѣлаются доктринерами, т. е. людьми фанатичными и безпощадными въ отношеніи своихъ противниковъ при приведеніи въ исполненіе своихъ плановъ. Въ каждой политической партіи въ Сербіи профессора составляютъ самую крайнюю группу. Естественно, что республиканско-революціонныя идеи, сторонниками которыхъ были распространители македонскихъ идей въ Болгаріи, нашли благопріятный откликъ среди сербскихъ профессоровъ. Они начали отрицать въ македонскихъ дѣлахъ національную и церковную сторону и выдвигать впередъ чисто политическую. Македонскій народъ,—говорили они мнѣ,—утомленъ національными и церковными распрями. Онъ уже не увлекается вопросами языка

и расы, а хочетъ одного только—политической свободы, конституціи и парламентскаго режима. Для достиженія этого необходимо, чтобы Сербія соединилась съ Болгаріей. Если сербы не послѣдуютъ болгарскому примѣру, то всѣ македонцы перейдутъ на сторону болгаръ изъ любви къ политической свободѣ, которую тѣ обѣщаютъ имъ и ради которой они охотно пожертвуютъ своей сербской національностью. Македонецъ желаетъ отмѣны турецкаго режима болѣе всего потому, что онъ антилиберальный и мусульманскій. Партію сторонниковъ мира здѣсь называютъ „туркофильской“, а революціонную партію—„болгарофильской“. Вотъ почему короля Александра часто называютъ туркофиломъ: онъ принадлежалъ къ лагерю, который я только что охарактеризовалъ. Въ сущности ни то, ни другое названіе не вѣрно. Король Александръ былъ сербофиломъ, какъ это можно видѣть изъ приведеннаго выше изложенія его македонской политики. Такъ же несправедливо обвиняютъ и другихъ въ туркофильствѣ исключительно только за то, что они не хотятъ союза съ Болгаріей. Къ послѣдней категоріи людей принадлежалъ генералъ Цинцаръ Марковичъ. Разница во взглядахъ генерала Цинцара Марковича и короля Александра состояла въ томъ, что король въ принципѣ былъ расположенъ къ соглашенію съ Болгаріей, разъ послѣдняя искренно отнесется къ такой комбинаціи. Цинцаръ же Марковичъ не вѣрилъ въ возможность такого соглашенія съ Болгаріей, которое охранило бы интересы сербовъ. Была еще одна сербская фракція, которая изъ ненависти къ болгарамъ и изъ духа реванша за Сливницу была дѣйствительно туркофильской и постановила рѣшенія, выражавшія довѣріе къ добротѣ и великодушію султана. Группа эта, очень немногочисленная, не оказывала никакого вліянія на дѣла и не имѣла ничего общаго съ политикой короля.

Въ числѣ лицъ, боровшихся противъ политики короля Александра, были люди, желавшіе соглашенія съ Болгаріей на почвѣ славянской солидарности, но они стояли одиноко и не имѣли никакого вліянія. Большая же часть желала болгарскаго соглашенія на почвѣ интернаціонально-революціонной.

Подтвержденіе этому можно видѣть въ томъ, что изъ двухъ комитетовъ, находившихся еще тогда въ Софіи, люди эти были прямо враждебны комитету Михайловскаго, бывшему національно-болгарскимъ, и восторгались только комитетомъ Сарафова, носившимъ интернаціонально-революціонный оттѣнокъ. Сарафовъ, будучи въ прошломъ году въ Бѣлградѣ, излагалъ свои доктрины, причемъ сказалъ: „Мы—враги всякаго

правительства. Мы идемъ съ народомъ противъ правительствъ. Мы взываемъ къ народамъ, и они слышатъ насъ, такъ какъ понимаютъ, что македонское дѣло—ихъ дѣло. Это дѣло всѣхъ угнетаемыхъ противъ угнетателей. На Россію мы не разсчитываемъ. Это страна не свободная. Но мы разсчитываемъ на Западную Европу".

И дѣйствительно, Сарафовъ ежегодно занимался пропагандой въ западныхъ странахъ, но никогда не дѣлалъ попытки обратиться къ славянскимъ чувствамъ Россіи. Это происходило оттого, что онъ не былъ націоналистомъ. Въ Парижѣ онъ находился въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ соціалистами-революціонерами анархическаго оттѣнка въ родѣ Пресансе, его лучшаго друга. Слова Сарафова произвели глубокое впечатлѣніе на нѣкоторыхъ сербскихъ профессоровъ. Одинъ изъ нихъ сказалъ мнѣ: „Онъ заходитъ немного далеко, и я не во всемъ согласенъ съ нимъ. Но это великій, идеальный революціонеръ, которымъ я восхищаюсь".

Прошлою осенью, послѣ шипкинскихъ празднествъ, былъ устроенъ въ Бѣлградѣ бывшими миланистами-туркофилами македонскій митингъ, на которомъ должны были состояться рѣшенія, воинственныя по отношенію къ Болгаріи и пріятныя Турціи. Другая партія помѣшала этому митингу и созвала другой, на которомъ, не касаясь Болгаріи, предполагалось высказать неудовольствіе сербовъ противъ Турціи и формулировать требованіе реформъ. Митингъ этотъ созывался съ разрѣшенія короля Александра. За два дня до назначеннаго срока пронесся слухъ, что митингъ приметъ бурный характеръ, и поднятъ былъ вопросъ о воспрещеніи его. Организаторы митинга, молодые профессора высшей бѣлградской школы, обратились по телефону къ королю Александру, прося его заступничества, какъ сторонника всѣхъ попытокъ въ пользу македонцевъ. Король пожелалъ узнать, къ какому рѣшенію они пришли, и одобрилъ его. Онъ просилъ только сдѣлать небольшое измѣненіе. Въ принятомъ рѣшеніи выражалось довѣріе Сербіи ко всѣмъ державамъ. Король потребовалъ измѣненія этого пункта.

— Наша исторія,—сказалъ онъ,—показываетъ намъ, что мы тщетно искали поддержки у другихъ державъ, но онѣ никогда ничего не сдѣлали для насъ. Одна Россія всегда помогала намъ, а потому надо говорить только о ней одной.

Король разрѣшилъ критиковать Турцію, сколько угодно, но просилъ не нападать прямо на султана, а также на Австро-Венгрію. Совѣты короля были приняты; но, когда собрался ко-

митетъ профессоровъ, на немъ раздались горячіе протесты противъ обращенія къ Россіи.

„Для такого свободнаго народа, какъ нашъ, позоръ обращаться къ тиранической странѣ!"—кричали многіе,—и пунктъ, касающійся обращенія къ Россіи, былъ уничтоженъ.

Былъ поднятъ также вопросъ о томъ, чтобы отправиться въ церковь и отслужить панихиду по сербамъ, павшимъ жертвами турецкихъ звѣрствъ. Многіе профессора запротестовали.

— Идти въ церковь? Ни за что. Не надо клерикализма!

Я замѣтилъ имъ:

— Но вы забываете, какое отличное впечатлѣніе произведетъ въ Македоніи, когда тамъ узнаютъ, что вы молились въ церкви за ихъ погибшихъ собратій.

— Молиться? Ни за что. Я уже разучился молиться,—сказалъ одинъ.

— Я никогда не молился,—заявлялъ другой.

— Нога моя не будетъ въ церкви,—кричалъ третій.

Понятно, послѣ этого въ церковь не пошли.

Цареубійство 29 мая и послѣдовавшій за нимъ режимъ внесли смуту въ македонскую политику Сербіи въ пользу теченія, враждебнаго королю Александру. Партія профессоровъ, бывшая, въ силу своихъ крайнихъ убѣжденій, враждебна также внутреннему режиму короля, горячо привѣтствовала убійство и выказала себя солидарной съ офицерами-убійцами. Они сдѣлались главной партіей въ дѣлахъ сербскаго правленія и были истиннымъ выраженіемъ новаго курса. Не составляя одной партіи съ крайними радикалами или „независимыми", они братаются съ ними, хотя нѣкоторые изъ нихъ принадлежали къ группѣ умѣренныхъ радикаловъ, такъ какъ въ 1901 году они, согласно желанію короля Александра, слились съ прогрессистами. „Тиранъ умеръ,— кричали они.— Теперь мы всюду внесемъ свободу и освободимъ Македонію".

Они тотчасъ же задумали войти въ соглашеніе съ Болгаріей по этому вопросу, но различныя попытки, сдѣланныя въ этомъ направленіи, не привели ни къ какому результату. Тогда въ Софію поѣхалъ одинъ сербскій политическій дѣятель, пользующійся въ Бѣлградѣ большимъ авторитетомъ въ дѣлѣ македонской политики. Съ грустью видишь такого человѣка въ рядахъ революціонеровъ и цареубійцъ, которые нынѣ царятъ въ Сербіи и терроризуютъ ее. Когда былъ поднятъ вопросъ объ образованіи новаго министерства Саввы Груича, ему былъ предложенъ портфель министра иностранныхъ дѣлъ, но онъ отказался, чтобы сохранить себѣ больше свободы въ македон-

скихъ дѣлахъ. С. прожилъ въ Софіи мѣсяцъ и видѣлся почти со всѣми. Онъ убѣдился въ симпатіи всѣхъ болгарскихъ партій къ сербо-болгарскому военному соглашенію и въ непоколебимой враждебности софійскаго правительства къ комбинаціи подобнаго рода. Насколько впослѣдствіи я могъ убѣдиться, то и другіе слои осуждали такое соглашеніе. Тѣмъ не менѣе, партія профессоровъ, повидимому, осталась довольна поѣздкой С. Онъ узналъ отъ иностранныхъ военныхъ агентовъ въ Софіи, что болгары прекрасно приготовлены къ войнѣ, и заключилъ изъ этого, что оффиціальная Болгарія, отклоняя союзъ съ Сербіей, въ то же время расположена объявить войну Турціи.

„Конечно,—говорили они,—приготовленія Сербіи запоздали, но это еще можно поправить. Возможно, что Болгарія, не заботясь о помощи сербовъ, объявитъ войну этой зимой; тогда, не смотря на то, что мы не вполнѣ еще готовы, мы тоже примемъ участіе въ войнѣ. Въ противномъ случаѣ, подождемъ до весны; тогда уже будемъ готовы и, не обращая вниманія на Болгарію, сами объявимъ войну Турціи. Оффиціальная Болгарія должна будетъ послѣдовать нашему примѣру, такъ какъ она не можетъ позволить намъ однимъ проникнуть въ Македонію“.

Не менѣе воинственно настроены и военные, и въ особенности офицеры-убійцы. Они громко требуютъ войны и завоеванія Македоніи. Никакія соображенія не могутъ заставить ихъ слушать голоса разсудка. Одинъ изъ офицеровъ-убійцъ говорилъ дипломатическому представителю:

— При королѣ Александрѣ мы были робки и смотрѣли на войну, какъ на самое серьезное событіе. Со дня же 29 мая все измѣнилось. Видъ крови вернулъ намъ мужество. Мы испытали наслажденіе рѣзни, и она насъ больше не пугаетъ. Теперь мы чувствуемъ себя въ силахъ биться со всѣми и горимъ желаніемъ сражаться.

Дипломатъ замѣтилъ ему:

— Но вы не принимаете во вниманіе великихъ державъ и ихъ желанія сохранить миръ.

— Великія державы?—отвѣтилъ убійца.—Мы смѣемся надъ ними. Онѣ требовали нашего наказанія, но мы имъ показали кулакъ, и онѣ замолчали. Мы знаемъ, какъ съ ними надо говорить. Онѣ могутъ пугать только трусовъ. Державы не могутъ придти къ соглашенію по поводу дѣятельной программы, потому что онѣ завидуютъ другъ другу. Разъ мы овладѣемъ

Македоніей, мы будемъ пользоваться плодами нашей побѣды, какъ нынѣ пользуется Турція. Ни одна держава не позволитъ другой прогнать насъ изъ боязни, чтобы та не заняла наше мѣсто. Поэтому, мы будемъ дѣлать, что хотимъ, нисколько не заботясь объ Европѣ. Теперь у насъ король Карагеоргіевичъ, который всегда былъ революціонеромъ и воинственнымъ по отношенію къ Турціи. Извѣстно, что въ Цюрихѣ онъ принадлежалъ къ ассоціаціи соціалистовъ и даже проповѣдывалъ противъ троновъ. Въ 1870 году онъ дрался противъ пруссаковъ, а въ 1875 году, въ качествѣ инсургента, съ турками въ Босніи. Мы возстановимъ древнюю эпоху Кара-Георгія.

— Все это возможно,—тонко замѣтилъ дипломатъ,—только вы забываете, что въ жизни Кара-Георгія были двѣ эпохи: 1804 годъ—годъ возстанія и борьбы съ Турціей и 1813 годъ—годъ бѣгства Кара-Георгія и торжественнаго возвращенія турокъ въ Бѣлградъ. Если вы желаете видѣть, какъ турецкій паша будетъ распоряжаться въ Калимегданѣ, то проектируемыя вами средства, очень возможно, окажутся для этого наилучшими.

Убійца сдѣлалъ гримасу, — и разговоръ на этомъ кончился.

Воинственная лихорадка—слѣдствіе преступленія и пролитой крови въ ночь 29 мая—не ограничилась двумя группами, политической и военной, которыя господствуютъ въ настоящее время въ Сербіи. Она коснулась также и правящихъ сферъ. Министры кабинета Авакумовича говорятъ такъ же, какъ профессора высшей школы и офицеры-убійцы. Еслибы не присутствіе Новаковича, посла въ Петербургѣ, и не его энергичныя слова, вліявшія на умы, то, можетъ быть, еще нынѣшнимъ же лѣтомъ былъ бы сдѣланъ ложный шагъ. Въ Бѣлградѣ мнѣ былъ разсказанъ характерный случай, иллюстрирующій положеніе дѣлъ.

Всѣмъ извѣстенъ захватъ сербской таможней на сербской территоріи оружія и боевыхъ снарядовъ, принадлежащихъ болгарскимъ комитаджи. Радевъ, редакторъ „Вечерней Почты" въ Софіи и агентъ Бориса Сарафова, отправился въ Бѣлградъ, чтобы добиться снятія запрещенія съ оружія. Онъ явился къ Новаковичу, политическій авторитетъ котораго признается всѣми въ Сербіи, съ цѣлью заручиться его поддержкою. Новаковичъ очень горячо принялъ его.

— Позорно и отвратительно то, что вы дѣлаете въ Македоніи! Кто далъ вамъ право вести на бойню македонскій народъ? Я не кричу о своихъ симпатіяхъ къ македонцамъ и

люблю ихъ не изъ политическихъ комбинацій, а въ силу кровнаго родства, связывающаго насъ; но у меня сердце разрывается на части, когда я вижу, черезъ какія страданія они проходятъ. Неужели у васъ такое каменное сердце, что вы не чувствуете ни жалости, ни состраданія къ несчастнымъ, на которыхъ должны бы смотрѣть, какъ на братьевъ? Прежде, худо ли, хорошо ли, но все-таки они жили, со времени же вашего возстанія жизнь для нихъ сдѣлалась положительно невозможною. Еще еслибы ваша дѣятельность имѣла практическую цѣль, а то я положительно не понимаю, чего вы хотите!

— Мы хотимъ режима свободы въ духѣ XX вѣка, мы піонеры цивилизаціи въ Македоніи. Мы не ждемъ ничего отъ европейскихъ правительствъ, такъ какъ онѣ состоятъ не изъ людей свободы. Мы должны дѣйствовать революціонными средствами. Цѣль моего посѣщенія—просить вашей высокой поддержки нашего ходатайства передъ сербскимъ правительствомъ, о выдачѣ намъ захваченнаго оружія, такъ какъ вы должны быть такимъ же другомъ македонцевъ, какъ и мы.

— Ни за что на свѣтѣ!—вскричалъ Новаковичъ.—То, что вы дѣлаете въ Македоніи, просто преступно. Изъ любви къ Македоніи, я отказываю вамъ въ своемъ содѣйствіи. Теперь, когда великія державы рѣшили сдѣлать что-нибудь для Македоніи, необходимо стараться пріобрѣсть ихъ довѣріе и поддержать ихъ желаніе работать въ пользу несчастныхъ, а не раздражать ихъ, такъ какъ онѣ однѣ могутъ добиться результатовъ, полезныхъ для Македоніи.

Другъ Новаковича, передававшій мнѣ эту сцену, прибавилъ, что посолъ былъ страшно удивленъ взглядами Радева на образъ правленія, указывавшими на полное отрицаніе всякаго понятія о порядкѣ, власти и законности. Тѣмъ не менѣе, члены министерства были крайне недовольны суровымъ пріемомъ, какой Новаковичъ сдѣлалъ Радеву, изъ боязни, что это можетъ повредить братанію Сербіи съ болгарскими комитаджи. Тайная цѣль этого братанія не имѣетъ прямого отношенія къ македонскимъ дѣламъ. Надѣются при помощи такого революціоннаго элемента, какъ комитаджи, вызвать революцію въ Болгаріи и возвести на болгарскій тронъ Карагеоргіевича. Многіе друзья короля Петра Карагеоргіевича самодовольно говорили мнѣ объ этомъ планѣ и называли многихъ лицъ въ Болгаріи, заявившихъ себя сторонниками такого плана.

Чтобы дать понятіе о той анархіи, какая царила во взглядахъ кабинета Авакумовича въ отношеніи македонскихъ дѣлъ,

я передамъ слѣдующій фактъ. Когда въ концѣ лѣта Турція сняла часть своихъ гарнизоновъ въ Старой Сербіи, чтобы воспользоваться ими противъ инсуррекціоннаго движенія въ Монастырскомъ вилайетѣ, въ Бѣлградѣ задумали мобилизовать двѣ дивизіи съ цѣлью двинуть ихъ въ Старую Сербію. Нѣкоторымъ державамъ были даны объясненія по этому поводу. Сербское правительство, желая заручиться ихъ благосклонностью въ случаѣ, если сербскія войска перейдутъ границу, объявило, что эта мѣра не имѣетъ воинственнаго характера и принимается единственно съ цѣлью оградить сербское населеніе Старой Сербіи отъ албанскихъ жестокостей, которыя неизбѣжно начнутся послѣ того, какъ турецкіе гарнизоны будутъ переведены въ Монастырь. Сербскія войска перейдутъ границу только въ томъ случаѣ, если албанцы начнутъ производить безпорядки. Весьма возможно, что сербскіе министры были настолько наивны, что считали такую мѣру безусловно корректной и что Сербія не нарушитъ своихъ международныхъ обязательствъ, если ея войска перейдутъ границу и будутъ нести полицейскую службу у своей сосѣдки, безъ согласія послѣдней. Я допускаю такую возможность, такъ какъ много дѣтскаго въ томъ, что говорятъ и во что вѣрятъ въ Бѣлградѣ. Возможно и то, что такія объясненія были придуманы съ цѣлью овладѣть Старой Сербіей, пользуясь ослабленіемъ турецкихъ гарнизоновъ. Турція же, узнавъ о намѣреніяхъ Сербіи, сосредоточила значительныя военныя силы въ Коссовскомъ вилайетѣ. Можно было предполагать, что въ Бѣлградѣ съ радостью встрѣтятъ эту мѣру, такъ какъ присутствіе многочисленнаго войска должно было успокоить относительно участи сербовъ въ Старой Сербіи, тѣмъ болѣе, что это избавляло Сербію отъ необходимости держать на военномъ положеніи двѣ дивизіи, чего она не могла бы долго выдержать. Но, напротивъ, это вызвало сильный гнѣвъ въ Бѣлградѣ и сербское правительство заявило протестъ противъ такого скопленія турецкихъ войскъ. Мнѣ передавали, что турецкій министръ въ Бѣлградѣ Фети-паша съ улыбкой сказалъ по этому поводу одному изъ своихъ друзей:

— Когда мы уменьшаемъ наши войска,—они недовольны; когда увеличиваемъ,—еще того менѣе. Надо же, наконецъ, чтобы они рѣшили, чего хотятъ, иначе съ ними невозможно вести никакихъ переговоровъ.

Калевичъ, въ бесѣдѣ со мной, отвергалъ исторію мобилизаціи двухъ дивизій, но я имѣю такія точныя свѣдѣнія объ

этомъ, что не могъ принять его опроверженій. Все, что я разсказалъ, безусловная правда.

Кромѣ мобилизаціи двухъ дивизій, Сербія выказала свое воинственное настроеніе огранизаціей двухъ сербскихъ вооруженныхъ четъ въ Македоніи. Партія войны видѣла въ этомъ доказательство солидарности съ болгарскими македонскими комитетами. Одинъ изъ сербскихъ консуловъ уже давно требовалъ въ своихъ донесеніяхъ подобной мѣры, но всегда встрѣчалъ неизбѣжный отказъ у правительства короля Александра. Положеніе измѣнилось послѣ 29 мая. Партія военныхъ видѣла въ борьбѣ четъ начало войны съ Турціей. Убійцы 29 мая выражали желаніе стать во главѣ бандъ въ Македоніи. Если бы они сдѣлали это, они оказали бы большое благо Сербіи, избавивъ ее отъ своего присутствія, и улучшили бы международное положеніе своего отечества. Можетъ быть, правы тѣ, которые утверждаютъ, то убійцы 29 мая подняли вопросъ о четахъ и войнѣ съ Турціей, чтобы остановить мстительную руку нишскихъ офицеровъ и ихъ друзей. И дѣйствительно, многіе изъ послѣднихъ говорили мнѣ, что если они не покончили съ убійцами, то только потому, что имъ говорили, что Сербія наканунѣ войны. Правда, другіе офицеры той же группы категорически объявили мнѣ, что, въ случаѣ войны, они прежде всего начнутъ съ очищенія арміи отъ убійцъ, чтобы положить конецъ расколу между высшими командирами и корпусомъ офицеровъ, который могъ бы привести къ гибельнымъ для страны послѣдствіямъ.

Какъ бы то ни было, существованіе сербскихъ четъ было признано въ Бѣлградѣ. Офицеры-убійцы и ихъ друзья открыто признавались, что это они организовали четы. Нѣкоторые изъ нихъ даже разсказывали, что сербскіе четники имѣютъ особый отличительный знакъ—шапку съ крестомъ, тогда какъ болгарскіе комитаджи носятъ шапку съ болгарскимъ гербомъ. Само правительство признало существованіе бандъ (позже оно отрицало это). Произошли двѣ стычки на границѣ.

Одна стычка произошла на границѣ Новипацарскаго санджака, а другая на дорогѣ Вранья-Прешево. Сербы были отброшены въ сторону Враньи съ потерею трехъ человѣкъ.

Все это заставило турецкаго министра въ Бѣлградѣ, Фетипашу, рѣшиться на серьезный шагъ, чтобы выяснить сербскую политику. Онъ не сталъ обращаться къ правительству, которое по своему революціонному и временному характеру не представляло достаточно гарантій въ прочности заявленій и обязательствъ, какія оно приняло бы на себя, а отправился

прямо къ королю. Выяснивъ всѣ благодѣтельные результаты для Сербіи и сербскаго населенія въ Турціи, къ какимъ привело корректное отношеніе короля Александра къ оттоманской имперіи, онъ прямо поставилъ королю вопросъ: будетъ ли онъ продолжать эту политику, которую компрометируютъ агитація и организація сербскихъ революціонныхъ четъ? Новый король заявилъ, что онъ намѣренъ продолжать политику добрыхъ отношеній съ Турціей короля Александра. Затѣмъ, перейдя къ вопросу о четахъ, прибавилъ:

— Существованіе четъ не играетъ большой роли. Четниковъ не тысячи, какъ вы думаете, а всего нѣсколько сотенъ.

Фети-паша былъ удивленъ такимъ отсутствіемъ понятія о международномъ правѣ у государя; однако, для окончательнаго выясненія вопроса, онъ замѣтилъ:

— Вопросъ идетъ не о числѣ. Намъ не страшны и тысячи четниковъ. Мы готовы принять ихъ, какъ слѣдуетъ. Дѣло въ принципѣ, въ томъ фактѣ, что вы допускаете организацію четъ на сербской территоріи.

— Увѣряю васъ,—снова сказалъ король послѣ непродолжительнаго молчанія,—что этотъ вопросъ не имѣетъ никакой важности.

Въ Нишѣ я узналъ потомъ, что сербской бандѣ въ Кичево удалось ускользнуть отъ турокъ.

Вечеромъ я былъ принятъ Калевичемъ, министромъ иностранныхъ дѣлъ. Это человѣкъ невысокаго роста, уже съ сѣдиной, съ умнымъ и энергичнымъ лицомъ, съ маленькими, живыми глазами и круглой, коротко остриженной бородой. Онъ принялъ меня любезно, и мы заговорили о македонскихъ дѣлахъ. Калевичъ обладаетъ открытымъ, критическимъ умомъ; онъ произвелъ на меня впечатлѣніе человѣка, безсильнаго дать перевѣсъ голосу благоразумія въ дѣлахъ правительства и тяжело переносящаго безумства, которыя онъ осуждаетъ и отвѣтственность за которыя возлагаютъ на него. Онъ вступилъ въ кабинетъ Авакумовича изъ дружбы къ Петру Карагеоргіевичу, съ которымъ былъ товарищемъ въ юности, и съ нетерпѣніемъ ждалъ минуты, когда ему можно будетъ оставить портфель министра иностранныхъ дѣлъ. На многократные вопросы, касавшіеся македонскихъ дѣлъ и офицеровъ-убійцъ, онъ отвѣчалъ мнѣ:

— Настоящее правительство носитъ временный характеръ и не желаетъ связывать руки своимъ преемникамъ ни въ томъ, ни въ другомъ дѣлѣ.

Понятно, въ качествѣ сербскаго министра, онъ долженъ

былъ защищать или, по крайней мѣрѣ, извинять новый режимъ, хотя дѣло было такъ плохо, что это не удавалось ему, не смотря на его талантъ. Прежде всего, онъ началъ съ утвержденія, что новое правительство продолжаетъ македонскую политику короля Александра, и что оно не организуетъ никакихъ четъ въ Македоніи.

— Говорятъ, что у насъ есть четы,—прибавилъ онъ,—но гдѣ онѣ? Пусть намъ укажутъ!

— А въ Кичевѣ, ваше превосходительство!

Съ минуту онъ смотрѣлъ на меня, но, видя, что я говорю съ твердою увѣренностью, сказалъ:

— Да, въ Кичевѣ дѣйствительно есть люди, но долженъ вамъ сказать, что всѣ они македонцы. Работавшіе здѣсь македонцы показывали намъ письма, въ которыхъ говорилось объ ихъ опасномъ положеніи, и просили помощи. Они заявили, что должны вернуться на родину защищать свои семьи. Мы не могли помѣшать имъ въ этомъ. Во всякомъ случаѣ, они турецкіе подданные и имѣли право вернуться въ Турцію. Кромѣ того, я долженъ замѣтить вамъ, что всѣ эти люди перешли границу еще въ апрѣлѣ, при кабинетѣ Цинцара Марковича; при насъ же только небольшое число—какихъ-нибудь десятка три.

Относительно этого факта я навелъ точныя справки у Денича, бывшаго министра иностранныхъ дѣлъ въ кабинетѣ Цинцара Марковича, который сказалъ мнѣ:

— Я лично очень хорошъ съ Калевичемъ, но не могу принять на себя отвѣтственность за то, чего не было. Калевичъ просто былъ обманутъ. Ни одинъ вооруженный человѣкъ не перешелъ границы при кабинетѣ Цинцара Марковича. Даже больше, мы строго слѣдили и преслѣдовали всякаго, который казался намъ подозрительнымъ и готовящимся вторгнуться на турецкую территорію. Король Александръ далъ слово графу Ламздорфу, что будетъ держать себя спокойно и корректно, и мы всѣ уважали и старались заставить уважать слово, данное нашимъ государемъ. Одно время въ Крагуевацѣ было нѣсколько болгаръ, которые казались намъ подозрительными. Мы ихъ тотчасъ же разогнали. Болгарія заступилась за нихъ, но мы отвѣтили, что твердо рѣшились не давать ни малѣйшаго повода державамъ сомнѣваться въ нашей искренности.

Но возвращаюсь къ моему разговору съ Калевичемъ.

— А въ Враньѣ, ваше превосходительство? У васъ тамъ сто вооруженныхъ человѣкъ.

— Это правда, но мы ихъ не пускаемъ въ Македонію.

— Не практичнѣй ли обезоружить ихъ? Этимъ вы дали бы серіозную гарантію державамъ.

— Мы не можемъ этого сдѣлать, потому что на нашей границѣ бродитъ много башибузуковъ. Люди эти будутъ намъ полезны, такъ какъ мы разсѣемъ ихъ вдоль границы противъ башибузуковъ.

— Мнѣ кажется, что было бы цѣлесообразнѣй поручить эту роль солдатамъ. Никто въ Европѣ ничего не сказалъ бы противъ подобной охраны вашей территоріальной цѣлости.

— Солдаты недостаточно пріучены къ службѣ подобнаго рода. Люди, собравшіеся въ Вранье, лучше выполнятъ это. Если же башибузуки удалятся внутрь страны, то, увѣряю васъ, мы не только обезоружимъ нашихъ четниковъ, но обяжемъ ихъ вернуться въ Бѣлградъ.

Король Петръ вообще желаетъ войны. Одинъ дипломатъ въ Бѣлградѣ говорилъ мнѣ, что со времени своего прибытія онъ потерялъ 40% своей популярности. Традиціонной политикѣ Обреновичей онъ считаетъ нужнымъ противопоставить политику Карагеоргіевичей, а такъ какъ во внутренней политикѣ онъ осужденъ на полное безсиліе, то пытается ослѣпить сербовъ успѣхами на внѣшней почвѣ.

Офицеры-убійцы и ихъ друзья желаютъ войны, чтобы упрочить свою безопасность. Крайніе радикалы и македонская партія профессоровъ придаетъ борьбѣ съ Турціей революціонный характеръ, подобно французскимъ соціалистамъ. Вотъ почему они желаютъ войны, ожидая отъ нея территоріальнаго приращенія для Сербіи. Карагеоргіевичевцы и офицеры-убійцы съ одинаковой страстностью желаютъ войны, хотя они, какъ я сказалъ знаютъ, что весьма тяжело достигнуть соглашенія между ними и официальной Болгаріей очень трудно, такъ какъ Болгарія не хочетъ и слышать о раздѣлѣ Македоніи, но требуетъ для нея автономіи.

Полагали, что болгары объявятъ войну передъ наступленіемъ зимы. Даже оффиціальныя болгарскія лица высказывали убѣжденіе, что анатолійскія войска, изъ которыхъ состоитъ бо̀льшая часть турецкой арміи въ Македоніи, не въ состояніи будутъ перенесть зимнюю балканскую стужу. Когда въ началѣ года турки сосредоточили эти войска въ Старой Сербіи, одинъ болгарскій дипломатъ сказалъ: „Это не важно. Вѣдь, это анатолійцы изъ Азіи. Зимой они всѣ перемрутъ отъ холода". Такія заявленія я слышалъ отъ различныхъ членовъ дипломатическаго корпуса. Когда же Болгарія, по окончаніи маневровъ, удержала армію въ составѣ 80,000—100,000 (первая цифра—изъ дипломатическаго источника, вторая—изъ сербскаго), то всѣ вѣрили въ возможность и даже вѣроятность

войны. Замѣчу, однако, что вопросъ о слабости анатолійскихъ войскъ по отношенію къ холоду—вопросъ спорный. Въ Македоніи славяне увѣряли меня, что во время кампаніи въ Старой Сербіи много анатолійцевъ погибло отъ холода. То же утверждалъ и драгоманъ одного западнаго консульства. Шакиръ же паша, командовавшій войсками въ эту кампанію, положительно отрицалъ подобный фактъ и съ улыбкой замѣтилъ: „Батальоны, о которыхъ идетъ рѣчь, стоятъ въ окрестностяхъ Коніи, а тамъ еще холоднѣй, чѣмъ на Балканахъ". Иностранные военные агенты тоже выражали мнѣ сомнѣніе въ вѣрности взглядовъ болгаръ на анатолійцевъ и напомнили, что именно анатолійцы лучше всѣхъ дрались зимой 1877 года.

Какъ бы то ни было, но Болгарія не объявила войны. По моемъ возвращеніи изъ Македоніи, офицеры-убійцы и ихъ друзья были страшно раздражены. Одинъ изъ нихъ, встрѣтивъ меня на улицахъ Бѣлграда, облегчилъ свою душу слѣдующимъ монологомъ:

— Вотъ и поймите болгаръ! Уже два мѣсяца они держатъ подъ ружьемъ 100.000 человѣкъ. Нѣсколько дней тому назадъ, у насъ тоже было 90,000 подъ знаменами. Это былъ прекрасный, единственный случай броситься вмѣстѣ на турокъ. Они не захотѣли, и мы изъ финансовыхъ соображеній распустили людей, приказавъ имъ однако быть готовыми во всякое время вернуться подъ знамена. Мы дѣлали болгарамъ самыя выгодныя предложенія, но они не приняли ихъ. Мы отдавали имъ чисто сербскія провинціи, довольствуясь только правымъ берегомъ Вардара! Они отказались!

— Теперь,—замѣтилъ я,—я понимаю, въ чемъ дѣло! При такомъ дѣлежѣ вы пріобрѣли бы весь Монастырскій вилайетъ, который болгары считаютъ своимъ. Могу васъ увѣрить, что на это они никогда не согласятся.

— А! Они не согласятся?—пылко вскричалъ мой собесѣдникъ.—Въ такомъ случаѣ, мы заставимъ ихъ. Мы сначала поколотимъ ихъ, какъ слѣдуетъ, а потомъ вмѣстѣ двинемся на Турцію.

Понятно, не всѣ сербы увлечены этимъ движеніемъ. Вожаки умѣренныхъ радикаловъ, которые были министрами и вели македонскую политику при королѣ Александрѣ, стоятъ за прежнюю политику, но ихъ голосъ уже не имѣетъ прежняго значенія въ эту эпоху безумствъ, охватившихъ Сербію. Пашичъ, принимая этимъ лѣтомъ Радева, нисколько не скрывалъ, что ему несимпатична программа послѣдняго.

— Намъ нечего дѣлать на Балканахъ,—говорилъ этотъ го-

сударственный человѣкъ Сербіи,—безъ поддержки и согласія Россіи. Когда Россія не желаетъ какой-нибудь комбинаціи, то надо оставить ее, какой бы выгодной она ни казалась, такъ какъ всѣ усилія будутъ напрасны. Россія, по причинамъ, насъ не касающимся, не желаетъ ни войны, ни революціи. Намъ тоже не слѣдуетъ желать этого. Иначе, мы погибнемъ. Чего думаете вы добиться своей агитаціей? Вы добьетесь только массоваго избіенія христіанъ въ Македоніи.

— Мы этого и желаемъ, — возразилъ Радевъ.—Этимъ мы возбудимъ жалость западныхъ народовъ и добьемся вмѣшательства Европы.

— Вы ничего не добьетесь,—печально отвѣтилъ Пашичъ.—Западные народы не будутъ тронуты рѣзней, разъ они будутъ знать, что она вызвана съ цѣлью втянуть ихъ въ войну. Западная Европа не привыкла драться за другихъ.

Образованіе кабинета Саввы Груича не измѣнило положенія. Половина кабинета принадлежитъ къ крайней партіи войны. Андра Николичъ, новый министръ иностранныхъ дѣлъ,—сторонникъ традиціонной мирной политики въ Македоніи, но онъ не въ силахъ будетъ побороть своихъ коллегъ. Принявъ министерскій портфель, онъ заявилъ представителямъ державъ въ Бѣлградѣ, что онъ будетъ стоять за миръ и за разрѣшеніе законнымъ путемъ македонскаго вопроса, что онъ согласенъ съ русской программой и что онъ дастъ сербскимъ представителямъ въ Турціи категорическія инструкціи поддержать русскія предложенія. Незадолго до своего назначенія на постъ министра, онъ категорически высказывался мнѣ противъ войны.

— Намъ незачѣмъ стараться, чтобы низамъ и албанцы пришли къ намъ и перерѣзали насъ въ нашихъ собственныхъ домахъ.

Но глава балканской секціи въ министерствѣ извѣстенъ, какъ ярый сторонникъ войны. Президентъ же совѣта министровъ, Савва Груичъ, который одинъ могъ бы поддержать миръ, находится, какъ и военный министръ Андреевичъ, въ затрудненіи въ своихъ отношеніяхъ къ лицамъ, совершившимъ переворотъ 29 мая, и свобода дѣйствій ихъ ослаблена.

Но что вопросъ о войнѣ не простое времяпрепровожденіе для людей, терроризующихъ въ настоящее время сербское правительство, видно изъ того факта, что депутатовъ предупредили, что къ нимъ будетъ скоро предъявлено требованіе кредита въ 50 милліоновъ на военныя нужды.

И. В. Повольный.

ИЗЪ МАКЕДОНСКИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ

русскаго добровольца.

Софійскій соборъ и вся площадь передъ нимъ, 14 сентября, были переполнены народомъ, когда мы прибыли къ его паперти. Въ соборѣ служилъ обѣдню софійскій митрополитъ Серафимъ.

Весь городъ еще съ вечера былъ убранъ черными флагами, какая-то мрачная тишина царила въ воздухѣ. Кое-гдѣ виднѣлись группы людей, толпящихся вокругъ черныхъ знаменъ. Я прошелъ въ церковь; она была полна. Чѣмъ-то роднымъ, близкимъ пахнуло на меня и мнѣ показалось, что вдругъ я снова, какъ на волшебныхъ крыльяхъ, перенесся въ Россію и слушаю въ нашемъ храмѣ воскресную обѣдню.

Служба приближалась къ концу, но публика все прибывала и прибывала. Какой-то господинъ съ котелкомъ въ рукѣ протискивался впередъ.

— Это нашъ министръ юстиціи Никола Генадіевъ,—шепнулъ мнѣ мой спутникъ.

— А князь здѣсь?—спросилъ я.

— О, нѣтъ, князь нарочно отправился въ другую церковь, чтобы не присутствовать на манифестаціи. Вѣдь онъ поставленъ дипломатіей въ такое подначальное положеніе, что не имѣетъ возможности выразить сочувствіе македонскому движенію.

— Позвольте, — замѣтилъ я,—онъ все-таки сочувствуетъ этому движенію. Имъ же былъ созданъ Борисъ Сарафовъ и даже князь во время Иванчева и Радославова жертвовалъ деньги на македонское движеніе.

— Но при Иванчевѣ и Рачо Петровѣ, тогда министрѣ президентѣ [1]), начались гоненія на македонскихъ поборни-

---

[1]) Рачо Петровъ послѣ Данева опять министръ-президентъ и понынѣ.

ковъ,—прервалъ меня мой спутникъ, — употреблялись мѣры самыя репрессивныя, начались аресты и насилія. Пало министерство и на арену выступилъ кабинетъ Каравелова и Данева и затѣмъ руссофильская партія восторжествовала.

Македонцы ожидали облегченія своей участи, но глубоко ошиблись. Даневъ пересолилъ въ своихъ безумныхъ упованіяхъ на Россію и крутыхъ мѣрахъ, принятыхъ имъ противъ стамбуловцевъ. Началось то же, что было и до сего времени, насилія, аресты и казни сдѣлались излюбленнымъ средствомъ правительства. Ну, конечно, министерство и не удержалось и уступило мѣсто нынѣшнему стамбуловскому правительству, сумѣвшему раздробить на двѣ организаціи македонскій комитетъ, т. е. посѣять въ это дѣло расколъ, ослабивъ тѣмъ и самое движеніе.

— Къ счастью,—продолжалъ мой собесѣдникъ,—въ настоящій моментъ обѣ организаціи какъ будто примирились и дѣйствуютъ рука объ руку, такъ какъ вѣра въ князя, какъ у представителей внутренней, такъ и внѣшней организаціи, совершенно пала; они убѣдились, что князь не преслѣдуетъ освобожденія Македоніи, а является чьимъ-то послушнымъ агентомъ. Но вотъ чьимъ,—въ этомъ-то и есть главная загвоздка. Очевидно, во всемъ является дѣятелемъ одна Германія, но какъ она ловко скрыта!...

Въ это время въ соборъ стали вносить портреты убитыхъ въ Македоніи воеводъ. Портреты были въ черныхъ рамкахъ и обвиты бѣлыми цвѣтами; на огромныхъ черныхъ и бѣлыхъ лентахъ красовались имена погибшихъ героевъ.

Полная тишина царила въ храмѣ, слезы навертывались на глаза при взглядѣ на эти открытыя, красивыя и мужественныя лица, глядѣвшія изъ-подъ стекла своими орлиными взорами.

Вотъ и беззавѣтный герой—мичманъ Саевъ, начальникъ отряда, дѣйствовавшаго по правому берегу Струмы, геройски павшій въ мартѣ мѣсяцѣ въ бою при Чивкитэ.

— Какая трагическая кончина этого героя!—шепчетъ мнѣ мой спутникъ.—Раненный въ животъ пулей, онъ былъ вынесенъ изъ-подъ огня и положенъ подъ скалой.

Бой продолжался, а тутъ разыгрывалась раздирающая душу сцена. Саевъ просилъ несшаго его подручника Настева достреѣлить его изъ револьвера, такъ какъ боялся достаться живымъ въ турецкія руки.

Внутреннее кровоизліяніе усиливалось, животъ все раздувало и раздувало,—смерть была уже неизбѣжна. Въ это время

турки подъ ударами повстанческихъ бомбъ бѣжали, оставивъ четѣ свой лагерь и имущество.

Саевъ угасалъ. Слабымъ голосомъ завѣщалъ онъ собравшейся четѣ продолжать начатое дѣло и благодарилъ товарищей за мужество и стойкость. Со словами „да живетъ Македонія“ этотъ герой отошелъ въ другой міръ.

Съ военными почестями похоронили начальника четы. Одинъ изъ повстанцевъ свилъ изъ нитки фитиль, облилъ его кусочкомъ нашедшагося воска, и затеплилась эта самодѣльная свѣчка въ головахъ уснувшаго въ Пиринской планинѣ героя.

Турки, между тѣмъ, получивъ подкрѣпленіе, возобновили атаку; нужно было уходить. Зарыли товарищи Саева, ознаменовали его погребеніе тремя залпами и начали занимать позицію.

А вотъ портретъ поручика Софронія Стоянова, милаго и добраго человѣка, а вотъ поручикъ Сугаревъ,—какой красавецъ!—это офицеры рущукскаго гарнизона.

Но посмотрите на этотъ портретъ.

Я взглянулъ. Почти дитя въ артиллерійской формѣ было передо мною. Это подпоручикъ Милевъ, юноша 19 лѣтъ, только что кончившій въ этомъ году военное училище первымъ.

Я началъ вглядываться въ лицо этого юноши. Красавецъ блондинъ съ большими добродушными глазами смотрѣлъ на меня изъ рамки; взоръ его выражалъ рѣшимость, отвагу и мужество.

Безъ волненія невозможно было глядѣть на эти изображенія погибшихъ героевъ.

— При ужасныхъ обстоятельствахъ погибли эти два офицера,—продолжалъ мой спутникъ. — Чета капитана Протогерова, гонимая болгарскими войсками, спѣшно перешла турецкую границу и, преданная турецкимъ шпіономъ, попала въ засаду у Габрова. Нѣсколько тысячъ турокъ 3 августа 1903 г. атаковали чету, которой не было никакого выхода, какъ принять бой.

Цѣлый день длилось сраженіе и чета уже потеряла трехъ офицеровъ: Софронія Стоянова, Сугарева и Милева. Одна треть четниковъ уже была перебита. Начальникъ четы, капитанъ Протогеровъ, раненный въ три мѣста, лежалъ на камняхъ и ободрялъ чету.

Наконецъ, турки начали осиливать и раненымъ угрожала безусловная гибель, и вотъ, поручикъ Балтовъ [1]) вваливаетъ

---

[1]) Балтовъ былъ со мною въ отрядѣ подполковника Николова.

Б. Тагѣевъ.

на плечи раненаго товарища и уноситъ его съ мѣста сраженія.

Тутъ опять разыгрывается трагедія. Страдая отъ боли и опасаясь достаться живымъ непріятелю, Протогеровъ умоляетъ Балтова дострѣлить его, но тотъ, не въ силахъ исполнить просьбу друга, подаетъ ему револьверъ...

Однако, судьба пощадила героя,—турки оставили преслѣдованіе четниковъ и Балтову удалось переправить раненаго Протогерова черезъ границу.

Трупы же Софронія Стоянова, Сугарева и Милева подверглись поруганію варваровъ, и гдѣ ихъ останки,—одному Богу извѣстно.

— Надо вамъ замѣтить,—продолжалъ разсказчикъ, — что капитанъ Протогеровъ уже отличенный герой,—онъ во время сливницкаго боя былъ юнкеромъ и имѣетъ знакъ отличія военнаго ордена. Теперь онъ оправился отъ ранъ и сегодня будетъ принимать участіе въ траурной манифестаціи и говорить слово возлѣ памятника извѣстнаго болгарскаго патріота Левскаго. Вы его увидите.

Началась панихида. Въ церкви слышались сдержанныя рыданія женщинъ. Тяжело было на душѣ у меня и я вышелъ изъ церкви. Цѣлыми шпалерами были разставлены сотни траурныхъ знаменъ, отъ собора вдоль улицы, и между ними возвышались хоругви съ картинами, изображающими неистовства турокъ, сожженную Мехомію, пылающую Охриду.

Но вотъ изъ собора стали выносить портреты убитыхъ героевъ,—всѣ сняли шапки. Портретовъ набралось уже нѣсколько десятковъ,—значитъ, какой большой процентъ убитыхъ воеводъ!

На паперти они выстроились въ рядъ и вотъ безъ шляпъ передъ ними появился довольно тучный господинъ съ черной бородой и съ очками на носу.

— Это профессоръ Стоянъ Михайловскій, предсѣдатель македонско-одринскаго комитета, знаменитый ораторъ и писатель.

Шепотъ одобренія пронесся по толпѣ и все умолкло. Михайловскій началъ свою рѣчь; его каждое слово долетало въ самые отдаленные пункты площади, а потому я могъ понимать вдохновенную рѣчь оратора.

Онъ говорилъ о необходимости войны, онъ возмущался дѣйствіемъ правительства по отношенію къ Македоніи, призывая народъ дѣйствовать самостоятельно. „Мы не готовы“,—говоритъ намъ наше правительство. Какой вздоръ! Но что бы мы

дѣлали, когда бы турки ворвались въ предѣлы Болгаріи,—стали бы мы разсуждать о готовности? Македонія пылаетъ въ огнѣ и тонетъ въ крови,—гибнутъ тысячи болгаръ подъ турецкими ятаганами, цвѣтъ нашего воинства нашелъ себѣ могилу въ холодномъ Перинѣ. Не страдаетъ ли Болгарія, не время ли спѣшить на помощь нашимъ братьямъ, не долгъ ли это нашъ, тѣмъ болѣе, что правительство въ 1895 г., организуя четы, само подало надежду македонцамъ на энергичную поддержку. Оно, наше правительство, подняло возстаніе, оно вызвало рѣзню христіанъ и теперь вдругъ отвернулось отъ Македоніи подъ предлогомъ недостаточной подготовки къ войнѣ.

„Народъ болгарскій желаетъ войны, армія наша готова къ ней, моментъ наступилъ сразить нашего исконнаго врага,—ждать нечего...“

Народъ нѣсколько разъ прерывалъ оратора криками восторга. „Правда! вѣрно!“ раздавалось кругомъ.

Наконецъ, г. Михайловскій кончилъ и траурное шествіе съ оркестромъ во главѣ двинулось по улицамъ города.

Звуки похороннаго марша нарушили тишину, царившую въ Софіи.

Около княжескаго дворца шествіе остановилось и оркестръ проигралъ похоронный маршъ. Затѣмъ оно двинулось къ англійскому посольству, гдѣ сочувственно отнеслось къ г-ну Элліоту, сегодня лишь передавшему болгарскому правительству о сочувствіи англійскаго правительства македонцамъ.

Предполагаемая демонстрація представителямъ Германіи и Австріи не состоялась, благодаря взаимному соглашенію манифестантовъ и городской администраціи. Все шло своимъ порядкомъ.

Около памятника Левскаго, на ступеняхъ его, появился капитанъ Протогеровъ и сказалъ рѣчь народу о полной готовности Болгаріи къ войнѣ и необходимости ея для освобожденія Македоніи.

Вечеромъ депутація, состоящая изъ г.г. доктора Влодава, Протогерова и Караева, журналиста, отправилась къ министру-президенту Рачо Петрову, у котораго требовала разъясненія, какія теперь мѣры предприметъ правительство для разрѣшенія македонскаго вопроса.

Министръ-президентъ отвѣтилъ депутатамъ, что Европа сковываетъ Болгарію въ ея самостоятельныхъ дѣйствіяхъ, и къ тому же болгарская армія совершенно неготова къ войнѣ и что правительство будетъ придерживаться той же политики, которой слѣдовало и до сего времени.

Съ тѣмъ и ушли отъ главы болгарскаго правительства г.г. депутаты македонско-одринскаго комитета, съ полнымъ убѣжденіемъ, что отъ правительства поддержки ожидать безполезно.

Въ то время, когда траурная процессія подъ звуки похороннаго марша приближалась къ памятнику Левскаго, около дворца собирались войска для обычнаго воскреснаго развода.

Въ Софіи заведено разъ навсегда, что по воскресеньямъ князь обыкновенно выходитъ на балконъ, привѣтствуетъ караулы и пропускаетъ ихъ мимо себя церемоніальнымъ маршемъ.

Какой страшный диссонансъ,—тамъ еще раздаются раздирающіе душу звуки похоронной музыки, а здѣсь гремитъ веселый военный маршъ.

— А вотъ одинъ изъ вашихъ соотечественниковъ, — обращаетъ мое вниманіе идущій рядомъ со мною маіоръ, — онъ только что вернулся изъ Македоніи.

Гляжу, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня стоитъ блондинъ выше средняго роста съ чуть замѣтно пробивающимися усиками. Сѣрая фетровая шляпа и изящный пиджачный костюмъ— все это носитъ отпечатокъ нѣкотораго щегольства.

Насъ знакомятъ.

Оказывается, этотъ молодой человѣкъ—Сергѣй Владиміровичъ Туръ, воспитанникъ старшаго спеціальнаго класса Императорскаго училища правовѣдѣнія.

„Ого,—подумалъ я,—даже гг. правовѣды начинаютъ активную дѣятельность на пользу славянскаго дѣла, — пріятно видѣть!“

— Давно вы изъ Македоніи!—спрашиваю.

— Только вчера пріѣхалъ и, къ моему великому огорченію, принужденъ отправляться назадъ въ Россію. Впрочемъ, это еще не рѣшено, такъ какъ я отправилъ телеграмму, въ которой испрашиваю продленія себѣ отпуска.

— Ну, а въ Македоніи гдѣ были? Участвовали ли въ сраженіяхъ?

На лицѣ юноши выразилась ужасная досада.

— Эхъ, и не говорите! Я ужасно недоволенъ своей поѣздкой,—попалъ въ чету капитана Шипкова и къ моему огорченію неудачно; бродили мы по Разлогу, мучились страшно во время ночныхъ переходовъ, днемъ отдыхали или подъ открытымъ небомъ, или по деревнямъ, расквартировываясь по избамъ, а турокъ такъ и не видѣли. Хоть бы одно сраженіе,— съ горечью проговорилъ Туръ, и я уловилъ въ выраженіи его лица неподдѣльное огорченіе.

Вообще этотъ молодой человѣкъ здѣсь не корчилъ героя, держалъ себя скромно и пріобрѣлъ всеобщую симпатію. Его желаніе снова попасть въ Македонію было настолько сильно, что онъ чуть-чуть не отправился со мною и закупилъ уже все необходимое, даже шинель заказалъ, но телеграмма изъ Петербурга разрушила всѣ новые планы юноши, и онъ, вмѣсто Македоніи, провожаемый новыми друзьями, садился въ поѣздъ желѣзной дороги на Рущукъ.

Начались мои лихорадочныя приготовленія къ походу; заботъ немало, а въ особенности для человѣка, еще не знакомаго съ мѣстными обычаями и обстановкой.

На улицѣ Легѐ я, по указанію Тура, заказалъ себѣ у портного Ванева всю обмундировку, которая черезъ два дня уже должна была быть готова, такъ какъ выступленіе мое было назначено на вторникъ, а заказалъ я все необходимое въ четвергъ.

Ваневъ—это типъ довольно интересный. Онъ македонецъ изъ Охриды, состоитъ какъ бы „комитскимъ" портнымъ и тайно отъ правительства обшиваетъ повстанцевъ. Впрочемъ это не мѣшаетъ ему драть втридорога съ борцовъ за македонскую свободу. При этомъ работа его преотвратительная, все наскоро сметано, узко и какъ то косо скроено.

Я мучился всю дорогу отъ того корсета, въ который затянулъ меня г. Ваневъ, и г. Николовъ въ унисонъ мнѣ расточалъ также по адресу этого типа отборную ругань, когда во время снѣга и холода на Балканахъ мы не могли даже завернуться въ ваневскія шинели.

По возвращеніи въ Софію, конечно, я не замедлилъ обрушиться съ упреками на „комитскаго" портного, но ему, повидимому, это было безразлично, такъ какъ онъ, не выразивъ нимало смущенія, прервалъ меня:

— Ну, а какъ ваше здоровье, добре дошли? Ну, и слава Богу, а все это остальное пустяки, главное, что вернулись живыми и здоровыми,—я этому отъ души радъ. Надо выпить ракіи по такому радостному случаю.

Ну, что съ нимъ подѣлаешь,—сразу всю злобу отшибъ.

Обмундировка моя и вооруженіе состояли изъ слѣдующихъ предметовъ: папаха съ краснымъ верхомъ, на которомъ былъ нашитъ крестообразно золотой галунъ, а также на передней части повстанческій гербъ, изображающій болгарскаго льва, но съ прибавленіемъ къ задней лапѣ полумѣсяца со звѣздою, который онъ какъ бы топчетъ. Левъ окруженъ вѣнкомъ, въ верхней части котораго красуется надпись: „Свобода или

смерть", девизъ македонско-одринскаго комитета. Затѣмъ мундиръ цвѣта кафе-о-ле или хакки съ краснымъ воротникомъ и такого же цвѣта выпушками, двубортный съ болгарскими пуговицами. Шаровары одного колера съ мундиромъ, шинель офицерская съ чернымъ воротникомъ. На ноги надѣвались поверхъ шерстяныхъ носковъ особые войлочные чувяки, называемые чурапами, а на икры, какъ сапоги безъ носковъ, натягивались толстые войлочные „наушта", т. е. краги, поднимающіеся значительно выше колѣнъ. Цервули, или особые башмаки изъ сыромятной кожи, скорѣе сандаліи, служили обувью. Кромѣ того, полагалась желѣзная котка, т. е, кружокъ съ шипами, привязывавшійся подъ подошву во время похода по обледѣнѣвшимъ скатамъ. Эта человѣческая подкова являлась незамѣнимымъ орудіемъ противъ убійственнаго пути на покрытыхъ снѣгомъ Балканахъ. Полушубкомъ я, по совѣту нѣкоторыхъ офицеровъ, не обзавелся и только захватилъ съ собою фуфайки. Зато и пришлось же мнѣ померзнуть во время холодныхъ ночей безъ этого спасительнаго атрибута, пока, наконецъ, къ концу похода я не получилъ его изъ Рила. Далѣе уже шло снаряженіе, которое я получилъ позднѣе изъ тайнаго склада въ Рильскихъ горахъ. Оно состояло: изъ кавалерійскаго магазиннаго карабина Манлихера, патронташа съ 250 патроновъ, небольшого парусиноваго ранца, фляги для воды, бомбы съ бетхордовымъ шнуромъ и динамитнаго патрона; кромѣ того, на мнѣ была кожаная сумка съ корреспондентскими принадлежностями и великолѣпный револьверъ Лебеля, бинокль, компасъ, часы и ножъ, а также пузырекъ съ пилюлями ціанистаго кали, который я предпочелъ стрихнину. Вотъ все снаряженіе повстанческаго офицера, которое, вмѣстѣ съ хлѣбомъ на 3 дня, 1 смѣною бѣлья въ ранцѣ и разною мелочью, довольно увѣсисто.

Все это предстояло тащить на себѣ, такъ какъ обоза въ повстанческихъ четахъ не существуетъ.

Итакъ, время отправленія къ сборному пункту приближалось, и я, подготовившись, ожидалъ только распоряженій моего начальника отряда и, не теряя времени, бродилъ по Софіи и ея окрестностямъ, посѣщалъ деревни и вообще знакомился съ бытомъ болгаръ, ихъ характеромъ, взглядами, встрѣчаясь тѣмъ временемъ и съ главными дѣятелями македонской революціи, представителями какъ внутренней организаціи, такъ и верховнаго македонско-одринскаго комитета.

Въ гостинницѣ, гдѣ я стоялъ въ Софіи, я встрѣтилъ полковника П. изъ Шумлы. Онъ командуетъ тамъ артиллерійскимъ полкомъ. Полковникъ прибылъ въ Софію, чтобы представиться военному министру Савову и очень охотно отвѣчалъ на мои вопросы. Русскій воспитанникъ, человѣкъ безусловно глубоко-образованный и начитанный, онъ произвелъ на меня самое отрадное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что прекрасно, почти безъ безъ акцента, говорилъ по-русски.

Полковникъ П—скій знакомилъ меня съ Болгаріей, съ ея современнымъ политическимъ положеніемъ, разсказывалъ мнѣ о всѣхъ перемѣнахъ, которыя совершились въ Болгаріи за 25 лѣтъ послѣ ея освобожденія. Съ непритворнымъ почтеніемъ и любовью онъ произносилъ имя Александра II „Царь-Освободитель", и такъ любовно звучало оно въ устахъ болгарина, что мнѣ даже стало завидно и досадно, почему у насъ въ Россіи имя этого великаго государя не произносится именно въ этой формѣ. „Царь-Освободитель"! Сколько смысла, сколько высокаго значенія и для насъ, и для всѣхъ славянъ имѣютъ эти два слова!

Заговорили о пропасти, которая вдругъ легла между Россіей и славянскими народами Балканскаго полуострова, о томъ охлажденіи Россіи къ Болгаріи, которое стало проявляться за послѣдніе годы.

— Ну, какъ вы думаете, почему случилась такая перемѣна? — спросилъ меня полковникъ. — Мнѣ интересно вотъ ваше мнѣніе, свѣжаго человѣка, еще не бывавшаго въ Болгаріи.

— Конечно, главная причина—это Стамбуловъ, отвратившій вашъ народъ отъ всего русскаго и первый воздвигнувшій ту стѣну или, какъ вы замѣтили, открывшій пропасть между вами и Россіей,—сказалъ я.

— Какая ужасная ошибка, какой невѣрный взглядъ на Стамбулова. Прежде чѣмъ сказать вамъ по этому поводу что-либо, я оговорюсь слѣдующимъ: очень васъ прошу, не смѣшивайте, пожалуйста, во-первыхъ, Стамбулова и стамбуловцевъ; послѣдніе и являются отчасти виновниками разрыва Россіи съ Болгаріей, но никакъ ею не были ни Стамбуловъ, ни его сотрудники. Помните одно, что никто изъ руссофильствующихъ нынѣ не былъ такимъ руссофиломъ, какимъ былъ Стамбуловъ. Русскій воспитанникъ, да еще семинаристъ, онъ глубоко зналъ русскій народъ и любилъ его. Но Болгарію, какъ болгаринъ, онъ любилъ сильнѣе и всецѣло постигъ задачу Царя-Освободителя, мечтою котораго было создать свободную Болгарію.

Стамбуловъ понималъ, что, послѣ турецкаго гнета, болгарскій народъ, оставаясь подъ покровительствомъ Россіи съ надеждою, что великая покровительница будетъ нянчиться съ нимъ, какъ съ ребенкомъ, не оправдаетъ надежды Царя-Освободителя, начертавшаго своею рукою на болгарской конституціи великія слова: „Да будетъ пробенъ камень“. Онъ понималъ, что большаго Болгарія не получитъ отъ освободительницы, что взяла до сихъ поръ, такъ какъ трудно странѣ, хотя и молодой, но съ конституціоннымъ демократическимъ управленіемъ заимствоваться у государства строго монархическаго и при этомъ съ главенствующимъ аристократическимъ элементомъ.

Хорошо сознавалъ Стамбуловъ, что болгарскому народу нечѣмъ дѣлиться съ Россіей, страною, какъ и Болгарія, земледѣльческою, сбывающею свой хлѣбъ Западной Европѣ. Да и отъ зоркаго ока этого регента Болгаріи не ускользнуло то равнодушіе, которое стало проявлять русское правительство къ нашей возрождающейся странѣ.

Посмотрите, у васъ до сего времени нѣтъ съ нами порядочнаго сообщенія, пароходы изъ Одессы ходятъ 1 разъ въ 2 недѣли, а по желѣзной дорогѣ приходится ѣхать черезъ Румынію. Вѣдь всего 2 мѣсяца тому назадъ установлено денежное сообщеніе по почтѣ. Банкамъ нашимъ вы не кредитуете, ваши купцы не заводятъ съ нашими дѣла, а если завязываются сношенія, то насъ жмутъ, отказываютъ въ кредитѣ и обманываютъ, тогда какъ съ Западомъ нашимъ коммерсантамъ торговать значительно легче,—тамъ намъ довѣряютъ.

Вотъ Стамбуловъ и понялъ, что пора отнять ребенка отъ материнскаго соска и начать его воспитаніе самостоятельно. Ребенокъ началъ развиваться и сталъ на ноги. Страна быстро прогрессировала. Посмотрите въ окно вагона и повсемѣстно вы увидите цѣлую сѣть шоссе, и это вездѣ и всюду, даже въ Балканахъ.

Грамотность достигла до 78%, причемъ, если кто изъ поселянъ не посылаетъ своихъ дѣтей въ начальныя и при этомъ безплатныя школы, подвергается штрафу отъ 50 до 500 франковъ.

Вотъ Стамбуловъ и уклонился къ Западу настолько, насколько это было необходимо для Болгаріи, усиливая армію и видя въ ней оплотъ будущей главы на Балканскомъ полуостровѣ.

Болгарскій народъ глубоко признателенъ своей освободительницѣ, и вы не встрѣтите болгарина съ инымъ чувствомъ

къ Россіи, но не могли же наши правители, ради этой платонической любви, жертвовать интересами своего отечества. Какой же былъ бы Стамбуловъ болгаринъ, если бы онъ не искалъ для своего отечества того, что ему необходимо.

Въ Болгаріи всѣ руссофилы,—продолжалъ полковникъ, — и стамбуловцы, и цанковисты, и народники и т. п. Но разница между ними одна. Стамбулисты любятъ русскій народъ, надѣются на помощь Россіи въ нужный моментъ, но все-же заботятся и сами о своей Болгаріи, слѣдуя мудрой русской пословицѣ: „На Бога надѣйся, а самъ не плошай". Цанковисты же фанатически вѣрятъ въ Россію, считая, что нечего Болгаріи усиливаться, такъ какъ освободительница все равно выручитъ, когда придетъ время. Судите сами, кто поступаетъ правильнѣе.

Правда, внутренняя политика Стамбулова, его деспотизмъ и насилія были ужасны, и онъ за это казненъ самимъ народомъ, но по отношенію къ внѣшней политикѣ Стамбуловъ безукоризненъ. Опять повторяю, не мѣшайте Стамбулова и большинства стамбулистовъ, не понявшихъ его и выражающихъ направленіе своей политики въ дѣланной ненависти къ Россіи,—вы сами убѣдитесь, что таковой въ Болгаріи не существуетъ.

Та же борьба, которую вы увидите между партіями, — чисто партизанская и глубокаго значенія не имѣетъ.

Ну, вотъ вы теперь ѣдете въ Македонію, туда вы, конечно, попадете съ какою-либо изъ четъ славныхъ защитниковъ разоряемой страны, а знаете ли, какимъ путемъ Стамбуловъ началъ македонское освобожденіе. Не знаете? Ну, такъ слушайте — и вы убѣдитесь только въ одномъ, что продолжайся начатое Стамбуловымъ дѣло,—и Македонія получила бы уже давно автономію.

Еще въ бытность Стамбулова предсѣдателемъ народнаго собранія, у турецкаго султана придворнымъ врачемъ состоялъ болгаринъ д-ръ Волковичъ, прекрасно изучившій всѣ слабыя стороны турокъ и его правительства. Этотъ-то Волковичъ и освѣтилъ впервые Стамбулову настоящее положеніе дѣлъ въ Турціи и отношенія султана къ населенію Македоніи.

Ознакомившись съ этимъ вопросомъ, Стамбуловъ рѣшилъ, что для освобожденія Македоніи необходимо держаться мирной политики съ султаномъ и снискать у него довѣріе, чтобы, подъ шумокъ, подготовить населеніе и болгарскую армію къ освободительной войнѣ.

Въ очень короткій промежутокъ времени Стамбуловъ до-

стигъ своей цѣли, престижъ его высоко поднялся въ Царьградѣ, а болгарскій народъ получилъ въ Македоніи всѣ привиллегіи, тогда какъ греческій и сербскій элементы утратили прежнюю силу.

Наконецъ, политика Стамбулова привела къ открытію повсемѣстно болгарскихъ школъ и достигла вѣротерпимости. Путемъ просвѣщенія и церквами надѣялся Стамбуловъ приготовить македонцевъ къ революціи и одновременно усиливалъ болгарскую армію, чтобы двинуть ее въ Македонію, когда народъ черезъ учителей будетъ достаточно подготовленъ морально.

Медленно, но вѣрно шелъ Стамбуловъ къ своей цѣли и чрезъ экзарха въ Константинополѣ платилъ особое вознагражденіе учителямъ, ревностно работавшимъ для подготовки будущихъ освободителей Македоніи отъ турецкаго ига.

Послѣ паденія Стамбулова въ 1894 г., въ 1895 г., министръ-президентъ Стоиловъ началъ разрушать все, созданное его предшественникомъ, и не слѣдовалъ намѣченной имъ программѣ для разрѣшенія македонскаго вопроса. Онъ изъ разныхъ политическихъ соображеній, о которыхъ вы узнаете въ Софіи, въ 1895 г. создалъ четы и поднялъ возстаніе въ Македоніи, которое оказалось преждевременнымъ и дало отрицательные результаты; обѣщанная болгарскимъ правительствомъ помощь со стороны Россіи явилась вымысломъ, болгарскія правительственныя четы потерпѣли пораженіе во всѣхъ пунктахъ Македоніи, а поднявшееся населеніе жестоко поплатилось за свою попытку.

Турки поняли, что ошиблись въ болгарахъ, планъ Стамбулова вышелъ наружу и начались неслыханныя звѣрства турецкихъ войскъ въ Македоніи, вызвавшія организацію правильнаго возстанія болгаръ, какъ внутри Македоніи (внутренняя организація), такъ и созданіе верховнаго комитета въ Софіи для помощи избиваемымъ македонцамъ.

Стоиловъ увидѣлъ свою ошибку и поспѣшилъ принять мѣры, чтобы остановить дѣйствія четъ. Изданъ былъ въ 1896 г. законъ, запрещающій организацію повстанческихъ отрядовъ съ отвѣтственностью ихъ руководителей наравнѣ съ разбойниками,—но и эта мѣра не помогла. Возстаніе разгоралось все сильнѣе и сильнѣе. Турецкія звѣрства усиливались и загорѣлась въ Македоніи ужасная партизанская война, которая съ особенною силою вспыхнула въ 1902 г. и продолжается въ настоящее время.

Вы ѣдете къ самому началу возстанія и все узнаете и уви-

дите сами, а потому я не думаю, чтобы вамъ нужны были мои свѣдѣнія о немъ, почерпнутыя изъ газетъ и часто невѣрныя.

— Ну, а какъ вы, полковникъ, смотрите на македонскій вопросъ?—спросилъ я собесѣдника.

— Я? Очень просто. Болгарія не можетъ существовать безъ Македоніи, она задохнется въ своемъ чаду. Я не говорю о томъ, что Македонія должна принадлежать намъ. О, нѣтъ! Я высказываюсь лишь за ея полную независимость отъ турокъ. Тогда наша торговля снова разовьется, подвинется культура съ выходомъ въ Солунскій заливъ.

Жаль, что сербы и греки не хотятъ помочь намъ низвергнуть вѣкового врага славянства и, вмѣсто помощи, первые въ 1885 г. затѣяли братоубійственную войну, но что же дѣлать? Македонскій вопросъ придется, очевидно, разрѣшить самой Болгаріи, поставивъ на карту даже свое существованіе, — иного выхода нѣтъ, какъ одна лишь война, къ которой мы уже готовы: но если объявленіе ея затянется до будущей весны, то тѣмъ болѣе наша армія будетъ въ силахъ, безъ чьей бы то ни было помощи, бросить Турціи перчатку.

Если же Россія окажетъ намъ поддержку, мобилизовавъ свой кавказскій округъ, то мы будемъ глубоко признательны нашей освободительницѣ,—этимъ она избавитъ насъ отъ столкновенія съ азіятскими турецкими войсками, этимъ лучшимъ элементомъ арміи султана Абдулъ-Гамида.

Полковникъ П. оставался нѣсколько дней въ Софіи и уѣхалъ въ Шумлу.

Удивительно, что въ теченіе 25 лѣтъ могъ построиться такой городъ, какъ Софія. Невѣроятнымъ кажется столь быстрый прогрессъ въ культурѣ народа, бывшаго подъ турецкимъ рабствомъ 500 лѣтъ. Въ особенности съ недоумѣніемъ оглядываешь всѣ эти прекрасныя зданія, электрическіе трамваи, чудесные магазины, кафэ, переполненныя народомъ, отличные фаэтоны, запряженные парами, и оживленную толпу, движущуюся вдоль улицъ, когда тебѣ извѣстно, что ровно 26 лѣтъ назадъ турки, покинувъ Софію, оставили болгарамъ жалкія азіатскія постройки да нѣсколько мечетей, въ которыхъ теперь устроены церкви и народный музей.

Софія расположена въ самой низкой части Софійскаго поля, въ виду хребта Витоша, величественно поднимающагося въ лазурную высь особенно яркаго и прозрачнаго неба.

Сама Софія по своей внутренней жизни очень напоминаетъ собою города западной Европы. Та же шумно-кипучая

жизнь преимущественно на улицахъ, тѣ же выкрикиванья газетъ, которыхъ здѣсь издается на 42,000 населенія нѣсколько десятковъ, то же разнообразное и разношерстное населеніе. Мѣстами этотъ молодой городъ сохранилъ свой старый типъ отъ турецкихъ временъ и въ этихъ кварталахъ чувствуется застой, отсутствіе культуры болгарскаго народа.

Прекрасныя зданія дворца, военнаго министерства, военнаго собранія, стоившаго Болгаріи 1.500,000 франковъ, „Державная печатница“ (государственная типографія), домъ Славянскаго дружества и Славянской бесѣды, гдѣ каждый можетъ имѣть возможность, сидя въ удобной залѣ, прочесть всевозможныя иностранныя и русскія газеты и книги или потолковать съ пріятелями, сидя въ спеціальномъ для того салонѣ. Множество домовъ-особняковъ удивительной архитектуры.

Дворецъ князя возвышается на Александровской площади и окруженъ желѣзной оградой. Возлѣ воротъ стоятъ часовые. Вокругъ дворца раскинулся роскошный благоухающій садъ. Отъ дворца тянется прямая улица „Царя-Освободителя“, переходящая затѣмъ въ бульваръ имени этого незабвеннаго Государя. Здѣсь, противъ роскошнаго зданія народнаго собранія, стоятъ лѣса, закрывающія почти законченный памятникъ Царю-Освободителю, который предполагается открыть будущею весною. Памятникъ строится по проекту итальянца Арнольда Цоки. Императоръ Александръ II изображенъ на конѣ, а вокругъ него стоятъ главные сотрудники Царя-Освободителя по освободительной войнѣ. По сторонамъ пьедестала помѣщены горельефы, изображающіе наиважнѣйшія сцены русско-турецкой войны: Шипка, Плевна и др.

Памятникъ очень красивъ и величественъ и модель его я видѣлъ въ народномъ музеѣ.

2 гимназіи мужскихъ и 2 женскихъ, университетъ для лицъ обоего пола, прогимназіи и нѣсколько первоначальныхъ училищъ подготавливаютъ софійскую молодежь для ихъ будущей общественной дѣятельности.

Сердце радуется при видѣ скромныхъ гимназистовъ и гимназистокъ, цѣлыми толпами движущихся въ опредѣленные часы по улицамъ. Глядя на эти молодыя, серьезныя личики, невольно представляешь себѣ картину того, что было здѣсь 26 лѣтъ назадъ. Да и теперь у этихъ образованныхъ юношей дѣды и бабки—люди совершенно простые съ полнѣйшимъ отпечаткомъ турецкой рутины, помнящіе тяжелое турецкое иго во всемъ его ужасѣ.

Нѣтъ здѣсь веселья, нѣтъ того настоящаго разгула, ко-

торый мы видимъ въ Европѣ,—на улицахъ мало женщинъ, онѣ еще не свыклись съ открытой общественной жизнью и сидятъ по домамъ, всецѣло занимаясь хозяйствомъ. Болгарскія женщины отличаются удивительными качествами семьянинки и высоконравственны. Если же и проникъ сюда развратъ, то онъ не замѣтенъ и тщательно скрываемъ.

Уличной проституціи совершенно не замѣтно, а нѣсколько шантановъ съ отбросами каскаднаго люда отличаются грубостью и не привлекаютъ множества интеллигенціи.

Жаль, что въ Софіи еще нѣтъ настоящаго театра и спектакли даются народною труппой, поддерживаемой министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ залѣ Славянской бесѣды. Вотъ почему болгары, за исключеніемъ побывавшихъ за границей, не знакомы съ оперой и вообще у нихъ отсутствуютъ музыкальныя стремленія. Имѣется турецкій театръ, гдѣ армянская труппа даетъ спектакли изъ турецкой жизни,—но все это балаганно и пошло.

Въ силу демократическаго положенія Болгаріи, самое разношерстное общество сливается въ одно цѣлое, почему для наблюдателя открывается обширная галлерея типовъ. Въ любомъ кафе вы увидите и болгарина, и македонца, и куцовлаха, и турка,—всѣ горячо бесѣдуютъ о злободневныхъ событіяхъ. И министры, и редакторы газетъ, и простые селяне, офицеры и студенты—всѣ въ общей толпѣ проводятъ вечера за кофе или кружкой пива въ лучшемъ здѣсь кафэ „Червенномъ Ракѣ“.

Въ первый же день моего прибытія въ Софію, мой петербургскій другъ, маіоръ болгарской службы Вазовъ, потащилъ меня въ это учрежденіе.

Большое зало и веранда были заставлены круглыми столиками, за которыми возсѣдало довольно большое количество публики.

— Я тебя буду угощать нашею національною закуской,—сказалъ мнѣ маіоръ и приказалъ подать пиво, кебабчи и пасторму.

Кебабчи, т. е. изжаренные на вертелѣ кусочки печенки, почекъ и небольшія, очень пряныя колбаски, а также пасторма, пресованное, соленое мясо, на манеръ польской полендвицы, показались мнѣ очень вкусными. Это былъ мой первый опытъ въ болгарской гастрономіи, и не могу сказать, чтобы и впослѣдствіи болгарская кухня мнѣ не была по вкусу. Готовятъ очень разнообразно и пикантно, множество зелени, чесноку и луку. Большинство блюдъ турецкаго происхожденія,

напримѣръ, имамъ-буэлды, очень вкусное блюдо изъ печеныхъ баклажанъ, томатовъ подъ соусомъ, щедро приправленнымъ чеснокомъ и лукомъ, съ разными кореньями. Всевозможныя чорбы, т. е. похлебки съ прекраснымъ навaромъ, кебабы (шашлыки). Но больше всего понравилась мнѣ „попска-яхнія“, кушанье, которое особенно любитъ болгарское духовенство. Это кушанье у турокъ называется чомлекъ и употребляется въ западной Македоніи. Это тушеная баранина съ массою мелкаго лука (шарлотокъ), томатовъ и цѣлою кучею чесночинъ, которыя до того разопрѣли, что представляютъ изъ себя мягкія зерна, пропитанныя сокомъ баранины и запахомъ кореньевъ. Правда, что послѣ такой ѣды въ дамское общество идти рисковано, но зато удивительно вкусно.

Французская кухня здѣсь изъ рукъ вонъ плоха и въ „Grand Hôtel Royal“ г. Смольницкій за баснословно дорогую плату угощаетъ васъ страшною гадостью. И это лучшій ресторанъ.

Говорятъ, что лучшая кухня у нашего посланника Бахметева, который ѣстъ лучше князя, но я этого не знаю, такъ какъ Юрій Петровичъ, хотя и былъ настолько любезенъ, что пригласилъ меня обѣдать, заѣхавъ ко мнѣ въ Hôtel, но я, къ сожалѣнію, не могъ воспользоваться его приглашеніемъ, такъ какъ въ тотъ же день покинулъ Софію и уѣхалъ къ отряду Николова.

Вообще русское посольство обставлено богато и я, будучи въ квартирѣ Ю. П. Бахметева, поражался роскошью его обстановки. При входѣ—кавасы (тѣлохранители), въ богатѣйшихъ арнаутскихъ и черногорскихъ костюмахъ, блещутъ золотомъ и оружіемъ. Ю. П. Бахметевъ большой любитель породистыхъ собакъ, разнообразныхъ породъ; дворъ его дома переполненъ собаками. Собаки содержатся отлично и, какъ говорятъ злые языки, имъ живется лучше, чѣмъ русскимъ подданнымъ въ Болгаріи.

Супруга Юрія Петровича, Марья Николаевна, уроженка Сѣв.-Амер. Штатовъ, пользуется большою популярностью у болгаръ, какъ большая благотворительница. Появляется на улицахъ русскій посолъ всегда болѣе или менѣе торжественно, окруженный кавасами. Болгары къ такому блеску привыкаютъ съ трудомъ, такъ какъ въ ихъ нравахъ бóльшая простота.

Вообще болгары народъ очень скромный и довольствуются очень небольшимъ въ смыслѣ жизненныхъ удобствъ; зато въ области науки, образованія, ихъ жажда переходитъ даже всѣ ожиданія.

Я поражался тою любознательностью, начитанностью и вообще умственнымъ развитіемъ массы, которыя мнѣ пришлось наблюдать за время моего пребыванія въ Болгаріи.

Объ офицерской средѣ я буду говорить особо, а потому коснусь вообще того, насколько болгарская культура сдѣлала шаги впередъ за 25 лѣтъ въ области науки и искусства. Такой быстрый прогрессъ можно отчасти приписать огромному наплыву въ Болгарію македонцевъ, этого прогрессивнаго элемента, который въ умственномъ развитіи куда какъ опередилъ своихъ братьевъ-болгаръ.

Много высшихъ постовъ въ Болгаріи заняты македонцами; среди нихъ множество поэтовъ, писателей и политическихъ дѣятелей, какъ напр., Тройчо Китанчевъ, бр. Милодиновы, Зенджигровъ, нынѣшній министръ юстиціи Генадіевъ и мн. другихъ.

Софія переполнена македонцами. Ими кишатъ всѣ рестораны, они всюду встрѣчаются по улицамъ. Когда одного выдающагося дѣятеля спросили, гдѣ столица Македоніи, то онъ отвѣтилъ: Софія. Лучшіе воспитанники училищъ и студенты—македонцы, они же и беззавѣтные борцы за свободу своего отечества.

Въ настоящее время въ Софіи проявляетъ свои недюжинные таланты въ области военной литературы поручикъ кавалеріи Дарвинговъ, книги котораго переводятся на иностранные языки. Этотъ боевой товарищъ мой будетъ имѣть огромную извѣстность.

Библіотеки, читальни и, наконецъ, народный музей—гордость Болгаріи. Въ особенности послѣдній, не смотря на свое недавнее существованіе, переполненъ множествомъ интересныхъ и поучительныхъ предметовъ.

Въ этомъ юномъ музеѣ на видномъ мѣстѣ прежде всего неизбѣжный культъ болгарскаго народа—портретъ Царя-Освободителя. Бюсты народныхъ героевъ и дѣятелей: Бойтева, поэта Вазова, Алеко Константинова и горельефъ Словейкова-поэта, Прекрасный бюстъ В. К. Николая Николаевича. Замѣчательному нумизматическому отдѣлу могъ бы позавидовать любой нашъ музей. Затѣмъ очень богатый отдѣлъ римскихъ ископаемыхъ рѣдкостей. Маленькіе и большіе идолы миѳическихъ боговъ, фрески и статуи древнихъ римлянъ. Оружіе всѣхъ вѣковъ—вооруженіе и одежда и, наконецъ, отдѣлъ отечественной исторіи, даже знаменитая деревянная пушка, эта первая защитница болгарскихъ борцовъ отъ турокъ.

Но больше всего меня поразила одна картина, передъ ней

я долго стоялъ, не въ состояніи оторвать своего взора отъ ужаснаго зрѣлища, которое почти въ этомъ же видѣ затѣмъ пришлось увидѣть и въ Македоніи.

Громадная картина почти до потолка изображаетъ собою неистовство турокъ въ болгарской деревнѣ. Рѣчка отражаетъ въ своихъ водахъ горящее болгарское село, вдоль берега лежатъ трупы болгаръ, женщинъ, дѣтей и юнаковъ. Раны отъ страшныхъ ятагановъ зіяютъ во всемъ ихъ ужасѣ,—весь берегъ залитъ кровью.

Приковываетъ вниманіе одна красавица-болгарка съ проколотымъ бокомъ. Глаза ея полуоткрыты, дѣвственная грудь красиво выступаетъ, освѣщенная заревомъ пожара. Очевидно, она заколота послѣ гнуснаго поруганія. Лицо мученицы спокойно, но отпечатокъ страданій легъ между густыхъ, красивыхъ бровей.

Недалеко отъ труповъ сидитъ компанія курдовъ и башибузуковъ, между которыми съ полузакрытыми лицами сидятъ у костра и турчанки. Эти изверги, насытившись христіанскою кровью, съ аппетитомъ ѣдятъ кебабъ и пьютъ кофе.

Трупы, трупы и трупы, и чѣмъ больше присматриваешься, тѣмъ больше ихъ видишь,—а тамъ вдали другой пожаръ, другіе потоки крови, новыя страданія и муки...

Боже мой, какъ это все вѣрно передалъ художникъ, какъ я вспоминалъ его, глядя на сожженныя и ограбленныя въ Разлогѣ села.

Другая картина, тоже достойная вниманія,—это слѣпые болгары, ослѣпленные Василіемъ Болгаробойцей, возвращающіеся зимою изъ неволи. Буранъ, несчастныхъ стариковъ заноситъ снѣгомъ и они, держась другъ за друга, ощупью держатъ далекій и тяжелый путь, чтобы придти въ свое отечество и не увидѣть ни его солнца, ни родныхъ мѣстъ.

Въ русскомъ отдѣлѣ множество моделей памятниковъ Царю Освободителю и славнымъ героямъ, павшимъ въ 1877 и 1878 гг.

Съ чувствомъ неподдѣльнаго восторга выходилъ я изъ этой бывшей турецкой мечети и сердечно благодарилъ капитана Кукурешкова, доставившаго мнѣ возможность познакомиться съ этимъ залогомъ болгарской культуры и просвѣщенія.

Возмутительная рѣзня христіанъ въ Македоніи и геройская защита угнетеннаго населенія болгарами не могли не получить отклика въ различныхъ кругахъ русскаго общества въ разныхъ концахъ Россіи.

Революціонный характеръ македонскаго движенія, замалчиваніе русскою печатью событій на Балканскомъ полуостровѣ, все это, конечно, имѣло вліяніе на то, что безотрадное положеніе болгаръ въ Македоніи не въ достаточно яркихъ краскахъ было представлено въ Россіи, которая и относилась въ своемъ общественномъ мнѣніи не такъ горячо къ македонцамъ, какъ въ былыя времена къ сербамъ и болгарамъ.

Къ тому же, благодаря славянофобамъ, у насъ въ Россіи распространенъ возмутительнѣйшій слухъ о какой-то пресловутой „неблагодарности братушекъ".

— Они намъ за столько добра отплатили черною неблагодарностью,—услышите вы постоянно отъ русскаго, и если спросите его, въ чемъ же сказалась эта неблагодарность, онъ вамъ или ничего не отвѣтитъ, или скажетъ: „въ стамбуловщинѣ".

Какое заблужденіе, какое непониманіе психологіи болгарскаго народа.

А я скажу, что нѣтъ руссофобовъ среди болгаръ, каждый заядлый стамбуловецъ въ душѣ руссофилъ, онъ только врагъ нашей современной иностранной политики. Изучая теперь болгарскій народъ и въ Болгаріи, и въ Восточной Румеліи, а также въ объятой пламенемъ и дымомъ Македоніи, я безусловно пришелъ къ заключенію, что русскій человѣкъ одинаково близокъ и цанковисту, и стамбуловцу, и народнику, и только лишь партія соціалистовъ, эта ничтожная кучка преимущественно русскихъ эмигрантовъ, ненавидитъ насъ и здѣсь, какъ ненавидитъ она весь міръ, все человѣчество.

Однако, несмотря на подобное представленіе о болгарахъ, среди нашего общества нашлись люди, отправившіеся помочь своимъ братьямъ-славянамъ въ тяжеломъ, но славномъ дѣлѣ.

Еще въ прошломъ году извѣстный русскій публицистъ, Михаилъ Васильевичъ Юркевичъ, сотрудникъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей", славный участникъ сербско-турецкой войны 1876 г., уже 24 года живущій въ Софіи и пользующійся всеобщимъ уваженіемъ, совершилъ поѣздку съ однимъ курьеромъ по всей Македоніи. Затѣмъ въ іюлѣ сего года славянофилъ, авторъ брошюры „Долой отжившіе девизы" и многихъ статей по славянскимъ вопросамъ, племянникъ знаменитаго путешественника, Романъ Григорьевичъ Пржевальскій, прибылъ сначала въ Македонію, а затѣмъ, по пріѣздѣ въ Софію, вступилъ въ чету полковника Янкова и участвовалъ въ кровопролитномъ сраженіи при с. Бѣлицѣ, въ Разлогѣ, и во многихъ сраженіяхъ съ турками, составивъ себѣ славу безусловнаго храбреца.

Вслѣдъ за Пржевальскимъ прибылъ отставной штабсъ-капитанъ Петръ Петровичъ Орловецъ, участвовавшій также въ отрядѣ Янкова; а раньше его изъ Тифлиса пріѣхалъ 16-лѣтній реалистъ Романъ Топешко. Этотъ мальчикъ своею храбростью привелъ въ изумленіе болгаръ и получилъ подъ свою команду 19 человѣкъ четниковъ.

Въ началѣ сентября прибылъ въ Софію я и вступилъ въ отрядъ подполковника Николова, съ которымъ и дѣйствовалъ въ Солунскомъ вилайетѣ и преимущественно въ Серэскомъ санджакѣ и принялъ участіе въ нѣсколькихъ бояхъ.

Въ день моего пріѣзда въ Софію я встрѣтилъ еще одного русскаго добровольца, воспитанника училища правовѣдѣнія, Сергѣя Владиміровича Тура (о которомъ уже сказано выше); онъ былъ въ составѣ четы капитана Шипкова.

Среди четниковъ и о немъ осталась память, какъ о человѣкѣ, стойко переносящемъ всѣ тяжести похода, и я убѣжденъ, что имѣй онъ случай сразиться съ турками, намъ, русскимъ, не пришлось бы краснѣть за этого юношу.

Вотъ и всѣ мои соотечественники, принимавшіе участіе въ македонскомъ освободительномъ движеніи и пріобрѣвшіе любовь и глубокое уваженіе болгаръ и восторженные отзывы болгарской и сербской прессы.

Жаль, что такъ мало насъ среди доблестныхъ защитниковъ Христовой вѣры, среди борцовъ за угнетаемыхъ дѣтей, женъ и безпомощныхъ стариковъ.

Но будемъ утѣшаться тѣмъ, что въ то время, когда Россія дала 5 человѣкъ добровольцевъ, Западъ, несмотря на свои крики (Англія) о помощи македонцамъ, далъ всего одного. Mister Holes, (Хэльсъ) этотъ храбрый капитанъ англійской арміи, мой походный товарищъ, явился единственнымъ представителемъ Запада, но и то, какъ корреспондентъ „Daily News", богато обставленный своею газетою.

Русскіе же шли на свои трудовыя крохи, зачастую перебиваясь, расчитывая каждый грошъ. Но добрая воля и горячее желаніе послужить славному дѣлу являлись главными двигателями въ тяжелой борьбѣ ихъ съ невзгодами.

Приближается зима. Холодъ гонитъ укрывавшихся въ горахъ македонцевъ въ ихъ разрушенныя и выжженныя села. Аскеры, разграбивъ жалкое имущество болгаръ и видя бездѣйствіе четъ, ушли по мѣстамъ своего постояннаго квартированія.

Несчастное населеніе, обреченное на голодную смерть, рѣ-

шилось бѣжать въ Болгарію, тѣмъ болѣе, что повстанцами сняты и взорваны пограничные турецкіе посты, такъ что несчастнымъ бѣженцамъ не грозитъ опасность быть разстрѣлянными на границѣ. Обыкновенно переходъ границы ими производился подъ прикрытіемъ четъ, которыя завязывали сраженіе съ турецкими постами, отвлекая ихъ отъ преслѣдованія македонскихъ жителей, переходящихъ границу, въ которыхъ турки стрѣляютъ всегда съ особеннымъ удовольствіемъ, такъ какъ тѣ не имѣютъ возможности отвѣчать на ихъ огонь.

Болгарская пограничная стража поддерживаетъ обыкновенно бѣглецовъ, но очень нерѣшительно вступаетъ съ турками въ открытый бой, такъ какъ со стороны правительства нѣтъ опредѣленныхъ инструкцій по этому предмету. Было нѣсколько серьезныхъ столкновеній между турецкими и болгарскими пограничными войсками съ значительными потерями для каждой изъ сторонъ.

Съ войниками турки дерутся охотнѣе, но при появленіи четъ бѣгутъ, какъ зайцы, такъ какъ хорошо знаютъ, что тутъ уже пощады не будетъ отъ разрушительныхъ повстанческихъ бомбъ, которыхъ они боятся, кажется, больше всего на свѣтѣ.

Теперь же переходъ болгарской границы для бѣженцевъ безопасенъ, и они большими толпами переправляются въ Болгарію. Всѣ города полны македонцами. Въ Софіи было уже нѣсколько спектаклей въ пользу этихъ несчастныхъ; устраиваются благотворительные вечера и концерты, но все это недостаточно. Австрійскій императоръ пожертвовалъ 10.000 левовъ для поддержанія бѣженцовъ, что̀, вмѣстѣ съ щедрою помощью Русскаго Царя, является уже болѣе или менѣе крупной поддержкой,—но все-же этихъ средствъ далеко не довольно даже для сноснаго содержанія несчастныхъ.

Нужна помощь другая, помощь не подачей милостыни болгарамъ, а помощь мощной, сильной руки великой освободительницы славянскихъ народовъ цѣлому населенію Македоніи, славянское населеніе которой гибнетъ на глазахъ цѣлаго міра, равнодушно относящагося къ кровавой расправѣ турецкаго деспота.

Сердце обливается кровью при видѣ несчастныхъ македонцевъ грустно бродящихъ по улицамъ городовъ Болгаріи. Спросишь любого изъ этихъ обездоленныхъ людей, гдѣ твой отецъ, братъ, сестра или жена, и навѣрно получишь отвѣтъ вродѣ такого: „майка заклана“ или „всички закланы“.

Да что далеко ходить? Я пишу, а тутъ же со мною въ ком-

натѣ сидитъ мой другъ и боевой товарищъ, подпоручикъ Каназировъ, что съ двумя своими братьями отстаивалъ свое родное гнѣздышко, теперь сожженую турками Мехомію въ Разлогѣ, гдѣ у него были отецъ, мать и сестра учительница.

Спросите его, что сталось съ его близкими? Онъ взглянетъ на васъ, махнетъ рукою и соколиный взоръ этого македонскаго героя подернется влагой.

— Майка и отецъ—старики, имъ смерть уже не страшна, они ежеминутно ожидали ее,—отвѣтилъ мнѣ этотъ храбрый юнакъ,—а вотъ сестра, сестра-то... что на ея долю выпало въ рукахъ безпощадныхъ и безжалостныхъ изувѣровъ!..

Развѣ не страшная драма, не ужасная трагедія звучатъ въ этихъ простыхъ, но полныхъ глубокаго и рокового смысла словахъ!

Борисъ Тагѣевъ.

ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

(„Журналъ для всѣхъ“,—1903 г.).

„Журналъ для всѣхъ“ по своей цѣнѣ,—1 рубль въ годъ,—оправдываетъ свое названіе. Нельзя того же сказать о его содержаніи. Серьезность, иногда искусственная и напускная, его политическихъ обозрѣній и литературно-критическихъ статей дѣлаетъ его недоступнымъ „для всѣхъ“. Разумѣемъ, людей малообразованныхъ, но жаждущихъ чтенія, людей изъ народа.

Такихъ людей не удовлетворитъ и беллетристическая часть журнала. Это болѣе все мрачныя и сѣрыя картины бѣдноты, голи, всяческаго угнетенія. Читатель изъ народа не охотникъ до этихъ картинъ. Онъ ихъ достаточно наглядѣлся въ дѣйствительной жизни и лучше всякаго литературнаго критика умѣетъ отличить фальшивыя ноты въ сантиментальныхъ слезопролитіяхъ авторовъ подобныхъ разсказовъ.

Очевидно, дешевый журналъ разсчитанъ не на народную публику. Не разсчитанъ онъ и на читателей и подписчиковъ большихъ ежемѣсячниковъ, которые возьмутся за журналъ этотъ лишь въ томъ случаѣ, если тамъ появится разсказъ одного изъ пресловутыхъ— Горькаго, Андреева, Вересаева.

Вѣрнѣе всего, что журналъ, которому для его существованія необходимо немало подписчиковъ, въ виду его весьма низкой стоимости, набираетъ этихъ подписчиковъ среди учащейся молодежи, среди полуобразованныхъ читающихъ фабричныхъ рабочихъ. Журналъ непремѣнно долженъ идти въ ту среду, которая наиболѣе воспріимчива и наименѣе способна критически относиться къ прочитанному. Истинно просвѣщеннаго читателя не собьешь съ толку ни сладкими, ни горькими словами. Онъ достаточно слышалъ тѣхъ и другихъ, чтобы умѣть превосходно разобраться между правдой и ложью, искренностью и фальшью.

Не собьешь съ толку и простого человѣка. Здравый смыслъ замѣняетъ ему критическое пониманіе. Такой первобытный, начинаю-

щій читатель особенно чутокъ и сразу видитъ, хотя объяснить словами и не можетъ, глубокую фальшь искусственнаго нытья надъ нуждами народными и надъ горемъ народнымъ.

Сдается, что мы не ошибаемся въ указаніи аудиторіи, на которую разсчитанъ „Журналъ для всѣхъ". Аудиторія эта такъ важна и въ нее такъ легко поселить любое міровоззрѣніе, что опредѣленіе исповѣданія вѣры „Журнала для всѣхъ" является весьма интереснымъ. Оно выяснится изъ послѣдующихъ цитатъ и послѣдующаго разбора матеріала, даннаго журналомъ въ текущемъ году. Теперь же приведемъ два характерныхъ примѣра.

Въ первой тетради журнала г. В. Мирскій даетъ статью „Наша литература (юбилей печати)", по случаю двухсотлѣтія первой русской газеты. Дойдя до 40-хъ годовъ прошлаго вѣка, авторъ пишетъ:

Въ концѣ 40-хъ годовъ наша литература, какъ въ художественномъ, такъ одинаково и въ публицистическомъ своемъ выраженіи, страстно и настойчиво стала проповѣдывать освобожденіе крестьянъ, любовь къ народу, жалость къ нему, вѣру въ огромныя таящіяся въ немъ силы, необходимость прійти къ нему на помощь и развязать героя-богатыря, связаннаго по рукамъ и ногамъ. Создавался культъ народа, зрѣла мысль, что лишь въ служеніи ему человѣкъ можетъ осуществить истинное свое предназначеніе и лишь въ стремленіи къ его счастью найти собственное.

Эта мысль цѣликомъ перешла въ литературу 60—70-хъ годовъ.

Здѣсь я по необходимости буду кратокъ. Всей моей хроники не хватило бы на то, чтобы перечислить возникавшіе и умиравшіе органы и дать каждому изъ нихъ хотя бы краткую характеристику. Укажу только на главнѣйшіе факты, сливъ этотъ періодъ съ переживаемымъ нами, на что исторія литературы даетъ значительное право.

Во-первыхъ, создалась газета. Если не считать офиціальныхъ или полуофиціальныхъ, академическихъ изданій, раньше газеты у насъ не было, кромѣ „Сѣверной Пчелы" Булгарина и Греча. Газета живетъ политикой и общественной жизнью въ ея конкретныхъ проявленіяхъ по преимуществу. „Сѣверная Пчела" по особой протекціи печатала политическія извѣстія. Ея издатели пользовались ея успѣхомъ и распространенностью, чтобы устраивать свои дѣлишки. Наша политическая пресса ведетъ начало съ 1862 г. Въ 1863 г. появились „С.-Петербургскія Вѣдомости" Корша, затѣмъ „Голосъ" Бильбасова и Краевскаго, ненадолго „Порядокъ" М. Стасюлевича и десятки другихъ изданій, вѣрнѣе, сотни изданій, разобраться въ направленіяхъ которыхъ дѣло будущаго. Я назвалъ выше органы, имѣвшіе репутацію передовыхъ. Задачей „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" (1863—1874 гг.) было, напр., защищать реформы 60-хъ годовъ отъ быстро возникшаго противъ нихъ недовольства, бороться противъ нападокъ, часто озлобленныхъ, на новый судъ, земство, гласность и т. д. Въ обсужденіи реформы средней школы, которую въ то время перестраивали по классическому образцу, «Вѣдомости» явились ярымъ противникомъ классической системы. Вліяніе въ обществѣ и огромное число подписчиковъ наши газеты пріобрѣли очень скоро. Теперь это такая же привычная необходимость жизни, какъ желѣзныя дороги.

Но истиннымъ центромъ умственной жизни общества въ долгій періодъ (1855—1884) были не газеты, а журналы. Достаточно назвать имена «Современника» (1847—1866), «Русскаго Слова» (1859—1866), «Отечественныхъ Записокъ» (1868—1884), «Вѣстника Европы» (1866—по сей день). На созданіе нашихъ журналовъ уходили лучшія литературныя силы. Возлѣ «Современника» группировались: Некрасовъ, Добролюбовъ, Чернышевскій, М. Антоновичъ, Щедринъ, Елисѣевъ, А. Пыпинъ; возлѣ «Русскаго Слова»—Д. И. Писаревъ, Н. Шелгуновъ; «Отечественныхъ Записокъ»—Некрасовъ, Щедринъ, Елисѣевъ, Н. Михайловскій; «Вѣстника Европы»—Н. Костомаровъ, М. Стасюлевичъ, А. Пыпинъ, К. Арсеньевъ и т. д. Роль нашей журналистики настолько велика, что Н. К. Михайловскій имѣлъ значительное право сказать о ней: «не будетъ даже чрезмѣрной смѣлости утверждать, что вся эта исторія (т. е. исторія литературы отъ смерти Бѣлинскаго) есть собственно исторія журналистики... Исторія новѣйшей русской литературы можетъ быть сведена на «исторію журналистики» („Литературныя воспоминанія и современная смута", т. I, 127). Тонъ нашихъ журналовъ несомнѣнно гораздо выше, чѣмъ газетъ, черезъ которыя всегда въ той или другой степени сквозитъ городской листокъ. Журналъ стремился создать въ себѣ полную энциклопедію. Онъ давалъ читателю науку, философію, публицистику, критику, поэзію. Его задачей было всегда воспитаніе и образованіе общественнаго дѣятеля. Знакомя съ окружающей жизнью, онъ давалъ знаніе этой послѣдней въ формѣ синтеза, обобщенія. «Внушая» извѣстныя стремленія, онъ старался подвести подъ нихъ научный и философскій фундаментъ. Онъ училъ и проповѣдывалъ въ одно и то же время. Прежде и больше всего, конечно, онъ проповѣдывалъ *расширеніе жизни*—въ разныхъ формахъ, конечно, указывая разныя точки приложенія силъ, но всегда то же самое. Для «Современника» и «Отечественныхъ Записокъ» такой «точкой приложенія силъ» былъ народъ, мужикъ, на служеніе которому интеллигенція должна отдать всѣ свои культурныя силы—свое знаніе, свою любовь къ ближнему, словомъ, внести въ его жизнь правду-истину (науку) и правду-справедливость и, сохранивъ ея типъ земледѣльческой общины, повысить ея степень. Для «Русскаго Слова» точкой приложенія силъ была *личность человѣка*, который долженъ стремиться къ полной умственной самостоятельности, для «Вѣстника Европы» — справедливыя и постоянно совершенствующіяся формы общественной жизни. Несмотря на частыя полемики, разнообразіе формъ и словъ, направленіе перечисленныхъ журналовъ было въ сущности то же самое. Типъ нашихъ журналовъ—строгій, учительскій, проповѣдническій. «Краснымъ вымысламъ», игрѣ фантазіи отводилось самое незначительное мѣсто. Каждая статья—суровая проповѣдь, полная предписаній по адресу читателя. Господствующіе мотивы, что каждый обязанъ быть гражданиномъ, общественнымъ дѣятелемъ, что никто не имѣетъ права быть лично счастливымъ, когда рядомъ—несчастные люди. Въ настоящую минуту журналы наши въ значительной степени утеряли свой строгій проповѣдническій характеръ. Большинство ихъ или служатъ интересамъ самообразованія, или издаются просто для чтенія. Старый тонъ сохранили лишь «Вѣстникъ Европы» и «Русское Богатство». Всякій понимаетъ, что въ огромномъ рядѣ именъ, цифръ, названій, направленій и т. д., составляющихъ исторію нашей прессы, ничего не стоитъ расте-

ряться. Я назвалъ немногихъ и упомянулъ о немногомъ. Бо́льшая часть осталась неназванной и неупомянутой. Но, кажется, я не пропустилъ ничего перворазряднаго, того, что нѣмцы зовутъ «дѣлающимъ эпоху»—«epochemachendes».

Оставляя въ сторонѣ нѣкоторыя неточности, какъ, напримѣръ, упоминаніе „Порядка“ г. Стасюлевича, газеты, выходившей въ теченіе одного лишь 1881 года, рядомъ съ „С.-Петербургскими Вѣдомостями“ временъ Корша и „Голосомъ“, обратимъ вниманіе на подборъ періодическихъ изданій, приводимыхъ г. Мирскимъ, какъ выдающіяся явленія эпохи 1855—1884 года. Авторъ находитъ, что онъ не пропустилъ ничего, дѣлающаго эпоху. Едва ли съ смѣлымъ предположеніемъ этимъ можно вполнѣ согласиться. Приведены тѣ журналы, которые несли знамя либерализма, иногда столь пограничнаго съ нигилизмомъ и революціонными идеями, что умирать этимъ изданіямъ приходилось насильственною смертью. „Отечественныя Записки“ упомянуты авторомъ лишь со времени перехода ихъ къ Некрасову (1868—1884), а между тѣмъ старый журналъ этотъ, принятый Краевскимъ отъ Свиньина, до 1868 года существовалъ около трехъ десятковъ лѣтъ и съ 1855 по 1868 годъ выходилъ въ свѣтъ. Но журналъ важенъ для нашего автора лишь съ того момента, какъ онъ перевоплотилъ въ себѣ закрытый „Современникъ“. О „Русскомъ Вѣстникѣ“, основанномъ въ 1855 году Катковымъ, г. Мирскій вовсе не упоминаетъ, хотя журналъ этотъ возникъ именно въ тотъ годъ, который г. Мирскому угодно поставить начальнымъ въ придуманномъ имъ двадцатидевятилѣтнемъ періодѣ нашей періодической печати. Почему такой періодъ? А потому, что приблизительно въ 1855 году „Современникъ“ (для этого журнала даты его роли выходятъ даже за предѣлы начала періода г. Мирскаго—1847 до 1866 г., тогда какъ для „Отечественныхъ Записокъ“ начало роли положено съ 1868 года, чрезъ 13 лѣтъ послѣ начала періода) окончательно разнуздался и пошелъ по наклонной плоскости къ роману „Что дѣлать?“, послѣднему плоду этого усиленнаго либеральничанья; а въ 1884 году закрылись „Отечественныя Записки“. Замолчаніе „Русскаго Вѣстника“ тѣхъ временъ не можетъ быть объяснено удовлетворительно. Трудно отрицать вліяніе на современниковъ „Губернскихъ очерковъ“ Щедрина, „Отцовъ и дѣтей“ Тургенева, „Преступленія и наказанія“, „Братьевъ Карамазовыхъ“ Достоевскаго, „Войны и мира“, „Анны Карениной“ Л. Толстого. А всѣ эти произведенія („Война и миръ“—начало) были помѣщены на страницахъ журнала М. Н. Каткова. Г. Мирскій нарочито объ этомъ замалчиваетъ, лишь бы не произносить имени Каткова.

Г-нъ Мирскій въ благородномъ стремленіи людей 40-хъ годовъ свергнуть иго рабства, лежавшее на крѣпостномъ народѣ, увидѣлъ

созданіе „культа народа". „И въ сіяньи мужикъ..."—съ горькой ироніей писалъ графъ А. К. Толстой, осмѣивая въ своемъ „Потокѣ Богатырѣ" искусственную, во что бы то ни стало, идеализацію простого народа. „Развязать героя-богатыря, связаннаго по рукамъ и ногамъ..."—пишетъ безъ всякой ироніи съ приподнятымъ паѳосомъ г. Мирскій.

Изъ приведеннаго выясняются двѣ черты исповѣданія вѣры „Журнала для всѣхъ": либерализмъ и народничество.

А вотъ и третья черта—западничество. Говоря о бѣлградской трагедіи 29-го мая, обозрѣватель иностранной политики „Журнала для всѣхъ", г. Симскій такъ характеризуетъ новаго короля сербскаго Петра I.

Что касается короля Петра Карагеоргіевича, то говоритъ онъ пока очень хорошо и правильно о необходимости обезпеченія свободы, законности, мирнаго развитія своей страны. Обыкновенно всѣ правители выражаются въ томъ же смыслѣ при вступленіи на престолъ. Но на слова Петра можно, повидимому, обращать болѣе серьезное вниманіе. Не говоря уже о трагической смерти его предшественника, которая многому можетъ научить, король Петръ имѣетъ самъ по себѣ довольно крупныя достоинства. Онъ почти всю жизнь прожилъ на Западѣ, познакомился съ его жизнью, любитъ его учрежденія; онъ дружилъ съ выдающимися политическими дѣятелями всѣхъ партій. Однимъ словомъ, каковы бы ни были его личныя убѣжденія, онъ представляется въ полномъ смыслѣ слова европейцемъ, и горизонтъ его не замыкается узкими рамками конака и придворными интригами. Сербіи же нужно именно побольше Европы.

Не поздоровится отъ этакихъ похвалъ. Г-нъ Симскій не ищетъ характеристики новаго короля; онъ не указываетъ на національное значеніе династіи Карагеоргіевичей. Онъ видитъ „крупныя личныя достоинства" короля Петра въ томъ, что 1) онъ почти всю жизнь прожилъ на Западѣ, познакомился съ его жизнью, любитъ его учрежденія и 2) онъ дружилъ съ выдающимися политическими дѣятелями всѣхъ партій.

Г-нъ Симскій настолько отуманенъ конституціоннымъ Западомъ, что не видитъ даже, до какихъ глупостей и до какой клеветы на короля Петра онъ договаривается. Какое же это достоинство „дружить съ людьми всѣхъ партій"! Это не достоинство, а прискорбный недостатокъ, указывающій на совершеннѣйшее отсутствіе всякихъ твердыхъ убѣжденій. Приписать такой недостатокъ шестидесятилѣтнему королю значитъ поставить на немъ крестъ. Г-ну Симскому это не замѣтно. Вѣдь, это „западные" люди, „западныя" партіи—и этимъ все сказано. Ex occidente lux. Хоть плохенькое—да съ Запада. Точно по пословицѣ—„хоть худенькое, да голубенькое".

По счастію для Сербіи, король Петръ въ изгнаніи не переставалъ думать о своей славянской родинѣ и, присягнувъ исполнять

государственные уставы своей страны, не станетъ перекраивать славянскую Сербію по западнымъ образцамъ, а надо думать, поведетъ ее собственнымъ славянскимъ курсомъ.

Но не о томъ теперь рѣчь. Королю сербскому ни тепло, ни холодно отъ оцѣнки маленькаго журнальчика, но журнальчикъ этимъ обстоятельствомъ превосходно характеризуется.

Такимъ образомъ „Журналъ для всѣхъ“ есть ничѣмъ не отличающійся отъ другихъ либеральныхъ старшихъ и болѣе толстыхъ своихъ собратій конституціоналистъ и неумѣлый печальникъ о народѣ.

Что же даетъ онъ въ видѣ умственной пищи читателямъ при такомъ своемъ исповѣданіи вѣры и какіе узоры вышиваетъ на этой давно знакомой канвѣ?

II.

„Журналъ для всѣхъ“ предположилъ дать во главѣ своихъ №№ за текущій годъ портреты и краткія біографіи выдающихся писателей въ алфавитномъ порядкѣ. Намѣреніе это осталось неисполненнымъ, алфавитный порядокъ пришлось нарушить и нѣкоторые номера остались безъ портретовъ и біографій. Данныя журналомъ біографіи представляютъ своеобразный интересъ. Мы не говоримъ о біографіяхъ писателей умершихъ—Ѳ. И. Тютчева (весьма недурный очеркъ), Н. И. Костомарова, Н. Г. Помяловскаго. Останавливаемся лишь на біографіяхъ современниковъ. Даны: въ № 1—біографія Леонида Андреева, въ № 2—Максима Горькаго, въ № 3—А. П. Чехова и въ № 4—В. В. Вересаева. Портреты исполнены хорошо. Въ біографіи В. В. Вересаева (Смидовича) нѣтъ ничего особеннаго, кромѣ краткаго перечня событій его жизни, въ біографіи А. П. Чехова замѣчательно, что авторъ біографія г. А. (не г-нъ ли Леонидъ Андреевъ?) увѣряетъ, что „мы“ (кто это—мы?) обыкновенно ставимъ имя Чехова рядомъ съ именемъ графа Л. Н. Толстого. Не слишкомъ ли это смѣло? Никто не отрицаетъ своеобразнаго таланта въ Чеховѣ, проявляющагося преимущественно въ маленькихъ разсказахъ. Ставьте Чехова какъ угодно высоко, только не на самое же высокое мѣсто, а на немъ именно и стоитъ величайшій русскій и, быть можетъ, всемірный романистъ, графъ Л. Н. Толстой. Нашимъ читателямъ извѣстно отрицательное отношеніе наше къ Толстому-лжеучителю, но это не можетъ помѣшать намъ видѣть великаго писателя въ авторѣ „Войны и мира“. А. г. Чехова, кажется, еще рано вводить на Олимпъ литературы и именовать великимъ. Если Чехова такъ на-

звать, то для Пушкиныхъ и Гоголей и словъ въ лексиконѣ не подыщешь.

Но, кромѣ этого обстоятельства, біографія А. П. Чехова въ „Журналѣ для всѣхъ“ не представляетъ собою ничего чрезвычайнаго. Зато біографіи Андреева и Горькаго—это, въ своемъ родѣ, перлы курьеза. Г. Леонидъ Андреевъ даетъ прямо свою автобіографію подъ заглавіемъ: „Изъ моей жизни“.

Родился я въ 1871 г. въ Орлѣ, тамъ же учился въ гимназіи. Учился скверно, въ седьмомъ классѣ цѣлый годъ носилъ званіе послѣдняго ученика, и за поведеніе имѣлъ не свыше *четырехъ*, а иногда три. Самое пріятное, проведенное въ гимназіи время, о которомъ до сихъ поръ вспоминаю съ удовольствіемъ, — это перерывы между уроками, такъ называемыя перемѣны, а также тѣ рѣдкіе, впрочемъ, случаи, когда меня «выгоняли» изъ класса. Въ пустыхъ и длинныхъ коридорахъ звонкая тишина, играющая одинокимъ звукомъ шаговъ; по бокамъ запертыя двери, а за ними полные народу классы; лучъ солнца—свободный лучъ, прорвавшійся въ какую-то щель и играющій приподнятой на перемѣнѣ и еще не осѣвшей пылью, — все такъ таинственно, интересно и полно особымъ сокровеннымъ смысломъ.

Когда я еще учился въ гимназіи, умеръ мой отецъ, землемѣръ, и въ университетѣ мнѣ пришлось сильно нуждаться. На первомъ курсѣ въ С.-Петербургѣ я даже голодалъ — не столько, впрочемъ, отъ настоящей нужды, сколько отъ молодости, неопытности и неумѣнія утилизировать лишнія части костюма. Мнѣ и сейчасъ стыдно подумать, что я могъ два дня ничего не ѣсть въ то время, какъ у меня было двѣ или три пары брюкъ, два пальто, теплое и лѣтнее, и т. п. [1]). Оканчивалъ курсъ я въ московскомъ университетѣ. Здѣсь матеріально жилось лучше: помогали товарищи и «комитетъ»; но въ другихъ отношеніяхъ я съ большимъ удовольствіемъ вспоминаю петербургскій университетъ: въ послѣднемъ сильнѣе дифференціація студенчества, и, среди рѣзко выраженныхъ и обособленныхъ группъ, скорѣе можно найти подходящую для себя среду. Въ 1894 г. въ январѣ я неудачно стрѣлялся; послѣдствіемъ неудачнаго выстрѣла было церковное покаяніе, наложенное на меня начальствомъ, и болѣзнь сердца, не опасная, но упрямая и надоѣдливая. За это время я дѣлалъ одну или двѣ неудачныя попытки писать, но съ большимъ удовольствіемъ и успѣхомъ отдавался живописи, которую люблю съ дѣтства, а именно: рисовалъ на заказъ портреты по 3 и по 5 р. штука. Усовершенствовавшись, я сталъ получать за портретъ по 10 и даже по 12 рублей.

Въ 1897 г. я получилъ дипломъ и записался въ помощники присяжнаго повѣреннаго, но съ самаго начала сбился съ правильнаго пути: мнѣ предложили давать судебные отчеты въ газету «Курьеръ», только что возникшую. Практики юридической мнѣ за недосугомъ пріобрѣсти не удалось: было у меня всего-на-всего одно гражданское дѣло, которое я проигралъ во всѣхъ инстанціяхъ, и нѣсколько уголовныхъ безплатныхъ защитъ.

[1]) Тутъ я написалъ первый свой разсказъ о голодномъ студентѣ. Я плакалъ, когда писалъ его, а въ редакціи, когда мнѣ возвращали рукопись, смѣялись. Такъ онъ и не былъ напечатанъ. *Прим. Л. Андреева.*

Въ 1898 году я написалъ, по предложенію секретаря «Курьера» И. Д. Новикова, первый свой разсказъ, пасхальный, и затѣмъ уже цѣликомъ отдался литературной дѣятельности, довольно разнообразной: одно время я составлялъ судебные отчеты, писалъ фельетоны подъ различными псевдонимами и разсказы. Теперь я занимаюсь одной беллетристикой и лишь изрѣдка пишу статейки на общественныя темы. Сильно помогъ мнѣ въ литературномъ отношеніи своими всегда дѣльными совѣтами и указаніями Максимъ Горькій.

Какое характерное, самовлюбленное кривлянье, какое беззастѣнчивое любованіе собою! Какія ходули! „Учился скверно...", „изъ поведенія имѣлъ не свыше четырехъ...", любилъ, когда выгонятъ изъ класса. Гуляетъ шалопай-мальчишка и на него свѣтитъ „свободный лучъ солнца". Скажите,—какая антитеза! Что твой Викторъ Гюго. „Я плакалъ, когда писалъ разсказъ о голодномъ студентѣ...", „смѣялся, когда въ редакціи мнѣ возвращали рукопись". И опять трогательная антитеза: смѣхъ и слезы!

23 лѣтъ г. Андреевъ неудачно покушался на самоубійство.

А вотъ біографія Максима Горькаго, который помогъ своими совѣтами и указаніями г. Андрееву. Судя по слогу, эта біографія, подписанная буквой А., должна бы принадлежать перу г. Леонида Андреева.

Въ событіяхъ жизни М. Горькаго есть все, чтобы поразить наше воображеніе, послужить канвой для романа, а пожалуй и сказки. Но если это и сказка, то красивая и умная, созданная самой жизнью, нашей скучной, сѣрой дѣйствительностью, которая въ ней неожиданно проявила свою мощь, скрытый и огромный запасъ таящихся въ ней силъ.

Максимъ Горькій (Алексѣй Максимовичъ Пѣшковъ) родился 14 марта 1869 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ отъ дочери богатаго красильщика Каширина, Варвары, и мѣщанина Максима Пѣшкова, по ремеслу обойщика. Отецъ и мать были повѣнчаны «самокруткой», потому что богатый дѣдъ и думать не хотѣлъ о свадьбѣ дочери съ незамѣтнымъ, только что пробивавшимъ свою дорогу въ жизни человѣкомъ. Отецъ умеръ въ 1872 г., когда Горькому было всего три года и онъ лежалъ больной холерой. Мать вышла замужъ за другого и скоро умерла отъ чахотки. Началось для Горькаго одинокое дѣтство, а потомъ и скитанія. Сначала онъ очутился на рукахъ суроваго дѣда и, подросши, сталъ бѣгать въ школу. Но, заболѣвши оспой, оставилъ ученіе, чтобы больше не возобновлять его. Едва ему исполнилось 9 лѣтъ, какъ его отдали въ магазинъ обуви «мальчикомъ», но тутъ онъ ошпарился кипяткомъ и былъ отосланъ хозяиномъ домой. Выздоровѣвъ, онъ поступилъ ученикомъ къ чертежнику, отъ котораго убѣжалъ, не вынеся его обращенія, и опредѣлился поваренкомъ на пароходъ. Пароходный поваръ, Смурый, оказался не только грамотнымъ человѣкомъ, но и любителемъ чтенія. Въ распоряженіе мальчика онъ добродушно предоставилъ свою библіотеку изъ случайныхъ книгъ, гдѣ рядомъ съ Некрасовымъ былъ Эккартсгаузенъ, тутъ же томъ «Современника», раз-

розненные номера «Искры» и старые романы. Служа на пароходѣ, Горькій хорошо узналъ Волгу, чья жизнь главная вдохновительница его произведеній, а благодаря смуровскимъ книжкамъ полюбилъ чтеніе. Къ 15-ти годамъ онъ возымѣлъ «свирѣпое желаніе» учиться и ради этого отправился въ Казань. Но «купить науку было не на что», и вмѣсто храма науки пришлось поступить въ крендельное заведеніе по три рубля въ мѣсяцъ и работать 18—20 часовъ въ сутки. Воспоминанія объ этомъ времени, самомъ тяжеломъ въ жизни писателя, читатель найдетъ въ разсказахъ Горькаго: «Коноваловъ», «Двадцать шесть и одна», «Бывшіе люди». Пришлось ему тутъ же въ Казани пробавляться и случайной работой,—таскать грузы, пилить дрова. Онъ жилъ въ компаніи босяковъ, «бывшихъ людей», бродягъ и нищихъ, которые, конечно, очень много для него сдѣлали, поставивъ даровитаго юношу лицомъ къ лицу съ проклятыми вопросами жизни: вѣдь каждый изъ этихъ бывшихъ людей былъ «живой, проклятый вопросъ, воплощенный въ судьбѣ человѣка, выброшеннаго изъ общества». *Какъ* создалась эта бродячая, босая Русь, чѣмъ живы они въ своихъ трущобахъ? Горькій узналъ и увидалъ здѣсь многое. Богатѣйшій матеріалъ для будущаго творчества, имъ самимъ пережитый, накопился у него. Дно и подонки жизни позналъ онъ, не заглянулъ туда, а проникъ въ самую глубину, пережилъ всѣ ея треволненія и тамъ, въ этой ямѣ, среди грязи нашелъ своихъ «героевъ»,—пусть оборванныхъ, пусть выброшенныхъ изъ общества, но все-же *людей* съ богатыми и разнообразными мыслями, богатыми и разнообразными настроеніями.

Въ 1888 г. Горькій покушался на самоубійство. Онъ прострѣлилъ себѣ легкое, но выздоровѣлъ, «прохворавъ, сколько нужно», потомъ торговалъ яблоками, служилъ сторожемъ на желѣзной дорогѣ, въ 90-мъ году очутился опять въ Нижнемъ, явившись туда «къ призыву». Здѣсь онъ впервые сошелся съ интеллигенціей. Избавившись отъ повинности, онъ пошелъ бродить, обошелъ Крымъ, Бессарабію, Кубань, очутился въ Тифлисѣ, гдѣ пристроился къ работѣ на желѣзнодорожныхъ мастерскихъ. Здѣсь же въ 1892 г. онъ началъ свою литературную дѣятельность, напечатавъ въ газетѣ «Кавказъ» разсказъ «Макаръ Чудра»... Годы скитаній и испытаній заканчивались. Горькій, не совсѣмъ, впрочемъ, сразу, а черезъ рядъ менѣе значительныхъ перипетій выступилъ на широкую дорогу, которая черезъ немного лѣтъ привела его къ всемірной славѣ и міровому вліянію на людей. Теперь онъ любимый писатель и у насъ въ Россіи, и во всей Европѣ, и въ Америкѣ, и даже Японіи.

Что говоритъ онъ намъ? Что проповѣдуетъ, ибо, какъ всякій крупный писатель, онъ въ то же время учитель и проповѣдникъ? Онъ говоритъ намъ о томъ, какъ богата, прекрасна окружающая насъ жизнь: онъ говоритъ, какъ хорошъ человѣкъ даже на днѣ своего паденія, въ грязныхъ трущобахъ большихъ городовъ; говоритъ о томъ, какъ загрязнили мы эту богатую, прекрасную жизнь своими низкими страстями, жаждой наживы, хамствомъ и тщеславіемъ, своей жадностью, неуваженіемъ къ своей личности и личности брата-человѣка.

Максимъ Горькій 19 лѣтъ отъ роду тоже покушался на самоубійство. „Онъ прострѣлилъ себѣ легкое... потомъ торговалъ яблоками". (Ну, развѣ же самый способъ изложенія не преисполненъ

кривлянья?) Потомъ сталъ любимымъ писателемъ даже въ Японіи. Заключеніе біографіи гласитъ, какимъ апостоломъ надо считать Максима Горькаго, какой онъ учитель и проповѣдникъ.

Проповѣдникъ босячества и анархіи, учитель антихристіанской морали возводится на степень носителя новаго свѣта. Мы не будемъ здѣсь разбирать Максима Горькаго. Онъ требуетъ особаго изслѣдованія, которое когда-нибудь вскорѣ и предпримемъ. Для насъ важна лишь его біографія, какъ образецъ статей „Журнала для всѣхъ", какъ примѣръ.

Замѣчательно въ обѣихъ біографіяхъ, что оба писателя покушались неудачно на самоубійство. Это выставляется, какъ особенное отличіе. Вродѣ какъ формуляръ о службѣ читаешь, гдѣ отмѣчено и у одного, и у другого полученіе очередной награды—Станислава 3 степени, что ли.

И зачѣмъ въ этомъ признаваться? Самоубійство ужасно. Неудавшееся самоубійство—смѣшно. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ неудачники-самоубійцы стрѣляютъ въ грудь. Это направленіе выстрѣла уже отнимаетъ отъ намѣренія лишить себя жизни его серьезность. Видно, что человѣкъ, хотя и угнетенъ, но еще рисуется, хотя и порѣшилъ съ собою покончить, но оставляетъ лазейку.

Особаго однако отличія на Л. Андрева и М. Горькаго ихъ попытки убить себя не возлагаютъ. Мы знавали многихъ изъ ихъ сверстниковъ, стрѣлянныхъ въ грудь. Намъ доводилось и узнавать причины такихъ покушеній. Онѣ всегда были пустыми, но одѣтыми въ ризу міровой скорби. Сидитъ себѣ этакій недоросль и чувствуетъ, что ему міръ тѣсенъ. Куда же въ самомъ дѣлѣ вселенной вмѣстить такую важную персону? Сидитъ недоросль и думаетъ: „о! если бы разрушить мірозданіе! Ну, Сатанаилъ послѣ паденія съ небесъ,—да и все тутъ. „Я не могу разрушить вселенную, такъ разрушу самого себя, ея лучшее украшеніе". „И міръ въ невѣденьи спокойномъ пусть доцвѣтаетъ безъ меня". Потомъ взялъ въ ручки пистолетикъ и прострѣлилъ онъ грудь свою, какъ поется въ одной старой пѣсенкѣ.

А на повѣрку иногда „міровая скорбь" сводится къ неимѣнію гривенника на папиросы или невозможности опохмѣлиться, послѣ вчерашняго пьянства.

Жизни не знаютъ, людей не знаютъ, добра отъ зла не отличаютъ, а самодурству научились, вѣру же въ Бога и надежду на Его милосердіе выкинули за окно вотъ и стрѣляются.

Конечно, коли такой недоносокъ, въ умственномъ и духовномъ отношеніи, застрѣлится, пожалѣешь его по человѣчеству, а пуще пожалѣешь его родныхъ, близкихъ. Но нерѣдко толька сознаніе

себя христіаниномъ удерживаетъ отъ жестокихъ, гнѣвныхъ словъ: „Туда ему и дорога. Дурная трава изъ поля вонъ!"

Мы не знаемъ причинъ покушеній на самоубійство „знаменитыхъ" нашихъ писателей, но, судя по нашимъ наблюденіемъ надъ другими, причины эти не могутъ быть серьезными. Ab uno disce omnes.

III.

Въ первыхъ трехъ тетрадяхъ „Журнала для всѣхъ" г. Н. Тимковскій далъ повѣсть „Звѣзды". По своему сѣрому тону повѣсть эта походитъ на всѣ прочія въ журналѣ. При этомъ она настолько типична, что даетъ понятіе и о всѣхъ другихъ. Дѣйствіе повѣсти происходитъ въ средѣ самой скучной и нудной. Разсказъ начинается такъ:

На окраинѣ города М., въ 1-мъ Проектированномъ переулкѣ, пустынномъ и немощеномъ, стоялъ большой, почернѣлый деревянный домъ. Окна фасада хмуро смотрѣли своими маленькими стеклами въ толстыхъ, старыхъ рамахъ черезъ скучный, сѣрый, тоже почернѣвшій отъ времени заборъ на огороды и пустыри, поросшіе бурьяномъ, заваленные всякимъ мусоромъ.

Въ вѣтряную погоду ставни оконъ дрожали и зловѣще скрипѣли на ржавыхъ петляхъ... Два крошечныхъ оконца въ мезонинѣ зіяли, какъ пустыя, черныя впадины глазъ; а когда попадали въ нихъ лучи вечерняго солнца, то казалось, что мезонинъ горитъ, а весь домъ подъ нимъ застланъ чернымъ домомъ...

За домомъ опять шли огороды, а за ними—поле, гдѣ виднѣлись городское кладбище и бойня.

Переулокъ былъ тихій. Днемъ дѣти огородниковъ играли иногда среди улицы въ бабки, или забредалъ иной разъ разносчикъ съ лоткомъ на головѣ, или провозили покойника на кладбище; но по вечерамъ въ переулкѣ не было видно ни души.

Если случалось ночью проходить здѣсь какому-нибудь запоздалому пѣшеходу, то огородныя собаки, заслышавъ его шаги, поднимали за заборомъ изумленный лай, а потомъ, продравшись сквозь дыру въ заборѣ и даже забывъ, что онѣ должны лаять, долго стояли среди улицы и смотрѣли съ недоумѣніемъ вслѣдъ необычному пришельцу.

На воротахъ почернѣлаго дома была прибита новенькая дощечка съ надписью: „Домъ губернскаго секретаря Петра Даниловича Орликова", и эта дощечка на старыхъ, побурѣвшихъ воротахъ рѣзала глазъ, какъ свѣжая заплата на изношенномъ платьѣ.

Годъ тому назадъ на этихъ воротахъ висѣлъ заржавѣвшій листъ съ выцвѣтшею надписью: „Домъ мѣщанина Я. Охулкина".

Старикъ Охулкинъ быстро шелъ къ смерти. Онъ за послѣднее время могъ, лишь съ помощью дворника, выходить на крылечко; около него ложилась старая, шершавая, облѣзлая, какъ и онъ, собака

Язва. Сидитъ себѣ старикъ, еле живетъ и посматриваетъ кругомъ. Племянникъ его, Орликовъ, человѣкъ лѣтъ подъ 40, мелкій чиновникъ, выслѣживаетъ смерть дяди-наслѣдодателя. Тотъ это знаетъ, издѣвается надъ ненавистнымъ племянникомъ и дразнитъ его, что уже сдѣлалъ духовное завѣщаніе. Орликовъ и вѣритъ и не вѣритъ. Онъ рѣшаетъ, что если духовное завѣщаніе сдѣлано, то въ пользу бѣдныхъ родственниковъ старика, Берендиныхъ.

Орликова авторъ изображаетъ весьма непривлекательнымъ.

Онъ--рыжеватый блондинъ, съ мелкими чертами лица, съ маленькими бачками на гладко выбритыхъ щекахъ. Волосы острижены подъ гребенку; пухлыя, какъ у лакомки-ребенка, губы, пухлый подбородокъ и что-то буднично-черствое, старческое, плоское и мелочное въ низкомъ лбу, въ холодныхъ крошечныхъ глазкахъ, въ стриженомъ затылкѣ, въ приплюснутыхъ ушахъ...

Угрозы старика и опасенія Орликова однако не оправдались. Охулкинъ умеръ безъ завѣщанія и домъ его перешелъ, по законному наслѣдованію, къ его племяннику.

Мечты Орликова сбылись: онъ сразу почувствовалъ себя хозяиномъ дома. На радостяхъ онъ даже насмѣшливо подмигнулъ покойнику, отекшее лицо котораго какъ будто выражало досаду на себя за то, что онъ попалъ въ такой просакъ. На похоронахъ, во время отпѣванія, Орликовъ опять не могъ удержаться и опять исподтишка подмигнулъ усопшему:

„Что, братъ, домъ-то вѣдь мой?“

На поминкахъ онъ велъ себя, какъ хлопотливый хозяинъ, и, обращаясь къ дальнимъ и бѣднымъ родственникамъ покойнаго, Берендинымъ, говорилъ:

— Что же вы такъ сидите? Ѣшьте, кушайте!.. Ѣшьте икру! Вонъ икра: видите,—черная?

Оголодавшія мать и дочь Берендины, вздыхая и давясь, ѣли, а сынъ, семнадцатилѣтній угрюмый юноша, смотрѣлъ волкомъ на Орликова и бурчалъ:

— Мы знаемъ безъ васъ, что икра черная...

Орликовъ сталъ домовладѣльцемъ. Каждый день ходилъ онъ на службу, а оттуда возвращался къ обѣду и начиналъ изводить окружающихъ: дворника, собаку Язву, — которая его ненавидѣла, еще при дядѣ и всегда, перейдя къ нему по наслѣдству, рвалась на цѣпи при его появленіи и лаяла на него, за что бывала бита арапникомъ нещадно,—жильцовъ и, наконецъ, домашнихъ. Жильцы были въ трехъ помѣщеніяхъ: въ подвалѣ,—„до такой степени гадкомъ, что въ немъ могли жить только крысы, да пьяницы“,—ютился пьяный башмачникъ Промокашкинъ; въ нижнемъ этажѣ полоумное, развратное и пьяное семейство Волосатовыхъ и въ мезонинѣ отставной учитель Никодимовъ, мечтатель и астрономъ. Орликовъ жилъ во

второмъ этажѣ. Авторъ изображаетъ, какъ семья ждетъ хозяина къ обѣду:

Въ столовой его съ нетерпѣніемъ ожидала сильно проголодавшаяся семья: жена, теща и мать.

Орликовъ женился нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ на молоденькой Зоѣ Берендиной, родственницѣ Охулкина: вмѣстѣ съ Зоей у Орликова поселились ея мать и братъ, которымъ некуда было дѣваться. Тутъ же жила собственная мать Орликова, никогда не разстававшаяся съ сыномъ, приземистая, толстая женщина, съ круглой. похожей на горбъ спиной и круглыми, безбровыми, красноватыми и хищными глазами. Теща Орликова, Елизавета Захаровна, не старая еще по лѣтамъ, но дряхлая, съ трясущейся на тонкой шеѣ головой, въ черной наколкѣ на жиденькихъ волосахъ, вязала что-то въ ожиданіи обѣда дрожащими, неумѣлыми руками, и дѣлала она это главнымъ образомъ въ пику Макринѣ Петровнѣ, которая совсѣмъ не умѣла вязать. Зоя, очень молодая, бѣлокурая, малокровная, съ блѣдно-голубыми, какъ будто пустыми глазами, стояла у горшка съ цвѣтами и мяла листокъ... Свекровь безъ всякой надобности передвигала на столѣ тарелки, ножи, ложки—собственно для того, чтобы лишній разъ доказать своимъ новымъ роднымъ, какъ необходимъ въ домѣ „настоящій хозяйскій глазъ".

Разговоръ между женщинами шелъ о сынѣ Берендиной, Львѣ.

— Вотъ ужъ Петенька пришелъ, а вашего Левки все нѣтъ,—говорила Макрина Петровна нараспѣвъ своимъ рѣзко-скрипучимъ голосомъ.

Она въ молодости лихо пѣла цыганскія пѣсни, чѣмъ даже прельстила нѣкогда своего покойника; теперь отъ ея голоса остался одинъ скрипъ, но это не мѣшало ей щеголять его звуками.

— Должно быть, онъ опять пошелъ красоваться природой, — продолжала она скрипѣть. -Опять достанется ему отъ Петра Данилыча.

— „Красоваться природой"... такъ не говорятъ, Макрина Петровна,— замѣтила дрожащимъ голосомъ Елизавета Захаровна и вдругъ начала задыхаться отъ волненія. Ее мучили и досада за насмѣшки надъ сыномъ, и страхъ за него, и собственная безпомощность передъ этой грузной, хищной, самоувѣренной бабой, которую ей захотѣлось уколоть ея невѣжествомъ.

— Когда я доживу до вашихъ лѣтъ, тогда я, можетъ, научусь говорить,—возразила свекровь, тоже задыхаясь отъ негодованія.

Съ тѣхъ поръ, какъ она стала матерью „домовладѣльца", она считала нужнымъ выражаться болѣе или менѣе изысканно и сама высоко цѣнила въ себѣ эту способность.

— Вы старше меня, Макрина Петровна,—возразила Елизавета Захаровна, дрожа и головой, и руками и заплетаясь языкомъ.

— Не знаю-съ... По крайности, я не дрожу вся, какъ студень. Вы лучше скажите своей дочери, чтобы она цвѣты не портила. Петенька заботится о томъ, чтобы въ домѣ было лучше, а вы... Впрочемъ, что-жъ вамъ о чужомъ соболѣзновать? Не вашими трудами нажито.

— Да и не вашими...—сказала Зоя, отходя отъ цвѣточнаго горшка.— Вы вѣчно, ко всему придираетесь,—особенно, когда голодны...

Зоя говорила правду: съ голодухи всѣ были болѣе обыкновеннаго раздражены, но поѣсть чего-нибудь безъ Петра Данилыча никто не рѣшался. Макрина Петровна могла еще урвать въ кухнѣ какой-нибудь

кусокъ, непремѣнно потихоньку отъ „новыхъ родственниковъ", чтобы не подать имъ дурного примѣра; но Елизавета Захаровна и Зоя не смѣли сдѣлать этого: одна Аграфена съѣла бы ихъ глазами за это.

Свекровь уже раскрыла было ротъ, чтобы отчитать невѣстку, но въ эту минуту появился Петръ Данилычъ въ халатѣ, а за нимъ—вертлявая Аграфена съ суповой миской.

Орликовъ поцѣловалъ мамашину шероховатую руку, а женѣ и тещѣ подставилъ для поцѣлуя гладко выбритую щеку.

— Вашего оболтуса опять нѣтъ? — сказалъ Орликовъ, садясь за столъ и обводя взглядомъ столовую.—Все собакъ гоняетъ?

Въ это время вошелъ Левъ, широкоплечій юноша, съ угрюмымъ, не то грязнымъ, не то закоптѣлымъ лицомъ и угловатыми манерами.

— А, пожаловалъ!—произнесъ Орликовъ, брезгливо прищуриваясь на него.--Въ солдаты бы тебя: тамъ научатъ порядку...

Левъ, ни на кого не глядя и не здороваясь, сѣлъ за столъ и началъ жевать хлѣбъ. Съ тѣхъ поръ, какъ его выгнали изъ гимназіи, онъ вотъ уже третій годъ донашивалъ сѣрую гимназическую блузу, которая сдѣлалась до смѣшного узка и мала, была вся въ прорѣхахъ и заплатахъ.

— Самая послѣдняя мода,—сказалъ Орликовъ, иронически оттопыривая свои пухлыя губы.

Зоя стала разливать супъ. Всѣ молча ѣли. Макрина Петровна глотала жадно, какъ акула; Елизавета Захаровна, дорвавшись до супа, забыла даже о сынѣ. Орликовъ, низко наклонясь надъ тарелкой, методически жевалъ вареное мясо, обнюхивая и смакуя каждый кусокъ, и въ то же время бѣгалъ глазами по столу, слѣдя за дѣйствіями своихъ домочадцевъ, какъ полководецъ—за движеніями непріятеля.

— Нынче казначей зоветъ меня проѣхаться съ компаніей въ Озерную Пустынь: жена у него именинница,- заговорилъ снисходительно Орликовъ, покончивъ съ мясомъ и принимая отъ жены тарелку съ супомъ.—Я говорю: „Господа, воля ваша, не могу отлучиться: у меня домъ. Вы, господа, не знаете этого, вы—не домовладѣльцы. Чуть отвернулся, сейчасъ весь домъ запакостятъ!"

— Рискъ—благородное семейство,—замѣтила ни къ селу, ни къ городу Макрина Петровна.

— Волосатовы вонъ помои выливаютъ изъ окна,—продолжалъ жирнымъ голосомъ Орликовъ.--Ходилъ къ нимъ объясняться, а тамъ чортъ знаетъ, что дѣлается...

— Охъ, у этихъ Волосатовыхъ такой карамболь идетъ! — сочувственно вздохнула Макрина Петровна. — Этотъ... какъ его? живетъ и съ самой, и съ дочерью. Тьфу? А мужъ неизвѣстно гдѣ болтается.

— Да онъ и не мужъ ей вовсе,—строго замѣтилъ Орликовъ.

— Нѣтъ, онъ-то законный мужъ, а это у сестры ея любовникъ...

— Да она не сестра ей доводится,—вступилась Аграфена (кухарка), пришедшая за тарелками, — а она просто... какъ сказать? мужнина бывшая душенька... А которыя теперича дѣти..

— Надо бы имъ набавить на квартиру,—въ раздумьи произнесъ Петръ Данилычъ.

— Волосатовы жалуются, что вы ворота рано запираете,—вмѣшалась Елизавета Захаровна, чувствуя теплоту отъ съѣденнаго горячаго супу и желая поговорить, хотя ей не было никакого дѣла ни до Волосатовыхъ, ни до воротъ.

— Во-первыхъ, ворота запираю не я, а дворникъ,—строго и внушительно замѣтилъ Орликовъ,—а во-вторыхъ, у меня на этотъ счетъ есть свои соображенія...

Орликову хотѣлось превратить свой домъ въ какую-то неприступную крѣпость: для этого онъ велѣлъ набить на заборъ гвоздей, перенести крыльцо во дворъ и запирать ворота аккуратно въ 9 часовъ вечера, не позже.

— Надо новую собаку завести,—промолвилъ онъ съ загадочнымъ видомъ. (Орликовъ любилъ намекать на то, что у него въ головѣ много секретныхъ соображеній, недоступныхъ пониманію другихъ). — Эту старую суку пристрѣлить пора.

— Язву пристрѣлить?—сказалъ, вспыхнувъ, Левъ, и въ голосѣ его послышалась угроза.

— Прошу не выскакивать съ носомъ!—оборвалъ его Орликовъ, поднимая неуклюжій палецъ въ обручальномъ кольцѣ.

— Но Язву такъ любилъ покойный...—пробормотала несмѣло Елизавета Захаровна.

— Еще бы! Онъ даже конуру ей въ наслѣдство оставилъ,—съехидничалъ Орликовъ.

Макрина Петровна громко расхохоталась.

— Стало быть, собаку онъ любилъ больше, чѣмъ васъ, потому что вамъ даже конуры не оставилъ,—сказала она, обращаясь къ Елизаветѣ Захаровнѣ и Зоѣ.

— Нѣтъ, онъ любилъ насъ и уважалъ,—затряслась Елизавета Захаровна.—Онъ только не успѣлъ предъ смертью...

— А знаете, какъ онъ называлъ васъ? — перебила ее Макрина Петровна, вращая своими безбровыми хищными глазами.—„Вонъ, говоритъ, опять мои „голыя дворняжки“ идутъ“. Это онъ о вашемъ дворянствѣ такъ.

— Я бы вамъ, Макрина Петровна, сказала на это одну штучку, да ужъ... вотъ говорить только не хочется.

— И не говорите: никто васъ за языкъ не тянетъ.

— Меня за языкъ никто не можетъ тянуть!..

— Вы лучше молчите, мамахенъ!—строго остановилъ ее Орликовъ, постукивая обручальнымъ кольцомъ по столу.—Помалкивайте про это уваженіе къ вамъ Охулкина, не срамите себя съ дочерью...

Онъ намекалъ на гадкую сплетню, пущенную кѣмъ-то про Зою еще при жизни Охулкина. Тогда Берендины существовали единственно на крохи, перепадавшія имъ отъ старика, и злые языки говорили, что Охулкинъ благодѣтельствуетъ Зоѣ вовсе не по-родственному. Орликовъ отлично зналъ, что это—клевета; но иногда нарочно намекалъ на нее чтобы больше унизить Берендиныхъ и отмстить имъ за прошлое. Два года тому назадъ онъ сватался къ Зоѣ и получилъ отказъ. Берендины возлагали тогда большія надежды на наслѣдство послѣ Охулкина и считали недостойнымъ для себя породниться „съ какимъ-то писцомъ-разночинцемъ“. Наслѣдство досталось не имъ, а Орликову, и Берендины, лишившіеся со смертью благодѣтеля послѣднихъ крохъ, принуждены были принять предложеніе Петра Данилыча. Орликовъ хвасталъ передъ сослуживцами, что женатъ на дворянкѣ; но въ то же время онъ глубоко затаилъ въ себѣ обиду и пользовался каждымъ случаемъ, чтобы отомстить женѣ и тещѣ за прежній пренебрежительный отказъ.

Левъ Берендинъ—главное лицо повѣсти г. Н. Тимковскаго. Орликовъ въ своей злобѣ называетъ его дармоѣдомъ и не ошибается. Онъ выхлопоталъ ему мѣсто писца въ полицейскомъ управленіи, но Левъ и недѣли не ужился тамъ. Его сослуживцы стали его высмѣивать на тему о томъ, какъ нѣкогда его покойнаго отца вытрезвляли въ полиціи. Левъ обругалъ ихъ „скотами“ и больше не пошелъ на службу.

Левъ гордъ, хотя и живетъ на хлѣбахъ у ненавистнаго человѣка. Онъ знаетъ, что его отецъ былъ пьяница, но любитъ его память.

Отецъ его былъ неглупый и даровитый, но страшный честолюбецъ и фантазеръ. Сгорая желаніемъ поскорѣе прославиться, прогремѣть, онъ судорожно хватался то за одно, то за другое: писалъ пьесы, изобрѣталъ машину для подбиранія зеренъ, носился съ разными грандіозными планами—и никогда не имѣлъ терпѣнія сдѣлать что-нибудь, какъ слѣдуетъ. Отъ постоянныхъ неудачъ онъ падалъ духомъ, дѣлался кислымъ, унылымъ. Елизавета Захаровна, замѣтивъ, что отъ вина онъ становился ласковымъ, веселымъ, сама подпаивала его. Суетная и легкомысленная, она никогда не глядѣла въ будущее, а хотѣла только, чтобы сейчасъ ей было пріятно или, по крайней мѣрѣ, не скучно.

Она спохватилась только тогда, когда мужъ втянулся въ вино и сталъ быстро катиться подъ гору. Чѣмъ ниже падалъ онъ, тѣмъ озлобленнѣе относился къ женѣ. Подъ конецъ онъ не могъ выносить ея присутствія,—бѣгалъ изъ дому, скитался по трущобамъ, валялся пьяный на улицѣ и бывалъ, дѣйствительно, вытрезвляемъ полиціей. Елизавета Захаровна ахала, ужасалась, жаловалась всѣмъ на безпутство мужа и находила, что онъ всегда былъ «какой-то выродокъ».

Левъ не понималъ, что отца сдѣлала пьяницей мать, но смутно чувствовалъ за ней какой-то большой грѣхъ передъ отцомъ. Онъ любилъ отца, и когда тотъ, за послѣдній годъ своей жизни, сдѣлался посмѣшищемъ для окружающихъ, Левъ, защищая его, часто вступалъ въ драки. Его то и дѣло били, но и онъ бивалъ—нерѣдко даже взрослыхъ. Въ лицѣ его все рѣзче обозначалось выраженіе угрюмаго вызова, и кулаки все чаще сжимались. Смѣлый и необузданный, онъ бросался, очертя голову, на толпу обидчиковъ и колотилъ направо и налѣво, не замѣчая въ какомъ-то самозабвеніи града ударовъ, сыпавшихся на него. Синяки и шишки не сходили у него съ лица; то на лбу, то на щекѣ у него постоянно зіялъ шрамъ или краснѣла огромная ссадина. Одно время онъ ходилъ съ перевязанной рукой и продолжалъ драться единственной здоровой... За необузданность свою онъ былъ уволенъ изъ 5-го класса гимназіи. Въ это же время умеръ его отецъ: онъ замерзъ пьяный на улицѣ. Эти два происшествія сразу сильно измѣнили Льва: онъ пересталъ драться и буйствовать и надолго замеръ въ мрачной задумчивости. Въ немъ быстро созрѣла мысль, что онъ долженъ быть опорой семьи: мать и сестра ничего не могутъ, ничего не умѣютъ, нужда все больше и больше надвигается,—а онъ, недоучка, выгнанный изъ гимназіи, безсиленъ помочь имъ. По цѣлымъ днямъ онъ молча сидѣлъ дома или бродилъ по улицамъ, думая свою безнадежную думу.

Между братомъ и сестрой происходятъ иногда разговоры вродѣ слѣдующаго.

— Ты, Зойка, читай больше — вотъ что! — произнесъ, помолчавъ Левъ.—Я на погребицѣ цѣлый ворохъ нашелъ. Не знаю—чьи, а только, нѣкоторыя здорово написаны, хлестко... Книги — великолѣпная вещь! Онѣ всегда противъ мерзавцевъ... Безъ нихъ превратишься въ слякоть... Мнѣ бы самому хотѣлось сочинять.

— Сочинять? Знаешь, я сама всегда сочиняю. Я люблю это...

Зоя оживилась; ея вяло-мечтательные глаза заблестѣли. Она повернулась къ брату и продолжала таинственнымъ полушепотомъ:

— Представлять себѣ, выдумывать разное—это такъ хорошо, самое лучшее въ жизни! Начну воображать—и тогда ничего, что около меня, не вижу... Особенно ночью, когда не спится... Петръ Даниловичъ какъ-то страшно храпитъ, будто не человѣкъ... Лежитъ такой противный, ротъ раскрытъ... Гадко!.. Ну, а какъ начну выдумывать, ничего ужъ и не замѣчаю. При лампадкѣ хорошо мечтать... Представляю себѣ, что все это—только сонъ, что вотъ вдругъ я просыпаюсь и вижу, что ничего этого нѣтъ: никакого мужа нѣтъ, ни Макринки, ни этого поганаго дома; а сижу я въ цвѣтникѣ съ мамашей и слушаю, какъ въ паркѣ музыка играетъ. Или балъ на кругу, и я въ бѣломъ платьѣ... Или будто я купаюсь въ Свербейкѣ... Помнишь, у насъ въ имѣніи рѣчка была? Или убѣгаю съ Кустинымъ во Францію... или куда-нибудь еще дальше.

— Съ олухомъ-то этимъ?

— Ну, ты этого не понимаешь. Ты не любишь выдумывать...

— Нѣтъ, очень даже люблю.

— Вотъ не повѣрю! Что же такое ты воображаешь себѣ?

— А вотъ что...

Онъ придвинулся къ сестрѣ и заговорилъ вполголоса:

— Будто лежитъ онъ ночью и храпитъ... А я будто вхожу потихоньку, вижу его поганыя бачки, жирную шею... Беру его за горло, сжимаю вотъ такъ...

— Ты ополоумѣлъ, Левъ!

— Чего кричишь, дура? Мамашу разбудишь... Сама, чай, была бы радехонька, если бы «домовой» протянулъ ноги,—прибавилъ онъ саркастически.—Тоже, чай, воображаешь себѣ? Не правда, что ли?

— Да, мнѣ тоже представляется... — отвѣтила, понизивъ голосъ, Зоя. — Будто просыпаюсь я, а онъ лежитъ мертвый... Только это страшно.. А грѣхъ-то какой!

— Ну, страшно только для трусовъ, — мрачно возразилъ Левъ,—а насчетъ грѣха...

Онъ задумался, и въ глазахъ его было что-то тоскливое.

— Эхъ, не съ кѣмъ въ этомъ анаѳемскомъ домѣ поговорить!— произнесъ онъ, ударивъ кулакомъ по пружинѣ кушетки. — Развѣ съ алхимикомъ?

— Съ кѣмъ?

— Съ Никодимовымъ. Я такъ прозвалъ его... Я у него бывалъ, книгъ просилъ... Обѣщалъ мнѣ.

— Смѣшной онъ... Должно быть, изъ ума выжилъ.

— Много ты понимаешь!

— Конечно, чудной. Сидитъ по ночамъ на чердакѣ, на небо въ кулакъ смотритъ...

— Онъ про звѣзды, чортъ его побери, хорошо говоритъ,— только я еще не раскусилъ, потому что у меня сумбуръ въ башкѣ. А главное,— злость. Ахъ, Зойка, я непремѣнно кого-нибудь изувѣчу! Такое поганство кругомъ,—съ души воротитъ!

— Чайку бы...—пролепетала Елизавета Захаровна, открывая мутные глаза.

— Съ вареньицемъ?—презрительно протянулъ Левъ и, гнѣвно отшвырнувъ стоящее на дорогѣ кресло, вышелъ изъ комнаты.

Левъ находитъ утѣшеніе только у Никодимова, философа и „астронома“. Съ нимъ ведетъ онъ странныя бесѣды, ему повѣряетъ свое семейное горе и несчастье своей сестры. Старика Никодимова судьба Зои не трогаетъ. Еслибы она и не вышла „за этого пошляка“, то все равно „не любовалась бы звѣздами, не глядѣла бы была вверхъ, а копошилась бы въ своей норѣ, и душа у ней все равно бы была величиной въ булавочную головку“. Никодимовъ находитъ, что „вся жизнь кругомъ есть мусоръ и слякоть. Люди эту слякоть создаютъ, люди въ ней вязнутъ, какъ свиньи“... Надо смотрѣть на небо, на звѣзды, чему и учитъ Никодимовъ Льва. Старикъ повѣряетъ своему юному собесѣднику собственную свою судьбу:

— Была у меня жена,—заговорилъ старикъ какъ бы самъ съ собой.—Я разошелся съ нею. Чрезмѣрно любила рукодѣлія и плевала на звѣзды. Никогда головы не подниметъ къ небу; всѣми корнями вросла въ землю. Сверхъ того, была очень чистоплотна и все шею мыла. Скажешь ей: „Иди сюда, посмотри, какія звѣзды!“—„Не могу выйти: мою шею“. Или сидитъ днемъ, вечеромъ, ночью и все колупаетъ что-нибудь иглой, спицами, крючкомъ, рогулькой; а лицо въ это время глупое-глупое. Выйдя замужъ, вся предалась домашнему скарбу. Лютая скопидомка была! Я пойду въ трактиръ съ компаніей, иной разъ напьюсь, отъ скуки, какъ сапожникъ... Она ревѣтъ. О чемъ? Не о томъ, что я въ свинью пьяную обратился, а ей денегъ жалко: „Ты, говоритъ, лучше одежду хорошую для себя покупай или что для дому!“ Очень любила, чтобы простыня на постели всегда была чистая... Меня тоже любила... Вотъ я и ушелъ отъ нея. Теперь она съ какимъ-то жидкомъ сошлась, табачную лавочку они открыли...

Левъ и Никодимовъ смотрятъ на звѣзды. Старикъ называетъ ихъ Льву и, наконецъ, ему первому читаетъ свое полубредовое сочиненіе „Мысли о небѣ и о землѣ ничтожнаго жителя ничтожной планеты“.

Дружба съ Никодимовымъ внесла нѣкоторый миръ въ озлобленную душу Льва.

Сѣрыя событія сѣрой жизни шли своимъ чередомъ, порождая мелкія повседневныя драмы. Орликовъ исполнилъ свое намѣреніе и на глазахъ Льва пристрѣлилъ собаку Язву, за что Левъ обзываетъ его палачомъ. Кухарка Аграфена и Макрина Петровна взводятъ сплетню

на Зою, будто она завела шашни. Орликовъ грозитъ женѣ, сжимаетъ ея руку такъ, что у нея остается слѣдъ отъ его перстня. Въ гадливой ненависти къ мужу, Зоя, въ припадкѣ гнѣва, увѣряетъ брата, что отравитъ Орликова. На утро она просыпается больная и не только не хочетъ убивать мужа, но даже уговариваетъ брата съ нимъ помириться. Левъ возмущенъ, но начинаетъ понимать, что если мать и сестра не хотятъ ссоры съ Орликовымъ, то ему и подавно нечего разжигать эту исторію. Однако обстоятельства сложились иначе. Было воскресенье; въ этотъ день Орликовъ приглашалъ къ себѣ обыкновенно на кулебяку своего пріятеля, телеграфиста Өедора Кузьмича. Онъ зналъ, что телеграфистъ ему завидуетъ, и любилъ похвастать передъ нимъ кулебякой, сервировкой, женой. Зоя, послѣ вчерашней сцены, была больна и не вышла къ пирогу. Орликовъ злился, а телеграфистъ дразнилъ его, увѣряя, что всѣ жены таковы—непокорныя, привередливыя.

Левъ сидѣлъ, терзаемый голодомъ и ненавистью къ Орликову, къ телеграфисту, къ Макринѣ Петровнѣ, къ ихъ жующимъ ртамъ и лоснящимся лицамъ. Макрина Петровна, положивъ всѣмъ кулебяки, какъ будто нечаянно забыла о Львѣ, и онъ сидѣлъ передъ пустой тарелкой, не зная, что онъ сейчасъ сдѣлаетъ: возьметъ ли самъ кусокъ кулебяки, или запуститъ пустой тарелкой въ чью-нибудь голову?

— Я добьюсь порядка,—сказалъ Орликовъ, вставая съ зловѣщей медленностью:—у меня хватитъ характера!—и пошелъ въ спальню.

— Полѣчи ее хорошенько, полѣчи!—проговорилъ ему вслѣдъ Өедоръ Кузьмичъ, наскоро выпивая четвертую рюмку.

Въ спальнѣ сначала было тихо... Макрина Петровна безшумно поднялась и на цыпочкахъ пошла къ двери.

Вдругъ до ушей Льва донесся смѣшанный шумъ голосовъ Орликова, Зои и Елизаветы Захаровны.

Онъ сорвался съ мѣста и побѣжалъ въ спальню... Макрина Петровна хотѣла загородить ему своимъ тучнымъ тѣломъ дорогу, но Левъ съ силой оттолкнулъ ее. Въ тотъ моментъ, когда онъ вбѣжалъ въ спальню, Орликовъ, съ поблѣднѣвшимъ отъ злости лицомъ, стаскивалъ больную Зою за ноги съ постели, а Елизавета Захаровна, обхвативъ дочь, кричала что-то непонятное.

Не помня себя, Левъ широко размахнулся и ударилъ Орликова по лицу; тотъ пошатнулся, схватился за щеку и упалъ на рукомойникъ.

— Ты драться? драться? — заревѣлъ телеграфистъ, вбѣгая въ спальню.

— Шкуру спущу! Въ живыхъ не оставлю! — визгливо закричалъ Орликовъ.

Левъ, увернувшись отъ телеграфиста, бросился изъ двери.

— Аграфена, дверь запри! Дворника позови! — кричалъ не своимъ голосомъ Орликовъ.

Пробѣгая черезъ столовую, Левъ хотѣлъ инстинктивно взять ножикъ, но ему попалась въ руку вилка съ кусочкомъ кулебяки. Схвативъ ее, онъ, блѣдный и страшный, повернулся къ своимъ врагамъ и поднялъ руку съ вилкой. Ошеломленные не столько вилкой, сколько его страшнымъ лицомъ, оба попятились.

Левъ выбѣжалъ въ парадную дверь и бросился къ Никодимову.

— Погоди, котлетъ изъ тебя нарубимъ! — кричалъ въ догонку ему Ѳедоръ Кузьмичъ.

— Подъ судъ мерзавца!—вопилъ Орликовъ.—Помни это, помни это! Не отбѣгаешься!..

Послѣ этого Левъ совсѣмъ поселился у Никодимова и углубился въ звѣзды. Созерцаніе звѣздъ спасло его даже отъ паденія въ сѣти мѣстной Цирцеи съ того же двора. На словахъ Левъ споритъ съ Никодимовымъ и говоритъ, что звѣзды вздоръ, но на дѣлѣ онѣ овладѣваютъ имъ.

Никодимовъ пріютилъ Льва, но въ его просьбѣ ссудить ему денегъ для начала самостоятельной жизни отказывалъ. Ему деньги были нужны на покупку зрительной трубы, которую, наконецъ, онъ пріобрѣлъ.

Левъ началъ тяготиться жизнью у „скареднаго" старика. Въ это время вдругъ въ мезонинѣ появилась Макрина Петровна. Она пришла звать Льва внизъ, увѣряя его, что Орликовъ, при помощи Ѳедора Кузьмича, нашелъ ему мѣсто. Надо только извиниться. Левъ пошелъ, подозрѣвая, что Никодимовъ имъ тяготится. Не успѣлъ онъ, войдя въ кабинетъ, открыть рта, какъ Ѳедоръ Кузьмичъ бросился на него, схватилъ его за руки, а Орликовъ исколотилъ его палкой.

Левъ рѣшилъ отомстить. Онъ поджегъ домъ Орликова. Паника овладѣла всѣми жителями двора при пожарѣ. Одинъ Никодимовъ стоялъ на чердакѣ и смотрѣлъ въ зрительную трубу на звѣзды, ничего не замѣчая. Его спасъ сумасшедшій Кузьма изъ семьи Волосатовыхъ.

Кузьма приставилъ лѣстницу къ стѣнѣ, быстро влѣзъ по ней и схватилъ старика. Никодимовъ, обезумѣвъ, держалъ обѣими руками трубу и не выпускалъ ее.

— Брось струментъ!- кричалъ ему снизу Промокашкинъ.—Брось, дуракъ!

— Брось!—Сгоришь.—Слѣзай скорѣй!—раздались голоса.

Кузьма сильно дернулъ старика. Труба вырвалась у него изъ рукъ и упала; послышался звукъ разбитыхъ стеколъ. Кузьма уже держалъ Никодимова въ охапкѣ и, при крикахъ толпы, съ ловкостью лунатика спускался по лѣстницѣ. Жадный огненный языкъ вдругъ вытянулся, шипя и извиваясь, подкрался къ нимъ и ожегъ Кузьму. Оба, и Кузьма, и старикъ, грохнулись съ средины лѣстницы внизъ.

Внезапный, непреодолимый ужасъ охватилъ Льва. Онъ вскрикнулъ и, какъ безумный, бросился со двора мимо людей, сундуковъ, узловъ, за ворота, мимо матери и Зои, прочь отъ этого шума и треска, отъ криковъ и воплей. Онъ несся по переулку, думая только о томъ, чтобы какъ можно скорѣе и дальше убѣжать отъ страшнаго мѣста. Мимо него съ грохотомъ промчались пожарные, потомъ пробѣжалъ возвращавшійся Иванъ въ сопровожденіи Зубчатки, которая прыгала

въ возбужденіи и взволнованно лаяла. За дворникомъ бѣжалъ Орликовъ. Шляпа у него съѣхала на затылокъ, пальто было распахнуто. Онъ нелѣпо размахивалъ палкой и страннымъ голосомъ выкрикивалъ: „О-о-о!.. у-у-у!“ Поровнявшись со Львомъ, онъ схватилъ его за рукавъ, приблизилъ къ нему свое блѣдное лицо съ трясущимися губами, встрѣтился съ нимъ взглядомъ—и вздрогнулъ...

— Это ты сдѣлалъ, ты!.. Въ острогѣ сгною! — прохрипѣлъ онъ, взмахнулъ какъ-то безтолково палкой и побѣжалъ дальше.

Мимо Льва протрусила, спотыкаясь и задыхаясь, Макрина Петровна. Онъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ и безсмысленно усмѣхнулся. По переулку, торопясь къ пожару, бѣжалъ народъ.

Левъ выбѣжалъ за городъ и остался наединѣ съ природой.

Левъ нервно передернулъ плечами и отвернулся отъ зарева. Онъ поднялъ голову кверху и, ошеломленный, застылъ въ неподвижности... По небу быстро бѣжали разорванныя тучки, а надъ ними, высоко-высоко, въ неизмѣримой, необъятной дали, искрились звѣзды, и Вега, дивная Вега переливалась бѣлымъ, нѣжнымъ, ликующимъ свѣтомъ. Какъ завороженный, смотрѣлъ онъ широко раскрытыми глазами на звѣзды, на свою любимицу Вегу, и вдругъ, точно молнія, блеснула въ немъ мысль, поразившая его своей неумолимой, небывалой ясностью: предъ лицомъ этого безпредѣльнаго, сверкающаго звѣздами неба вся его прошлая жизнь представилась ему, какъ сплошной припадокъ безумія...

Бываютъ моменты въ жизни, когда съ глазъ человѣка вдругъ спадаетъ завѣса, и ему на мгновеніе открывается высшая истина. Такъ случилось и со Львомъ: вздрагивая отъ холода, онъ стоялъ одинъ въ темнотѣ, среди пустого поля, чувствовалъ подъ ногами мокрую землю, а вдали — ужасное зарево, тянулся всѣмъ существомъ къ далекому небу, все выше и выше, въ свѣтлое царство звѣздъ,—и его пробудившаяся отъ страшнаго кошмара душа, глубоко потрясенная ощущеніемъ высшей красоты и правды, сверкнувшихъ передъ нимъ съ безмолвнаго неба, вся трепетала и перерождалась, испытывая и муку, и восторгъ. Въ ушахъ его звучали слова Никодимова: „Гляди кверху! гляди кверху!“ — и только теперь онъ ощутилъ во всей силѣ смыслъ этихъ словъ. Да, глядѣть кверху, рваться туда всѣми силами души, безъ отдыха, безъ остановки, безъ колебаній,—и тогда не будетъ въ жизни ни мрака, ни безумія!.. Онъ измѣнилъ звѣздамъ, отвернулся отъ неба, зарылся, какъ червь, въ землю, и отъ этой измѣны помутилась въ немъ душа, и обезумѣла, и стала похожа на этотъ злой, жадный и слѣпой огонь, который пожираетъ все безъ разбору и, пожравъ, самъ уничтожается. О, если бы она сіяла тѣмъ дивнымъ свѣтомъ, какимъ вѣчно блестятъ лучезарныя звѣзды!

И Левъ, судорожно сжимая руки, рвался къ нимъ душой и плакалъ, а въ ушахъ его все звучали слова:

— „Гляди кверху! Гляди кверху! Все выше, выше... туда, гдѣ вѣчно сіяютъ лучезарныя звѣзды“!..

Этимъ и кончается сія поучительная повѣсть. Не знаемъ, для какой надобности она написана. Читать ее нестерпимо тяжело и тѣмъ тяжелѣе, что, какъ видно изъ приведенныхъ выдержекъ, напи-

сана она живо и хорошо. Конецъ, правда, смятъ, но за это, хотя оно и не художественно, можно лишь благодарить автора: нельзя же было тянуть эту канитель до безконечности.

Но причемъ же тутъ „звѣзды“? Для чего примѣшаны „хоры стройные свѣтилъ“ къ этой заурядной повѣсти зауряднѣйшей мѣщанской жизни. Звѣзды, по правдѣ сказать, вышли бутафорскими, также какъ и звѣздочетъ, Никодимовъ. Для коренного повѣствованія, для развитія той мѣщанской трагедіи, которая разыгрывается между Львомъ и Орликовымъ, между Львомъ и окружающей его средою, въ этомъ „звѣздномъ“ пріемѣ не было никакой нужды. Драма и должна была развиваться среди первоначальныхъ элементовъ, положенныхъ авторомъ въ основу разсказа. Исходомъ ея должна была быть побѣда одной стороны: или Орликова, или Льва. Либо среда должна была засосать Льва, сломавъ его гордость, либо Левъ долженъ былъ бѣжать отъ среды, его губящей. Какіе тутъ нужны реальные исходы драмы,—это рѣшать уже дѣло автора, но возможны разные исходы: у Льва могла притупиться чувствительность, онъ могъ начать мелкую службу и втянуться въ нее, онъ могъ начать пить, какъ его отецъ, и допиться до того или иного паденія; у Льва могла явиться рѣшимость самодѣятельной работой вырваться изъ среды,—и на этомъ пути онъ могъ либо одержать побѣду, либо свихнуться; среда могла вогнать Льва въ чахотку; Левъ могъ наложить на себя руки; Левъ могъ начать вѣрить и найти рѣшеніе своихъ жизненныхъ запросовъ въ молитвѣ.

Ничего этого сдѣлать авторъ не пожелалъ. Онъ поставилъ случайно на дорогѣ своего героя сквернаго старика Никодимова, гадкаго эгоиста (почитайте его разсказъ о женѣ), бездѣльнаго мечтателя, ибо не съ научною же цѣлью онъ глядитъ на звѣзды, и притомъ старика картоннаго, придуманнаго, а не живого. Никодимовъ—это тотъ траппъ на сценѣ, куда, за неумѣніемъ автора докончить набросанное положеніе дѣйствующихъ лицъ, проваливается въ извѣстную минуту Левъ.

Самый этотъ Левъ — весьма заурядный, дерзкій, заносчивый, гордый неизвѣстно чѣмъ, довольно безхарактерный мальчишка. Авторъ хотѣлъ указать въ немъ признаки благородства и указалъ лишь признаки отсутствія всякихъ нравственныхъ основъ и всякой выдержки. Левъ ненавидитъ Орликова и не безъ основанія, но ѣстъ его хлѣбъ. Льва ежесекундно оскорбляютъ, онъ продолжаетъ быть на хлѣбахъ у врага. Льву вышло мѣсто въ полиціи. Онъ нашелъ, что тамъ и безъ него ословъ много, и вернулся опять на хлѣба къ Орликову. Левъ изъ-за чужого куска хлѣба, который можно получить, не работая, терпитъ всякія оскорбленія отъ мужа сестры и тотъ же Левъ оскорбляется пошлыми шутками товарищей-канцеля-

ристовъ и бросаетъ службу, которая могла ему обезпечить возможность уйти, рано или поздно, отъ Орликова.

Орликовъ очень скверенъ. Авторъ не пожалѣлъ красокъ на изображеніе его душевной черноты. Но, право, Орликовъ много лучше Льва. Да, это очень низменный человѣкъ, съ очень низменными инстинктами, человѣкъ не добрый, но онъ знаетъ, чего хочетъ, и ведетъ свою жизнь мокрицы, по тому пути, по которому ходятъ всѣ подобныя ему мокрицы. Какъ членъ общества, Орликовъ менѣе опасенъ, чѣмъ Левъ. Орликовъ, хотя бы трусости и благоразумія ради, дома не сожжетъ. Отъ Орликова—вредъ ближайшимъ людямъ, а на службѣ онъ, вѣроятно, весьма добросовѣстно исполняетъ свои механическія обязанность. Левъ опасенъ для общества. Это—тотъ протестующій элементъ, который не менѣе эгоистиченъ, чѣмъ Орликовъ, но заносчивѣе и требовательнѣе. Изъ такихъ Львовъ вырабатываются въ лучшемъ случаѣ хулиганы, босяки, въ худшемъ—динамитчики. Левъ не умѣетъ ни помириться съ условіями жизни, ни побѣдить ихъ.

Онъ находитъ выходъ въ стремленіи къ звѣздамъ. Онъ взираетъ на нихъ въ то время, какъ горитъ подожженный имъ домъ. Звѣзды объясняютъ ему безуміе его жизни и авторъ разстается съ своимъ героемъ, увѣренный, что пріобрѣлъ ему симпатіи читателей.

Левъ одержимъ нѣкотораго рода міровою скорбью; окружающіе люди для него мелки, всѣ ему противны; онъ и на звѣзды порой гнѣвается и только въ концѣ съ ними мирится. Фаустъ своего рода. У насъ теперь патенты на право скорбѣть міровою скорбью,—что нѣкогда составляло удѣлъ такихъ человѣческихъ величинъ, какъ Фаустъ, познавшій всю науку и ея тщету,—выдаются весьма легко. Комизмъ такихъ скорбящихъ переходитъ всѣ предѣлы. Ни у кого не тронется сердце, а наоборотъ, всякому будетъ смѣшно при видѣ какого-нибудь Льва, аппелирующаго къ свѣтиламъ небеснымъ по поводу разорванныхъ старыхъ штановъ. Приписываніе такой скорби такимъ мелкимъ негодникамъ имѣетъ свой особый смыслъ. Это принижаетъ все окружающее, а вѣдь главная цѣль всей подобной литературы увѣрить читателя, что на свѣтѣ нѣтъ ничего, кромѣ мерзости. Какъ будетъ далѣе видно, пріемъ этотъ прямо необходимъ для общей, главной цѣли изданій, подобныхъ „Журналу для всѣхъ".

IV.

„Звѣзды" вообще играетъ роль въ „Журналѣ для всѣхъ". Не успѣла окончиться въ январѣ-мартѣ повѣсть подъ этимъ заглавіемъ г. Тимковскаго, какъ въ апрѣльской книжкѣ уже появляется восточная

сказка В. В. Вересаева „Звѣзда“. Только это совсѣмъ другого сорта звѣзда. Звѣзды г. Тимковскаго сіяютъ на недосягаемой высотѣ, звѣзду г. Вересаева герой сказки снялъ съ неба и принесъ людямъ на землю.

В. В. Вересаевъ сразу завоевалъ себѣ видную литературную извѣстность своими смѣлыми разоблаченіями изъ области медицинской практики и врачебной этики. Въ этихъ надѣлавшихъ большого шума разоблаченіяхъ г. Вересаевъ проявилъ недюжинный талантъ, къ сожалѣнію не чуждающійся парадоксовъ. Во всякомъ случаѣ заговорили о г. Вересаевѣ недаромъ. Онъ этого вполнѣ заслужилъ.

Къ сожалѣнію, вышло какъ-то такъ, что г. Вересаевъ оказался сопричисленнымъ къ той странной новой плеядѣ писателей, которая имѣетъ въ своихъ рядахъ босяцкаго Гомера, Максима Горькаго, и копающагося въ порнографической грязи Леонида Андреева.

Сказка „Звѣзда“ не есть плодъ вдохновенія. Это дидактическая аллегорія, изложенная гладкимъ, но не своеобразнымъ языкомъ. Литературное достоинство сказки весьма посредственно, но учительная ея часть представляетъ интересъ при обозрѣніи „Журнала для всѣхъ“.

Это случилось въ давнія времена, въ далекомъ, невѣдомомъ краю.

Надъ краемъ этимъ царила вѣчная, черная ночь; гнилые туманы поднимались надъ болотистою землею и стлались въ воздухѣ; люди рождались, росли, любили и умирали въ сыромъ мракѣ. Но иногда дыханіе вѣтра разгоняло тяжелыя испаренія земли, и тогда съ далекаго неба на людей смотрѣли яркія звѣзды. Наступалъ всеобщій праздникъ. Люди, въ одиночку сидѣвшіе въ своихъ темныхъ, какъ погреба, жилищахъ, сходились на площадь и пѣли гимны небу; отцы указывали дѣтямъ на звѣзды и учили, что въ стремленіи къ нимъ—жизнь и счастье человѣка; юноши и дѣвушки жадно вглядывались въ небо, несясь къ нему душою изъ давившаго землю мрака. Звѣздамъ молились жрецы. звѣзды воспѣвали поэты; ученые изучили пути звѣздъ, ихъ число, величину и сдѣлали важное открытіе: оказалось, что звѣзды медленно. но непрерывно приближаются къ землѣ; десять тысячъ лѣтъ назадъ. какъ говорили совершенно достовѣрные источники, съ трудомъ можно было различить улыбку на лицѣ ребенка за полтора шага; теперь же всякій легко различалъ ее за цѣлыхъ три шага. Было внѣ всякаго сомнѣнія, что черезъ нѣсколько милліоновъ лѣтъ небо засіяетъ яркими огнями, и на землѣ наступитъ царство вѣчнаго, лучезарнаго свѣта. И всѣ терпѣливо ждали этого блаженнаго времени и съ надеждою на него умирали.

Такъ долгіе годы шла жизнь людей, тихая и безмятежная, согрѣваемая кроткою вѣрою въ далекія звѣзды.

Таково начало сказки. Однажды, повѣствуется дальше, звѣзды горѣли особенно ярко. „Безрасудный и непокорный“ юноша Адеилъ сталъ звать охотниковъ въ путь къ звѣздамъ, сорвать ихъ съ неба и водрузить среди народа на радость всей землѣ.

— Милый юноша! — заговорилъ старый Тсуръ, учитель умныхъ, свѣтъ науки.—Всѣмъ намъ понятна твоя тоска,—кто въ свое время не болѣлъ ею? Но невозможно человѣку сорвать съ неба звѣзду: край земли кончается глубокими провалами и безднами, за ними крутыя скалы, и нѣтъ черезъ нихъ пути къ звѣздамъ. Такъ говоритъ опытъ и мудрость.

— Не къ вамъ, мудрые, и обращаюсь я,—возразилъ Адеилъ.—Вашъ опытъ бѣльмами покрываетъ глаза ваши, и мудрость ваша ослѣпляетъ васъ. Къ вамъ взываю я, молодые и смѣлые сердцемъ, къ вамъ, еще не раздавленнымъ дряхлою старческою мудростью!

Адеилу отвѣтили не сразу. Одни отказывались идти, ссылаясь на нежеланіе огорчить родителей, въ очахъ которыхъ для нихъ, дѣтей, „свѣтъ и радость“, другіе отговорились необходимостью закончить начатыя постройки домовъ. Но многіе юноши и дѣвушки пошли за Адеиломъ, въ омутъ головой.

Прошло много времени и вдругъ начало свѣтлѣть небо. Тучи сбѣгали, „испуганно клубясь и толкаясь“. Это возвращался Адеилъ.

По дорогѣ тихимъ шагомъ шелъ Адеилъ и высоко держалъ за лучъ сорванную съ неба звѣзду. Онъ былъ одинъ.

— Гдѣ же остальные?—спрашивали его.

— Всѣ погибли,—отвѣтилъ Адеилъ обрывающимся голосомъ.—Погибли въ провалахъ и безднахъ, прокладывая пути къ небу.

Ликующая толпа окружила звѣздоносца. Дѣвушки осыпали его цвѣтами, отовсюду неслись восторженные клики:

— Слава Адеилу! Слава принесшему свѣтъ!

Онъ вошелъ въ городъ и остановился на площади, высоко въ рукѣ держа сіявшую звѣзду. И по всему городу разлилось ликованіе.

Ликованіе, однако, продолжалась недолго.

Люди ходили, сердитые и хмурые, потупивъ взоры, и старались не смотрѣть другъ на друга. Когда имъ приходилось идти черезъ площадь, глаза ихъ при видѣ Адеила загорались мрачною враждою. Не слышно было пѣсенъ, не слышно было молитвъ. На мѣсто разогнанныхъ звѣздою гнилыхъ тумановъ надъ городомъ невидимымъ туманомъ сгущалась черная, угрюмая злоба,—сгущалась, росла и напрягалась, и подъ гнетомъ ея нельзя было жить.

Люди рѣшили, что звѣзда причинила имъ одно горе. Свѣтъ лишилъ ихъ жизни и радости. Они жили мирно и безмятежно во мракѣ, любили свои жилища, свою тихую жизнь. При появленіи свѣта отрада исчезла, такъ какъ свѣтъ обнаружилъ всѣ ужасы: и грязь, и кровь. Все стало видно, всѣ тайныя движенія вышли наружу. И толпа стала кричать: „Долой звѣздоносца, да погибнетъ свѣтъ“.

Адеила хотѣли растерзать, но вступился старый жрецъ Сатзоя и сказалъ:

— Тяжкій грѣхъ берете вы на душу, проклиная свѣтъ! Чему мы молимся, чѣмъ мы живемъ, какъ не свѣтомъ? Но и ты, сынъ мой,—обратился онъ къ Адеилу,—и ты совершилъ не меньшій грѣхъ, снесши

звѣзду на землю. Правда, великій Брама сказалъ: «Блаженъ, кто стремится къ звѣздамъ». Но дерзкіе своею мудростію люди неправильно поняли слово Всемірночтимаго. Ученики учениковъ его растолковали истинный смыслъ темнаго слова Всемудраго: къ звѣздамъ человѣкъ долженъ стремиться лишь помыслами, а на землѣ тьма столь же священна, какъ на небѣ—свѣтъ. И вотъ эту-то истину презрѣлъ ты своимъ вознесшимся умомъ.

Далъ наставленіе Адеилу и старый Тсуръ.

— Безразсудно поступилъ ты, Адеилъ, и не можешь не видѣть самъ плодовъ своего безразсудства,—заговорилъ онъ.—По законамъ природы жизнь развивается медленно, и медленно приближаются къ жизни далекія звѣзды. При ихъ постепенно приближающемся свѣтѣ постепенно перестраивается и жизнь. Но ты не захотѣлъ ждать, ты на свой страхъ сорвалъ звѣзду съ неба и ярко освѣтилъ ею жизнь. Что же получилось? Ея неустройства рѣзко бросаются въ глаза, она выглядитъ грязной, жалкой и уродливой. Но развѣ мы раньше не догадывались, что она такова, и развѣ въ этомъ была задача? Не велика мудрость сорвать съ неба звѣзду и освѣтить ею уродства жизни. Нѣтъ, возьмись за черную, трудную работу переустройства жизни; тогда ты увидишь, легко ли очистить ее отъ накопившейся вѣками грязи, можно ли смыть эту грязь хотя бы цѣлымъ моремъ самаго лучезарнаго свѣта.

Адеилъ согласился, что со звѣздою онъ принесъ на землю скорбь, войну, а не миръ. Адеилъ сознается, что мечты его были безумны, что людямъ свѣтъ нуженъ лишь въ недосягаемомъ небѣ, „чтобы преклоняться передъ нимъ въ торжественныя минуты жизни“.

На землѣ же вамъ всего дороже мракъ, въ которомъ можно прятаться другъ отъ друга и, главное, быть довольнымъ собою, своею темною, проѣденною плѣсенью жизнью. Но еще больше, чѣмъ прежде, я почувствовалъ, что невозможно жить этою жизнью, что каждою каплею своей кровавой грязи, каждымъ пятномъ сырой плѣсени она неумолчно вопіетъ къ небу... Впрочемъ, могу васъ утѣшить: свѣтить моей звѣздѣ недолго. Тамъ, въ далекомъ небѣ, висятъ звѣзды и свѣтятъ сами собою; но, сорванная съ неба, снесенная на землю, звѣзда можетъ свѣтить, лишь питаясь кровью держащаго ее. Я чувствую, что жизнь моя, какъ по свѣтильнѣ, поднимается по моему тѣлу къ звѣздѣ и сгораетъ въ ней: еще немного, и жизнь моя сгоритъ цѣликомъ, и нельзя никому передать звѣзды: она гаснетъ вмѣстѣ съ жизнью несущаго ее, и каждый долженъ добывать звѣзду вновь. И къ вамъ обращаюсь я, честные и смѣлые сердцемъ, къ вамъ, которые, познавъ свѣтъ, ужъ не захотите жить во мракѣ. Идите въ далекій путь, и несите сюда новыя звѣзды. Дологъ и труденъ путь, но все-таки для васъ онъ будетъ ужъ легче, чѣмъ для насъ, впервые погибшихъ на немъ: тропинки проложены, пути намѣчены. И вы воротитесь со звѣздами, и не изсякнетъ больше ихъ свѣтъ на землѣ; а при ихъ неугасающемъ свѣтѣ невозможно станетъ такая жизнь, какъ теперь; высохнутъ болота, и исчезнутъ черные туманы, ярко зазеленѣютъ деревья; и тѣ, которые теперь въ ярости кидаются на звѣзду, волею-неволею возьмутся за переустройство жизни: вѣдь и вся злоба ихъ теперь оттого, что при свѣтѣ,—они чувствуютъ,— имъ невозможно жить такъ, какъ они живутъ. И жизнь станетъ, не-

ликою и чистою, и прекрасна будетъ она при лучезарномъ свѣтѣ питаемыхъ нашею кровью звѣздъ. А когда, наконецъ, спустится къ намъ звѣздное небо и освѣтитъ жизнь, то оно застанетъ ее достойною свѣта, и тогда ужъ ненужна будетъ наша кровь, чтобъ питать этотъ вѣчный непреходящій свѣтъ...

Сказалъ свое слово Адеилъ и умеръ. Прошли годы, память о звѣздѣ, принесенной однажды на землю, пугала людей. Они все опасались, что найдется другой безумный Адеилъ и вновь пойдетъ за звѣздою. Отцы боялись пробужденія такого стремленія въ дѣтяхъ. „И отецъ спѣшилъ объяснить сыну, что свѣтъ, конечно, хорошъ, но безумно пытаться низвести его на землю, что были такіе безумцы, и они безславно погибли, не принесши пользы для жизни". Проповѣди эти, однако, не достигали цѣли: то и дѣло уходили изъ родного гнѣзда то юноша, то дѣвушка. Не по пути ли, указанному Адеиломъ? И люди съ ужасомъ видѣли, что имъ придется приняться за громадную работу перестройки жизни. „И со смутнымъ безпокойствомъ вглядывались они въ далекій, темный горизонтъ, и имъ казалось, что надъ нимъ ужъ начинаетъ мелькать трепещущій отсвѣтъ приближающихся звѣздъ".

Сказка довольно нескладная, мѣстами грѣшащая смѣшными образами, какъ, напримѣръ, несеніе звѣзды за лучъ или долгое стояніе Адеила на площади въ позѣ статуи. Смѣшно это потому, что и сказка должна имѣть свою условную правдоподобность, а приведенные образы совсѣмъ, даже по сказочному, ни съ чѣмъ несообразны.

Но если есть шероховатости въ изложеніи сказки, зато проповѣдь, въ ней заключенная, ясна и очевидна.

Авторъ устами старыхъ мудрецовъ Сатзои и Тсура, поклонниковъ свѣта, но постепеновцевъ, достаточно опредѣляетъ невозможность искусственнаго прогресса, но, по его мнѣнію, долго ждать не надобно, а примѣръ безумца Адеила для него примѣръ достойный подражанія, хотя Адеилу его попытка стоитъ всей его крови и, слѣдовательно, жизни. Пусть и другіе идутъ по тому же пути. Когда-нибудь звѣзды сойдутъ на землю, тогда свѣтъ не будетъ покупаться цѣною крови.

Авторъ не замѣчаетъ или дѣлаетъ видъ, что не замѣчаетъ истиннаго значенія Адеила. Адеилъ не только идеалистъ-безумецъ, онъ сынъ противленія. Адеилъ—революціонеръ. Онъ отдаетъ свою кровь и гибнетъ, будутъ гибнуть и другіе, но, наконецъ, настанетъ пора, когда гибнуть перестанутъ, ибо свѣтъ восторжествуетъ.

Упущено изъ виду, что и старый Тсуръ не отрицаетъ созидательной работы, но онъ не вѣритъ въ оздоровленіе, въ просвѣщеніе, являющіяся сразу, какъ дама изъ шляпы фокусника. Тсуръ пропо-

вѣдуетъ ту мелкую работу каждаго, которая, будучи сложена съ работами всѣхъ другихъ, даетъ прочный и твердый результатъ, совершаетъ лишній шагъ къ свѣту. А безумный Адеилъ, какъ ребенокъ, развертывающій незрѣлый бутонъ, дабы поскорѣе увидать цвѣтокъ, бѣжитъ отъ мелкой, повседневной работы. Ему нужна работа міровая, т. е. такая, которую и работать нечего, ибо для одного поколѣнія она не подъ силу. Проще и веселѣе, хотя бы цѣною крови, рисоваться передъ всѣми, нежели сидѣть въ углу и совершать невидное, но полезное муравьиное дѣло.

Положимъ, выше головы не прыгнешь и, шагая черезчуръ широко, пополамъ разорваться можно, но, говорятъ себѣ Адеилы, рискъ—благородное дѣло. А рисковать имъ легко: они—въ жизни не имѣютъ ни привязанностей, ни вѣры, ни обязанностей, ни охоты къ труду, ни даже молодой жажды жизни, ради жизни. Отчего же при этихъ условіяхъ и не лѣзть на стѣну?

Для насъ почтеннѣе звѣздоносца Адеила (а часто эти звѣздоносцы факелъ пожаровъ принимаютъ за свѣтъ небесный) тѣ, которые не послѣдовали за нимъ, видя радость и жизнь въ очахъ своихъ родителей, да и тѣ, которые пожалѣли о недостроенныхъ домахъ своихъ.

Мы, говоря это, не буржуазную мораль проповѣдуемъ, мы лишь хотимъ оставаться въ предѣлахъ земной, ощутимой каждому правды. Безъ собственности нѣтъ строя общественнаго и государственнаго, какъ нѣтъ его безъ семьи. Человѣку свойственно любить своихъ близкихъ и радѣть о своемъ достояніи. Если на этомъ поприщѣ онъ исполнитъ долгъ гражданина и человѣка, то онъ уже много сдѣлалъ для общаго, большого дѣла. Тотъ, кто любитъ всѣхъ,—никого не любитъ. Кто не способенъ къ любви семейной, кто не способенъ любить отца, мать, жену, дѣтей, тотъ не способенъ любить и человѣчество.

Свѣтъ, въ широкомъ его понятіи, есть и матеріально, и отвлеченно величайшее благо, и вся жизнь человѣчества есть непрестанное поступательное движеніе къ свѣту. Не надо только вотъ чего забывать: лучи солнца живительно грѣютъ; тѣ же лучи, собранные въ фокусъ двояко выпуклаго стекла, жгутъ. Парникъ съ тусклыми стеклами выращиваетъ среди холода растенія, парникъ съ зеркальными стеклами губитъ ихъ. Нива подъ вліяніемъ лишь дождей сгниваетъ, нива подъ вліяніемъ лишь солнечнаго жара сгораетъ. Законъ свѣто-тѣни, какъ и законъ постепенности роста, непреложны. И никакіе безумные Адеилы законовъ этихъ не прейдутъ и не измѣнятъ. Адеилы заподозрятъ насъ, пожалуй, въ проповѣди мрака, но это лишь потому, что они, стремясь, будто бы, къ звѣздамъ, въ сущности дальше своего носа ничего не видятъ. Они не хотятъ понять, что законъ свѣто-тѣни неизбѣженъ для духа въ оболочкѣ матеріи.

что достиженіе полнаго свѣта возможно лишь при соединеніи духа съ Богомъ, по освобожденіи его отъ земной матеріальной оболочки.

Все это необходимо было сказать, ибо сказка г. Вересаева, затемняя важный вопросъ, ею поставленный, приводитъ поверхностнаго читателя къ совсѣмъ неправильному, но желаемому авторомъ выводу.

Напрасно г. Вересаевъ скорбитъ о родителяхъ, удерживающихъ дѣтей отъ пути Адеила. Это вполнѣ естественно и странно было бы, еслибы встрѣчались родители, посылающіе сыновъ и дочерей на безполезную и въ большинствѣ случаевъ позорную гибель.

V.

Приведенныхъ двухъ разсказовъ достаточно для характеристики „Журнала для всѣхъ" и его направленія.

Въ журналѣ много чтенія. Въ немъ участвуютъ люди съ именами: гг. Маминъ-Сибирякъ, Гаринъ, Фофановъ, Бальмонтъ... Въ прошломъ году въ немъ была напечатана грязная повѣсть г. Л. Андреева „Въ туманѣ". Въ немъ помѣщаются „мысли" графа Л. Н. Толстого, въ немъ же найдется и его портретъ.

Мы уже говорили, что беллетристика журнала занята преимущественно мрачными картинами. Укажемъ еще на слѣдующія повѣсти.

Вотъ, „Со службы" И. Жилкина (октябрь). Солдатъ везетъ безнадежно больного товарища домой. Съ нимъ ѣдетъ выпущенный въ запасъ товарищъ, отсидѣвшій по приговору суда въ тюрьмѣ за допущеніе побѣга арестанта. Изображенъ грязный душный вагонъ III класса. Идутъ нудныя, скорбныя рѣчи.

Вотъ, въ той же книжкѣ, „Аврамка", набросокъ К. Кацелло. Печальная картина умирающаго крестьянскаго мальчика и посѣщеніе его учителемъ. Вотъ (ноябрь) „Не ошибка ли?" П. Корнева—этюдъ изъ крестьянскаго быта, исторія разоренія семьи „добрымъ" міроѣдомъ.

А тамъ еще въ какой-то повѣсти докторъ, дежурный въ больницѣ подъ Новый годъ, готовый отравиться съ тоски.

Тяжело читать, тяжело давать обо всемъ этомъ отчетъ. Точно въ жизни ничего, кромѣ мрака и бѣдствія, нѣтъ. Есть, конечно, бываютъ и свѣтлыя, и радостныя стороны, да зачѣмъ же онѣ нужны „Журналу для всѣхъ"? Его читатель, (а легко можетъ статься, что заплатившій 1 р. за журналъ, по бѣдности, болѣе ничего и не имѣетъ возможности читать), наѣвшись до оскомины всѣми бѣдами и горестями, ему преподнесенными, увѣруетъ, что вся жизнь, вся современная дѣйствительность—сплошной мракъ и ужасъ.

А это только и нужно Ставъ пессимистомъ, читатель повѣритъ, что все, чего сейчасъ нѣтъ,—хорошо, потому что все, что сейчасъ есть,—дурно. Можно ли придумать лучшую почву для проповѣди „либеральныхъ“ (какого угодно образца) началъ.

Эта система посѣва пессимизма входитъ вообще въ правила нашихъ такъ называемыхъ либераловъ. Мы не стали бы и говорить о ней, если бы она не примѣнялась въ столь дешевомъ и притомъ обстоятельно веденномъ журналѣ.

Мы вовсе не стоимъ за замалчиванье язвъ общественныхъ. Ихъ обличать необходимо, но безъ односторонности, а главное, съ вѣрою въ зиждительныя народныя силы. Плачъ же ради плача, сдобренный безумствами вересаевскаго Адеила, кромѣ умственнаго растлѣнія, озлобленія и ненависти, ничего въ читателѣ не воспитываетъ.

VI.

Опять о г. Розановѣ—«Новый Путь» (ноябрь 1903 г.)

Мы надѣялись, что въ прошломъ обозрѣніи уже покончили съ г. Розановымъ и что онъ закупается до конца въ миквѣ безъ насъ. Но писатель этотъ въ продолженіи своей статьи объ „Юдаизмѣ“ пошелъ еще далѣе, чѣмъ мы отмѣчали и чѣмъ ожидать было возможно.

Продолжая цитировать принявшаго православіе еврея Цейхенштейна, г. Розановъ приводитъ его разсказъ о томъ, какъ отецъ Цейхенштейна, бросивъ всѣ дѣла, погрузился исключительно въ чтеніе еврейскихъ учительныхъ книгъ.

Авторъ нашъ,—пишетъ г. Розановъ, — еврей-христіанинъ, дѣлаетъ подстрочное примѣчаніе къ слову *Зоаръ*, важности котораго самъ не отгадываетъ:

„Это—весьма почитаемая книга, сочиненіе извѣстнаго талмудиста Рабайнаго-Шимона-бенъ-Іохая. Книга эта написана на языкѣ не совсѣмъ понятномъ, именно на халдейскомъ, и довольно загадочна по содержанію, такъ что съ точки зрѣнія здраваго смысла выходитъ, что книгу эту сочинялъ не еврей, а христіанинъ, или если еврей, то изъ тѣхъ, что увѣровали во Христа, какъ въ Сына Божія. Вся книга наполнена трактованіемъ о страстной, неизмѣнной любви Бога къ Шехинѣ, о любовномъ соединеніи Бога съ нею, Шехиною, и происхожденіи, отъ этого соединенія, смотря по обстоятельствамъ, либо *Баръ анфинъ* (увеличенное лицо), либо *Зайиръ анфинъ* (уменьшенное лицо). Ясно, какъ день, что авторъ этой книги признавалъ тройственность лица Бога и подъ словомъ Шехина подразумѣваетъ Святого Духа. Блаженные же евреи, точно одурманенные, съ невыразимымъ наслажденіемъ читаютъ извѣстные тексты этой прямо противорѣчащей ихнему убѣжденію книги, не желая вникнуть въ смыслъ прочитывае-

маго. Такъ напр. при встрѣчѣ царицы Субботы въ пятницу вечеромъ читаются два слѣдующіе текста: „*Кечавно деиныпъ Мисіахъ-даенъ лейло* и *Розо даедохъ*; смыслъ обоихъ текстовъ сводится къ тому, что Богъ соединяется любовью съ возлюбленнымъ Имъ существомъ и т. д. Что же, на самомъ дѣлѣ, читаютъ они, добрые евреи-то, и главное такъ восхищаются? Непонятно, право".

Не нужно подсказывать читателю, до какой степени авторъ этого разсказа не понимаетъ предмета, о которомъ говоритъ. По-русски это просто звучитъ: „любовное соединеніе Бога съ Шехиною". Но вѣдь нашъ „Богъ" есть „Ело*гимъ*" (*не* ед. число; форма ед. числа—Ело*ахъ*) первой строки *Книги бытія*: „Барà Елогимъ" (=„вначалѣ *сотворилъ Богъ*", т. е. небо и землю). Ученые гебраисты говорятъ, что Ело*гимъ* здѣсь поставлено во множественномъ (будто бы) числѣ, не съ инымъ оттѣнкомъ, какъ мы употребляемъ „небеса" вмѣсто „небо", т. е. что это фигуральное выраженіе безъ реальной въ немъ подкладки; напротивъ, богословы, какъ и бѣдный нашъ еврей-перекрещенецъ, не менѣе его видятъ здѣсь указаніе на Св. „Троицу". Между тѣмъ „Елогимъ", „Елоахъ" имѣетъ корнемъ своимъ *Ел*, звукъ, который входитъ въ *Белъ*, или, если мы отдѣлимъ приставку, въ *б'Ел*—божество всѣхъ семитическихъ племенъ, которое, съ начала нашей эры переименованное въ *Вель*зевула,—стало „княземъ бѣсовскимъ". Замѣтимъ, что у греческихъ писателей встрѣчается *Белъ* и *Елъ*, такъ что первый звукъ *б* не былъ твердо ясенъ для греческаго уха. О немъ-то пишетъ Санхоніатонъ, древнѣйшій финикійскій писатель-историкъ, фрагменты котораго, сохраненные у христіанскихъ писателей, дошли до насъ: „*б'Элъ* имѣлъ обрѣзаніе genital'ій и принудилъ къ тому же другія (низшія) божества" Туманный и безсмысленный отрывокъ, въ которомъ цѣнно только, что финикійскій *б'Елъ* началъ для Тира, Сидона и Карѳагена то самое, что для Сіона началъ „Елогимъ". Но около „Бэла" есть „Ашера" и вотъ тутъ-то мы и находимъ настоящій комментарій какъ къ „Шехинѣ" бѣднаго виленскаго еврея, такъ и *не* къ единственному, но и *не* къ множественному, а конечно, двойственному числу Елогимъ: Елоахъ и Шехина „въ любовномъ соединеніи", о которомъ читалъ анахоретъ-талмудистъ, и образуютъ „не слитно и не раздѣльно" существо *Елогимъ*. А что это—такъ, видно изъ того, что глаголъ „бара", „сотворилъ", поставленъ въ единственномъ числѣ. „Небеса сія*ютъ*", „небеса вид*ны*", „небеса грем*ятъ*"—вотъ отвѣтъ филологамъ, не замѣчающимъ, что сколь фигурально ни было бы поставлено во множественномъ числѣ подлежащее, при немъ и сказуемое стояло бы тоже во множественномъ числѣ. Но есть только одинъ актъ, который *пока* длится и поскольку длится, — самая суть этого акта, *хотя онъ единъ*, заключается въ *двойственности его производителей*. Но когда такъ,—то, очевидно, въ Вильнѣ, Варшавѣ, Вѣнѣ не умеръ „древній Белъ", ни около него „Ашера", и только они живутъ подъ другими именами. Тотъ же человѣкъ, но уже перемѣнилъ паспортъ.

Прочтите этотъ кабалистическій, этотъ богохульный туманъ. Положимъ, г. Розановъ до всего можетъ договориться. Въ той же книжкѣ „Новаго пути" есть столь срамное мѣсто (примѣчаніе г. Розанова на страницахъ 189 и 190), что его не только привести, но и говорить о немъ невозможно. И все-же мы не ждали, чтобы г. Ро-

занов позволилъ себѣ такъ объяснять тайну сотворенія міра, какъ онъ ее объясняетъ.

Нельзя не дивиться, что общество наше, читающая публика наша не протестуетъ противъ такихъ писаній. Это прямо указываетъ на паденіе нравственнаго и религіознаго уровня. Мы именно читателей винимъ въ существованіи въ печати подобныхъ кощунствъ.

Г-на Розанова что же винить? Человѣкъ видимо страдаетъ острой формой эротоманіи и, думая безпрерывно о плотскомъ общеніи половъ, несетъ его и въ тайники религіи, и на небо. Съ такихъ людей не взыскиваютъ, ихъ лѣчатъ.

Не винимъ мы и „Новый Путь" за отведеніе г. Розанову „своего угла" для упражненія въ сладострастно-научныхъ (псевдо-научныхъ при этомъ) неопрятностяхъ. Для „Новаго Пути" чѣмъ чуднѣе— тѣмъ лучше. Нельзя же винить кафешантанъ за гривуазныя пѣсни и пляски. На то онъ и кафешантанъ. Нельзя же винить „Новый Путь" за срамныя статьи, когда онъ именно тѣмъ и новъ, что ничѣмъ не стѣсняется.

Винимъ лишь читателей. Пора имъ перестать заглядывать въ эти дурныя книги.

Н. Я. Стародумъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

I. Внутреннее обозрѣніе.

Къ событіямъ на Кавказѣ. За послѣднее время разъяснились нѣкоторыя недоразумѣнія, которыя должны были возникнуть даже у самыхъ вдумчивыхъ россійскихъ читателей, подъ впечатлѣніемъ торопливо и неясно проредактированныхъ телеграммъ изъ Тифлиса. Точную картину теперешняго фазиса армянской крамолы мнѣ теперь нетрудно возстановить полностью, какъ на основаніи свѣдѣній, проникшихъ въ печать, такъ и по даннымъ, полученнымъ мною изъ края.

Когда въ „Новомъ Времени", по поводу армянскихъ безпорядковъ, нѣсколько разъ выражалось пожеланіе, чтобы католикосъ Мкртичъ Хримянъ обратился къ своей паствѣ съ увѣщаніемъ, любому читателю, мало-мальски знакомому съ кавказскими дѣлами, была очевидна ошибочность такой постановки вопроса, ошибочность по меньшей мѣрѣ странная для большой газеты, обладающей всѣми средствами, чтобы быть освѣдомленною. Проще всего признать это даже не ошибкою, а лукавымъ юморомъ, соль котораго, однако, среднему читателю недоступна. Не менѣе ошибочнымъ оказалось предположеніе почтенной газеты, что покушеніе на главноначальствующаго, кн. Г. С. Голицына, было совершено не армянами, а пресловутыми кавказскими разбойниками; необходимо признать, однако, что первая депеша изъ Тифлиса легко могла подать поводъ къ подобному заблужденію туманностью своего изложенія. Совершили, молъ, преступленіе трое *туземцевъ*, а какихъ именно туземцевъ,—это еще выяснено не было. Надо было хорошо знать край и слѣдить за ростомъ армянской крамолы, чтобы истолковать указанное печальное извѣстіе болѣе или менѣе правильно. Признаюсь откровенно: не взирая на мой кавказскій опытъ, я подумалъ въ первую минуту, зная патентованную трусость армянъ, что на жизнь кн. Голицына посягнули туземцы не-армяне, а лишь подкупленные этими послѣдними, или, въ самомъ крайнемъ случаѣ, армяне турецкіе, привыкшіе обращаться съ оружіемъ и, такъ сказать, полу-

чившіе обстоятельное революціонное воспитаніе. Оказалось вѣрнымъ именно послѣднее предположеніе, да и то не вполнѣ, ибо одинъ изъ убійцъ принадлежалъ къ армянамъ, говорящимъ по-грузински т. е. *мѣстнымъ*.

При этомъ возникло новое недоразумѣніе: съ одной стороны, телеграфъ сообщилъ, что раны, полученныя кн. Голицынымъ, относились къ числу легкихъ, а съ другой — было по меньшей мѣрѣ странно читать, что три вооруженныхъ кавказца, напавшіе врасплохъ съ цѣлью убійства, не смогли нанести ни одной смертельной раны безоружному человѣку, стѣсненному въ своихъ движеніяхъ и представлявшему собою значительную мишень для ударовъ; эти люди, вдобавокъ, силились вытащить князя изъ коляски. Тутъ само собою, стало быть, напрашивалось предположеніе, что нападавшіе стремились лишь оглушить своими ударами и затѣмъ похитить князя-главноначальствующаго.

Позднѣйшія свѣдѣнія совершенно опровергаютъ такое предположеніе. Во-первыхъ, оказывается, что раны, полученныя княземъ Голицынымъ, гораздо болѣе серіозны, чѣмъ предполагалось ранѣе, и что маститый начальникъ края потерялъ очень много крови. Во-вторыхъ, убійцы мѣтили въ голову (и это спасло князя) вслѣдствіе ходившаго между армянами слуха, будто бы князь подъ форменною одеждой носилъ кольчугу или панцырь. Объ этомъ предохранительномъ панцырѣ, не стѣсняясь, разсуждали даже въ Эривани и Эчміадзинѣ. Ясно, стало быть, что было задумано не похищеніе, а звѣрское убійство, слава Богу, не удавшееся.

Нельзя не возмущаться тѣмъ, что тифлисская полиція проявила въ данномъ случаѣ такое постыдное ротозѣйство. Князь Г. С. Голицынъ, какъ человѣкъ мужественный, могъ не пожелать окружать себя конвоемъ; но развѣ послѣ цѣлаго ряда анонимныхъ угрозъ и иныхъ симптомовъ армянской крамолы, не обязана была тифлисская администрація, по собственному почину, охранять обычныя мѣста прогулокъ начальника края?! Есть предѣлъ, когда непредусмотрительность заслуживаетъ названія преступной, ибо играетъ въ руку анархическимъ элементамъ.

Связь между армянскими демонстраціями по поводу реформы въ управленіи имуществами армянской церкви и покушеніемъ на жизнь кн. Г. С. Голицына болѣе чѣмъ очевидна. Достаточно вспомнить, что Эчміадзинъ прикармливаетъ банды буйныхъ турецкихъ армянъ, что католикосъ Мкртичъ I открыто выступаетъ въ качествѣ иниціатора сопротивленія распоряженіямъ Верховной Власти и, въ частности, издалъ кондакъ, взывающій къ таковому неповиновенію: наконецъ, что сопротивленіе, какъ извѣстно, выразилось во многихъ мѣстахъ Закавказья въ вооруженномъ столкновеніи армянской толпы

съ войсками, и что священникъ Теръ-Араратовъ въ столицѣ края, въ полномъ облаченіи, произнесъ проклятіе... и Кому же!.. Дальше идти было некуда, дальше только убійства, взрывы и другія проявленія террора. Такъ или иначе, армянская *интрига открыла свои карты*.

Какъ мнѣ уже приходилось отмѣчать, всѣ упомянутыя вспышки армянской крамолы показали, если можно такъ выразиться, значительную *боевую подготовленность* армянскаго революціоннаго жонда съ Эчміадзиномъ во главѣ. Какъ извѣстно, боевая подготовленность дается не сразу и, стало быть, въ краѣ, подъ шумокъ, совершался опредѣленный подпольный процессъ, который долженъ былъ привести къ взрыву въ моментъ, когда внѣшнія осложненія сдѣлали бы его гораздо болѣе неудобнымъ для Россіи, чѣмъ теперь. Слово „неудобный" болѣе умѣстно, чѣмъ „опасный", въ глазахъ всякаго кавказца, знающаго, что̀ такое кавказская армія и каковы междуплеменныя отношенія въ краѣ.

Преждевременнымъ „показываніемъ картъ" армянская интрига себѣ повредила, указавъ на необходимость радикальнаго оздоровленія кавказской жизни. Несомнѣнно, что нужна была большая доза самомнѣнія и заносчивости, чтобы совершить подобную ошибку и выдать себя; это могло произойти не иначе, какъ на почвѣ долгаго неуваженія къ русской власти и государственнымъ законамъ.

Католикосъ *привыкъ* безнаказанно не исполнять распоряженій правительства; армянскіе богачи, похитители казенныхъ земель, поставщики недоброкачественныхъ продуктовъ казеннымъ учрежденіямъ, контрабандисты и руководители темныхъ банковскихъ предпріятій, привыкли къ безотвѣтственности передъ административными и судебными учрежденіями; армянскіе политиканы привыкли открыто проявлять свою наглость, подъ прикрытіемъ связей въ мѣстныхъ и столичныхъ учрежденіяхъ; всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ армянскій агитаторъ, скомпрометированный въ дѣлѣ похищенія важнаго государственнаго документа, нашелъ вліятельныхъ заступниковъ и оказался *почти безнаказаннымъ*; армянская и армянствующая печать много лѣтъ пользовалась потворствомъ и проявляла разнузданность, пресѣкавшуюся неумѣло, и притомъ большею частью уже послѣ того, какъ былъ нанесенъ весь политическій вредъ, который мѣстная цензура могла и должна была предотвратить. За послѣднія нѣсколько десятилѣтій закавказская жизнь представляетъ собою *цѣлое море всяческой безнаказанности*, т. е. въ итогѣ, *политической и правовой безпринципности*.

Чѣмъ раньше проявились острые результаты такого безпорядка вещей, тѣмъ лучше, и тѣмъ больше чести государственнымъ людямъ, взявшимъ на себя починъ мѣропріятій, которыя дали столь яркій реактивъ.

Наглость армянскихъ крамольниковъ объясняется также и безпринципностью нѣкоторыхъ петербургскихъ сферъ вообще и, въ частности, нелѣпымъ толкованіемъ обстоятельствъ, при которыхъ была проведена реформа управленія армянскими церковными имуществами. Любой лавочникъ въ Тифлисѣ, Эривани или Шушѣ безъ запинки разсказываетъ подробности преній по данному вопросу, происходившихъ въ соотвѣтственныхъ государственныхъ учрежденіяхъ, причемъ открыто и многозначительно приводятся имена тѣхъ лицъ, на моральную поддержку которыхъ армянскіе крамольники считаютъ себя вправѣ расчитывать. Причины и послѣдствія такого возмутительнаго факта, а также его интимную подкладку мудрено выяснять въ печати, но умолчать о немъ было бы непатріотично, да и негуманно по отношенію къ самимъ армянамъ, которые могутъ дорого поплатиться за свое заблужденіе.

Вѣдь они увѣрены, что у нихъ найдутся въ столицѣ вліятельные покровители, способные достигнуть *даже отмѣны* того, что сдѣлано по Высочайшей волѣ, неспособной къ самопротиворѣчію. Въ такомъ нелѣпомъ заблужденіи ихъ укрѣпляютъ распространяемыя въ краѣ (и, вѣроятно, вымышленныя) цитаты изъ упомянутыхъ преній, якобы косвенно рекомендующія противиться до послѣдней крайности Высочайшей волѣ. Это уже прямо какой-то психозъ зазнавшихся восточныхъ людей,—и ясно, что лучшимъ лекарствомъ противъ такого опаснаго недуга можетъ служить только честная твердость со стороны выполнителей предначертаній Государя Императора.

Врядъ ли есть поводъ сомнѣваться въ наличности такой твердости у главныхъ руководителей этого дѣла, столичныхъ и кавказскихъ. Но, помимо этого, необходимо обратить вниманіе на восточную психологію и на то, чтобы второстепенные мѣстные органы, сообразуясь съ этою послѣднею, дѣйствовали по строго выработанной программѣ, неуклонно и систематично. Между тѣмъ, по этой части замѣчается нѣкоторый изъянъ, нелестный для второстепенныхъ органовъ кавказской администраціи, непосредственно соприкасающихся съ дѣломъ.

Строго говоря, упомянутая выше реформа не должна была удивить ни наши правящія сферы, ни самихъ армянъ. Въ 90-хъ годахъ покойный ген.-адъютантъ С. А. Шереметевъ лично говорилъ мнѣ о цѣломъ рядѣ серіозныхъ данныхъ, побуждающихъ къ ней, и лишь выражалъ неувѣренность въ достаточной чуткости и безпристрастіи тогдашнихъ петербургскихъ вліятельныхъ круговъ. Очевидно, слѣды упомянутыхъ данныхъ должны существовать и въ кавказскихъ, и въ центральныхъ столичныхъ учрежденіяхъ.

Сами армяне, какъ простые, такъ и интеллигентные, были крайне недовольны своими церковными порядками. Между священниками и

и паствой происходили постоянныя пререканія на почвѣ экономической. Въ армянскихъ газетахъ „Мшакъ" и „Норъ-Даръ", во время моего пребыванія въ Тифлисѣ, страницы пестрѣли рѣзкими обличеніями противъ лицъ, духовныхъ и свѣтскихъ, управлявшихъ имуществами армянской церкви. Этихъ заправилъ *печатно называли ворами*, безъ всякихъ смягченій, но приводя тому убійственно-краснорѣчивыя фактическія основанія.

Вотъ нѣкоторые факты, сохранившіеся въ моей памяти, конечно, лишь въ общихъ чертахъ. Гандзасарское и Хотаванкское имѣнія, елисаветпольской губерніи, составляющія площадь около 90,000 десятинъ земли и управлявшіяся монахами, въ нѣкоторые года приносили въ общей сложности доходу армянской церкви *менње 50 рублей,—не за десятину, а всего!* Находившееся подъ непосредственнымъ надзоромъ самого католикоса огромное Марцское имѣніе въ уѣздахъ Борчалинскомъ и Казахскомъ, съ богатыми вѣковыми сосновыми лѣсами, рудами и пастбищами, размѣромъ чуть ли не до 200,000 десятинъ, приносило доходу отъ 1-ой до 3-хъ тысячъ рублей. Въ пользованіи этимъ имѣніемъ, кромѣ армянской церкви, являлись еще соучастниками нѣсколько частныхъ лицъ, открыто сѣтовавшіе на хищническое обращеніе съ этими огромными богатствами, расположенными близъ станціи Санаинъ, Карсской жел. дороги. Столь же варварски управлялось имѣніе Чарекаванкъ, въ елисаветпольской губерніи. Доходило до того, что, по словамъ мѣстныхъ представителей министерства финансовъ, на нѣкоторыхъ консисторіяхъ (напр., карабахской) накопились значительныя суммы казенной недоимки, а смѣта Эчміадзинскаго монастыря часто заканчивалась дефицитами свыше 100,000 рублей въ годъ.

Ясно, что армянская печать была совершенно права, открыто говоря о воровствѣ, а также не подлежитъ сомнѣнію, что этотъ терминъ весьма понятенъ практичнымъ армянамъ всѣхъ слоевъ общества, весьма свѣдущимъ въ денежныхъ дѣлахъ. Населеніе не могло сочувствовать расхищенію церковнаго достоянія.

Между тѣмъ, на практикѣ, эта удобная почва была мало использована мѣстными органами, фактически осуществлявшими правительственное распоряженіе. Во-первыхъ, армянскому народу даже не объяснили надлежащимъ образомъ, *въ чемъ заключается* новое мѣропріятіе: не нашлось надежнаго лица, которое бы популярно, толково и убѣдительно изложило по-армянски сущность и основанія реформъ, хотя, казалось бы, такое лицо должно было найтись, хотя бы среди чиновъ мѣстнаго цензурнаго комитета. Во-вторыхъ, рѣзкое сопротивленіе со стороны католикоса и его клевретовъ придало пріему армянскихъ имуществъ въ казенное управленіе внѣшній видъ, совершенно не соотвѣтствующій истинному смыслу этого оздо-

ровляющаго акта. Здѣсь необходимо отмѣтить, что жители казахскаго уѣзда, какъ мнѣ пишутъ изъ Делижана, обратили вниманіе на *сплошную рубку въ огромныхъ лѣсахъ Агарцинскаго монастыря, учиненную передъ самою сдачей этого имѣнія въ казенное управленіе*; характерно, что Агарцинскимъ имѣніемъ завѣдовалъ *самъ католикосъ*. Выходитъ дѣйствіе... in fraudem rei publicae. Наконецъ, увы! приходится признать, что нѣкоторые изъ второстепенныхъ мѣстныхъ представителей власти. напр. въ эриванской губерніи, выполняли свои обязанности по примѣненію новаго закона,—выражаясь очень мягко,—безъ должнаго къ нему сочувствія. Эти люди, популярные въ средѣ армянскихъ политиканствующихъ плутократовъ, дорожили прежде всего своими хорошими отношеніями съ противорусскою средою и косвенно могли подать сами поводъ къ неправильнымъ толкованіямъ мѣры, не имѣющей ничего общаго съ религіозной нетерпимостью или недоброжелательствомъ къ армянскому народу *истинные* интересы котораго правительствомъ *дальновидно* ограждаются...

Армянскіе агитаторы, съ духовенствомъ во главѣ, распространили, посредствомъ печатныхъ прокламацій и устныхъ „проповѣдей", нелѣпую басню, будто бы правительство желаетъ *отнять* у церкви св. Григорія ея собственность и насильно обратить армянъ въ православіе. То, что священникъ Теръ-Араратовъ еще не понесъ наглядной и поучительной кары за свою неслыханную мятежную дерзость, окрылило такую же дерзость другихъ армянскихъ политикановъ, къ рѣчамъ которыхъ народная масса еще больше стала прислушиваться. Многіе тифлисцы себя спрашиваютъ, какимъ образомъ хотя бы прокурорскій надзоръ, вопреки уложенію о наказаніяхъ, не обратилъ вниманія на преступленіе Теръ-Араратова, за которое серіозно поплатился бы обыватель любой мѣстности Россіи, да и всякаго другого государства?! Можно съ увѣренностью сказать, что шансы на покушеніе противъ князя Голицына значительно уменьшились бы, еслибы за упомянутыми вспышками армянской крамолы своевременно послѣдовала строгая репрессія. На Востокѣ нѣтъ ничего вреднѣе полумѣръ, особенно въ минуты народнаго волненія: полумѣры увеличиваютъ наглость, предпріимчивость и авторитетъ вожаковъ всякаго подобнаго движенія.

Весьма характерно, что послѣ злодѣйскаго покушенія на жизнь главноначальствующаго, всѣ общественныя учрежденія и племенныя группы края выразили кн. Голицыну, какъ мужественному человѣку и представителю русской власти, лояльныя чувства посредствомъ адресовъ, молебствій и т. д. *Исключеніе составляютъ одни армяне*,—и можно подумать, что всѣ слои этого зазнавшагося народца солидарны съ убійцами.

На дѣлѣ это, конечно, не такъ—и вопросъ сводится къ тому, чтобы, съ одной стороны, подорвать авторитетъ самозванныхъ опекуновъ армянскаго племени, а съ другой—разрушить упомянутую выше басню о посягательствѣ на армянскую религію. И то, и другое, разумѣется, достижимо, особенно, если Петербургъ, въ лицѣ безпринципныхъ своихъ элементовъ, не примется парализовать работу властей, стремящихся упорядочить давно запущенныя кавказскія дѣла.

На такихъ безпринципныхъ петербуржцевъ доселѣ крѣпко надѣются армянскіе политиканы. Мнѣ пишутъ изъ Тифлиса, что ихъ надежда за послѣдніе дни растетъ, такъ какъ они уже дали инструкціи „своимъ людямъ“ для столичныхъ салоновъ. Пріѣдетъ сюда какой-нибудь мнимо-грузинскій князь или просто посторонній путешественникъ, и станетъ говорить что-нибудь вродѣ нижеслѣдующаго:

„Мое дѣло сторона, я не армянинъ и армянъ не люблю, но помилуйте! Благодѣтельная въ принципѣ реформа проведена *несвоевременно*, это *безтактно* и небезопасно, тѣмъ болѣе, что народъ считаетъ и всегда (?!) будетъ считать это посягательствомъ на свою религію! И католикосъ ужасно огорченъ! Этотъ добрый старикъ, преданный Россіи, вынужденъ (!) противиться новому закону, хотя сердце его полно лояльнѣйшими чувствами. Лучше всего бы дать ему возможность объясниться...“ и т. д., и т. д.

Надо желать, ради русскаго государственнаго достоинства, чтобы подобныя нашептыванія не достигли цѣли. Какъ выше сказано, своевременность реформы доказывается уже тѣмъ, что, благодаря ей, обнаружились во всей красѣ давно выполнявшіеся втихомолку планы армянской интриги. Басня о посягательствѣ на религіозные или матеріальные интересы церкви св. Григорія рушится сама собою, особенно послѣ того, какъ армянское населеніе увидитъ, что, въ частности, церковь матеріально только выиграла и стала на путь духовнаго оздоровленія. Для этого полезна была бы широкая *гласность* съ одной стороны и рѣшительная *твердость* — съ другой.

Необходимо, конечно, также, чтобы мѣстные органы министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ, *подъ угрозою строгаго служебнаго взысканія*, ревностно взялись за раціональное хозяйство во ввѣренныхъ имъ армянскихъ церковныхъ земляхъ; малѣйшее упущеніе съ ихъ стороны въ данномъ дѣлѣ было бы *политическою ошибкой*, которой армянскіе агитаторы ожидаютъ съ нетерпѣніемъ, надѣясь на содѣйствіе невѣрныхъ слугъ государства. Съ этимъ вопросомъ шутить нельзя. Роль католикоса въ данномъ вопросѣ болѣе, чѣмъ ясна, но люди, стремящіеся обѣлять его, не прочь представлять его *жертвой*, а не вдохновителемъ движенія, вызваннаго „не-

своевременною", будто бы, правительственною мѣрою. Съ этою цѣлью былъ даже разыгранъ въ гор. Александрополѣ политическій „спектакль" особаго рода. Толпа кидала камни въ вагонъ Мкртича Хримяна, а священникъ Теръ-Ованесовъ, поднятый толпою на руки, кривлялся и дерзко кричалъ своему духовному главѣ, что онъ долженъ либо отречься отъ патріаршества, либо сопротивляться русскимъ властямъ. Произошло это послѣ семидневнаго лихорадочнаго метанія Мкртича I по разнымъ мѣстностямъ эриванской епархіи, гдѣ онъ, съ одной стороны, *уклонялся отъ принятія офиціальнаго извѣстія о новомъ законѣ*, а съ другой — давалъ своимъ подчиненнымъ соотвѣтственныя инструкціи... Объясняться католикосу не о чемъ. Онъ уже много лѣтъ объясняетъ сущность своего направленія достаточно краснорѣчиво,—фактами дерзкаго неповиновенія правительственнымъ распоряженіямъ.

Разумѣется, мудрено заранѣе предсказать, до какого предѣла дойдетъ армянскій психозъ, тѣмъ болѣе, что именно отъ не всегда надежныхъ второстепенныхъ представителей мѣстной власти зависитъ возможность изподтишка разжечь его, или умѣрить, посредствомъ устраненія болѣзнетворныхъ микробовъ. Несомнѣнно одно,—что этотъ кавказскій недугъ можетъ представить случайныя опасности лишь для единичныхъ должностныхъ лицъ, а отнюдь не для русскаго дѣла въ краѣ. Въ итогѣ,—мы теперь знаемъ, благодаря своевременной реформѣ, въ чемъ суть, и здѣсь примѣнима утѣшительная французская пословица:

„Un homme prévenu en vaut deux..."

Василій Величко.

Открытіе Харьковскаго Отдѣла Русскаго Собранія.

I.

Мысль объ учрежденіи въ Харьковѣ Отдѣла Русскаго Собранія возникла болѣе года тому назадъ. Въ общемъ собраніи членовъ, состоявшемся 8 декабря 1902 г., профессоръ Императорскаго харьковскаго университета П. Н. Буцинскій говорилъ о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя послужили основаніемъ для возбужденія нѣсколькими профессорами этого университета ходатайства объ открытіи Отдѣла. Но, предварительно осуществленія благой мысли, необходимо было выработать особый уставъ для Отдѣла и получить въ установленномъ порядкѣ его утвержденіе.

Когда вся эта предварительная работа была закончена и въ Харьковѣ создалось крѣпкое ядро Отдѣла, можно было открыть его. Для этого совѣтъ петербургскаго Русскаго Собранія командировалъ

своего члена М. М. Бородкина въ Харьковъ. Прибывъ туда, онъ былъ 8 ноября глубоко порадованъ явившейся на квартиру къ нему, какъ представителю Русскаго Собранія, депутаціей отъ кружка русскихъ студентовъ харьковскаго университета. Депутація эта, чтя прекрасный обычай родной старины, явилась съ хлѣбомъ-солью и поднесла Русскому Собранію икону преподобнаго Серафима Саровскаго. Передавая М. Бородкину хлѣбъ-соль, студентъ прочувствованно произнесъ:

„Ваше превосходительство, позвольте мнѣ отъ группы русскихъ студентовъ Императорскаго харьковскаго университета засвидѣтельствовать вамъ и въ лицѣ васъ и с.-петербургскому Русскому Собранію тѣ искреннія чувства и глубокое уваженіе, которыя мы, русскіе люди, питаемъ къ глубоко убѣжденному и поистинѣ русскому человѣку.

„Вотъ уже третій годъ, какъ при нашемъ университетѣ существуетъ кружокъ студентовъ, исповѣдующій тѣ же принципы, какъ и Русское Собраніе. Само собою разумѣется, что, при современномъ направленіи учащейся молодежи, кружку вскорѣ пришлось вступить въ борьбу съ антирусскими теченіями мысли, навязываемыми намъ разными интернаціоналами. При такихъ обстоятельствахъ, для насъ сдѣлалась въ высшей степени пріятной вѣсть объ открытіи въ Харьковѣ Отдѣла Русскаго Собранія, которому мы вполнѣ сочувствуемъ и которое, въ свою очередь, можетъ полагаться на насъ, какъ на своихъ будущихъ членовъ.

„Примите же отъ насъ, ваше превосходительство, какъ представитель Русскаго Собранія и какъ защитникъ русскихъ интересовъ, нашу хлѣбъ-соль. Пусть это будетъ для васъ доказательствомъ того, что и молодое поколѣніе умѣетъ чтить святую старину и, когда понадобится, можетъ смѣло и честно встать на защиту основныхъ принциповъ русской жизни.

„Живъ еще русскій духъ, да здравствуютъ и русскіе люди!“

Второй студентъ, поднося икону, съ надписью: „Русскому Собранію—русскіе студенты“, сказалъ слѣдующее привѣтствіе:

„Русскіе студенты Императорскаго харьковскаго университета имѣютъ честь покорнѣйше просить ваше превосходительство принять сію святую икону, для передачи с.-петербургскому Русскому Собранію, съ ихъ искреннимъ пожеланіемъ, чтобы Господь, молитвами святаго отца нашего Серафима, новоявленнаго чудотворца саровскаго, благословилъ многополезные труды Русскаго Собранія и, всемогущею помощію Своею, далъ ему возможность полнаго и совершеннаго достиженія тѣхъ высокихъ и благихъ задачъ и цѣлей, которымъ оно служитъ. Да процвѣтаетъ изъ году въ годъ Русское Собраніе, да увеличивается непрестанно число членовъ его и да

распространитъ оно свою дѣятельность на всѣ, даже самые отдаленные уголки нашей дорогой родины — обширной Имперіи Россійской".

Представитель Русскаго Собранія, до глубины души тронутый простыми, но сердечными словами студентовъ, принялъ хлѣбъ-соль и благоговѣйно приложился къ иконѣ новоявленнаго святого.

„Большое русское спасибо вамъ, господа! Всегда пріятно встрѣчать сочувствіе тому дѣлу, которому искренно служишь, но особенно отрадно встрѣтить его среди университетской молодожи. Тутъ, очевидно, - отвѣчалъ М. Бородкинъ, — говоритъ болѣе сердце, чѣмъ разумъ. Разумъ иногда лукавъ, сердце же никогда не обманываетъ. Слушайтесь поэтому всегда голоса вашего русскаго сердца и вы не заблудитесь на жизненномъ пути. Оно вамъ подсказываетъ любить свое и уважать родное—и любите его. Любите свое отечество, свою исторію. Они того заслуживаютъ. За нихъ краснѣть намъ не приходится. Наша исторія не листъ чистой бумаги, а бытописаніе, полное поучительныхъ примѣровъ и дивныхъ подвиговъ. Къ сожалѣнію, мы мало изучаемъ свою исторію. Вы прекрасно указали на св. Серафима Саровскаго. Если бы только надлежащимъ образомъ изучались житія и поученія нашихъ подвижниковъ, мы обрѣли бы въ нихъ глубокую русскую философію. При той преданности основамъ русской жизни, которая сказалась уже въ васъ, поможетъ Богъ, и дорогая намъ родина будетъ понята и изучена.

„Отъ всей души благодарю васъ, господа, отъ имени Русскаго Собранія, которому вы такъ тепло и трогательно выразили свое сочувствіе. По возвращеніи въ Петербургъ, я съ особой радостію передамъ членамъ Собранія св. икону и ваши задушевныя привѣтствія. Давая отчетъ о своей поѣздкѣ въ Харьковъ, я прежде всего доложу о вашемъ высокосимпатичномъ поступкѣ и заранѣе могу увѣрить васъ, что Собраніе при этомъ извѣстіи выразитъ свою радость, одобреніе и полную нравственную удовлетворенность. Я передамъ Собранію, что, глядя на васъ, мнѣ представился харьковскій университетъ, стоящій на горѣ, какъ подобаетъ свѣточу науки, и расходившіеся изъ него въ разныя стороны студенты. Зная теперь, что среди нихъ находятся молодые люди, сердца которыхъ бьются горячей любовью къ Россіи, а умы полны сознанія необходимости служенія дорогой родинѣ, мы можемъ быть увѣрены, что впослѣдствіи эта любовь и это сознаніе лучами разойдутся по странѣ, согрѣютъ участіемъ и работой нашу Россію и не дадутъ осиротѣть ей или оскудѣть чувствомъ привязанности. А тѣмъ, которые, подобно мнѣ, покрываются уже сѣдинами, я скажу, что они могутъ спокойно доживать свой вѣкъ, такъ какъ въ рядахъ молодого и смѣняющаго насъ поколѣнія есть люди, которые рѣшились крѣпко держать знамя нашей національности".

Такъ, примѣрно, говорилъ М. Бородкинъ, принося сердечную благодарность членамъ студенческой депутаціи и сердечно желая имъ успѣха въ дѣлѣ развитія и укрѣпленія нашего народнаго самосознанія. Побесѣдовавъ съ ними, генералъ выразилъ желаніе видѣть ихъ на торжествѣ открытія отдѣла.

Открытіе это назначено было на 9 ноября, въ 12 часовъ дня, въ залѣ коммерческаго училища.

Большой и свѣтлый залъ училища производилъ отличное впечатлѣніе. Къ назначенному часу онъ быстро наполнился представителями харьковскаго общества. Среди присутствовавшихъ находились и. д. губернатора В. Н. Азанчевскій, попечитель учебнаго округа М. М. Алексѣенко, ректоръ университета Н. О. Куплевасскій, генералъ отъ-инфантеріи Озеровъ, городской голова А. К. Погорѣлко, члены харьковскаго Отдѣла Русскаго Собранія съ профессоромъ А. С. Вязигинымъ во главѣ, профессора университета, редакторы „Харьковскихъ Вѣдомостей“ М. Остроумовъ и „Южнаго Края“ А. Юзефовичъ, мѣстное духовенство, студенты и много приглашенныхъ лицъ.

Преосвященный Стефанъ, епископъ сумскій, соборнѣ отслужилъ молебенъ, во время котораго прекрасно пѣлъ университетскій хоръ И. М. Туровѣрова. Духовенства было много и всѣ служившіе облачены были въ золотыя ризы. Предъ молебномъ прот. о. Т. И. Буткевичъ, извѣстный духовный ораторъ и профессоръ богословія, по порученію высокопреосвященнаго Арсенія, произнесъ прекрасное слово. Онъ указалъ на то, что предостереженія благомыслящихъ людей отъ неразумнаго увлеченія *всѣмъ* чужестраннымъ къ сожалѣнію, прозвучали напрасно. Наши мнимо-передовые люди вздумали критиковать и реформировать прежде всего религіозную жизнь русскаго народа и достигли того, что святая Русь терзается и разъѣдается всякаго рода сектантствомъ. Не было на Западѣ такого сумбурнаго ученія, которое бы не имѣло послѣдователей среди русскихъ. Тутъ сказалось наше легкомысліе, а не скудость силъ русскаго народа. Дѣлая неразумные займы у ростовщиковъ, мы только разорялись.

Надо положить всему этому конецъ. Наша религія, проповѣдуя братство и любовь, говоритъ однако: „будетъ дѣлать доброе всѣмъ а наипаче своимъ по вѣрѣ“. „Чувство патріотизма, заставляющее и васъ,—говорилъ о. Буткевичъ,—предпринимать то великое дѣло, къ началу котораго вы нынѣ приступаете, не можетъ не благословлять церковь Христа“. „Я желалъ бы,—писалъ ап. Павелъ,—самъ быть отлученнымъ отъ Христа за братьевъ моихъ, родныхъ мнѣ по плоти, т. е. израильтянъ“. Какая безпредѣльная любовь къ своимъ соотечественникамъ! Какое глубокое и чистое чувство патріотизма! „Не забывайте этого дивнаго примѣра въ дѣлѣ служенія родинѣ, достопочтеннѣйшіе члены Русскаго Собранія!“

„Несомнѣнно, только любовь къ отечеству и скорбь объ угрожающей ему гибели при настоящемъ неестественномъ направленіи его жизни побудили васъ взяться за дѣло и сплотиться въ одну семью; идите же и дальше твердо и мужественно по этому завѣтному пути. Скажите громко, во всю мощь русской богатырской груди, *что служитъ миру* дорогого отечества нашего, въ чемъ заключается его спасеніе, какими средствами оно можетъ удалить отъ себя искусственно привитую ему заразу. Не падайте духомъ и не уставайте работать. Правда и слава за вами! Содѣйствуйте всѣми силами своими тому, чтобы выяснить русскому народу его мощь, познакомить его съ его собственнымъ, отъ Бога даннымъ ему, неисчерпаемымъ богаствомъ его духа и его страны; укрѣпляйте въ нашемъ общественномъ сознаніи наши исконныя, истинно-русскія творческія начала; выбросьте съ корнемъ изъ нашей тучной и обширной нивы всю наносную сорную траву и заставьте насъ быть опять русскими; научите насъ по-русски жить, по-русски мыслить, по-русски вѣровать“ [1]).

Послѣ молебствія, на каѳедру взошелъ представитель совѣта петербургскаго Русскаго Собранія генералъ М. Бородкинъ, который, объявивъ харьковскій отдѣлъ открытымъ и поздравивъ по этому поводу его членовъ съ приступомъ къ новой дѣятельности, сказалъ между прочимъ слѣдующее:

„Съ затратой многовѣковаго труда наши доблестные предки создали великую Россію.

„Цѣлыя поколѣнія храбрыхъ нашихъ отцовъ легли костьми на поляхъ Европы и Азіи, чтобы обезпечить свое царство. И вотъ мы вступили въ обладаніе богатѣйшимъ наслѣдствомъ. Мы—сыны міровой державы.

„Но какъ же мы оберегаемъ доставшееся намъ наслѣдіе? Расточать его мы не въ правѣ. Мы обязаны передать его честно грядущимъ поколѣніямъ, стремясь въ то же время, по мѣрѣ своихъ силъ, къ осуществленію задачъ, предопредѣленныхъ Россіи. А между тѣмъ, что мы наблюдаемъ? Мы не видимъ вокругъ себя достаточной любви къ родной землѣ; въ русской интеллигенціи нѣтъ еще достаточнаго самоуваженія, нѣтъ національной гордости, нѣтъ крѣпкаго сознанія что русское дѣло есть общее дѣло.

„Мы горазды только критиковать свое.

Бранитъ тебя иноплеменникъ,
Бранитъ тебя родной твой сынъ;
Бранитъ свободный твой измѣнникъ,
И братъ твой, плѣнный славянинъ.

---

[1]) См. «Харьковскія Губ. Вѣдомости» 1903, №293.

Бранитъ хохолъ великорусскій,
Бранитъ малороссійскій ляхъ,
Великоруссъ въ уздѣ французской
И нѣмецъ въ русскихъ орденахъ...

„Причины этого самоуниженія кроются въ ошибкахъ нашего прошлаго. Отчасти реформы Петра Великаго, еще болѣе послѣдовавшій за нимъ періодъ, а главнымъ образомъ царствованіе императора Александра I привели васъ къ самоотреченію, слѣпому преклоненію передъ иноземщиной и породили національное равнодушіе. Полтора вѣка насъ „стригли въ нѣмца“, полтора вѣка мы отрекались отъ всего склада народной жизни.

„Духовно мы жили излишне долго перепѣвами съ голоса Запада, водворяя у себя одну только „накожную цивилизацію“. Наше общество представляло изъ себя нѣчто вродѣ промокаемой бумаги и втянуло въ себя очень много чужихъ грязныхъ пятенъ.

„Въ свое время Герценъ очень сильно возмущался тѣмъ, что разные „мандарины литературы“ стояли на томъ, что русскіе, разъ они принадлежатъ къ genus europeum, то тѣмъ самымъ обречены судьбою повторять ошибки и глупости Запада на новый ладъ. Неужели мы,—писалъ онъ,—„какъ бараны, должны споткнуться на той же рытвинѣ, упасть въ тотъ же оврагъ и сѣсть потомъ вѣчнымъ лавочникомъ и продавать овощь другимъ баранамъ“.

„Такимъ образомъ, господа, недугъ нашего общества отлично извѣстенъ; средства же для его излеченія напрашиваются сами собой.

„Спасенія надо искать въ *національной идеѣ*. Мы не должны обезличиваться и продолжать тащиться на буксирѣ Запада.

„У Россіи есть своя высокая миссія, примиреніе Запада съ Востокомъ и водвореніе правды Божіей на землѣ. Какъ великое племя, русскій народъ обязанъ сказать міру свое собственное слово.

„Но исполненіе этого назначенія возможно только при томъ непремѣнномъ условіи, чтобы русскіе оставались самими собою и вѣрными историческимъ основамъ своей жизни.

„Устоями же Россіи были и остаются—православіе, самодержавіе и народность.

„Ни одинъ народъ не можетъ быть великимъ,—сказалъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ,—безъ религіознаго начала“... Каждое государство имѣетъ свою національную церковь. Подъ охраной Восточной церкви русскій народъ сталъ слагаться въ государство. Всѣ лучшія свои жизненныя начала онъ извлекъ изъ православія. Мы избѣгли религіозныхъ войнъ и серьезной борьбы церкви со свѣтскою властью потому, что воздавали Божіе Богу, а „Кесарево Кесареви“. Россія срослась съ православіемъ и потому то, „что вредно православію вредно также и Россіи“.

„Нашей отечественной властью является самодержавіе, неразрывное съ православіемъ. Самодержавіе—нашъ политическій идеалъ. „Самодержавіе, точно освѣдомленное о стремленіяхъ, о матеріальныхъ и нравственныхъ потребностяхъ народа, неуклонно ведущее ввѣренный ему народъ къ его идеаламъ, само твердо вѣрящее въ нихъ, несомнѣнно и безусловно лучшая изъ всѣхъ возможныхъ нынѣ формъ правленія" [1]). Герценъ—западникъ и первоначально горячій поклонникъ республики, человѣкъ, тосковавшій по революціи, —этотъ Герценъ впослѣдствіи писалъ: „Теперь я бѣшусь отъ несправедливости узколобыхъ публицистовъ, которые умѣютъ видѣть деспотизмъ только подъ 59-мъ градусомъ сѣверной широты... Идеалъ нашего царя чрезвычайно высокъ".

Россіи мощь, величье, слава
Въ самодержавіи Царя;
Померкнетъ русская заря,
Когда изъ рукъ падетъ держава;
Русь царской властью создана
И ею держится она! [2]).

„О принципѣ народности достаточно сказать, что онъ былъ крупнѣйшимъ историческимъ явленіемъ послѣдняго времени и составлялъ ось, на которой вращалась вся политическая исторія современныхъ намъ народовъ. Подъ знаменемъ національности народы добивались свободы и силы, подъ ея покровомъ они росли и крѣпли; національная идея питала ихъ лучшія желанія, вызвала на сцену исторіи новыя силы. Національное движеніе вездѣ было прогрессивнымъ началомъ и у насъ оно имѣло огромное значеніе.

„Но какъ бы ни важна была національная сторона въ дѣлѣ нашего развитія, нельзя создавать изъ нея себѣ кумира; и дѣйствительно, родина не возводится у насъ на степень чего-то абсолютнаго. Принимается національная идея, но въ высотѣ для русскихъ всегда горитъ звѣзда религіи.

„Имѣя теперь передъ собой ошибки прошлаго и зная главнѣйшія средства къ ихъ исправленію, а также помня тѣ прочнѣйшіе устои, на коихъ зиждется историческая жизнь Россіи, можемъ перейти къ ближайшимъ цѣлямъ и задачамъ „Русскаго Собранія".

„Для чего мы группируемся и объединяемся?

„На это можно было бы отвѣтить кратко: для того, чтобы создать плотину противъ широко разлившагося мутнаго космополитизма, въ которомъ захлебываются и тонутъ наши молодыя силы. На нашемъ знамени значится: „Россія для русскихъ". Но въ виду того, что

---

[1]) А. А. Кирѣевъ.
[2]) Д. С. Тризна.

„Русское Собраніе“ очень юно, а вокругъ него шипитъ уже недоброжелательство и раздаются несправедливыя нареканія, поясним наши желанія и стремленія нѣсколько подробнѣе.

„Мы сходимся для совмѣстной культурной работы. Намъ желательно изучать творческія начала русской жизни, познать нашу родную „живую“ и „умную“ старину, понять стихіи русской жизни, изслѣдовать всякія проявленія русской мысли. Мы хотимъ работать надъ созданіемъ и укрѣпленіемъ цѣльнаго, широкаго, возвышеннаго и родного міросозерцанія, національно-политическаго исповѣданія. Мы будемъ стремиться къ тому, чтобы поддержать всякое истинно-русское дѣло. Наше счастье будетъ заключаться въ томъ, чтобы сдѣлаться „вѣрными слугами и добрыми вождями своего народа“. Нашей цѣлью ставится возбужденіе любви къ родной исторіи, къ родной литературѣ, своему зодчеству, къ отечественной музыкѣ, собственному домостроительству, къ бытовымъ народнымъ особенностямъ, короче—ко всему, въ чемъ сказывается русское творчество, русскій геній. Намъ всей душой желательно ободрять сознательный русскій патріотизмъ и объединять для совмѣстной работы истинно-національныхъ людей.

„А!—заявляли одни изъ нашихъ недоброжелателей,—вы преклоняетесь передъ дубленымъ „тулупомъ“, желаете воскресить древне-русскую одежду“. „А!—кричали другіе,—вы сѣятели раздора и ненависти между народностями, населяющими Имперію, вамъ желательно ссорить инородцевъ съ русскими“.

„Нѣтъ! Прежней мурмолки, ни старыхъ охобней надѣвать теперь нѣтъ надобности; но если художественный вкусъ и творчество приспособятъ прежнюю русскую одежду къ требованіямъ времени, то отчего бы не принять ея?

„Затѣмъ, никакой племенной нетерпимости среди членовъ Русскаго Собранія, конечно, нѣтъ и быть не должно. Обрусеніе инородцевъ не простирается далѣе обрусенія государственнаго, политическаго.

„Художественнымъ перомъ лучшаго польскаго поэта создана слѣдующая картина: передъ колоссальнымъ изваяніемъ Петра Великаго, на дождѣ, стояли юноши подъ однимъ плащемъ (Мицкевичъ и Пушкинъ), взявшись за руку. Вотъ, въ какомъ, примѣрно, аллегорическомъ видѣ представляется намъ наше единеніе съ инородцами. Общій политическій плащъ, и подъ нимъ рука объ руку, въ добромъ братскомъ согласіи, стремленіе къ общей государственной созидательной работѣ, къ совмѣстному культурному труду. Никакой уступки въ дѣлѣ нашей государственности допустить мы не въ правѣ. Русскій народъ своею кровью и потомъ создалъ государство не для того, чтобы мы добровольно допустили его обезличеніе, его расхи-

щеніе или дробленіе кѣмъ бы то ни было, внѣшними или внутренними врагами. Но государственнаго объединенія мы не смѣшиваемъ съ единствомъ племеннымъ. Племенныя, этнографическія особенности каждой народности неприкосновенны, также какъ и духовная ихъ свобода.

„Свое родное надо предпочитать чужому и иноземному, но, конечно, разумно, а не слѣпо. Русскій патріотизмъ, развивая любовь къ своей культурѣ и своей гражданственности, истекаетъ изъ заповѣди Божіей: *„чти отца твоего“*, и заключаетъ въ себѣ, кромѣ того, долгъ передъ родиной и элементы благочестія, смиренія и стремленія къ общему благу, а потому напрасно искать въ немъ вражды къ чужому или неразумнаго самовосхваленія. Напротивъ, только выучившись любить свой народъ, можно развить любовь и уваженіе къ чужой народности.

„Любовь къ родинѣ—великая нравственная сила, а потому она должна быть мощнымъ двигателемъ и вдохновителемъ членовъ „Русскаго Собранія“. „За недостаткомъ богатствъ, — сказалъ одинъ изъ мыслителей,—нація только бѣдна, за недостаткомъ же патріотизма нація жалка“. У русскихъ людей много патріотизма, но пробивается онъ наружу лишь при исключительныхъ событіяхъ, и тогда напоромъ совершаетъ чудеса (такъ, напр., въ 1612 и въ 1812 годахъ). Конечно, желательно, чтобы патріотизмъ дѣйствовалъ непрерывно и сказывался постоянно въ проявленіяхъ обыденной жизни. Будь такъ, то мы, русскіе, при нашей многочисленности, вѣдь горами бы двигали, а теперь отступаемъ на всѣхъ поприщахъ передъ иноземцемъ, даже наступающимъ въ разсыпную. Мы сторонимся, а онъ гордо развѣшиваетъ по всей Россіи свои вывѣски на чуждыхъ намъ языкахъ, основываетъ промышленныя заведенія и проникаетъ всюду.

„Естественно, что патріотизмъ неотдѣлимъ отъ вѣры въ Россію. „Всѣ вы,—восклицалъ В. Гюго,—кто бы вы ни были, если хотите имѣть великія мысли и творить великія дѣла,—вѣрьте! Живите вѣрой. Имѣйте вѣру религіозную, вѣру патріотическую, вѣру литературную“... Естественно намъ здѣсь къ этому прибавить: вѣрьте въ Россію, вѣрьте въ себя!

„Русское дѣло—общее дѣло. Нельзя держаться того воззрѣнія, что имъ вѣдаетъ правительство и мы не несемъ за состояніе его отвѣтственности. Перьевъ дипломатовъ, солдатскихъ штыковъ, уставовъ цензурныхъ и иныхъ, казенныхъ школъ и оффиціальныхъ изданій, и пр., и пр.,—всего этого недостаточно: ими дѣла не свершишь! На всѣхъ поприщахъ дѣятельности на помощь власти и учрежденіямъ обязано идти само общество. Всѣ граждане должны прикладывать руку къ дѣлу, и только тогда возможно разсчитывать на успѣхъ. Вступая же въ члены Русскаго Собранія, каждый тѣмъ самымъ

выражаетъ готовность и беретъ на себя обязанность особенно усердно и сердечно поработать для дѣла родины. И эта наша работа должна кипѣть не только въ стѣнахъ Собранія, но въ школѣ, печати, гостиныхъ, департаментахъ, конторахъ, короче—повсюду.

„Стряхнемъ съ себя позорное національное равнодушіе и религіозное безразличіе и посодѣйствуемъ общему, великому, родному русскому дѣлу. Будемъ бороться за него и словомъ, которое сильнѣе меча, и дѣломъ, и помышленіемъ. „Отчизнѣ посвятимъ души прекрасные порывы". Поработаемъ на общую пользу, дабы утѣшиться сознаніемъ, что „есть въ сотахъ родного дѣла хоть капля меда моего", поработаемъ, чтобы потомокъ не оскорбилъ насъ презрительнымъ стихомъ, „облитымъ желчію и злостью". Потрудимся, и „спасибо сердечное" скажетъ намъ русскій народъ..."

По словамъ „Харьковскихъ Вѣдомостей" [1]), рѣчь М. Бородкина „произвела глубокое на всѣхъ впечатлѣніе. Взрывъ долго несмолкавшихъ рукоплесканій покрылъ слова оратора".

Когда все смолкло, хоръ Туровѣрова исполнилъ „Славу" Чайковскаго и русскій гимнъ.

Торжество открытія Отдѣла закончилось рѣчью его предсѣдателя профессора А. С. Вязигина, и чтеніемъ привѣтственныхъ телеграммъ. А. С. Вязигинъ выразилъ признательность Русскому Собранію, приславшему на торжество своего уполномоченнаго и тѣмъ закрѣпившаго идейную связь Отдѣла съ Собраніемъ и готовность къ совмѣстной работѣ „надъ общимъ дѣломъ, пробужденіемъ національнаго самосознанія и посильнымъ служеніемъ вѣковымъ устоямъ нашей исторической жизни". „Отдѣлу,—сказалъ профессоръ, — остается идти по стопамъ Собранія и преслѣдовать, въ предѣлахъ своихъ силъ и средствъ, такія же чисто просвѣтительныя стремленія..."

Указавъ затѣмъ на ближайшія цѣли и задачи Отдѣла, его предсѣдатель продолжалъ:

„Немногочисленна дружина учредителей, зато она тѣсно связана единствомъ руководящихъ воззрѣній... Всѣ мы, — продолжалъ онъ,—считаемъ своей главной обязанностью собственнымъ примѣромъ показать, что можно соединить служеніе просвѣщенію съ глубокой вѣрностью завѣтамъ нашихъ предковъ, что можно и должно быть образованными людьми и въ то же время оставаться членами своего народа, подданными самодержавнаго Царя и покорными дѣтьми нашей общей матери, святой православной церкви. Мы приложимъ всѣ усилія, чтобы возможно ближе подойти къ давно иско-

[1]) См. № 292 отъ 10 ноября 1903 г.

мому сочетанію вѣры и знанія, вносящему въ жизнь устойчивость и душевный миръ“...

Рѣчь А. С. Вязигина была покрыта долго несмолкавшими рукоплесканіями.

Поздравительныя телеграммы получены были отъ предсѣдателя петербургскаго Русскаго Собранія, кн. Д. П. Голицына, предсѣдателя варшавскаго Русскаго Кружка, генерала А. А. Боголюбова, отъ члена государственнаго совѣта, графа Шереметева, харьковскаго уѣзднаго предводителя дворянства, выборгскаго губернатора, начальника академіи генеральнаго штаба, генерала Глазова, и многихъ другихъ. Особое сочувствіе вызвала телеграмма В. В. Комарова.

II.

21 ноября, въ Русскомъ Собраніи въ Петербургѣ состоялось торжественное и многолюдное собраніе для принятія иконы, поднесенной группой русскихъ студентовъ харьковскаго университета, и выслушанія доклада ген. М. М. Бородкина объ открытіи харьковскаго Отдѣла. Членъ Русскаго Собранія свящ. Іоаннъ Слободской произнесъ прекрасное слово и отслужилъ молебенъ. Затѣмъ слѣдовалъ подробный докладъ М. М. Бородкина. В. Л. Величко прочелъ свое стихотвореніе „Юнымъ витязямъ“, слѣдующаго содержанія:

ЮНЫМЪ ВИТЯЗЯМЪ.

Когда поруганы завѣтныя святыни
То скотски-жадною, то злобною толпой,—
Средь мутныхъ волнъ ея тяжеле, чѣмъ въ пустынѣ,
Идти на зовъ мечты тернистою тропой!

* *
*

Теперь не до того, что славно, что велико,
Илоту пьяному, иль буйному рабу!
Непомнящимъ родства родное слово дико,
Любовь—и та влечетъ неравную борьбу!

* *
*

О, цѣпи лживыхъ словъ, поддѣланныхъ понятій,
Неискренности мгла, царящая вокругъ!
Іуда, чужакамъ распродающій братій,
Увѣнчанъ лаврами, какъ витязь или другъ!

* *
*

Хамъ благоденствуетъ, глумясь надъ сѣдинами
И скорбной наготой великаго отца!
Въ потокахъ клеветы родное тонетъ знамя,
И мѣтятъ сонмы стрѣлъ въ безстрашныя сердца!

* *
*

Да, въ бой за родину мы вышли не на радость!
Далекъ побѣдный лавръ, еще кругомъ темно,—
И намъ, сегодняшнимъ, вкусить живую сладость
Дней возрожденія, быть можетъ, не дано!

* *
*

Намъ—испытанія, удары, укоризны
Отъ нашихъ же дѣтей, обманутыхъ врагомъ!
Объединенныхъ силъ, безсмертныхъ силъ отчизны
Созвучья стройныя объяты тяжкимъ сномъ!..

* *
*

Не мы услышимъ ихъ,—услышитъ стягъ завѣтный!
Воздвигнетъ Богъ его!.. Чу, словно голоса!..
Бодрящій холодокъ повѣялъ предразсвѣтный,
Вдали забрезжила багрянца полоса!..

* *
*

Кто это мчится къ намъ?.. Родныя наши дѣти!!!.
Надежда всѣхъ трудовъ, надежда всѣхъ надеждъ!..
Орлята прорвались сквозь вражескія сѣти,
Ушли отъ книжниковъ, предателей, невѣждъ!..

* *
*

Ушли въ родной просторъ, какъ міръ любви безбрежный,
И вспыхнули въ лучахъ немеркнущей мечты!
Не гнѣвъ кипитъ въ сердцахъ: они не станъ мятежный,
Небеснымъ пламенемъ сіяютъ ихъ черты!

* *
*

Во взорахъ свѣтится спокойная отвага,—
Созрѣвшихъ рано думъ и скорби цѣнный плодъ!
Съ молитвою слилась святая жажда блага—
И молятся они, какъ молится народъ!..

* *
*

О. явь—отраднѣй сна! О, быль—чудеснѣй сказки!
Что́ слово! Чувствъ живыхъ трепещущая тѣнь!
Дыханье вешнее сыновней вашей ласки
Не намъ, всей родинѣ пророчитъ свѣтлый день,

* *
*

Благословенный день, когда къ роднымъ скрижалямъ
Вновь поколѣній цѣпь, сомкнутая, прильнетъ,
И правду воскреситъ,—и „Тебе Бога хвалимъ"
Вся Русь едиными устами воспоетъ!..

Н. А. Энгельгардтъ посвятилъ особую рѣчь студентамъ, выразившимъ свое сочувствіе Русскому Собранію. Прив.-доц. Б. В. Никольскій горячо благодарилъ Собраніе отъ имени „Христіанскаго Содружества". Засѣданіе закончилось рѣчью кн. Д. П. Голицына, который сказалъ:

„Обыкновенно бываетъ такъ, что старшіе благословляютъ младшихъ. Теперь случилось наоборотъ, благословеніе пришло къ Рус-

скому Собранію, еще конечно не старому, но на три года старшему, нежели харьковскій Отдѣлъ, пришло отъ молодежи, искреннимъ русскимъ вдохновеніемъ отмѣтившей свое отношеніе къ возникновенію этого Отдѣла. Эта чуткая, сердцемъ прозорливая молодежь прислала намъ воспроизведеніе лика того святого, у гробницы котораго недавно преклонила колѣна вся наша народная сила, въ паломническомъ подвигѣ своимъ Государемъ предводимая. Преподобный Серафимъ Саровскій, этимъ лѣтомъ, явилъ посмертную мощь свою не только тѣмъ, что у мѣста его кончины умирающіе обрѣтали жизнь, а страждущіе становились здоровыми,—онъ создалъ мигъ великаго всенароднаго духовнаго единенія, озарилъ всю нашу Русь яркимъ свѣтомъ вѣры, и при этомъ свѣтѣ даже невѣрующій увидѣлъ, что родина наша духомъ сильна, духомъ едина и духомъ велика.

„Мы объединены тѣмъ глубокимъ убѣжденіемъ, что на русскомъ духѣ зиждутся священныя начала, сдѣлавшія нашу родину великой, мы съ благодарностью и упованьемъ взираемъ на твердыни нашего отечественнаго уклада, мы въ сознательномъ единеніи русскихъ людей для русской работы видимъ залогъ дальнѣйшаго мощнаго развитія нашего отечества. Поэтому мы съ глубокою радостью приняли сегодня икону преподобнаго Серафима Саровскаго отъ младшихъ братьевъ нашихъ.

„Молодежь—завтрашій день нашего отечества, молодежь—наша будущая жизнь на землѣ, молодежь—тѣ, которые помогутъ намъ, когда мы всѣ, сегодняшніе, состаримся, и которые замѣнятъ насъ, когда мы отбудемъ свою очередь. Для молодежи мы по мѣрѣ силъ работаемъ, готовимъ для нея жизнь, и сердечный откликъ ея намъ дорогъ.

„Твердо увѣренные въ томъ, что поступательное движеніе наше впередъ обусловливается связью съ прошлымъ, мы стремимся къ тому, чтобы переживаемые нами дни были творческими для будущаго. Вѣчное триединство прошлаго, настоящаго и будущаго озаряется для насъ вѣрою въ созидательную мощь исконныхъ силъ Руси, являющихъ собою несокрушимый тройственный союзъ Православія, Самодержавія и Народности“.

Народный гимнъ былъ трижды повторенъ.

Въ Харьковъ, на имя проф. А. С. Вязигина отправили слѣдующую телеграмму:

„Въ торжественномъ засѣданіи принявъ отъ генерала Бородкина присланную кружкомъ харьковской молодежи икону преподобнаго Серафима Саровскаго и выслушавъ о торжествѣ открытія Отдѣла, Русское Собраніе шлетъ сердечную благодарность харьковскому Отдѣлу и духовно стойкой молодежи съ пожеланіемъ неуклоннаго укрѣпленія на благо Руси и на доблестное служеніе ея святынямъ“.

II. Обзоръ внѣшнихъ событій.

Нынѣшній фазисъ македонскаго вопроса.

I.

Послушная совѣтамъ нѣкоторыхъ великихъ державъ, неустанно приглашавшихъ султана выказать какъ можно болѣе энергіи въ дѣлѣ подавленія волненій въ Македоніи, Турція сосредоточила въ этой странѣ такое количество войскъ, что поднявшееся измученное населеніе ея было раздавлено. Достигнутые турецкими войсками результаты были для нихъ тѣмъ болѣе успѣшны, что подъ конецъ лѣта турки измѣнили первоначальную тактику и, избѣгая боя даже съ случайно попадавшимися имъ четами, накинулись исключительно на мирное и безоружное населеніе, еще остававшееся по деревнямъ. Впрочемъ, воюя съ женщинами и дѣтьми, турки лишь повторяли урокъ, данный другою, считаемою всѣми высококультурною, націею, додумавшеюся до концентраціонныхъ лагерей: точно также, какъ и она, не будучи въ состояніи справиться съ мужчинами, они разбивали сердца бойцовъ, какъ людей, страданіями имъ близкихъ.

И надо отдать справедливость турецкимъ войскамъ и башибузукамъ, что возложенное на нихъ дѣло безпощаднаго разоренія славянскихъ земель было исполнено ими чисто и цвѣтущій доселѣ край былъ обращенъ ими въ пустыню. По сравнительно менѣе пострадавшему кыркъ-килисскому (лозенградскому) санджаку, наиболѣе еще близкому къ турецкой столицѣ и къ находящимся тамъ европейскимъ представителямъ, можно судить, что происходило въ болѣе захолустныхъ уголкахъ европейской Турціи.

Въ концѣ августа мѣсяца посольство наше въ Константинополѣ передало великому визирю меморандумъ, въ которомъ

на двадцати листахъ были перечислены звѣрства, произведенныя надъ христіанами кыркъ-килисскаго санджака албанскими войсками. При этомъ посольство заявило, что всѣ дѣйствія албанцевъ имѣютъ очевидною цѣлью систематическое истребленіе христіанскаго населенія.

Полковникъ Масси, который былъ посланъ британскимъ посольствомъ въ тотъ же санджакъ, долженъ былъ возвратиться въ Константинополь ранѣе, чѣмъ онъ предполагалъ, такъ какъ, не желающія неудобныхъ свидѣтелей, турецкія власти воспротивились его дальнѣйшему пребыванію на театрѣ возстанія. Онъ представилъ послу подробное донесеніе, описывающее ужасы и звѣрства, учиненныя албанскими войсками, и подтверждающее, что при заревѣ пылающихъ городовъ и селъ непрерывная, ужасающая рѣзня ведетъ къ уничтоженію болгарскаго населенія.

Корреспондентъ „Times", побывавшій тамъ же, по возвращеніи въ Адріанополь, слегъ въ постель отъ пережитыхъ имъ нервныхъ потрясеній при видѣ дикихъ сценъ рѣзни, не уступающей, такъ въ свое время нашумѣвшей, батакской рѣзнѣ.

По всей Македоніи стерты слѣды двадцатишестилѣтней просвѣтительной дѣятельности экзарха среди мѣстнаго славянскаго населенія, такъ какъ, воспользовавшись солунскими взрывами, турки частью перебили учителей и священниковъ, частью сослали въ Малую Азію или посадили въ тюремное заключеніе. Слѣдствіемъ такого положенія явилось, что изъ свыше трехсотъ школъ въ краѣ осталось ихъ около двадцати.

Матеріальные убытки, понесенные жителями Македоніи и Старой Сербіи, неисчислимы: множество селеній было разграблено, многіе изъ христіанъ лишились всего своего имущества при поискахъ мѣстными властями оружія, динамита и скрывающихся четниковъ, не говоря уже о томъ, что было взято съ населенія обѣихъ названныхъ областей на прокормленіе громадной турецкой арміи, наводнившей европейскую Турцію. Наконецъ, вслѣдствіе царившей тамъ смуты, населеніе этихъ областей въ большинствѣ случаевъ не могло сдѣлать никакихъ посѣвовъ, а если и сдѣлало, то всходы были уничтожены турецкими войсками, преслѣдовавшими четы, такъ что, въ настоящее время, блѣдныя объятія голода начинаютъ простираться надъ тѣмъ благословеннымъ краемъ, который могъ бы служить житницей Европы.

Примѣненіе самыхъ безпощадныхъ мѣръ по отношенію къ мирному населенію одобрялось даже и самыми интеллигентными офицерами турецкой арміи, подыскивавшими для себя

и оправданіе на исторической подкладкѣ. Такъ, одинъ офицеръ, получившій образованіе въ Германіи, заявлялъ: „мы понимаемъ, что македонскіе революціонеры подражаютъ тактикѣ бурскихъ вождей, но и мы тоже будемъ подражать англичанамъ, т. е. предавать огню христіанскія села, чтобы возстанцамъ негдѣ было пріютиться".

Въ меморандумѣ, поданномъ уполномоченными внутренней македонской организаціи представителямъ великихъ державъ въ Софіи, перечисляются села, сожженныя, въ періодъ времени отъ 20 іюля до 20 сентября, по одному лишь монастырскому вилайету.

Уничтожено:

Казы.	Христіанск. селъ.	Въ % по отношенію къ общему числу селъ всей казы.
Битолійская	48	20,9
Охридская	40	43
Флоринская	14	24
Касторійская	25	21,7
Всего	127	25,6

II. Уничтожено дворовъ.

Казы.	Число христіанскихъ дворовъ.	Уничтожено христіанск. дворовъ.	Въ %.
Битолійская . . .	15,638	4,192	26,8
Охридская	5,653	2,477	40,8
Флоринская . . .	6,578	1,847	28,1
Касторійская . . .	10,523	3,390	32,2
Всего	38,392	11,906	31

III. Количество христіанскаго населенія, лишеннаго крова.

Казы.	Общее число христіанъ.	Осталось безъ крова всего.	Въ %.
Битолійская . . .	112,456	23,209	20,6
Охридская	42,468	18,845	44,6
Флоринская	43,549	10,775	24,7
Касторійская . . .	61,394	19,043	31,1
Итого	259,867	71,972	28

Слѣдовательно, только по одному монастырскому округу болѣе четверти его населенія оказалось совсѣмъ безъ крова. Съ того времени, число мѣстностей, совершенно разоренныхъ, гдѣ христіанское населеніе или избито, или разогнано, еще увеличилось. До наступленія зимы несчастные могли еще скрываться въ горахъ, но затѣмъ морозъ довершитъ дѣло

истребленія македонскихъ христіанъ, начатое турками. Пока европейская дипломатія будетъ вести съ Портой нескончаемые переговоры, погибнетъ масса народа, для котораго предназначаются реформы, и Македонія, откуда, во времена сѣдой древности, принесено было солунскими братьями въ Россію Евангеліе, обратится изъ славянской въ такую же почти сплошь албанскую страну, въ какую постепенно и на нашихъ глазахъ обращается Старая Сербія къ вящшей радости не однихъ только турокъ.

Въ областяхъ, пограничныхъ съ Болгаріей или расположенныхъ неподалеку отъ нея, преслѣдуемые христіане еще имѣютъ возможность спасти свою жизнь, переселившись въ братскую землю, гдѣ уже скопилось болѣе тридцати тысячъ бѣженцевъ, но не всѣмъ удается счастливо добраться до границы,—въ лѣсахъ Мокрени, къ востоку отъ Касторіи, 1,200 бѣженцевъ, застигнутыхъ турками, были всѣ перебиты, а 60 молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ были отведены въ гаремы. Въ деревнѣ Эриклеръ, 45 македонцевъ, прикованныхъ предварительно другъ къ другу, были изрублены на глазахъ ихъ собственныхъ семей. Въ другихъ селахъ сплошь и рядомъ сжигали дома съ запершимися въ нихъ христіанами. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, число убитыхъ въ европейской Турціи, съ апрѣля по октябрь, славянъ достигаетъ 15,000. Звѣрства же, совершенныя за это время турецкими войсками, превосходятъ всякое описаніе. Нечего и говорить, что женщины повсюду насилуются, дѣти отъ 6 до 8 лѣтъ подвергаются той же участи. Но туркамъ мало и этихъ гнусностей; въ Прилепѣ трое турецкихъ солдатъ изнасиловали на улицѣ Димо Цака, 65-лѣтняго старика; такому же насилію со стороны курдовъ, кавалерійскаго полка хамидіе, подвергся на пути изъ Константинополя въ Адріанополь девяностолѣтній старикъ Георгій за то, что пытался защитить честь своей дочери. Насколько турки желали хозяйничать внутри страны по своему, ясно видно хотя бы изъ того, что доступъ въ Македонію былъ закрытъ для европейскихъ корреспондентовъ.

Когда турецкія звѣрства касались грековъ или румынъ, какъ это было при взятіи Крушева, немедленно повсюду поднимались крики негодованія. Греческое правительство энергически потребовало тогда наказанія Бахтіара-паши и матеріальнаго вознагражденія потерпѣвшимъ жителямъ. Россія и Австро-Венгрія поддержали это требованіе и султанъ вынужденъ былъ послать въ Крушево слѣдственную коммиссію и пожертвовать значительную сумму на возстановленіе разру-

шенной церкви и на первоначальныя пособія пострадавшимъ, а военнымъ и гражданскимъ властямъ дано было строгое приказаніе принять энергическія мѣры для предупрежденія насилія надъ мирнымъ населеніемъ „въ особенности греческой національности“. Эта льгота для грековъ не показываетъ ли, что истребленіе мирныхъ болгаръ и сербовъ еще не большая бѣда?

Итакъ, голодъ и смерть грозятъ славянскому сельскому населенію и на нашихъ глазахъ происходятъ событія, казавшіяся еще недавно немыслимыми, начинаютъ осуществляться завѣтныя мечты объ очищеніи европейской Турціи отъ славянъ, и было бы излишне разбирать, насколько подобное положеніе дѣлъ отвѣчаетъ задачамъ и традиціямъ Россіи на ближнемъ Востокѣ.

Англійскія благотворительныя общества не замедлили придти на помощь христіанскому населенію Македоніи послѣ того, какъ „Daily News“ разсказало, что оно терпитъ страшную нужду, голодъ и холодъ, и начали раздавать одежду и одѣяла; благодарные же македонцы служатъ теперь молебны за англичанъ и возлагаютъ всю свою надежду на Англію.

Подъ покровомъ христіанской помощи усиливается въ Македоніи и Ѳракіи дѣятельность различныхъ конгрегацій, возрождается католическая и протестантская пропаганды. Французскія конгрегаціи избрали центромъ своей дѣятельности Бургасъ; въ связи съ оказываемою ими бѣженцамъ помощью держатся упорно слухи о переходѣ въ унію болгаръ адріанопольскаго вилайета. „Београдске Новине“ сообщаютъ, что католицизмъ сдѣлалъ за послѣднее время большіе успѣхи въ салоникскомъ вилайетѣ. Подъ вліяніемъ турецкихъ преслѣдованій и желая имѣть себѣ заступниковъ и покровителей, крестьянское населеніе цѣлыми массами переходитъ въ католичество. Уже 16 селъ признали надъ собою власть Рима. Пропаганду ведутъ католическіе священники и сестры милосердія, пріѣхавшіе изъ Босніи.

По свѣдѣніямъ „Indépendance Belge“, султанъ даже собирается будто бы пригласить въ Македонію и адріанопольскій вилайетъ изгнанные изъ Франціи духовные ордена и намѣренъ предложить имъ значительныя льготы и крупные земельные участки. Въ Ильдизъ-кіоскѣ расчитываютъ, что духовныя конгрегаціи, благодаря школамъ и благотворительнымъ учрежденіямъ, которыя онѣ оснуютъ, пріобрѣтутъ значительное вліяніе въ странѣ и парализуютъ такимъ образомъ вліяніе болгарскаго экзарха и греческаго патріарха. Кромѣ того, сул-

танъ надѣется, что водвореніе католическихъ конгрегацій нарушитъ согласіе, установившееся между православною Россіею и католическою Франціей.

Болгарское княжество затратило огромныя суммы на содержаніе въ теченіе болѣе года македонскихъ бѣженцевъ и еще въ послѣднее время ассигновало на это 500,000 франковъ. Румынское же правительство, изъ видовъ по преимуществу политическихъ, съ цѣлью закрѣпить признаніе въ Македоніи жителей румынской національности, ассигновало 600,000 франковъ на сооруженіе школъ и церквей для румынскихъ общинъ въ Македоніи.

Турецкія газеты трубятъ о щедрыхъ пожертвованіяхъ султана и объ отпускѣ необходимыхъ суммъ изъ казны на возобновленіе разрушенныхъ церквей, школъ, домовъ. Въ дѣйствительности, за разрушенный крестьянскій дворъ и за цѣлое разоренное хозяйство турецкія власти выдаютъ отъ 2 до 4 лиръ (17—34 рубл.), и притомъ зачастую деньги эти на другой же день послѣ раздачи отбираются обратно при помощи солдатъ и жандармовъ. Въ множествѣ же случаевъ, жителей просто принуждаютъ подписывать росписки въ полученіи никогда невиданныхъ ими денегъ на возстановленіе селъ.

Если на помощь цынцарамъ (куцо-влахамъ), общее число которыхъ въ Македоніи достигаетъ 50,000 чел., румынское правительство признало нужнымъ дать 600,000 фр., то сколько понадобилось бы, чтобъ возстановить церкви и школы славянскія при общемъ числѣ пострадавшаго отъ турецкихъ жестокостей славянскаго населенія, опредѣляемомъ въ двѣсти тысячъ человѣкъ?

Пущенные по міру македонскіе славяне сдѣлались въ послѣднее время предметомъ эксплуатаціи со стороны даже солунскихъ евреевъ, совершаемой подъ покровительствомъ турецкихъ властей. Агенты солунскихъ богачей-евреевъ пропагандируютъ переселеніе въ Америку и пользуются безвыходнымъ положеніемъ македонцевъ, чтобы скупать за безцѣнокъ ихъ разрушенные дома, поля и скотъ. Въ видѣ платы они выдаютъ лишь пароходный билетъ въ Америку и необходимую сумму денегъ для переѣзда. Въ Солуни, говорятъ, приготовлены два парохода для переселенцевъ.

Какъ видно, всѣ антиславянскія пропаганды теперь смѣло подняли голову и не пренебрегаютъ ничѣмъ, чтобы только разрѣдить ненавистный имъ славянскій элементъ въ Македоніи.

По жгучему вопросу о помощи пострадавшимъ македонцамъ высказалось и славянское общество въ своемъ послѣднемъ воззваніи [1]). „Европейское общественное мнѣніе (не исключая даже Германіи) участливо откликнулось на событія, совершающіяся на Балканскомъ полуостровѣ, глубоко и искренно возмутилось небывалымъ издѣвательствомъ надъ христіанами въ Македоніи. Въ Англіи организована широкая общественная помощь македонскимъ славянамъ, Франція тоже дала на это средства; Римъ отъ имени главы католическаго міра оказалъ помощь несчастнымъ; братья и сестры разныхъ католическихъ орденовъ наводнили уже македонскіе села и города: не боясь опасности и даже смерти, они всюду щедро раздаютъ разореннымъ и измученнымъ христіанамъ одежду, пищу, лекарства, устраиваютъ временныя пристанища, кровъ. И страдальцы благословляютъ своихъ избавителей, благословляютъ и римскаго папу, пославшаго имъ своихъ слугъ и средства.

„А русскіе люди, которымъ ближе всего должны быть эти македонскіе славяне-братья, что дѣлаютъ они?—Малодушно закрываютъ глаза на тѣ ужасы, что̀ творятся въ Македоніи, боясь, къ стыду своему, высказать свои симпатіи и участіе къ угнетаемымъ... Обидно и горько видѣть такое равнодушіе... Сотни тысячъ бездомныхъ продолжаютъ голодать, ждутъ медленной, но вѣрной смерти... и рядомъ печальное знаменіе времени: гроши, собранные въ теченіе девяти мѣсяцевъ въ пользу истинно бѣдствующихъ македонскихъ славянъ, а кругомъ холодное, намѣренно-презрительное или искренно-легкомысленное отношеніе къ „братушкамъ"... Обидно и стыдно становится, господа русскіе люди!..

„Великодушный порывъ русскаго сердца спасетъ славянское дѣло, а будемъ медлить,—мы проиграемъ: Европа сдѣлаетъ все, чтобы уронить насъ въ глазахъ славянства".

И вотъ, среди этой мрачной ночи русской холодности, равнодушія, яркій лучъ свѣта прорѣзалъ тьму и на верхнихъ ступеняхъ Престола нашлось благородное русское сердце, исполненное истинно-христіанской любви.

Императрица Марія Ѳеодоровна, въ неисчерпаемой благости Своей, соизволила, по собственному почину, исходатайствовать разрѣшеніе повсемѣстнаго въ Россіи сбора пожертвованій въ пользу нуждающихся жителей Македоніи, пострадавшихъ во время послѣднихъ смутъ. Сборъ этотъ будетъ производиться

---

[1]) Извѣстія С.-Петербургскаго славянскаго благотворительнаго общества. Ноябрь, 1903 г.

чрезъ учрежденія, состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Ея Величества, россійскаго общества Краснаго Креста, причемъ Ея Величеству благоугодно было просить принцессу Клементину, мать князя болгарскаго, Фердинанда, принять на себя раздачу части собранныхъ средствъ.

Затѣмъ, послѣдовало распоряженіе Св. Синода о сборѣ по всѣмъ церквамъ Имперіи пожертвованій въ пользу страдающихъ македонскихъ славянъ.

Теперь можно быть увѣреннымъ, что, благодаря инициативѣ Императрицы, Царственной носительницы завѣтовъ правды и милосердія, притокъ пожертвованій изъ русской земли будетъ настолько значителенъ, что спасетъ отъ голодной смерти многихъ и многихъ македонцевъ, безропотно несущихъ свой тяжелый крестъ, возложенный на ихъ рамена едва ли не исключительно изъ за того, что они родились славянами.

II.

Помимо борьбы съ мусульманскими полчищами, македонцамъ приходилось и приходится выдерживать натискъ со стороны своихъ сосѣдей и единовѣрцевъ-грековъ, которые, пользуясь случаемъ, спѣшатъ обнажить свои истинныя чувства по отношенію къ славянамъ съ такою откровенностью, къ которой не были подготовлены даже и недруги того народа, который мнитъ себя достойнымъ преемникомъ древнихъ эллиновъ.

Враждебныя отношенія между греками и славянами, обусловленныя стародавнимъ политическимъ соперничествомъ и, въ наше время, борьбою на почвѣ церковнаго греко-болгарскаго вопроса,—не были ни для кого секретомъ, но полное снятіе маски произошло въ теченіе минувшаго лѣта, когда греки открыто выступили въ роли друзей турокъ и враговъ славянъ, находя себѣ поощреніе въ образѣ дѣйствій и греческаго правительства, не успѣвшаго еще износить башмаковъ, въ которыхъ они такъ стремительно ретировались въ 1897 году предъ побѣдоносными султанскими войсками.

Хотя греческое правительство оффиціально и отказало греко-македонскому обществу въ Аѳинахъ въ разрѣшеніи, съ оружіемъ въ рукахъ, отправиться въ Македонію и сражаться въ рядахъ турокъ противъ возстанцевъ, но подъ рукою содѣйствовало отправленію около двухсотъ молодыхъ грековъ, прибывшихъ въ Константинополь для вступленія въ турецкія войска, въ качествѣ добровольцевъ.

Повидимому, турки приняли ихъ безъ энтузіазма и вообще встрѣтились затрудненія относительно примѣненія ихъ къ дѣлу; существовало было предположеніе образовать изъ нихъ самостоятельный отрядъ добровольцевъ, подъ начальствомъ турецкихъ офицеровъ, но, какъ кажется, изъ этого ничего не вышло, по крайней мѣрѣ, въ теченіе послѣдняго времени не было ничего слышно о подвигахъ греческихъ добровольцевъ на бранномъ полѣ,—очевидно, турки изъ чувства черной зависти помѣшали ново-эллинамъ увѣнчаться лаврами, которые они намѣревались пріобрѣсти по сходной цѣнѣ.

Въ то же время, греческое правительство разослало своимъ консуламъ въ Македоніи циркуляръ, рекомендующій мѣстнымъ грекамъ не только воздерживаться отъ всякаго участія въ возстаніи, но и оказывать помощь турецкимъ властямъ къ скорѣйшему усмиренію его, указывая имъ притомъ мѣстопребываніе скрывающихся славянъ-возстанцевъ. Въ началѣ же августа аѳинскій кабинетъ обратился къ великимъ державамъ съ нотою, въ которой проситъ предоставить Турціи полную свободу дѣйствій при укрощеніи революціонеровъ-болгаръ, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, Греція въ интересахъ огражденія своихъ единовѣрцевъ, подвергаемыхъ тяжкимъ преслѣдованіямъ, и въ интересахъ возстановленія мира въ Македоніи, открыто присоединится къ Турціи для искорененія четъ.

Греческій министръ-президентъ г. Ралли не устыдился заявить представителямъ великихъ державъ въ Аѳинахъ, что его удивляетъ, почему Европа мѣшаетъ Турціи принять энергичныя мѣры для подавленія возстанія въ Македоніи.

Какъ изумительно коротка бываетъ память у иныхъ народовъ! Греки забыли, какъ 80 лѣтъ тому назадъ поступила по отношенію къ нимъ эта самая Европа, съ Россіею во главѣ, не допустившая Турцію залить потоками крови долины и горы современной Греціи. Напротивъ, когда греки подняли возстаніе, было рѣшено заставить Турцію дать свободу потомкамъ великаго народа, что и было достигнуто. Нынѣ, въ награду за тогдашній великодушный порывъ Европы, за тѣ жертвы, цѣною которыхъ была куплена независимость Греціи, приходится слышать сожалѣнія ея перваго министра о томъ, что туркамъ не предоставлена свобода вырѣзать единовѣрныхъ грекамъ славянъ!

Забывъ, что они сами едва вышли изъ четырехсотлѣтняго турецкаго ярма и что такъ естественны попытки добиться свободы у тѣхъ, кто такое ярмо еще не сбросилъ, греки и ихъ представители — общество и газеты—единогласно упрекаютъ

турокъ за ихъ „великодушіе“ и сокрушаются о недостаткѣ энергіи у турецкихъ властей.

По этому поводу „Temps“ высказалъ нѣсколько горькихъ истинъ: „не надо быть ни грекомъ, ни болгариномъ, чтобы придти въ негодованіе отъ той поддержки, которую оказываетъ варварству нацiя, бывшая сама его жертвою. Байронъ постыдился бы за грековъ, друзей турокъ, и не сталъ бы жертвовать жизнью за нихъ. Дѣйствительно, греки, возбуждая турецкихъ палачей противъ болгаръ, становятся гнусными въ глазахъ всего человѣчества. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ они призывали Европу къ себѣ на помощь, но Европа не помогла имъ. Теперь они обращаются къ своимъ традиціоннымъ угнетателямъ и умоляютъ ихъ затопить все въ болгарской крови потому только, что освобожденіе Македоніи не соотвѣтствуетъ греческому честолюбію“.

„Times“ тоже подвергъ строгой критикѣ образъ дѣйствій г. Ралли, который отвѣтилъ слѣдующимъ заявленіемъ, переданнымъ in extenso корреспондентомъ этой газеты. „Передъ нами стая волковъ, производящихъ набѣги на Македонію. Чтобы уничтожить ихъ, мы готовы стать не только на сторону Турціи, но на сторону кого бы то ни было, если этого требуютъ наши собственные интересы. Наша обязанность ограждать греческое населеніе отъ нападенія болгаръ и съ этою цѣлью намъ необходимо укрѣпить всѣми зависящими отъ насъ средствами турецкую власть, имѣющую съ нами одного общаго врага. Мы не будемъ обращать никакого вниманія на критику тѣхъ, которые порицаютъ наше содѣйствіе Турціи и послѣдуемъ политикѣ, какую мы сами себѣ начертали“.

Въ Парижѣ состоялся недавно конгрессъ „друзей Македоніи и Арменіи“; на него прибыло нѣсколько десятковъ делегатовъ изъ Англіи, Германіи, Италіи и Швеціи. Конгрессъ рѣшилъ обратиться ко всѣмъ европейскимъ правительствамъ съ ходатайствомъ о дарованіи автономіи названнымъ двумъ турецкимъ странамъ.

Рѣшеніе это вызвало въ Греціи тревогу и было по поводу его постановлено, пока есть время, дѣйствовать на общественное мнѣніе Европы и не дать ему проникнуться превратными идеями о пригодности свободы и для славянъ. Съ этою цѣлью отправлена была въ главныя европейскія столицы особая миссія, въ главѣ которой стоитъ ректоръ аѳинскаго университета Казанисъ, который будетъ устраивать митинги и лекціи въ Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ и Вѣнѣ, въ то время,

какъ его сотрудники будутъ вести пропаганду при помощи брошюръ и газетныхъ статей.

Въ настоящее время г. Казанисъ находится въ Парижѣ; при свиданіяхъ съ редакторами газетъ онъ, не стѣсняясь, заявилъ, что желаетъ убѣдить европейское общественное мнѣніе въ необходимости воздержаться отъ дарованія Македоніи автономіи, такъ какъ измѣненіе status quo можетъ вызвать къ самостоятельной жизни македонскихъ болгаръ и сербовъ, чего не могутъ допустить греки. При этомъ, г. Казанисъ обыкновенно распространяется объ историческихъ задачахъ греческаго народа и эллинской цивилизаціи въ Турціи и жалуется на „хищническіе“ планы болгаръ, которые мѣшаютъ этимъ задачамъ. Онъ берется даже доказать, что болгары — отребье человѣчества и рѣшительно не заслуживаютъ тѣхъ симпатій, которыя они встрѣчаютъ въ Европѣ.

Пользуясь разгромомъ болгарскихъ церквей въ Македоніи и задумавъ уничтожить установленную въ нѣкоторыхъ епархіяхъ въ силу фирмана 1870 г. власть болгарскаго экзарха, греческіе митрополиты путешествуютъ по славянскимъ седамъ и, съ помощью турецкихъ властей, заставляютъ болгарскихъ священниковъ признавать главенство вселенской патріархіи. Вообще, обращеніе болгаръ въ патріархистовъ происходитъ при содѣйствіи турецкихъ властей, которыя, напр., не выдаютъ отправляющимся на заработки болгарскимъ крестьянамъ паспортовъ (тескере), пока они не представятъ свидѣтельствъ о принадлежности своей къ патріархіи. Равнымъ образомъ, во многихъ мѣстахъ у болгаръ отбираютъ церкви.

Точно также вызывающе держатъ себя греки и по отношенію къ сербамъ. Сербскій оффиціозъ „Самоуправа“ сообщаетъ, что въ одно изъ недавнихъ воскресеній, во время богослуженія, въ сербской церкви св. Спаса, въ Ускюбѣ, произошла драка между сербами и греками. Драка была вызвана греками, которые стали бить сербскихъ гимназистовъ. Присутствовавшіе въ церкви сербы вынуждены были оборонять ихъ и обороняться сами, вслѣдствіе чего завязалась ожесточенная свалка, прекратившаяся лишь по прибытіи въ храмъ турецкихъ жандармовъ и солдатъ. Несмотря на то, что зачинщиками драки были греки, турки обвинили во всемъ сербовъ и арестовали многихъ изъ нихъ,—преимущественно учениковъ, во главѣ съ учителемъ Косовичемъ.

Подобный наступательный образъ дѣйствій македонскихъ грековъ имѣетъ за собою самую горячую поддержку греческаго правительства, желающаго всѣми способами отстоять свои

права на Македонію: смѣлость, съ которою оно дѣйствуетъ, быть можетъ, объясняется отчасти надеждою на какихъ-либо сильныхъ покровителей: въ такомъ порядкѣ идей представляетъ извѣстный интересъ опубликованный разговоръ греческаго министра-президента съ редакторомъ аѳинской газеты „Καιροί“. Г. Ралли сказалъ ему, между прочимъ, что англійская, французская и русская печать съ крайнею ненавистью осуждаетъ его политику по отношенію къ македонскому возстанію и что лишь въ Германіи и въ Австріи справедливо оцѣниваютъ его стремленія къ совмѣстнымъ съ Портою дѣйствіямъ противъ македонскихъ возстанцевъ. „Туда (въ Германію и въ Австрію) именно и должна устремить свои взоры Турція“,—замѣтилъ греческій министръ-президентъ, — „тѣмъ болѣе, что между германскими и греческими интересами нѣтъ непреодолимаго антагонизма ни въ европейскихъ, ни въ азіатскихъ провинціяхъ Турціи“.

И дѣйствительно, въ вѣнскихъ политическихъ сферахъ все болѣе и болѣе проникаются основною мыслью политики Голуховскаго, стремящагося къ тому, чтобы на Балканскомъ полуостровѣ парализовать развитіе славянскихъ государствъ союзомъ не-славянскихъ народностей: албанцевъ, грековъ и румынъ.

По случаю пріѣзда короля Георга въ Вѣну, австрійская печать выражала слѣдующія мысли: „Греція нуждается въ благосклонности Европы, но и Европа въ свою очередь нуждается какъ въ Греціи, такъ и въ греческомъ народѣ. Балканскій полуостровъ не можетъ оставаться турецкимъ, но отсюда не вытекаетъ необходимости, чтобы онъ сдѣлался исключительно славянскимъ. Очень хорошо, что на Востокѣ существуетъ два неславянскихъ государства—Румынія и Греція, что они ростутъ и развиваются и что они представляютъ парализующій элементъ для односторонняго славизма. Благодаря этому, устраняются односторонности и образуется болѣе прочный фундаментъ для сохраненія мира. Греціи назначено играть первую роль при рѣшеніи восточнаго вопроса. Нигдѣ такъ безпристрастно не признается ея культурная и историческая роль, какъ у насъ, въ Австріи“.

Мудрено ли, что послѣ столькихъ комплиментовъ у Греціи закружилась голова и чаще и чаще бросаетъ она въ сторону Вѣны безпокойно-ласковые взоры и съ яростью говоритъ о Франціи, Англіи и Италіи, ставшихъ будто бы на сторону славянскихъ интересовъ противъ эллинизма.

Несмотря на все, что дѣлается турецкими греками и греческимъ правительствомъ, чтобы отстоять Македонію отъ на-

тиска славянъ, въ сердца политиковъ и даже самого греческаго народа закрадывается мысль, что Македонія можетъ быть для нихъ потеряна, и они начали, потому, напрягать теперь всѣ свои силы, чтобы вознаградить себя за возможную потерю. Выдающіеся политики всѣхъ партій вступили въ ряды членовъ мѣстныхъ греко-албанскихъ обществъ, которыя, получая съ разныхъ сторонъ значительныя денежныя пожертвованія, ведутъ самыя оживленныя сношенія съ выдающимися албанцами, какъ христіанами, такъ и мусульманами въ Эпирѣ. Цѣль стремленій этихъ обществъ—автономія Албаніи и Эпира и затѣмъ совмѣстная работа грековъ и албанцевъ, направленная, въ окончательномъ результатѣ, къ присоединенію Эпира къ Греціи и соединенію собственно Албаніи съ Греціей въ личной уніи, по подобію Австро-Венгріи, причемъ греческій король долженъ также быть королемъ Албаніи. Надъ осуществленіемъ этой программы греки работаютъ самымъ энергичнымъ образомъ и не отказываются ни отъ какихъ средствъ, чтобы подорвать вліяніе албанскихъ агитаторовъ-націоналистовъ, стремящихся, при замѣтномъ равнодушіи собственно-народной массы, создать независимую Албанію. Въ этомъ отношеніи греческое правительство проявляетъ усиленную дѣятельность. Всѣ греческіе консулы въ южной Албаніи самымъ усерднымъ образомъ преслѣдуютъ малѣйшее движеніе въ пользу албанскаго національнаго языка и всякую попытку къ освобожденію отъ греческаго вліянія. Благодаря поддержкѣ турецкихъ властей, имъ удалось добиться закрытія албанской школы въ Горчѣ и ареста шести албанскихъ патріотовъ,—трехъ христіанъ и трехъ мусульманъ,—отправленныхъ въ солунскую тюрьму.

Въ концѣ сентября, въ Дьяковѣ состоялось собраніе поборниковъ албанской автономіи, на которое съѣхались албанцы христіане и мусульмане со всѣхъ концовъ Албаніи и Эпира. Представителями Греціи были два делегата, избранные греко-албанскимъ союзомъ въ Аѳинахъ. Одинъ изъ нихъ полковникъ на дѣйствительной службѣ греческой арміи, а другой—депутатъ отъ Ѳессаліи.

На собраніи выяснилось, что между албанцами и христіанами царитъ будто бы полное единодушіе и всѣ религіозныя и иныя распри между отдѣльными племенами принесены, какъ увѣряютъ, въ жертву національной идеѣ. Выяснилось также, что организація революціоннаго движенія въ Албаніи подвинулась настолько впередъ, что въ короткій срокъ албанцы могутъ выставить до 50.000 хорошо вооруженныхъ человѣкъ.

Греческіе делегаты заявили, что считаютъ возможнымъ сформированіе въ Греціи добровольческаго отряда. Въ заключеніе, былъ избранъ исполнительный комитетъ, отъ котораго будетъ зависѣть начало дѣйствій.

Кандидатомъ на постъ губернатора автономныхъ Эпира и Албаніи греки выставляютъ королевича Георгія, нынѣшняго критскаго генералъ-губернатора. Если вѣрить телеграммѣ изъ Аѳинъ въ „Rappel“, онъ принималъ на дняхъ въ особой аудіенціи Хакки-бея, уполномоченнаго центральнаго албанскаго комитета. Разговоръ, продолжавшійся почти часъ, велся на албанскомъ языкѣ, которымъ королевичъ владѣетъ прекрасно.

Королевичъ сказалъ Хакки-бею, что въ настоящій моментъ революціонное движеніе въ Албаніи несвоевременно. Надо, прежде всего, выждать дальнѣйшаго развитія македонскаго вопроса. Королевичъ также заявилъ, что его кандидатура на постъ албанскаго губернатора поддерживается Россіей и Англіей.

III.

Въ концѣ августа, когда война между Турціей и Болгаріей висѣла, казалось, на волоскѣ и когда Порта представляла княжескому правительству жалобу за жалобой на образъ его дѣйствій по македонскому вопросу, Болгарія сочла нужнымъ отвѣтить двумя нотами: одна была вручена Портѣ, а другая передана державамъ. Въ первой изъ нихъ объясняется, что возстаніе вызвано существующими порядками, вынуждающими молодежь бѣжать за границу и устраивать внутреннюю революцію съ цѣлью добиться примѣненія XXIII ст. берлинскаго договора.

Тотъ фактъ, что возстаніе вспыхнуло сначала въ Битоліи, на разстояніи 250 километровъ отъ княжества, доказываетъ, что начали его не четы, пришедшія изъ Болгаріи. А потому, правительство княжества снимаетъ съ себя всякую отвѣтственность за событія, происходящія, какъ въ адріанопольскомъ такъ и въ монастырскомъ вилайетахъ, вызванныя систематическимъ преслѣдованіемъ болгарскаго населенія.

Нота, адресованная державамъ, говорила вкратцѣ, что „догадки, высказанныя болгарскимъ правительствомъ въ нотѣ отъ 29 іюня, вполнѣ оправдались. Турецкое правительство, очевидно, стремится къ систематическому истребленію болгарскаго народа. Мобилизація и сосредоточеніе такого огромнаго количе-

ства войскъ въ европейской Турціи, подъ предлогомъ усмиренія возстанцевъ, даютъ Болгаріи основаніе предполагать, что Турція расчитываетъ напасть на нее, улучивъ удобный моментъ. Болгарское правительство, потому, не можетъ долѣе оставаться равнодушнымъ и вынуждено будетъ принять свои мѣры".

Въ поясненіе этой послѣдней ноты министръ-президентъ Петровъ сдѣлалъ слѣдующее заявленіе англійскому представителю въ Софіи: „Болгарское правительство рѣшилось исполнить свои обязательства по отношенію къ Турціи, какъ сюзеренной державѣ, и исполнить также, по возможности, требованія державъ, но по всему видно, что дѣйствительное положеніе вещей неизвѣстно за границей.

„Болгарія не располагаетъ достаточнымъ количествомъ войскъ для того, чтобы воспрепятствовать четамъ проникать на македонскую территорію. Съ другой стороны, Турція пропускаетъ четниковъ, идущихъ изъ Болгаріи, турецкіе солдаты нарочно удаляются, какъ только ихъ завидятъ. Изъ этого можно только заключить, что Турція поддерживаетъ возстаніе для того, чтобы имѣть предлогъ къ избіенію македонскихъ христіанъ.

„Болгарія не ищетъ ни территоріальныхъ пріобрѣтеній, ни присоединенія Македоніи, ни даже ея автономіи, она желаетъ только, чтобы сохранены были жизнь и имущество македонскихъ христіанъ. И если державы допустятъ, по политическимъ причинамъ, истребленіе христіанъ, болгары, не имѣя такихъ причинъ, допустить этого не могутъ. Поэтому, можно сказать безъ преувеличенія, что если державы не вмѣшаются въ скоромъ времени, то Болгарія будетъ этимъ поставлена въ самое безвыходное положеніе".

По словамъ „Daily Telegraph", болгарское правительство получило отъ Россіи, Австріи и Германіи отвѣтъ на свою ноту. Всѣ три державы говорятъ въ немъ, что княжеское правительство лучше всего послужитъ интересамъ Македоніи и Болгаріи, если воздержится отъ всякаго активнаго участія въ борьбѣ и предоставитъ уладить все великимъ державамъ. Если же болгарское правительство станетъ дѣйствовать такъ, что вызоветъ войну съ Турціею, то ни одна держава не вступится за него. Вообще, какъ это было заявлено и Портѣ, „если, несмотря на полученныя предостереженія, Турція или Болгарія дадутъ вовлечь себя въ политику приключеній, то онѣ должны имѣть въ виду, что принесенныя жертвы будутъ безполезны, такъ какъ державы исполнены рѣшимости не допускать никакихъ измѣненій въ status quo".

11 сентября 1903 г. появилось по македонскому вопросу русское правительственное сообщеніе, которое, давъ очеркъ дѣйствій, предпринятыхъ Россіею и Австріею къ улучшенію быта христіанскаго населенія трехъ турецкихъ провинцій, прибавляетъ, что „на первыхъ порахъ дѣйствія эти увѣнчались успѣхомъ“, такъ какъ оттоманскимъ правительствомъ даны были мѣстнымъ турецкимъ органамъ категорическія приказанія немедленно приступить къ выполненію намѣченныхъ реформъ.

„Однако, таковые результаты не могли удовлетворить образовавшіеся въ славянскихъ государствахъ „македонскіе комитеты“; очевидная вѣроятность успокоенія христіанскаго населенія подъ вліяніемъ начатыхъ преобразованій... отнимала у комитетовъ благодарную, съ ихъ точки зрѣнія, почву для осуществленія задуманныхъ ими революціонныхъ плановъ. Выставляя знаменемъ своимъ защиту единовѣрцевъ отъ турецкаго гнета, комитеты эти, въ сущности, добиваются измѣненія, въ своекорыстныхъ видахъ, административнаго строя провинціи въ смыслѣ образованія изъ нея „Болгарской Македоніи“ въ ущербъ правамъ и преимуществамъ другихъ христіанскихъ народностей, интересы коихъ одинаково дороги православной Россіи. Не находя поддержки своимъ политическимъ планамъ въ средѣ не-болгарскихъ элементовъ Македоніи, вожаки движенія, путемъ жестокостей, насилій и террора, старались вызвать поголовное возстаніе въ странѣ, чтобы воспрепятствовать введенію проектированныхъ реформъ.

„Къ сожалѣнію... македонская агитація получила большое распространеніе въ самомъ княжествѣ Болгарскомъ, встрѣчая поддержку со стороны дѣятелей, поддавшихся ложнымъ разсчетамъ на то, что возгорѣвшееся возстаніе вынудитъ Россію измѣнить свою программу и выступить активно въ защиту несбыточныхъ плановъ руководителей революціоннаго движенія.

„Пагубныя заблужденія эти... навлекли тяжкія бѣдствія на христіанское населеніе турецкихъ вилайетовъ, положить предѣлъ которымъ возможно прежде всего путемъ воспрепятствованія какъ переходу новыхъ бандъ изъ княжества въ предѣлы Турціи, такъ и прекращенія революціонной дѣятельности комитетовъ. Лишь тогда явится возможность настоять на немедленномъ примѣненіи реформъ, въ соотвѣтствіи съ насущными потребностями населенія, которое, въ виду усилившейся смуты, крайне трудно предохранить отъ чинимыхъ турками жестокостей.

„...Помимо сего, по предложенію Россіи и Австро-Венгріи, правительства великихъ державъ, подписавшихъ Берлинскій договоръ, поручили своимъ представителямъ... сдѣлать правительствамъ Турціи и Болгаріи заявленіе въ нижеслѣдующемъ смыслѣ:

„Нынѣшнее положеніе дѣлъ въ турецкихъ вилайетахъ, созданное преступными замыслами комитетовъ и революціонныхъ бандъ, ни въ чемъ не измѣняетъ взгляда державъ на программу дѣйствій, выработанную въ началѣ текущаго года двумя наиболѣе заинтересованными правительствами, а посему ни Турція, ни Болгарія не могутъ расчитывать на поддержку какой либо державы въ случаѣ открытаго или тайнаго сопротивленія осуществленію этой программы.

„Императорское правительство надѣется, что эти новыя предостереженія убѣдятъ какъ Турцію, такъ и Болгарію въ безплодности всякаго уклоненія отъ исполненія предъявленныхъ имъ требованій и заставятъ принять всѣ зависящія отъ нихъ мѣры къ подавленію на Балканскомъ полуостровѣ смуты, которая можетъ имѣть для Оттоманской имперіи и княжества Болгарскаго лишь самыя тяжелыя послѣдствія".

До сихъ поръ полагали, что, подъ вліяніемъ тяжелыхъ условій существованія, христіанскія народности Оттоманской имперіи съ непобѣдимою ничѣмъ настойчивостью стремятся одна за другою вырваться на свободу, довольствуясь сначала пріобрѣтеніемъ элементарныхъ правъ, обезпечивающихъ имъ возможность жить, и что побороть стремленіе это никакая сила въ мірѣ не сможетъ. Съ этой точки зрѣнія и македонскій вопросъ являлся вполнѣ естественною эволюціею, причемъ задача Европы сводилась лишь къ тому, чтобы эта эволюція происходила, по возможности, спокойнымъ и мирнымъ путемъ. Полагали, наконецъ, что разрѣшеніе македонскаго вопроса примѣнительно къ только что названному стремленію христіанскихъ народностей Турціи неотвратимо, что его можно отдалить, но не устранить, какъ бы хладнокровно Европа ни смотрѣла на совершаемыя въ Македоніи ужасныя преступленія, и что въ концѣ концовъ должна пріобрѣсти право на жизнь и родина славянскихъ первоучителей, принесшихъ православной Руси ни съ чѣмъ несравнимый драгоцѣнный даръ славянскаго Евангелія и богослуженія.

Нынѣ же, какъ видно, все ставится на почву однихъ революціонныхъ плановъ, причемъ въ лицо комитетовъ бросается тяжкое обвиненіе въ томъ, что дѣятельность ихъ основана на своекорыстныхъ планахъ и что лишь путемъ жестокостей, на-

силія и террора старались они вызвать поголовное возстаніе въ странѣ, стремясь увлечь и Россію въ защиту своихъ несбыточныхъ плановъ и, въ особенности, образованія „Болгарской Македоніи".

Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что, по всей вѣроятности, существуютъ вѣскія доказательства, заставившія наше правительство не только взвести названныя обвиненія, но и стать въ нѣкоторое противорѣчіе съ своимъ же сообщеніемъ отъ 30 ноября 1902 года, въ которомъ ожидаемое на весну возстаніе объяснялось возрастающимъ недовольствомъ среди православнаго населенія Турціи и говорилось, что „дабы положить предѣлъ броженію, могущему повлечь за собою самыя серьезныя осложненія на всемъ Балканскомъ полуостровѣ, Императорскимъ правительствомъ... поручено россійскому послу въ Константинополѣ... представить соображенія о не терпящихъ отлагательства преобразованіяхъ въ административномъ строѣ Македоніи и настойчиво совѣтовать турецкому правительству скорѣйшее примѣненіе таковыхъ въ цѣляхъ улучшенія быта православнаго населенія"...

Дѣйствительность показала, что было нѣсколько преждевременно считать, что дѣйствія державъ уже увѣнчались на первыхъ порахъ успѣхомъ,—только на томъ основаніи, что „оттоманскимъ правительствомъ даны были мѣстнымъ турецкимъ органамъ категорическія приказанія немедленно приступить къ выполненію намѣченныхъ реформъ" и что предстояла „очевидная вѣроятность успокоенія христіанскаго населенія подъ вліяніемъ начатыхъ преобразованій", такъ какъ, во-первыхъ, существуетъ громадная разница между турецкими категорическими приказаніями о проведеніи реформъ и ихъ дѣйствительнымъ осуществленіемъ, а во-вторыхъ, восьмимѣсячный опытъ съ достаточною ясностью показалъ, что христіанское населеніе не могло успокоиться подъ вліяніемъ начатыхъ преобразованій, провести которыя турки, доколѣ они останутся турками, не въ состояніи, даже еслибы они искренно желали сообразоваться съ программою, выработанною державами. Причины тому были изложены мною въ свое время [1]).

Что же касается до несбыточности плановъ вожаковъ македонскаго возстанія, добивающихся для своей родины автономнаго устройства, то въ свое оправданіе вожаки эти, пожалуй, могли бы указать, что первоисточникомъ ихъ плановъ является

---

[1]) См. «Русскій Вѣстникъ» февраль и мартъ 1903 г.

XXIII ст. берлинскаго договора, подписаннаго всѣми великими державами.

Если наше правительство въ прошломъ году такъ настойчиво рекомендовало скорѣйшее измѣненіе условій быта православныхъ въ Македоніи, то изъ этого само собою вытекало, что условія эти достигли той степени негодности, что были вполнѣ достаточны, чтобы объяснить македонскую смуту естественными причинами, не примѣшивая никакихъ своекорыстныхъ плановъ или террора со стороны какихъ-либо постороннихъ поборниковъ.

Послѣдовавшее затѣмъ измѣненіе оцѣнки характера македонскаго броженія и предположеніе о проектѣ „Болгарской Македоніи" тѣмъ поразительнѣе для не посвященнаго въ тайны дипломатіи читателя, что въ печати появились свѣдѣнія, какъ бы идущія въ разрѣзъ съ новыми взглядами, выраженными въ правительственномъ сообщеніи 11 сентября настоящаго года.

Не буду говорить о приведенномъ выше отзывѣ болгарскаго министра-президента, но нельзя обойти молчаніемъ происходившую въ Петербургѣ бесѣду съ профессорами Милетичемъ и Георговымъ, делегатами внутренней македонской организаціи.

Милетичъ прямо заявилъ, что македонское возстаніе, возникшее исключительно на почвѣ невыносимости положенія мѣстныхъ христіанъ, было организовано внутреннимъ македонскимъ комитетомъ, такъ называемою „внутреннею организаціею", представляющею, въ данный моментъ, единственную реальную силу, съ которою приходится считаться въ македонскомъ вопросѣ. „Именно въ виду этого,—сказалъ онъ,—насъ крайне удивляютъ претензіи болгарскаго правительства, которое не имѣетъ никакого фактическаго и юридическаго основанія вести переговоры съ Турціей о прекращеніи военныхъ дѣйствій. Болгарія приписываетъ себѣ какое-то вліяніе въ лагерѣ внутреннихъ, котораго она вовсе не имѣетъ. Такимъ образомъ, княжество только поддерживаетъ распространенное въ Европѣ заблужденіе, будто возстаніемъ все еще руководятъ существовавшіе въ Болгаріи комитеты" [1]).

Затѣмъ, какъ заявилъ корреспонденту «Temps» одинъ изъ вліятельныхъ македонцевъ: „македонцы не желаютъ турецко-болгарской войны, такъ какъ она придала бы македонскому вопросу окраску вопроса болгарскаго, что только повредило бы ему, въ особенности въ случаѣ побѣды Болгаріи.

[1]) „Новое Время" 15 сентября 1903 г.

„Македонцы хотятъ автономіи, добытой путемъ вмѣшательства Европы въ ихъ пользу. Они не хотятъ ни раздѣла, ни присоединенія къ другому государству. Единая Македонія для македонцевъ—ничего больше“.

IV.

Съ представленіями, сдѣланными державами въ Константинополѣ и Софіи, совпали непосредственные переговоры между Турціей и Болгаріей, починъ которыхъ исходилъ, повидимому, отъ султана; болгарское правительство въ свою очередь отозвалось на нихъ въ благопріятномъ смыслѣ и сообщило вмѣстѣ съ тѣмъ свои условія, которыя заключались въ слѣдующемъ: 1) немедленное прекращеніе рѣзни въ Македоніи и адріанопольскомъ вилайетѣ, 2) прекращеніе военныхъ дѣйствій противъ четъ, 3) отозваніе турецкихъ и болгарскихъ войскъ отъ границы, 4) свободное возвращеніе бѣженцевъ изъ Болгаріи въ Турцію, 5) амнистія политическихъ преступниковъ и освобожденіе всѣхъ заключенныхъ, 6) реформы общиннаго управленія въ Македоніи въ духѣ автономіи болгарскихъ общинъ, 7) реформы системы сбора налоговъ, и 8) учрежденіе болгаро-турецкой комиссіи для мирнаго улаженія конфликтовъ и постепенной разработки реформъ. Комиссія должна была состоять изъ четырехъ или болѣе лицъ, изъ которыхъ половина будутъ болгары, назначаемые болгарскимъ экзархомъ.

Мѣстопребываніе комиссіи будетъ въ Софіи, а въ Константинополѣ при султанѣ будетъ состоять болгарскій представитель комиссіи. На комиссію возлагается забота о водвореніи бѣженцевъ и возстановленіи ихъ разрушенныхъ жилищъ, разработка вопросовъ о сельской полиціи, о школьномъ и церковномъ самоуправленіи и о коренномъ преобразованіи податной системы; комиссія же приметъ на себя обязанности мирового суда по имѣющимъ возникнуть недоразумѣніямъ.

Чрезвычайный совѣтъ турецкихъ министровъ обстоятельно обсудилъ болгарскую ноту, а 10-го сентября турецкій комиссаръ въ Софіи заявилъ министру-президенту Петрову, что султанъ принимаетъ болгарскія предложенія для мирнаго улаженія македонскаго вопроса: возраженіе относилось лишь къ невозможности назначенія не-турецкихъ членовъ комиссіи болгарскимъ экзархомъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ могли быть предъявлены аналогичныя требованія со стороны вселенскаго патріарха, Сербіи и Румыніи. Между тѣмъ, въ этомъ-то

возраженіи и заключалось указаніе на то, что, вступивъ въ непосредственные переговоры съ Болгаріею, Порта хотѣла лишь ускользнуть отъ необходимости проводить потребованныя державами реформы и оттянуть время, чтобы, во первыхъ, завершить сосредоточеніе войскъ и подвинуть, насколько возможно, начатое ею дѣло истребленія македонскихъ христіанъ и чтобы, во-вторыхъ, воспользовавшись предложеніями Болгаріи, повернуть ихъ противъ самой Болгаріи. Все предположенное ею Порта не замедлила исполнить съ присущимъ ей мастерствомъ, противопоставивъ и въ этомъ случаѣ одну изъ подвластныхъ ей народностей другой.

Въ то время какъ болгарскіе министры уже торжествовали побѣду, кичась тѣмъ, что имъ удалось уладить въ интересахъ Болгаріи македонскій вопросъ, надъ рѣшеніемъ котораго безплодно бьются великія державы,—12-го сентября было обнародовано султанское ираде объ учрежденіи смѣшанной комиссіи, въ составъ которой, вмѣсто намѣченныхъ Болгаріей только турокъ и болгаръ, входятъ два мусульманина и по одному турецко-подданному болгарину, греку и сербу. Вдобавокъ, вмѣсто того, чтобы быть самостоятельнымъ учрежденіемъ, съ пребываніемъ въ Софіи, новая комиссія обратилась въ простой совѣщательный органъ при главномъ инспекторѣ Хильми-пашѣ, съ мѣстопребываніемъ въ Битоліи. Къ довершенію всего, члены комиссіи были, по распоряженію султана, назначены изъ числа членовъ мѣстнаго меджлиса (управительнаго совѣта), т. е. изъ лицъ, уже давно обратившихся въ безсловесныя орудія турецкихъ властей.

Одновременно съ тѣмъ, турки устроили болгарамъ еще и другую крупную непріятность, а именно, султанъ издалъ ираде, признающее сербскую національность въ Македоніи,—чего сербы добивались такъ долго и такъ упорно,—и обѣщающее признать такимъ же образомъ и румынскую.

Распоряженіе это можетъ имѣть для будущаго Македоніи очень крупное и неблагопріятное значеніе. Дѣло въ томъ, что со времени взятія Константинополя, всѣ подвластные туркамъ христіане были признаны входящими въ составъ греческаго народа (*румъ-миллети*) съ оффиціальнымъ главою въ лицѣ вселенскаго патріарха. Въ 1870 году, съ образованіемъ болгарскаго экзархата, изъ румъ-миллети были выдѣлены въ Македоніи всѣ признавшіе надъ собою духовную власть экзарха: словомъ, всѣ македонцы не турки и не греки были занесены въ оффиціальные списки подъ именемъ болгаръ, хотя между ними были и сербы, и куцо-влахи. Такимъ образомъ, для ту-

рокъ дѣленіе христіанъ было основано исключительно на вопросѣ исповѣдномъ. Нынѣшнее же султанское ираде ставитъ это дѣленіе на почву національности, такъ какъ ни сербы, ни куцо-влахи своей автономной церкви въ Македоніи не имѣютъ.

Практически, благодаря послѣдовавшему признанію, македонскіе сербы, а вскорѣ, вѣроятно, и куцо-влахи пріобрѣтутъ право имѣть свои собственныя церкви и школы и тѣмъ укрѣплять свою національность. Политически же, давая сербамъ и цынцарамъ новыя права, султанъ усиливаетъ ихъ самосознаніе, даетъ имъ могущественное средство борьбы, въ особенности противъ болгаръ, и тѣмъ уничтожаетъ болгарскія претензіи на исключительное преобладаніе въ Македоніи.

Слѣдовательно, и новый опытъ кабинета Петрова обойтись безъ Россіи и войти съ Турціей въ непосредственное соглашеніе обѣщаетъ принести Болгаріи лишь горькіе плоды.

Не обращая вниманія на попытку Порты уклониться отъ исполненія требованій державъ, противопоставивъ имъ непосредственное соглашеніе свое съ Болгаріей, русскій и австро-венгерскій послы вручили Портѣ тождественныя ноты, въ которыхъ указывается на многочисленныя безчинства турецкихъ войскъ и на то, что много спустя послѣ того, какъ возстанцы разсѣивались, войска начинали обстрѣливаніе многихъ мѣстностей, что служило только предлогомъ для грабежей и убійствъ мирныхъ жителей, которыхъ потомъ выдавали за возстанцевъ. Въ нотѣ указывается также на значительно ослабѣвшую дисциплину турецкихъ войскъ. Въ заключеніе, послы энергично требовали скорѣйшаго проведенія реформъ, угрожая, что, въ противномъ случаѣ, Порта, быть можетъ, будетъ понуждена къ проведенію расширенной программы реформъ.

По поводу этихъ обвиненій Порта доставила посламъ подробный перечень случаевъ, въ которыхъ войска совершили насилія, а также перечень наказаній, которымъ подверглись виновные. Лишь одинъ солдатъ, убившій въ Прилепѣ офицера, мѣшавшаго ему грабить, былъ приговоренъ къ смерти, а другой, убившій въ Велесѣ христіанина,—къ каторгѣ, остальные 50 офицеровъ и солдатъ — за грабежъ, воровство, насилія надъ христіанами были приговорены къ кратковременному тюремному заключенію, а большинство къ переводу въ войсковыя части, расположенныя въ Багдадѣ, Іеменѣ и Триполи; подъ слѣдствіемъ находятся еще 52 офицера и солдата и цѣлые батальоны редифовъ изъ Призрена и 19-го полка низама.

Въ то же время, Порта отвѣтила и на предшествующее сообщеніе Россіи и Австро-Венгріи. Отвѣтъ ея написанъ въ

обычномъ турецкомъ стилѣ, въ изысканныхъ фразахъ, звонкостью формы прикрывающихъ убожество внутренняго содержанія. Порта говоритъ, что она вполнѣ удовлетворена полученными ею заявленіями, дающими доказательство благожелательныхъ намѣреній державъ, и имѣетъ твердое желаніе „гарантировать спокойствіе и порядокъ на благо подданныхъ, безъ различія религій и народностей. Вѣрная своей политикѣ, Порта будетъ наблюдать за полнымъ осуществленіемъ предложенныхъ мѣропріятій и за исполненіемъ приказаній, которыя будутъ даваемы ею въ интересахъ безопасности населенія, охраны его имущества и примѣненія нелицепріятнаго правосудія". Порта еще разъ, однако, указываетъ, что „если установленная программа не могла еще до сихъ поръ быть въ точности выполнена, то въ этомъ виноваты исключительно болгарскіе агитаторы, которые сдѣлали всевозможныя попытки, чтобы посредствомъ величайшихъ злодѣяній препятствовать дѣятельности властей и даже уничтожать ее. Подавленіе движенія, для котораго Турція должна была усилить войска, легко удалось бы, если бы въ Болгаріи не допускалось образованіе четъ и переходъ ими границы. Четы, разсѣянныя въ одномъ мѣстѣ, проникали въ другое и увлекали за собою населеніе противъ его воли и интересовъ. Положеніе ухудшается болгарскими вооруженіями и приготовленіями, призывомъ запасныхъ, заказами оружія и предметовъ военнаго снабженія, а также военными реквизиціями, постройкой мостовъ, имѣющихъ стратегическое значеніе и другими мѣропріятіями, которыя служили ободреніемъ для зачинщиковъ безпорядковъ и вынуждали Порту къ мѣрамъ противодѣйствія. Мирныя намѣренія Порты слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы подвергать ихъ сомнѣнію. Но, несмотря на твердыя обѣщанія, данныя въ Софіи, болгарское правительство продолжаетъ вооруженія. Поэтому, державы, выказывающія такую же любовь къ миру, должны были бы настаивать на томъ, чтобы Болгарія дѣйствовала доброжелательно, исполняла свои обязанности, не допускала образованія четъ и перехода ими границы, прекратила военныя приготовленія и не препятствовала своимъ образомъ дѣйствій осуществленію намѣченной программы. Порта очень благодарна державамъ за представленія, уже сдѣланныя въ Софіи, и надѣется, что державы будутъ настаивать на томъ, чтобы ихъ намѣреніямъ не оказывалось сопротивленія".

Въ этотъ же періодъ времени произошло въ общественномъ мнѣніи Англіи усиленіе интереса къ македонскому во-

просу. Англійскіе епископы въ Дургэмѣ, Вустерѣ, Гарфордѣ и Гибралтарѣ обратились въ „Times“ съ горячимъ протестомъ противъ ужасовъ, совершаемыхъ турками въ Македоніи и противъ бездѣйствія державъ.

17/30 сентября въ Сентъ-Джемсъ-Голлѣ, въ Лондонѣ, собрался, подъ предсѣдательствомъ епископа вустерскаго, большой митингъ, на которомъ было прочитано письмо архіепископа кэнтерберійскаго. Въ немъ архіепископъ заявляетъ, что на сторонѣ собравшихся весь англійскій народъ, готовый употребить все могущественное вліяніе Англіи для подавленія тиранніи, хищничества и неурядицы на Балканахъ. Кромѣ того, были прочитаны сочувственныя письма многихъ епископовъ и 39 членовъ парламента, въ томъ числѣ Кэмпбеля-Баннермана и Грэя.

Митингъ постановилъ слѣдующую резолюцію:

1) Анархія въ Македоніи и неудача всѣхъ попытокъ ввести реформы подъ турецкимъ контролемъ дѣлаютъ необходимымъ прекращеніе непосредственнаго владычества султана надъ македонскими провинціями.

2) Обязательства, взятыя на себя Англіей по берлинскому договору, требуютъ отъ нея, чтобы она предприняла энергическія мѣры къ прекращенію постояннаго грабежа и рѣзни мирнаго населенія и постаралась склонить другія державы—участницъ договора въ пользу вышеуказанной политики.

3) Необходима скорая помощь для предотвращенія голода и учрежденіе балканскаго комитета помощи нуждающимся.

Въ числѣ ораторовъ и участниковъ митинга были представители всѣхъ партій и всѣхъ вѣроисповѣданій.

За нѣсколько дней предъ митингомъ, архіепископъ кэнтерберійскій обратился къ британскому министру-президенту съ письмомъ, въ которомъ выразилъ заботу членовъ англиканской церкви о томъ, чтобы не упущены были мѣры, могущія послужить къ уменьшенію страданій македонскаго населенія. Бальфуръ немедленно отвѣтилъ ему, что и „онъ вполнѣ раздѣляетъ чувства ужаса и возмущенія, которыя возбуждаетъ современное положеніе. Онъ также вполнѣ понимаетъ желаніе, путемъ общественнаго митинга или инымъ какимъ-либо образомъ, открыто выразить порицаніе, какъ того заслуживаютъ новѣйшія, достойныя сожалѣнія событія. Еслибы, однако, русско-австрійскій проектъ реформъ былъ Портой осуществленъ и принятъ народностями, которыхъ онъ касается, то міръ не былъ бы свидѣтелемъ нынѣшнихъ звѣрствъ“. Далѣе, Бальфуръ, въ весьма опредѣленныхъ выраженіяхъ, заявилъ архіе-

пископу о необходимости солидарности съ обѣими наиболѣе заинтересованными на Востокѣ державами, такъ какъ онѣ „обладаютъ несравненно бо́льшимъ, чѣмъ кто-либо, вліяніемъ на борящіяся силы на Балканскомъ полуостровѣ. Никакія другія націи или группы націй не были бы въ состояніи совершить это дѣло успѣшнѣе ихъ. Настоящее положеніе является однимъ изъ тѣхъ случаевъ, когда двѣ державы представляются сильнѣе для проведенія извѣстныхъ началъ, чѣмъ три и гдѣ, на дѣлѣ, всякое увеличеніе въ числѣ участниковъ означало бы соотвѣтственное уменьшеніе въ силѣ воздѣйствія".

Несмотря на всю категоричность подобныхъ заявленій, расчитанныхъ, пожалуй, на то, чтобы столь выхваляемыя Бальфуромъ Россія и Австро-Венгрія съ своими проектами поглубже завязли въ трясинѣ македонской неурядицы, а также на то, чтобы побольше отвратить отъ Россіи симпатіи мѣстнаго населенія, британское правительство поручило своему послу въ Константинополѣ, О' Коннору передать Портѣ, что ни Турція, ни Болгарія не должны расчитывать на поддержку Англіи при явномъ или тайномъ сопротивленіи ихъ проведенію русско-австрійской программы реформъ. По мнѣнію британскаго правительства, „реформы эти представляютъ минимумъ того, что̀ слѣдовало бы требовать. Предпринятыя до сего времени мѣры къ осуществленію реформъ, даже допуская всю затруднительность положенія, къ сожалѣнію, совершенно недостаточны. Въ дальнѣйшемъ, слѣдовало бы потребовать принятія болѣе быстрыхъ и дѣйствительныхъ мѣропріятій по сравненію съ тѣми, которыя до сихъ поръ принимали турецкія власти".

Одинаковое сообщеніе было сдѣлано и болгарскому правительству, которое, не безъ основанія, усмотрѣло въ оффиціальныхъ заявленіяхъ Англіи нѣкоторое колебаніе въ вопросѣ объ оцѣнкѣ русско-австрійскаго проекта и признаки того, что, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, Англія при несомнѣнно состоявшемся благопріятномъ македонцамъ поворотѣ въ англійскомъ общественномъ мнѣніи и печати, намѣревается выступить съ своимъ собственнымъ проектомъ уже болѣе расширенныхъ реформъ. Радужныя ожиданія болгаръ усилились еще болѣе подъ вліяніемъ сообщенія изъ Константинополя обыкновенно хорошо освѣдомленной „Frankfurter Zeitung" о томъ, что англійская тамъ дипломатія ежедневно и открыто поддерживаетъ тотъ основной принципъ, что прежняя программа реформъ оказалась совершенно неудовлетворительной и что лишь автономія Македоніи подъ управленіемъ христіан-

скаго генералъ-губернатора можетъ быть единственнымъ дѣйствительнымъ разрѣшеніемъ вопроса. По свѣдѣніямъ этой газеты, турецкій посолъ въ Лондонѣ сообщилъ Портѣ, что англійское министерство иностранныхъ дѣлъ повторило ему то, что касается англійскихъ взглядовъ на этотъ вопросъ, причемъ высказалось очень опредѣленно и безъ всякихъ недомолвокъ.

V.

Убѣдившись, что февральскій проектъ реформъ для Македоніи потерпѣлъ полную неудачу, Россія и Австро-Венгрія рѣшили сдѣлать шагъ въ сторону болѣе расширенной программы реформъ. Это рѣшеніе облеклось въ конкретную форму во время пребыванія Государя Императора въ половинѣ сентября въ Вѣнѣ и Мюрцштегѣ.

Важное значеніе свиданія нашего Государя съ императоромъ австрійскимъ было подчеркнуто во время тостовъ на парадномъ завтракѣ, происходившемъ 17 сентября въ Шенбрунскомъ дворцѣ. Императоръ Францъ-Іосифъ въ своемъ тостѣ упомянулъ, „что сердечность Нашихъ отношеній многократно уже оказывала благотворное дѣйствіе на политическія отношенія между Нашими государствами и Я льщу Себя надеждою, что и въ этотъ моментъ совершенная солидарность во взглядахъ и въ сужденіяхъ, связывающая Насъ, передъ лицомъ прискорбныхъ событій, театромъ которыхъ служитъ почти весь Балканскій полуостровъ, еще разъ обезпечитъ успѣхъ тому дѣйствію, которое Мы предпринимаемъ тамъ съ общаго согласія, въ интересахъ мира Европы".

Въ отвѣтъ на эту часть тоста Государь Императоръ изволилъ произнести слѣдующія слова:

„Наше сердечное соглашеніе и полная солидарность, имѣющая результатомъ дѣйствіе Нашихъ правительствъ, какъ сказали ваше величество, служатъ драгоцѣннымъ залогомъ успѣха того великаго дѣла миротворенія, которое Мы предприняли съ общаго согласія. Преслѣдуемая Нами гуманная цѣль исключаетъ всякую партійность, и она должна быть достигнута съ твердостью и настойчивостью средствами, наиболѣе пригодными для дѣйствительнаго и прочнаго умиротворенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ Я надѣюсь, что Наши усилія будутъ также содѣйствовать укрѣпленію общаго мира".

Нѣкоторые крупные органы европейской печати, придавая

выдающееся значеніе тостамъ, которыми обмѣнялись оба Монарха, въ то же время выразили опасеніе, что осуществленіе австро-русской миролюбивой политики встрѣтитъ на Балканскомъ полуостровѣ почти неодолимое сопротивленіе въ мѣстныхъ условіяхъ и что балканскій узелъ настолько запутался что его теперь можно лишь разрубить, но не распутать.

Результатомъ совѣщаній между русскимъ и австрійскимъ императорами, а также между ихъ министрами, графомъ Ламздорфомъ и графомъ Голуховскимъ, сначала въ Вѣнѣ, а потомъ въ Мюрцштегѣ, явилась нижеслѣдующая телеграмма, отправленная 20 сентября россійскому и австро-венгерскому посламъ въ Константинополѣ:

„Въ послѣднее время вы были уполномочены сдѣлать заявленіе, что Россія и Австро-Венгрія неуклонно продолжаютъ предпринятое ими дѣло умиротворенія, придерживаясь выработанной въ началѣ года программы, несмотря на возникшія затрудненія къ ея осуществленію.

„Дѣйствительно, въ то время, какъ съ одной стороны революціонные комитеты возбуждали безпорядки и препятствовали христіанскому населенію трехъ вилайетовъ оказать содѣйствіе къ выполненію реформъ, съ другой—органы Блистательной Порты, на коихъ возложено было примѣненіе таковыхъ, вообще не проявляли въ данномъ случаѣ желательнаго усердія и не прониклись истинными цѣлями, положенными въ основу этихъ мѣропріятій.

„Дабы явить доказательство ихъ твердой рѣшимости настоять на полномъ осуществленіи помянутыхъ реформъ, принятыхъ Портою и имѣющихъ цѣлью обезпечить общую безопасность, оба правительства условились относительно болѣе дѣйствительныхъ способовъ контроля и надзора. Вы безъ замедленія получите точныя указанія по сему предмету.

„Если съ одной стороны оба правительства вполнѣ признаютъ право и обязанность Блистательной Порты подавлять безпорядки, вызванные злоумышленною агитаціею комитетовъ, то съ другой—они не могутъ не сожалѣть, что это подавленіе сопровождалось насиліями и жестокостями, отъ которыхъ страдало мирное населеніе. Въ виду сего они считаютъ настоятельно необходимымъ придти на помощь жертвамъ этихъ прискорбныхъ событій, и вышеупомянутыя инструкціи вамъ укажутъ въ подробностяхъ на способы помочь лишеннымъ всякихъ средствъ къ существованію жителямъ, облегчить возвращеніе ихъ на мѣста и озаботиться возстановленіемъ сожженныхъ селеній, церквей и школъ.

„Правительства Россіи и Австро-Венгріи питаютъ твердую надежду, что ихъ непрестанныя усилія достигнутъ намѣченной цѣли прочнаго умиротворенія въ потерпѣвшихъ отъ смутъ областяхъ, и убѣждены, что ихъ вполнѣ безпристрастные совѣты будутъ приняты всѣми, кого они касаются“.

Текстъ тождественной телеграммы былъ оффиціально сообщенъ кабинетамъ лондонскому, парижскому, берлинскому и римскому и встрѣченъ былъ ими съ рѣшительнымъ одобреніемъ, тѣмъ бо́льшимъ, что, по словамъ вѣнскихъ газетъ, она способна была разсѣять всѣ подозрѣнія относительно того, что въ Петербургѣ или Вѣнѣ преслѣдуются честолюбивыя или эгоистичныя цѣли.

Упоминаемая въ телеграммѣ тождественная инструкція была вскорѣ затѣмъ сообщена г. Зиновьеву и барону Каличе, которые, согласно ей, сдѣлали Портѣ 9 прошлаго октября соотвѣтствующее представленіе. Важный документъ этотъ заключаетъ въ себѣ слѣдующіе пункты:

„1) Для установленія контроля надъ дѣятельностью мѣстныхъ турецкихъ властей по приведенію въ исполненіе реформъ назначить при Хильми-пашѣ особыхъ гражданскихъ агентовъ отъ Россіи и Австро-Венгріи, которые будутъ обязаны всюду сопровождать главнаго инспектора, обращать его вниманіе на нужды христіанскаго населенія, указывать на злоупотребленія мѣстныхъ властей, передавать ему соотвѣтствующія представленія пословъ въ Константинополѣ и доносить своимъ правительствамъ обо всемъ происходящемъ въ странѣ.

„Въ помощь этимъ агентамъ могли бы быть назначены секретари и драгоманы, которымъ будетъ поручено выполненіе ихъ приказаній и дано разрѣшеніе объѣзжать округа для опроса жителей христіанскихъ селеній, наблюденія за дѣятельностью мѣстныхъ властей и т. д.

„Въ виду того, что задача гражданскихъ агентовъ будетъ состоять въ наблюденіи за введеніемъ реформъ и умиротвореніемъ населенія, ихъ полномочія прекратятся черезъ два года послѣ назначенія.

„Высокая Порта должна предписать мѣстнымъ властямъ всячески облегчать этимъ агентамъ выполненіе порученной имъ задачи.

„2) Такъ какъ реорганизація турецкой жандарменіи и полиціи является одною изъ наиболѣе существенныхъ мѣръ къ умиротворенію края, то необходимо немедленно же потребовать отъ Порты приведенія въ исполненіе этой реформы.

„Принимая, однако, во вниманіе, что приглашенные уже

для этой цѣли нѣсколько шведскихъ и другихъ иностранныхъ офицеровъ, вслѣдствіе незнанія языка и мѣстныхъ условій, не могли принести соотвѣтственной пользы, то въ первоначальномъ проектѣ желательно сдѣлать нѣкоторыя измѣненія и дополненія:

а) Задача реорганизаціи жандармеріи въ трехъ вилайетахъ будетъ возложена на генерала иностранной національности, на службѣ императорскаго оттоманскаго правительства, къ которому могли бы быть прикомандированы военные чины великихъ державъ; имъ будутъ поручены отдѣльные раіоны, на пространствѣ коихъ они будутъ дѣйствовать, какъ контролеры, инструкторы и организаторы. Такимъ образомъ, они вмѣстѣ съ тѣмъ въ состояніи будутъ наблюдать за образомъ дѣствій войскъ по отношенію къ населенію.

b) Эти офицеры могутъ, если это имъ представится необходимымъ, просить о прикомандированіи къ нимъ нѣкотораго числа иностранныхъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ.

„3) Какъ только обнаружено будетъ умиротвореніе страны, тотчасъ же потребовать отъ турецкаго правительства измѣненія территоріальнаго разграниченія административныхъ единицъ въ видахъ болѣе правильной группировки отдѣльныхъ народностей.

„4) Одновременно предъявить требованіе о преобразованіи административныхъ и судебныхъ учрежденій, въ каковыя желательно было бы открыть доступъ мѣстнымъ христіанамъ, содѣйствуя при этомъ развитію мѣстнаго самоуправленія.

„5) Немедленно учредить въ главныхъ центрахъ вилайетовъ смѣшанныя коммиссіи, образованныя изъ христіанскихъ и мусульманскихъ делегатовъ въ равномъ числѣ для разбора дѣлъ по политическомъ и инымъ преступленіямъ, совершеннымъ во время смутъ.

„Въ коммиссіяхъ этихъ должны участвовать консульскіе представители Россіи и Австро-Венгріи.

„6) Потребовать отъ турецкаго правительства ассигнованія особыхъ суммъ:

а) для водворенія на мѣста ихъ прежняго жительства христіанскихъ семействъ, укрывшихся въ Болгаріи и въ другихъ мѣстностяхъ;

b) на выдачу пособій христіанамъ, лишившимся крова и имущества;

c) на возстановленіе жилищъ, храмовъ и школъ, разрушенныхъ турками во время возстанія.

„Комиссіи, въ коихъ будутъ засѣдать видные представи-

тели христіанскаго населенія, будутъ завѣдывать распредѣленіемъ этихъ суммъ. Консулы Россіи и Австро-Венгріи будутъ наблюдать за ихъ расходованіемъ.

„7) Въ христіанскихъ селеніяхъ, выжженныхъ турецкими войсками и башибузуками, водворенные жители освобождаются въ теченіе года отъ уплаты всякихъ налоговъ.

„8) Оттоманское правительство возобновитъ обязательство безъ малѣйшаго замедленія ввести реформы, упомянутыя въ проектѣ, выработанномъ въ февралѣ нынѣшняго года, такъ равно и тѣ, на настоятельность коихъ будетъ указано впослѣдствіи.

„9) Такъ какъ бо̀льшая часть насилій и жестокостей была совершаема илавэ (редифами второго разряда) и баши-бузуками, то настоятельно необходимо, чтобы первые были распущены и чтобы безусловно не было допускаемо образованіе шаекъ баши-бузуковъ".

Хотя новыя требованія России и Австро-Венгріи, по сравненію съ февральскимъ проектомъ этихъ державъ, дѣлаютъ попытку подчинить проведеніе реформъ болѣе дѣйствительному контролю, тѣмъ не менѣе, для лицъ знакомыхъ съ Македоніей и турецкими порядками, представляется почти несомнѣннымъ, что и новому проекту предуготована та же неудача, что и первому, такъ какъ къ иному результату и не можетъ придти вопросъ, съ самаго начала поставленный на ложный путь. Худосочное дѣтище, появившееся на свѣтъ на берегахъ Босфора, съ самого рожденія обречено было на преждевременную смерть, какими бы лекарствами его ни пичкали и къ какимъ бы свѣтиламъ медицинской науки ни обращались. Точно также и мѣстные наблюдатели и вообще люди, знающіе мѣстныя обстоятельства, критически разбирая новую программу, приходятъ къ убѣжденію въ ея искусственности и полной непригодности къ устраненію золъ, гнетущихъ христіанское населеніе Македоніи.

Нынѣ созданные гражданскіе агенты державъ при главномъ инспекторѣ реформъ, по поставленнымъ имъ рамкамъ дѣятельности, едва ли смогутъ быть чѣмъ-либо инымъ, какъ оффиціальными соглядатаями за Хильми-пашею, безъ всякой дѣйствительной власти измѣнить что-либо въ условіяхъ, препятствующихъ осуществленію турками задуманныхъ реформъ. Придерживаясь послѣдней посольской инструкціи, этимъ агентамъ надлежитъ быть контролерами, но, чтобы контролировать

и наблюдать, надо имѣть что контролировать, а въ Македоніи нѣтъ ни серьезно поставленной администраціи, ни законнаго, справедливаго распредѣленія и сбора налоговъ.

Чтобы не быть голословнымъ, приведу лишь два примѣра.

Основной налогъ десятинный—источникъ злоключеній для мѣстнаго населенія: результатомъ его является, что турецкое правительство получаетъ мало, населеніе платитъ много, а богатѣютъ только сборщики десятины.

Другой налогъ—сборъ за патенты на право торговли, устанавливаемый номинально цѣлою коммиссіею, на дѣлѣ собирается переходящими изъ лавки въ лавку агентами, съ которыми принято торговаться. Конечно, это открываетъ широкую дверь всевозможнымъ злоупотребленіямъ, а въ государственную казну попадаетъ очень немного. Вообще можно сказать, что въ Турціи нѣтъ налоговъ, которые давали бы опредѣленный доходъ и на основаніи которыхъ можно было бы установить бюджетъ. Между тѣмъ, Ильдизъ-кіоскъ постоянно требуетъ денегъ и каждый генералъ-губернаторъ, зная, что онъ лишится мѣста, если не исполнитъ этого требованія, выбираетъ изъ правительственныхъ кассъ всѣ деньги, а чиновники и войска сидятъ безъ жалованья. А между тѣмъ всѣмъ имъ надо жить, надо кормить своихъ дѣтей. И вотъ они добываютъ себѣ источники существованія, гдѣ и какъ могутъ.

При хроническомъ безденежьѣ турецкой казны и при завѣдомомъ неумѣніи Порты разумно распорядиться и тѣми средствами, которыя ей поступаютъ, описанный только что порядокъ будетъ постояннымъ препятствіемъ къ установленію въ краѣ правильной администраціи въ европейскомъ значеніи этого слова, а при такихъ условіяхъ мыслимы ли какія-либо реформы? Кромѣ того, и повсюду реформы стоютъ дорого, предпринимать же ихъ безъ средствъ значило бы уподобляться страусу, прячущему голову. Требовать эти средства со всего населенія оттоманской имперіи съ цѣлью доставленія улучшенныхъ способовъ существованія одной лишь части этого населенія, обитающей въ Македоніи, было бы противно правиламъ общей справедливости, да и не привело бы ни къ чему, такъ какъ собранныя средства по дорогѣ заблудились бы и никогда не дошли бы по своему прямому назначенію. Нужныя на преобразованія въ Македоніи средства должны быть и *могутъ быть* доставлены Македоніей, но не тогда, когда во главѣ управленія будетъ стоять турецкій сановникъ, какими бы талантами или честностью онъ лично ни обладалъ. Желаемыя средства найдутся лишь тогда, когда во главѣ

области будетъ стоять назначенный державами христіанскій генералъ-губернаторъ, опирающійся на автономныя учрежденія края.

По пункту 1-му инструкціи, гражданскіе агенты повсюду сопровождаютъ главнаго инспектора, обращаютъ его вниманіе на нужды христіанскаго населенія, указываютъ на злоупотребленія мѣстныхъ властей, передаютъ ему соотвѣтствующія представленія пословъ въ Константинополѣ и доносятъ своимъ правительствамъ обо всемъ происходящемъ въ странѣ. Изъ этого ясно, что, не имѣя никакой исполнительной власти, они являются лишь совѣщательнымъ органомъ, все значеніе котораго будетъ зависѣть отъ того, насколько главному инспектору будетъ угодно прислушиваться къ ихъ совѣтамъ, а если онъ не захочетъ сообразоваться съ указаніями и требованіями состоящихъ при немъ агентовъ? Тогда они обратятся съ жалобою къ своимъ посламъ, послы сдѣлаютъ по этому поводу представленія Портѣ и весь дипломатическій аппаратъ окажется такимъ образомъ пущеннымъ въ дѣйствіе; начнутся дипломатическіе переговоры, а хитроумные Улиссы изъ Ильдизъ-Кіоска уже издавна искусились по части изобрѣтательности въ придумываніи способовъ, какъ затянуть всякіе переговоры и какъ извести противника изморомъ.

Помимо того, помѣщенныя въ инструкціи аттрибуціи гражданскихъ агентовъ представляютъ изъ себя почву, въ высшей степени удобную для нескончаемыхъ пререканій.

Зная, что реформы для Македоніи навязаны султану державами, очень допустимо предположеніе, что Хильми-паша сдѣлаетъ все отъ него зависящее, чтобы, разсыпаясь на словахъ въ всевозможныхъ пріятныхъ для Европы увѣреніяхъ, на дѣлѣ не предпринимать ничего для устраненія препятствій, мѣшающихъ проведенію реформъ. Если, пользуясь предоставленнымъ ему правомъ, главный инспекторъ будетъ по каждой мелочи обращаться въ Порту, а та будетъ посылать ноту за нотой представителямъ Россіи и Австро-Венгріи въ Константинополѣ, вѣдь, тогда можетъ образоваться бумажный потокъ, который буквально затопитъ оба посольства, тѣмъ болѣе, что разъ вопросъ сдѣлался предметомъ ноты, дѣло обращается въ предметъ, требующій „всесторонняго обсужденія“, для чего, какъ извѣстно, необходимъ большой промежутокъ времени, а это-то и есть то, чего Порта всегда добивается при всѣхъ своихъ недоразумѣніяхъ съ Европою, твердо вѣруя въ справедливость изреченія, что „время—лучшій варчъ“. Изъ-за каждаго мелкаго факта создастся цѣлая дипло-

матическая переписка, легко могущая перейти въ дипломатическій инцидентъ, возбудить который, при нѣкоторомъ желаніи, всегда очень легко, но уладить его бываетъ зачастую сопряжено съ едва преодолимыми трудностями. Въ концѣ концовъ, оба посольства будутъ подавлены массою набросаннаго на нихъ Портою матеріала и окажутся въ ближайшемъ будущемъ безсильны съ нимъ справиться, не говоря уже о томъ, что все это повлечетъ за собою потерю времени, драгоцѣннаго для спокойствія Македоніи и самой Европы.

Еслибы вопросы, связанные съ Востокомъ, разрѣшались не теоретиками, то, конечно, было бы обращено вниманіе на подобныя практическія неудобства, которыя нетрудно предвидѣть и которыя, по всей вѣроятности, сведутъ на нѣтъ плоды многомѣсячныхъ думъ русско-австрійскихъ дипломатовъ.

Благіе результаты отъ дѣятельности гражданскихъ агентовъ могли бы получиться лишь при такой постановкѣ вопроса, при которой всѣ недоразумѣнія и конфликты разрѣшались бы на мѣстѣ, властью и полномочіемъ тѣхъ лицъ, которымъ, довѣріемъ ихъ правительствъ, порученъ надзоръ по проведенію реформъ въ Македоніи. Тогда посольства въ въ Константинополѣ не должны были бы быть инстанціями, рѣшающими каждый мелочной единичный случай, а направляли бы лишь принципіальную дѣятельность гражданскихъ агентовъ, намѣчая её лишь въ главныя линіяхъ.

Что касается до возлагаемой нынѣ на турецкія власти обязанности всячески облегчать гражданскимъ агентамъ исполненіе возложенной на нихъ задачи, то не надо быть пророкомъ, чтобы предсказать, какого сорта будетъ это облегченіе, такъ какъ примѣры того мы могли видѣть въ поголовномъ арестованіи всѣхъ, кто имѣлъ неосторожность войти въ сношеніе съ г.г. Машковымъ и Мандельштамомъ, во время извѣстныхъ поѣздокъ ихъ по краю.

По 2 пункту инструкціи нельзя не замѣтить, что кадры вновь организуемой жандармеріи будутъ состоять изъ слишкомъ разнородныхъ элементовъ для того, чтобы можно было расчитывать на успѣшные результаты новаго мѣропріятія. По слухамъ, во главѣ жандармеріи будетъ поставленъ германскій генералъ, въ помощь ему будутъ даны два штабъ-офицера— русскій и австріецъ: всего будетъ приглашено иностранныхъ— офицеровъ 56 и унтеръ-офицеровъ 300, но распредѣленіе ихъ по національностямъ и подданству между различными великими державами еще не установлено. Преобразованіе македонской жандармеріи будетъ, какъ слышно, стоить около трехъ милліоновъ франковъ въ годъ.

Лично, македонцамъ, какъ говорятъ, непріятно, что начальникомъ жандармеріи будетъ нѣмецъ, такъ какъ имъ небезъизвѣстно, что германскій посолъ все время совѣтовалъ султану самое суровое и безпощадное подавленіе возстанія.

Можно быть заранѣе увѣреннымъ, что пунктъ 3 инструкцій встрѣтитъ, и нельзя сказать, что безъ основанія, ожесточенное сопротивленіе со стороны Порты, которая искони старалась отнюдь не давать ясно очерченныхъ территоріальныхъ границъ для какой-либо народности, дабы тѣмъ, по возможности, затормозить стремленіе этой послѣдней къ политической самостоятельности. Особенно строго слѣдовала она этому правилу съ начала XIX вѣка, когда именно начался расцвѣтъ идеи о національностяхъ и когда лишь путемъ примѣненія такой предупредительной системы возможно было поддерживать нѣкоторое механическое сцѣпленіе между отдѣльными частями этого, точно изъ разноцвѣтныхъ лоскутьевъ сшитаго, одѣяла, какое представляетъ изъ себя Оттоманская имперія. Затѣмъ, при страшной черезполосицѣ народностей въ Турціи, причемъ зачастую одна лишь вкраплена въ другую, не вижу практическихъ способовъ, какъ можно было бы „разграничить административныя единицы въ видахъ болѣе правильной группировки отдѣльныхъ народностей". Если же дѣло идетъ лишь о разграниченіи Македоніи и Старой Сербіи, то болѣе простая фраза давала бы, какъ кажется, болѣе ясное понятіе о томъ, что, собственно говоря, имѣли въ виду державы.

Четвертый пунктъ нынѣшняго проекта реформъ имѣетъ, повидимому, всѣ шансы, чтобы остаться лишь красивою фразою, такъ какъ для осуществленія предположеннаго преобразованія мѣстныхъ административныхъ и судебныхъ учрежденій въ желаемомъ державами духѣ нужно, чтобы измѣнилась самая сущность турка, какъ человѣка, или же чтобы въ качествѣ высшей въ краѣ власти была поставлена власть христіанская, какъ, напримѣръ, это существуетъ въ Критѣ или на Ливанѣ, или какъ это было въ Восточной Румеліи.

Допущеніе христіанъ въ административныя и судебныя учрежденія не есть что-либо новое, только теперь найденное Россіею и Австро-Венгріею,—оно существуетъ въ Турціи со времени Гюльханейскаго хатти-шерифа 1839 года и всѣмъ извѣстно, какое ничтожное положеніе занимаютъ въ этихъ учрежденіяхъ христіанскіе члены. Ранѣе [1]), я имѣлъ уже случай подробно

[1]) „Турецкія реформы въ связи съ вопросомъ о Македоніи и Старой Сербіи", гл. II. «Русскій Вѣстникъ», февраль и мартъ 1903 г.

говорить о причинахъ такого явленія и теперь повторю, что относительно преобразованія административныхъ и, въ особенности, судебныхъ учрежденій, въ смыслѣ привлеченія туда христіанъ, можно отъ турокъ требовать на бумагѣ чего угодно, но пока не будетъ сломленъ мусульманскій духъ,—духъ завоевателя, не допускающаго равенства съ завоеваннымъ, —до тѣхъ поръ изъ этихъ требованій не выйдетъ ничего, кромѣ праздныхъ, бумажныхъ обѣщаній.

Переходя къ заключительнымъ пунктамъ расширенной программы реформъ, нельзя не замѣтить, что непосредственное участіе консуловъ въ предусмотрѣнныхъ этими пунктами коммиссіяхъ безспорно упорядочитъ дѣятельность этихъ послѣднихъ, только интересно было бы предварительно знать откуда Турція, не могущая цѣлыми мѣсяцами уплачивать жалованье своимъ служащимъ и солдатамъ, возьметъ крупныя суммы на пособія бѣженцамъ и на возстановленіе школъ и церквей?

Изъ всего приведеннаго выше слѣдуетъ, какъ мнѣ кажется, съ достаточною ясностью, что было бы слишкомъ большимъ оптимизмомъ предполагать, что и второй русско-австрійскій проектъ въ состояніи обезпечить умиротвореніе Македоніи и Старой Сербіи. Все свидѣтельствуетъ, напротивъ, о томъ, что новыя стремленія державъ разобьются о скрытое сопротивленіе султана, а также и о томъ, что турецкими руками немыслимо проводить реформы въ несчастныхъ, нынѣ въ конецъ раззоренныхъ и опустошенныхъ македонскихъ вилайетахъ.

Не лишне по этому же поводу привести мнѣніе „Новъ Вѣка“, правительственнаго органа нынѣшняго болгарскаго кабинета. Онъ заявляетъ, что хотя русско-австрійская нота о контролѣ и представляетъ извѣстный шагъ впередъ, тѣмъ не менѣе, русско-австрійское дѣтище—мертворожденное. Въ качествѣ поводовъ къ такому приговору „Новъ Вѣкъ“ указываетъ, что, во-первыхъ, въ нотѣ не упоминается объ общей амнистіи и что во-вторыхъ „предполагаемый контроль будетъ фиктивный, потому что договорившіяся державы стремятся не къ прочному замиренію Македоніи, но лишь къ предлогу для вмѣшательства въ турецкія дѣла“.

VI.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней, предшествовавшихъ врученію послами ноты о принятыхъ въ Мюрцштегѣ рѣшеніяхъ, Порта старалась создать такія условія, которыя доказывали бы,

что въ вмѣшательствѣ и контролѣ державъ надобности болѣе не представляется. Такъ, она снова сдѣлала видъ, что желаетъ договориться непосредственно съ Болгаріей, и всячески старалась облечить миссію Начевича, вторично присланнаго въ Константинополь.

Первый пунктъ ихъ переговоровъ касался обоюдной демобилизаціи, причемъ Турція обязалась бы распускать двойное противъ распускаемаго Болгаріей количество войскъ, каждый разъ какъ княжество прибѣгнетъ къ подобной мѣрѣ. Но распущеніе на первыхъ же порахъ затормозилось вслѣдствіе нарушенія болгарской границы у Караманицы турецкими войсками, которыя, въ числѣ одного батальона, перешли границу напали на болгарскій блокгаузъ и ограбили одно селеніе.

Другой важный вопросъ, о которомъ разсуждала Порта съ Начевичемъ, касался водворенія на родину бѣженцевъ и получилъ совершенно неожиданное для болгаръ разрѣшеніе, вмѣсто смѣшанной турецко-болгарской комиссіи, дѣло это было поручено комиссіи изъ нѣмцевъ—этимъ „турецкимъ друзьямъ", къ которымъ бѣженцы относятся съ довольно малымъ довѣріемъ.

Внутри Македоніи, султанъ обнародовалъ широковѣщательное ираде, предписывающее Хильми-пашѣ и всѣмъ высшимъ сановникамъ въ Македоніи быстрое и точное примѣненіе требуемыхъ державами реформъ. Документъ этотъ слишкомъ длиненъ, чтобы приводить его здѣсь, но онъ можетъ служить любопытнымъ образцомъ изворотливости турецкой дипломатіи, желающей отдѣлаться общими фразами. Областнымъ финансамъ удѣленъ 4-й пунктъ; даваемое Хильми-пашѣ приказаніе изложено дословно такъ: „Обезпечить текущіе расходы и при содѣйствіи министерства финансовъ изыскать средства для уплаты чиновникамъ жалованья".

Самъ Хильми-паши, въ разговорахъ съ иностранными корреспондентами, порадовалъ ихъ извѣстіемъ, что реформы имъ уже проведены почти полностью и въ Македоніи царитъ правосудіе.

Что касается звѣрствъ, совершенныхъ турецкими войсками, Порта оффиціально и категорически ихъ отрицаетъ, забывъ, что нѣсколько времени предъ тѣмъ, она сама сообщила русскому и австрійскому посольствамъ длинный списокъ офицеровъ и солдатъ, осужденныхъ судомъ за насилія; по теперешнимъ ея увѣреніямъ, всѣ разрушенія, убійства и истязанія совершили возстанцы и въ такомъ смыслѣ приказано населенію подавать адресы съ выраженіемъ благодарности войскамъ.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ турецкія успокоительныя завѣренія, державы настаивали на полученіи отъ Порты отвѣта: она медлила долго, то обсуждая русско-австрійскую ноту въ обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ совѣтахъ министровъ, то распространяя умышленно слухи, что слѣдуетъ ожидать оппозиціи противъ программы реформъ со стороны мусульманъ и что правительству придется считаться съ подобною оппозиціею. И дѣйствительно, чья-то невидимая рука расклеила въ большей части константинопольскихъ мечетей объявленія, возбуждающія населеніе противъ намѣренія ввести въ Македоніи европейскій контроль. Въ то же время Порта поручила по телеграфу своимъ посольствамъ собрать свѣдѣнія объ истинномъ настроеніи кабинетовъ, въ тайной надеждѣ найти себѣ поддержку въ какой-либо изъ великихъ державъ, но надежда эта осталась тщетной. Вслѣдствіе этого, она послала 21 октября русскому и австро-венгерскимъ посламъ обширный отвѣтъ, въ которомъ, увѣдомляя о полученіи „дружественныхъ совѣтовъ“ державъ касательно реформъ, удостовѣряетъ, что часть ихъ приведена въ исполненіе. Къ полному проведенію реформъ препятствіемъ служитъ дѣятельность революціонныхъ комитетовъ. Порта отвѣтила не по пунктамъ: опредѣленно она высказалась лишь по двумъ пунктамъ о распущеніи батальоновъ илавэ и объ освобожденіи разрушенныхъ селеній на годъ отъ уплаты налоговъ; главнѣйшіе же пункты обойдены ею молчаніемъ, хотя косвенно, вмѣсто контроля, она намекаетъ на другой способъ его, словами: „русскій и австрійскій консулы усвоили себѣ привычку дѣлиться имѣющимися у нихъ свѣдѣніями съ главнымъ инспекторомъ, Хильми-пашой, который, въ свою очередь, сообщалъ консуламъ свои свѣдѣнія объ успѣхахъ реформъ. Было бы желательно сохранить и впредь это дружественное общеніе; такъ какъ полномочія главнаго инспектора продолжатся еще два года, то несомнѣнно, что за это время все будетъ приведено въ порядокъ и введеніе реформъ будетъ закончено“.

Относительно пособій говорится: „Хильми-паша будетъ завѣдывать распредѣленіемъ денегъ на пособія пострадавшимъ причемъ это распредѣленіе будетъ производиться подъ надзоромъ назначенной султаномъ комиссіи изъ представителей различныхъ національностей“.

Наконецъ, по двумъ другимъ вопросамъ, затронутымъ въ нотѣ державъ, Порта высказывается: „что касается группировки общинъ по національностямъ, то Оттоманское правительство полагаетъ, что выполненныя уже реформы для общинъ вполнѣ

достаточны. Точно такъ же и въ дѣлѣ преобразованія судебныхъ учрежденій, правительство находитъ, что существующіе законы вполнѣ соотвѣтствуютъ нуждамъ страны".

Отвѣтъ Порты признанъ былъ въ Константинополѣ неудовлетворительнымъ, а въ вѣнскихъ дипломатическихъ сферахъ возбудилъ большое негодованіе, такъ какъ онъ почти совершенно игнорируетъ мюрцштегскія соглашенія.

28 октября, русскій и австро-венгерскій послы повторили снова требованіе отъ Порты отвѣта на ихъ предъидущую ноту, причемъ заявили, что послѣднія ихъ предложенія относительно реформъ отвѣчаютъ интересамъ самой Турціи и тѣмъ болѣе пріемлемы, что въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ лишь о временныхъ мѣропріятіяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, послы высказали твердую надежду на то, что Порта исполнитъ эти требованія въ кратчайшій срокъ.

Требованія русскаго и австрійскаго пословъ были поддержаны представителями всѣхъ остальныхъ великихъ державъ въ Константинополѣ, а оффиціальная „Kölnische Zeitung" напечатала тогда сообщеніе, что „Германія всегда защищала ту точку зрѣнія, что Портѣ лучше войти въ соглашеніе съ Россіей и Австро-Венгріей, такъ какъ иначе, съ другой стороны ей могутъ быть поставлены еще болѣе тяжкія условія".

Султанъ оказалъ по отношенію къ настояніямъ договорившихся державъ большое сопротивленіе: въ особенности пугалъ его первый пунктъ программы, принятіе котораго, по его мнѣнію, узаконило бы вмѣшательство европейскихъ державъ въ внутреннія дѣла Турціи. Онъ сдѣлалъ всевозможныя попытки добиться нѣкоторыхъ измѣненій обоихъ первыхъ пунктовъ требованій державъ: онъ обращался и къ Государю Императору, и къ императору Францу-Іосифу, и отъ обоихъ Монарховъ получилъ рѣшительный совѣтъ принять требованія ноты въ виду того, что иного исхода не остается.

Истощивъ всѣ средства борьбы, Порта прислала, наконецъ, 12 ноября слѣдующее сообщеніе: „Блистательная Порта получила и изучила меморандумъ, врученный ей г. Зиновьевымъ и барономъ Каличе 9 октября. Она принимаетъ къ свѣдѣнію какъ данныя ей завѣренія относительно полной охраны ея верховныхъ правъ, сохраненія status quo и уваженія къ авторитету и престижу имперіи, такъ и заявленія, касающіяся временнаго, ограниченнаго двухлѣтнимъ срокомъ, характера дополнительныхъ мѣропріятій, проектированныхъ въ цѣляхъ обезпеченія осуществленія принятыхъ въ февралѣ мѣсяцѣ, по предложенію обоихъ правительствъ, реформъ, которыя Порта продолжаетъ лояльно исполнять.

„Блистательная Порта заявляетъ, что она принимаетъ въ принципѣ девять пунктовъ, приведенныхъ въ меморандумѣ, сохраняя за собою право войти въ переговоры для достиженія соглашенія о подробностяхъ ихъ примѣненія и согласованія перваго и второго пункта съ независимостью, верховными правами, престижемъ правительства и status quo“.

Итакъ, Порта, достойная продолжательница пріемовъ византійской дипломатіи, приняла програму договорившихся державъ лишь въ принципѣ, да еще притомъ первые два важнѣйшіе пункта ноты должны подлежать переговорамъ, вслѣдствіе чего и вопросъ о настоящемъ, а не принципіальномъ только ихъ принятіи можетъ затянуться ad calendas graecas, когда, пожалуй, въ Македоніи не останется ни одного христіанина. Да и весь отвѣтъ Порты проникнутъ недомолвками, оговорками, лазейками,—не даромъ редакторомъ его былъ грекъ родомъ, Александръ Каратеодори-паша,—и, право, кажется, что достигнутый русско-австрійскою дипломатіею результатъ не находится въ соотвѣтствіи съ употребленными на полученіе его усиліями. Довольно правильно опредѣляетъ значеніе этого отвѣта газета „Temps“, которая восхищается „ловкостью Турціи, избравшей золотую середину. Рѣшительный отказъ могъ бы повести къ полному разрыву отношеній, полное согласіе поставило бы ее въ затруднительное положеніе. И вотъ, Порта заявила, что *въ принципѣ* она принимаетъ требованія державъ, но *на дѣлѣ* оставляетъ за собой право оговорокъ относительно частностей.

„Въ Вѣнѣ и Петербургѣ вѣжливо приняли этотъ отвѣтъ,— говоритъ „Temps“,—но не потому, чтобы тамъ создавали себѣ иллюзіи. Вѣдь Бисмаркъ не стѣснялся говорить, что когда онъ принимаетъ предложеніе *въ принципѣ*, это значитъ, что онъ *на дѣлѣ* отказываетъ. Прецедентъ этотъ достаточно извѣстенъ на берегахъ и Невы, и Босфора“.

На самомъ Балканскомъ полуостровѣ всѣ вообще глубоко убѣждены, что только кажущееся принятіе султаномъ австрорусскаго меморандума не улучшитъ должнымъ образомъ положенія въ Македоніи. Подъ снѣжнымъ покровомъ, наброшеннымъ теперь на эту область, возстаніе замерло, но весна не за горами и ожидаютъ, что оно вспыхнетъ тогда снова, и съ удвоенной силою, тѣмъ болѣе, что, по имѣющимся свѣдѣніямъ, на этотъ разъ всѣ балканскія государства приготовляются къ войнѣ.

Турція дѣлаетъ большіе заказы Круппу и увеличиваетъ численность своей арміи на 250,000 чел.; съ этою цѣлью только

что изданнымъ султанскимъ ираде повелѣвается увеличить срокъ военной службы въ регулярной арміи съ шести до девяти лѣтъ, а срокъ нахожденія въ запасѣ съ восьми до девяти лѣтъ.

Болгарія вооружается уже давно, а въ послѣднее время выяснилось, что и Сербія имѣетъ несомнѣнное намѣреніе принять дѣятельное участіе въ событіяхъ, которыми разрѣшится нынѣшнее положеніе въ Македоніи. Утверждаютъ, будто между Сербіей, Черногоріей и Болгаріей идутъ теперь переговоры о заключеніи оборонительнаго и наступательнаго союза, такъ какъ правительства этихъ странъ пришли къ убѣжденію, что Турція не въ состояніи будетъ выполнить требуемыхъ отъ нея реформъ, вслѣдствіе чего война весною сдѣлается неизбѣжною.

Политическій горизонтъ ближняго Востока все болѣе и болѣе заволакивается грозовыми тучами. Разгонитъ ли ихъ какой-нибудь благодѣтельный и достаточно сильный вѣтеръ, или же, наоборотъ, скопившееся въ нихъ электричество разразится страшнымъ ударомъ, который потрясетъ всѣ окрестныя страны и гулко раскатится по всѣмъ концамъ земли,—кто сможетъ это предсказать?

В. Тепловъ.

27 ноября 1903 г.

Памяти А. Л. Апухтина.

Умеръ А. Л. Апухтинъ. Онъ тихо окончилъ въ Варшавѣ свою долгую, многотрудную жизнь, послѣднiе годы которой были омрачены воспоминанiемъ о людской несправедливости и неблагодарности, ускорившихъ семь лѣтъ тому назадъ его отставку отъ должности попечителя варшавскаго учебнаго округа.

Мы уклонимся здѣсь отъ другихъ подробностей некрологическаго характера, достаточно уже извѣстныхъ изъ повседневныхъ изданiй, посвятившихъ дѣятельности покойнаго обстоятельныя статьи, но остановимся исключительно на томъ поворотномъ пунктѣ служебной карьеры А. Л. Апухтина, когда одна часть русской печати, въ ослѣпленiи или по недомыслiю, подбодренная попустительствомъ, стала бросать грязью во все, что было сдѣлано покойнымъ для варшавскаго учебнаго округа, а другая,—и наиболѣе влiятельная,—не рѣшалась, страха ради iудейска, принимать и помѣщать на своихъ столбцахъ возраженiя противъ грязныхъ инсинуацiй, безнаказанно порочившихъ человѣка, посвятившаго 17 лѣтъ своей жизни и службы проведенiю на далекой окраинѣ русскихъ идей и русскаго дѣла. Неблагодарность тогдашнихъ свидѣтелей предпринятаго противъ А. Л. Апухтина похода, игнорированiе заслугъ его обществомъ, замалчиванiе печатью факта тяжелаго оскорбленiя, нанесеннаго изъ рядовъ той же печати, подѣйствовали на А. Л. Апухтина сильнѣе вынужденной обстоятельствами отставки. Силы его были придавлены нравственно, ознаменовавъ собою такой рѣзкiй переломъ въ его жизни, что послѣ отставки А. Л. Апухтинъ былъ только тѣнью прежняго, мощнаго духомъ и глубоко вѣровавшаго въ неизмѣнное торжество правды человѣка. Трудно передать, насколько поразили его шаткость русскаго общественнаго мнѣнiя и безпринципность русской печати; ибо съ шаткостью всякихъ, чисто служебныхъ положенiй онъ былъ хорошо знакомъ и нравственно къ нимъ подготовленъ продолжительной служебною опытностью. Неподготовленъ онъ былъ лишь къ инсценированной, во вредъ ему и дѣлу, журнальной травлѣ, поддержанной дутымъ пуфомъ общественнаго мнѣнiя и угодливаго негодованiя. Инсценировка смѣщенiя А. Л. Апухтина была начата недостойными по цѣли и тону статьями, печатавшимися въ 1896—

1897 годахъ въ журналѣ „Русское Обозрѣніе", подъ заглавіемъ: „Очерки Привислинья". Довольно объективные въ первыхъ пятнадцати главахъ, очерки эти обрушились всей тяжестью беззастѣнчиваго опороченія на русскую школу Привислинскаго края.

Подписанные буквами „В. Р.", они, по словамъ стоустой молвы, были плодомъ авторства лица, стоявшаго въ близкихъ родственныхъ отношеніяхъ къ другому русскому дѣятелю того же Привислинскаго края. Эти слухи объ авторствѣ, яко бы инспирированномъ свыше, производили сенсацію, заставляли приписывать „Очеркамъ" болѣе глубокое значеніе и вліяніе, чѣмъ они на самомъ дѣлѣ имѣли, и особенно больно отозвались въ душѣ и въ сердцѣ А. Л. Апухтина. Онъ не могъ не видѣть въ журнальной статьѣ отголосковъ личныхъ отношеній и личной мести, и скорбѣлъ, что „личности" еще одинъ лишній разъ одолѣли „дѣло" и наложили печать молчанія даже на наиболѣе чуткихъ защитниковъ русскихъ интересовъ среди представителей печатнаго слова. Тѣ же немногіе, которые молчали не „лукаво", а „сочувственно", все-же находились какъ бы подъ давленіемъ гипноза, внушавшаго всѣмъ и каждому, что дѣятельность А. Л. Апухтина была не только сама по себѣ вредной для русскаго дѣла, но даже шла въ разрѣзъ съ высшей политикой и угрожала цѣлости государства. Это, хотя и кратковременное, помраченіе общественной мысли и русскаго самосознанія, наложило печать глубокаго пессимизма на образъ мыслей и міровоззрѣніе А. Л. Апухтина за послѣднія семь лѣтъ его жизни.

Мало утѣшилъ покойнаго и Высочайшій рескриптъ на его имя отъ 29 января 1897 г., ибо нисколько не помѣшалъ тѣмъ же „Очеркамъ Привислинья" выйти вскорѣ отдѣльнымъ изданіемъ, безъ всякихъ поправокъ и оговорокъ, и красоваться на окнахъ всѣхъ русскихъ книжныхъ магазиновъ Варшавы. Въ отдѣльномъ изданіи не были опущены даже тѣ мѣста, которыя составляли центръ тяжести глубокой обиды, нанесенной А. Л. Апухтину заключительными главами „Очерковъ", и придавали имъ полуоффиціальный, полуоффиціозный тонъ ловкимъ инсценированіемъ никѣмъ и ничѣмъ своевременно не опровергнутаго факта, будто даже высшая администрація Привислинскаго края должна была открыть походъ противъ дѣятельности А. Л. Апухтина. По словамъ г. В. Р., ложность и пагубность системы обученія польскаго юношества не сознавались мѣстными руководителями этого дѣла, *„не смотря на стойкія воздѣйствія на нихъ со стороны администраціи"* [1]).

„Убѣдясь въ безплодности своихъ увѣщаній, администрація перенесла и этотъ вопросъ на разсмотрѣніе высшихъ инстанцій, которыя и здѣсь согласились съ нею въ принципѣ. Но на этомъ дѣло и остановилось" [2]).

Инсинуаціи г. В. Р., что обвиненія его противъ дѣятельности А. Л. Апухтина, въ качествѣ попечителя варшавскаго учебнаго округа, опирались на факты, добытые стараніями административной власти края, такъ и оказались неопровергнутыми, жалобы же его на то, что „дѣло остановилось", --неосновательными. Дѣйствительно,

---

1) „Русское Обозрѣніе", декабрь 1896, стр. 747.
2) Тамъ же, стр. 748.

дѣло не „остановилось“, а завершилось отставкою А. Л. Апухтина немедленно по окончаніи печатаніемъ пресловутыхъ „Очерковъ“.

Въ результатѣ даже было неизвѣстно, чему слѣдовало въ то памятное время больше удивляться: несокрушимой ли беззастѣнчивости г. В. Р., или пассивности тѣхъ лицъ, которымъ съ полнымъ достоинствомъ и твердостью слѣдовало опровергнуть киваніе автора „Очерковъ“ на участіе администраціи края въ малопохвальной кампаніи противъ русской школы Привислинья. Но офиціальные опровергатели, скорые въ опроверженіяхъ разныхъ мелочей, дипломатично промолчали въ вопросѣ величайшей государственной важности, такъ какъ сами желали нанести смертельный ударъ убѣжденному и самобытному дѣятелю на трудномъ и отвѣтственномъ посту попечителя варшавскаго учебнаго округа, управленіе которымъ по плечу далеко не всякому.

Суть нападокъ автора „Очерковъ“ на дѣятельность А. Л. Апухтина въ варшавскомъ учебномъ округѣ сводилась къ весьма немногимъ, замѣчательно однообразнымъ по тону положеніямъ. Въ этой дѣятельности онъ видѣлъ причины „въ высшей степени грустныхъ результатовъ, получаемыхъ нашими гимназіями Привислинья въ ихъ коренной задачѣ сроднить интеллигенцію края съ Россіей“. Задача эта не выполнялась, такъ какъ учебное начальство поставило себѣ, якобы, цѣлью „не только примирить порученную его воспитанію польскую молодежь съ Россіей, но превратить ихъ въ русскихъ, въ ненавистниковъ всего польскаго“ [1]).

Разобравшись такимъ образомъ по своему въ цѣляхъ учебнаго начальства, г. В. Р. квалифицировалъ ихъ „безумными затѣями“, ибо подобная цѣль, если и осуществима, „то уже во всякомъ случаѣ не образованіемъ достигнуть ея“ [2]). Къ тому же руководители нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній „по какой-то непостижимой умственной аберраціи стремятся къ перевоплощенію поляковъ въ русскихъ не возбужденіемъ въ нихъ любви къ Россіи, а стараніями искоренить привязанность ко всему родному. Съ этой цѣлью „все польское въ гимназіяхъ обречено усиленному гоненію и осмѣянію. Языкъ и народъ воспитуемыхъ подвергаются постояннымъ насмѣшкамъ, ученикамъ внушается, что полякъ — существо низкое, презрѣнное“ [3]). Польскимъ дѣтямъ усиленно вдалбливается въ голову, что они—русскіе, что край ихъ—русскій, и, параллельно съ этимъ, „по какой-то удивительной логикѣ“, школьное начальство „всячески противится малѣйшему сближенію между учениками польскаго происхожденія и русскими“ [4]).

Различіе, дѣлаемое между польскими и русскими дѣтьми, подчеркивается въ особенности тѣмъ, что въ гимназіяхъ Привислинья „русскіе ученики пользуются явнымъ фаворомъ и, не взирая на степень развитія и нравственныхъ и умственныхъ качествъ, неизмѣнно ставятся образцомъ, примѣромъ для всего класса“, и имъ

---

[1]) „Русское Обозрѣніе“, декабрь 1896, стр. 729.
[2]) Тамъ же, стр. 730.
[3]) Тамъ же.
[4]) Тамъ же.

также внушается не только презрѣніе ко всему польскому, но и презрѣніе къ ихъ польскимъ товарищамъ“ [1]).

Благодаря несправедливости такого образа дѣйствій учебнаго начальства, „наиболѣе порядочные“ изъ русскихъ учащихся „*кончаютъ тѣмъ, что сами проникаются убѣжденіями въ справедливости польскихъ нареканій на русское владычество*“ [2]).

Даже преподаваніе польскаго языка служитъ въ гимназіяхъ „неисчерпаемымъ источникомъ для всякихъ издѣваній, какъ надъ нимъ, такъ и надъ обучающимися ему“; „оно служитъ лишь къ усиленію той демаркаціонной черты, которую проводятъ школьное начальство между учениками польскими и русскими, *тогда какъ именно къ ея уничтоженію надо стремиться*“ [3]).

Обвинивъ такимъ образомъ А. Л. Апухтина чуть ли не въ государственной измѣнѣ или, по крайней мѣрѣ, въ воспитаніи цѣлой арміи измѣнниковъ этому дѣлу среди русской же молодежи, авторъ ставитъ русской школѣ въ упрекъ, что благодаря ей „все шире разверзается пропасть, отдѣляющая поляковъ отъ Россіи; чѣмъ сильнѣе сдерживаетъ гимназія въ ученикахъ всякое наружное проявленіе принадлежности къ польскому народу, тѣмъ глубже сознаютъ они ее; такимъ образомъ дѣятельность не въ мѣру рьяныхъ обрусителей превращается изъ созидающей въ разрушающую“.

„Эти господа, очевидно, забываютъ, что ненависть порождаетъ лишь злобу, а презрѣніе вызываетъ обиду. Высказывая ненависть и презрѣніе ко всему польскому, они тѣмъ самымъ удесятеряютъ въ польскомъ ребенкѣ и юношѣ ихъ ненависть и презрѣніе ко всему русскому,—мало того, порождаютъ ее въ тѣхъ, у кого ея вовсе нѣтъ“ [4]).

Въ слѣпой ненависти своей ко всему, что исходило отъ А. Л. Апухтина и было связано съ его именемъ въ краѣ, г. В. Р. нашелъ даже *обезлюденіе* среднихъ учебныхъ заведеній Привислинскаго края, вслѣдствіе массовой эмиграціи дѣтей школьнаго возраста отъ гоненій и фавора, оказываемаго ученикамъ русскаго происхожденія. *Такія* обвиненія были прямо разсчитаны на довѣріе русской публики къ печатному слову, на незнаніе обстоятельствъ дѣла и полную невозможность или нежеланіе разобраться въ истинѣ и во лжи.

Есть много людей, которые не желаютъ знать истину, потому что имъ выгодно или пріятно повторять ложь. Когда же такіе люди начинаютъ вершить дѣла, они не нуждаются въ доказательствахъ: чѣмъ голословнѣе клевета, тѣмъ даже лучше.

Авторъ „Очерковъ“ пріискалъ, впрочемъ, оправданіе голословности своихъ обвиненій: „легко можно усомниться въ истинѣ сказаннаго“,—говоритъ онъ,—но „къ крайнему сожалѣнію оно безусловно вѣрно“. Въ доказательство можно бы привести много мелкихъ фактовъ, но, взятые въ отдѣльности, они могутъ показаться случайными и малозначущими. Всю силу они пріобрѣтаютъ лишь въ совокупности, въ массѣ другихъ однородныхъ, безпрестанно повторяющихся

---

1) „Русское Обозрѣніе“, декабрь 1896. стр. 733.
2) Тамъ же, и слѣд стр.
3) Тамъ же, стр. 736, 737.
4) Тамъ же, стр. 737.

фактовъ, которые въ общемъ *составляютъ систему, духъ учрежденія;* духъ же и систему *„можно только характеризовать, доказать его нельзя"* [1]).

Этотъ духъ, эта система являются *„рѣзкимъ диссонансомъ среди остальныхъ проявленій тамъ* (въ Привислиньѣ) *какъ русской власти, такъ и русскаго духа"* [2]),—звучитъ заключительный аккордъ взведенныхъ г-номъ В. Р. на А. Л. Апухтина обвиненій, подчеркивая еще одинъ лишній разъ оппозицію, въ которой, будто бы, находился покойный со всѣми властями предержащими, и дерзко напрашиваясь самъ на офиціальное опроверженіе, котораго,—повторяемъ *еще разъ,— не послѣдовало.*

Все, что г. В. Р. написалъ о русской школѣ въ Привислиньѣ за время попечительства А. Л. Апухтина, не оставляетъ никакого сомнѣнія относительно личныхъ и партійныхъ чувствъ автора „Очерковъ" къ покойному попечителю. Сомнѣніе можетъ возникнуть только по вопросу: неужели отношеніе поляковъ къ русской школѣ временъ Апухтина сводилось въ самомъ дѣлѣ лишь къ ненависти и презрѣнію, и не оклеветалъ ли г. В. Р. попутно весь польскій народъ и польскую интеллигенцію?

Несомнѣнно, что интеллигенція и среднее сословіе въ Привислинскомъ краѣ предпочли бы польскую школу русской; но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы отношенія польскаго общества къ школѣ существующей были въ самомъ дѣлѣ такъ прямолинейно просты. Отношенія эти гораздо сложнѣе, запутаннѣе, противорѣчивѣе и, во всякомъ случаѣ, лучше и честнѣе, чѣмъ старался представить ихъ авторъ „Очерковъ", который безусловно правъ лишь въ одномъ: что „далеко не всѣ ученики привислинскихъ гимназій вступаютъ въ нихъ съ рѣзко выраженными анти-русскими чувствами", особенно же тѣ, которые принадлежатъ, по рожденію, къ низшимъ сословіямъ. Всѣ они, въ большинствѣ, милыя, наивныя дѣти, у которыхъ даже нѣтъ представленія о томъ, чтобы школа могла быть не русской. Они воспріимчивой дѣтской душой готовы вѣрить своему наставнику и любить и его, и школу. Но въ самой школѣ, а главное, за ея стѣнами, стоятъ и стерегутъ учениковъ разные толкователи и разъяснители, которые не брезгуютъ ничѣмъ: ни клеветой, ни ложью, ни извращеніемъ обыденныхъ фактовъ: не только пользуются малѣйшимъ промахомъ преподавателя, но всякой неудовлетворительной отмѣткой, наказаніемъ, товарищеской ссорой, чтобы просвѣтить стоящаго на „пагубной дорогѣ любви къ русскому" товарища или знакомаго: вотъ если что могло быть не на руку закордоннымъ и внутреннимъ блюстителемъ чистоты польской идеи, стоящимъ на стражѣ патріотическаго настроенія и образа мыслей польскаго общества, то именно духъ любви и примиренія, невидимою, малозамѣтною струйкой расшатывающій устои польской обособленности. Школа, которая 17 лѣтъ неуклонно, безъ шатаній, шла по одному и тому же пути, и крѣпла внутреннимъ миромъ, была для нихъ бѣльмомъ на глазу. Завѣтная мечта закулисной интриги была всегда поднять переполохъ въ школѣ, ломку; чтобы люди, которые счита-

[1]) „Русское Обозрѣніе", декабрь 1896, стр. 734.
[2]) „Русское Обозрѣніе", январь 1897, стр. 326.

лись и сами считали себя честными исполнителями долга, вдругъ оказались на положенiи преступниковъ, вредныхъ людей; чтобы слабые, робкiе, оппортунисты, въ страхѣ за свою судьбу и кусокъ хлѣба, заметались направо и налѣво, въ поискахъ новыхъ путей и новыхъ прiемовъ заслужить расположенiе представителей новаго курса. Въ тайникахъ души враговъ русской школы Привислинья всегда крылась надежда, что ломка остановитъ мирное завоеванiе общества школой и подорветъ въ учащемся юношествѣ опасную, для закулисныхъ цѣлей, наклонность къ довѣрчивому преклоненiю передъ авторитетомъ учителей и наставниковъ.

Утверждать противное, видѣть въ агитацiи противъ школы, въ томъ видѣ, въ какомъ она существовала при А. Л. Апухтинѣ, иныя, благонамѣренныя, лояльныя цѣли—было верхомъ наивности или лукавомудрiя. Въ назиданiе не мѣшало бы приглядѣться къ теперешнему положенiю русской школы въ Привислиньѣ и сравнить его съ тогдашнимъ,—когда было устроенiе и когда неустроенiе школы, и много ли пользы принесъ ей и обществу походъ мѣстной администрацiи, — говоримъ словами г. В. Р.,—противъ дѣятельности А. Л. Апухтина.

Хотимъ ли мы этимъ сказать, однако, что русская школа въ Привислиньѣ не страдала во времена А. Л. Апухтина рѣшительно никакими недостатками?

Вовсе нѣтъ; недостатки были, но *общiе* всѣмъ среднеучебнымъ заведенiямъ Имперiи, хотя и значительно смягченные неустанной бдительностью и работоспособностью покойнаго, знавшаго округъ, какъ свои пять пальцевъ, и умѣвшаго потому разобраться въ правдѣ и во лжи.

А какая награда выпала на долю А. Л. Апухтина за его всегдашнее безпристрастiе, правдолюбiе и прямолинейность?

Людская хула и личная месть избрали самый прочный и вѣрный путь для нанесенiя покойному смертельной обиды: онѣ набросились на ту сторону его дѣятельности, въ которой онъ считалъ себя наиболѣе неуязвимымъ и, напередъ увѣренные въ успѣхѣ и безнаказанности, загодя торжествовали побѣду.

Постигшая А. Л. Апухтина судьба глубоко трагична, такъ какъ ударъ нанесенъ былъ не его карьерѣ, не служебнымъ успѣхамъ, а завѣтнѣйшимъ убѣжденiямъ, глубоко коренившимся въ его умѣ и сердцѣ,—убѣжденiямъ, за которыя онъ уже не разъ боролся и выходилъ изъ борьбы побѣдителемъ.

Вся дѣятельность А. Л. Апухтина въ Привислинскомъ краѣ была цѣннымъ вкладомъ въ общую сокровищницу нашей государственности и такимъ достоянiемъ нашей исторiи, которое современемъ будетъ оцѣнено по заслугамъ.

Попечителя, какимъ былъ А. Л. Апухтинъ, никогда не было, да и не будетъ въ варшавскомъ учебномъ округѣ, такъ какъ дѣло, совершенное имъ, *неповторяемо*; какъ человѣкъ, онъ никогда не преслѣдовалъ ни личныхъ цѣлей, ни личныхъ враговъ: онъ былъ безгранично выше такихъ мелочей и исключительно имѣлъ всегда въ виду одно лишь дѣло.

Какая же могла быть причина, что происки и нападки привели къ желанной цѣли, что такой рыцарь безъ страха и упрека, какимъ

былъ А. Л. Апухтинъ на своемъ посту, вынужденъ былъ прекратить свою дѣятельность въ варшавскомъ учебномъ округѣ и удалиться на покой?

Отвѣтимъ словами самого же г. В. Р.:

„*Разладъ между различными вѣдомствами, который особенно усиливается, когда главная власть въ краѣ обнаруживаетъ признаки колебанія въ своихъ дѣйствіяхъ*“ [1]).

П.

---

[1]) „Русское Обозрѣніе“, январь 1897 г., стр. 325—327

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

II-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ. **НА 1904 ГОДЪ.** **II-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.**

на большую ежедневную, иллюстрированную, общественно-политическую, литературную и экономическую газету

„ЗНАМЯ"

Задачи «Знамени», какъ независимаго органа русской печати настолько опредѣлились въ первый же годъ его существованья, борьба, которую намъ пришлось вести, отстаивая русскіе интересы противъ натиска и травли еврейской и вообще враждебной Россіи печати, настолько популяризовали и русское «Знамя», и его задачи, что мы находимъ излишнимъ подтверждать ихъ вновь и можемъ прибавить одно лишь:

Съ такой же глубокой вѣрой въ значеніе выдвинутыхъ нами національныхъ и общественныхъ задачъ русской жизни, особенно въ наше смутное время, мы будемъ служить нашему общему дѣлу и въ наступающемъ году, такъ же безкорыстно о самоотверженно, цѣною собственной крови, готовы отстаивать его и впредь.

Руководясь этими задачами и не преслѣдуя никакихъ матерьяльныхъ цѣлей, «ЗНАМЯ» служитъ только своей родинѣ, а не отдѣльнымъ лицамъ; оно является знаменемъ для всѣхъ русскихъ людей вѣрующихъ въ девизъ, начертанный на немъ, а не газетой, приспособляющейся ко вкусамъ и требованьямъ подписчиковъ; оно призываетъ не безразличныхъ подписчиковъ, а убѣжденныхъ единомышленниковъ, готовыхъ отстаивать его задачи и общее русское дѣло.

Не завлекая читателей никакими рекламами «ЗНАМЯ», являясь однимъ изъ самыхъ крупныхъ органовъ ежедневной столичной печати, можетъ обѣщать одно лишь: постоянное улучшеніе изданія въ зависимости отъ роста его аудиторіи.

„ЗНАМЯ" выходитъ ежедневно.

Иллюстраціи къ севременнымъ событіямъ и портреты общественныхъ дѣятелей помѣщаются въ газетѣ постоянно..

Разъ въ недѣлю выходятъ на полулистахъ *литературныя приложенія съ беллетристическими произведеньями* современныхъ русскихъ и иностранныхъ писателей. Приложенія эти составляютъ къ концу года два ТОМА беллетристическихъ произведеній—романовъ, повѣстей и разсказовъ.

Подписная цѣна съ пересылкой и доставкой:

На годъ 10 руб., на полгода 6 руб., на три мѣсяца 3 руб.

Подписка на мѣсяцъ въ періодъ годовой подписки не принимается.

Допускается разсрочка исключительно для тѣхъ годовыхъ подписчиковъ, которые высылаютъ деньги или лично подписываются въ конторѣ газеты «ЗНАМЯ»:—при подпискѣ—5 руб. въ мартѣ—3 руб. въ маѣ—2 руб., или при подпискѣ—5 руб. и въ апрѣлѣ—5 руб.

Подписка принимается въ **главной конторѣ газеты „ЗНАМЯ", С.-Петербургъ, улица Гоголя (Малая Морская), уголъ Гороховой, домъ № 12—9, а также въ конторѣ газеты „Бессарабецъ".**

Иногородніе подписчики благоволятъ направлять подписную плату исключительно по слѣдующему адресу: Главная контора газеты „ЗНАМЯ", ул. Гоголя (Малая Морская) уголъ Гороховой, д. № 12—9.

Редакторъ-издатель **П. А. КРУШЕВАНЪ.**

Проповѣди: **I. Объ обязанностяхъ и отношеніяхъ пастыря и пасомыхъ** (11 поученій). **II. О храмѣ и его принадлежностяхъ** (34 проповѣди). **III. Поученія при совершеніи Таинствъ** (36 проповѣдей). **IV. Поученія при совершеніи церковныхъ обрядовъ** (16 проповѣдей). **V. Поученія во время общественныхъ бѣдствій** (15 проповѣдей). **VI. Поученія о смерти, при погребеніи лицъ всѣхъ положеній, возрастовъ и пр. и о поминовеніи** (40 поученій).

Изданный Редакціей «Миссіонерскаго Обозрѣнія» **Сборникъ** о. Бояковскаго дѣлаетъ вкладъ въ проповѣдническую литературу и является добрымъ спутникомъ приходскаго священника, облегчающимъ ему исполненіе долга учительства при всѣхъ случаяхъ его пастырской практики.

Цѣна **Сборнику** проповѣдей въ отдѣльной продажѣ **1** руб. **50** коп.

Въ качествѣ **безплатнаго приложенія** къ нашему журналу Редакція „Миссіонерскаго Обозрѣнія" въ 1904 году даетъ новую книгу подъ заглавіемъ: **«МИССІОНЕРСКІЙ ЩИТЪ ВѢРЫ», ВЪ ОГРАЖДЕНІЕ ОТЪ СЕКТАНТСКИХЪ ЗАБЛУЖДЕНІЙ**".

Книга эта по цѣли и содержанію представляетъ какъ-бы **продолженіе „Миссіонерскаго Спутника"**. Въ **„Мисс. Щитъ вѣры"** вошли **55 отдѣловъ**, заключающихъ въ себѣ апологію и полемику, касающуюся всѣхъ **основныхъ догматовъ вѣры и пререкаемыхъ** сектантами **вапросовъ**, причемъ въ каждый отдѣлъ входятъ по 4 главы: I. Изложеніе православнаго ученія. II. Основанія изъ Свящ. Писанія для православнаго ученія о данной истинѣ. III. Возраженія сектантовъ и отвѣты православнаго. IV. **Миссіонерская полемика**, заключающая въ себѣ: а) Сводъ текстовъ Свящ. Писанія, полностью приведенныхъ (въ первомъ столбцѣ), которыми сектанты оправдываютъ свое мудрованіе, б) истинный смыслъ (толкованіе) сихъ текстовъ (второй столбецъ) и в) сводъ текстовъ Свящ. Писанія, коими опровергается сектантское мудрованіе (третій столбецъ). Въ концѣ книги находится **миссіонерская краткая энциклопедія**.

Щитъ напечатанъ in folio большого формата, заключаетъ въ себѣ 55 одт. и 336+XVI стр. убористаго шрифта; въ отдѣльной продажѣ цѣна книгѣ **1 р. 50 к.**

Составленный на основаніи всѣхъ извѣстныхъ въ печати миссіонерскихъ полемическихъ пособій и руководствъ, „Щитъ" даетъ новое, вполнѣ надежное и достаточное вооруженіе въ борьбѣ съ сектантскими заблужденіями.

Въ каждой книжкѣ журнала помѣщаются статьи: 1) **передовыя или руководящія** по вопросамъ пастырской миссіи, школьнаго дѣла, церковно-общественной жизни; 2) **богословско-апологетическія, полемико-методическія** статьи; 3) **въ дневникахъ и запискахъ** мысли, наблюденія и сообщенія людей, близко стоящихъ къ практической и церковно-общественной жизни; 4) **миссіонерскія собесѣдованія**: 5) **лѣтопись печати** свѣтской и духовной и новыя книги; 6) **Хроника** заключаетъ въ себѣ сообщенія: I) о новыхъ явленіяхъ въ жизни инославныхъ церквей и иностранныхъ сектъ; II) о современномъ состояніи нашей миссіи и русскаго расколо-сектантства; III) корреспонденціи и извѣстія. Кромѣ сего, въ каждой книжкѣ журнала помѣщаются а) **Отклики іером. Михаила**, въ коихъ молодой ученый и талантливый писатель освѣщаетъ религіозные запросы современной интеллигенціи, отмѣчаетъ всякую новую попытку или интересное рѣшеніе вопросовъ религіи, христіанской морали и церковной жизни, — а вмѣстѣ отражаетъ и всякое покушеніе оклеветать истину Церкви и Духа, живущаго въ ней, и б) **Со скрижалей сердца**,—задушевная бесѣда редактора съ читателями по церковно-публицистическимъ вопросамъ, составляющимъ въ данный моментъ злобу дня въ жизни Церкви, народа, общества.

Въ виду разносторонности задачъ «Мис. Обозр.» и обилія цѣннаго матеріала, имѣющагося въ редакціонномъ портфелѣ, въ новомъ году редакція будетъ всячески стремиться **увеличить объемъ** книжекъ журнала.

Подписка принимается въ редакціи „Миссіонер. Обозрѣнія", Спб. Невскій пр., 153, кв. 10, въ Москвѣ въ Синодальной типографіи, а также въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ во всѣхъ городахъ. **Подписная цѣна 6 руб.** за границу **8 р.**

Для бѣдныхъ причтовъ и церквей допускается **разсрочка** въ платежѣ подписной цѣны съ тѣмъ, чтобы **первый** взносъ 3 р. сдѣланъ былъ при подпискѣ, а вторые 3 р. высланы были къ Св. Пасхѣ.

Редакторъ-издатель **В. М. Скворцовъ.**

